Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

Т. II

НАША ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ЧАСТЬ 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

СЕРИЯ I

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОДГОТОВЛЕНИЕ ОКТЯБРЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. ТРОЦКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ II

НАША ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Часть I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1925 ★ ЛЕНИНГРАД

1я ОБРАЗЦОВАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКВА - ПЯТНИЦКАЯ, 71
Главлит № 43350.
Гиз № 9421. Тир 20000

ОТ АВТОРА

Самое существенное о составе и характере настоящего тома сказано ниже в предисловии редактора этого тома т. Е. Кагановича. Мне остается только выразить ему здесь благодарность за проделанную им работу.

Л. Троцкий.

19 марта
1925 года.

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящая книга ни в коем случае не является историей революции 1905 г. или теоретическим анализом ее внутренних сил. Книга представляет собою сборник статей и документов, написанных в ходе борьбы и отражающих различные моменты нашей первой революции и деятельности тогдашних революционных организаций, в частности и особенности, Петербургского Совета Рабочих Депутатов.

Материалы, помещенные в настоящем томе, охватывают период от кануна Кровавого Воскресенья до начала 1907 г. Хронологический порядок расположения статей и речей не повсюду строго выдержан: исключения допущены в целях группировки материала по основным отделам книги, посвященным крупнейшим вехам революции 1905 года.

По поводу первого отдела книги — «Буржуазная «весна» и выступление пролетариата» — необходимо отметить, что входящая в этот отдел брошюра «До 9 января» писалась за границей на основании крайне недостаточных и не всегда проверенных данных, вследствие чего там несомненно имеются отдельные фактические неточности, не влияющие, впрочем, на общую оценку событий.

То же самое относится к входящей в состав второго отдела книги прокламации «Крестьяне, к вам наше слово», написанной по поводу 9 января. Она была написана автором немедленно по приезде из-за границы, при отсутствии сколько-нибудь полных и проверенных материалов: этим объясняется, например, такая фактическая ошибка, как упоминание об артиллерии, будто бы применявшейся на улицах Петербурга. Необходимо отметить также отношение Л. Д. Троцкого к священнику Гапону, как оно выразилось в прокламациях, входящих в подотдел 3, под заголовком «За союз рабочих и крестьян»: благожелательная

оценка Гапона объясняется моментом написания прокламаций — в ближайшие недели после 9 января. Насколько оценка Гапона была существенно изменена Л. Д. Троцким на основании позднейших событий и материалов, можно усмотреть из приложения к «До 9 января». Для освещения вопроса Редакция посвятила особое примечание (см. прим. 63) характеристике отношения В. И. Ленина к Гапону.

Что касается материалов, помещенных в остальных отделах, то Редакция считает нужным отметить, что в тех случаях, когда Л. Д. Троцкий развивал мысли, не совпадавшие с тогдашними официальными воззрениями большевистской фракции, сделаны соответственные оговорки в примечаниях, где приведены также соответствующие места из статей Ленина или постановлений большевистских съездов и конференций.

Примиренческие ноты, которые имеются в брошюре «Наша тактика в борьбе за учредительное собрание», входящей в состав III отдела книги, как и на некоторых других страницах, вытекали из тогдашней общей позиции Л. Д. Троцкого. Вопрос об этой ошибочной «примиренческой» позиции автора будет освещен в особом томе, посвященном внутрипартийным вопросам. Нужно, однако, отметить, что в течение 1905 г. «примиренческие» тенденции охватили обе фракции тогдашней социал-демократии и привели к объединительному съезду 1906 года. Последовавший затем период реакции обнаружил противоестественность этого объединения и превратил две фракции в две партии.

В заключение Редакция считает необходимым отметить, что авторство некоторых материалов, включенных в этот том, не удалось установить с абсолютной несомненностью. Это относится к листовке «Новые царские милости», которая по общему своему характеру и стилю принадлежит, как будто бы, перу Л. Д. Троцкого. Однако, сам т. Троцкий, считая свое авторство весьма вероятным, не решается высказаться вполне категорически. Так же примерно обстоит дело с воззванием Федеративного Совета и резолюцией о мерах предотвращения погрома, принятой на одном из заседаний Петербургского Совета.

Подготовка к печати настоящего тома была связана с большими трудностями. Прежде всего была произведена большая работа по розысканию материалов, вошедших в настоящий том, — в частности, в обширном архиве Л. Д. Троцкого. Подлежит, конечно, большому сомнению, насколько эта работа выполнена

до конца, т.-е. насколько действительно включены в настоящий том все относящиеся к этому периоду материалы. Так, несмотря на все предпринятые меры, не удалось разыскать: 1) выпущенную в Петербурге прокламацию, заключавшую в себе полемику с «Сыном Отечества» (отношение к войне); 2) полемику с «Новостями» (отношение к революции); 3) тезисы о вооруженном восстании и временном революционном правительстве (изд. ЦК); 4) циркулярное письмо, подвергавшее критике тактику меньшевистской группы в деле проведения первого мая (изд. ЦК). Вторая большая трудность заключалась в установлении авторства некоторых резолюций, принимавшихся на заседаниях Петербургского Совета, и многочисленных прокламаций, вышедших в издании Петербургской Группы и ЦК РСДРП. Для этой цели пришлось просмотреть груду материалов: периодических изданий, воспоминаний и т. д.

Что касается примечаний, то в некоторых случаях необходимые справки не могли быть даны, за полным отсутствием соответствующих материалов. Особенно это касается некоторых отдельных лиц, не оставивших никакого следа в истории либерализма или революции в России.

Материал, включенный в приложения, отличается значительным разнообразием. Назначение этих приложений — восстановить в памяти читателя забытые документы или впервые ознакомить его с некоторыми эпизодами нашей первой революции.

Редакция считает своим долгом выразить товарищескую благодарность за большую и кропотливую работу над этим томом т.т. Любимову, Зурабову, Ошеру и Майзлину.

Редакция.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

IV. Вокруг процесса Советов

I

Буржуазная „весна“ и выступление пролетариата

1. ДО ДЕВЯТОГО ЯНВАРЯ [1])

ВОЙНА [2]) И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Оглянемся на последний трехмесячный период.

Именитые земцы [3]) съезжаются в Петербург, устраивают не то тайное, не то явное совещание и вырабатывают конституционные требования. Интеллигенция устраивает ряд политических банкетов. Члены окружных судов сидят вперемежку с возвращенными ссыльными, интеллигенты с красными гвоздиками в петлице чередуются с действительными статскими советниками, профессора государственного права восседают бок-о-бок с поднадзорными рабочими.

Купцы московской думы [4]) выражают свою солидарность с конституционной программой земского съезда [5]), московские биржевики — с думскими купцами.

Присяжные поверенные устраивают уличную демонстрацию, политические ссыльные ведут в газетах агитацию против ссылки, поднадзорные — против шпионов; морской офицер открывает публицистический поход против всего морского ведомства, и когда его сажают в тюрьму, легальное общество собирает ему на кортик.

Невероятное становится действительным, невозможное — вероятным.

Легальная пресса дает отчеты о банкетах, печатает резолюции, сообщает о демонстрациях, упоминает мимоходом даже про «известную русскую поговорку» *), бранит генералов и министров, — преимущественно, впрочем, покойных или отставных.

---

*) Так в легальной печати обозначался тогда возглас «долой самодержавие!».

Журналисты мечутся, вспоминают прошлое, вздыхают, надеются, предостерегают друг друга от лишних надежд, не знают, как быть, пытаются отделаться от рабьего языка, не находят слов, натыкаются на предостережения, искренно стремятся быть радикальными, хотят к чему-то призвать, но не знают — к чему, говорят много едких слов, но наскоро, ибо неуверены в завтрашнем дне, скрывают за острыми фразами чувство неуверенности; все растеряны, и каждый хочет заставить остальных думать, что растеряны все, кроме него одного...

Теперь эта волна идет на убыль...— разумеется, для того только, чтобы сейчас же дать место другой, более высокой волне.

Воспользуемся этим моментом, чтоб учесть сделанное и сказанное за последний период — и сделать вывод: что же дальше?

Теперешнее положение в ближайшем счете создано войной. Она страшно форсирует естественный процесс разрушения самодержавия, клещами вытаскивает на площадь политической жизни ленивые общественные группы и, что есть мочи, гонит вперед формирование политических партий...

Чтобы не утратить всех перспектив, нам нужно отойти несколько от периода «весенней» смуты — назад, к началу войны, и хоть бегло обозреть политику разных партий за это вдвойне военное время.

Война дана была обществу, как факт, — оставалось его использовать.

Партия царистской реакции делала в этом направлении все, что могла. Пользуясь тем благоприятным обстоятельством, что абсолютизм, вконец скомпрометированный, как представитель интересов культурного развития нации, нашел в войне возможность проявить себя с той стороны, с которой он казался наиболее сильным и себе и другим, реакционная печать взяла наступательный тон и поставила на очередь дня лозунги, в которых самодержавие, нация, армия, Россия, — все объединялось общим интересом немедленной победы.

«Ни в чем, — повторяло и повторяет «Новое Время» [6]), — так не сознает своего единства нация, как в своей армии. Армия в своих руках держит международную честь нации. Поражение армии есть поражение нации».

Задача реакции была, таким образом, ясна: превратить войну в национальное предприятие, объединить «общество» и «народ» вокруг самодержавия, как охранителя могущества и чести

России, создать вокруг царизма атмосферу преданности и патриотического энтузиазма. И реакция, как могла и как умела, преследовала эту цель. Она стремилась возжечь чувства патриотического негодования и нравственного возмущения, нещадно эксплоатируя так называемое вероломное нападение японцев на наш флот. Она изображала врага коварным, трусливым, жадным, ничтожным, бесчеловечным. Она играла на том, что враг — желтолицый, что он — язычник. Она стремилась, таким образом, вызвать прилив патриотической гордости и брезгливой ненависти к врагу.

События не оправдывали ее предсказаний. Злосчастный тихоокеанский флот терпел урон за уроном [7]). Реакционная печать оправдывала неудачи, объясняя их случайными причинами, и обещала реванш на суше. Начался ряд сухопутных сражений [8]), ряд чудовищных потерь, ряд отступлений непобедимого Куропаткина [9]), героя стольких карикатур европейской печати. Реакционная печать делала попытки самыми фактами поражений ущемить народную гордость и пробудить жажду кровавого отмщения.

В первый период войны реакция организовывала патриотические манифестации студенчества и городской сволочи и покрывала всю страну лубочными картинами, на которых преимущества русской армии над японской изображались самыми яркими красками, какие только имелись в распоряжении патриотических живописцев.

Именем патриотизма и человеколюбия реакция призывала к поддержке правительственного Красного Креста, когда число раненых стало возрастать; именем патриотизма и государственных интересов она привлекала общество к пожертвованиям на флот, когда перевес японского флота над нашим стал очевидностью.

Словом, реакция делала все, что могла и умела, чтоб использовать войну в интересах царизма, т.-е. в своих собственных.

Как же в это критическое время действовала официальная оппозиция, та, в руках которой органы самоуправления —земства и думы — и либеральная печать?

Скажем сразу: позорно.

Земства не только покорно несли те связанные с войной труды и расходы, которые возложены на них законом, нет, они еще сверх того добровольно пришли на помощь самодержавию своей организацией помощи раненым.

Это преступление, которое тянется до сегодняшнего дня, — преступление, против которого никто в либеральной среде не возвысил протестующего голоса.

«Если патриотическое чувство призывает вас принять деятельное участие в бедствиях войны, идите кормить и греть зябнущих, лечить больных и раненых»... учил г. Струве [10]), принося в жертву не «патриотическому чувству», а патриотическому лицемерию последние остатки оппозиционного смысла и политического достоинства. Разве не ясно, что в тот момент, когда реакция создавала кровавый мираж общенародного дела, всякая честная оппозиционная партия должна была отшатнуться от этого позорного дела, как от чумной заразы!

В тот момент, когда правительственный Красный Крест, приютивший в своих рядах всех где-либо проворовавшихся чиновников, чахнет от недостатка средств, когда правительство мечется в тисках финансовой нужды, является земство и, пользуясь своим оппозиционным авторитетом и народными деньгами, берет на себя добрую долю издержек по военной авантюре. Оно помогает раненым?.— да, помогает раненым, но оно снимает, таким образом, часть финансового бремени с правительства и облегчает ему дальнейшее ведение войны и, значит, дальнейшую фабрикацию раненых.

Но этим соображением еще не охвачен вопрос. Ведь задача состоит в том, чтоб раз навсегда опрокинуть тот порядок, при котором бессмысленная резня и калечение десятков тысяч людей зависит от политического азарта чиновной банды. Война обострила эту задачу, представив царизм во всем безобразии его внутренней и внешней политики — бессмысленной, хищной, неуклюжей, расточительной и кровавой.

Реакция стремилась — и с точки зрения ее интересов вполне целесообразно — втянуть и материально и морально весь народ в водоворот военной авантюры. Там, где вчера еще были борющиеся группы и классы, реакция и либерализм, власть и народ, правительство и оппозиция, стачки и репрессии,—там должно было, по замыслу реакции, сразу установиться царство национально-патриотического единения.

Тем резче и энергичнее, тем смелее и беспощаднее должна была оппозиция вскрыть пропасть между царизмом и нацией, тем решительнее она должна была попытаться столкнуть в эту пропасть истинного национального врага, царизм. Вместо того

либеральные земства с затаенной «оппозиционной» мыслью (захватить в свои руки часть военного хозяйства и поставить правительство в зависимость от себя!) впрягают себя в дребезжащую военную колесницу, подбирают трупы, затирают кровавые следы.

Пожертвованиями на санитарную организацию дело, однако, не ограничивается. Сейчас же по объявлении войны земства и думы, вечно жалующиеся на недостаток средств, вдруг с каким-то нелепым размахом жертвуют деньги на нужды войны, на усиление флота, а харьковское земство вырывает из своего бюджета целый миллион и отдает его в непосредственное распоряжение царя.

Но и это еще не все! Земцы и думцы не ограничились только тем, что приобщились к черной работе в позорной бойне, взяв на себя, т.-е. от своего имени взвалив на народ, часть ее расходов. Они не удовольствовались молчаливым политическим попустительством и молчаливой порукой за царизм, — нет, они во всеуслышание объявили свою моральную солидарность с виновниками величайшего из злодеяний. В целом ряде верноподданнических адресов земства и думы друг за другом, все без изъятия, припадали к стопам «державного вождя», который только что растоптал тверское земство [11]) и готовился растоптать несколько других, выражали свое негодование коварному врагу, молитвенно клялись в преданности престолу и обязывались пожертвовать жизнью и имуществом — они знали, что им не придется этого делать! — за честь и могущество Царя и России. За земствами и думами шли позорной вереницей профессорские корпорации. Одна за другой они откликались на объявление войны верноподданническими адресами, в которых семинарская витиеватость формы гармонировала с политическим идиотизмом содержания. Ряд этих холопских произведений увенчался патриотическим подлогом Совета Бестужевских курсов, который расписался в патриотизме не только за себя, но и за неопрошенных слушательниц.

Чтобы покончить с этой безобразной картиной трусости, холопства, лжи, мелкой дипломатии и цинизма, достаточно будет, в виде последнего удара кисти, привести тот факт, что в депутации, подносившей Николаю II [12]) в Зимнем Дворце верноподданнический адрес петербургского земства [13]), фигурировали некоторым образом «светочи» либерализма, гг. Стасюлевич [14]) и Арсеньев [15]).

Останавливаться ли на всех этих фактах? Комментировать ли их? Нет, такие факты достаточно назвать и установить, чтоб они уж горели краской пощечины на политической физиономии либеральной оппозиции.

А либеральная печать? Эта жалкая, шамкающая, пресмыкающаяся, лживая, извивающаяся, развращенная и развращающая либеральная печать!.. С затаенным рабьим желанием царского разгрома в душе, с лозунгами национальной гордости на языке она бросилась — вся без изъятия — в грязный поток шовинизма, стараясь не отставать от печати реакционных громил. «Русское Слово» [16]) и «Русские Ведомости» [17]), «Одесские Новости» [18]) и «Русское Богатство» [19]), «Петербургские Ведомости» и «Курьер», «Русь» [20]) и «Киевский Отклик» — все показали себя достойными друг друга. Либеральная левая на перебой с либеральной правой говорила о вероломстве «нашего врага», о его бессилии и нашей силе, о миролюбии «нашего Монарха», о неизбежности «нашей победы», о довершении «наших задач» на Дальнем Востоке, — не веря собственным словам, с затаенным рабьим желанием царского разгрома в душе.

Уже в октябре месяце, когда тон прессы успел резко измениться, г. И. Петрункевич [21]), краса и гордость земского либерализма, пугало реакционной прессы, заверял читателей «Права» [22]), что «каково бы ни было мнение о настоящей войне, но каждый русский знает, что раз она начата, она не может быть закончена в ущерб государственным и народным интересам нашей страны... Мы не можем теперь предложить Японии мира и вынуждены продолжать войну до тех пор, пока Япония не согласится положить в основу его условия, приемлемые нами и с точки зрения нашего национального достоинства, и с точки зрения материальных интересов России» *).

«Лучшие» и «достойнейшие», — все одинаково запятнали себя.

«...Всколыхнувшаяся на первых порах волна шовинизма, — объясняют теперь этот факт «Наши Дни» [23]), — не только не встретила на пути своем каких-либо препятствий, но увлекла даже многих передовых деятелей, рассчитывавших, повидимому, что течением своим волна эта приблизит их к желанному берегу».

Это не оплошность, не случайная ошибка, не недоразумение.

*) См. «Право», № 41.

Тут тактика, тут план, тут вся душа нашей привилегированной оппозиции. Компромисс вместо борьбы. Сближение во что бы то ни стало. Отсюда — стремление облегчить абсолютизму душевную драму этого сближения. Сорганизоваться не на деле борьбы с царизмом, а на деле услужения ему. Не победить правительство, а завлечь его. Заслужить его признательность и доверие, стать для него необходимым, наконец, подкупить его на народные деньги. Тактика, которой столько же лет, сколько русскому либерализму, и которая не сделалась ни умнее, ни достойнее с годами!

Русский народ не забудет, что в трудную минуту либералы сделали лишь одно: попытку купить для себя у народного врага доверие на народные деньги.

С самого начала войны либеральная оппозиция сделала все, чтоб погубить положение. Но революционная логика событий не знала остановки. Порт-Артурский флот разбит[24]), адмирал Макаров[25]) погиб, война перебросилась на сушу, — Ялу, Кин-Чжоу, Дашичао, Вафангоу, Ляоян, Шахэ[26]) — все это разные имена одного и того же самодержавного позора. Японская армия разбивала русский абсолютизм не только на водах и полях Восточной Азии, но и на европейской бирже и в Петербурге.

Положение царского правительства становилось трудным, как никогда. Деморализация в правительственных рядах делала невозможной последовательность и твердость во внутренней политике. Колебания, попытки соглашения и умиротворения становились неизбежны. Смерть Плеве[27]) создавала благоприятный повод для перемены курса.

Место Плеве занял князь Святополк-Мирский[28]). Он поставил своей задачей примирение с либеральной оппозицией и начал умиротворение с того, что выразил доверие населению России. Это было глупо и нагло. Разве дело в том, чтоб министр доверял населению? Не наоборот ли? Не министр ли должен зависеть от доверия населения?

Оппозиция должна была заставить князя Святополка понять это простое обстоятельство. Вместо этого она начала фабриковать адреса, телеграммы и статьи признательности и восторга. От имени полутораста-миллионного населения она благодарила самодержавие, которое заявило, что оно «доверяет» недоверяющему ему народу.

По либеральной прессе пробегает волна надежды, ожидания и благодарности. «Русские Ведомости» и «Русь» совместными усилиями стремятся отбить князя [29]) у «Гражданина» [30]) и «Московских Ведомостей» [31]), уездные земства благодарят и надеются, города надеются и благодарят, а в настоящее время, уже после того, как политика доверия завершила весь круг своего развития, губернские земства одно за другим шлют министру запоздалые голоса своего ответного доверия... Таким путем оппозиция поддерживает внутреннюю сумятицу и превращает глупый политический анекдот в длительное политическое состояние мятущейся страны.

И еще раз приходится сделать вывод. Оппозиция, котора не нашлась в столь благоприятном положении, когда в ней нуждались и пред ней заискивали, оппозиция, которая на один лишь звук правительственного доверия ответила доверием с своей стороны, лишила себя самое права на какое бы то ни было доверие со стороны народа.

Вместе с тем она лишила себя права на уважение со стороны врага. Правительство, в лице Святополка, обещало земцам дать возможность съехаться легально, — и не дало. Земцы не протестовали и съехались нелегально. Они приняли все меры, чтоб сделать свой съезд тайным для народа. Другими словами, они сделали все, чтоб лишить свой съезд политического значения.

На своем совещании 7—9 ноября [32]) земцы — председатели губернских управ и вообще видные деятели самоуправления — формулировали свои требования. Земская оппозиция, в лице своих наиболее видных, хотя формально и не уполномоченных представителей, впервые предъявила народу свою программу.

У сознательных элементов народа есть все основания отнестись к этой программе с полным вниманием. Чего требуют земцы? Чего — для себя? Чего — для народа?

ЧЕГО ТРЕБУЮТ ЗЕМЦЫ?

I. Избирательное право

Земцы хотят конституции. Они требуют, чтоб в законодательстве участвовал народ через своих представителей. Хотят ли они демократической конституции? Требуют ли они, чтобы весь народ на равных правах участвовал в законодательстве? Другими

словами: стоят ли земцы за всеобщее, равное и прямое избирательное право с тайной подачей голосов, обеспечивающей независимость голосования?

Всеобщее избирательное право не исчерпывает демократической программы, и признание его еще не делает демократом — как потому, что, при известных условиях, за это требование может ухватиться и реакционная демагогия, так и потому, что для революционной демократии всеобщее избирательное право является не одним из требований, но составной частью целостной программы. Зато обратное утверждение: без всеобщего избирательного права нет демократии — безусловно верно.

Посмотрим же, как земский съезд отнесся к этому кардинальному демократическому требованию. Перечитываем пункт за пунктом все резолюции съезда — и нигде не находим упоминания о всеобщем избирательном праве. Это решает для нас вопрос. Мы заключаем: программа земцев не говорит о всеобщем избирательном праве, значит, земская оппозиция не хочет всеобщего избирательного права.

Политическое недоверие есть наше право, а вся прошлая история либеральной оппозиции превращает это право в нашу обязанность!

Земские либералы заинтересованы в своем влиянии, в своей политической репутации. Они заинтересованы в том, чтобы обезопасить себя от критики и разоблачений социал-демократии. Они знают, что социал-демократия выдвинула требование всеобщего избирательного права и что она зорко и недоверчиво следит за тем, как относятся к этому требованию все другие оппозиционные партии.

Вот почему земские либералы, еслиб они стояли за всеобщее избирательное право, должны были бы в собственных политических интересах жирным шрифтом напечатать его в своей программе. Они этого не сделали. Значит, они не хотят всеобщего избирательного права.

Один из участников съезда черниговский «радикал» г. Хижняков [33]), гласный черниговского земства, доказывал на собрании киевского литературно-артистического общества [34]), что резолюции земского съезда не противоречат требованию всеобщего избирательного права. Г. Хижняков рассуждал схоластически. Он забывал или не знал, что кроме формальной логики есть еще логика политическая, для которой умолчание иногда равно-

сильно отрицанию. И это лучше всего подтвердил вскоре сам г. Хижняков, когда подписал резолюцию черниговского земства, требующую созыва не представителей народа, а представителей земств и дум. Дальше этого не шел в своих стремлениях и съезд. Неопределенностью формулировки он лишь прикрывал умеренность и узость своих требований.

Впрочем в резолюциях съезда есть пункт, который дает повод утверждать, что земцы не только не отвергли всеобщего избирательного права, но и положительно высказались за него. 7 пункт говорит: «Личные гражданские и политические права всех граждан России должны быть равны».

Политические права — ведь это права на участие в политической жизни страны, т.-е. прежде всего избирательные права. Земский съезд решил, что эти права должны быть равны.

Не прав ли в таком случае другой «радикал», Водовозов [35]), который на упомянутом уже собрании литературно-артистического общества следующим образом возразил социал-демократу, обвинявшему земцев за их умолчание о всеобщем голосовании: «Я безусловно протестую против речи недовольного оратора. Пункт седьмой говорит о равенстве личных общественных и политических прав. Если бы вы были более знакомы с государственной наукой, — говорил г. Водовозов, — вы увидели бы, что формула эта разумеет всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право»!

Г. Водовозов, бесспорно, очень близко знаком с государственной наукой. Но он делает из своих знаний крайне дурное употребление: он вводит своих слушателей в обман.

Бесспорно, равенство политических прав, если брать его всерьез, означает, что избирательные права граждан должны быть равны. Но столь же бесспорно, что пункт 7 ограничивает это равенство только гражданами, не распространяя его на гражданок. Или же г. Водовозов скажет, что земцы имеют в виду и женщин? Нет, он этого не скажет. Таким образом, пункт 7 не означает всеобщего избирательного права.

Но он не означает также прямого избирательного права. Избирательные права граждан могут быть равны, но конституция может предоставить им выбирать выборщиков второй степени, с тем, чтобы те выбирали, в свою очередь, выборщиков третьей степени, а уж эти последние — «народных представителей». Эта система убийственна для народа, потому что господствующим

классам легче повлиять на небольшой круг отцеженных выборщиков, чем на народные массы *).

Далее, равенство избирательных прав само по себе ровно ничего не говорит о тайном голосовании. А между тем эта техническая сторона дела имеет громадное значение для всех зависимых, подначальных, экономически-угнетенных слоев народа. И особенно в России с ее вековыми навыками произвола и рабства. При наших варварских традициях система открытого голосования может надолго свести к нулю значение всеобщего избирательного права!

Мы сказали, что из пункта 7 логически вытекает лишь равное избирательное право для мужчин. Но земцы поторопились показать, что, наперекор указаниям государственной науки г. Водовозова, они не связывают себя даже и этим обязательством. Равенство политических прав относится, конечно, не только к будущему парламенту, но и к земствам и думам. А между тем п. 9 требует лишь, «чтобы земское представительство было организовано не на сословных началах и чтобы к участию в земском и городском самоуправлении были привлечены по возможности (sic!) все наличные силы местного населения». Таким образом, равенство политических прав будет применяться только «по возможности». Определенно земцы высказываются лишь против сословного ценза, но они допускают полную «возможность» ценза имущественного. И уж во всяком случае нет никакого сомнения в том, что за чертой политического равноправия окажутся все, кто не отвечает тому или иному цензу оседлости, а этот ценз по всему характеру своему направлен против пролетариата.

Итак, вопреки заверениям «демократов» из оппортунизма и «демократов» из политического лицемерия, п. 7 не означает на деле ни всеобщего, ни прямого, ни равного, ни тайного права голоса. Другими словами, он ничего не означает. Это политический фальшфейер, который должен обмануть простаков и послужить орудием обмана в руках оппортунистических развратителей политического сознания.

Но если бы даже равенство политических прав было так богато значением, как хочет думать государственная наука

---

*) Недаром говорят, что г. Витте [36]), ожидающий своей «очереди», подготовляет проект конституции с двухстепенными выборами.

г. Водовозова, оставалось бы еще спросить: вкладывали ли сами земцы в эти слова то содержание, которое вкладывает «наука»? Конечно, нет. Если бы у них действительно была демократическая мысль, они бы сумели ее выразить в ясной политической форме. Недаром же, надеемся, один из секретарей земского съезда, тамбовский радикал Брюхатов [37]), комментирует в демократической «Нашей Жизни» [38]) 7 пункт в том смысле, что «народ получит всю полноту прав гражданских и необходимых (sic!) политических» *). Кто компетентен делить политические права на необходимые и не необходимые, об этом радикальный земец и демократическая газета хранят сосредоточенное молчание...

Тот, кто действительно выдвигает демократические требования, всегда рассчитывает на массу и к ней апеллирует.

А масса не знает дедукций и софизмов государственного права. Она требует, чтобы с ней говорили ясно, чтобы вещи называли своими именами, чтобы ее интересы ограждались точно формулированными гарантиями, а не оставлялись на усмотрение услужливых истолкователей.

И мы считаем своей политической обязанностью развивать в массе недоверие к тому, ставшему второй природой нашего либерализма, эзоповскому языку, за которым укрывается не только политическая «неблагонадежность», но и политическая недобросовестность!..

II. Самодержавие царя или самодержавие народа?

Каков же будет тот государственный строй, участие в котором народа либеральная оппозиция считает нужным лишь «по возможности»? Земские резолюции не только не говорят о республике — одно лишь сопоставление земской оппозиции с требованием республики дико звучит для уха! — они не только не говорят об уничтожении или ограничении самодержавия, они не произносят в своем манифесте даже слова «конституция».

Правда, они говорят о «правильном участии народного представительства в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации»,— следовательно,

*) «Наша Жизнь», № 2.

они имеют в виду конституцию. Они только избегают ее имени. Стоит ли в таком случае над этим останавливаться?

Мы думаем, что стоит. Европейская либеральная пресса, которая одинаково ненавидит русскую революцию и симпатизирует русскому земскому либерализму, с восторгом останавливается пред этим полным такта умолчанием земской декларации: либералы сумели выразить, чего они хотят, избегнув в то же время слов, которые могли бы создать для Святополка невозможность принятия земских решений.

В этом — совершенно верное объяснение, почему земская программа молчит не только о республике, которой земцы не хотят, но и о «конституции», которой они хотят. Формулируя свои требования, земцы имели в виду исключительно правительство, с которым они должны вступить в соглашение, а не народную массу, к которой они могли бы апеллировать.

Они вырабатывали пункты торгово-политического компромисса, а не директивы политической агитации.

Они ни на минуту не сходили со своей антиреволюционной позиции, — и это ясно выступает не только из того, что они говорят, но и из того, о чем они умалчивают.

В то время как реакционная печать твердит изо дня в день о преданности народа самодержавию и — в лице «Московских Ведомостей» — неустанно повторяет, что «истинный» русский народ не только не требует конституции, но даже и не знает этого заморского слова, земские либералы не осмеливаются произнести это слово, чтоб довести его до сведения народа. За этим страхом перед словом скрывается страх перед делом: борьбой, массой, революцией.

Повторяем. Кто хочет, чтоб его поняла масса, чтоб она была с ним, тот должен прежде всего свои требования выражать ясно и точно, всему давать надлежащее имя, конституцию называть конституцией, республику — республикой, всеобщее избирательное право — всеобщим избирательным правом.

Русский либерализм вообще и земский в частности никогда не порывал и теперь не порывает с монархией.

Наоборот, он стремится доказать, что именно в нем, либерализме, единственное спасение монархии.

«Жизненные интересы Престола и народа,— пишет в «Праве» кн. С. Трубецкой [39]),—требуют, чтобы бюрократическая организация не узурпировала полновластия, чтобы она перестала быть

фактически бесконтрольной и безответственной... А это, в свою очередь, возможно лишь при помощи организации, стоящей вне бюрократии, при помощи действительного приближения народа к Престолу — живому средоточию власти»[40]... *).

Земский съезд не только не отрекся от монархического принципа, но положил в основу всех своих резолюций формулированную кн. Трубецким «идею» престола, как «живого средоточия власти».

Народное представительство выдвигается съездом не как единственное средство взять народу свои дела в свои собственные руки, но как средство объединить Верховную Власть с населением, в настоящее время разобщенные друг от друга бюрократическим строем (пп. 3, 4 и 10). Не самодержавие народа противопоставляется самодержавию царя, а народное представительство— царской бюрократии. «Живым средоточием власти» является не народ, а престол.

III. За кем учредительная власть?

Эта жалкая точка зрения, стремящаяся примирить царское самодержавие с народным верховенством, выразилась в совершенно предательском ответе на вопрос: кто и как осуществит то государственное преобразование, которое с такой зловещей для народа неопределенностью охарактеризовано в резолюциях земского съезда?

В последнем 11 пункте своих решений Совещание (так называет себя земский съезд) выражает «надежду, что Верховная Власть призовет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа». На такой путь оппозиция хочет поставить дело государственного обновления России. Верховная власть должна призвать себе в помощь представителей народа. Резолюция и здесь, в этом решающем пункте, не говорит, какого народа. А между тем мы еще не забыли, что в «Программе русских конституционалистов»[41]), которую «Освобождение»[42]) объявило своей программой **), в роли таких представителей народа фигурируют

*) «Право», № 44.

**) «Освобождение», № 1.

депутаты от земств и дум, «по существу своему представляющих нижний этаж будущего конституционного здания»... «По необходимости,— говорит «Программа»,— приходится следовать историческим прецедентам и отдать эту подготовительную работу в руки представителей существующих учреждений общественного самоуправления... Такой путь вернее и лучше, чем тот «скачок в неизвестное», который представляла бы всякая попытка выборов ad hoc для данного случая, под неизбежным в таких случаях правительственным давлением и при трудно-определимом настроении непривычных к политической жизни общественных слоев». («Освобождение», № 1.)

Но допустим далее, что представители этого квалифицированного «народа» собрались, — и начинается конституционное учредительство. Кому принадлежит решающий голос в этой работе: Престолу, «живому средоточию власти», или народным представителям? Этот вопрос решает все.

Резолюция Совещания говорит, что выводить наше отечество на новый путь будет Верховная Власть при содействии призванных ею представителей народа. Таким образом, учредительную власть земское Совещание вручает не кому иному, как короне. Самая идея Всенародного Учредительного Собрания [43]), как верховной инстанции, здесь совершенно устранена. В установлении «начал права» корона пользуется «содействием» народных представителей,— если же она вступает с ними в конфликт, она обходится без их содействия, она их отсылает через те же ворота, через которые она их призвала.

Именно такую, а не иную организацию учредительной власти, именно этот, а не какой-либо другой путь учредительных работ указывает резолюция земского Совещания. На этот счет не нужно себе создавать какие бы то ни было иллюзии. А ведь такое решение вопроса заранее ставит всю судьбу русской конституции в зависимость от усмотрения короны!

В период учредительных работ, как и во всякий другой период, может быть только одна «Верховная Власть», — она может принадлежать либо короне, либо Собранию. Либо корона, работающая при содействии Собрания, либо Собрание, работающее при противодействии короны. Либо суверенитет народа, либо суверенитет монарха.

Можно, разумеется, попытаться истолковать одиннадцатый пункт резолюции земского Совещания в том смысле, что корона и собрание представителей, как две независимые друг от друга

и потому равноправные силы, вступают в конституционное соглашение. Это будет наиболее благоприятное для земских резолюций допущение. Но что тогда окажется? Корона и собрание независимы друг от друга. Каждая из сторон вправе ответить «да» или «нет» на предложения другой стороны. Но это значит, что две вступающие в переговоры стороны могут не притти ни к какому соглашению.

Кому же будет принадлежать в таком случае решающий голос? Где взять третейского судью? Предположение двух равноправных сторон привело нас к абсурду: нам понадобился на случай конфликта между короной и народом — а такой конфликт неизбежен — третейский судья. Но жизнь никогда не останавливается в затруднении пред юридическим тупиком. Она всегда находит выход.

Таким выходом и явится, в конце концов, революционное провозглашение народного верховенства. Только народ может явиться третейским судьей в своей собственной тяжбе с короной. Только Всенародное Учредительное Собрание, не только независимое от короны, но и обладающее всей полнотой власти, держащее в своих руках ключи и отмычки всех прав и привилегий, имеющее право безапелляционного решения по всем вопросам, не исключая из их круга и судеб русской монархии, только такое суверенное Учредительное Собрание сможет беспрепятственно творить новое демократическое право.

Вот почему честная и последовательная демократия должна неустанно и непримиримо апеллировать — не только через преступную голову монархии, но и через ограниченные головы призванных ею «для содействия» представителей квалифицированного народа — должна неустанно и непримиримо апеллировать к самодержавной воле народа, выраженной в Учредительном Собрании путем всенародного, равного для всех, прямого и тайного голосования.

Нужно ли напоминать, что земская программа ни единым словом не касается аграрного и рабочего вопросов? Она это делает так просто, как будто в России этих вопросов совершенно не существует...

Резолюции земского Совещания 7, 8 и 9 декабря — высшее, что дал земский либерализм. В последовавших затем губернских земских собраниях он делает несколько шагов назад от ноябрьских решений.

Только вятское губернское земство подписывает программу земского Совещания целиком.

Ярославское губернское земство «твердо верит», что Николаю «угодно будет призвать выборных представителей к общей работе» — в целях «сближения Царя с его народом» — на началах «большей» (!) равноправности и личной неприкосновенности». «Бо̀льшая» (чем ныне) равноправность царского народа вовсе не исключает, разумеется, ни политического, ни даже гражданского неравноправия.

Полтавское земство повторяет в своем адресе десятый пункт резолюции, трактующий о «правильном участии народных представителей в осуществлении законодательной власти», но ни словом не упоминает о «политическом равноправии» и вообще ничего не говорит о формах «народного представительства».

Черниговское земство «всеподданнейше просит Его Величество услышать искреннее и правдивое слово русской земли, для чего призвать свободно избранных представителей земства и повелеть им (!) независимо и самостоятельно начертать проект реформ... и проект этот дозволить (!) непосредственно представить Его Величеству». Здесь «представители земства» ясно и открыто названы, как представители «русской земли». Черниговское земство просит о том, чтоб этим представителям был дан только совещательный голос, только право начертать и представить проект реформ. И еще черниговское земство «всеподданнейше просит», чтоб представителям русской земли повелено было быть независимыми и самостоятельными!

Бессарабское земство просит министра внутренних дел о созыве «представителей губернских земств и важнейших городов Империи для совместного обсуждения» предполагаемых реформ.

Казанское губернское земство «глубоко верует, что при изыскании способов проведения в жизнь Самодержавной Воли не будут лишены голоса свободно выбранные для той цели представители земства».

Пензенское земство повергает «верноподданническую беспредельную благодарность» за реформы, предначертанные в царском указе, и, с своей стороны, обещает «ревностное служение... в обширной сфере местного благоустройства».

Петербургское земство, по инициативе г. Арсеньева, подписавшего, в числе прочих, резолюции земского Совещания, предполагает возбудить ходатайство о том, чтобы «предста-

вители земских и городских учреждений были допущены к участию в обсуждении правительственных мероприятий и законопроектов».

Костромское земство ходатайствует о том, чтоб проекты, касающиеся земской жизни, подвергались предварительно обсуждению земцев.

Другие земства ограничились верноподданническим благодарственным восторгом по поводу царского указа или просьбой по адресу князя Святополка — «сохранить в душе драгоценный обет доверия».

На этом пока закончилась оппозиционная земская кампания.

«ДЕМОКРАТИЯ»

Мы коснулись поведения реакции и остановились внимательнее на поведении буржуазно-дворянской оппозиции. Теперь нужно спросить: где была демократия?

Мы имеем в виду не народные массы, не *крестьянство* и мещанство, которые — особенно первое — *представляют громадный резервуар потенциальной революционной энергии*, но пока еще слишком мало принимают сознательное участие в политической жизни страны, — мы говорим о тех широких кругах интеллигенции, которая видит свое призвание в формулировании и представительстве политических запросов страны. Мы имеем в виду представителей либеральных профессий, врачей, адвокатов, профессоров, журналистов, третий элемент земств и дум, статистиков, врачей, агрономов, учителей и пр., и пр.

Что делала интеллигентная демократия?

Если оставить в стороне революционное студенчество, которое честно протестовало против войны и, вопреки постыдному совету г. Струве, кричало не «да здравствует армия!», а «да здравствует революция!», остальная демократия изнывала от сознания собственного бессилия.

Она видела пред собой альтернативу: либо сближение с земцами, в политическую силу которых она верит, ценою полного отказа от демократических требований, — либо приближение к демократической программе ценою разрыва с наиболее «влиятельной» земской оппозицией. Либо демократизм без влияния, либо влияние без демократизма. В своей политической ограничен-

ности она не видела третьего пути: *соединения с революционной массой*. Этот путь дает силу и в то же время не только позволяет, но обязывает развить демократическую программу.

Война застала демократию в состоянии полного бессилия. Она не осмелилась выступить против «патриотической» вакханалии. Устами г. Струве она кричала: «да здравствует армия!» и выражала убеждение, что «армия исполнит свой долг». Она благословляла земцев на поддержку самодержавной авантюры. Она свела свою оппозицию к возгласу: «долой фон-Плеве!». Она затаила про себя свой демократизм, свое политическое достоинство, свою честь и свою совесть. Она шла в хвосте либералов, которые плелись за реакцией.

Война продолжалась. Самодержавие терпело удар за ударом. Над страной черной тучей висел ужас. В низах накоплялись элементы стихийного взрыва. Земства не делали ни шагу вперед. И демократия как бы начала приходить к самосознанию. В «Освобождении» раздаются настойчивые голоса о необходимости самостоятельной организации на почве «демократической платформы». Раздаются отдельные голоса против войны. Этот естественный процесс был прерван убийством Плеве, переменой правительственного курса, вызвавшей необычайно быстрое повышение политических акций земской оппозиции. Счастье стало казаться так возможно, так близко...

Земцы выдвинули рассмотренную выше программу, — и демократия с единодушием и восторгом подняла их на щит.

Она нашла в их резолюциях выражение своих демократических требований и объявила их решения своими решениями.

«Освобождение» заявляет, что «хотя земский съезд состоял исключительно из землевладельцев, притом главным образом привилегированного дворянского сословия, однако же постановления его не только не носят какого-либо классового или сословного отпечатка *), но, наоборот, проникнуты чисто демократическим духом» (№ 61, стр. 187) [44]).

Столь же торжественно возвестило о демократическом духе земств левое крыло всей нашей либеральной печати.

---

*) Очевидно для того, чтобы особенно ясно показать отсутствие «классового или сословного отпечатка», земцы, как мы отметили выше, ни «единым словом не упоминают об аграрном и рабочем вопросах.— Кака япростота» со стороны земцев и какой цинизм со стороны «Освобождения»!

«Наша Жизнь» на основании ноябрьских резолюций возвещает полное слияние земско-либерального и демократического течений.

«...давняя и ужасная язва русской жизни,— говорит эта газета, — духовное и культурное разъединение народа и интеллигенции... может быть выжжена только героическим средством демократического государственного строительства»... Земцы поняли это и решительно стали «на общую платформу с демократической интеллигенцией. Это — историческое событие. Им положено начало общественно-политическому сотрудничеству, могущее иметь огромное значение в судьбах нашей страны».

Возникший при министре доверия и им же зарезанный «Сын Отечества» [45]), который начал свою недолгую жизнь с заявления, что «знаменательной особенностью переживаемого нами исторического момента является радикализм существующих в стране политических направлений», целиком принимает программу земского съезда. Газета рекомендует представителям городов «выступить на тот же славный и верный путь, на который с таким успехом раньше их выступили уже земские люди, и слово в слово, пункт за пунктом повторить все то, что так ясно, внятно и вразумительно, что с таким достоинством и силой уже сказано и говорится представителями земской России».

Словом, демократия зовет всех и вся сомкнуться вокруг земского знамени. Она не видит на этом знамени ни одного пятна и ни одной прорехи. И мы спрашиваем: может ли народ доверять такой демократии?

На том только основании, что в минуту подъема, когда снизу давили, а сверху слегка «позволили», земцы неотчетливо написали на листе бумаги свою неотчетливую конституционную программу, на этом только одном основании мы должны вотировать им доверие, смотреть на их недомолвки, как на случайности, истолковывать их обиняки в демократическом духе, кричать, что «сегодня уж нет споров и разномыслий, которые были еще вчера» *)? Неужели же это тактика демократии?

Милостивые государи! Это—тактика предателей дела демократии.

После 7 ноября 1904 года [47]) много еще будет впереди решающих моментов в освободительной борьбе, — и не всегда

*) «Сын Отечества», № 1, ст. Н. Карышева [46]).

задача земской оппозиции будет состоять в одном лишь начертании конституционных резолюций под неофициальной охраной Святополка-Мирского.

Можем ли мы питать какую-либо уверенность, что земства окажутся в такие минуты на высоте? Если наша история чему-либо учит нас, если мы не верим в чудесные превращения, мы ответим: воистину нет! Политика доверия к демократизму и оппозиционной твердости земств—не наша политика. Нам нужно теперь же, немедленно, собирать силы, которые мы могли бы вывести на поле действий и противопоставить всероссийскому земству в тот решительный момент, когда оно начнет выменивать свою легковесную оппозиционность на тяжеловесное золото политических привилегий.

А мы, вместе того, чтобы собирать силы вокруг непримиримых лозунгов демократии, станем сеять доверие к демократизму либеральных верхов, станем направо и налево клясться, будто земцы обязались бороться за всеобщее избирательное право, станем внушать мысль, будто «вчера еще были разногласия, а сегодня их нет»!

Как — нет?

Значит земцы, руководимые г. Шиповым[43]), или земцы, руководимые г. Ив. Петрункевичем, признали, что радикально ликвидировать самодержавное хозяйство и вбить в русскую землю сваи демократического строя может лишь народ? Значит земцы отказались от надежды на примирительные шаги монархии? Значит земцы прекратили своѐ позорное сотрудничество с абсолютизмом на поприще военной авантюры? Значит земцы признали, что единственный путь свободы есть путь революции?

Сознательные элементы народа не только не могут питать политическое доверие к антиреволюционной цензовой оппозиции, но они ни на минуту не поддадутся иллюзиям насчет «демократизма» той растерянной и неустойчивой демократии, которая знает один лозунг, — лозунг слияния с антиреволюционной и антидемократической земской оппозицией.

Классическим образчиком демократической растерянности, неустойчивости и неуверенности является резолюция, выработанная собранием киевской интеллигенции для сведения земского съезда.

«...Собрание остановилось на вопросе: что̀ должен высказать съезд представителей земских управ относительно необхо-

димых реформ? Собрание нашло, что съезд этот, представляя собой лиц, собравшихся по собственной инициативе, не имеет права смотреть на себя, как на выразителя народных желаний. Поэтому съезд прежде всего обязан заявить правительству, что он считает себя некомпетентным представить готовый проект реформ, а рекомендует созвать собрание народных представителей, избранных при помощи всеобщего (равного?), прямого, тайного голосования. Такого рода учредительное собрание и должно будет, обсудив современное положение, предложить (?) свой проект реформ».

Энергично, решительно, ясно, — не правда ли? Но последуем далее.

«Если правительство от созыва подобного собрания откажется, то съезд должен предъявить известный минимум всеми признанных политических требований... Одни полагали, что минимум должен состоять в требовании: свободы личности, совести, печати и слова, свободы собраний и общественных союзов и созыва законодательного собрания, состоящего из выборных представителей земств и городов... Другая часть собрания находила такого рода законодательное собрание не отвечающим принципу всеобщего избирательного права и высказала опасения, что конституция, построенная на таких началах, надолго отсрочит возможность введения всеобщего избирательного права. Эта часть собрания находила более целесообразным для съезда представителей ограничиться требованием свободы личности, совести, печати и слова, свободы собраний и общественных союзов... Затем все собрание признало необходимым восстановление Земского Положения 1864 г.» [49])...*).

Таков голос «демократии».

Нужно требовать всенародного учредительного собрания. Если же правительство не согласится, то можно ограничиться дворянско-купеческим собором. Запросить всеобщее избирательное право, а сойтись на высоком сословно-имущественном цензе. Резолюция киевской интеллигенции говорит в сущности следующее: если самодержавие хочет избавиться от требования всенародного учредительного собрания, то ему следует только заявить нам в ответ: на это требование я не соглашаюсь — и

*) Напомним, что это Положение лишает избирательных прав всех тех, у кого меньше 150 десятин земли или 15.000 рублей валового дохода!

мы, с своей стороны, примиримся (о, разумеется, временно!) на представительстве земств и дум!

Киевское собрание свою резолюцию напечатало. Оно не делало значит из нее тайны для кн. Святополка-Мирского. Не думает ли в таком случае киевская интеллигенция, что она дает правительству очень авторитетное указание, как без лишних хлопот и осложнений сдать в архив требования демократии: нужно только отказаться от их принятия. Можно ли хоть на минуту сомневаться, что правительство примет это указание к немедленному руководству? Для того, чтоб не вступить на рекомендуемый ему легкий путь, самодержавие должно было бы само ценить всеобщее избирательное право. Другими словами: оно должно было бы быть демократичнее авторов резолюции. Конечно, это невероятно.

Что же представляет собою в таком случае вся первая часть заявления, так категорически и ясно отказывающая земцам в праве говорить от имени народа, так решительно выдвигающая требование всеобщего избирательного права? Ничто иное, как пустую демократическую фразеологию, с помощью которой киевская интеллигенция примирялась со своим фактическим отказом от демократических требований. Но, предав у самого порога политические права народных масс, киевская «демократия» решительно ничего ценой этого предательства не приобретает: у нее попрежнему нет ответа на вопрос, — как быть, если самодержавие, соблазнившись легкой победой над демократическими требованиями, откажется далее от принятия минимальных конституционных требований, ниже которых авторы резолюции не хотят спускаться?

Эта резолюция, вынесенная в Киеве, в центре левых «освобожденцев», не исключение. Другие резолюции, вынесенные демократическими банкетами, отличаются от киевской только тем, что не задаются вопросом: что̀ делать, если самодержавие не одобрит демократической программы? — так же точно, как земские либералы нигде до сих пор не отвечали на вопрос: что̀ делать, если самодержавие не примет их цензовой программы?

ДЕМОКРАТИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Действительная демократия в обстановке абсолютизма может быть только революционной демократией. Партия, которая принципиально стоит за мирные средства, деятельность

которой рассчитана на соглашение, а не на революцию, при политических условиях России не может быть демократической партией. Это непререкаемо ясно. Абсолютизм может пойти на соглашение, может сделать те или иные уступки, но целью этих уступок всегда будет не самоупразднение, а самосохранение. Этим предрешается политический объем уступок и демократическая ценность реформ.

Правительство может призвать представителей народа или его более сговорчивой части с тем расчетом, чтоб превратить их в новую опору царского трона. Демократия, если она только не лжет своим именем, требует неограниченного народоправства. Она противопоставляет суверенную волю народа суверенной воле монарха. Она противопоставляет коллективное «я» народа индивидуальному «я» божьей милостью.

Но, противопоставляя волю народа воле монарха, демократия, если она верит в свою программу, должна понять, что ее задача: противопоставить силу народа силе монарха. А такое противопоставление и есть революция. Имея пред собою борющийся за свое существование абсолютизм, демократия, если она верит в свою программу, может быть только революционной демократией. Кто ясно понимает эту простую и непререкаемую мысль, тот без труда сорвет с кого следует фальшивые эполеты демократизма, которыми — чем дальше, тем больше — украшают себя многие развращенные до мозга костей либеральные оппортунисты.

Всякая сделка между абсолютизмом и оппозицией может совершиться только за счет демократии. Иначе сделка не будет иметь смысла для абсолютизма. С решительной, верной себе демократией ему остается только бороться до конца. Но если так, то и демократии не остается ничего иного.

Это значит, что демократия, поворачивающаяся к революции спиной или поддерживающая иллюзии мирного обновления России, ослабляет свои собственные силы, подкапывается под свое собственное будущее. Такая демократия есть внутреннее противоречие. Антиреволюционная демократия не есть демократия.

«Освобождение», которое стоит в эти дни под знаком демократизма, уверяет, что, «благодаря решительности и мужеству земцев, путь мирного конституционного преобразования еще не закрыт для правительства. Стать твердо и решительно на этот

путь будет актом элементарной государственной мудрости» [50]). (№ 60, стр. 183.)

Редактор-издатель газеты «Сын Отечества» патетически восклицает: «Как сын своего века, я не разделяю суеверий прежних веков и глубоко верю в то, что новый храм богу свободы, истины и права будет заложен у нас без искупительных жертв...

«Я глубоко верю, что... не сегодня — завтра мы услышим мирный удар молота по первому камню, и сотни трудолюбивых каменщиков, созванных в Петроград, соберутся сюда для постройки новых храмин».

Так мыслят многие наивные «сыны отечества», искренно мнящие себя демократами. Революция для них — «суеверие прежних веков». В белых фартуках и в благочестивом настроении приступают они к созиданию храма так называемому богу свободы, истины и права. Они «верят». Они верят в возможность обойтись без искупительных жертв и сохранить незапятнанными свои белые фартуки. Они верят «в возможность мирного перехода к плодотворной работе, потому что и в высшие сферы должно, наконец, проникнуть сознание неизбежности коренных перемен». («Сын Отечества», № 9.) Они «верят», эти мягкотелые «демократы» Петрограда, и они патетически излагают свою веру, доколе просветленный их пропагандой представитель «высших сфер» не прекратит их идеалистического жужжания. Но и после того они свято хранят свое единственное политическое достояние—веру в просветление начальства... «Путь мирного конституционного преобразования, — уверяет «Освобождение», — еще не закрыт для правительства. Стать твердо и решительно на этот путь будет актом элементарной государственной мудрости».

Г. Струве доказывает абсолютизму, что для него, для абсолютизма, конституционная реформа является делом политической выгоды. Какое заключение следует сделать из этих слов? Одно из двух:

Либо «мирное конституционное преобразование», о котором говорит г. Струве, заставит абсолютизм поступиться лишь частью своих прерогатив и упрочить свои позиции, превратив либеральные верхи в опору полуконституционного трона. Политически выгодным для правительства было бы лишь такое мирное преобразование, которое прикрыло бы обнаженный абсолютизм, страдающий от собственной обнаженности, декорациями «правового порядка», превратило бы его в Scheinkonstitutionalismus, в призрачный конституционализм, более опас-

ный для демократического развития, чем сам абсолютизм. Такая сделка—почву для которой создает бесхарактерное поведение земств — была бы действительно в интересах абсолютизма. Но такого рода «мирное преобразование» совершилось бы исключительно путем предательства политических интересов народа и, значит, дела демократии. Этого ли исхода ищет «демократ» Струве? Не этого?

Но в таком случае, говоря об «акте элементарной государственной мудрости», г. Струве просто-напросто надеется вовлечь абсолютизм в невыгодную сделку. Он пытается «заговорить» врага. Убедить самодержавие, что его ждет обновление и возрождение после демократической купели. Уверить правительство, что нет ничего выгоднее, как покончить с собой во славу демократии. Убедить волка, что с его стороны актом элементарной зоологической мудрости будет дарование Habeas corpus act'а жалобно мычащим демократическим телятам. Какая глубокая политика! Какой гениальный стратегический план!

Либо предать дело демократии ради мнимо-конституционной сделки, либо обманными речами завлечь абсолютизм на путь демократии.

Тщетные, жалкие, смешные, ничтожные планы! Рабья политика!

Но ничего более достойного наша quasi-демократия не сможет предложить, доколе она будет цепляться за призрак мирного конституционного преобразования, доколе к революции она будет относиться, как к суеверию прежних веков...

Если она не пойдет дальше, дальнейшее революционное развитие отбросит ее назад: оно заставит ее отказаться от демократических суеверий и, в хвосте земских либералов, вступить на путь мирного конституционного предательства элементарнейших народных интересов.

«Московские Ведомости» резко и отчетливо ставят вопрос, когда пишут, что «в составе населения России нет политической партии, достаточно сильной, чтобы принудить правительство к опасным для ее (читай: его) целости и могущества политическим реформам». Реакционная газета берет вопрос, как он есть, т.-е. как вопрос силы. Точно так же должна взять этот вопрос и печать демократическая. Пора перестать видеть в абсолютизме политического собеседника, которого можно просветить, убедить, или, на худой конец, заговорить, umlügen, залгать. Абсолю-

тизм нельзя убедить, его можно победить. Но для этого нужна не сила логики, а логика силы. Демократия должна накоплять силу, т.-е. мобилизовать революционные ряды. А эту работу можно выполнять, разрушая либеральные суеверия на счет мирных путей конституционного развития и отрадных перспектив правительственного просветления.

«Актом элементарной государственной мудрости» для каждого демократа должно явиться признание, что выражать надежду на демократическую инициативу со стороны абсолютизма, знающего только один интерес: самосохранение — значит поддерживать веру в будущее абсолютизма, значит создавать вокруг него атмосферу нерешительного выжидания, значит упрочать его позиции, значит предавать дело свободы.

Ясно это сказать значит, вместе с тем, сказать и другое: не соглашение, не сделка, а торжественное провозглашение народной воли, т.-е. революция.

Российская демократия может быть только революционной, иначе она не будет демократией.

Она может быть только революционной, так как в нашем обществе и государстве нет таких официальных организаций, от которых будущая демократическая Россия могла бы повести свою родословную. У нас, с одной стороны, имеется монархия, опирающаяся на колоссальный разветвленный бюрократический аппарат, с другой стороны, так называемые органы общественного самоуправления: земства и думы. Либералы и строят будущую Россию, исходя из этих двух исторических учреждений. Конституционная Россия должна, на их взгляд, возникнуть, как легальный продукт легального соглашения легальных контрагентов: абсолютизма и думско-земских представителей. Их тактика есть тактика компромисса. Они хотят перенести в новую или, вернее, обновленную Россию две легальные традиции русской истории: монархию и земство.

Демократия лишена возможности опираться на национальные традиции. Демократическая Россия не может быть простым детищем высочайшего соизволения. Но она не может опереться и на земства, так как земства построены не на демократическом принципе, а на начале сословного и имущественного ценза. Демократия, если она не лжет своим именем, если она действительно является партией народного верховенства, не может ни на минуту признать за земством право говорить именем России. Вся-

кую попытку со стороны земств и дум вступить с абсолютизмом в соглашение от имени народа демократия должна клеймить, как узурпацию народного суверенитета, как политическое самозванство.

Но если не абсолютизм и не дворянское земство, то кто же? Народ! Но народ не имеет никаких легальных форм для выражения своей суверенной воли. Создать их он может только революционным путем. Апелляция к Всенародному Учредительному Собранию есть разрыв со всей официальной традицией русской истории. Вызывая на историческую сцену суверенный народ, демократия врезывается в легальную русскую историю клином революции.

У нас нет демократических традиций, их нужно создать. Сделать это способна только революция. Партия демократии не может не быть партией революции. Эта идея должна проникнуть во всеобщее сознание, она должна наполнять нашу политическую атмосферу, самое слово демократия должно быть пропитано содержанием революции, так чтоб при одном прикосновении оно жестоко обжигало пальцы либеральных оппортунистов, которые стараются уверить своих друзей и врагов, что они стали демократами с тех пор, как назвались этим именем.

* * *

«Мирное» сотрудничество с земством или революционное сотрудничество с массой? Этот вопрос демократия должна решить для себя, — мы ее заставим решить этот вопрос, так как будем его ставить пред нею не только в общей форме, не только в литературе, но самым конкретным образом, в каждом живом политическом действии.

Конечно, демократия хочет союза с массой и тянется к ней. Но она боится порвать со своими влиятельными союзниками и мечтает о том, не сможет ли она сделаться связующим звеном между земством и массой.

В замечательно поучительной статье «Нашей Жизни» выдвигается та мысль, что для «безболезненного» осуществления демократической реформы «необходимо интеллигенции сейчас же, не теряя дорогого времени, притти в тесное соприкосновение с широкими народными массами, войти с ними в непрерывное общение». Статья не отрицает, что часть интеллигенции и раньше

стремилась к этому, — но она делала это, «исключительно напирая на классовые противоречия, существующие между народными массами и теми слоями общества, из которых до сих пор выходит и долго еще будет выходить большая часть русской интеллигенции» *)... Теперь нужна другая работа. Нужно в человеке из «народа», прежде всего в крестьянине, пробудить «свободного гражданина, сознающего свои права и бесстрашно их отстаивающего». Для этой работы «нужно сотрудничество демократической интеллигенции с выборными представителями земства»! Другими словами: так называемая демократическая интеллигенция должна пробуждать свободных граждан не только без «исключительного напирания» на классовые противоречия внутри оппозиции, но и в «дружном сотрудничестве» с земской оппозицией. Это значит, что интеллигенция не только лишает себя возможности смело и решительно ставить вопросы аграрной реформы, — но и отказывает себе в праве революционно и демократически ставить конституционную проблему. Эта внутренне-противоречивая задача: пробуждать массы, тащась в хвосте у земцев, — не может создать для демократа достойной политической роли. В своей агитации демократия будет неизбежно лгать — не той смелой, на половину бессознательной ложью якобинской демагогии, которая в своем революционном самозабвении находит долю своего прощения, — а той скаредной либеральной ложью, которая опасливо озирается раскосыми глазами, обходит острые вопросы, как будто боится наступить на гвозди, говорит шепелявой скользящей речью, потому что всякое «да» и всякое «нет» как огнем обжигает ее уклончивый язык. Образцом ее будет лишь освобожденская прокламация о войне и конституции, которую мы в свое время разбирали в «Искре» [51]). Прокламация эта написана для массы, старается говорить языком, понятным массе, и взывает к интересам массы.

И что же говорят в ней освобожденцы народу? Они говорят ему, что война никому не нужна, что царь не хотел ее, что царь миролюбив. Они это доподлинно знают. Они говорят далее, что царя соблазнили дурные советники, не осведомляющие своего государя об истинных нуждах народа, ибо «иные из вельмож ведут государственные дела не по совести, а по корысти для своего кармана и для почестей, а иные из вельмож — глупы». Чтобы

*) «Наша Жизнь», № 28.

помочь делу, нужно созвать народных представителей. Царь от них будет узнавать правду, «как это было изредка в старину, когда русские цари жили в Москве». Управлять делами будут все сообща — государь, министры и собрание народных представителей.

Так строят свободную Россию демократы - «освобожденцы». Они берут под свою защиту царя и вместе с ним и монархию. В своей конституции они отводят царю красный угол. Они созывают собрание народных представителей не для выражения суверенной воли народа, а в помощь монарху. Партия «Освобождения», еще не побежденная в борьбе с монархией, еще не приступившая к этой борьбе, на глазах всего русского народа становится на колени пред носителем власти божьей милостью.

Таков ее либерализм!

Вокруг трона, за которым признается неприкосновенное право исторической традиции, *должны* расположиться народные представители. Но какой народ они будут представлять? Народ земств и дум? — за которыми ведь тоже неприкосновенное право исторической традиции... Будет ли представлен народ «без традиций», народ без сословных, имущественных и образовательных привилегий? Прокламация не дает на этот вопрос ответа. Она помнит, что задача «освобожденцев» не только пробуждать гражданина в человеке из народа, но и оставаться в добром согласии с привилегированными гражданами из земств. Обращаясь к народу с пропагандой конституции, «освобожденцы» ни словом не упоминают о всеобщем избирательном праве.

Таков их демократизм!

Они не смеют сказать: долой корону! — потому что у них нет отваги противопоставить принцип — принципу, республику — монархии. Еще до борьбы за новую Россию, они протягивают руки для соглашения с коронованным представителем старой России. Они опираются на пример сословно-совещательных Земских Соборов в прошлом, вместо того, чтобы взывать к торжественному провозглашению народной воли в будущем. Словом: они апеллируют к антиреволюционной традиции русской истории, вместо того, чтобы создать историческую традицию русской революции.

Такова их политическая отвага!

Итак, русское конституционное правительство составят: «государь (неизвестно, для чего нужный), министры (неизвестно,

пред кем ответственные) и собрание народных представителей (неизвестно, какой «народ» представляющих).

Стоит организовать на этих началах государственную власть, и тогда — здесь начинается центральное место «освобожденского» vademecum'a[52]) — и тогда все вопросы разрешатся сами собою, все невзгоды и беды русского народа снимет, как рукой. В тех странах, где народу удавалось добиться конституции, он, по словам прокламации, «везде устраивал себе правые суды, уравнивал подати и облегчал налоги, уничтожал взяточничество, открывал для детей своих училища и быстро богател... И еслиб и русский народ, — так пишут «освобожденцы» , — потребовал себе (как?) и добился от царя (как?) конституции (какой?), то и он избавился бы от оскудения, разорения и всяких притеснений точно так же, как избавились от него и другие народы... Когда будет в России конституция, то народ через своих представителей, наверное, отменит паспорты, заведет хорошие суды и управление, упразднит самовластных чиновников, в роде земских начальников, и в местных делах будет управляться своими свободно выбранными людьми, заведет множество школ, так что всякий сможет получить высшее образование, освободится от всякой тесноты, наказаний розгами (после получения «высшего образования»?) и заживет в довольстве. Словом, при конституции, то-есть при управлении страною царя (а без царя?) вместе с собранием народных представителей, народ будет свободен и добьется настоящей, хорошей жизни».

Так пишут «демократы», осуждающие «исключительное напирание на классовые противоречия»!

Конституционное ограничение царской власти не только спасет от розги и нагайки, но и обеспечит от бедности, лишений, экономического гнета и даст возможность «быстро богатеть», — вот мысль, которую они хотят внушить народу. Присоединить к царю Земский Собор[53]), — и нет вопросов нищеты, гнета, безработицы, проституции и невежества. Так говорят «освобожденцы». Но говорить так — значит явно и беззастенчиво издеваться над всей социальной действительностью, называть черное белым, горькое—сладким, значит закрывать глаза — себе и другим — на опыт всей той истории, которую буржуазная Европа проделала в течение последнего столетия, значит попирать кричащие факты, игнорировать все, что образованный человек может узнать из любой европейской газеты, — значит спекулировать единственно

на невежество русской народной массы, на египетскую тьму полицейского государства, да на низкий уровень политической морали в рядах собственной партии. Это значит заменять обращение — извращением, агитацию — ложью, политическую конкуренцию — недобросовестной спекуляцией. Это значит уверенно итти к превращению собственной партии, которая идеологически является представительницей «народа», в простую клику, сознательно эксплоатирующую темноту народа. Мы говорим это со всей энергией, и наши слова должен услышать не только каждый революционный пролетарий, но и каждый русский «демократ».

Прокламацию писали образованные люди. Они знают, что ничего из того, о чем они говорят народу, на самом деле, нет. Они знают, что и после того, как царь решится опереться на Земский Собор, порядок на Руси останется буржуазный. Они знают, отлично знают, что конституция не спасает маленького собственника от пролетаризации, не дает работы, не охраняет рабочего ни от нищеты, ни от развращения. Они знают, что высшее образование доступно не всем, что оно есть монополия имущих. Они все это знают, — читали, видели, сами говорили и писали, — знают и не могут не знать. — Вы, например, г. Струве, вы, который одобряете «этот простой по форме и вразумительный по содержанию призыв», ответьте прямо в «Освобождении»: знаете вы все это или нет? *) — Да, они знают это. Но, сверх того, они знают, что народ, к которому они обращаются, этого еще не знает. И они говорят народу то, чего нет, то, во что они сами не верят. Они лгут народу. Они обманывают народ.

Неужели они не подумали, что у самого порога их встретит социал-демократия? Что она позаботится о том, чтобы свести их на очную ставку с исторической истиной? Неужели они не способны понять, что это ее право, ее обязанность? И они могли думать, что социал-демократия вступит с ними в соглашение, чтобы вместе с ними, на товарищеских началах, обманывать народ?!

Еслиб социал-демократия была только партией честного, решительного, последовательного, непримиримого демокра-

---

*) Ответить прямо на этот вопрос мы приглашали г-на Струве еще в октябре прошлого года («Искра», № 76). Пропитанный нравственным идеализмом редактор «Освобождения» не ответил нам ни прямо, ни косвенно.

тизма, она и тогда не могла бы не выступить в полной обособленности и самостоятельности. Она и тогда не могла бы поставить свои действия в какую бы то ни было зависимость от действий или, вернее, бездействия той либеральной оппозиции, которая не смеет назвать то, к чему она стремится, и не знает какими средствами добиться того, что назвать она боится. Она и тогда не могла бы оказать никакого политического кредита той «демократии», которая боролась за демократические требования только в своих сновидениях, на деле же играла и играет роль адвоката, секретаря и рассыльного при цензовом либерализме.

В то время как ищущая во что бы то ни стало компромисса оппозиция, т.-е. анти-оппозиционная оппозиция, встречает бескорыстного слугу в лице антиреволюционной, а значит антидемократической демократии, в то время как с этой последней объединяются непролетарские и антипролетарские социалисты и, этим актом объединения с антидемократической демократией, обнаруживают истинную ценность не только своего социализма, но и своего демократизма, — да, — в это время единственной партией честного, решительного, последовательного, непримиримого демократизма является социал-демократия. И именно поэтому она вызывает прикрытую ханжеством ненависть всех тех «демократов», которым она самым фактом своего существования затрудняет ликвидацию последних остатков идеи «долга пред народом»...

* * *

Ненависть, прикрытая ханжеством, — таково отношение объединенной якобы - демократии к вашей партии, сознательные российские пролетарии! Вы должны себе отдать в этом ясный отчет.

И «Освобождение» и «Революционная Россия» [54]) выступают против нашей непримиримости, против нашей «борьбы на два фронта». Все чаще и чаще посылает нам такие упреки легальная пресса. Демократия хочет, чтобы мы укротились и примирились. Она же в свою очередь великодушно готова примириться с нами, если только мы, покинув строптивость, начнем петь ей в унисон, в то время как сама она поет в тон цензовой оппозиции.

«Освобождение» и «Революционная Россия», умудренные некоторым опытом, стараются придать этому бесстыдному требованию стыдливую форму. Но легальная печать «демократи-

ческого» блока, пользуясь тем, что ей не грозит немедленный отпор, с откровенным цинизмом предъявляет социал-демократии свое требование: устранись!

«...Кроме охранителей, — жалуется «Наша Жизнь», — существуют, к сожалению, и другие, притом прогрессивные, направления, которые все еще (!) говорят о всякого рода противоречиях и все еще выдвигают на первый план именно эти противоречия, а не то «общее», что может объединять в известные времена все классы, все сословия. В общем, однако,— утешается «демократическая» газета,— сословно-классовые различия сейчас потонули в том живом и могучем потоке, который стремительно несется по русской земле и захватывает в свое русло московского купца, и тамбовского и саратовского и других земцев, и петербургского чиновника, и всегдашнего либерала интеллигента» *).

Ваша партия, сознательные пролетарии, виновна в том, что выдвигает такие требования, которые отличаются от требований московского купца, тамбовского дворянина и петербургского чиновника! «Демократическая» интеллигенция предъявляет к вам требование: примиритесь на том «общем», что может объединять все классы и все сословия. Таким объединительным «общим» может быть лишь программа самой отсталой части либеральной оппозиции. Как только вы захотите подняться выше ее политического уровня, окажется, что вы, подобно реакционерам - охранителям, выдвигаете то, что разделяет, а не то, что объединяет. Сознательные пролетарии! «Демократия» требует от вас, чтоб вы, во имя единения, отказались от вашего революционного демократизма. «Демократия» требует от вас, чтобы вы, во имя солидарности с либеральной оппозицией, предали дело демократического переворота. Потому что, если что отличает вас с такой резкостью от всех других «классов и сословий», так это именно ваша несокрушимая преданность делу демократической революции.

Словами беспощадного негодования вы ответите, товарищи, этим непримиримым сторонникам оппортунистического примирительства, этим «демократическим» прихвостням либеральных и полулиберальных купцов, дворян и чиновников.

Вы скажете им: мы, пролетарии, не требуем от либералов, чтоб они отказались от своих классовых интересов, стали на

*) «Наша Жизнь», № 37.

нашу точку зрения и боролись за нашу социалистическую программу, — хотя мы и готовы поручиться, что, как только они это сделают, они раз навсегда вырвут почву из-под нашей политики выдвигания противоречий.

Мы не обвиняем также и так называемую демократию в том, что она не становится в ряды партии революционного социализма, — но чего мы от нее требуем, так это верности собственной программе. И этого нашего требования она не может снести и бросает нам в ответ обвинение в том, что мы не способны молчаливо смотреть, как она из-за спины земской оппозиции замахивается на нашу партию, единственную представительницу честного, решительного, непримиримого демократизма!

Мы вносим то, что разделяет, а не то, что объединяет? Не наоборот ли, не вы ли повинны в этом?

Мы, социал-демократы, выступили на поле революционной борьбы в эпоху полного политического затишья. Мы с самого начала формулировали нашу революционную демократическую программу. Мы пробуждали массу. Мы собирали силы. Мы выступили на улицу. Мы наполнили города шумом нашей борьбы. Мы пробудили студенчество, демократию, либералов... И когда эти пробужденные нами группы стали вырабатывать свои собственные лозунги и свою тактику, они обратились к нам с требованием, которое в чистом, незамаскированном виде звучит так: «Устранитесь, — выбросьте из вашей революционной программы и революционной тактики то, что отличает вас от нас, — откажитесь от тех требований, которых не могут принять московский купец и тамбовский дворянин, — словом, измените тем лозунгам, которые вы выдвинули в то время, как мы еще мирно почивали, в болоте политического индиферентизма,— от той тактики, которая составила вашу силу и которая позволила вам совершить чудо: пробудить нас от нашего позорного политического сна».

Земство не могло притти в движение, не приведя, в свою очередь, в движение всю ту интеллигенцию, которая наполняет все его поры, которая широким кольцом окружает его по периферии, которая, наконец, связана с ним узами крови и узами политических интересов. Земский съезд 6—8 ноября вызвал целый ряд политических банкетов демократической интеллигенции. Были более, были менее радикальные банкеты, были более, были менее смелые речи; в одном случае говорили об активном участии народа в законодательстве, в другом — требовали

ограничения самодержавия и даже доходили до требования всенародного учредительного собрания. Но не было ни одного банкета, на котором встал бы либеральный земец или «освобожденец» и сказал: «Господа! На-днях соберутся (или собрались) земцы. Они потребуют конституции. Затем земцы и думы потребуют — если потребуют — конституции в земствах и думах. Потом на банкетах земцы и думцы соберутся вместе с интеллигенцией — вот как собрались сегодня мы — и опять постановят резолюцию о необходимости конституции. Правительство ответит на это более или менее торжественным манифестом, в котором (оратору совсем не нужно было бы быть пророком, чтобы предвидеть это) будет провозглашена незыблемость самодержавия, земствам будет предложено вернуться к обычным занятиям, а политические банкеты будут упомянуты лишь в связи с соответственными уголовными статьями. Что тогда? Как ответим мы на такое заявление правительства? Другими словами: какова наша дальнейшая тактика, милостивые государи?»

После этих простых слов в собрании воцарилась бы неловкость, демократические дети неуверенно взглянули бы на земских отцов, земские отцы недовольно нахмурили бы брови, — и все немедленно почувствовали бы, что оратор сделал большую бестактность.

Его бестактность состояла бы в том, что он на либеральном банкете высказал бы то, что есть. Но такой бестактности наш оратор не совершил, ибо его не было. Никто из земцев или из услужающих им «освобожденцев»-демократов не поставил вслух вопроса: что же дальше?

Такую бестактность решились сделать только социалисты-пролетарии.

Они явились в Харькове на заседание Юридического Общества, председатель которого предлагал отправить министру весенних дел приветственную и благодарственную телеграмму, и один из них сказал собравшимся, что единственная весна, которой верит пролетариат и которой только и может верить демократия, будет принесена революцией. Они явились на заседание Екатеринодарской думы, где оратор-рабочий сказал: «Погибающее самодержавие думает бросить вам приманку,... оно надеется обмануть вас и теперь точно так же, как не раз обманывало! — Но... оно почувствует, что народилась в России новая сила, с самого начала своего существования явившаяся непримк-

римым, смертельным врагом царского деспотизма. Эта сила — организованный пролетариат... И мы — горсть борцов великой армии труда — зовем вас с собой. Мы с вами — представители противоположных общественных классов, но и нас может объединить ненависть к одному и тому же врагу — самодержавному строю. Мы можем быть союзниками в нашей политической борьбе. Но для этого вы должны оставить прежний путь смирения, вы должны смело, открыто присоединиться к нашему требованию: Долой самодержавие! Да здравствует учредительное собрание, избранное всем народом! Да здравствует всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право!».

Пролетарии явились на банкет одесской интеллигенции и там их оратор сказал: «Если вы, граждане, найдете в себе достаточно мужества, чтобы открыто и без колебаний поддержать наши демократические требования, мы, пролетарии-социал-демократы, приглашаем вас итти рядом с нами в борьбе с царизмом. В этой жестокой борьбе мы, социал-демократы, будем до последней капли крови отстаивать великие принципы свободы, равенства и братства».

Ораторы-пролетарии не боялись поставить открыто вопрос: что̀ делать? — ибо на этот простой вопрос у них есть простой ответ: нужно бороться, нужно «до последней капли крови отстаивать великие принципы свободы, равенства и братства»!

И как бы для того, чтобы показать, что это не фраза в устах пролетариата, бакинские стачечники [55]), эти буревестники надвигающейся всенародной грозы, оставили на земле десятки убитых и раненых, проливших свою кровь за великие принципы свободы, равенства и братства!..

И вот, от этого класса, который научает своих детей так бороться и так умирать, явились представители на либеральные банкеты, на которых так хорошо говорят о героической борьбе и героической смерти.

Имели они право на внимание?

Либеральная печать много говорила о пропасти между интеллигенцией и народом. Либеральные ораторы не знают другой клятвы, кроме клятвы именем народа.

И вот ныне перед ними в лице пролетариата выступает на сцену сам народ. Не в качестве объекта просветительных начинаний, а в качестве самостоятельной, за себя ответственной и требовательной политической фигуры.

И что же?

— «Долой отсюда!» кричат либералы, надеявшиеся, что высокий имущественный ценз (цена либерального обеда от двух до четырех рублей) не позволит пролетариям перешагнуть пропасть, отделяющую «интеллигенцию» от «народа».

Профессор Гредескул [56]) не находил «слов для достаточного выражения своего негодования», когда рабочие разбросали прокламации на заседании харьковского Юридического Общества, и кричал на всю залу: «если те, которые это сделали, честные и порядочные люди, пусть они добровольно удалятся». Он сомневался в том, честные ли, порядочные ли они люди!..

«Это нарушение правил гостеприимства!» — кричал председатель ростовского либерального банкета, не позволяя прочитать резолюцию рабочих, ждавших решения ее судьбы на холоде. «Ведь они же на улице,— волновался г. либерал,— пусть собираются где хотят!» Он знал, что ростовские рабочие умеют собираться, что за место для своих собраний они платят не рублями, а кровью.

«Долой отсюда! вон, вон, вон!» — встретили одесские либералы речь одесского пролетария. «Довольно! Довольно!» — прерывали они его на каждом шагу.

При таких торжественных условиях происходило сближение интеллигенции с народом.

Каким гневом должно было наполниться сердце революционера-рабочего, какой горячей волной должна была прилить кровь к его голове, как судорожно должны были сжаться его кулаки, когда он предстал, как вестник революции, пред этим образованным и от самовлюбленности пьяным обществом, чтобы напомнить либералам об их либеральных обязанностях, чтобы поставить демократов пред лицом их демократической совести, и когда в ответ на первые, еще неуверенные звуки его голоса — он не привык, господа, к обстановке парадных обедов! — раздалось из глубины либеральных потрохов: «Долой его! Молчать! Ату его!» — «Граждане! именем пролетариата, собравшегося у стен этого здания...» — «Вон, вон, вон! Замолчать! Ату его!»...

«Освобождение» предвидит появление рабочих на земских собраниях, и, порицая рабочих за их поведение в Харькове и Екатеринодаре, требуя от них соблюдения порядка собрания и прав председателя, «демократический» орган, с своей стороны, обещает: «Позволительно думать, что земские люди не отнесутся ни вра-

ждебно, ни даже невнимательно ко всем заявлениям, которые будут предъявлены к земским собраниям, без нарушения прав и порядка последних» *).

Слышите, пролетарии, ни враждебно, ни даже невнимательно! Вам «позволительно думать», что, если вы будете вести себя чинно, господа земские дворяне не отнесутся к вашим заявлениям ни враждебно, ни даже — слышите: даже — невнимательно!

Я боюсь, товарищи, что вы ответите господам ходатаям за вас пред земскими дворянами, что вы не нуждаетесь в милостыне либерального внимания, что вы являетесь не с тем, чтобы просить, а с тем, чтобы требовать и призывать к ответу, — и когда к предъявленным вами народным требованиям относятся враждебно или невнимательно, у вас остается еще обязанность: обличить пред народом. И эту обязанность вы выполните через голову председателя и всего собрания, со всеми его правами!

Когда немецкие рабочие, еще не имевшие своей самостоятельной партии и поддерживавшие либеральную буржуазию, обратились в 1862 г. к либеральным вождям с требованиями: во-первых, ввести в программу всеобщее избирательное право и, во-вторых, изменить порядок уплаты членских взносов так, чтобы облегчить рабочим доступ в партийную организацию либералов (Nationalverein), последние отнеслись к их требованиям довольно «внимательно», но крайне враждебно: в первом требовании отказали наголо, а в ответ на второе разъяснили, что «рабочие могут считать себя прирожденными членами либеральной партии» — и следовательно? и следовательно... могут оставаться за порогом ее организации.

Либералы считают, что прирожденное право рабочих — драться на баррикадах, отдавать свою жизнь за дело свободы, но только не нарушать своим появлением спокойствия либеральных организаций, собраний и банкетов!..

Наш пролетариат, к счастью для себя и для дела свободы, не должен, в качестве просителя, стучаться под окнами либеральной партии. У него есть своя партия. Судьба его требований не зависит от того, найдут ли они место в программе буржуазной оппозиции.

Но это не значит, что русскому пролетариату нет дела до того, что говорят либералы в земствах и думах, огражденных

*) «Освобождение», № 61.

от массы сословно-имущественным цензом, и на либеральных банкетах, огражденных от массы четырехрублевыми обедами.

Не ходатайствовать пред либералами, не просить заступничества приходят и будут приходить пролетарии на либеральные собрания, но с целью противопоставить свою революционную программу действий либеральной бесхарактерности, прикрытой многословием, с целью призвать к революции те кадры демократии, которые пока еще находятся под либеральным обаянием... И не просителей встречают гг. либералы криками «долой!», не от нищенствующих ограждают они себя входными билетами, — нет! несостоятельные должники дела свободы и демократии, они малодушно уклоняются от строгого взыскания, они боятся обличений того самого народа, который они так любят — на большом расстоянии, которому они так горячо сочувствуют, когда он умирает на бакинских мостовых.

Пролетарии еще не раз появятся на собраниях «общества» и поставят либералам в упор убийственный для них вопрос: что же дальше?

Земцы подали прошение о конституции. Их прошение было найдено незаслуживающим уважения. Московское земство заявило, что оно взволновано, и прекратило свои заседания. Черниговские и смоленские земцы просто разъехались по домам. Симферопольская дума отложила свои заседания, не рассмотрев бюджета. Такое самоупразднение — вполне уместный акт, если б к нему прибегли все земства и думы, выставив принципиальную мотивировку своей стачки. Но и тогда оставался бы во всей своей силе вопрос: что же дальше?

В своих резолюциях земцы «выражали надежду». Надежда оказалась утопической. В свою очередь освобожденческие quasi-демократы в последние два года то и дело «выражали надежду» на земцев. Их надежда на земцев оказалась обманутой вместе с надеждой земцев на самодержавие.

Что же дальше? Ответ может быть один: апелляция к массе, то-есть к революции. Но к массе можно итти только с демократической программой. И если раньше мы старались показать, что наша демократия может быть только революционной, то здесь нужно добавить, что переход к революционной тактике мыслим только на почве демократической программы.

Вне революции нет путей для решения вопроса политической свободы. Это должны понять даже глухонемые слепцы в резуль-

тате последнего периода правительственных обещаний, земских совещаний, либеральных банкетов и царского указа.

К свободе путь лежит через революцию, к революции через демократическую программу.

К интеллигентной «демократии», — демократией мы называем ее в счет ее будущего, — плетущейся за земцами, пролетариат должен обратиться со словами, которые Уланд [57]) сказал некогда вюртембергскому ландтагу:

Und könnt ihr nicht das Ziel erstreben,
So tretet in das Volk zurück!..

(Если не можете добиться цели,
Вернитесь обратно к народу).

ПРОЛЕТАРИАТ И РЕВОЛЮЦИЯ

Но пролетариат должен не только звать к революции, прежде всего он должен сам итти к революции.

Итти к революции не значит непременно снаряжаться к назначенному на определенный день вооруженному восстанию. Для революции нельзя назначить день и час, как для демонстрации. Народ никогда еще не делал революций по команде.

Но что можно делать, так это ввиду неизбежно надвигающейся катастрофы выбирать наиболее удобные позиции, вооружать и вдохновлять массы революционным лозунгом, выводить единовременно на поле действия все резервы, упражнять их в боевом искусстве, держать их все время под ружьем, — и в подходящую минуту ударить по всей линии тревогу.

Значит это только упражнение собственных сил, а не решительное столкновение с силами врага, — только маневры, а не уличная революция?

Да, только маневры. Но от военных маневров они отличаются тем, что во всякое время, и совершенно независимо от нашей воли, могут превратиться в действительное сражение, решающее весь исход многолетней кампании. Не только могут превратиться, но и должны превратиться. За это ручается острый характер переживаемого политического периода, скрывающего в своих недрах массы революционного материала.

В какой момент произойдет превращение маневров в сражение, это будет зависеть от объема и революционной сплоченности массы, которая выведена на улицу, от сгущенности той

атмосферы всенародного сочувствия и симпатии, которою эта масса дышит, и от настроения двинутых правительством против народа войск.

Эти три элемента успеха должны определять нашу подготовительную работу. Революционная пролетарская масса есть. Нужно уметь единовременно на всем пространстве России вывести эту массу на улицы и сплотить ее общим кличем.

Ненависть к царизму есть во всех слоях и классах общества,— есть, значит, и сочувствие к освободительной борьбе. *Нужно это сочувствие сосредоточить на пролетариате, как революционной силе, выступление которой во главе народных масс только и может спасти будущее России.* Наконец, настроение армии всего меньше способно окрылять правительство уверенностью. За последние годы было много тревожных симптомов: армия ропщет, армия недовольна, в армии брожение. Нужно сделать все, чтобы к моменту решительного выступления массы армия отрезала свою судьбу от судьбы самодержавия.

Начнем с последних двух условий, определяющих ход и исход кампании.

Последний период, когда при звуках труб была открыта эра политического обновления и при свисте нагаек эта эра была объявлена закрытой, — период Святополка-Мирского, — в своем конечном результате поднял ненависть к абсолютизму во всех сколько-нибудь сознательных элементах общества до небывалой высоты. Наступающие дни будут пожинать плоды встревоженных общественных надежд и невыполненных правительственных обещаний. Политические интересы стали более оформленными, недовольство глубже и «принципиальнее». Вчера еще первобытная мысль сегодня уже жадно набрасывается на работу политического анализа. Все явления зла и произвола быстро сводятся к первооснове. Революционные лозунги никого не отпугивают, наоборот, находят тысячекратное эхо, превращаются в народные поговорки. Общественное сознание впитывает в себя, как губка влагу, каждое слово отрицания, осуждения или проклятия по адресу абсолютизма. Ничто не проходит для него безнаказанно. Каждый неловкий шаг ставится ему в счет. Его заигрывания встречают насмешку, его угрозы рождают ненависть. Громадный аппарат либеральной прессы пускает ежедневно в оборот тысячи фактов, волнующих, раздражающих и воспламеняющих общественное сознание.

Накопленные чувства ищут выхода. Мысль стремится перейти в действие. А между тем та же тысячеустая либеральная пресса, которая питает общественное возбуждение, стремится в то же время направить его в узкое русло, сеет суеверное почтение к всемогуществу «общественного мнения», голого, неорганизованного «общественного мнения», не разрешающегося действием, порочит *революционный метод национального освобождения*, поддерживает гипноз легальности, направляет все внимание и все надежды недовольных слоев на земскую кампанию,—таким путем систематически готовит крах общественного движения. Обострившееся недовольство, не находящее выхода, обескураженное неизбежным неуспехом легальной земской кампании, опирающейся на бесплотное «общественное мнение» без традиций революционной борьбы в прошлом, без ясных перспектив в будущем,— это общественное недовольство может вылиться в отчаянный пароксизм террора, при полной сочувственного бессилия пассивности всей демократической массы, при денежной поддержке задыхающихся от платонического энтузиазма либералов. Этому не должно быть места. Необходимо подхватить падающую волну общественного возбуждения, направив внимание широких оппозиционных кругов на то колоссальное предприятие, во главе которого пойдет пролетариат — на всенародную революцию.

Передовой отряд должен будить все слои общества, появляться здесь и там, ставить ребром вопросы политической борьбы, звать, обличать, срывать маску с лицемеров демократии, сшибать лбами демократов с цензовыми либералами, будить, звать, обличать, требовать ответа на вопрос «что дальше?», снова и снова не давать отступления, доводить легальных либералов до признания собственного бессилия, отрывать от них демократические элементы и толкать эти последние на путь революции. Совершать эту работу — значит стягивать нити сочувствия всех демократических элементов оппозиции к революционной кампании пролетариата.

Необходимо сделать все, чтобы привлечь внимание и симпатии городского мещанства к выступлению рабочих. Во время прошлых массовых выступлений пролетариата, например, всеобщих стачек 1903 года [58]), в этом отношении почти ничего не делалось,—и это было одним из самых слабых мест подготовительной работы. В населении нередко циркулировали, как свидетельствуют корреспонденты, самые бессмысленные слухи о намерениях забастовщиков. Обыватели ждут нападения на свои квартиры, лавоч-

ники — расхищения лавок, евреи — погромов. Этого не должно быть. *Политическия стачка, как единоборство городского пролетариата с полицией и войсками при враждебности или хотя бы только пассивности всего остального населения, означала бы для нас неизбежный крах.*

Отчужденность населения прежде всего скажется на самочувствии пролетариата, а затем и на настроении войск. Поведение властей будет несравненно более решительным. Генералы напомнят офицерам, а офицеры солдатам драгомировские слова: «Ружье дается для меткой стрельбы, и никто не имеет права тратить пули по пустякам».

Этого не должно быть. Партия должна создать вокруг пролетарского ядра нравственный панцырь из симпатий всего населения и материальный панцырь из вспомогательных непролетарских отрядов. Чем больше понимания в населении смысла революционной стачки, тем больше к ней симпатий. Чем больше симпатий, тем выше число участников даже из среды «общества». Чем выше это число, тем ниже решимость властей прибегать к беспощадному кровопусканию: кому же неизвестно, что кровь революционного пролетариата имеет гораздо меньший удельный вес, чем кровь оппозиционного «общества»?

Итак, для успеха политической стачки пролетариата необходимо, чтобы она превратилась в революционную демонстрацию населения.

Второе важное условие — *настроение армии.* Недовольство в войсках, смутное сочувствие к «бунтующим» есть несомненный факт. Нет никакого сомнения, что лишь небольшую долю этого сочувствия можно отнести непосредственно на счет нашей агитации в войсках. Большая доля сделана самой практикой столкновений армии с протестующими массами. Решительно все корреспонденции, описывающие сражения царских войск с безоружным народом, устанавливают тот факт, что громадное большинство солдат тяготится ролью палача. По живой цели стреляют лишь безнадежные идиоты или безнадежные подлецы. Средняя масса солдат стреляет вверх. По этому поводу можно сказать одно: было бы противоестественно, если бы это было иначе. Во время всеобщей стачки в Киеве[59]), когда в Бессарабском полку был получен приказ итти на Подол, — командир полка ответил, что он не ручается за настроение своих солдат. Тогда был послан приказ в Херсонский полк, но и там не оказалось ни одной полу-

роты, которая целиком удовлетворяла бы требованиям начальства.

Киев не представляет в этом смысле исключения.

Во время всеобщей одесской стачки 1903 года [60]) солдаты, по сообщению корреспондентов, далеко не всегда оказывались на высоте положения. Так, например, в одном случае поставленные караулом у ворот двора, куда загнаны были демонстранты, они позволили себя убедить не обращать внимания на бегство арестованных через соседние дворы. Таким образом скрылось 100—150 человек. Можно было видеть рабочих, мирно беседовавших с солдатами. Были факты отнятия оружия у солдат без особенного сопротивления последних.

Так обстояло дело в 1903 году. После того прошел год войны. Невозможно, разумеется, учесть в цифрах влияние истекшего года на сознание армии. Но не может быть сомнения в том, что это влияние колоссально. Одну из главных сил военного гипноза составляет энергично поддерживаемая в солдатах вера в свою несокрушимость, мощь, превосходство над всем остальным миром. Война не оставила в этой вере ни одного живого места. Солдаты и матросы отправляются на Восток без какой бы то ни было надежды на победу. Но утрата веры в свою несокрушимость означает для армии уже добрую половину неуверенности в несокрушимости того порядка, которому она служит... Одно влечет за собой другое.

Царизм показывает себя во весь рост в нынешней войне, а война — такое событие, которое помимо общего интереса притягивает к себе еще и профессиональный интерес армии. Наши суда ходят медленнее, наши пушки бьют не так далеко, наши солдаты неграмотны, у унтеров нет компаса и карты, наши солдаты босы, голы и голодны, наш Красный Крест крадет, интендантство крадет, — слухи и вести об этом, разумеется, доходят до армии и жадно всасываются ею. Каждый такой слух, точно острая кислота, разъедает ржавчину нравственной муштры. Годы мирной пропаганды не сделали бы того, что делает каждый день войны. В результате остается лишь механизм дисциплины, но бесследно исчезает вера в то, что так нужно, что так может дальше продолжаться... Чем меньше веры в самодержавие, тем больше места для доверия врагам самодержавия.

Это настроение нужно использовать. Солдатам необходимо разъяснить смысл подготовляемого Партией выступления рабочих

масс. Нужно новыми и новыми листками закрепить этот смысл в их сознании. Нужно самым широким образом использовать тот лозунг, который может объединить армию с революционным народом: «Долой войну!». Нужно, чтобы к решительному дню офицеры не могли быть уверены в солдатах, — и чтоб эта неуверенность сказывалась отраженной неуверенностью в них самих.

Остальное сделает улица. Она растворит последние остатки казарменного гипноза в революционном энтузиазме народа.

Конечно, стрелять поверх голов легче, чем вовсе отказаться стрелять и отдать свои ружья мятежной массе. Это так. Но переход не так уж велик, как может показаться на первый взгляд. Тот самый солдат, который вчера стрелял в воздух, отдаст завтра рабочему свое ружье, если только получит веру в то, что народ не просто «бунтует», а хочет и может сейчас же, не сходя с мостовых, добиться признания своих прав. Такая вера может быть внушена и будет внушена солдату объемом и энтузиазмом уличной толпы, поддержкой всего населения, вестями об единовременности выступления во всех местах России.

Итак, для того, *чтобы политическая стачка пролетариата, превратившись в демонстрацию всего населения, могла стать исходным моментом победоносной революции, необходимо сочувственное настроение в широких кругах армии.*

Но главным фактором успеха является, разумеется, сама революционная масса.

За период войны наиболее передовой элемент массы, сознательный пролетариат, не выступал открыто с такой решительностью, которая отвечала бы критическому характеру исторического момента. Но делать отсюда какие бы то ни было пессимистические выводы значило бы обнаруживать политическую бесхарактерность и поверхностность.

Война обрушилась на нашу общественную жизнь всей своей колоссальной тяжестью. Страшное чудовище, дышащее кровью и пламенем, заслонило политический горизонт, вонзило стальные когти в тело народа и терзает его, покрывает его ранами и причиняет ему такую нестерпимую боль, которая на первое время заглушает даже самую мысль о причинах этой боли. Как всякое страшное несчастье, война, со своей свитой фурий — кризиса, безработицы, мобилизации, голода и смерти, на первых порах вызвала чувства подавленности, отчаяния, но не чувства сознательного протеста. Те народные массы, которые вчера еще лежали

сырым пластом, никак не влияя на революционные слои, сегодня механическими ударами фактов оказались противопоставлены центральному факту русской жизни — войне. С затаенным от ужаса дыханием весь народ остановился пред своим несчастием. И те революционные слои, которые вчера еще игнорировали пассивные массы и выступали со своим бодрым и сознательным протестом если не против них, то забывая о них, сегодня оказались захвачены общей атмосферой подавленности и сосредоточенного ужаса. Эта атмосфера окутывала их, ложилась свинцовой тучей на их сознание... Голос решительного протеста не возвышался в этой среде стихийного, почти физиологического страдания. Революционный пролетариат, еще не успевший залечить жестокие раны, полученные во время июльских событий 1903 г., оказался не в силах противостоять «стихии».

Но год войны не прошел даром. Война не только придавила на первое время тяжестью своих несчастий всякую революционную инициативу, но и привлекла внимание вчера еще живших стихийной жизнью народных масс к объединяющему всех политическому несчастью и тем самым породила в них — не могла не породить уже одной своей длительностью — потребность осмыслить это ужасное явление, отдать себе в нем отчет. Подавляя на первых порах решительный почин революционных тысяч, война пробуждала политическую мысль бессознательных миллионов.

Истекший год не прошел даром, ни один из его дней не прошел даром. В общественных низах, во всей их толще, шла незаметная, но неотвратимая, как течение времени, молекулярная работа накопления негодования, ожесточения, революционной энергии. Та атмосфера, которою дышит наша улица сегодня, не есть уж атмосфера безотчетного отчаяния,— нет, это атмосфера сгущенного негодования, ищущего средств и путей для революционного действия. Передовые слои народа могут уже сегодня и еще более смогут завтра бросить новый вызов царизму, не только не встречая безучастности широких кругов населения, как было третьего дня, не только не опасаясь, что протест их будет смыт общенародной волной стихийного горя, как это могло еще быть вчера, — сегодня всякое целесообразное выступление передовых отрядов рабочей массы увлечет за собою не только все наши революционные резервы, но и тысячи и сотни тысяч революционных новобранцев, — и эта мобилизация, в отличие от

правительственной, будет происходить при общем сочувствии и активной поддержке громадного большинства населения.

При живых симпатиях народных масс, при деятельном сочувствии демократических элементов населения, имея против себя всеми ненавидимое, неудачливое в большом и в малом, разбитое на море, разбитое на суше, оплеванное, растерянное, неуверенное в завтрашнем дне, топчущее и заискивающее, провоцирующее и отступающее, лгущее и уличаемое, наглое и запуганное правительство; имея пред собою армию, обескураженную всем ходом войны, в которой храбрость, энергия, энтузиазм, героизм разбивались о правительственную анархию, колеблющуюся армию, утратившую веру в несокрушимость порядка, которому она служит, прислушивающуюся к гулу революционных голосов, недовольную, ропчущую, уже не раз вырывавшуюся за последний год из тисков дисциплины,—при таких условиях выступит на улицы революционный пролетариат. И нам приходится сказать, что более счастливых условий для последней атаки на абсолютизм история уже не может создать. Она сделала все, что позволила ей сделать ее стихийная мудрость, — и она привлекает теперь к ответу сознательные революционные силы страны.

Революционной энергии накопилось громадное количество. Нужно только, чтобы она не пропала бесплодно, не израсходовалась по мелочам, в отдельных стычках и столкновениях, не связанных, лишенных объединительного плана. Нужно приложить все усилия к тому, чтобы сконцентрировать недовольство, гнев, протест, злобу, ненависть масс, дать этим чувствам один язык, один боевой клич, объединить, сплотить и дать почувствовать и понять каждой частице этой массы, что она не изолирована, что одновременно с нею и с тем же кличем на устах подымаются везде и всюду... Если такое сознание создано, оно уже означает половину революции.

Призвать единовременно к действию все революционные силы. Но как?

Прежде всего нужно установить, что *главной ареной революционных событий будет город*. Этого теперь никто не решится отрицать. Несомненно далее, что демонстрации только в том случае могут превратиться в народную революцию, если в них участвует масса, т.-е., прежде всего, фабрично-заводской пролетариат. На улицу в первую голову должен выступить он, чтоб получило смысл выступление революционной интеллигенции,

в частности студенчества и городского мещанства. Чтобы двинуть рабочие массы, нужно иметь сборные пункты. Для фабрично-заводского пролетариата такие постоянные концентрационные пункты имеются: это — фабрики и заводы. От них и нужно исходить. Нам может не удастся — и в сущности все демонстрации показали это — собрать рабочую массу из тех кварталов, в которых она ютится, в одно заранее назначенное место. Но нам несомненно удастся — и это подтверждает опыт ростовской стачки и особенно южных волнений 1903 года — вывести уже собранную массу из фабрик и заводов. Не собирать рабочих по одиночке, не скликать их искусственно к определенному часу, но взять за исходный момент их естественное, повседневное «скопление», — вот выход, который диктуется нам всем нашим прошлым опытом.

Оторвать рабочих от машин и станков, вывести за фабричные ворота на улицу, направить на соседний завод, провозгласить там прекращение работ, увлечь новые массы на улицу, и, таким образом, от завода к заводу, от фабрики к фабрике, нарастая и сноса полицейские препятствия, увлекая прохожих речами и призывами, поглощая встречные группы, заполняя улицы, завладевая пригодными помещениями для народных собраний, укрепляясь в этих помещениях, пользуясь ими для беспрерывных революционных митингов с постоянно обновляющейся аудиторией, внося порядок в передвижения масс, подымая их настроение, разъясняя им цель и смысл происходящего, — в конце концов превратить таким образом город в революционный лагерь, — вот в общем и целом план действий.

Повторяем: исходным их пунктом, в зависимости от состава наших главных революционных корпусов, должны явиться фабрики и заводы. Это значит, что серьезные уличные манифестации, чреватые решающими событиями, должны начаться с массовой политической забастовки.

Назначить на известное число забастовку легче, чем народную демонстрацию, — именно по той причине, что вывести готовую массу легче, чем ее собрать.

Само собою разумеется, что массовая политическая забастовка—не местная, а всероссийская — должна иметь свой общий политический лозунг. Это не значит, что нельзя выставлять местных и частных требований профессионального характера; наоборот, чем больше нужд и потребностей будет задето в пред-

шествующей агитации, чем специализированнее будут требования отдельных рабочих групп, тем обеспеченнее будет участие в движении всей пролетарской массы. Это необходимо твердо помнить всем организациям. Но все эти частные и специальные требования, приуроченные ко всеобщей стачке, должны покрываться одним обобщающим и объединяющим политическим лозунгом. Само собою разумеется, что этот лозунг: прекращение войны и созыв всенародного учредительного собрания.

Это требование должно стать всенародным, — и в этом именно задача агитации, предшествующей *всероссийской политической забастовке.* Нужно использовать все поводы, чтобы популяризировать в массах идею Всенародного Учредительного Собрания. Нужно, не теряя ни единой минуты, привести в движение все технические средства и все агитационные силы Партии. Прокламации и устные речи, кружковые занятия и массовые собрания должны распространять, разъяснять и углублять требование Учредительного Собрания. В городе не должно остаться ни одного человека, который не знал бы, что его требование: Всенародное Учредительное Собрание.

Эту агитацию необходимо — не упуская ни одного дня и ни одного повода — *перебросить в деревню.* Деревня должна знать, что ее требование, это — Всенародное Учредительное Собрание. *Крестьяне* должны быть призваны собираться в день всеобщей забастовки на свои сходы и постановлять требование созыва Учредительного Собрания. Подгородные крестьяне должны быть призваны в города, чтобы принять участие в уличных движениях революционных масс, собранных под знаменем Всенародного Учредительного Собрания.

Всероссийское студенчество должно быть призвано всюду и везде приурочить свои выступления ко всероссийской демонстрации в пользу Учредительного Собрания. Все общества и организации, ученые и профессиональные, органы самоуправления и органы оппозиционной печати должны быть предупреждены рабочими, что ими готовится к определенному времени всероссийская политическая стачка, чтобы добиться созыва Учредительного Собрания. Рабочие должны потребовать от всех корпораций и обществ заявления, что в назначенный для массовой манифестации день все они присоединятся к требованию Учредительного Собрания. Рабочие должны требовать от оппозиционной прессы, чтоб она популяризировала выдвинутое ими требование

и чтобы накануне назначенного дня она напечатала призыв ко всему населению присоединиться к пролетарской демонстрации под знаменем Всенародного Учредительного Собрания.

Необходимо развить самую напряженную агитацию в войсках так, чтобы к моменту стачки всякий солдат, который будет отправлен для усмирения «бунтовщиков», знал, что перед ним стоит народ, требующий созыва Всенародного Учредительного Собрания.

2. ПОСЛЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОССТАНИЯ [61]).

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Мюнхен, 20 января (2 февр.) 1905 г.

...Каким всепобеждающим красноречием обладают факты, — и какими бессильными в сравнении с ними являются слова!..

Масса заявила о себе. Она зажгла сначала революционные вышки на Кавказе, она столкнулась затем грудью в незабвенный день 9 января с царскими гвардейцами и казаками на улицах Петербурга, она наполнила шумом своей борьбы улицы и площади всех промышленных городов...

Эта брошюра писалась до бакинской стачки. Она была набрана до петербургского восстания. Многое из того, что в ней сказано, устарело, хотя прошло только несколько дней. Мы оставляем ее без изменения, иначе ей никогда не появиться. События идут за событиями, история работает более проворно, чем печать. Политической литературе, особенно зарубежной, приходится давать не столько прямые директивы, сколько ретроспективные обзоры.

Брошюра исходит из критики либеральной и демократической оппозиции — и приходит к политической необходимости и исторической неизбежности восстания масс. «Революционная масса есть факт», повторяла социал-демократия в тот период, когда шумные банкеты либералов, казалось, так ярко оттеняли политическое молчание народа. Либеральные умники скептически поводили губами; прикомандировавшие себя к либералам «демократы» преисполнились несносного высокомерия и до такой степени решительно вообразили себя вершителями судеб, что некоторые «горе-революционеры» не нашли ничего лучшего, как за спиной молчащего народа вступить в сделку с этими оппортунистами

и скептиками. Нелепый, бессодержательный, никого ни к чему не обязывающий, ни на какие действия не рассчитывающий «блок», сочиненный в Париже [62]), был продуктом недоверия к массе и к революции. Социал-демократия не вступила в этот «блок», ибо ее вера в революцию датирует не с 9 января 1905 года.

«Революционная масса есть факт»,— повторяла социал-демократия. Либеральные мудрецы презрительно пожимали плечами. Эти господа считают себя трезвыми реалистами — только потому, как известно, что не способны учитывать действие больших причин и ставят себе задачей играть роль приживалки при каждом мимолетном политическом факте. Они кажутся себе трезвыми политиками, несмотря на то, что история презрительно третирует их мудрость, рвет в клочки их школьные тетрадки, одним движением уничтожает их чертежи и великолепно издевается над их глубокомысленными предсказаниями.

«Революционного народа в России еще нет»...

«Русский рабочий культурно отстал, забит и (мы имеем в виду, главным образом, рабочих петербургских и московских) еще не достаточно подготовлен к организованной общественно-политической борьбе».

Так писал г. Струве в своем «Освобождении». Он писал это 7 января 1905 г. *), за два дня до раздавленного гвардейскими полками восстания петербургского пролетариата.

«Революционного народа в России еще нет».

Эти слова следовало бы выгравировать на лбу г. Струве, еслиб его лоб и без того не походил уже на надгробную плиту, под которой покоится так много планов, лозунгов и идей — социалистических, либеральных, «патриотических», революционных, монархических, демократических и иных — всегда рассчитанных на то, чтобы не слишком забежать вперед, и всегда безнадежно отсталых...

«Революционного народа в России нет», сказал устами «Освобождения» русский либерализм, успевший убедить себя в течение трехмесячного периода, что он — главная фигура политической сцены, что его программа и тактика определяют всю судьбу страны. И не успело еще это заявление дойти по назначению,

---

*) Эта статья была помещена в № 63 под названием: «Насущная задача времени».

как телеграфная проволока разнесла во все концы мира великую весть о начале русской народной революции.

Да, она началась. Мы ждали ее, мы не сомневались в ней. Она была для нас в течение долгого ряда лет только выводом из нашей «доктрины», над которой издевались ничтожества всех политических оттенков. В революционную роль пролетариата они не верили, — зато верили в силу земских петиций, в Витте, в «блоки», соединяющие нули с нулями, в Святополка-Мирского, в банку динамита... Не было политического предрассудка, в который бы они не верили. Только веру в пролетариат они считали предрассудком.

Но история не справляется с либеральными оракулами, и революционный народ не нуждается в проходном свидетельстве от политических евнухов.

Революция пришла. Уже первым взмахом своим она перенесла общество через десятки ступеней, по которым в мирное время приходилось бы карабкаться с остановками и передышками. Она разрушила планы стольких политиков, которые осмеливались вести свои политические счеты без хозяина, т.-е. без революционного народа. Она разрушила десятки суеверий и показала силу программы, рассчитанной на революционную логику развития масс. Достаточно взять один частный вопрос: вопрос о республике. До 9 января требование республики должно было казаться всем либеральным мудрецам фантастическим, доктринерским, нелепым. Но достаточно оказалось одного революционного дня, одного грандиозного «общения» царя с народом, чтобы идея конституционной монархии стала фантастической, доктринерской и нелепой. Священник Гапон [63]) восстал с идеей монарха против реального монарха. Но так как за ним стояли не монархисты-либералы, а революционные пролетарии, то это ограниченное «восстание» немедленно же развило свое мятежное содержание в кличе «долой царя!» и в баррикадных боях. Реальный монарх погубил идею монархии. Отныне демократическая республика — единственный политический лозунг, с которым можно итти к массам.

Революция пришла и закончила период нашего политического детства. Она сдала в архив наш традиционный либерализм с его единственным достоянием: верой в счастливую смену правительственных фигур. Глупое царствование Святополка-Мирского было для этого либерализма эпохой наивысшего рас-

цвета. Царский указ 12 декабря [64]) — его наиболее зрелым плодом. Но восстание 9 января смело «весну» [65]), поставив на ее место военную диктатуру, и дало пост петербургского генерал-губернатора генералу Трепову [66]), которого либеральная оппозиция только что спихнула с места московского полицеймейстера.

Либерализм, ничего не желавший знать о революции, шушукавшийся за кулисами, игнорировавший массу, рассчитывавший на свой дипломатический гений, сметен. С ним покончено на весь революционный период.

Либералы левого крыла пойдут теперь в народ. Ближайший период будет свидетелем их попыток взять в свои руки массу. Масса — это сила. Нужно ею овладеть. Но масса — это революционная сила. Нужно ее приручить. Такова намечающаяся тактика «освобожденцев». *Наша борьба за революцию, наша подготовка к революции будет вместе с тем нашей беспощадной борьбой с либерализмом за влияние на массы, за руководящую роль пролетариата в революции.* В этой борьбе за нас будет великая сила: логика самой революции!

Русская революция пришла.

Те формы, какие приняло восстание 9 января, разумеется, никем не могли быть предвидены. Революционный священник, которого история такими неожиданными путями поставила на несколько дней во главе рабочей массы, наложил на события печать своей личности, своих воззрений, своего сана. И эта форма способна скрыть от многих действительное содержание событий. Но внутренний смысл этих событий именно таков, как предвидела социал-демократия. Главное действующее лицо — пролетариат. Он начинает со стачки, объединяется, выдвигает политические требования, выходит на улицы, сосредоточивает на себе восторженные симпатии всего населения, вступает в сражение с войсками... Георгий Гапон не создал революционной энергии петербургских рабочих, — он только ее вскрыл. Он застал тысячи сознательных рабочих и десятки тысяч революционно-возбужденных. Он дал план, который объединил всю эту массу — на один день. Масса вышла, чтобы разговаривать с царем. Но перед ней оказались уланы, казаки, гвардейцы. План Гапона не подготовил к этому рабочих. И что же? Они захватывали, где могли, оружие, строили баррикады, пускали в ход динамит. Они сражались, хотя, казалось, вышли просить. Это значит, что они вышли не просить, а требовать.

Петербургский пролетариат проявил политическую восприимчивость и революционную энергию, далеко выходящие за пределы того плана, который был дан его героическим, но случайным вождем.

В плане Георгия Гапона было много революционной романтики. Этот план рухнул 9 января. Но не романтика, а живая реальность — революционный пролетариат Петербурга. И не только Петербурга. По всей России прошла грандиозная волна. И она еще далеко не улеглась... Достаточно было толчка, чтобы пролетарский кратер изверг из себя реки революционной лавы.

Пролетариат восстал. Он использовал для этого случайный повод — исключение двух рабочих, случайную организацию — легальное «Русское общество» [67]) и случайного вождя — самоотверженного священника. Достаточно оказалось этого для того, чтобы восстать. Но этого было недостаточно для того, чтобы победить.

Чтобы победить, необходима не романтическая тактика, опирающаяся на призрачный план, а тактика революционная. Необходимо подготовить единовременное выступление пролетариата по всей России. Это первое условие. Никакие местные демонстрации не могут уже теперь иметь серьезного политического значения. После петербургского восстания должно иметь место только всероссийское восстание. Разрозненные вспышки будут только безрезультатно сжигать драгоценную революционную энергию. Разумеется, поскольку они возникают самопроизвольно, как запоздалый отголосок петербургского восстания, они должны быть энергично использованы для революционизирования и сплочения масс и для популяризации в их среде мысли *о всероссийском восстании, как о задаче ближайших месяцев*, может быть недель. Эта мысль, сделавшись достоянием масс, уже сама по себе способна концентрировать их боевую энергию, удерживать от партизанских вспышек, с одной стороны, и учить на опыте революционных вспышек делу революционного сплочения, с другой.

Здесь не место говорить о технике народного выступления. Вопросы революционной техники могут ставиться и решаться лишь практически — под живым давлением борьбы и при непрестанном общении всех активных работников Партии. Но несомненно, что *вопросы революционно-технической организации*

выступления масс получают теперь колоссальное значение. К этим вопросам события призывают коллективную мысль Партии.

Здесь можно лишь попытаться вопросы революционной техники установить в надлежащие политические перспективы.

Прежде всего мысль останавливается пред вопросом о вооружении. Петербургские пролетарии проявили громадный героизм. Но этот невооруженный героизм толпы оказался неспособен противостоять вооруженному идиотизму казармы. Значит для победы необходимо, чтоб революционный народ стал вооруженным народом. В этом ответе скрывается, однако, внутреннее противоречие. Для вооружения народа недостаточно тех конспиративных «арсеналов», которыми может располагать революционная организация. Пусть эта последняя вооружает отдельных рабочих, непосредственно с нею связанных, — она сделает полезное дело. Но отсюда до вооружения масс так же далеко, как от индивидуальных убийств до революции. Пусть та или другая группа рабочих овладеет оружейной лавкой, — очень хорошо, но совершенно недостаточно для вооружения народа. Обильные запасы оружия имеются только в государственных арсеналах, т.-е. в распоряжении нашего прямого врага, и состоят под охраной той самой армии, против которой должны быть направлены. Для того, чтобы овладеть оружием, нужно преодолеть сопротивление армии. Но ведь именно для этого-то и нужно оружие. Это противоречие разрешается, однако, в самом процессе столкновения народа с армией. Революционная масса подчиняет себе часть или частицу армии, — это уже громадное завоевание. Дальше вооружение народа и «деморализация» войска пойдут неудержимо вперед, подталкивая друг друга. Но как будет достигнута первая победа над частицей армии?

Тысячи кратких, но выразительных воззваний, которые из окон осыпают солдат по пути их следования к месту «военных действий»; страстные слова баррикадного оратора, пользующегося хотя бы минутной нерешительностью военного начальства, и могучая революционная пропаганда самой толпы, воодушевление которой в возгласах и призывах передается солдатам. Меж тем солдаты уже подготовлены общим революционным настроением, они гнушаются своей ролью палачей, раздражены, устали. И вот они ждут с трепетом и злобой команды офицера. Офицер приказывает открыть огонь — но его самого скашивает выстрел, может быть по заранее условленному плану

или же под влиянием минутного озлобления. В войске происходит замешательство. Этим моментом пользуется народ, чтобы войти в ряды солдат и лицом к лицу убедить их перейти на свою сторону. Если солдаты по команде офицера дают залп, то в ответ из окон домов в них бросают динамитные бомбы. В результате опять-таки расстройство военных рядов, замешательство солдат и тут же попытка со стороны революционеров посредством воззваний или путем смешения народа с солдатами убедить войско бросить оружие или перейти с оружием на сторону народа. Неудача в одном случае отнюдь не должна отпугивать от повторения тех же средств устрашения и убеждения в других случаях, хотя бы по отношению к тем же частям войска. В конце концов моральное влияние военной дисциплины, мешающее солдатам поступить так, как им подсказывают ум и чувство, будет сломлено. Такая комбинация морального и физического воздействия, неизбежно ведущая к частичной победе народа, требует не столько предварительного вооружения масс, сколько внесения организованности и целесообразности в ее уличные движения, — и в этом, именно, главная задача революционных организаций. С частицей армии мы подчиним себе ее часть, а с частью и целое, потому что победа над частью армии даст народу оружие, а всеобщая воинская повинность сделала то, что в толпе всегда найдется достаточное количество людей, способных сыграть роль военных инструкторов. Оружие новейшего образца также способно служить делу революции в руках народа, как оно служит делу реакции в руках дисциплинированной армии. И мы еще на-днях только имели случай видеть, что царская пушка, направленная надлежащей рукой, палит шрапнелью по Зимнему Дворцу *).

Недавно один английский журналист г. Arnold White писал: «Если бы Людовик XVI [69]) обладал баттареями пушек Максима, французская революция не произошла бы». Какой претенциозный вздор — измерять исторические шансы революций калибром ружей и пушек. Как будто ружья и пушки управляют людьми, а не люди — ружьями и пушками. Победоносная русская революция в числе сотни других предрассудков разрушит и это

---

*) Во время парада 6 января 1905 года одна из пушек выстрелила холостым, а боевым снарядом [68]).

нелепо-суеверное почтение пред маузеровскими ружьями, якобы диктующими законы самой истории.

И во время Великой Французской Революции, и в 48 году [70]) армия, как армия, была сильнее народа. Революционная масса побеждала не превосходством своей военной организации или военной техники, но своей способностью заражать национальную атмосферу, которою ведь дышит и армия, бациллами мятежных идей. Конечно, для хода и исхода уличных сражений имеет значение, бьет ли ружье на несколько сот сажен или на несколько верст, убивает ли оно одного или пронизывает целый десяток, — но все же это лишь подчиненный вопрос техники по сравнению с основным вопросом революции — вопросом деморализации солдат. «На чьей стороне армия?» — вот вопрос, который решает все и который в свою очередь вовсе не решается устройством винтовок и митральез.

На чьей стороне армия? Петербургские рабочие 9 января поставили этот вопрос в «действии» колоссального масштаба. Они заставили петербургских гвардейцев пред лицом всей страны демонстрировать свое назначение и свою роль. Демонстрация вышла страшной по своей ясности и неотразимой поучительности. Гвардия победила. Но Николай II имеет право сказать: «Еще такая победа, — и я останусь без армии».

Петербургские полки вообще, гвардейские в особенности — специально подобраны и специально дрессированы. Другое дело, провинция: там армия несравненно более «демократична». А для успеха революции вовсе нет необходимости, чтобы на сторону ее перешла вся армия вместе с гвардейскими полками. Еще меньше необходимости в том, чтобы первый пример революционного братания с народом подали петербургские полки. Петербург вовсе не сосредоточивает у нас политической энергии всей нации в такой мере, как в свое время Париж, Берлин или Вена. Наша провинция развивает в последние дни и отчасти еще развивает сегодня — к несчастью, разрозненно — такую революционную работу, которой хватило бы 50—100 лет тому назад на десяток наций. Хозяйственная роль пролетариата, творца русской революции, сообщает провинции то значение, которого она не имела и не могла иметь в Европе во время мелкобуржуазных, по своему персоналу, революций XVIII и XIX в.в. Достаточно одного примера. Сибирский Союз нашей Партии [71]) вчера еше мог казаться случайной организацией, которой в близ-

ком будущем не предстоит никакого влияния. Но сегодня он путем стачки железнодорожных рабочих обрывает сообщение страны с театром военных действий и приводит в содрогание весь правительственный аппарат.

Наш юг — неиссякаемый вулкан революционной лавы. А Польша? Кавказ? Северо-Западный край? Финляндия? Если даже допустить, что путем дальнейшего искусственного отбора и действия алкоголя (неизбежный рецепт во время всех революций) петербургские полки будут неизменно сохранены для дела кровавой репрессии, что столица будет превращена в укрепленный лагерь, у ворот каждой фабрики будет поставлено по пушке, у застав — по баттарее, если, одним словом, допустить, что осуществится «план» Владимира Романова [72]), остается все же несомненным, что Петербург будет со всех сторон охвачен огненным кольцом революции. Чем и как помогут гвардейцы, когда в Москве или на юге образуется *Временное Правительство, первым актом которого будет радикальная реорганизация армии?* Владимир пошлет гвардию против провинции? Но для этого гвардия слишком ничтожна. Наоборот, во время прежних революций войска всегда стягивались из провинции в столицу. Если направить гвардию против Временного Правительства, кто будет охранять Зимний Дворец от петербургского пролетариата, который можно обескровить, разделить, связать, но который нельзя раздавить или раз навсегда устрашить?

Arnold White решил, что Людовику XVI для спасения абсолютизма не хватило только дальнобойных орудий. Князь Владимир, который в Париже кроме домов терпимости изучал еще и административно-военную историю Великой Революции, сделал тот вывод, что старая Франция была бы спасена, еслиб правительство Людовика без замешательства и колебаний подавляло все зародыши революции и освежало народ Парижа смелыми и широко организованными кровопусканиями. Как это делают, августейший алкоголик показал 9 января. Стоит его опыт санкционировать, возвести в систему, распространить на всю страну, — и самодержавие увековечено. Какой простой рецепт! Неужели же в правительстве Людовика XVI, Фридриха Вильгельма IV [73]) или Иосифа II [74]) не было ни одного негодяя, который настаивал бы на плане, извлеченном ныне Владимиром Романовым из опыта французской революции? Конечно, в такого рода спасителях недостатка не было. Но революционное разви-

тие так же мало может определяться волей таких кровожадных кретинов, как и диаметром пушечного жерла. Диктатор, несущий на конце меча спасение старого режима, неизбежно запутывается в петлях, раскиданных гением революции. Пушки, ружья и шашки — отличные слуги порядка, но их должно приводить в движение. Для этого нужны люди. Хотя эти люди называются солдатами, но в отличие от пушек они и чувствуют и думают. Значит, это ненадежная опора. Они колеблются, заражают нерешительностью своих командиров, а это рождает разложение и панику в рядах высшей бюрократии. Диктатор не встречает нравственной поддержки, наоборот, наталкивается ежеминутно на препятствия, вокруг него создается сеть противоречивых влияний и внушений, приказы отдаются и отменяются, замешательство растет, деморализация правительства расползается все шире и глубже и питает собою самоуверенность народа...

Рядом с вопросом о вооружении выступает вопрос о формах уличной борьбы. Какую роль сыграет или может сыграть у нас баррикада? Но прежде всего: какую роль играла баррикада в революциях старого образца?

1. Баррикада служила для рассеянной революционной массы концентрационным пунктом.

2. Баррикада вносила в хаотическую массу элементы организации тем, что ставила задачу: на данном месте защищаться от войск.

3. Баррикада задерживала движение солдат, приводила их в общение с народом и тем деморализовала их.

4. Баррикада служила прикрытием для борцов.

В настоящее время баррикада гораздо беднее влиянием. В лучшем случае она еще сохранила значение физического препятствия, позволяющего массе на минуту-другую прийти в общение с солдатами. Мобилизационного и организационного значения баррикада иметь почти уже не может. Рабочую массу мобилизует стачка, организует, во-первых, фабрика, во-вторых, революционная партия. Старый баррикадный боец был вооружен живым словом к солдатам и ружьем, как последним аргументом. Нынешний революционер будет чаще вооружен печатным воззванием и, по крайней мере на первых порах, динамитом. Как тем, так и другим удобнее пользоваться из окна второго или третьего этажа, чем из-за баррикады.

Но довольно об этом. Все эти вопросы должны, как мы уже сказали, решаться революционными организациями на местах. Это, конечно, лишь служебная работа по отношению к политическому руководству массой. Но теперь без этой работы немыслимо самое политическое руководство. Техническая организация революции является на ближайший период осью политического руководства восставшей массой.

Что же нужно для такого руководства? Несколько очень простых вещей: свобода от организационной рутины и жалких традиций конспиративного подполья; широкий взгляд; смелая инициатива; способность оценить положение; еще раз смелая инициатива.

Революционное развитие дало нам петербургские баррикады 9 января. Ниже этого мы уже не можем спускаться. От этого этапа мы должны исходить, чтобы двигать революцию вперед. Политическими выводами и революционными завоеваниями восстания петербургских рабочих мы должны пропитать нашу агитационную и организационную работу.

Русская революция, которая уже началась, подходит к своему кульминационному моменту: всенародному восстанию. Организация этого восстания, от которого зависит судьба революции на ближайшее время, основная задача нашей Партии.

Никто не выполнит этой задачи, кроме нас. Священник Гапон мог появиться однажды. Для того, чтобы совершить то дело, которое он совершил, нужны были те исключительные иллюзии, которые его увлекали. Но и он мог оставаться во главе масс только короткое время. Революционный пролетариат будет всегда хранить память священника Георгия Гапона. Но его память останется памятью одинокого, почти легендарного героя, открывшего шлюзы революционной стихии. Если бы теперь и выступила вторая фигура, равная Гапону по энергии, революционному энтузиазму и по силе политических иллюзий, ее появление было бы запоздалым. То, что в Георгии Гапоне было великим, могло бы теперь оказаться смешным. *Второму Гапону нет места, ибо то, что теперь нужно, это не огненные иллюзии, а ясное революционное сознание*, отчетливый план действий, гибкая революционная организация, способная дать массам лозунг, вывести их на поле действий, ударить наступление по всей линии и довести дело до победоносного конца.

Такую организацию может дать только социал-демократия. И никто кроме нее. Никто не даст массе революционного лозунга, ибо никто вне нашей Партии не свободен от каких бы то ни было других соображений, кроме интересов революции. Никто, кроме социал-демократии, не способен организовать выступление массы, ибо никто не связан с этой массой, кроме нашей Партии.

Наша Партия делала много ошибок, грехов, почти преступлений. Она колебалась, уклонялась, останавливалась, проявляла нерешительность и косность. Подчас она тормозила революционное движение.

Но нет революционной партии, кроме социал-демократии!

Наши организации несовершенны. Наша связь с массами недостаточна. Наша техника примитивна.

Но нет связанной с массами организации, кроме социал-демократии!

Во главе революции идет пролетариат. Во главе пролетариата идет социал-демократия!

Сделаем все, что можем, товарищи! Вложим всю страсть в наше дело. Ни на минуту не будем забывать, какая ответственность лежит на нашей Партии: ответственность перед русской революцией, перед международным социализмом.

Пролетариат всего мира смотрит на нас с ожиданием. Великие перспективы открывает пред человечеством победоносная русская революция. Товарищи, выполним наш долг!

Будем собирать наши ряды, товарищи! Будем объединять и объединяться! Будем готовиться сами и готовить массу к решительным дням восстания! Ничего не упустим из виду. Ни одной силы не оставим без пользы для дела.

Честно, мужественно и согласно пойдем мы вперед, связанные нерасторжимым единством, братья по революции!

* * *

«До 9 января» представляет собою перепечатку брошюры, изданной около двух лет тому назад в Женеве. Первая часть брошюры дает анализ программы и тактики оппозиционных земцев и демократической интеллигенции; многое из того, что здесь сказано, звучит теперь трюизмом. Но по существу наша критика кадетской Думы покоится на тех же началах, что и

критика первого земского совещания в Москве. Нам приходится повторять свои обличения с тем же упорством, с каким либерализм повторяет свои ошибки. Если наша критика не убеждает и не исправляет либералов, то она научает кого-то третьего не верить им.

«Обострившееся недовольство, не находящее выхода, — писали мы по поводу земского съезда и ноябрьских банкетов 1904 г., — обескураженное неизбежным неуспехом легальной земской кампании, опирающейся на бесплотное «общественное мнение», без традиций революционной борьбы в прошлом, без ясных перспектив в будущем, — это общественное недовольство может вылиться в отчаянный пароксизм террора, при полной сочувственного бессилия пассивности демократической интеллигенции, при двусмысленной поддержке задыхающихся от платонического энтузиазма либералов» (стр. 45). Выход из этого положения, утверждали мы, может создать только революционный пролетариат. Mutatis mutandis этот анализ и этот прогноз приходится повторить по отношению к настоящему моменту...

Заключительная часть названной брошюры останавливается на задачах, выдвинутых январскими событиями в Петербурге. Читатель сам увидит, что́ из сказанного нами по этому поводу устарело. Мы же хотим здесь мимоходом сказать лишь несколько слов об одной из самых странных исторических фигур, о Георгии Гапоне, так неожиданно поднявшемся на гребне январских событий.

Либеральное общество долго верило, что в личности Гапона скрывалась вся тайна 9 января. Его противопоставляли социал-демократии, как политического вождя, который знает секрет обладания массой. Новое выступление пролетариата связывали с личностью Гапона. Мы не разделяли этих ожиданий. «Второму Гапону нет места, — писали мы, — ибо то, что теперь нужно, это не иллюзии, а ясное революционное сознание, отчетливый план действий, гибкая революционная организация» (стр. 64). Такой организацией явился впоследствии Совет Рабочих Депутатов.

Но если мы отводили политической роли Гапона совершенно подчиненное место, то мы, несомненно, переоценивали его личность. В ореоле пастырского гнева с пасторскими проклятиями на устах он представлялся издали фигурой почти библейского стиля. Казалось, могучие революционные страсти проснулись

в груди молодого священника петербургской пересыльной тюрьмы. И что же? Когда догорели огни, Гапон предстал перед всеми полным политическим и нравственным ничтожеством.

Его позирование перед социалистической Европой, его беспощадно «революционные» писания из-за границы, наивные и грубые, его приезд в Россию, конспиративное сношение с правительством, сребренники гр. Витте, претенциозные и нелепые беседы с сотрудниками консервативных газет, шумливость и хвастливость — все это окончательно убило представление о Гапоне 9 января. Нам невольно вспоминаются проницательные слова Виктора Адлера [75], вождя австрийской социал-демократии, который после получения первой телеграммы о прибытии Гапона заграницу сказал: «Жаль... для его исторической памяти было бы лучше, если бы он так же таинственно исчез, как появился. Осталось бы красивое романтическое предание о священнике, который открыл шлюзы русской революции... Есть люди, — прибавил он с той тонкой иронией, которая так характерна для этого замечательного человека, — есть люди, которых лучше иметь мучениками, чем товарищами по партии»... *)

*) Настоящий отрывок взят нами из предисловия Л. Д. Троцкого к его книге «Наша революция», вышедшей в 1906 г. (*Ред.*)

II

Между девятым января и октябрьской стачкой

1. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В НАЧАЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

КАПИТАЛ В ОППОЗИЦИИ

I. Капитал и либеральная программа

Тяжелым ударом для правительственной реакции был тот факт, что промышленная, торговая и финансовая буржуазия высказалась за конституцию. Биржевые общества, промышленные съезды, так называемые «совещательные конторы» и прочие организации капитала вотировали недоверие самодержавно-полицейской государственности и заговорили языком европейского либерализма. Городской купец показал, что в деле оппозиции не уступит «просвещенному помещику». Думы не только присоединялись к земствам, но подчас становились впереди их; подлинно-купеческая московская дума выдвинулась в передний ряд.

Озадаченная реакционная пресса на первых порах попыталась представить этот неожиданный факт купеческой причудой, своего рода разбитием стекол в государственном заведении отечественной самобытности. Предполагалось, что купец, успокоившись, снова войдет в прежнюю колею. Но купец не успокаивался. Суворин[76]) укоризненно писал: «и ты, Брут!?»[77]) и с сокрушением вспоминал крылатое слово Пушкина: «все изменилося под нашим Зодиаком»...

— «А кто тебе, козлиная борода, сплутовать помог?» — обращается реакция к купцу со старой укоризной городничего. — На кого ты руку подымаешь? — Но, к счастью или к несчастью, в политике еще скорее, чем в частном обиходе, старая хлеб-соль забывается. Политические отношения никогда не определяются чувствами благодарности. Классовый интерес является здесь

единственным господином положения. И само «Новое Время» в своем реакционном стремлении скомпрометировать либерального купца сделало попытку нащупать классовый нерв в его либерализме.

«Предприниматели... хорошо понимают, — писал московский корреспондент Суворина, — что царство денег, буржуазии и полное порабощение народа, крестьянской массы, как потребителя и как рабочей силы, наступят у нас с момента ограничения самодержавия и введения западно-европейской конституции... При конституции, всегда и везде пляшущей по дудке буржуазии, — говорит автор далее, — правильное и основательное разрешение крестьянско-земельного вопроса станет немыслимым: капиталу нужен не обеспеченный землей крестьянин-домохозяин, а безземельный батрак, дешевый фабричный рабочий. Вот почему новый купец-либерал, помноженный на прислуживающего ему адвоката-радикала, готов подписаться под какой угодно петицией, до всеобщей подачи голосов и равноправия евреев включительно». («Новое Время», №№ 10444 и 10464). Мы не станем останавливаться на реакционной наглости, с которой публицист «Нового Времени» берет под свою защиту мужика и безземельного рабочего от угрожающего им при конституции «полного порабощения»... «Новое Время» закрывает свои бесстыжие глаза на тот факт, что при самодержавном царе рабочий вопрос разрешается массовыми истреблениями пролетариата, а земельная нужда крестьян повсеместно удовлетворяется посредством экзекуций и драгонад... Нововременский публицист прав, однако, в том смысле, что конституционное государство не только не противоречит интересам капитала, но, наоборот, явилось бы наиболее полным и непосредственным их выражением.

Развитие капиталистических отношений порождает необходимость в таком гражданском правопорядке, который облегчал бы подвижность товаров, в том числе и главного товара—рабочей силы. Рынок безличен, и для того, чтобы он функционировал плавно, без лишних трений, он нуждается в законе, равном для всех. Применение закона, дабы последний не оставался пустым звуком, должно быть поручено самостоятельному, «нелицеприятному» суду.

Таким образом, на почве элементарнейших потребностей купли-продажи, найма рабочей силы, борьбы за расширение внутреннего рынка торгово-промышленный капитал неизбежно приходит на известной стадии своего развития к программе либе-

рального гражданского порядка. Свобода передвижения, уничтожение сословных ограничений, равноправность, равенство пред судом, гласность — все эти условия гражданского обихода становятся в такой же мере необходимы капиталу, как железная дорога, транспортная контора и учреждения кредита. Прежде чем подойти к вопросу о формах государственной власти, буржуазно-капиталистический либерализм естественно выдвигает программу реформ гражданского правопорядка. В течение 80-ых и 90-ых годов, т.-е. в эпоху крайне интенсивного развития русского капитализма, либеральная пресса с удивительной неутомимостью и ограниченностью популяризовала отдельные требования «нормального гражданского правопорядка». Она создала при этом своего рода культ «эпохи великих реформ», т.-е. того периода, когда правительство Александра II[78]) сделало довольно широкую попытку усвоить деспотическому государству гражданский правопорядок, выработанный странами старой капиталистической культуры.

Дальнейшая законодательная деятельность и рядом с нею административная практика самодержавной бюрократии представляют картину естественных усилий абсолютизма извергнуть или, обезвредив, ассимилировать все элементы инородной правовой культуры. Эта борьба абсолютизма за самосохранение, все более и более враждебная коренным потребностям товарного производства и товарного обмена, неизбежно возбуждала и питала капиталистическую оппозицию.

Указ 12 декабря 1904 г. представляет собою новую попытку абсолютизма, на этот раз безнадежно-запоздалую, пойти навстречу «потребностям страны», не останавливаясь перед «внесением в законодательство существенных нововведений», но всецело оставаясь при этом на почве «незыблемости основных законов империи».

Если б *государственная* практика самодержавия могла быть хоть сколько-нибудь примирена с либеральной программой *гражданских* отношений, торгово-промышленная буржуазия была бы надолго удовлетворена. Но остается несомненным — как ни истрепала либеральная пресса эту мысль — что самодержавный строй, т.-е. иерархическое господство безответственной бюрократии, совершенно непримирим с законностью, гласностью, независимостью суда и гражданским равноправием. Именно поэтому капиталистическая оппозиция, *исходя* из программы

гражданского равноправия и отнюдь *не сходя* с почвы своих классовых интересов, должна была от требования *реформ* перейти к требованию *реформы*. Народное представительство, орган законодательства и контроля, выдвигается, как необходимая гарантия прочного гражданского правопорядка, на передний план. Фабрикант и купец становятся конституционалистами.

II. «Внутренний рынок» требует парламентаризма

Для того, чтобы нащупать классовые основы либеральной программы представителей капитала, достаточно рассмотреть записки и петиции промышленных съездов, «совещательных контор», биржевых и кредитных обществ и, наконец, адреса купеческих дум. Все эти документы поражают деловым реализмом и политической прозаичностью. Тут нет ни абстрактных деклараций, ни политического сентиментализма, ни той неопределенной романтики, которая ничего не прибавляет к программе по существу, но маскирует ее классовые грани. Ничего подобного! Аргументация целиком ведется от интересов и нужд промышленности, торговли, кредита, — от них исходит и к ним возвращается.

Открытое оппозиционное выступление торгово-промышленного капитала в широких размерах начинается после 9 января.

Фабриканты и заводчики Москвы и московского района очень выразительно формулировали после повсеместных январских стачек свое политическое credo, нашедшее вскоре сочувственный отклик в собрании петербургских фабрикантов. «Несомненно, — гласит московская записка [79]) — что *промышленность находится в теснейшей связи с устойчивостью правовой организации страны*, с обеспечением свободы личности, ее инициативы, свободы науки и научной истины, просвещением народа, из которого она вербует *рабочие руки, тем менее продуктивные, чем они невежественнее*». «Отсталостью, как прямым последствием непрочного правового порядка, *поколеблено положение России на мировом рынке*, и отодвинута ее роль, как страны промышленной, на второстепенный план». Наконец, «нельзя не признать, — гласит записка, — что *на положение промышленности* и благосостояние рабочих *оказывает вредное влияние расстроенное финансовое хозяйство* страны, для урегулирования кото-

рого необходимо участие общественного элемента в обсуждении бюджета».

Записка с.-петербургской конторы железозаводчиков, повторив цитированные соображения московской записки, говорит: «До сих пор русскому промышленнику не дано было принимать деятельного участия в развитии русского народного хозяйства, хотя бы потому, что проявление частной промышленной инициативы у нас крайне стеснено. Акционерное дело, железнодорожное строительство, земельный, городской и коммерческий кредит — все это в России продукт правительственного усмотрения»...

«Никакое предприятие, — говорит докладная записка могилевского общества взаимного кредита, — не может быть самодовлеющей силой; его успех зависит не только от правильной постановки дела, но также от рынка, от обеспеченности потребителя, от существующего правопорядка... от положения прессы... от устойчивого экономического порядка, гарантирующего спокойное эволюционное развитие без крахов, колебаний, без вооруженных восстаний и насильственных действий»... При нынешних же условиях «эволюционное» развитие невозможно. Хозяйство падает. Обрабатывающая промышленность, «несмотря на сильнейший протекционизм», остается на низком уровне. «Напряжение, которое при участии некоторых кредитных учреждений,— продолжает интересная записка могилевского кредитного общества, — было сделано в последние два десятка лет нашей индустрией и казавшееся ее расцветом, привело только к полному разорению слишком смелых предпринимателей и грандиозному краху и сильнейшему падению, а в иных случаях и полному обесценению многих дивидендных и фондовых бумаг». Кровавая война на Дальнем Востоке еще усугубила тяжесть этого положения. «Наши процентные бумаги, даже государственная рента, стремительно упали еще ниже, промышленность и производство почти совсем замолкли, кредит и доверие совершенно иссякли».

Выгоды бешеного протекционизма, падающие не на промышленность, а на небольшую группу привилегированных хищников-монополистов, не могут примирить капитал с прогрессивно-растущей внутренней анархией, — и одна отрасль промышленности за другой переходит в оппозицию. «И ты, Брут?»— вопит цезарь «Нового Времени», видя, как московские мануфактури-

сты-старообрядцы, хранители древнего благочестия, прикладывают свои руки к конституционным «платформам». Но уже ничто не остановит мануфактурного Брута. Он идет в первом ряду капиталистической оппозиции. Мануфактура, работающая на массового потребителя и наиболее зависящая от покупательной силы населения, гораздо непосредственнее отражает на себе общее расстройство хозяйственной жизни и культурный застой. Вот почему московская дума и московский биржевой комитет, так тесно связанные с мануфактурной промышленностью, оказываются наиболее способными к восприятию политических обобщений. «Народное благо» для них не простой оборот речи, нет, это — реальность, это — внутренний рынок. Подобно московским, петербургские мануфактуристы очень трезво указывают на связь между хлопчато-бумажным рынком и программой широких государственных реформ. Их докладная записка министру финансов напоминает, что петербургские фабриканты неоднократно делали представления министру финансов о тяжелом состоянии такой важной отрасли промышленности, как хлопчатобумажное производство. «Покупательная способность населения, — говорит записка, — видимо истощена, и вынужденное (пошлиною на хлопок) высокое состояние цен на хлопчато-бумажные изделия встречается с крайним ослаблением спроса. Петербургские мануфактуры работают последние годы с ничтожною прибылью и даже в убыток; три из них в самое последнее время погибли».

Металлургическая промышленность гораздо более аристократична, она интимнее связана с казенными заказами, и ей труднее оторваться от бюрократической пуповины. Она консервативнее. Но и ее толкнула в оппозицию логика ее собственного развития. Казенные заказы не могли поспевать за потребностью металлургической промышленности в рынке. Произвол в распределении казенных заказов раздражал отдельные группы металлургов, а внезапное сокращение этих заказов загоняло металлургов в тупик. Благодетельная зависимость от министра финансов превращалась в удавную петлю. Это положение отчетливо констатирует «контора» железозаводчиков в своей записке. «После того, — говорит она, — как русская железная промышленность перестала быть, главным образом, поставщицей по казенным заказам, после того, как русскому железному промышленнику пришлось усиленно искать сбыта своим товарам среди частных

потребителей, неустроенность нашей народной жизни, с крайне слабой потребительной способностью страны, стала для русского железного промышленника очевидным и крайне тягостным явлением». Можно ли выразиться яснее? «Неустроенность народной жизни», нищета, бесправие и одичание масс стали для металлургов «тягостным явлением» лишь тогда, когда им пришлось искать сбыта своим товарам среди частных потребителей.

Столь же ясно формулирует эти мысли цитированная выше коллективная «докладная записка с.-петербургских заводчиков и фабрикантов господину министру финансов» (от 31 января 1905 г.). «Промышленное оживление конца прошлого десятилетия, — жалуется записка, — быстро сменилось общим кризисом и угнетенным состоянием, с полной очевидностью выяснившими, что промышленность не может процветать там, где народ бедствует, что здоровый рост промышленности зависит, прежде всего и главнее всего, от покупательной способности населения. Поощряемая казенными заказами и приливом иностранных капиталов, металлическая промышленность быстро пришла к выводу, что будущее и даже настоящее зависит от потребления железа населением». Что же касается этого последнего вопроса, продолжает записка, то «созванный министерством финансов специальный съезд о мерах к усилению потребления железа населением хорошо выяснил, что такое потребление предполагает непременным условием поднятие народного благосостояния, распространение образования, развитие промыслов, коренное изменение условий жизни сельского населения, ныне приниженного, хозяйственно истощенного, бедного». «Металлическая промышленность в среднем удовлетворяется 2 — 3 процентами на капитал, — уверяет записка, — и только некоторые заводы, благодаря вызванным войною казенным заказам, обнаруживают временное благополучие».

Промышленники и заводчики отсталого Урала присоединяются к записке совещательной конторы железозаводчиков. «В России нет ни твердо обеспеченного правопорядка, ни гражданской свободы, — говорят они, — и в этом лежит главная причина тех неурядиц, которые приходится переживать нашей промышленности». «Отсталость законодательства особенно отражается на подвижной и чуткой промышленности. Так, реформа акционерного закона стоит на очереди более 30 лет, пересмотр паспортной системы потребовал 45 лет и до сих пор еще не закончен в самой

важной своей части — отмене паспортов. Издание нового вексельного устава было плодом 12 комиссий на протяжении 55 лет. Развязка поземельных отношений на Урале растянулась на полстолетия». К бессмысленным законам присоединяются произвольные циркуляры. Непостоянство экономической политики порождает крайнюю неустойчивость многих предприятий. «Протекционизм, — заявляют уральцы, — полезен при подобающей политической обстановке и экономической свободе, как в Соединенных Штатах, при постоянной же опеке он приносит только вред. Главный тормаз в развитии русской промышленности — это отсутствие внутреннего рынка»... Политические выводы уральских промышленников те же, что и у конторы железозаводчиков.

Съезд деятелей цементной промышленности 25 марта принял составленную его бюро принципиальную записку для представления в совет министров. Записка указывает на кризис, которому, в числе других отраслей промышленности, подверглась и цементная, распространяется об общих причинах угнетенного состояния промышленности и приходит к выводу о необходимости «коренных реформ, чтобы обеспечить нашей родине возможность сохранить достойное положение среди других держав».

Не только мануфактуристы и металлурги, даже сахарозаводчики, эти излюбленные дети государственного протекционизма, вступили в лице своих «передовых» элементов на путь либеральной оппозиции. Обширная записка, оживленно обсуждавшаяся в Киеве, в феврале 1905 г., представителями сахарной промышленности, останавливается на опасностях, которыми современное состояние страны грозит сахарной промышленности. «Положение сахарной промышленности в настоящее время, несмотря на крайне низкий спрос населения, вынуждающий к убыточному вывозу заграницу, все же не может быть признано неблагоприятным, поскольку оно определяется условиями, непосредственно лежащими в сахарном деле. Но тесная связь, существующая между отдельными сторонами народной жизни, не позволяет надеяться, чтобы сахарная промышленность осталась незатронутой тем процессом всеобщего брожения, которым охвачена Россия... Со стороны сбыта она (сахарная промышленность) непосредственно заинтересована в благосостоянии широких народных масс, являющихся главным потребителем производимого сахарозаводчиками продукта... Отсутствие свободы слова и печати, свободы собраний и союзов — этих неотъемлемых прав всякого гражданина во

всякой культурной стране — не только удручающе отражается на личной нашей жизни, но также, вселяя апатию и *ограничивая интеллектуальный кругозор деятелей промышленности*, вне всякого сомнения, не дает развернуться во всей мощи производительным силам страны».

Металлурги, мануфактуристы, цементщики, сахаровары, биржевики, купцы, финансисты выражают одни и те же требования одним и тем же языком. Борьба разных отраслей капитала между собой за милости и даяния министерства финансов отодвигается назад общей потребностью в обновлении гражданского и государственного порядка. На место простых идей: *концессия и субсидия* — или наряду с ними — становятся более сложные идеи: *развитие производительных сил и расширение внутреннего рынка*. Либеральный режим становится для капитала классовой потребностью.

III. Рабочие толкают капиталистов на путь оппозиции

Автоматический рост промышленности привел капиталистическую буржуазию в столкновение с сословно-полицейским строем. Но особую остроту эти столкновения получили благодаря тому, что пришла в движение живая производительная сила промышленности — пролетариат.

Этот класс гораздо раньше, чем класс так называемых работодателей, почувствовал и понял несовместимость капиталистического развития с режимом патриархального произвола и полицейской разнузданности. Жадная капиталистическая эксплоатация, с хищническими приемами первоначального накопления, поддерживаемая и охраняемая властной рукою государственного насилия, — русский пролетариат знает, чтó это такое! И он рано начал бороться. Каждое его движение заставало поднятую руку, вооруженную нагайкой или винтовкой. Полицейский порядок нуждался прежде всего в покое и неподвижности, а уже из международной полицейской литературы он мог узнать, что нет более подвижного и беспокойного класса, чем пролетариат. И абсолютизм не жалел для него ни ремня, ни свинца. Но если для абсолютизма нужна была прежде всего неподвижность пролетариата, живого или мертвого, то промышленной буржуазии нужен был прежде всего сам пролетариат. Мерами репрессий можно было стереть с лица земли сотни и тысячи рабочих, но нельзя было оста-

новить стихийное движение *класса*. Наоборот, репрессии создавали новые поводы для недовольства и борьбы, значит и для новых репрессий.

Нормальный ход промышленной жизни прекратился. Производство совершалось как бы урывками, в промежутках между двумя волнениями. Но мало того, что самодержавие самым фактом своего существования толкает рабочих на путь непрерывных волнений, — специальные органы правительства оказывают нередко давление на отдельных фабрикантов, путем угроз вынуждая их итти навстречу требованиям рабочих. Наконец, создалась целая школа полицейской демагогии («зубатовщина») [80], провоцировавшая рабочих на экономические столкновения с капиталом с целью отвлечь их от столкновений с государственной властью. И промышленникам волей-неволей приходилось проникнуться убеждением, что дальше так жить нельзя. Если во имя самосохранения абсолютизм терзает хозяйственную жизнь нации и ввергает промышленность страны в состояние хронической анархии, остается порвать с абсолютизмом. После всероссийской январской стачки 1905 года к этому заключению пришли капиталисты севера и юга, востока и запада,—хлопчатобумажники, железозаводчики и даже сахаровары.

«Русской промышленности, — жалуется январская записка московских фабрикантов, — часто приходится испытывать накопившееся неудовольствие занятых в ней рабочих, которое, при прочном правовом порядке, при равенстве всех перед законом, при неотъемлемых гарантиях неприкосновенности личности, при свободе коалиций и союзов различных групп населения, связанных общностью интересов, могло бы вылиться в спокойные законные формы борьбы, как это наблюдается в Западной Европе и Америке, где от этого промышленность не только не пострадала, но достигла, наоборот, такого расцвета, которого далеко еще не наблюдается в России». «Рабочие и крестьянские беспорядки, беспрестанно разъедающие русскую промышленность, нанося ей огромные убытки и широкой волной охватывающие то один, то другой район обширной России... *наивно объяснять воздействием революционных элементов*. Нет, общее неустроение государственной жизни, отсутствие политических прав... *вот где следует искать главнейшей причины периодических рабочих волнений*».

Январская записка железозаводчиков исходит из тех же соображений и приходит к тому же выводу: «рабочие, как и все

русское общество, настолько уже политически созрели, что им, как и всему русскому обществу, *в интересах промышленного роста империи*, должны быть дарованы политические права и свободные учреждения». При этом записка поясняет, что «результат суждений железозаводчиков по рабочему вопросу бесспорно является *голосом сотен миллионов рублей*, вложенных в русское железное дело»...

Наконец, инженеры, эти непосредственные слуги капиталистической техники, под ударом тех же январских событий считают своим долгом выразить свое опасение, что «*отечественная промышленность, ныне и без того находящаяся в исключительно тяжелых условиях, может быть поставлена в безвыходное положение, при котором участие в ней капитала и интеллигентного труда сделается совершенно невозможным*». «*На том уровне развития*, — говорят они далее, — *которого достигла русская промышленность, меры бюрократического попечения уже не в состоянии вносить успокоение в умы;* напротив, своими постоянными колебаниями то в направлении односторонней защиты предпринимателя, то в сторону показной поддержки рабочих они порождают во всех слоях промышленного населения неуверенность и раздражение. Удовлетворение же основного требования рабочего класса, путем дарования широкой свободы союзов и собраний, предполагает проведение в жизнь начал общегражданской политической свободы».

Таковы эти красноречивые голоса: протест капитала, вопль «сотен миллионов рублей», почуявших грозу, и предостерегающий голос руководящих промышленностью представителей «интеллигентного труда».

Цитированная выше «докладная записка с.-петербургских заводчиков и фабрикантов господину министру финансов» прямо ставит в вину правительству его постоянные уступки домогательствам рабочих, уступки за счет интересов капитала. Последний лишен даже возможности согласованно отвечать на требования рабочих, так как «при настоящем режиме открытого, руководимого личным усмотрением, вмешательства органов администрации в отношения между фабрикантами и рабочими, общность действий не представляется осуществимой». «Ни один слой общества, — протестующе заявляют капиталисты, — не имеет такой удачи в своих домогательствах, как рабочие, которые уже отлично усвоили и помнят, что каждая крупная забастовка прино-

сила им существенное улучшение, они помнят даты стачек и даты узаконений по рабочему вопросу». «Руководители рабочего движения достигнут снизу таких результатов, какие для верхних общественных слоев будут недостижимы, и это будет опасное логическое следствие того факта, что *к грубым демонстрациям прислушиваются внимательнее, чем к заявлениям корректным*». Во всяком случае средством умиротворения рабочего движения являются, на взгляд столичных капиталистов, не частичные экономические уступки, а «более глубокие реформы общегосударственного характера».

В результате «великой стачки», охватившей Польшу после 9 января, варшавские заводчики на собрании 3 февраля пришли к тому выводу, что всеобщая забастовка, как показывают выдвинутые ею требования, не может считаться последствием одних только отношений работодателя к рабочему, но «в значительной степени является результатом причин, находящихся вне сферы влияния работодателя». Заводчики выдвигают требование полной свободы собраний и союзов для обеих сторон, так как, по словам резолюции, для обоих сторон было бы выгоднее, если бы рабочие могли добиваться улучшения своей участи «путем явных и для всех доступных переговоров, а не путем стихийных движений». Дальше этого осторожные варшавские заводчики в своих политических выводах не идут.

В своей «памятной записке» (апрель) костромской комитет торговли и мануфактур решительно протестует против произвольных действий правительства, обостряющих отношения между фабрикантами и рабочими. Так, министерство финансов, без содействия обоих заинтересованных сторон, наметило известные льготы в пользу рабочих за счет предпринимателей. «Каково же будет наше положение, — говорят члены комитета, — если мы, при всей объективности отношения к этим проектам, усмотрим в этих льготах некоторое преувеличение, не соответствующее состоянию нашей промышленности? Тогда у рабочих сложится представление, что мы отнимаем у них то, что было уже обещано правительством»...

Без проведения в жизнь коренных реформ нашего государственного строя, говорит памятная записка, все мероприятия по рабочему вопросу не приведут к успокоению рабочего населения, ибо его возбужденное настроение не есть результат систематической борьбы с капиталистами, — нет, оно «отражает в себе

то всеобщее брожение и недовольство политического характера, которое предъявляется, хотя, может быть, и с меньшею резкостью, всеми другими группами населения».

Сахарозаводчики, с запиской которых мы уже встречались выше, исходя из интересов промышленного развития, настаивают не только на политической реформе, но и на более широком разрешении рабочего и крестьянского вопросов. По словам их записки, они «не могут не разделять с представителями других отраслей промышленности забот, вызываемых обострением рабочего движения. Они даже более других заинтересованы в том, чтобы борьба труда и капитала приняла у нас мирный характер, свойственный ей в передовых странах западно-европейской культуры: сезонный характер производства... делает для сахарозаводчиков особенно убыточными всякие перерывы в работе...» «Правда, — говорит записка, — доселе рабочая среда, из которой вербуется контингент рабочих на сахарных заводах, почти не захватывалась волною стачек. Но быстрый рост рабочего движения заставляет думать, что такое привилегированное положение сахарной промышленности не в состоянии будет долго держаться. Ввиду этого своевременное принятие мер к разрешению рабочего вопроса является для сахарной промышленности необходимым условием дальнейшего существования».

Но еще большие опасности, нежели рабочее движение, несет для сахарной промышленности надвигающаяся гроза крестьянских волнений. Как ни труден земельный вопрос, но он должен быть решен. «Ненормальнс-натянутые отношения между крестьянами и соседями-помещиками, — говорит записка, — надо развязать законодательными мерами, хотя бы местами для этого пришлось даже прибегнуть к принудительному выкупу».

Несколько позже рассматриваемого нами периода пробуждения капиталистической оппозиции (первые месяцы 1905 г.), именно в середине июня, следовательно, не только после рескрипта 18 февраля, но и после земской депутации 6 июня, представители биржевых комитетов в Нижнем-Новгороде обратились через министра финансов к царю с ходатайством о *безотлагательном* созыве народных представителей. Записка указывает на бесцельную и безрезультатную войну извне, на кровавую братоубийственную бойню внутри, наконец, на полный экономический застой. «Постоянные массовые забастовки фабричных и заводских рабочих, грузчиков и судорабочих, начавшиеся аграрные

беспорядки, в основе возникновения коих лежит малоземелье, — говорит резолюция - ходатайство, — ставят промышленность в безвыходное положение, а недостаточная добыча нефтяного топлива (вследствие «неурядиц» на Кавказе. *Л. Т.*) грозит осложнениями, последствия которых даже трудно предвидеть. Совокупность всех этих печальных обстоятельств, — заключает резолюция, — ясно говорит о необходимости проведения в жизнь целого ряда реформ, без которых положительно нельзя рассчитывать на какое-либо улучшение настоящего крайне тревожного и печального положения».

Через все эти петиции, записки и резолюции, наряду с заботой о расширении внутреннего рынка и развитии производительных сил, проходит еще более непосредственная и острая забота об «успокоении» крестьянских и рабочих масс. Капитал разочаровался в мерах полицейской репрессии, которая одним концом бьет рабочего по живому телу, а другим — промышленника по карману. Капитал пришел к выводу, что «мирный» ход промышленного развития требует либерального режима.

Пролетариату пришлось пролить реки крови, прежде чем хозяева и руководители промышленности поняли, что для дальнейшего развития их экономического могущества необходимы конституционные учреждения. 9 января — как и вся январская стачка вообще — явилось поворотным моментом в развитии капиталистического сознания. Только после Кровавого Воскресенья «сотни миллионов рублей» заговорили голосом либеральной оппозиции.

Голос этот, однако, не звучит ни решительностью, ни определенностью, — по крайней мере, поскольку речь идет об основных конституционных требованиях.

«Существующее законодательство и способ его разработки, — говорят обе цитированные январские записки, — не соответствуют потребностям населения, в частности и русской промышленности; необходимо в выработке законодательных норм участие (!) представителей всех классов населения, в том числе рабочих и промышленников. Участие тех же представителей необходимо и в *обсуждении* (!) бюджета, ибо последний является могущественным двигателем в руках государства при разрешении промышленных вопросов страны».

Красноречивая записка могилевского кредитного общества, «окрыленная светлой надеждой» на последствия актов 12 декабря

и 18 февраля, вовсе обходит основные конституционные вопросы, ограничиваясь пожеланиями «свобод», национального равноправия и «широкого самоуправления».

Резолюция июньского съезда представителей биржевых комитетов в Нижнем-Новгороде, настаивающая на необходимости предоставления народным избранникам *права выработки основных законов государственного устройства*, растворяет это конституционное требование в нелепой либерально-славянофильской мистике царизма.

Большею определенностью отличается телеграмма общего собрания борисоглебской (тамбовской губернии) хлебной биржи, отправленная 8 апреля министру внутренних дел и ставящая себе целью побудить его к скорейшему выполнению рескрипта 18 февраля. Телеграмма указывает на «зловещее аграрное движение, грозящее неисчислимыми бедствиями». Растет и обостряется рознь между отдельными слоями населения... Торговля и промышленность, этот наиболее *чуткий* показатель состояния государственной и общественной жизни, совершенно замерли... Вот почему «призванное законом заботиться о нуждах местной торговли и промышленности» борисоглебское биржевое общество почитает своим долгом указать на *«необходимость немедленного созыва избранных всеобщей, прямой и равной подачей голосов представителей всех частей населения»...*

Не только общее требование правопорядка, но даже такой демократический лозунг, как всеобщее, равное и прямое избирательное право, способен найти доступ в программу торгово-промышленной буржуазии, и притом не ее столичных идеологов, а борисоглебских биржевиков! Поскольку движение масс и особенно пролетариата срослось с этим лозунгом, промышленная буржуазия, по крайней мере в лице отдельных своих групп, может подняться до этого требования — во имя своих классовых интересов, во имя порядка, во имя «эволюционного развития без крахов, колебаний, без вооруженных восстаний и насильственных действий».

IV. Либерализм и свобода капиталистической эксплоатации

Но и в своем высшем либеральном подъеме это все же голос сотен миллионов рублей, голос капитала, ищущего прибыли и стремящегося приспособиться к изменившимся условиям в целях

беспрепятственной эксплоатации наемного труда. И, как мы сейчас увидим, наибольшей законченностью и определенностью отличается либеральная программа промышленников во всем, что касается гарантий неприкосновенности капитала и непосредственных условий эксплоатации рабочей силы.

Индустриальный либерализм не остановился на тех общих политических формулах, в которых он дал ответ на январские события. В мае, т.-е. в период новой стачечной волны, либеральный капитал делает попытку конкретизировать и детализировать свою программу. Мы имеем пред собою майскую докладную записку группы горнозаводчиков и промышленников московского района, составленную для высочайше утвержденной комиссии «прогрессивною частью представителей московского биржевого комитета». Записка эта, как и январская, констатирует, что в рабочем движении, разлившемся по всей России, весьма заметную роль играют не экономические, а политические мотивы и, главным образом, «отсутствие тех гарантий свободной личности, которые вызывают голос протеста не одной рабочей массы, а всей мыслящей России».

Записка эта, как и январская, высказывается за свободу стачек, но она более решительно требует такого определения стачки, которое освобождало бы фабриканта «от какой бы то ни было обязанности вознаградить рабочих за ущерб, причиненный им прекращением работ на фабрике вследствие общей или частичной стачки». Отстаивая свободу стачек, прогрессивные фабриканты наряду с этим отстаивают и «свободу труда», т.-е. свободу штрейкбрехерства. «Всякие угрозы (!) и насилия, — гласит записка, — в отношении лиц, желающих продолжать работу, и лиц, желающих вновь за нее приняться,... должны быть наказуемы» *).

По вопросу о норме рабочего времени записка после длинного ряда соображений, которых мы не станем приводить, приходит к тому выводу, что *«конечная»* наименьшая норма продолжитель-

---

*) В январских записках московских фабрикантов и с.-петербургской конторы железозаводчиков имелся уже соответственный пункт: «личность отдельного рабочего должна быть законным порядком ограждена от насилий рабочих-стачечников, если, не сочувствуя объявленной стачке, рабочий не желает к ней присоединиться, ибо право устраивать забастовку для желающих участвовать в ней не должно означать обязанности примкнуть к ней для не желающих стачки».

ности нормального рабочего дня не должна спуститься ниже 10 часов, но и к этой норме должно подойти *с известной последовательностью,* сократив рабочий день сперва с $11^{1}/_{2}$ до 11 часов, потом до $10^{1}/_{2}$ и, наконец, до 10 часов».

Записка говорит, что за последние 20 лет не только улучшились условия труда, но развился и сам русский рабочий. «Он не нуждается более, по мнению заводчиков, в строгой правительственной опеке и *желает свободно собой распоряжаться».* И записка тут же поясняет, что под ненужной правительственной опекой она понимает не только паспорт, прикрепление к месту, и общий административный произвол, словом, пережитки патриархально-полицейского варварства, но и все *фабричное законодательство,* созданное упорной борьбой «созревшего» рабочего.

«Ст. 95 устава о промышленниках, обязывающая каждую из договаривающихся сторон, в случае отказа от договора, предупредить о том другую сторону за две недели, уже *устарела.* На практике эта обязанность крайне тягостна и для рабочего и для предприятия». Так поют «прогрессивные» промышленники. Участие рабочих при определении заработной платы и правил внутреннего распорядка, а также в вопросах, касающихся увольнения рабочих, мастеров и лиц фабрично-заводской администрации, фабриканты считают «и невозможным и нежелательным». «Участие, которого добиваются рабочие, — откровенно поясняет записка, — стало бы яблоком вечного раздора между рабочими и капиталистами, *интересы которых очень часто совершенно противоположны»* *).

Отмену штрафов прогрессивные промышленники считают несвоевременной по соображениям гуманности. Воспрещение денежных взысканий побудило бы гг. фабрикантов просто выгонять рабочих, а для рабочих последнее было бы горше первого.

*) Это откровенное признание совершенной противоположности интересов делается промежду себя в записке, предназначенной для сведения бюрократии. С рабочими разговор ведется иной. Происходившее в начале апреля в Москве совещание тех же фабрикантов центрального района решило разъяснить рабочим, что «напрасно те видят в фабрикантах своих врагов и игнорируют их в своем движении, вполне доверяясь лицам, совсем непричастным фабрично-заводской деятельности. Все то, что достигнуто рабочими посредством забастовок, можно было бы, — по заверению совещания, — достичь простым соглашением с фабрикантами, *интересы которых вполне сходятся с интересами и желаниями рабочих».* Оговариваемся, что сведение это мы почерпнули из «Нового Времени». Но все же оно похоже на правду.

Высказавшись далее против ограничения сверхурочных работ, записка в заключение выражает надежду, что либеральное законодательство «создаст современем желательный тип рабочего, который станет на страже своих прав и интересов более хорошо вооруженным, чем самое прогрессивное законодательство, которое, опекая рабочую личность во всех подробностях ее жизненной сферы, вместе с тем стесняет волю рабочего и связывает ему руки там, где он хотел бы их расправить», — хотя бы, например, для сверхурочной работы. «Над самим собой, над своими мускулами и над собственным здоровьем единственным хозяином и верным хранителем является их собственник». Таков должен быть руководящий принцип. И тогда, «при неисчислимых богатствах русской жизни», при «разумном и развитом рабочем», мускулы и здоровье которого не подвергаются стеснительной опеке «прогрессивного законодательства»,—тогда наша промышленность «представит величавое зрелище».

Майская записка вместе с январской дают нам понятие о той отчетливой классовой позиции, какую занял капитал под влиянием первых уроков русской революции.

V. Демократическая интеллигенция и капиталистический либерализм

Политическая суматоха была так велика, так радостна, что российская интеллигенция, искони третировавшая купца, как хищника и вандала, почти не удивилась его перерождению и без размышлений заключила его в объятия. Русская интеллигенция воспитывалась из десятилетия в десятилетие на народнических предрассудках, согласно которым русский капитализм представляет собою искусственный продукт русского полицейского протекционизма, промышленная буржуазия есть нечто иное, как государственный паровой цыпленок, хилый при всей своей ненасытности, пролетариат есть простое социальное недоразумение, столь же эфемерное, как и весь отечественный капитализм. Кто говорит о самостоятельной политической будущности русской буржуазии и русского пролетариата, тот фантаст. Эта историческая философия, сентиментальная и бессильная, не только владела радикальной народнической журналистикой, но эксплоатировалась также всей реакционной прессой до «Гражданина» и «Московских Ведомостей» включительно, так что в журнали-

стике не осталось ни одного Николая Энгельгардта, ни одного Гофштеттера, который не получал бы построчной платы за брань на марксистов по поводу их стремления «насадить» в России капитализм.

И что же? Русский пролетариат, это социальное «недоразумение», успел причинить много недоразумений всем будочникам реакции, прежде чем разбухшая от безделья и предрассудков интеллигенция заметила его и даже великодушно усыновила. Но на этом недоразумения капиталистического развития не закончились. Появился купец-политик и подписался под либеральной программой. Он тоже был усыновлен от имени всего «освободительного движения», но демократия даже и не попыталась при этом усыновлении свести счеты со своей теоретической совестью, которая, впрочем, вообще никогда не обременяла ее своими требованиями.

А между тем, еслиб интеллигенция задумалась над загадкой либерального русского купца, она пришла бы к тому выводу, что только теперь подлинный европейский буржуазный либерализм, *поскольку он вообще возможен в условиях нашего политического развития*, нащупал свою почву и отодвинул архаический либерализм дворянской фронды, интеллигентских кружков и народнических редакций. Было бы нелепостью думать, что капиталистическая буржуазия «переродилась» под идеалистическим влиянием интеллигенции и дворянской земщины, которые, как известно, искони считались хранительницами заветов бессословного и внеклассового либерализма. На самом деле, под влиянием промышленного развития страны, передовая часть благородного сословия обуржуазилась, промышленная буржуазия «облагородилась», и обе соединились в требовании конституции, как гарантии дальнейшего буржуазного развития. Помещичье землевладение, втянувшееся в оппозицию на почве недовольства промышленным протекционизмом, и торгово-промышленный капитал, успевший выкачать из народно-хозяйственного организма по трубам государственного фиска все, что можно было выкачать, оба, несмотря на капиталистическое противоречие города и деревни, временно объединились против полицейской государственности. Либерализм, наконец, нащупал под ногами временную почву, а интеллигентская демократия, так долго «боровшаяся» (в собственном воображении) с капитализмом, покорно пошла в роли герольда перед его политической колесницей.

Та самая интеллигенция, которая еще вчера не признавала никакой политической будущности за классом Разуваевых [81], сегодня ударила им челом, присягнула на верность и даже не поставила при этом никаких условий... Для упрощения дела она ставит на голову все действительные отношения: она уверяет себя, что буржуазия под ее идейным влиянием поднялась *выше* своей классовой ограниченности и приблизилась к ней, к интеллигенции; тогда как на самом деле буржуазия под влиянием практического опыта только обобщила свои собственные классовые интересы, т.-е. произвела ту именно работу, которую раньше ее совершила для нее либеральная интеллигенция.

И вот нам, «доктринерам» марксизма, доказывавшим в течение долгого ряда лет, что «судьбы русского капитализма» *вынудят* русскую буржуазию вступить на путь оппозиции, приходится теперь разъяснять массам, *в прямой и непрестанной борьбе с «демократической» интеллигенцией*, узость, ограниченность и скаредность буржуазного либерализма. Эта бедная демократия, сама лишь отпрыск буржуазного общества, ни за что не хотела понять социальную игру классовых интересов, толкающую буржуазию на путь либерализма, — а теперь, когда этот неожиданный для нее буржуазный либерализм стоит перед ней, как факт, она не хочет и не может увидеть в нем его классовой ограниченности и классового эгоизма.

VI. Некоторые выводы

Общая формула политических интересов — перечень свобод, равноправие, законность, представительство — охватывает требования всех жизнеспособных классов и групп. Формула приобретает, таким образом, *национальный* характер. Либеральная публицистика пользуется этим обстоятельством, чтобы отвергнуть самую мысль о классовых интересах, по крайней мере у классов господствующих, и представить либеральную программу, как идеологическое выражение национальной воли. Ничего не может быть, однако, ошибочнее такого представления.

Программа либерального гражданского режима, отправной пункт капиталистической оппозиции, представляет собою перечень тех условий, вне которых немыслима *свобода капиталистической эксплоатации*.

Соответственная часть рабочей программы обнимает те требования, которые должны создать *свободу классовой борьбы*.

Там, где рабочая программа говорит: *свобода стачек*, капитал ставит требование *свободы труда*. Под свободой стачек пролетариат понимает не простую голую свободу работать и не работать при соблюдении определенных формальностей, но создание таких условий, которые действительно гарантировали бы за ним *право на стачку*, как на естественное орудие классовой самообороны, которые давали бы ему возможность охранять это право не только от полицейских набегов, но и от покушений со стороны развращенного капиталом меньшинства самих рабочих.

Наоборот, капитал под свободой труда понимает законодательным путем гарантированную свободу штрейкбрехерства.

Противоречие классовых интересов капитала и труда, маскируемое абстрактной формулой национальной воли, находит свое яркое выражение, как только мы коснемся конкретизации любого из публичных прав.

Не менее решительно это коренное противоречие выражается в программе государственной конституции. Вопросы о цензе, монархии, одной или двух палатах, продолжительности законодательных периодов, наконец, вопросы об армии и милиции, о выборности чиновников иначе ставятся и иначе решаются под углом зрения интересов капитала и интересов труда.

Имущественный ценз, две законодательные камеры, фикции конституционной монархии взамен фикций монархии самодержавной, все это для капитала — естественные элементы его политического самоопределения.

Наоборот, полная демократия представляет собой для рабочего класса наиболее благоприятную обстановку классовой борьбы. Борьба за демократическую республику так же естественна для пролетариата, как борьба за соединение монархии с цензовым представительством — для капиталистической буржуазии. На пути к демократической республике пролетариат может быть остановлен лишь давлением враждебных ему социальных сил. Наоборот, капиталистическая буржуазия может санкционировать демократию лишь под внешним давлением революционно-демократических сил. Для пролетариата демократия при *всех* условиях — политическая *необходимость;* для капиталистической буржуазии она при *некоторых* условиях — политическая *неизбежность*.

Объяснять либеральное перерождение фабрикантов и заводчиков вредным влиянием адвокатов и «еврействующей» прессы, злым поветрием, политическим самодурством, причудами московских «сверх-купцов» и другими беллетристическими причинами, как делает реакционная пресса, можно только с целью сорвать черносотенное сердце. Справедливость требует, однако, прибавить, что столь же мало в этом вопросе помогают разобраться такие стилистические обороты и общие места либеральной прессы, как «воздействие передовых групп нашего общества» или «всеобщее нравственно-политическое пробуждение страны». Действительные причины и проще и глубже. Они коренятся в общем развитии промышленности, в росте ее зависимости от внутреннего национального рынка и, наконец, в логике классовой борьбы труда и капитала.

Мы видим, как промышленная буржуазия, всецело оставаясь на почве своих классовых интересов, более того, властно толкаемая ими, вступает на путь либеральной оппозиции.

Мы видим, что рабочее движение враждебно столкнуло торгово-промышленный капитал с гражданским и политическим бесправием и тем непосредственно побудило индустриальную буржуазию к политической активности, точнее сказать: борьба пролетариата за свои классовые интересы обнаружила дальнейшую несовместимость интересов капиталистического класса с полицейским режимом и тем бросила косную до этого времени промышленную буржуазию в лагерь оппозиции.

Мы видим, далее, что, вступив в этот лагерь, промышленная буржуазия не только не растворила своих классовых интересов в «общенациональной» политической идеологии, но, наоборот, показала, что либеральная программа есть нечто иное, как обобщенное выражение ее развитых классовых интересов.

Этими выводами мы пока и ограничимся.

Июль, 1905 г.
Н. Троцкий. «Наша революция» [82]).
Изд. Глаголева, СПБ. 1906 г., стр. 74—94.

* * *

Статья «Капитал в оппозиции» *) останавливается на либеральном перерождении торгово-промышленной буржуазии под непосредственным влиянием январских стачек пролетариата. Оппозиционный период политической эволюции крупной буржуазии длился, однако, крайне недолго: в сущности с января по октябрь 1905 года. Октябрьская стачка стоит между двух эпох в политическом самоопределении капитала. После издания «конституционного» манифеста совещательная контора железозаводчиков, которую нам часто приходилось цитировать в названной статье, обратилась к графу Витте с докладной запиской, представляющей собой своего рода лебединую песнь капиталистического либерализма.

«Обозревая минувший революционный период, — говорит записка, — совещательная контора железозаводчиков с особенным удовольствием должна констатировать факт, что со стороны борцов за свободу и счастье русского народа проявление насилий было крайне ограниченно, и что масса народа действовала с соблюдением неслыханной дисциплины»...

«Совещательная контора железозаводчиков, — читаем мы далее, — далеко не поклонница всеобщего избирательного права в теории... Однако, рабочее движение показало совещательной конторе железозаводчиков, что рабочий класс, проявивший с такой силой свое политическое сознание и свою партийную дисциплину, должен принять участие в народном самоуправлении»...

Дисциплина рабочих масс и их энергия в борьбе «за свободу и счастье русского народа» чрезвычайно возросли в течение октября и ноября; вместе с тем возросло давление пролетариата на капитал. Создание рабочих советов, их властное вмешательство в столкновения рабочих с предпринимателями, ноябрьская стачка, борьба за восьмичасовой рабочий день — все это выбило у организованного капитала либеральную «дурь» из головы и заставило его искать союза со старой властью во что бы то ни стало. Из оппозиции капитал перешел в контр-революцию.

---

*) Настоящий отрывок как бы резюмирует статью. Он взят нами из предисловия тов. Троцкого к его книге «Наша революция», вышедшей в 1906 г. (*Ред.*)

ИНТЕЛЛИГЕНТСКАЯ «ДЕМОКРАТИЯ»

I. Интеллигенция на распутьи.

Земское совещание 7—9 ноября 1904 г. открыло шлюзы оппозиционному настроению «либерального общества». Съезд, как известно, не состоял из официальных представителей всех земств, но в него все же входили председатели управ и много «авторитетных» деятелей, умеренность которых должна была как бы придавать им вес и значение; правда, съезд не был узаконен бюрократией, но он происходил с ее ведома, таким образом, ничего нет удивительного, если интеллигенция, доведенная заушениями до крайней робости, сочла, что ее сокровенные конституционные желания, тайные помыслы ее бессонных ночей получили, благодаря резолюциям этого полуофициального съезда, полузаконную санкцию. А ничто не могло придать такой бодрости ущемленному либеральному обществу, как сознание, хотя бы и призрачное, что в своих ходатайствах оно стоит на почве права, что его оппозиционные чувства выливаются в узаконенное русло.

Началась полоса банкетов, резолюций, заявлений, протестов, записок и петиций. Всевозможные коллективы исходили из профессиональных нужд, местных событий, юбилейных торжеств и приходили к той формулировке конституционных требований, какая дана была в знаменитых отныне «11 пунктах» земской резолюции. «Демократия» торопилась образовать вокруг земских героев хор, чтобы подчеркнуть важность земских постановлений и усугубить воздействие их на бюрократию! Вся политическая задача момента сводилась для либерального общества к давлению на бюрократию из-за спины земского совещания — и ни к чему больше. Интеллигенция так долго ждала вещего земского слова, часть ее так усердно, в поте лица своего, охаживала земцев, уговаривала их, склоняла, умоляла, усовещевала, что, в конце концов, интеллигенции и впрямь стало казаться: стоит только этим умеренным и косным земцам сказать, наконец, вещее слово, стоит тысячеустной прессе это слово гулко повторить,—и Иерихон падет. Задача казалась страшно простой, а цель — близкой, как собственный локоть. И вот, наконец, в ноябре долгожданное слово было сказано. Либеральное общество дружно, как верное

эхо, подхватывает его на лету и повторяет его на всевозможных тонах.

Интеллигенция мобилизовала общественное мнение своего узкого круга с удивительной быстротой. Она воспользовалась юбилейными собраниями по поводу сорокалетия судебных уставов, чтобы формулировать свою мысль. Конституционные резолюции были приняты в двадцатых числах ноября на собраниях адвокатов в Москве (300 чел.) и в Петербурге (400 ч.), затем на торжественных банкетах в Петербурге (650 ч.), в Москве (столько же), Киеве (850 ч.), Одессе (500 ч.), Саратове (до 1.500 ч.), Курске, Владимире, Воронеже, Ярославле, Тамбове, Смоленске, Нижнем-Новгороде и т. д. *). Состав собраний был почти исключительно интеллигентский: журналисты, профессора, педагоги, врачи, адвокаты...

Резолюции, принятые на этих собраниях, сводятся, по формулировке «Права», к следующему: «...при бюрократическом режиме, какой господствует в стране, самые элементарные условия правильного гражданского общежития не могут быть осуществлены, и всякие частные поправки в нынешнем строе государственных учреждений не достигают цели; для нормального развития народной жизни в настоящий момент безусловно необходимо, чтобы всем гражданам были обеспечены в качестве неотъемлемых прав: личная неприкосновенность, свобода совести, слова, печати, собраний и союзов; необходима отмена сословных, национальных и вероисповедных ограничений и действительное равенство всех перед законом; *привлечение к выработке законов и установлению налогов свободно выбранных от всего народа представителей; гарантия ответственности министров перед народными представителями и подзаконность всех действий и распоряжений административной власти, что может быть достигнуто реорганизацией государственного строя на конституционных началах; необходим немедленный созыв Учредительного Собрания свободно выбранных представителей, а также полная и безусловная амнистия по всем политическим и религиозным преступлениям*»**).

Здесь, в этой сборной резолюции, которая произносит уже имя конституции, не вошедшее в постановления земского съезда, но рабски держится последних в определениях нового строя;

*) «Право», 1904 г., № 48.
**) Там же.

которая упоминает уже об Учредительном Собрании, отождествляя его, однако, с «свободно выбранными представителями» земской программы, и, подобно этой последней, не касается вопроса об избирательном праве, — в этой компромиссной резолюции, характеризующей первый момент пробуждения интеллигенции, мы видим общее всей «демократии» стремление наскоро связать более определенные и радикальные лозунги, врезавшиеся в интеллигенцию снизу, с осторожными конституционными обинячками, почтительно перенятыми ею сверху, и показать власти, что все общество, как один человек, хочет одного и того же. В соответствии с поставленной себе задачей: выполнить роль народа при земском выступлении, демократия проявила высший «такт» или способность к предательству — это зависит от точки зрения — и в целом ряде статей и резолюций не поднимала обойденного земцами колючего вопроса о прекращении войны.

Однако, эта предопределенная гармония интеллигенции с земцами не могла без конца сохраняться. На банкетах все чаще и чаще выступают беспокойные, угловатые, нетерпимые и подчас «нестерпимые» радикальные фигуры то революционного интеллигента, то рабочего, резко обличают земцев и требуют от интеллигенции ясности в лозунгах и определенности в тактике. На них машут руками, их умиротворяют, их бранят, им затыкают рот, их ублажают и охаживают, наконец — их выгоняют, но радикалы делают свое дело. Они требуют и грозят именем пролетариата. Это имя пока еще представляется интеллигенции стилистическим оборотом, тем более, что сам пролетариат приобщился к ноябрьско-декабрьской кампании лишь в лице самого тонкого слоя, и «настоящие рабочие», появление которых на банкетах рождало смешанные чувства враждебного опасения и любопытства, исчислялись в этот период единицами или десятками. Однако, и этого было уже достаточно, чтобы заставить кое-где интеллигенцию позаботиться больше об определенности своих заявлений, чем об их созвучности с земскими «пунктами».

Если петербургское врачебное общество пользуется еще случаем с доктором Забусовым [83]), чтобы заявить 8 января о своей полной солидарности с «большинством съезда земских деятелей 6—9 ноября», то смоленское медицинское общество присоединяется к заключениям земского совещания уже с добавлением, что коренным условием всех и всяких реформ является «осуществление принципа управления страной (а не участия в управле-

нии. *Л. Т.*) свободно избранными представителями всего населения», а курское врачебное общество уже оговаривает, что избрание народных представителей должно быть произведено «на основе всеобщего, прямого и равного для всех избирательного права».

Если декабрьский съезд российских хирургов в Москве говорит еще крайне глухо о «твердом правопорядке, обеспечивающем неприкосновенность личности, свободу слова и печати»; если записка сценических деятелей о «нуждах русского театра» обще высказывается, что «театр может получить столь чаемую им свободу лишь при условии *общего закономерного строя*», и ищет при этом опоры в том обстоятельстве, что «государственное значение театра было признано и в суждении высочайше утвержденной комиссии по пересмотру театрального законодательства»; если известная записка о «нуждах просвещения», возникшая в начале января, присоединяется к объединившей все «русское общество» мысли, настойчиво выраженной в резолюциях съезда земских деятелей, в постановлениях московской городской думы, московского, калужского и др. земских собраний, в заявлениях общественных учреждений, ученых коллегий и общественных групп, и требует «привлечения свободно избранных представителей *всего* народа...», то киевский съезд криминалистов, заседавший 3 и 4 января, уже гораздо более решительным тоном заявляет, что необходимые стране реформы «не могут быть осуществлены бюрократией, неспособной к творческому обновлению русской жизни, но лишь представителями народа, свободно избранными на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов». Эта резолюция была проведена лишь в результате борьбы против более умеренной части собрания, пытавшейся исключить вопрос о формах избирательного права и приблизить резолюцию к земской. Проф. Фойницкий [84]) уверял, что «такая резолюция даст больше добрых результатов, чем если мы оставим слова, которые могут раздражить», а знакомый нам уже проф. Гредескул *) произнес при этом поистине классическую фразу: «когда мы совершаем *деловой акт*, долженствующий повлиять на жизнь нашей страны, *мы должны несколько охладиться*». Проф. Гредескул, очевидно, того мнения, что «горячиться» в пользу всеобщего избирательного права допустимо лишь в том

*) См. «До 9 января».

случае, если заранее знаешь, что это все равно останется без всякого влияния «на жизнь нашей страны».

Этот же съезд высказался против смертной казни, причем г. Маргулиес [85]), автор резолюции, воскликнул при «громе аплодисментов»: «У нас смертная казнь применяется к тем, кого казнящие считают тяжкими преступниками, а мы и весь народ — героями и мучениками за правду и благо народное».

«33 гражданина г. Севска, Орловской губ.», пробужденные капитуляцией Порт-Артура, заявляют за собственными подписями, что только «представители народа, выбранные всеми без различия званий, состояний и сословий посредством всеобщего и равного избрания, *укажут Верховной власти*, что̀ нужно стране и как удовлетворить нужды народа».

Эти 33 севских гражданина приветствуют «из захолустного угла глубины России» членов частного земского совещания 6—8 ноября и выражают надежду, что слабый севский голос, будучи услышан в других таких же темных углах отечества, вызовет и там сочувственный отклик. Увы! благим ожиданиям 33 севских граждан не довелось сбыться. 31 декабря они приняли свое постановление и отправили его «Нашей Жизни», но там оно было арестовано при обыске редакции после январских дней и только в мае увидело свет. Севские граждане могут, однако, утешиться: январские события, в которых утонуло их постановление, таким могучим голосом высказали те нужды и боли, о которых несмело стонали севские и иные граждане, что голос этот, как удар набата, был услышан во всех «темных углах нашего отечества»...

В процессе этой банкетной и резолюционной кампании создается естественная иллюзия: интеллигенции ее собственные речи кажутся столь убедительными, что она ждет немедленной капитуляции врага. Некоторые органы печати так именно и ставили вопрос. Мы высказались решительно, ясно и отчетливо. Правительство слышало мнение страны. Оно отныне не может отговариваться незнанием. Мы верим в добрые намерения правительства — и ждем. Мы нетерпеливо ждем!— повторяла пресса изо дня в день.

«На прекрасные слова доверия, обращенные нынешним нашим руководителем внутренней политики, — егозило демократическое «Право», — русское общество, *как это впрочем и всегда бывало*, ответило полным доверием»... «Общество сделало свое дело, теперь очередь за правительством!» — вызывающе

и вместе подобострастно восклицала газета. Правительство князя Святополка-Мирского приняло «вызов», и именно за эту егозящую статью объявило «Праву» предостережение. Репрессии посыпались частыми ударами.

Мы все еще надеемся и ждем, но мы, наконец, готовы выйти из терпения! —тоскливо жаловалась либеральная пресса. Она все более и более теряла почву под ногами. В недоумении она оглядывалась вокруг и не находила выхода. Она рассчитывала, главным образом, на силу первого впечатления. Но вот тяжелая земская артиллерия произвела манифестационный залп; дружной пальбой, конечно, холостыми зарядами, поддержало земцев «все общество». А Иерихон стоит — и, мало того, замышляет недоброе. Резолюции все еще обильно текли, но они уже перестали производить впечатление. В первое время представлялось, что резолюция сама по себе может взорвать бюрократию, как мина Уайтхеда, но на деле этого не оказалось. К резолюциям стали привыкать — и те, кто их писал, и те, против кого они писались. Голос печати, которую меж тем министерство внутреннего доверия все больше сдавливало за горло, становился беспредметно раздраженным. Уже без уверенности первых дней она то усовещевала бюрократию искренно примириться с обществом, то начинала ей доказывать, что после всего того, что о ней было сказано, долг чести и простое приличие повелевают ей уйти со сцены и очистить место для «живых сил страны».

* * *

Интеллигенция далеко не однородна. В то время, как ее влиятельное ядро, солидные дипломированные отцы, материально или идейно связанные с цензовой земщиной, неутомимо доказывали умеренность, мудрость и лойяльность земских постановлений, широкая демократическая периферия, главным образом, учащаяся молодежь, горячо и искренно примкнула к открывшейся либеральной кампании с целью вывести ее из ее жалкого русла, придать ей более боевой характер, связать с движением масс. Таким образом возникли петербургская уличная демонстрация 28 ноября [86]) и московская — 5 и 6 декабря [87]). Эти демонстрации для радикальных «детей» были прямым выводом из лозунгов, выдвинутых либеральными «отцами». Но умеренные отцы, как это с ними всегда бывает, косо смотрели на прямой вывод, опа-

саясь, что неосторожными, слишком порывистыми телодвижениями «общество» может оборвать нежную паутину доверия...

Демонстрации оказались неудачными. Развернувшаяся конституционная кампания, в сущности состоявшая из взаимного перебрасывания резолюциями на ограниченном поле, не задела широких масс, почти не дошла до них. А тот внутренний глубокий процесс, который совершался в этих массах, разумеется, не приурочивался к наскоро объявленному выступлению демократической молодежи. Студенчество не было поддержано ни справа, ни слева.

Тем не менее, эти демонстрации после долгого затишья, при неопределенности внутреннего положения, создавшейся внешними поражениями,—демонстрации политические, в столицах, демонстрации, отдавшиеся через клавиши телеграфа во всем мире, произвели, как *симптом*, гораздо большее впечатление на «руководителей нашей внутренней политики», чем грациозные менуэты либеральной прессы.

На эту конституционную кампанию, начавшуюся собранием нескольких десятков земцев в барской квартире Корсакова и закончившуюся водворением нескольких десятков студентов по полицейским участкам, правительство ответило 12 декабря известным «указом» и не менее известным «сообщением».

Встревоженное «детьми» правительство сделало шаг навстречу «отцам» — и с самого начала установило резкое различие между «благомыслящей частью общества, которая истинное преуспеяние родины видит в поддержании государственного спокойствия и непрерывном удовлетворении насущных нужд народных» — и между лицами, «стремящимися внести в общественную и государственную жизнь смуту и воспользоваться возникшим в обществе волнением умов». Разумеется, благомыслящие отцы совершенно не были удовлетворены неопределенными посулами, но они ухватились за сделанное правительством различие между ними и крамолой, чтобы щегольнуть своей лойяльностью и пугнуть власть призраком революции. Г. Евгений Трубецкой [88]), князь, профессор, «очень хороший писатель», по оценке г. Милюкова [89]), и ко всему этому брат князя Сергея Трубецкого, красноречиво выступил в «Наших Днях» от «той именно части русского общества, которая, дорожа монархическим началом, видит истинное преуспеяние родины в поддержании государственного спокойствия и в непрерывном удовлетворении насущных нужд народных»,

словом, как требуется по цитированному выше правительственному указу. Очень хороший писатель оповещал через очень хорошую газету, что он «всегда принадлежал к числу тех, кто мечтал о незыблемости законного порядка в преобразованной империи» («Наши Дни», № 17) *).

Либеральная пресса буквально выворачивалась наизнанку в стремлении заставить правительство вычитать из указа 12 декабря все конституционные чаяния «благомыслящей части» общества. Первую скрипку в этой пьесе играли, разумеется, «Русские Ведомости», газета, достаточно привыкшая за несколько десятилетий своего чуть-дышания к тонким дипломатическим приемам. «Русские Ведомости» доказывали, что, так как указ 12 декабря требует насаждения законности и уничтожения произвола, так как произвол лучше всего процветает во мраке безгласности, так как обличение порока весьма действительное средство для торжества добродетели, то, значит, указ как бы установляет свободу печати, и всякий, кто отныне покусился бы на ее право обличений, «заявил бы себя сторонником произвола, осуждаемого высочайшим указом». Не больше и не меньше. «Русские Ведомости», как известно, сорок лет придерживались того убеждения, что сподручнее вычитывать конституцию из высочайших указов, чем бороться за нее.

И, наконец, эта умеренная газета, не знающая умеренности только в пресмыкательстве, определила значение акта 12 декабря в таком бессмертном тезисе: «*Не осталась*, значит, *бесплодной многолетняя работа общественной мысли*, которая... не переставала настаивать на насущной необходимости тех самых преобразований, которые ныне с высоты престола провозглашены отвечающими назревшей потребности». 12 декабря выяснилось, видите ли, что не пропала бесплодно многолетняя работа русской общественной мысли! Царский указ был ее плодом!

«Не тревожьте этих старцев»... Их действительно не стоило бы тревожить, если бы они в тихом одиночестве пряли свою пряжу. Но такова была в сущности позиция всей демократии, поскольку она имеет официальное представительство. «Наши Дни», краса и гордость весеннего радикализма, перепечатывали сочувственным курсивом конституционные силлогизмы московских либеральных старообрядцев. Г. Струве рекомендовал

*) Статья «Высочайший указ и правительственное сообщение».

реформы, предопределенные указом, сделать отправными пунктами дальнейшей тактики. Обескураженная неуспехом первого конституционного «натиска», обеспокоенная поведением левого крыла интеллигенции, либеральная пресса молча проглотила *правительственное сообщение*, как случайный диссонанс в музыке сближения, и ухватилась за *указ*.

Но практика репрессий как бы задалась целью изрешетить либеральные иллюзии, а изданный кн. Святополком 31 декабря циркуляр [90]), вводивший обещанную крестьянскую реформу в колею, проложенную Плеве, заставил «Наши Дни» с горечью констатировать, что «демаркационная линия между старым и новым — одно недоразумение» (№ 19) [91]).

Бюрократия деятельно боролась за свои незыблемые права. И в начале января даже «Новое Время» сочло своим гражданским или служебным долгом сделать донесение на «людей, играющих роль в проведении предначертаний указа 12 декабря и тем не менее допускающих (в приватных беседах с членами редакции?) надежду на возможность «разыграть» эти вопросы в том или другом направлении».

Тогда либеральная пресса стала пугать бюрократию призраком революции. Верила ли она в нее действительно? Она сама этого никогда подлинно не знает. Когда она стоит пред несдающейся бюрократией, ей начинает казаться, что революция надвигается. Вот она ближе и ближе. Уже слышен звук ее железных сандалий. Уже заревом ее зловещего факела горит небосклон. Сдайся, пока не поздно! — кричит либеральное общество. Смотри, она идет!

А когда то же общество становится лицом к «ней», оно сомневается в ней. Оно видит зарево ее факелов и слышит стук ее сандалий и даже вкладывает пальцы свои в ее гвоздяные язвы — и все же сомневается в ней.

Так, умоляя, надеясь, грозя и отчаиваясь, стояло либеральное общество в полной растерянности к концу 1904 года. Оно еще не снимало руки с левой половины груди, где у него таится родник признательного доверия, но уже косило глазами влево — и надеясь на поддержку и боясь, что эта поддержка может сорвать соглашение, которое все же, быть может, еще возможно.

Тогда пришли «эти дни», страшные и великие дни, которых уже никакая сила не возьмет обратно. Пришло 9 января.

II. 9 января и интеллигентская демократия

Либеральное общество было застигнуто врасплох. Оказалось, что вулкан действительно способен извергать лаву. Широко раскрытыми глазами ужаса и бессилия «общество» наблюдало из своих окон развертывающуюся историческую драму. Активное вмешательство интеллигенции в события носило поистине жалкий и ничтожный характер. Вот как повествует об этом записка инженеров. «Вероятность кровавого конфликта была ясна всем мыслящим людям столицы еще накануне 9 января. Общество, *внезапно захваченное надвигающеюся грозой, в мучительном волнении и растерянности* искало средства предотвратить трагическую развязку. Группа интеллигенции, собравшаяся поздним вечером 8 января, ища выхода из грозного положения, избрала из своей среды несколько особо уважаемых лиц [92]) с тем, чтобы они предупредили представителей высшего правительства о неизбежных последствиях принятых им распоряжений». Депутация отправлялась к князю Святополку-Мирскому и к г. Витте — «с надеждой, — как объясняли «Наши Дни», — осветить вопрос так, чтобы можно было избежать употребления военной силы». Стена шла на стену, а демократическая горсточка думала, что достаточно потоптаться в двух министерских передних, чтобы предотвратить непредотвратимое. Ах, какую жалкую роль сыграла в событиях 9 января, какую беспомощность обнаружила ее величество «критически-мыслящая личность»!

«Всем известно, — жаловалась записка инженеров, — какое отношение встретили к себе эти лица (Святополк-Мирский их не принял) и какая судьба их постигла (они были арестованы)». Не они ли признаны теперь тайными руководителями рабочего движения, «злонамеренными людьми, придавшими ему политический характер?» Поистине, это было несправедливо: видит бог, что ни петербургский гласный Кедрин [93]), ни профессор Кареев [94]) не были повинны в тайном руководительстве рабочим движением!..

Но ураган пронесся, — либеральное общество начало приходить в себя и подводить итоги.

«*Если есть люди, которые и теперь ничему не научились,*— писало «Право», — *то сознательные свидетели происходившего пусть ничего не забудут!..*»

«В чем же смысл минувших событий, *поскольку он доступен нашему пониманию* (sic!)? Где исход?.. Чему верить и на что

надеяться? Мы хотели бы верить и надеяться, что ничтожно число людей..., думающих, что история наша не сказала нового слова и не выставила новых сил, стеревших (стерших?) *старые, обманувшие* слова и изжитые силы».

«Мы верим в новые слова и ждем новых сил. В них и в них одних мы видим залог мирного будущего нашей родины...» (1905, № 2) [95]).

Хотя довольно трудно понять, каким это образом девятое января оказалось залогом *мирного* будущего, но хорошо и то, что старые, обманувшие слова отныне стерты, а место их занято верой в новые силы. Отныне демократы из «Права», как «сознательные свидетели происходившего», обещают ничего не забывать, не верить старым обетованиям, полагаться лишь на силу выступивших рабочих масс, — поскольку вообще язык демократии «доступен нашему пониманию».

Но мы увидим сейчас, как коротка память у «сознательных свидетелей происходившего»! 18 января они клянутся ничего не забывать. Через месяц, ровно через месяц, 18 февраля, они все забудут. Они снова поверят старым обманувшим словам и изжитым силам — и снова встретят их доверчивыми, признательными и пламенеющими готовностью...

Далеко не вся либеральная печать, ошеломленная колоссальными событиями, сумела подняться хотя бы на высоту расплывчатых выводов «Права». Гордость и краса весеннего радикализма, «Наши Дни» писали о кровавом дне: «Когда рушатся моральные устои политического порядка, то разрушаются и узы всякого порядка. Самые незаконные средства борьбы приобретают в массах опасную (для кого?) популярность, вызывая панику одних, озлобление других. Массы мятутся и не могут заниматься *мирным трудом*. Культурная работа невольно приостанавливается. *Стране начинает угрожать культурное одичание*» (17 января) [96]). Вот какие дрянные реакционные аккорды извлекла из своих демократических струн эта газетка ограниченного мещанского радикализма! Она сумела лишь пугнуть правительство и господствующие классы опасной популярностью незаконных средств, а в революционной стачке она усмотрела путь культурного одичания. И воспользовавшись возобновлением типографских работ, чтобы опубликовать эти государственные афоризмы напуганного и поглупевшего от страха филистера, газета позволила себе бросить упрек своим типографским рабочим,

которые отошли в январские дни от «мирного труда», оборвали «культурную работу» «Наших Дней» и поставили столицу перед опасностью «культурного одичания». «В эти трагические дни печать молчала. Может быть, *они были бы менее жестоки, менее кровавы* (ну, конечно!), если бы среди общей растерянности раздавался голос правды и успокоения. — Увы! — ханжески вздыхает газета, — этого не поняли не только те, для которых печать — всегда бедствие; этого не могли принять в соображение и те массы, для которых в эти дни правда была нужнее хлеба насущного... Не укоризну, не упрек бросаем мы, — спохватывается газета, только что поставившая на одну доску «непонимание» правительством и «непонимание» массами великой миротворческой роли «Наших Дней», — не укоризну, не упрек бросаем мы, но мы не можем умолчать об этом факте, вносившем еще лишний тяжелый аккорд в ту трагедию, которая была нами пережита».

Претенциозная пошлость этих строк, *первых* строк в *первой* статье, посвященной величайшему событию новой русской истории, прямо-таки невероятна!

Если бы газеты выходили, если б слышался голос «правды и успокоения», события, может быть, были бы менее кровавы! Как много либеральных газет вышло после девятого января! Из них можно было бы построить колоссальный бумажный храм «правды и успокоения». Но как много рабочей крови пролилось после 9 января! Если б направить ее одной сплошной рекою, она бы снесла и бесследно разметала этот храм правды и успокоения.

Вандализм рабочих сделал то, что «среди общей растерянности» не раздавался, видите ли, мужественный голос либеральной журналистики. Несчастная! «Среди общей растерянности» она была растеряннее всех. Что могла бы сказать она 9 января, чего она не сказала после? Что сказала она после, что могло бы иметь хоть какое-нибудь значение 9 января?..

Поверьте, господа, если бы петербургские рабочие, которым правда действительно была нужнее хлеба насущного и даже нужнее жизни, — они сумели это неотразимо показать! — если бы они привыкли находить нужную им правду у вас, если бы они могли хоть сколько-нибудь надеяться найти ее у вас, они бы вам доставили при самых страшных условиях возможность печататься и распространяться. *Своим* публицистам они всегда доставляют такую возможность, чего бы это ни стоило! Но скажите, ради бога, чем *вы* заслужили такое доверие рабочих,

которых вы, по вашему же собственному заявлению, впервые заметили на политической сцене только 9 января? Чем? Тем, что никогда не верили в их значение? Для того, чтобы наборщики отделились в решительный момент общего наступления от боевой армии и остались с вами, они должны были видеть в вас один из своих штабов. Скажите, ради бога, решились ли бы вы заявить претензию на такую роль? Могло ли притти рабочим в голову, что вы *способны* на такую роль? И если бы им это на день пришло в голову, разве не поспешили бы вы сами их жестоко разочаровать в этом?

Если определять влияние пролетарского выступления на демократию по январским статьям либеральной прессы, можно в ужас притти от ничтожества результатов. Статья «Наших Дней» является типической по мелочности выводов и интеллигентскому высокомерию. Вместо того, чтобы взвесить объективный смысл события, которое в своем роде стоит 14 июля [97]), вместо того, чтобы сделать выводы для политической тактики, либеральная пресса набормотала много жалких слов по поводу кровавых событий, которых, видите ли, не было бы, если бы власть имущие вняли в свое время ее предсказаниям и увещаниям.

Но действительное влияние 9 января на интеллигенцию, как и на всю вообще оппозицию, было неизмеримо глубже.

События январских дней, с одной стороны, приподняли демократию, укрепили ее демократическую уверенность, а с другой стороны, придавили ее к земле, показав, как ничтожно, в сущности, ее значение на чаше исторических весов, когда вопрос с газетного поля переходит на поле боевое.

Пред сознанием либерального общества впервые вопрос политической свободы выступил в реальных формах, как вопрос борьбы, перевеса силы, давления тяжелых социальных масс. Не сделка парламентеров либерализма с барышниками реакции, но победное наступление масс, безостановочная атака, не считающая жертв, как эта стихийно-патриотическая японская армия при штурмах Порт-Артура, — вот какая идея была заброшена Кровавым Воскресением в сознание левой интеллигенции! И какими ничтожными в свете кровавого зарева показались интеллигентские банкеты и все эти резолюции, построенные по земской схеме, и диким показалось, что можно было ждать падения Иерихона от голоса нескольких десятков земских либералов и нескольких сотен их подголосков.

Пролетариат, эта политическая «фикция» марксистов, оказался могучей реальностью...

«Чего не в силах были сделать десятилетия словесных прений, — говорит «Право» в апреле, оглядываясь назад, — реальная, практическая жизнь разрешила одним взмахом исторических крыльев. Теперь ли, после кровавых январских дней, подвергать сомнению мысль об исторической миссии городского пролетариата в России? Очевидно, этот вопрос, по крайней мере, для настоящего исторического момента, решен, — решен не нами, а теми рабочими, которые в знаменательные январские дни, страшные кровавыми событиями, вписали свои имена в священную книгу русского общественного движения». Вот каким языком заговорила либеральная печать об «исторической миссии городского пролетариата»!

Интеллигенция, которой еще так недавно казалось, что «народ», отрезанный от нее колючей проволокой полицейских заграждений, бесконечно отстал в своем политическом развитии, должна была на самом деле сделать решительный скачок, чтобы не отстать от лозунгов выступившего из подполья незнакомца — пролетариата. От неуклюжей, многословной и неясной земской формулы призыва представителей народа к участию в законодательной работе и пр. и пр., она перескочила к резкому, как удар бича, отточенному европейской историей лозунгу *Учредительного Собрания*.

Она переняла от пролетариата требование всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. И она подняла на ноги все свои силы, привела в движение весь свой аппарат — общества, газеты, коллективные записки, чтоб распространить этот лозунг.

Либеральная пресса в свою очередь вынуждена была принять основной демократический лозунг под давлением демократической интеллигенции, напиравшей на нее со своими резолюциями и заявлениями. При этом пресса делала такой вид, будто с этим лозунгом она родилась. Конечно, это наименьшее из ее преступлений...

Выступление пролетариата дало перевес радикальным элементам в рядах интеллигенции, как ранее земское выступление дало перевес элементам оппортунистическим. Вместе с тем более явственно наметилась в либеральном обществе линия раскола между демократией и цензовой оппозицией. Призрак политического единодушия всего «общества», говорящего одним и тем же

языком, был разбит. Вопрос: как? все больше расчленялся в политической действительности — с земцами, чтобы воспользоваться движением масс,— или с массами, чтоб отстранить от руководства выжидающих своего часа земцев?

Эта альтернатива, казавшаяся доктринерской в теоретическом предвосхищении марксистов, вдруг оказалась страшно реальной. В каждом вопросе приходилось от нее исходить и к ней возвращаться.

Пролетарское выступление дало перевес левым группам демократии, так как оно создавало для них точку привеса. Отныне этапы пролетарской борьбы становятся тактическими вехами для радикальной демократии. Она повторяет его лозунги, поддерживает его требования мерами, какие имеются в ее небогатом арсенале, протестует против насилий над ним, требует внимания к нему от городских дум... Она начинает подчас говорить языком гнева и угрозы. Она становится решительнее, старше, требовательнее к своим политическим вождям.

Едва успели похоронить жертвы 9 января, как «Московским Ведомостям» пришлось уже доносить на московское общество сельского хозяйства, которое в общем собрании 14 января постановило:

«1) Выразить свое глубокое негодование по поводу бесчеловечного произвола, оказавшегося в избиении безоружной толпы рабочих...

2) Признать, что единственным выходом из современного положения может быть лишь немедленный созыв *Учредительного Собрания* на основании *всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права*».

Петербургские инженеры в своей цитированной нами выше «записке 198» [98]), правда, не повторяют рабочих лозунгов: записка подавалась г. Витте, как председателю комитета министров, через особую депутацию, и потому из политической вежливости Учредительное Собрание заменено в ней чрезвычайно неопределенным требованием «проведения в жизнь начал общегражданской политической свободы»; зато записка в сдержанной форме, но выразительно по существу изображает провокаторско-полицейскую тактику власти в отношении к пролетариату и закономерную эволюцию рабочих в сторону политической борьбы.

150 московских инженеров, положивших начало московскому отделению «союза инженеров», всецело присоединились к выводам

записки 198 и решили довести об этом до сведения комитета министров.

«Инженеры и техники, работающие в юго-западном крае», приветствовали «голос своих петербургских товарищей, раздавшийся после дикой расправы 9—11 января», и, присоединяясь к записке 198, заявили с своей стороны уверенность в том, что нормальный ход жизни мыслим лишь «при установлении у нас представительного образа правления, организованного на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права».

Протест московского общества сельского хозяйства, как и сделанный им политический вывод, был подхвачен многими организациями. 13 февраля собрание харьковской адвокатуры охарактеризовало положение России следующими энергичными чертами: многочисленные политические аресты, массовые убийства граждан в Петербурге, Варшаве, Риге, Баку и многих других городах, распространение усиленной охраны взамен обещанного упразднения, закрытие наиболее достойных органов прессы взамен обещанного предоставления печати возможности быть «правдивой выразительницей разумных стремлений», систематическое развращение народа клеветническими слухами о японских, английских и др. подкупах и интригах... Вместе с московской адвокатурой собрание выразило свое горячее сочувствие рабочим и соболезнование жертвам кровавой борьбы, заявило о чувстве глубокого ужаса, охватившего всех при известии о приемах подавления демонстрации 9 января, высказало свое презрение официальным и добровольным клеветникам, измыслившим, будто русский народ способен продаваться чужестранцам, и, наконец, пришло к выводу о необходимости немедленного созыва Учредительного Собрания на началах всеобщего и т. д. голосования, «так как только такая мера даст спокойствие измученной и исстрадавшейся стране». Вместе с тем собрание находит необходимым предварительное установление всех публичных свобод, как гарантию действительности выборов.

Переход к более радикальным и законченным политическим формулам совершился, разумеется, не без внутренних трений. «Зрелые» элементы либерального общества упирались, стремясь удержаться на старой позиции. Так, напр., московское общество улучшения быта учащих приняло резолюцию учителей народных школ о необходимости, ввиду совершающихся в Петербурге,

Курске и др. городах событий, созыва Учредительного Собрания на соответственных основах, лишь большинством 88 голосов против 60, вотировавших за более умеренную резолюцию, предложенную небезызвестным земцем, князем П. Д. Долгоруким [99]).

Ссылка на земские тезисы встречается все реже и реже, притом лишь у наиболее чуждых политике или наиболее «солидных» и потому косных элементов либерального общества. Так, напр., московские композиторы и музыканты во имя свободы искусства заявляют 2 февраля: «Россия должна, наконец, вступить на путь коренных реформ, намеченных в известных одиннадцати пунктах постановлений земского съезда, к которым мы и присоединяемся». Записка русских драматических писателей, во имя той же свободы искусства, глухо говорит об обновлении России на началах строго-правового государства. Совет Харьковского университета в записке 4 февраля, формулирующей конституционные требования в духе земских резолюций, не говорит ни о конституанте, ни о всеобщем голосовании. Из провинции приходят еще в течение января и февраля время от времени резолюции, не идущие дальше «участия населения в законодательной работе через посредство свободно выбранных представителей народа» (собрание членов народной библиотеки-читальни в Ельце, 23 января, агрономический съезд в Сумах, 5 февраля, Томское юридическое общество — после рескрипта 18 февраля). Но подавляющее большинство резолюций заканчивается стереотипной формулой Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Если в первый период, от 9 ноября по 9 января, резолюции имели главной своей задачей показать правительству, что «все общество» поддерживает земцев, то отныне резолюции должны формулировать связь интеллигенции с массой — они превращаются, главным образом, в *агитационное* средство. Московское сельско-хозяйственное общество прямо постановило разослать упомянутую выше резолюцию всем земским управам, городским думам, сельско-хозяйственным обществам и *волостным правлениям*. В других случаях та же цель достигается посредством опубликования в печати.

По мере того, как меняется адресат резолюций, меняется и их тон. Уже никто не согласен верить, или, по крайней мере, не решится сказать, что резолюция дает больше «добрых результатов», если исключить из нее слова, которые «могут раздражить».

Наоборот, резолюции все чаще и резче начинают подчеркивать, что из Назарета они вообще не ждут никаких «добрых результатов».

Так, собрание учащих субботних, воскресных и вечерних школ г. Одессы с глубоким негодованием отмечает произвол и насилие администрации в деле народного просвещения и, присоединяясь к голосу *«всего русского народа»*, требует немедленного созыва Учредительного Собрания из народных представителей, избранных на основании всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов.

В этом новом фазисе истории демократической интеллигенции снова повторилось то же, что после ноябрьского совещания, только в более широком масштабе.

Либеральное общество, подхватившее лозунги, данные петербургским пролетариатом, как перед тем оно подхватило резолюцию земского совещания, с минуты на минуту ждало, что абсолютизм падет под могучим напором. Но на самом деле абсолютизм не пал, — пал только Святополк-Мирский.

Всеобщая стачка, на основе которой выросло 9 января, прокатилась по всей России. И общество и власти стали свыкаться с ней, почти как с нормальным явлением. Эта вторая волна, несравненно более могучая, чем первая, не снесла устоев абсолютизма. Враг устоял, оправился и проявил такую дьявольскую энергию в репрессии, какой никто уже от него не ожидал. Либеральное общество снова начало терять почву под ногами. Отрезанное условиями своего мирка от того социального резервуара, где формируются чувства и настроения массы, оно пришло лишь на несколько часов в соприкосновение с нею и затем снова осталось у разбитого корыта либеральных надежд, когда масса исчезла в подземельи так же таинственно, как из него появилась. Неспособное приобщиться ни делом, ни мыслью к тому молекулярному процессу, который подготовляет катастрофы массовых выступлений, либеральное общество стало снова переходить от оптимистических надежд к скептицизму растерянности.

Либеральная пресса, которая далеко не в полной мере отражает подъем демократических настроений даже одной лишь интеллигенции, как нельзя быть лучше отражает все их понижения. Что же дальше? — спрашивает она растерянно и не находит в своей опустошенной душе ничего, кроме веры в «старые

обманувшие слова» и надежды на prince bienfaisant, на благодетельного сановника.

«Общественный барометр,— пишут «Наши Дни» 26 января[100]), попрежнему отмечает высокое давление. Разум и сердце страны (т-е. интеллигенции?) жаждут, чтобы ясная погода основных реформ предупредила падение барометра». Это — полуугроза, полумольба.

К началу февраля ревматическая тоска «критически-мыслящих личностей» по ясной погоде правительственных реформ становится уже совершенно нестерпимой. «Надо выступить решительно, без всяких оговорок, на путь органических реформ», взывают «Наши Дни». «Решаясь созывать Земский Собор, безусловно необходимо, для того, чтобы он привел к своей цели мирного разрешения кризиса, немедленно разрушить те преграды, которые делят общество и правительство на два враждебных стана» (№ 37) [101]).

Прошлое идет на смарку, у демократии и у правительства оказывается одна и та же цель, одно и то же средство: *полюбовное* разрешение кризиса посредством созыва *Земского Собора*. И критически-мыслящая личность требует, чтобы немедленно было приступлено со стороны власти к разрушению стены, которая делит арестантов и их тюремщиков «на два враждебных стана».

Давно ли, давно ли «Право» восклицало: «Эти проклятые картины долго еще будут вставать в нашей памяти, тревожа ее, как живая действительность... Если есть люди, которые и теперь ничему не научились, то сознательные свидетели происходившего пусть ничего не забудут!..».

Рескрипт 18 февраля [102]), продукт ноябрьского и январского выступлений, заставший либеральное общество в состоянии растерянности, заставил его снова обратить взоры к бюрократии. Начинает казаться, что главное уже сделано, перевал через самый острый кряж совершен. Правда, враг не повергнут в прах. Но единодушным напором земцев, интеллигенции и «народа», «поддержавших требования общества», у бюрократии исторгнуто заявление, которое связывает ее по рукам и ногам. Правительство *обязалось* созвать свободно выбранных представителей народа. Но свободные выборы *предполагают* существование необходимых гарантий. Правда, эти гарантии не даны, но так как они логически и фактически необходимы, то они *не могут быть не даны*. Обещан созыв представителей народа.

Но для того, чтобы весь народ мог высказаться, *необходимо* всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. Иначе представители *не будут* представителями народа. Все это казалось неотразимо убедительным в своей, как выразилась одна газета, «божественной простоте».

Мы ждем торжественного провозглашения гарантий, мы ждем назначения срока! — говорит снова оправившееся правое крыло либерального общества, почувствовав под собою «незыблемую» почву рескрипта 18 февраля.

Мы слышим снова в либеральной прессе весенние ноты, только чуть-чуть надтреснутые. «Старые обманувшие слова», которые, как мы видели, вовсе и не исчезали, теперь снова получают радостную популярность. Доверие, доверие — вот лозунг и пароль. И в то время, как левое крыло интеллигенции и, прежде всего, студенчество сердито и недоверчиво хмурится, правая половина с замиранием сердца ждет и надеется.

«18 февраля 1905 года, — писало «Право» после опубликования манифеста и рескрипта, — навсегда останется памятным днем в нашей государственной жизни... День этот составит *поворотный пункт* в нашей истории... Бюрократический режим отвергнут волеизъявлением монарха, и *возврата* ему *быть не может*» (№ 7) [103]). «Право» стояло в этой оценке не одиноко. Проф. Гревс [104]) с полным основанием писал, что рескрипт «радостно оценивается печатью, как новая эра в истории отношений между правительством и обществом России» («Право», № 9) [105]).

«Поворотный пункт», «новая эра», «невозможность» возврата к прошлому, — все то, что мы слышали после указа 12 декабря, все то, что мы еще услышим после 6 августа [106]). Как много могильных камней над прошлым, какое обилие «новых эр»! Не от избытка ли «поворотных пунктов» наша официальная история идет в круговую и каждый раз снова возвращается к исходному пункту?

Однако, слишком скоро обнаружилось, что, несмотря на «новую эру» примирения, жизнь идет старым путем борьбы. Уже через три недели «Праву» пришлось с сокрушением указывать, что со времени объявления о созыве народных представителей «мы пережили мукденское поражение, неудачу комиссии сенатора Шидловского [107]), взрывы в Петербурге и Москве, ежедневные убийства органов полиции, безнаказанно совершающиеся на

глазах у всех». А возу новой эры все нет ходу. Между тем, репрессии и мобилизации черных сил, опирающиеся на манифест 18 февраля, идут своей чередою... «И все это совершается в такую минуту, когда бюрократический режим монархом окончательно отвергнут и заменяется народным представительством!» («Право», № 8) [108]. И снова уныние сжимает либеральные души жесткой рукой.

«Если правительство призывает общество для совместной работы, — пишет «Право», — то очевидно, что нужно прежде всего сломать ту преграду недоверия, которая возводилась с такой непреклонностью в течение долгих лет. Без взаимного доверия совместная работа невозможна»... Мы можем тут с благодарностью вспомнить, что «Наши Дни» знали этот рецепт еще до 18-го февраля.

А по прошествии новых двух недель, не принесших новых знамений, «Право» в отчаянии старается внушить гофмейстеру Булыгину [109], что для него нет лучшего исхода, как стать посредником между абсолютизмом и историей, так как всем ведь известно, что все равно ничто не может остановить ее хода. «Задача государственных людей, — докладывала газета, — влияние которых особенно вырастает в такие острые моменты перелома политической жизни страны, может заключаться только в том, чтобы способствовать этому ходу, сделать его *бесшумным и ровным*, а для этого нужна энергия, решимость и беззаветная вера в светлое будущее» (№ 12) [110].

Было бы, однако, клеветой на демократию, если бы мы сказали, что вся она вместе с «Нашими Днями» и «Правом» молилась об ясной погоде правительственных реформ, идущих «ровным и бесшумным ходом» по пути, пролагаемом министром внутренних дел, одержимым «беззаветной верой в лучшее будущее».

Процесс расслоения демократии, начавшийся под ударом январских событий, шел своим чередом. Рескрипт и указ 18 февраля, как бы намечавшие законом дозволенную переправу в царство правопорядка, давали во многих группах временный перевес элементам либеральной троицы: веры, надежды и любви, но процесс консолидации радикальных элементов этим, может быть, лишь замедлился, но никоим образом не был приостановлен. То прикрываясь указом 18 февраля, то игнорируя его, демократическая левая вырабатывает свои «платформы» и, как бы радуясь первым шагам своего демократического самосознания, старается по возможности острее отточить свои лозунги и отра-

вить их ядом недоверия ко всему, что исходит от коварных данайцев. Недоверие ко всем «старым обманувшим словам», недоверие к «изжитым силам», которые задаются целью превратить мертвые слова в мертвые дела! Не будем отныне стучаться к ним — пусть мертвые хоронят своего мертвеца! Долой всякие петиции, просьбы и докладные записки, — отныне мы обращаемся к народу, а не к его врагам!

Демократическая левая становится на путь призыва к непримиримости и недоверию, на путь агитации, набора и сплочения сил, наконец, на путь поисков боевой политической тактики. Процесс расслоения еще не принимает формы прямого раскола, но все же подвигается вперед. Те самые события, которые объемлют холодом душу либеральных примиренцев, как бы шпорами вонзаются в бока демократической мысли и гонят ее вперед. И в то время, когда правая хлопотала о пригласительной повестке на совещание Булыгина, на левой стороне, вслед за лозунгом Учредительного Собрания, поднимается идея всеобщего активного выступления масс, идея милиции, самочинных общенародных выборов и пр., и пр.

Если мы захотим проследить эти два течения демократии по их внешним проявлениям, мы почти не встретим их в чистом виде; они еще сплетаются и осложняют друг друга в голове отдельных лиц, в сознании целых корпораций, наконец, в настроении всей демократии. Две души живут — увы! — в ее груди.

Лозунг всеобщего избирательного права захватывает, повидимому, всю политически-бодрствующую «демократию» и, таким образом, вопреки сказанному, как бы объединяет ее. Но на самом деле это не так. Освобожденцы, эти вдохновители демократической правой, принимают всеобщее избирательное право из политического оппортунизма, как средство утихомирить массу. Г. Родичев [111]), напр., так однажды и высказался: компромиссов в этом вопросе не должно быть, «так как они не внесли бы успокоения, а испортили бы дело; бывают моменты, — пояснил он, — когда верность принципу есть высший оппортунизм» («Право», № 11 [112]). Радикалы же принимают тот же лозунг, как средство связать себя с движением масс. Первые, молча или вслух, торгуются с непримиримой массой, вторые видят в ее непримиримости единственную демократическую опору. Это две различные позиции, и из них вытекают две тактики, которые неизбежно столкнутся в своем дальнейшем развитии.

«Нужно договориться с населением лицом к лицу, какие требования его фантастичны и какие — вполне основательны. В этом главный смысл предстоящих выборов, — во взаимном договоре лиц различных классов». Так откровенно высказывался г. Родичев в начале марта в цитированной выше речи на собрании петербургского юридического общества. И он тут же пояснил, как именно он думает достигнуть соглашения с «населением» и *для чего* это ему необходимо.

«Только системой всеобщего избирательного права, — сказал он, — можно будет внести успокоение умов и *вырвать доску из-под ног у деспотии, с одной стороны, у революции — с другой»* («Право», 1905, № 10) [113]).

Позиция освобожденцев, которые в лице гг. Родичевых совершенно сливаются с левыми земцами, обрисована в этих немногих словах с ясностью, граничащей с цинизмом.

Чтобы показать, как нащупывает свой путь левое крыло демократии, мы процитируем речь г. Мякотина [114]), произнесенную 21 марта в том же юридическом обществе. Он решительно протестует против либеральных примиренцев, исходящих из предположения, что в России есть сила, которая одушевлена намерением немедленно преобразовать русскую жизнь. Единственно, где можно было увидеть эту силу, говорит он, это — в рескрипте 18 февраля. С тех пор прошел уже месяц: мы пережили погром в Феодосии, избиение в Баку, избиение интеллигенции в Курске и Пскове и мн. др. 18 марта мы узнали, что работы отодвинуты на несколько месяцев. Из всего этого возможен лишь один вывод: *в рескрипте нет реального содержания*, он не знаменует собой поворота к действительной жизни, а представляет лишь попытку ответить на ставшие насущными вопросы отрицанием. *Не здесь родятся те силы, которые толкают русскую жизнь к преобразованиям* и должны передать дело народа в руки самого народа. *Если русское общество получило за последнее время возможность говорить* не громко, но хоть вполголоса, — *то лишь потому*, что изменился характер народной жизни, и *из народа вышли силы, вступившие в открытую борьбу за новые начала жизни*, за права личности и гражданства. Благодаря борьбе, перед русской интеллигенцией выдвинулся вопрос: пролагать ли ей мосты к осуществлению частичных преобразований, к передаче власти в руки групп, которые постараются обеспечить свои интересы, или направить свои силы на поддер-

жание тех боевых лозунгов, на которых могут объединиться живые силы страны. Решение вопроса может быть только одно: она *не может итти на уступки и должна требовать созыва Учредительного Собрания на началах всеобщей, прямой, равной и тайной* подачи голосов («Право», 1905, № 13) [115].

Мы вовсе не хотим сказать, чтобы мысли эти были чрезвычайно смелы или оригинальны. В социал-демократической литературе они высказывались с неизмеримо большей энергией и обоснованностью — и притом еще в те незабвенные времена, когда классовый характер русской оппозиции был для радикалов «Русского Богатства» шифрованным письмом за семью печатями, и всякая попытка со стороны марксистов расшифровать политические шифры считалась навязчивым бредом. Как недавно это было и вместе — как давно!

Мы вовсе не хотели также сказать, что наметившиеся в среде интеллигенции два течения непримиримы. Мы видим, что сейчас они еще не разошлись. Мы увидим, как они будут впоследствии снова протекать по общему «конституционному» руслу, у слияния еще отличаясь друг от друга привнесенной ими окраской, а затем все более и более растворяясь друг в друге...

Они еще не разошлись, говорим мы, а в демократической России они снова сойдутся. Но в ближайший период, который будет периодом борьбы за эту новую Россию, им предстоит разрыв, временный, но тем более острый. «Боевые лозунги», которые рекомендовал г. Мякотин, будут становиться все резче и смелее или все «фантастичнее» и «неосновательнее», чтобы говорить языком г. Родичева. Тогда они, эти демократы поневоле, сделают, может быть, еще шаг влево — все с той же целью «договориться с населением лицом к лицу»,—но наступит, наконец, предел их политической эластичности и он не так далек!.. А в это время левая ветвь того же ствола, менее связанная с общими классовыми корнями экономической эксплоатации, более преданная широким целям буржуазно-демократического прогресса, более способная жертвовать грубыми и узкими интересами имущих классов, будет окрашиваться всеми «фантастическими» красками политической палитры.

И сегодняшние братья, дети одной социальной семьи, окажутся завтра злейшими врагами, чтобы впоследствии снова протянуть друг другу братские руки, когда возмутившаяся жизнь устанет от собственного бешенства и войдет в берега «право-

порядка» или еще раньше, когда пролетариат своими суровыми атаками ужаснет все образованное общество перспективой «культурного одичания» и отбросит демократов всех нюансов в одну «священную фалангу цивилизации и мира».

Ça ira, ça ira,
Qui vivra — verra!
(Это будет, будет,
Поживем—увидим).

III. Отделение от либералов и период расцвета

Было бы слишком утомительной и по существу дела излишней работой подробно излагать здесь все манифестации демократической мысли этого периода,— да и вряд ли нам удалось собрать сколько-нибудь исчерпывающую коллекцию резолюций, петиций, постановлений и записок. Достаточно будет, если мы перечислим важнейшие из этих документов и установим их характерные черты.

Первое, что мы считаем нужным еще раз подчеркнуть, так это тот факт, что всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право царит отныне во всех заявлениях безраздельно. Петербургские рабочие так решительно пристыдили передовую интеллигенцию радикализмом своих требований, что сразу отняли у нее возможность гласно сомневаться в «своевременности», «уместности» и «целесообразности» всеобщего голосования. Как японцы обеспечили своему флоту неоспоримое господство внезапным нападением 28 января, так, через год, пролетариат внезапной атакой 9 января сразу обеспечил безраздельное господство своему основному лозунгу над политической волей либеральных кругов.

Заявлений, которые высказывались бы против всеобщего голосования, мы уже не встречаем. Таких, которые обходили бы этот вопрос, попрежнему укрываясь за ноябрьские земские тезисы, ничтожное меньшинство *). Отныне юристы, педагоги, врачи, гражданские и иные инженеры, агрономы, статистики, журналисты, ветеринары, общественные еврейские деятели, члены николаевской библиотеки, тираспольские граждане и ка-

---

*) См., напр., резолюцию московского совещания профессоров, происходившего под председательством попечителя учебного округа.

мышинские обыватели, наконец, просто разного звания и состояния лица твердо заявляют, что единственным выходом из всех отечественных зол, профессиональных неурядиц и непорядков, культурных нехваток, словом, из того, что называется «современным положением», является Учредительное Собрание, свободно избранное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Наконец, даже профессора высказываются за всеобщее и равное избирательное право, умалчивая лишь о том, должно ли оно быть прямым (смотри постановления съезда профессоров 25—28 марта 1905 г.).

Отныне либеральному генерал-майору Кузьмину-Караваеву [116]), прежде чем высказаться за цензовое избирательное право, придется полчаса потратить на расшаркивания перед великим принципом всеобщего голосования. Отныне доблестные тверские Аяксы [117]), Петрункевич и Родичев, принуждены будут первородную подозрительность собственника к массе прикрывать аргументами о технических якобы преимуществах двустепенного голосования. «Русские Ведомости», в течение десятилетий бывшие свалочным местом тоски по земскому цензу 64 года, — отныне и они исторгнут из своей груди вздох надежды на установление «справедливого» принципа всеобщей подачи голосов. И мы имеем все основания думать, что если бы кто-нибудь дал себе труд раскрыть «Вестник Европы» [118]), то смельчак убедился бы, что и в этом коричневом гробике покоятся симпатии к suffrage universel.

Такова судьба многих политических идей, которые кажутся долгое время утопическими. Пришел час, когда из маленьких фактов сложился большой факт революции, и фантастические идеи шутя посрамляют мудрость мудрых. *То ли мы еще увидим, господа!*.. Но вернемся к февральским и мартовским резолюциям.

Екатеринославское юридическое общество в своей телеграмме, посланной совету министров 1 марта, констатирует, что страна находится «в процессе глубокого возбуждения всех ее общественных сил»; нужны немедленные реформы; законодательная палата должна быть построена на началах всеобщей, тайной и прямой подачи голосов; выборам должно предшествовать установление личной неприкосновенности, а также свободы слова и собраний, дабы *зрелые общественные силы* могли благотворно влиять на народ, подготовляя население к *спокойному восприятию* грядущих великих преобразований. Телеграмма требует, чтобы

в особое совещание при министерстве внутренних дел были призваны и представители населения.

Сумское сельско-хозяйственное общество в своем постановлении от 6 марта исходит из необходимости «умиротворить страну и *остановить уже начавшееся движение крестьян»*, а в качестве средства указывает на созыв народных представителей, свободно избранных путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; кроме того общество ходатайствует, чтобы в особое совещание были приглашены представители от земских собраний, городских дум и ученых учреждений. Того же требует и нежинское сельско-хозяйственное общество.

28 февраля петербургское собрание помощников присяжных поверенных, обсудив указ и рескрипт 18 февраля, признало необходимым: 1) чтобы задача особого совещания была ограничена выработкой закона о созыве Учредительного Собрания на началах равного, прямого и тайного голосования, 2) чтобы к участию в работах совещания были привлечены представители от всего населения России без различия национальностей и вероисповеданий. Собрание, к сожалению, не указало, на каких началах должны быть привлечены в комиссию Булыгина представители *всего населения*: на началах всеобщего голосования? Но тогда почему бы им не образовать Учредительного Собрания, вместо того; чтобы заседать в министерской канцелярии!

Это затруднение вполне оценили петербургские присяжные поверенные. Вот почему они в заседании 9 марта, приняв в общем ту же резолюцию, что и их помощники, ограничились по второму пункту требованием, чтобы к «трудам» особого совещания был привлечен, наряду с представителями других общественных групп и учреждений, также и выборный представитель присяжной адвокатуры.

К постановлению петербургской адвокатуры присоединяется московская (13 марта), одесская, саратовская, киевская (17 марта). Но московская не ограничивается этим. Она намечает демократические основы конституции и ставит вопросы о милиции и о войне. Вообще по широте постановки вопросов московская резолюция оставляет позади себя все остальные. В то время, как одесская адвокатура еще путается в сетях архаической фразеологии земских адресов и лукаво мудрствует на тему, что «стоящая между царем и народом бюрократия не только не исполняет, но извращает повеления, исходящие от верховной власти», мо-

сковское собрание (13 марта) говорит: «народным представителям принадлежит право *законодательной* власти», что же касается *исполнительной* власти, то она «вверяется кабинету министров, ответственному перед народными представителями». Последовавшее вскоре затем официальное разъяснение упрекало московских адвокатов в том, что они предлагали совету министров принять программу демократической республики. Некоторые газеты уверяли даже, будто московские адвокаты потребовали «*социал-демократической*» республики: не знаем, не знаем, из резолюции этого что-то не видно.

По вопросу о милиции московская резолюция постановляет: а) *просить городские думы и земства учредить вооруженную милицию* и принять все меры для охраны граждан и б) признать, что полиция должна быть передана в ведение городов и земств.

Мысль, что путь в Учредительное Собрание пролегает через канцелярию министерства внутренних дел, разделяется не всеми. В то время, как одни требуют допущения в особое совещание представителей населения, не указывая, впрочем, как это сделать, а другие ходатайствуют об этой привилегии лишь для «зрелых общественных сил», более радикальные элементы приходят к тому убеждению, что оппозиции нечего делать за правительственными кулисами, и в пояснение своей мысли цитируют первый псалом царя Давида: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых».

Предварительный съезд журналистов 3—4 марта, исходя из того, что булыгинская комиссия ни в каком случае и ни при каких комбинациях не может заменить собою (sic!) Учредительного Собрания (к этому можно было бы прибавить: точно так же, как участок ни при каких комбинациях не может заменить собою комитет общественного спасения), пришел к выводу, что «организованные общественные силы должны предъявить к ней единственное требование» — о созыве Учредительного Собрания на соответственных началах. Ввиду этого, съезд считает *нежелательным* стремление общественных учреждений к участию в работах комиссии Булыгина и рекомендует им в случае, если бы они были приглашены, ограничиться повторением принципиальных требований. Для того, чтоб обеспечить такое, а не иное участие общественных (т. е., в сущности, земских и думских) представителей в комиссии, съезд рекомендовал собирать возможно большее количество подписей граждан под заявлениями, которые должны быть поданы земским и городским учреждениям.

Таким образом, съезд журналистов пришел к заключению, что задача оппозиции состоит в давлении на правительство извне, и, далее, признал необходимым мобилизацию граждан, правда, в крайне неактивной форме, для давления извне на земство и думы, как на официальное «представительство» населения. Эта, хотя и совершенно зачаточная тактика, все же выше ходатайств перед советом министров об учреждении земской экспертизы при конституционной канцелярии.

Точку зрения мартовского съезда журналистов комментировало «Право» в том смысле, что смешение бюрократических элементов с общественными не может не перенести на общество хотя бы часть ответственности за те результаты, какие окажутся от работ совещания. Для того, чтобы производить давление на власть, оппозиции нет надобности входить в состав комиссии и «уничтожать средостение». Общество может производить свою работу и отдельно, и чем больше оно объединится «в своих положительных идеалах», тем грандиознее будут проявления его работ и тем реальнее должен быть результат. Разумеется, в оригинале («Право», № 10) эти соображения сдобрены соответственной дозой дипломатических двусмысленностей и дьявольски-хитрых подмигиваний в сторону власти. Но уж на этом взыскивать не приходится.

Еще дальше в направлении «непримиримости» идет резолюция общества вспоможения окончившим высшие женские курсы. Она заявляет категорически, что выработка новых политических форм не может быть выполнена средствами отживающей правительственной системы. Высочайший рескрипт 18 февраля,—поясняет резолюция,—удерживая во всей полноте «незыблемость основных законов империи», не вносит в положение вещей никаких существенных изменений. Едва ли, однако, не самое значительное число заявлений просто игнорирует «конституционную» работу бюрократии, ограничиваясь, в лучшем случае, как, напр., записка 256 петербургских деятелей по народному образованию, ссылкой на то, что существующие органы власти не в состоянии провести требуемые жизнью изменения, а потому самой насущной потребностью настоящего момента является созыв Учредительного Собрания (от 12 марта).

К несчастью, эта точка зрения имеет свою ахиллесову пяту: она вовсе не задается вопросом о том, *кем и как будет, в конце концов, созвано Учредительное Собрание?*

Мы вовсе не хотим этим сказать, что точка зрения съезда журналистов качественно выше. Нет! Но она дает исчерпывающий ответ в тех ограниченных рамках, в каких она ставит вопрос. Недостаток приведенных нами более радикальных решений не в том, что они слишком радикальны, а в том, что они недостаточно радикальны. Они останавливаются на пол-пути. Сейчас станет ясно, что̀ мы хотим этим сказать.

Политическая мысль широких общественных кругов не развивается чисто логически, изнутри себя, по системе учебников государственного права. Она толкается вперед, назад, в сторону тем материальным процессом общественного развития, который она обслуживает. Конечно, политическая мысль, как и всякая иная, имеет свою логику. Но движущей силой политики отнюдь не является формальный силлогизм. Наоборот. Политическое мышление любой общественной группы, как и всякая вообще форма социальной идеологии, чрезвычайно косно. Оно по доброй воле никогда не гоняется за стройностью, систематичностью и законченностью. Во всяком случае, оно ради них не ударит палец о палец. При первом удобном случае оно без сожаления откажется от выводов из признанных им посылок, если только его не толкает вперед неудовлетворенный голос командующего им классового интереса или настойчивое внешнее давление какой-нибудь общественной силы. Это общее соображение прекрасно подкрепляется приведенными выше фактами из развития политической идеологии у русской интеллигенции за несколько месяцев последнего года.

Непорядки русской жизни ни для кого не были секретом и до последнего оппозиционного подъема. Но нужна была русско-японская война, колоссальное практическое испытание кровью и железом всех сторон государственного распорядка, чтобы двинуть общественное сознание от будничного брюзжания против частных неустройств к обобщенному отрицанию целого режима.

Нужно было адское сопротивление бюрократии, готовой отстаивать свои позиции до конца, чтобы требование государственной реформы рассталось с идеей определенного «соучастия» народных представителей, наряду с всевластной бюрократией, и *подошло* к идее борьбы за обладание государственной властью. Нужно было потрясающее январское выступление пролетариата, т.-е. самой активной части того народа, именем которого оперировала оппозиционная мысль, чтобы эта последняя, во-первых, сделала попытку поставить вопрос права на очную ставку с во-

просом силы и, во-вторых, связала народное представительство с лозунгом всеобщего избирательного права.

И каждый раз после того, как новый политический факт вынуждал политическую мысль интеллигентской демократии сделать новый шаг, от которого она вчера еще отказывалась, несмотря на отдельные настойчивые голоса, ей сейчас же казалось, что этот шаг она делает самопроизвольно, как простой логический вывод из старых посылок; более того, ей представлялось, что с этим выводом она родилась. Не отдавая себе отчета в механизме, управляющем ее движением, она тем самым сохраняет за собой право удовлетворяться своей ограниченностью до нового поучительного толчка.

Если, отвлекшись от состава либерально-демократической оппозиции и сложных внутренних трений, мы возьмем ее лишь в развитии и росте тех лозунгов, которые чем дальше, тем больше господствуют в ее рядах, мы натолкнемся на несколько характерных этапов в развитии оппозиционной мысли. Первое «героическое» усилие, которое она должна была произвести, было направлено на то, чтобы связать все частные виды зла, насилия, произвола и нестроения с одним общим лозунгом и, по крылатому слову одного журналиста, от требования *реформ* перейти к требованию *реформы*. Требование *реформы* закрепляется общественным сознанием, как требование участия свободно избранных представителей народа в законодательной работе и в контроле над исполнительной властью.

Достигши этого этапа, политическая мысль упирается в два вопроса: во-первых, на каких началах должно быть организовано участие народных представителей в государственной власти и, во-вторых, какими путями это может быть осуществлено.

Боевой лозунг Учредительного Собрания, созванного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, сменяет бесформенную идею народного представительства и является в сознании общества как бы исчерпывающим ответом на эти оба вопроса.

Переход от идеи народного представительства к лозунгу всенародного *Учредительного* Собрания сопровождается, по необходимости, глубокой переоценкой значения и объема власти самого представительства. Идея *участия народа в осуществлении законодательной власти* сменяется идеей *перехода государственной власти в руки народа*. Но как только идея всенародного Учре-

дительного Собрания получает для оппозиции значение реального определения того единственного пути, на котором только и мыслимо культурно-политическое возрождение страны, общественная мысль становится лицом к лицу с вопросом о необходимых предварительных гарантиях созыва народных представителей. Она их формулирует в виде требований свободы слова, печати, союзов, собраний, неприкосновенности личности и жилища и всеобщей амнистии по делам политическим и религиозным.

Политическое сознание уясняет себе, что свобода выборов означает не только свободу опускания избирательного бюллетеня в деревянный ящик, но целую серию публичных прав, обеспечивающих свободу агитации. Только при условии признания за населением этих необходимых прав, гласит «заявление граждан в херсонское губернское земское собрание», могут и должны быть созваны представители народа. А резолюция «многочисленного собрания представителей нижегородского общества и граждан» (sic!) формулирует это требование, как ультиматум: «без изложенных гарантий и условий, — говорит она, — общественные учреждения и группы должны отстраниться от участия в выборах представителей будущего законодательного собрания». Таким образом, уже на другой день после издания рескрипта выдвигается бойкот, если не как тактика, то как угроза.

В итоге сложных коллизий, ошибок, разочарований, политических поучений сверху и снизу демократическая интеллигенция создала такую правовую конституцию: необходимо реорганизовать государственный строй на демократических началах; сделать это может и должен сам народ в лице полномочного Учредительного Собрания; избрать своих представителей в Учредительное Собрание народ сможет лишь при наличности необходимых гарантий и свобод.

Все это совершенно верно. Но кто установит и закрепит в соответственных учреждениях гарантии и свободы? Кто созовет подлинное, неподтасованное всенародное Учредительное Собрание?

В «Проекте основного закона Российской империи» *) мы находим следующее крайне поучительное заявление:

---

*) См. в приложении к книге «Конституционное государство», изд. «Права». С этим проектом мы еще встретимся дальше.

«Единственным правильным путем к осуществлению программы, начертанной в изложенном проекте, мы считаем созыв Учредительного Собрания, свободно избранного всенародным, прямым, равным и тайным голосованием, для выработки и приведения в действие основного государственного закона. Только в таком случае закон этот будет исходить из соответствующего его значению источника — из воли народа».

«Мы оставляем *открытым* вопрос о том, при каких условиях совершится переход к новому строю и каким образом будет выработан и санкционирован порядок избрания в Учредительное Собрание. Все это зависит от временного сочетания обстоятельств и *не поддается юридическим определениям*».

Совершенно бесспорно, что способ, каким может быть завоевано Учредительное Собрание, не поддается правовым определениям, так как это способ *сверх-правовой*. Но он должен подлежать определениям *политической тактики* со стороны тех групп, которые не хотят ограничиваться выжиданием à bras croisés (сложа руки) благоприятного «временного сочетания обстоятельств», которое позволит им расправить руки и протянуть их к власти.

Если освобожденские «демократы», приспособляющие все свои жесты и интонации к каждому «временному сочетанию обстоятельств» в отношениях между абсолютизмом и земщиной, принципиально враждебных всякой последовательной тактике, способной лишь стеснить их пламенеющую готовность,— то честные демократы левого крыла еще недоразвились до постановки и проведения законченных тактических планов. Уяснение демократических задач и агитация в ограниченных кругах интеллигенции составляли для них все содержание работы. И отрицательное решение вопроса о комиссии Булыгина, как о звене в непрерывной цепи правовых преобразований, впервые, в сущности, поставило левых лицом к лицу с вопросом: где же действительный путь?

Московское отделение технического общества в своем обширном «постановлении» приходит к такому решению этого тактического вопроса: «Ввиду доказанной несостоятельности (неспособности?) бюрократических комиссий справиться с предстоящей задачей, для решения вопроса о способах созыва Учредительного Собрания должны быть немедленно созваны комиссии из свободно избранных представителей всех организованных общественных сил страны без всякого участия бюрократического элемента».

Организованные силы страны должны взять дело созыва народных представителей в свои руки; выборы должны быть произведены самолично. Необходимая обстановка для выборов будет создана путем захватного публичного права, именуемого на нашем политическом жаргоне «явочным порядком». На страже всех завоеваний захватного права станут организованные общественные силы. Приобретает некоторую, правда, очень неширокую и неглубокую популярность идея городской и земской милиции. 8 марта в заседании московской городской думы были доложены заявления соединенного собрания всех групп помощников присяжных поверенных и педагогического общества, требовавшие, чтобы городское самоуправление взяло на себя учреждение гражданской милиции из всех без изъятия классов московского населения, так как лишь милиция может явиться действительным средством охраны физической неприкосновенности и душевного спокойствия граждан. Вот к каким выводам начинает все больше толкаться демократическая мысль.

Но если политическая агитация еще могла быть рассеянной и вестись партизанскими средствами, то политическая тактика, даже самая примитивная, уже требует организации. Нужно организоваться, организоваться во что бы то ни стало! — одной мобилизации общественного мнения посредством прессы, резолюций и банкетов недостаточно, чтобы достигнуть цели. Нужна материальная организация боевых сил.

Пироговский съезд врачей, открывшийся в Москве так называемым «явочным» порядком, решительно заявил о необходимости врачам сорганизоваться для энергичной борьбы рука об руку с трудящимися массами против бюрократического строя — для полного его устранения — и за созыв Учредительного Собрания, которое должно быть созвано при условии передачи полиции в руки общественных учреждений и предварительного *проведения* в жизнь начал неприкосновенности личности и необходимых свобод. Достаточно только сопоставить эту часть резолюции с постановлением петербургского врачебного общества от *8 января* о необходимом «изменении правового порядка, предложенного большинством съезда земских деятелей 6—9 ноября», чтобы увидеть, какой путь прошла политическая мысль с 9 января до 20 марта, т.-е. в течение двух с половиною месяцев!

Состоявшийся в марте же съезд агрономов и статистиков, исходя из того, что все русское общество в настоящее время не

может возлагать никаких надежд на работающие ныне различные правительственные комиссии, пришел к заключению о необходимости в целях проведения в жизнь выработанной им программы, т.-е. в целях активного участия в происходящем народном движении, организовать союз агрономов, статистиков и других деятелей по экономической помощи населению.

Мы, таким образом, подошли к моменту создания многочисленных «профессиональных» союзов интеллигенции.

IV. Союзы

«Союзное» объединение интеллигенции разных профессий диктовалось элементарной потребностью оппозиции в сплочении. Это так ясно, что об этом не стоит распространяться. Формы этого союзного движения складывались всецело под влиянием общего политического развития страны, появления новых сил на новой арене.

Идея объединения в профессиональные союзы зарождается независимо у двух групп: профессорской и инженерской; крайне поучительно, что именно у этих групп, из которых одна находится в непрестанном общении с самой активной частью интеллигенции, студенчеством, а другая — с самым боевым классом общества, пролетариатом.

Мы знаем; что профессора — это самая косная, безличная, на все готовая корпорация русской интеллигенции. Не было той холопской миссии, от которой отказалась бы профессура. За чин и плату они играли роль педелей казенной науки. Не было той полицейской репрессии, аппаратом которой не были бы профессора. Но непримиримая тактика студенчества, боровшегося за академические вольности и политическую свободу, сводила к нулю итоги правительственной и профессорской полицейщины. Антагонизм между профессорами и студенчеством, не внимавшим сытой либеральной мудрости своих «наставников», обострился до крайней степени, прежде чем профессора поняли, что *так* дальше нельзя: нужно либо закрыть университеты навсегда, либо добиться для них необходимых условий существования. Таким образом, профессора не просто додумались до преимуществ конституционного строя перед самодержавно-полицейским и не просто заразились общим настроением, но были *выброшены*, буквально

вышвырнуты, боевой непримиримостью студенчества на путь оппозиции.

Это не единственное явление такого рода, мы знаем другое, гораздо более крупное. Представители торгово-промышленного капитала были обращены к оппозиционной «платформе», ничем иным, как грандиозным развитием стачек. Можно почти считать политической «теоремой», что, если мы имеем две непосредственно связанные группы или два класса буржуазного общества, из которых один играет подчиненную, а другой в той или иной степени командующую роль, то командующий класс не привлекается на путь оппозиции каким-нибудь мирным договором с классом зависимым, но вынуждается этим последним к оппозиции путем самой непримиримой боевой тактики. Иными словами: не соглашения и союз создают увеличение оппозиционных сил, но принципиальная политическая дифференциация. Отсюда урок для демократии: при занятии каждой новой позиции нужно больше заботиться об ее укреплении и использовании всеми боевыми средствами, чем о сохранении союзника, дотащившегося до этой позиции.

Когда студенты посредством крайне выразительных демонстраций ad oculum (с очевидностью) доказали все еще колебавшимся профессорам, что наука должна быть свободной, а свободная наука возможна лишь в свободном государстве, среди профессоров приобрела популярность мысль о съезде и союзе. Перейдя на почву политической оппозиции, профессора первым делом ухватились за грозное оружие буржуазного либерализма: за оппозиционные обеды. Опыт мировой истории давно уже засвидетельствовал чрезвычайно разрушительное влияние этого средства на старый порядок. Обед приурочивался к Татьянину дню (12 января, 150-летие московского университета [119]), а к обеду приурочивалось принятие упоминавшейся выше записки о «нуждах просвещения». «К 4 января,— повествует «Русь»,— записка была выработана, и все распоряжения по обеду были сделаны», причем, по отзыву той же газеты, в редактировании записки и устройстве обеда принимали деятельное участие наиболее выдающиеся силы оппозиционной науки. Так шли дела на либеральной кухне русской профессуры, как вдруг за три дня до предположенного обеда разразилась гроза 9 января. Кровавый день унес с собой, между многими сотнями рабочих, несколько человек студентов, которым так и не довелось дожить до того часа, когда

воспитанные ими профессора приступят, наконец, к затрапезной борьбе с абсолютизмом. Обед, впрочем, не состоялся. «Первым движением кружка, — излагает почтительная «Русь», — было расстроить обед и обратить деньги, собранные за билеты на обед, на помощь семьям рабочих, убитых или раненых 9 января». Само собою разумеется, это было достойно всякой похвалы. «На собраниях 10 и 12 января кружок занимался ликвидацией дел обеда», было избрано бюро, которое выработало основные положения организации *союза профессоров*. Эти положения были приняты съездом профессоров и преподавателей высших учебных заведений 25—28 марта, и союз был создан.

Мартовский съезд происходил уже после закрытия всех высших учебных заведений волею студенчества в виде протеста против январских правительственных злодеяний. Таким образом, давление так называемых общих государственных условий на академическую жизнь равнялось к этому моменту десяткам атмосфер. Шансы университетской науки стояли гораздо хуже, чем шансы революции. Тем не менее постановления мартовского съезда профессоров отличаются немощным характером. Гг. профессора заявляют, что не могут не взирать с глубокой тревогой на тяжелые условия, переживаемые нашей страной. Стоит присмотреться научным оком к «грозным симптомам» — аграрным волнениям и рабочим забастовкам, чтобы увидеть, что Россия находится на краю пропасти. Каждая минута промедления увеличивает правительственную и общественную анархию — «ту смуту, которая грозит неисчислимыми бедствиями стране». Профессорский съезд требует конституционного режима на основе всеобщего и равного избирательного права, *прямого* опущено *потому*, что профессора стоят за двустепенное, а *тайное* опущено *для того*, чтобы замаскировать отсутствие прямого: обычный прием для всех сторонников двустепенного голосования. Резолюция молчит о распространении избирательного права на женщин. Резолюция, разумеется, упоминает об идее социальной справедливости и угрожает фактами аграрных волнений и рабочих забастовок, но не выдвигает ровно никакой программы аграрной реформы и фабричного законодательства.

Тактические выводы съезда еще более поражают своей нищетой. Если не считать предложения профессорам заниматься распространением знаний по основным вопросам конституционного права, то останется одна чисто отрицательная тактическая

директива: профессора отныне отказываются каким бы то ни было образом поддерживать практику полицейско-бюрократического воздействия на учащееся юношество.

Мы уже сказали, что *союз инженеров* сложился около того же времени, что и союз профессоров. Периодические возмущения пролетариата, вызываемые общим социально-правовым укладом и приводящие к сложным коллизиям капитала, труда и власти, все чаще и чаще ставили инженеров, находящихся, по образному выражению юго-западной группы, между молотом капитала и наковальней труда, в безвыходное положение и лишали их условий «спокойной и достойной работы». Таким образом, несомненно, что общественно-профессиональные условия, страшно отягчившиеся «грубой междоусобной войной труда и капитала», заставили инженеров понять полное «несоответствие новых экономических устоев с обветшалыми политическими формами». Борьба за создание условий спокойной и достойной работы превратилась в борьбу за конституционные гарантии государственной жизни. Для борьбы за эти гарантии 5 декабря образовался в Петербурге союз инженеров и техников разных специальностей. Задачи, которые он себе ставил, меньше всего отличались определенностью: 1) изучение социальных условий, в каких работает русская промышленность, 2) изыскание и проведение в жизнь улучшения этих условий (sic!)*). Союз, повидимому, мечтал вначале легализоваться, так как весь декабрь бюро занималось разработкой каких-то основ деятельности союза, но нагрянувшие январские события, как объясняет обстоятельный доклад бюро («Право», № 11), не позволили ждать выработки какого-нибудь устава, и союз решил считать себя фактически существующим. Дальнейшая практика упрочила этот метод, так как для всех стало ясным, что легализованные общества имеют пред неосвященными, но фактически существующими лишь ту привилегию, что могут быть по произволу закрыты администрацией.

Январские события временно оживили деятельность союза. Он оказывал материальную помощь раненым и семьям жертв

---

*) Возможно, впрочем, что эта сугубая неопределенность, не только содержания, но и формы, сознательно учинена «страха ради цензорска». Мы должны оговориться, что все наши цитаты сделаны не по подлинным документам, но по их нередко подчищенным воспроизведениям в прессе. За всякие поправки мы были бы крайне обязаны. Эти данные нужны будут будущему историку нашего замечательного времени.

9 января, затем взял на себя инициативу в устройстве столовых для пролетарских детей, голодом которых их отцы оплачивают свою борьбу за лучшее будущее для новых поколений...

Мы уже знаем об интересной записке союза по поводу действительных причин рабочего движения, представленной через г. Витте комитету министров. Союз постановил поддерживать своих пострадавших членов и выразил принципиальное порицание инженерам, выполняющим полицейские функции выуживания «неблагонадежных» рабочих. Далее, когда затея с комиссией сенатора Шидловского закончилась жалким фиаско, благодаря принципиальной настойчивости и образцовой выдержке представителей петербургского пролетариата, и когда власти стали срывать сердце на отдельных выборщиках, подвергая их всяческим карам, вплоть до побоев, союз инженеров публично протестовал против чисто провокаторской роли, разыгранной г. Шидловским. Если еще упомянуть о протесте союза по поводу бакинского диавольского шабаша, подготовленного полицейски-разбойничьей политикой кавказской администрации, то мы получим более или менее полный очерк деятельности союза за этот первый период.

Юго-западные инженеры, умудренные, по собственной рекомендации, значительным жизненным опытом, достаточно дисциплинированные своими научными познаниями (и солидными окладами?) и гарантированные поэтому от всех необдуманных и незрелых решений, обещали «в самом непродолжительном времени выступить с солидно-мотивированными заявлениями и ходатайствами как перед представителями местной власти, так и перед высшими правительственными органами страны».

К сожалению, нам совершенно неизвестно, каковы были реальные плоды для счастья и благоденствия юго-западной России от этой патентованной в своей зрелости политической тактики, состоящей в представлении солидно-мотивированных ходатайств достаточно дисциплинированными ходатаями.

22—24 апреля на делегатском съезде [120]), сперва заседавшем в Петербурге, а затем вынужденном se retirer sur le sol hospitalier de Finlande (отступить на гостеприимную почву Финляндии, как значилось в приветственной телеграмме, посланной обществу финляндских инженеров), союз получил всероссийскую организацию — в его состав вошло около 3.000 человек — и выработал так называемую платформу... Всенародное Учредительное Собрание, предоставление избирательного права женщинам, право на нацио-

нальное самоопределение, гарантируемое конституцией, немедленное провозглашение публичных прав — такова политическая часть «платформы». Основными задачами рабочего законодательства съезд провозгласил: *прогрессивное уменьшение* (sic!) рабочего дня до 8 часов и государственное страхование рабочих. Съезд признал, далее, необходимой коренную аграрную реформу, но совершенно не определил ее оснований.

Тактические резолюции союза имеют по преимуществу отрицательный характер: признано несовместимым с достоинством инженера обращение к вооруженной силе при конфликтах труда с капиталом, исключение рабочих по полицейским спискам, репрессии за празднование 1 мая и пр. и пр.

Из докладов, чтение которых предшествовало выработке программных резолюций, выяснилось, как гласит отчет о первом заседании, что союзы всюду возникали под влиянием вестей из столицы и *особенно после 9 января*. Находим необходимым это не только отметить, но и подчеркнуть.

Предварительный съезд столичных и провинциальных журналистов 3—4 марта 1905 г., который нам уже известен по своей резолюции относительно совещания гофмейстера Булыгина, подготовил посредством избрания бюро первый всероссийский съезд журналистов, заседавший в Петербурге с 5 по 8 апреля и положивший основание союзу российских писателей. На первом же заседании наметились, по классификации «Новостей» [121]), два противоположных течения: более умеренное и более радикальное, причем восторжествовало первое. В красиво построенной речи г. Короленко[122]) демонстрировал не «более умеренное», но более, чем умеренное течение русской демократии.

Г. Короленко нарисовал свое тревожное настроение — и нарисовал в таких характерных красках, что мы не подобрали бы для этого настроения другого имени, как политическая жуть. Снизу катится что-то большое, темное, гневное, рокочущее — и наступает все ближе и ближе... Сверху укрепилось что-то тупое, жестокое, бессмысленное и не хочет уступать... А мы, либеральная печать, стоим меж этих двух надвигающихся сил, — и гложет нас, гложет предсмертная тоска... Сдержим ли? Или не сдержим? И тогда «оно» всей тяжестью навалится на нас и раздавит наши бедные, мягкие, жирондистские [123]) души...

Такое же настроение,—вспоминает оратор,—было и перед освобождением крестьян. Но тогда условия сложились благоприятно...

для кого?.. Тогда прогрессивным элементам общества в союзе с прогрессивными элементами бюрократии удалось разрешить важнейшую задачу того времени. И все страхи, вся накопившаяся взаимная ненависть, все угрозы исчезли, как ночные тени, перед веянием света и свободы. А теперь? Союз печати с бюрократией, к несчастию, невозможен, потому что бюрократия цепко держится за свои привилегии. Бюрократия даже не понимает того, что в сущности либеральная печать является устоем порядка, ибо она сеет в обездоленных массах спасительную надежду — надежду на реформу сверху. А надежда заменяет отчаяние ожиданием. Но сбудется ли надежда? Или обманет и тем закалит отчаяние? Хватит ли у «современного поколения» сил для разрешения задачи и предотвращения катаклизма? Или же на нас надвинется то грозное, что зреет внизу?.. Вот в чем тревожный вопрос. Очень красиво и правдиво пела жирондистская душа писателя-художника о предреволюционной политической жути русской демократии. Встреченная «дружными аплодисментами» речь г. Короленко стóит, в своем роде, десятка демократических «платформ».

Но съезд все же не ограничился поэтической исповедью и принял предложение г. Милюкова, считающего себя, как известно, реалистическим политиком, выработать основы программы и тактики.

При обсуждении политической платформы возникло разногласие насчет предоставления избирательных прав женщинам, — но «подавляющим большинством голосов этот вопрос был разрешен в положительном смысле».

Аграрный вопрос был разрешен съездом более широковещательно, чем определенно, и более великодушно, чем глубоко. Союз писателей поставил себе задачей «стремление к осуществлению (как осторожно!) такой экономической политики, в результате которой весь земельный фонд страны был бы предоставлен в распоряжение трудящегося населения (как смело!)». Всякий, кто будет отстаивать добавочное наделение с выкупом, организацию переселений и другие не бог весть какие радикальные меры, будет чувствовать себя в курсе «стремлений к осуществлению» каучуковой аграрной программы. Немудрено, что к этой резолюции, столь робкой и столь «смелой» в одно и то же время, присоединилось больше 80 голосов, т.-е. все, кроме марксистов, которые воздержались (?), надо думать, из брезгливости к формулам, которые обещают все и ничего. За национализацию земли одновре-

менно с государственным преобразованием высказалось уже только 54 голоса. Мы не будем здесь подвергать детальной критике творчество буржуазной демократии в области аграрного вопроса, — ниже мы сделаем это в другой связи.

Глубокой поучительности полны заключения гг. российских писателей по рабочему вопросу. Единогласно съезд высказался за государственное страхование рабочих, за урегулирование (а не уничтожение!) ночного труда, за ограничение (а не безусловное воспрещение!) детского труда. Вопрос о немедленном введении 8-часового рабочего дня вызвал разъединение: соответственная резолюция была принята лишь 50 голосами против 42, при 6 воздержавшихся. Тогда предложили другую резолюцию, требующую немедленного введения 8-часового рабочего дня лишь для тех производств, где он «возможен по техническим условиям в настоящее время», и принятия надлежащих мер для введения его «в ближайший срок» во всех других производствах, но и за эту резолюцию голосовало лишь 52 против 49.

Тогда было внесено предложение: ввести в платформу союза писателей не только законодательную охрану трудящихся, но и «содействие пролетариату в его борьбе за политическое и экономическое освобождение и стремление к обобществлению орудий производства». Да, да, ни больше, ни меньше! И что же? Социалистическая программа, потому что ведь это социализм, господа! — была установлена «подавляющим большинством голосов» писателей. Случилось это в вечернем заседании всероссийского съезда 6 апреля в лето от Р. Хр. 1905...

Итак, после 6 апреля 1905 г. «подавляющее большинство» русской печати стало на службу социализму. Удивительное дело, как этого никто даже и не заметил! Мы лично всегда очень внимательно следим за русской журналистикой и должны признаться, что только теперь, изучая все политические декларации русской интеллигенции за последний год, мы узнаем о такой великой и в то же время крайне дешевой победе международного социализма на нашей родине... Подавляющим большинством было санкционировано стремление к обобществлению орудий производства. Жаль, очень жаль, что по этому вопросу не было произведено поименного голосования. Так, для нас остается сокрытым поведение хотя бы делегата «Вестника Европы». Или г. Слонимский[124]), великий марксоборец, перешел к идеям коммунизма? А г. Милюков? А г. Короленко? А «Русские Ведомости»? «Мы все —

социалисты», — повторили они 6 апреля знаменитые гладстоновские [125]) слова. Все — и даже «Биржевые Ведомости» [126]), так красноречиво отстаивающие наряду с платформой союза платформу г. Витте! Впрочем, тут нет даже и противоречия: «Московские Ведомости», которые всерьез думают, что «они все — социалисты», не так давно писали, что кого-кого, а уж г. Витте никто, разумеется, не заподозрит в отрицательном отношении к социалистическим идеям.

Да, они все — социалисты! И те, которые высказывались против равноправия женщин, и даже те, которые голосовали против восьмичасового рабочего дня. Приняв столь внезапно социалистическую программу, эти смелые джентльмены разошлись по своим редакциям и снова взялись за свое тягло: кто продолжал защищать программу земских съездов, кто — программу г. Витте, никому еще, впрочем, неизвестную.

«Стремление к обобществлению орудий производства!..» — что же это все-таки означает? В том-то и суть, что это *ничего* не означает. Или, может быть, вернее будет сказать, это означает — сознательное или бессознательное — *политическое шарлатанство*.

Съезд заседал в такое время, когда даже г. Короленко пришлось признать, что «огромный контингент фабрично-заводского пролетариата уже сознал важность свободных политических форм» — и не только свободных политических форм, но и полной, т.-е. социалистической свободы от гнета капитала. Игнорировать пролетариат буржуазной демократии не приходится. Нужно, значит, дать место этому «огромному контингенту» на своей маленькой платформе. Восьмичасовой рабочий день? Конечно, это излюбленный лозунг пролетариата. Но ведь этот лозунг все-таки кое к чему обязывает. Тут имеешь дело прямо с цифрой: *восемь часов*, не больше и не меньше. Присягнуть на верность этому лозунгу значит создать для себя затруднение при обсуждении земских и промышленных программ, а также и никому еще неизвестной программы г. Витте. Но расписаться в «стремлении к обобществлению», — mon Dieu! — кого и к чему это обязывает? А между тем, это недурной козырь в борьбе с социал-демократией. Вы нас обвиняете в ограниченном буржуазном либерализме? Позвольте! мы вам сейчас покажем, — у бюро нашего союза в архиве спрятана наша программа, — так вот, если ее найти и прочитать, то из нее можно с несомненностью удостовериться, что 6 апреля 1905 года

мы все клялись на перьях поддерживать «стремление к обобществлению орудий производства». Теперь понятно, почему все они социалисты... Для того, чтобы покончить с этим, прибавим, что в конце концов социально-экономические вопросы, в интересах единства, были вовсе *исключены из платформы*, и она оказалась чисто-политической.

По вопросу о тактике съезд признал наиболее целесообразным «прямой и активный» образ действий, и нам неизвестно, как примирилась с этим жирондистская жуть г. Короленко и тех, кто дружно аплодировал ему. Впрочем, прямой и активный образ действий исчерпывался, по мнению съезда, настойчивой агитацией в пользу немедленного созыва Учредительного Собрания, производимой путем цензурной и бесцензурной печати устройством сходок, собраний и народных митингов и, наконец, в частности, образованием ряда профессиональных союзов, с возможным объединением их деятельности в союзе союзов.

Насколько нам известно, никакого «прямого и активного» образа действий союз писателей, как таковой, не проявил. Но, может быть, можно было бы простить ему это или, по крайней мере, найти смягчающие вину обстоятельства, еслиб в своей газетной агитации члены его оставались верны хотя бы только принятым ими *политическим* директивам. Мы нашли бы для них, может быть, оправдание, еслиб они, не вступая самолично на путь «прямой и активной» борьбы, поддерживали бы такой образ действий в своей прессе или; по крайней мере, воздерживались от литературной агитации, направленной против прямого и активного образа действий. Но не было и этого! Не было ни одной либеральной газеты, которая бы служила своей программе иначе, как путем каждодневных нарушений ее. Не было ни одной газеты, которая воздерживалась бы от искушений занести руку на представителей «прямого и активного» образа действий! Мы утверждаем, и мы готовы принять вызов любой из наших либеральных и радикальных газет и доказать перед любым жюри, что повседневная политическая агитация всей нашей прессы, всей без исключения, стоит неизмеримо ниже даже тех политических принципов, которые представителями той же прессы признаются в торжественных декларациях. Наши оппозиционные газеты за работой отличаются одна от другой лишь *степенью* измены основным и элементарным принципам демократии.

Наиболее шумно произошло, несомненно, образование всероссийского *союза медицинского персонала*. Образование это произошло на пироговском съезде, собравшемся не только без разрешения администрации, но и вопреки ее прямому запрещению. В конце концов центральные власти санкционировали съезд, уже фактически заседавший.

Резолюция пироговского съезда 20 марта, легшая в основу медицинского союза, как его «платформа», стоит неизмеримо выше всех других «союзных» программ по определенности и полноте демократических требований.

Пироговский съезд, как мы уже знаем, требует немедленного прекращения войны и перехода полиции в руки органов самоуправления, как мер, которые должны быть осуществлены еще до созыва Учредительного Собрания; это последнее, как и органы самоуправления, должно быть организовано на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права без различия пола. Учредительное Собрание должно передать верховную власть законодательному собранию, избранному на тех же началах и образующему *одну палату*. Отметим здесь, что мы не знаем другого открытого голоса из рядов демократии в пользу однопалатной системы; все съезды и союзы до сих пор вовсе обходили этот кардинальный вопрос; что же касается прессы, то она либо откровенно присоединялась к земской и освобожденческой конструкции двух палат, либо, как «Сын Отечества», виляла в этом вопросе, страха ради земска, притворялась, что ей неясны демократические преимущества одной палаты. Далее, резолюция пироговского съезда требует, чтобы первое же собрание, т.-е. Учредительное, помимо организационно-конституционных работ и кроме установления всеобщего бесплатного обучения и *отделения церкви от государства* провело основные финансовые, аграрные и фабрично-законодательные реформы: введение подоходно прогрессивного налога; обеспечение землею трудящихся за счет государственных, удельных, монастырских и частновладельческих земель; установление 8-часового рабочего дня во всех сферах труда, минимума заработной платы и государственного страхования рабочих.

Задачу возникающего союза резолюция видит в энергичной (иначе: «прямой и активной») борьбе рука об руку с трудящимися массами против современного государственного строя для полного уничтожения его и замены свободным строем через посредство Учредительного Собрания.

В резолюции можно указать на один крайне серьезный пропуск, имеющий далеко не одно только формальное значение: это умолчание о необходимости уничтожения постоянной армии и замены ее всенародным вооружением, т.-е. милицией. И отсюда надлежит сделать тактический вывод о необходимости немедленно приступить к осуществлению этого коренного требования демократии организованными силами и «рука об руку с трудящимися классами», так как без этого «энергичная, прямая и активная» борьба за народовластие грозит остаться украшением бумажных постановлений, не внушающих доверия и уважения ни тем, кто их пишет, ни тем, кто их читает.

Закрытие пироговского съезда произошло так же шумно, как и его открытие. Мы приведем здесь сцену закрытия в живописном воспроизведении «Московских Ведомостей».

«Оглашены были официальным характером политические резолюции, выработанные на частном совещании врачей 20 марта... Все резолюции принимались при оглушительных рукоплесканиях. Члены съезда и публика единогласно постановили принять все меры к самому широкому распространению в стране всех резолюций съезда. Председательствующий вносит заявление группы врачей об учреждении всероссийского союза медицинского персонала для борьбы против существующего государственного строя и для содействия скорейшему введению конституционного образа правления. Предложение встретило единодушное сочувствие врачей и публики, что было выражено поднятием рук. При обратной проверке из 3.000 присутствующих никто руки не поднимал. Затем была прочитана вице-президентом пресловутого сельскохозяйственного общества А. В. Тесленко [127]) возмутительная резолюция отдела ветеринарных врачей, повторявшая в более резких выражениях уже принятые постановления. Врач Д. Я. Дорф читает от имени какого-то студенчества настоящую прокламацию, которая заканчивается словами: «долой самодержавие!». Это заключение подхватывается присутствующими студентами и многими лицами из публики, и зал консерватории оглашается кликами: «долой самодержавие! да здравствует республика!». Когда неистовство «неучащейся» молодежи утихло, председательствующий заявляет, что съезд исполнил свою задачу, и закрывает заседание. Снова раздаются рукоплескания и возмутительные возгласы. Многим казалось непонятным, почему съезд закрывается (раньше назначенного администрацией времени). Д. Я. Дорф

разъясняет: «Мы сами открыли съезд — мы сами закрываем». Сотрудник «Московских Ведомостей» не вынес этого зрелища и ушел с собрания.

Как не вспомнить январских съездов 1904 года! Как не вспомнить того музыкального финала, в котором бесследно утонули оппозиционные резолюции пироговского съезда! Предполагалось, как известно, пред заключением съезда (1904 г.) прочесть вслух и пробаллотировать выработанные за кулисами резолюции, но едва приступили к делу, как с хор бешено грянул предупредительно заготовленный военный оркестр. Как гулко, уверенно и нагло гудели, ревели, ухали и завывали трубы, литавры и барабаны г-на Плеве! Разнузданным ревом патриотически-камаринской мелодии заглушались робкие конституционные голоса. Пьяные от муштры, от собственных звуков, а, может быть, и от вина, солдаты дули изо всей силы легких и барабанили со всего размаха рук; кошмарный хаос звуков терзал атмосферу, а бедные делегаты столичной и провинциальной смуты, точно оплеванные, точно подвергнутые телесному истязанию, крались наружу из этого музыкального ада... То было в январе 1904 г. В марте 1905 г. еще не иссяк, конечно, порох в пороховницах абсолютизма. Но уж прошлогодней исступленной самоуверенности под аккомпанимент победных звуков не осталось и следа.

Вспоминается рассказ Достоевского про музыкальную фантазию на рояле на тему франко-прусской войны [128]). Эта фантазия начинается могучими звуками марсельезы. А потом откуда-то из-за угла примешивается к ним пискливый голос пошлейшего вальса «Mein lieber Augustin»... Борьба между двумя мелодиями растет, растет... марсельеза угасает, вальс крепнет... наконец, звуки марсельского гимна совершенно тонут в волнах разухабистого вальса, этого музыкального апофеоза торжествующей солдафонско-мещанской силы.

Но бывает, как видим, и иначе. Угарная симфония произвола носится по градам и весям несчастной страны, и кажется ей, что царствию ее не будет конца. Но вот навстречу азиатскому реву бросаются грудью молодые тона марсельской песни. Бешено ухает солдатская мелодия, как исступленные грохочут казенные барабаны и хоронят марсельезу, точно последнюю речь приговоренного к смерти... Но не смиряется песня свободы. Растет

и крепнет и набирается металла ее голос. Вот уж он звучит, как могучий набат всенародной тревоги. Скоро-скоро пронесется он, как торжествующий звон победы.

V. Кульминационный пункт и возвращение в лоно либерализма

Подъем, произведенный в интеллигенции событиями 9 января, сказывался во всем: и в содержании требований, и в их форме, и в самом тембре политического голоса. Но непосредственный виновник этого небывалого подъема, пролетариат, скоро стал тускнеть в сознании интеллигенции и терять обаяние январских дней. Правда, стачка мчалась по Руси, как пожар по американским прериям. Но после 9 января, после этого страшного боевого крещения передовых рядов, простая мобилизация остальной армии уже не могла производить того впечатления. К стачке привыкали. Ее то порывистый, то затяжной характер стал простым серым фоном освободительного движения. И хотя пролетариат остался неприкосновенным, как аргумент, в резолюциях и в увещаниях либеральной прессы по адресу реакции, но, как мы уже отметили выше, вера в него снова падала. Могучая борьба пролетариата в Варшаве, Лодзи, Риге и на Кавказе, правда, импонировала интеллигенции, но борьба эта носила окраинный, провинциальный характер и решающего значения иметь не могла.

Приближение 1 мая снова повысило и концентрировало внимание интеллигенции к пролетариату. Либеральная пресса посвятила международному рабочему празднику целый ряд статей. Она доказывала, что праздник рабочих, это — праздник мира, манифестация солидарности; что во всем мире этот день проходит без жертв; что со стороны русского правительства было бы «неразумно», «нецелесообразно» и, наконец, «несправедливо» превращать праздник братства в кровавую баню. Мы не сомневаемся, что эта аргументация должна была показаться генералу Трепову совершенно неотразимой. «Новости», в которые набились радикальные сотрудники — при старой, однако, редакции — и, таким образом, придали этой газете чуть не львиный зад при совершенно не львиной голове, «Новости» писали, что «все же» лучше бы воздержаться от празднования 1 мая, ибо могут быть жертвы, а между тем «мы» можем достигнуть пристани и без новых кровавых усилий, так как за нас работает «естественный ход вещей». Что такое этот «естественный ход вещей», из которого

выключалась сознательная политическая борьба, газета так и не сказала. Так или иначе, внимание либерального общества снова было возбуждено пролетариатом. Нетерпеливым стало казаться, что он опять выступит и положит конец мучительному кризису.

Неудача первомайского выступления, на причинах которой мы здесь не будем останавливаться, резко понизила доверие интеллигенции к зрелости и силе пролетариата. В такой момент, когда он так нужен, когда его ждут с таким болезненным напряжением, — его нет! Разочарование имело острый характер с оттенком какого-то злорадства, хотя, конечно, оно прямо и не было выражено в либеральной прессе.

Оно резко сказалось зато в новой переоценке собственных сил. От нервного «обожания» пролетариата к нетерпеливому разочарованию переход был очень скор; от разочарования в «зрелости народа» к преувеличенной самооценке — еще скорее. Интеллигенция сравнивала свою импульсивность, способность быстро сбегаться на «шум» с этими медлительными и тяжелыми раскачиваниями массы, — и она снова готова была признать за собой громадное преимущество.

На этой психологической почве идея «Союза Союзов» приобретает хотя и неясные, но огромные очертания. Правительство идет к обещанному представительству путем военной диктатуры. Народ, как оказывается, не достаточно созрел, чтобы дать отпор. В таком случае интеллигенция берет дело в свои руки.

К началу мая уже сложились, не считая земского союза, т.-е. организации земцев-освобожденцев, союзы: академический, инженеров, адвокатов, агрономов и статистиков, врачей, ветеринаров, фармацевтов, железнодорожных служащих, журналистов, женского равноправия, равноправия евреев, учителей, конторщиков и бухгалтеров. В мае образовался союз крестьянский [129]. В начале мая союзы приступили к взаимному объединению.

Рисовалась такая заманчивая картина: союз земцев, опора и надежда, объединится с союзами интеллигенции; затем *к ним примкнут союзы крестьянский и рабочий;* эта могучая сеть, охватив всю страну, создаст Союз Союзов, как свой центральный орган. Тогда задача будет в сущности решена. Союз Союзов возьмет на себя функции несостоятельной комиссии гофмейстера Булыгина, выработает избирательный закон и созовет Учредительное Собрание. Таков был план, носившийся в головах наибо-

лее отважных и в большей или меньшей мере разделявшийся всей рядовой массой демократических объединений.

8 и 9 мая в Москве произошел съезд делегатов от 14 перечисленных выше союзов [130]), всего 54 делегата. Была прочитана сводка политических платформ всех 14 союзов, при чем выяснилось, что все они сходятся в основном требовании немедленного созыва Учредительного Собрания на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, хотя на съезде, как сообщал корреспондент «Новостей», резко определились те три общественно-политические течения, которые господствуют в настоящее время в русском обществе (очевидно, к.-д., с.-р. и с.-д.). Были выработаны общие федеративные нормы объединения автономных союзов, были приняты резолюции по поводу текущих событий, наконец, было сделано через особую депутацию мягкое представление московскому городскому голове по поводу реакционно-самодурской тактики, проводимой либеральной московской думой и управой в отношении городских рабочих. В ответ от князя Голицына были получены, разумеется, самые успокоительные заверения. Потом разъехались.

Этот съезд с полной наглядностью показал отсутствие у союзов какой бы то ни было политической (т.-е. массовой) почвы под ногами и, в силу этого, полную неспособность к «поступкам». Здесь повторилось то же, что и в период ноябрьских и декабрьских банкетов. Вначале самая идея организации всероссийских союзов, в которые войдут, — как писал когда-то Герцен [131]), издеваясь над Бакуниным [132]),— студенты, рабочие, генералы, священники, женщины, птицы и пчелы, — самый факт такой организации, независимо от ее политических функций, казался решением вопроса. «Союзы» создавались, как руководящие политические организации, хотя неизвестно было, чем собственно они будут руководить. «Союз Союзов» возник, как коалиция этих заготовленных впрок руководящих организаций и сам оказался в роли заготовленного впрок демократического почти-что временного правительства. Но когда здание было построено, платформы сведены к единству, несмотря на «резкое проявление» трех направлений, когда было создано центральное бюро, как увенчание здания, тогда только во всей своей убийственной обнаженности предстал вопрос: *что же дальше?* где же поступки?

Конечно, Союз Союзов мог бы, собравшись полуконспиративным образом — такова вообще полупреднамеренная, полу-

вынужденная тактика союзов — составить в противовес бюрократической комиссии *свой* проект конституции и выработать *свой* избирательный закон. Но от этого действительные судьбы конституционной реформы еще не перейдут к нему в руки. Что же делать? Где же поступки?

Перед демократией возникает вопрос о тактике, о боевой политике, т.-е. именно о том, во имя чего создаются всякие организации и строятся платформы. В сознании демократии снова всплывает образ пролетариата, как образец солидарности. Вспыхивает и получает мгновенную, хотя и неглубокую популярность идея всеобщей политической стачки либеральных профессий. Рабочий класс не только дал интеллигенции политические лозунги, но и заставил ее стать на путь подражания ему в области методов борьбы.

15 мая погиб бесславно, как все в этой бесславной войне, русский флот у острова Цусимы. Это был крах. Так и назвал кн. Евгений Трубецкой цусимское поражение в № 21 «Права» [133]). Издевательство над общественным мнением,— писал он,— должно же когда-нибудь кончиться. Попытки свести на-нет высочайший рескрипт 18 февраля могут привести к катастрофе. Дальнейшее стремление наших опекунов опекать нас не нашло бы себе на человеческом языке достойного названия. Теперь, когда вы разбиты на суше и на море, вам остается лишь сдаться на капитуляцию. «Посторонитесь, господа, и дайте дорогу народным представителям!».

«Они» ответили на этот крик возмущения двойственно. С одной стороны, они объявили, что 26 мая совет министров приступил к обсуждению булыгинского проекта. Чтó это обещало, никто не знал. С другой стороны, от 24 мая сообщалось о назначении на высший полицейский пост генерала Трепова. Чтó это обещало, все слишком хорошо знали.

В этот момент было экстренно созвано делегатское собрание Союза Союзов. Земский союз в этом собрании участия не принимал под тем предлогом, что одновременно с этим происходил соединенный съезд земских и городских деятелей, на котором писался коалиционный адрес и выбиралась коалиционная депутация. Но зато прибавился союз крестьянский.

Вопрос: что делать? был поставлен событиями в упор. Что же ответил Союз Союзов? В результате оценки современных событий, говорит газетный отчет, собрание приняло резолюцию

в смысле необходимости в настоящий момент самого тесного союза всех живых сил страны, независимо от различия политических взглядов, для совместной «энергичной и активной деятельности в пользу радикального обновления государственного строя».

Прекрасно, но в чем же должна состоять «энергичная и активная деятельность», каковы должны быть «поступки»? Собрание постановило: признать желательным и рекомендовать всем союзам всеми мерами и средствами реально осуществлять права человека и гражданина, разумея под этим учреждение союзов и других форм объединения, устройство открытых собраний в общественных местах, пользование свободой слова и всеми способами распространения свободной литературы, организацию самозащиты членов союза и политического страхования; особенно рекомендовать устройство манифестаций союзу женщин, «как матерям и сестрам тех, кто сражается на Дальнем Востоке». Наконец, рекомендовать воздерживаться от дачи каких бы то ни было показаний административной власти в случае привлечения к ответственности. Что касается политической стачки, то вопрос этот был передан на рассмотрение отдельных профессиональных союзов.

Если пробежать глазами этот арсенал рекомендованных средств, то ничего, разумеется, возразить нельзя, — разве только взгляд с некоторым недоумением зацепится за несовсем мотивированное выдвигание в первые боевые ряды «матерей и сестер»... Рекомендованные средства, слов нет, хороши — и каждое в отдельности и все вместе, но это именно «средства», а не тактика. Собравшиеся в негодовании и растерянности люди рекомендуют хвататься за все: за камни, гайки, сучья, карманные часы и даже зубочистки... Когда ничего другого нет в распоряжении, приходится прибегать и к зубочистке. Но разве ж это план большой атаки? Разве это политическая тактика?

Остается спросить: способен ли вообще Союз Союзов развить самостоятельную политическую тактику? Но для ответа на этот вопрос нужно определить: что̀ это такое, эти профессиональные союзы, по своей социальной «субстанции»? Оборвем нить последовательного изложения, чтобы остановиться на этом вопросе.

Мы дали очерк возникновения четырех союзов, из которых каждый характерен в своем роде. Мы не будем останавливаться на истории остальных союзов — число их быстро возросло до

14,— потому что это не обогатило бы нас выводами. Что же представляют собою эти совершенно новые в русской общественности союзы, предусмотренные лишь вещим законодателем в 126 ст. Уложения о наказаниях [134]). В большинстве своем это организации либеральных профессий, охватывающие относительно очень незначительное число лиц. Объективная необходимость в сплочении оппозиционных элементов «общества», не только отрезанных от политически-активной массы, но и взаимно оторванных, сказалась с такой непосредственной силой, что «профессиональные» организации стали складываться одна за другою, прежде чем определилось сколько-нибудь ясно, во имя какой собственно политической работы совершается это сплочение. Организация, как организация, сама по себе, независимо от функции, которую она станет выполнять, казалась силой. Инстинкт революционного периода, пробуждающий массы и приводящий их в движение, толкнувший реакцию на путь массового набора, призвал и интеллигентскую демократию к объединению. Процесс сплочения естественно исходил из тех организационных форм, которые уже имелись — если имелись — в наличности, хотя и предназначались для узких и специальных целей, — и так как это были формы объединения на профессиональной основе, то и организации интеллигентской демократии приняли в большинстве своем форму профессиональных союзов. Самый процесс сплочения, подготовкой к которому послужило собирание подписей под всевозможными записками, происходил с замечательной быстротой. При политической общительности интеллигенции, при ее подвижности, при том агитационном и мобилизационном аппарате, которым она владеет — пресса, научные и просветительные общества, корпоративные организации и пр., — нет ничего удивительного, что формально-организационное объединение лиц свободных профессий на основе нескольких общих лозунгов было делом недель.

Своей гермафродитной формой союзы создали вопрос: что это такое, — организации борьбы за профессиональные нужды или политические организации? И если политические, то к какой партии они примыкают?

Сами союзы не только не скрывали своего политического характера, наоборот, принципиально выдвигали его на первый план. Мартовский съезд журналистов прямо говорит, что в настоящий момент частные интересы всякой профессиональной груп-

пы отступают на задний план пред общим вопросом о неотложности изменения политического строя России.

Устав профессионального союза ветеринарных врачей, возникшего одновременно с медицинским и под его влиянием, в § 2 выставляет непременным условием для каждого члена принятие программной *политической* резолюции ветеринарного съезда.

Состоявшийся в Москве организационный съезд учителей 11, 12 и 13 апреля [135]) 96 голосами против 23 определил, что всероссийский учительский союз должен иметь не только профессиональные, но и политические задачи. Мы уже не говорим о том, что союз женского равноправия, союз еврейского равноправия или крестьянский никоим образом не могут быть приравнены к профессиональным организациям. Мы считаем необходимым это подчеркнуть, ввиду того, что делались попытки — они исходили от некоторых товарищей — приноровить содержание общественной работы новых организаций к их профессиональной форме. Были марксистски настроенные члены новых организаций, которые хотели их превратить в действительные профессиональные организации. Отклонением одной из таких попыток и была цитированная только что резолюция московского политического съезда.

Марксисты, о которых мы говорим, рассуждали так: если мы имеем дело не с профессиональной организацией и не с простым политически-дискуссионным клубом, то, значит, перед нами политически активная организация или ее зародыш. В таком случае она должна партийно самоопределиться, — и если она не войдет в *нашу* партию, на что надежды, ввиду ее социального состава, маловато, то мы должны выступить из нее. У нас своя партия, своя обязательная программа, своя дисциплина, — и мы не можем одновременно входить в другую партию. Мы можем войти в *профессиональный* союз или, пожалуй, в политический клуб.

Не будем сейчас заниматься критикой всего этого рассуждения в целом. Достаточно сказать, что практический вывод, который из него делался, — превратить организации интеллигенции в чисто-профессиональные союзы — был совершенно утопическим и притом утопически-реакционным. Стоит только задуматься над вопросом о действительной общественной природе новых союзов, чтобы понять, что под чисто-внешней и более или менее случайной формой профессионального объединения инженеров,

врачей, адвокатов, учителей и пр. мы имеем политическое объединение лиц одного и того же социального слоя: интеллигентской демократии. Это объединение вызвано к жизни потребностью революционной эпохи, суть которой в том и состоит, что она сводит все частные, групповые и корпоративные нужды к одной общей для всех групп и корпораций нужде — к коренной политической реформе. Можно сказать — хотя это будет звучать парадоксом, — что врачи, адвокаты, инженеры и пр. именно в тот момент *вышли* из сферы своих профессиональных интересов, когда *вошли* в свой профессиональный союз. 21 ноября петербургские присяжные поверенные, в числе 400 человек, совершили пешком переход от здания окружного суда к зданию городской думы и подписались там под резолюцией ноябрьского земского съезда. Это адвокатское паломничество с Литейного проспекта на Невский имело символический характер: корпорация дипломированной интеллигенции уходила (или изгонялась) из четырех стен своей профессиональной замкнутости, чтобы в стенах думы принести присягу политическому знамени земцев, этих, на либеральный взгляд, обобщенных граждан, граждан par excellence (по преимуществу).

Словом, если полицейский анализ под фирмой профессиональных союзов интеллигенции открывает признаки, отвечающие содержанию 129 ст. [136]), то политический анализ открывает под оболочкой этих организаций *буржуазно-демократическую партию*. В виде Союза Союзов она выдвинула свой зачаточный центральный орган.

Правда, мы не видим у этой партии цельной политической программы. Если не считать, пожалуй, пироговского съезда, положившего начало медицинскому союзу и более или менее обстоятельно и точно формулировавшего свои требования, так называемые «платформы» профессиональных союзов отличаются крайней неопределенностью и эпизодичностью. Они возникают частями под влиянием того или другого события, затем забываются и снова всплывают. Но было бы чистым формализмом видеть в этом обстоятельстве опровержение того, что союзы являются организованными частями слагающейся политической партии. Это пока еще своего рода политическое товарищество на вере. Доверяя качествам своего социального состава и дисциплинирующему (реакция сказала бы: разнуздывающему) характеру политического периода, союзы не затягивают над собою слишком

тесной программной петли. Здесь играет роль их собственная политическая незрелость, с которой временно мирится первый фазис революции, — но здесь имеется и ясный политический расчет. Боязнь точных формулировок, вообще свойственная буржуазной демократии в силу ее промежуточного положения, заставляющего ее по возможности обходить классовые противоречия, эта боязнь усугублялась тем, что налево от союзов стоит социал-демократия, которая не только приветствовала возникновение союзов, как прогрессивный общественный факт, но и немедленно же вступила с ними в борьбу за влияние на левую интеллигенцию, не говоря уже о массах.

По ясности своих требований, по разработанности своей программы социал-демократия не имеет соперников. В борьбе с ней на этой почве союзы оказались бы совершенно беззащитными. И политический инстинкт научил их эксплоатировать молодость революции и превращать самую недоговоренность своей программы в свое политическое преимущество. Элементарная потребность в сплочении, вызвавшая союзы к жизни, была так сильна, что во имя ее союзы принципиально отказались от программной определенности, способной внести раскол. Таким образом, они рассчитывали охватить своими профессиональными рамками возможно большее количество интеллигенции, притом не только политически первобытной, но и затронутой влиянием социал-демократии и, не стесняя ничьей «совести» формальными обязательствами, претворить эту среду посредством политической практики, совместных политических переживаний и выступлений в организованные и дисциплинированные кадры буржуазной демократии.

Таким образом, Союз Союзов представляет собою конгломерат различных направлений, течений или, вернее, настроений в рядах интеллигенции. Общим решениям не придается в сущности обязательной силы, дисциплина отсутствует, программа очерчена такой неопределенной волнистой линией, которая никого не может стеснить. В союзах демократическая интеллигенция разных направлений, не отказываясь от своих взглядов «по существу», объединилась на тех программных тезисах, которые объединяют всех. Такова формальная постановка дела. Но по существу?

По существу *Союз Союзов*, как он сложился и как он «действует», *представляет собою организационный аппарат для приведения разношерстной оппозиционной интеллигенции в полити-*

ческое подданство земскому либерализму. Только это — и ничего более.

Конечно, в союзы входят не только освобожденцы, но и их радикальные противники с кличками так называемых «крайних партий» и вовсе без кличек. Конечно, союзы не требуют от неофитов, чтоб они дунули и плюнули на беса классовой пролетарской борьбы, а тем более на мелкого бесенка политического радикализма. Но этого и не нужно. Политическое объединение разных течений на том, что является общим для всех, означает их объединение на почве программы самого отсталого и самого косного из объединяющихся течений. Организационное сотрудничество разных политических групп означает для них равнение по *правому флангу.* Всякий программный и тактический шаг вперед от правофлангового окажется недопустимым, так как нарушит строй. На правом фланге Союза Союзов стоят либеральные земцы и вообще носители освобожденского «демократизма». Вот почему Союз Союзов не предпринял ни одного действия и не провел ни одного решения, которые хоть сколько-нибудь выступали бы над освобожденским горизонтом и ставили бы демократию «союзов» в положение самостоятельной политической силы по отношению к либеральной земщине. В «союзах», правда, царит либеральный режим: левое крыло будирует, шумит, фрондирует, разносит земцев, аплодирует марксистской критике и, при всяком удобном случае, показывает язык освобожденцам. Освобожденцы все это спокойно проглатывают, как люди, достаточно закаленные в испытаниях своей маклерской миссии. Они утешают себя тем, что это будирование по адресу земцев и их самих, освобожденских посредников, есть единственная дань, которую левое крыло их армии несет на алтарь своей демократической непримиримости. Они утешают себя тем, что политическое руководство всецело остается в их руках. И они совершенно правы.

Ведо́мые освобожденцами и ими искусно дисциплинируемые, — в боевой политике освобожденцы ничтожны, но в закулисном политиканстве они большие мастера своего дела! — интеллигентские «союзы» не поставили даже на очередь такого элементарного и вместе кардинального демократического вопроса, как вопрос об одной или двух палатах, чтобы вынести по этому вопросу одно общее и обязательное решение, поднять агитацию *против земского проекта двух палат,* заставить своим давлением и натиском лжедемократическую прессу стать ошую или одесную.

Ведомые освобожденцами, они обходили вопрос о милиции, вместо того, чтобы выдвинуть его на первый план и ультимативно предъявить земцам как основу соглашения. «Союз Союзов», как он есть, это земская узда, закинутая освобожденцами на демократическую интеллигенцию.

Впрочем, не только на интеллигенцию. На левом фланге стоят союз крестьянский и союз железнодорожных служащих. Программы некоторых союзов требуют прямой и активной поддержки движения трудящихся масс. Здесь, *в лице крестьянского и железнодорожного союза*, эти «трудящиеся массы» входят непосредственно в Союз Союзов, и к земскому хору интеллигенции присоединяют голос представителей «народа». Картина усложняется и обогащается (еще бы!),—и снова к вящему возвеличению цензовой земщины. Радикальные интеллигенты разных родов оружия тянут за собой группы крестьян и рабочих, освобожденские демократы ведут на узде радикальную и радикальничающую интеллигенцию, а земцы потому только не тянут за собой освобожденцев, что те и без того изо всех сил тянутся за ними. И для того, чтоб этого достигнуть, присяжным земским политикам не понадобилось ударить хотя бы пальцем о палец. Они знали, что в «союзах» имеются их адвокаты не за страх, а за совесть. И они позволяли себе открыто третировать союзы с величайшим пренебрежением. Если они, в лице земского союза, и принимали участие на делегатском съезде Союза Союзов 8—9 мая, то на заседания 24—26 мая они уже не сочли нужным являться. У них в это время, как известно, было более серьезное дело: они объединялись с шиповцами, чтобы снова учинить акт холопства. Осведомлялись ли они, каково мнение объединенной с ними демократии насчет замышляемого ими предприятия? К чему! — они знали, что им все будет прощено, все будет снова забыто.

Земскому союзу нет даже нужды персонально входить в Союз Союзов. Там присутствует земский призрак. Он стоит пред политическим оком освобожденцев с поднятым перстом и зорко следит за всякими движениями влево. Он стоит и надзирает и внушительно говорит: «Радикальной фразеологии, смелых выкриков, даже дерзостей по моему адресу — *сколько* угодно! Но радикальных *поступков* — никаких!» И этот завет блюдется свято. «Принципиально», т.-е. на лоскутах бумаги, союзы принимают и освящают все радикальные лозунги, вплоть до «обобществления орудий производства», и если они не забегают дальше, то только

потому, что дальше нет пути. Таким образом, в архивных папках союзов заключены все главные требования трудящихся масс. Но в политической действительности союзы задерживают среди лучшей части интеллигенции и тех слоев народа, с которыми они связаны, выработку боевой тактики, отвечающей действительным интересам трудящихся масс. Это кажется противоречивым? Конечно,—но ровно постольку, поскольку внутренно противоречив союз демократии с земщиной.

Превосходную иллюстрацию противоречия между словесно принимаемой программой и действительно проводимой тактикой дал г. Пергамент, председатель одесского совета присяжных поверенных, в своей беседе с сотрудником «Новостей» в начале апреля. «Первым и главным тезисом программы, — говорил лидер одесской адвокатуры, — должна быть работа, направленная к введению в России конституционно-демократического строя с широкими социально-экономическими реформами с целью освобождения *всех* (курсив подлинника) элементов трудящихся классов от экономической эксплоатации». Какой же путь ведет к этой несколько туманной, но крайне заманчивой цели? «Предполагаемая организация всех профессиональных союзов и выделяемого ими общего органа, Союза Союзов,— пояснил г. Пергамент [137]),— есть не революционное, а наоборот, *антиреволюционное* (!) движение, вызванное глубоким сознанием, что переживаемый момент требует напряжения всех общественных сил для осуществления всенародных стремлений» («Новости», 4 апр.). Мы уже знаем, что стоит за этим «глубоким сознанием»: жуть демократии. Жирондистская жуть перед тем, что, *«она»* придет и потребует страшного напряжения, героических усилий и неисчислимых жертв. Но горе было бы массам, еслиб во главе их стояли люди, одержимые этим страхом и заменяющие решимость и отвагу выжиданием и надеждой. Ибо она все равно пришла бы, но застала бы стихийную смуту в народных рядах, колебание и готовность к измене в вождях. Она все равно пришла бы, но число жертв ее было бы двойное и тройное...

У одного немецкого пастора я прочитал такую восточную легенду-притчу. К султану явилась чума и сказала: «Теперь пройду через твою страну, ибо нужно мне 10.000 жертв». «Возьми их, чудовище, — воскликнул с ужасом султан, — возьми — и уйди!». Через три месяца снова явилась чума к султану и сказала: «Теперь ухожу, все уж свершила!» — «Ты, лживая тварь, —

вскричал султан,— ты требовала 10.000 жертв, а взяла 30.000». Но чума ответствовала: «Я взяла лишь мою долю, 10.000; *остальных убил их собственный страх*».

«Из истории одного года».
Петербург, 1906 г.,
изд. «Новый мир».

НЕЧТО О КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ ДЕМОКРАТАХ

(*Письмо из России*)

Нужно сказать правду: самый вредный тип демократов, это — из бывших марксистов. Главные их черты: непрерывная, тощая и ноющая, как зубная боль, ненависть к социал-демократии. Нашей партии они мстят за свое прошлое или, может быть, за... настоящее.

Марксизм без остатка выскоблил в них то естественное «нутро», без которого, как ни ухищряйся, какими философскими медикаментами себя ни пользуй, все равно не станешь дельным политическим радикалом. Они слишком скептики, чтобы броситься в революционный авантюризм. Они слишком мало связаны с помещичьим землевладением и слишком «интеллигентны», чтоб раствориться в земском либерализме. Они никогда, в сущности, не знают, что с собой делать. Они могут немножко так, но могут немножко и этак. Даже самые деловитые и суетливые из них являются, если приглядеться, какими-то лишенными определенных вкусов политическими фланерами. До недавнего времени они шатались в небесах философии со скучающим видом (среди самых бурных энтузиазмов г. Бердяева [138]) слышались зевки), переходя от системы к системе так же, как переезжают с курорта на курорт... Марксизм их повредил — некоторых на всю жизнь. Нравственная связь с пролетариатом и его партией, если и была когда, то порвалась совершенно, но полученная от марксизма способность подмечать в политике игру классовых интересов сохранилась. И эта способность их преследует, она лишает их не только «энтузиазма», но и необходимого минимума самоуважения.

Освободив их от демократического нутра и лишив возможности быть откровенными либералами, марксизм позволил им на все, и на свою собственную политическую позицию в том числе,

смотреть со стороны. Возьмите объективную роль освобожденской «демократии»: состоит в ординарцах при земском либерализме. А самооценка: «мы рождены для высшего, но временно исполняем черную работу истории; когда все сие совершится, мы обернемся еще другой, неведомой всем стороной. А пока — не взыщите». И «пока» они разрешают себе быть плохими либералами на том основании, что они не просто демократы, а демократы высшего квалифицированного типа.

Позиция со стороны позволяет им свысока третировать «Освобождение», и их нисколько не стесняет при этом то, что они носят имя «освобожденцев».

Идея Струве — «довести правду до царя»? Конечно, мы согласны, что это плоское неприличие!.. Выкрики, что русская армия в войне с Японией «исполнит свой долг», разумеется, это недостойная и неумная спекуляция на повышение шовинизма.— Но как же вы молчите, господа? Ведь это же *ваш* орган! Представьте себе, что «Искра» что-нибудь в этом же роде — в одну сотую долю... ведь партия ее немедленно разнесла бы в клочья! О, они себе это отлично представляют, но ведь именно потому-то они нас и не любят...

Их политическая позиция — прикомандированных к земскому либерализму — не позволяет им «высказывать то, что есть», что они и видят и знают, что есть. Они, может быть, подавили бы в себе пока голос марксистского анализа (все же не бог весть, как силен у них этот голос!), еслиб — не мы. Мы следили все время за их эволюциями, разъясняли им, каким путем они идут, предсказывали, куда придут. Мы бестактны, мы все вскрываем, мы разворачиваем гладко причесанные резолюции, ко всему придираемся, требуем прямых ответов. Неприятностей не оберешься...

«Настоящие» либералы, т.-е. более или менее черноземного или мануфактурного происхождения, те нас искренно и глубоко не понимают, — и, разумеется, нимало не ломают себе над этим головы. Мы для них внешнее препятствие, — лучше было бы, еслиб нас не было, но психологических затруднений мы для них не создаем. Либеральные «дикие помещики», вроде покойного Евреинова [139]), считают нас выродками, «анархистами» и башибузуками и, без сомнения, верят Суворину [140]), что мы ведем свою родословную от Болотникова [141]), который бунтовал в смутное время, и что, мы разбрасываем прокламации с призывом «бить жидов и студентов», лишь бы произвести по своему делу шум.

Более просвещенные знают, что социал-демократия — политическая партия, очень беспокойная, стремящаяся к коммунизму, но все-таки партия, против которой, к тому же, парламентарная Европа выработала целый арсенал оборонительных средств.

Другое дело — освобожденские либералы («демократы») с марксистским прошлым, эти нас понимают, — понимают, во всяком случае, что мы их понимаем, и это вызывает в них крайне неприятные внутренние «переживания» и — ненависть к нам.

Они все очень воспитанные люди, вращаются в лучших местах, утратили всякие остатки радикальской угловатости, — и им кажется или, по крайней мере, они так говорят, что будь мы воспитаннее, сдержаннее в форме — все было бы еще ничего. Но это, в лучшем случае, наивная иллюзия. Правда, нечего греха таить, мы далеко не всегда блещем «благовоспитанностью», а от тех или иных деяний нам, может быть, без вреда для дела можно было бы и отказаться. «Хороший тон» — хорошая вещь. Но суть не в нем. Не крикливый тон ненавидят они в социал-демократах, а их «определенность», «прямолинейность», упорство, самоуверенность и — больше всего — *политическую неподкупность*. Смотрите, чего-чего только ни совершили за последнее время либералы: кажется, следовало бы хоть сколько-нибудь «восчувствовать». Но нет, социал-демократы нисколько не растаяли. И это раздражает и озлобляет. Ибо, восчувствуй мы, как следует быть, — выходило бы, как будто позиция «Освобождения» оправдана.

Глухая, ноющая обида на социал-демократию прорывается у них на каждом шагу. «Освобождение», как ни старалось не полемизировать, но и у него сорвалось в статье против «Искры» почти злорадное заявление, что «революционного народа» в России нет, что политически сознательный пролетариат, это — выдумка социал-демократии. Освобожденцы из «бывших» всегда и неизменно констатируют с злорадным чувством наши промахи и недочеты, отсутствие пролетариата «в самый нужный момент», и этим как бы оправдывают себя в собственных глазах: революционного народа нет, как нет, а либералы все-таки... Именно *все-таки*.

Но революционный пролетариат явился — и притом в самую нужную минуту. Освобожденцы это попробовали беспристрастно констатировать. Киевский комитет их, например, возвестил в гектографированном листке, написанном тем специфическим слогом, каким «Русские Ведомости» пишут о преимуществах выборного начала пред бюрократическим, что ныне к требованиям

всей земской и интеллигентской России присоединился и пролетариат, заслуги коего пред освободительным движением, впрочем, и в прошлом громадны. Что-то в этом роде. О социал-демократии ни слова. Зато в докладах и всяких публичных и приватных заявлениях именно бывшие марксисты, игнорируя и факты и политическую логику, утверждают, что социал-демократия к петербургским событиям никакого отношения не имела, — там были: «Гапон и... мы», Гапон вел, «мы» поддерживали.

Помощь, которую рабочая партия получает от либерального «общества», ничтожна, — и главная доля вины за это падает несомненно на «освобожденцев». Именно они составляют ту прослойку, которая соединяет нас с «настоящими» либералами или, вернее, отделяет нас от них. Освобожденцы, повидимому, старательно прививают своим клиентам ту мысль, что рабочий класс, это — одно («какая прелесть эти рабочие!» — пишет г-ну Струве его петербургский корреспондент после 9 января), а рабочая партия, это — совсем, совсем другое. Но самостоятельных связей с пролетариатом в его повседневной организационной работе у них нет, соприкосновение создается только в моменты крайнего подъема, как во время петербургских событий, когда либералы через освобожденцев давали деньги на стачечников, а освобожденцы, вследствие этого, вообразили, что они вместе с Гапоном руководят рабочим движением.

Конечно, не все освобожденцы проходили через марксизм, но приходится признать, что «марксисты» среди них самые влиятельные, они задают тон. И это тон политической расслабленности, какого-то вымученного оппортунизма, на вид ужасно реалистичного, а на самом деле совершенно доктринерского. Все, от надуманного Струве лозунга: «да здравствует армия!» и до им же надуманных политических яслей для пролетариата (читай № от 6 января), — как все это жизненно, умно, не правда ли?! Замечательное дело! Если где-нибудь интеллигенция с весом и с положением, как петербургские инженеры, шевелится резко, с настроением, знайте — там у руля не квалифицированные демократы, а совершенно простые смертные...

Можно встретить немало народу, который, благодаря освобожденским истолкователям, верит, что земцы выдвинули вполне демократическую программу. Если вы заикнетесь, вам ответят: а седьмой пункт — политические права всех граждан должны быть равны, — ведь это и означает ваше всеобщее, прямое, равное и

тайное... Чего же вам еще? Многие так-таки искренно воображают, что этот сакраментальный седьмой пункт (о котором, к слову сказать, вся последующая политическая практика земцев ничего не хочет знать) раз навсегда должен зажать рот социал-демократии. «Седьмой пункт» — высшее торжество освобожденцев; это индульгенция, которою они думают отделаться от ответа за прошлые и будущие грехи. И когда стало ясно, что мы эту индульгенцию считаем просто фальшивым политическим документом, они озлились тем более, что отлично знают нашу правоту: недаром же они были на той кухне, в которой готовились знаменитые земские резолюции.

Нельзя отрицать того, что освобожденцы оказали некоторое влияние на либералов и легонько подтолкнули их вперед. Но успехи их на этом поприще имеют скорее дипломатический, чем политический характер. Такие успехи получаются от переговоров, увещаний, удачных личных комбинаций, благовременных умолчаний, ловко просунутых резолюций, которые означают все и ничего. Конечно, и личные комбинации, и увещания, и переговоры совершенно неизбежны в политике, но это часть служебная. У освобожденцев же это *все*, а частью служебной являются политические декларации, программные статьи, пункты седьмые и иные. Результаты такой политики прочны лишь до первого испытания. «Индивиды позволяют себя обманывать, классы — никогда».

Рескрипт 18 февраля готовит квалифицированным демократам тяжелый искус. «Освобождение» еще совсем недавно (в ту эпоху, когда в России еще «не было» революционного народа) видело даже в манифесте 12 декабря указание пути, по которому пойдет обновление России: уступочка за уступочкой под давлением общественного мнения, освобожденское воспитание рабочих в политической обстановке, созданной уступочками, просветительные комитетики, — словом, программа «освободительной» канители, рассчитанная лет на 50. С этой поистине орлиной точки зрения рескрипт 18 февраля открывает дух захватывающие горизонты. Оставалось бы только радоваться. Но дело в том, что этот рескрипт скоро, и притом в очень ясной, конкретной форме, поставит перед земцами вопрос о сделке с правительством за счет самых элементарных и очевидных интересов народа. На предложение правительства нужно будет ответить либо да, либо нет. Мы здесь еще не знаем, как отнеслось к рескрипту

«Освобождение». Но освобожденцы боятся. Они очень знают, что «пункт седьмой» ноябрьских резолюций никого ни к чему не обяжет. И от самих освобожденцев потребуется нечто более определенное, чем софистические комментарии к решениям земского съезда. А орудий давления у освобожденцев нет,— они заботились не о сплочении сил (хотя бы одной интеллигентской демократии!) для давления на земцев, а об развращении (другого слова не подыщешь) политической совести этой интеллигенции безоговорочным следованием за земцами.

Испытание близко, уклониться от него отпиской в «Освобождении» не удастся. Господам квалифицированным демократам придется признать политическую мораль: обмануть можно себя, но не историю.

«Искра», № 92,
10 марта 1905 г.
(Напечатано под псевдонимом «Неофит».)

ВОКРУГ БУЛЫГИНСКОЙ ДУМЫ [142]).

КАК ДЕЛАЛИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ [143]).

«УПУЩЕНИЕ ВРЕМЕНИ
СМЕРТИ НЕВОЗВРАТНОЙ ПОДОБНО».
ПЕТР I.

I. Почему ее делали?

Государственная Дума создалась под напором общественных сил. Торжественная фразеология, с какой был возвещен этот акт (6 августа), вызывала лишь улыбку скептицизма у обеих сторон: у той, которая делала уступку, и у той, ради которой уступка совершалась.

Государственная Дума создавалась в канцелярском тайнике, но перед глазами ее творцов все время проходили различные общественные фигуры, отдельные и собирательные, группы, классы, партии, — они грозили, домогались, требовали и исторгали уступки.

Кабинет гофмейстера Булыгина был не алхимической лабораторией, где творятся по свободному почину «самобытные» формы государственности, — он был штаб-квартирой, где вожди правительственной реакции обсуждали план кампании, совещались о порядке частичного отступления с наименьшими жертвами и сохранением престижа.

Учреждение Государственной Думы должно было, согласно намерениям, как они выясняются из официального комментария, обнаружить полную несостоятельность идей, перешедших к нам с запада и чуждых всему укладу нашей жизни,— а между тем бюрократия - преобразовательница обнаруживает на каждом

шагу свою полную беспомощность пред напором этих западных идей, заигрывает с ними и так или иначе сообразует с ними каждый свой шаг.

Официальная фразеология связывает Государственную Думу с Земскими Соборами. Но, помимо всего прочего, Земские Соборы представляли собою редкие непериодические съезды, а не постоянное государственное учреждение. Славянофильская реакция и настаивала на том, чтоб организовать общение на подобных хаотических началах. Совет министров признал, однако, такой план несвоевременным. Почему? Потому, что «созыв выборных для однократного лишь выполнения известных обязанностей в течение заранее назначенного краткого срока не исключает возможности попытки *самовольного продления ими своих полномочий* и занятий затем, вне всякого контроля правительства, их собравшего» *).

Этот ясный и выразительный мотив, мотив интереса и силы, а не традиции и права, в дальнейшем изложении расширяется *и кладется в основу всего бюрократического строительства Государственной Думы.*

В осторожной форме, но решительно, по существу, совет министров «считает долгом прежде всего заметить, что время, переживаемое ныне Россиею, не может почесться спокойным. Наблюдавшееся ранее, но в размерах ограниченных, общественное брожение захватило более широкие круги населения. *Как отразится движение это на государственном строе* нашем, в зависимости от тех или иных приемлемых правительством мероприятий, — продолжает совет министров, — *заранее предвидеть невозможно.* С одной стороны, высказывается взгляд, выражаемый в сознании верноподданнического долга с полной откровенностью о том, что, *судя по опыту государственной жизни стран западноевропейских,* указанное общественное движение повлечет за собою расширение политических прав населения и вызовет образование установлений, при возникновении коих *никем и ничем не может быть гарантировано, чтобы они не обратились из совещательных в законодательные органы»* **). Это — взгляд бюрократической левой. Существует, однако, и другое мнение, гласящее, что «история

*) Материалы по учреждению Государственной Думы: 1) Мемория Совета министров; 2) Соображения министра внутренних дел; 3) Проект Учреждения Госуд. Думы, внесенный мин. в. д. Булыгиным. 1905 г.

**) «Материалы», стр. 3.

самобытного русского народа слагается в собственных, весьма своеобразных путях», и потому «едва ли возможны вообще наперед предсказания о вероятности развития у нас учреждений непременно по западным образцам, с приобретением ими решающего «голоса в законодательстве и даже в делах управления». Это — мнение бюрократической правой и, прежде всего, самого автора Думы, гофмейстера Булыгина.

Но для совета министров в целом, независимо от всяких «неминуемо гадательных соображений», в настоящий момент совершенно ясно, что «призвание выборных непосредственным изволением Монарха лучше всего может послужить к охранению за Верховною Властью руководящего значения в дальнейшей судьбе выборного учреждения». Таким образом, призвание выборных, вынужденное у власти «общественным брожением, захватившим более широкие круги населения», является, по мотивировке самого совета министров, ничем иным, как предупредительной мерой, которая должна создать гарантию против необходимости более решительных уступок. Но эту гарантию можно создать лишь при том условии, если, во-первых, в Думу войдут надлежащие элементы, и, во-вторых, если это учреждение будет «сразу снабжено *возможно широкими правами*, чтобы не делать предметом домогательств его такие полномочия, которые... могут быть теперь же ему дарованы». Таким образом, вопросы *компентенции Думы и системы выборов* получают решающее значение.

Так реалистически, так бухгалтерски-трезво формулирует законодательствующая бюрократия цели «великой государствен ной реформы». Все ее дальнейшее строительство, продиктованное политической борьбой за существование, если и обличает какой-либо стиль, то никак не московский стиль XVII века, эпохи Земских Соборов, но беспринципный, декадентский, упадочный стиль разлагающегося абсолютизма.

II. Историческая философия действительных тайных советников

Разумеется, официальный комментарий к проекту учреждения Государственной Думы не только не стремится удержаться на почве «трезвых» комбинаций, но, наоборот, делает все для того, чтобы прикрыть их бескорыстной идеологией; в результате, он представляет собою крайне любопытное сочетание казенно-

бюрократической словесности, окостеневшей в своих традиционных формулах, и торгашески-практических соображений, продиктованных инстинктом самосохранения. Задача, которая все время стояла пред творцами «самобытных форм правления», заключалась в том, чтоб приблизить к себе более спокойные «элементы» и с их помощью обуздать «элементы» менее спокойные. Но вместе с тем бюрократия не хочет поступаться своими вековыми привилегиями и в пользу имущих классов. Она, как мы только что видели, понимает, что опасно дать этим последним слишком мало, ибо это может только раздражить, но не успокоить. Вместе с тем она не хочет дать больше того, что строго необходимо, ибо легче не дать, чем взять обратно то, что было однажды дано. В основе учреждения Государственной Думы лежит, таким образом, узкий расчет кастового интереса, требующий экскурсий в область психологии общественных классов. Но, с другой стороны, бюрократия нуждается в идеологии, или хотя бы в ее подобии — в теоретическом или мистическом оправдании собственной реформаторской скаредности. Эту идеологию она находит готовою в своем канцелярском арсенале. «Самобытность», «национальный дух», «устои», «исторические корни» и другие истинно-русские принципы пытаются прикрыть оголенные притязания архаического режима так же безуспешно, как это делали в свое время истинно-французские и истинно-прусские принципы государственного самовластия.

Так узко-реалистический практицизм и напыщенная канцелярская схоластика совместными усилиями производят на свет официальный комментарий к самобытному учреждению Государственной Думы.

Казенная словесность рождает заявление, что призыв народных представителей, еще так недавно объявлявшийся не только беспочвенным, но и бессмысленным мечтанием, представляет собою продолжение традиций Земских Соборов. Государственная Дума в этой казенной перспективе представляет собою заключительное звено долгого ряда попыток установить общение престола с народом, тогда как в действительности она является бюрократически обворованной формой перехода от полицейского абсолютизма к народовластию. Если объявить Национальное Собрание 1789 г. преемником средневековых Генеральных Штатов [144]), а не предшественником Конвента [145]), историческая перспектива будет искажена не в большей мере.

Власть должна остаться в наших руках, так сказал бы обнаженный кастовый интерес, если бы он смел говорить открыто. Избранные лица «должны являться не представителями *воли и требований* населения, а лишь выразителями у престола *нужд и польз* народных...» (стр. 74)—так развивает эту тему казенно-государственная идеология. Кастовый интерес сам себе довлеет; он убедителен, поскольку опирается на силу. А сопровождающая его официальная идеология жалка и беспомощна. Есть ли надобность задерживаться на этом глубокомысленном противопоставлении народных *требований* — народным *нуждам?* «Нужды и пользы» народа, еще не нашедшие удовлетворения, выражаются в «требованиях»; эти требования кладутся в основу программ и напрягают политическую «волю» партий. Борьба за *«нужды и пользы»*, принимающая форму борьбы за определенные политические *требования*, неизбежно превращается в борьбу за обладание тем законодательным аппаратом, от которого зависит удовлетворение нужд и польз, т.-е. в борьбу за *государственную власть*.

Обороняясь от все усиливающихся атак на власть, кастовый интерес бюрократии выдвинул, в качестве охранительного сооружения, законосовещательную Думу. А официальная словесность пытается притти на помощь прямолинейному интересу и торжественно обосновывает стремление касты удержать власть за собой.

«Все прошлое коренной России удостоверяет, — так говорит реформаторская бюрократия, — что идея властного участия народа в делах верховного управления не имеет исторических корней в условиях нашей народной жизни... Олицетворяя в образе Самодержавного Царя всю свою мощь, народ наш всегда видел в лице своих Государей источник и выражение высших нравственных начал — милости, справедливости и правосудия, и этот взгляд на Царя, как на защитника народных интересов и носителя всей полноты государственной власти, всегда был присущ подавляющей массе русского народа». «*Нет оснований думать,* — отважно прибавляет официальный комментарий, — *чтобы эти исторические отношения народа к власти* в чем либо существенном *изменились* в широких слоях населения...» (там же, стр. 78).

«Идея властного участия народа в делах верховного управления не имеет исторических корней в условиях нашей народной жизни» и враждебна духу «подавляющей массы русского народа», — так уверяет стоящая у государственного шлагбаума

11*

бюрократия, которая, с одной стороны, устраняет от участия в выборах «подавляющую массу русского народа», а с другой — по собственному признанию, прилагает все усилия, чтобы «поставить законосовещательное учреждение в условия, устраняющие поводы к стремлениям обратиться в учреждение *совсем иного характера*» (стр. 24).

И тут же торгашеский практицизм подсказывает законодательствующей бюрократии, что нужно даровать Думе с самого начала право запроса министров по поводу закононарушений. Правда, казенная идеология даже не пытается найти для этой меры какие-либо прецеденты или соответственные свойства всевыносящего национального духа, но зато кастовый интерес выдвигает несокрушимый аргумент: «для правительства *предпочтительнее* самому даровать Думе это право, чем ждать, чтобы она стала добиваться приобретения его косвенными путями» (стр. 24).

Бюрократические отцы Думы характеризуют ее как орган, осведомляющий монарха о пользах и нуждах страны. Власть монарха остается неограниченной. Но в то же время совет министров приходит к заключению, что «*утруждать внимание* Высочайшей Власти рассмотрением предположения, отвергнутого обоими законосовещательными учреждениями, *едва ли есть основание*» (стр. 21). Другими словами, монарх *лишается права* утверждать министерский законопроект, отвергнутый Государственной Думой и Государственным Советом. И генерал Лобко [146]), член совета министров, с своей точки зрения совершенно прав, когда восстает против этого замаскированного ограничения самовластья и заявляет в своем особом мнении, что в «новое учреждение — Государственную Думу — вносится такой порядок, который свойствен законодательным палатам в *конституционных* государствах» (стр. 22).

Таким образом, самобытное государственное творчество бюрократии слагается из двух моментов: во-первых, берется за образец учреждение, выработанное практикой парламентарных государств; во-вторых, учреждение это приспособляется к «основным законам» деспотизма и тем лишается всякого смысла.

Заимствуя созданную на «западе» систему двух палат — и не давая власти ни одной из них; имитируя парламентскую технику запросов и интерпелляций — и лишая ее смысла сохранением министерской безответственности, бюрократия в то же время претендует на независимость от чуждых нам западных госу-

дарственных образцов. Она делает вид, что учится у XVII века, когда «выборные люди... разделяли труд своих Венценосцев по устроению земли» (стр. 116), а на самом деле все государственное творчество ее есть лишь попытка под давлением новых запросов и идей ввести с заднего крыльца западные механизмы, перерезав предварительно приводной ремень народовластия.

III. Славянофильство Тюрго [147])

Для того, чтобы самобытное творчество бюрократии предстало пред нами в своем подлинном историческом виде, мы не находим ничего лучшего, как процитировать представленную в 1775 г. Людовику XVI записку Тюрго, в которой этот последний советовал королю повелеть избрать свободно от всей нации и ежегодно созывать к себе представителей населения, не давая им, однако, государственной власти. Это представительное собрание,— излагает Токвиль [148]), «занималось бы только административными, но ни в каком случае не правительственными делами,—должно было бы не столько выражать определенную волю (внимание!), сколько высказывать мнения (!) и, в сущности, было бы призвано только рассуждать о законах, но не издавать их». Таким образом,— писал Тюрго,— королевская власть знакомилась бы с положением дел (serait éclairé) и не была бы стеснена, а общественное мнение было бы удовлетворено без всякой опасности. Ибо эти собрания не имели бы власти воспротивиться необходимым мероприятиям, и если бы, сверх ожидания, они не дали своего согласия, то его величество всегда мог бы поступить по своему усмотрению.

Таким образом, французскому министру-реформатору не нужно было быть ни в славянофильской школе, ни в русской казенной школе традиционного лицемерия, чтобы притти к гениальной идее: отделить «волю» от «мнения», и, оставив в старых руках «силу власти», успокоить недовольное общество организацией его безвластного «мнения». Тюрго думал, что таким образом общество будет удовлетворено — «без всякой опасности». Такую же надежду питают и авторы Государственной Думы. Посмотрим, какие у них на это основания.

Из сказанного должно быть ясно, что, занявшись «начертанием» Государственной Думы, бюрократия на самом деле не исходила ни из свойств национального духа, ни из исторических прецедентов. По всему характеру своей деятельности она очень мало

сродна такого рода историко-философским изысканиям. Она просто имела пред собой факты: свое пошатнувшееся положение — извне и внутри, возбужденное недовольное «общество» — наверху, революционную массу — внизу, и она сочла для себя выгодным пойти на уступки. Масштабом уступок должно было служить соотношение сил — ее собственных и ее врагов. Она брала это соотношение на свой старый канцелярский глазомер. Она рассуждала так: общественное мнение явно и притом окончательно вышло из-под ее ферулы; она не только не может уже, как при Николае I[149], с презрением отказываться от похвалы подданных, она уже не в состоянии запретить им порицание. Но материальные орудия власти находятся пока еще в безраздельном ее распоряжении. Эту конъюнктуру, создавшуюся путем страшных трений и борьбы, учреждение Думы должно легализовать: хаотическое и враждебное «мнение» Дума должна организовать и придать ему более спокойное течение, введя его в бюрократический фарватер, а власть, право вязать и решать, она должна попрежнему закрепить за старой корпорацией, раз эта последняя до момента сделки не выпустила вожжей из своих рук. Вот в простом и ясном выражении основы законодательных актов 6 августа.

По замыслу, Дума должна восстановить государственный порядок, сохранив за правящей кастой ее верховенство. Но сможет ли она это сделать? Надо надеяться, что ни нам, ни авторам Думы не придется долго ждать ответа на этот вопрос.

«Грубее невозможно было ошибаться, — говорит, по поводу приведенных выше предположений Тюрго, умный и тонко мыслящий консерватор Токвиль. — В исходе революций, правда, часто оказывалось возможным безнаказанно делать то, что предлагал Тюрго, и, не даруя действительных вольностей, давать их призрак... Нация, утомленная продолжительными волнениями, охотно соглашается быть обманутой, лишь бы дали ей отдохнуть, и, чтобы удовлетворить ее в таких случаях, как показывает история, достаточно бывает собрать по всей стране известное число темных или зависимых личностей и заставить их играть пред нею за жалование роль политического собрания. Таких примеров было много. Но при начале революции подобные попытки всегда оканчиваются неудачей и только возбуждают народ, не удовлетворяя его» (Токвиль, «Старый порядок», русск. пер., стр. 164).

Тюрго этого не видел и не понимал. Почему? Потому что, несмотря на размах его мысли, она все же была воспитана в пра-

вительственной школе старого режима. Бюрократический абсолютизм создавал министров и вообще чиновников, из которых многие, как говорит Токвиль, были людьми очень умелыми в своей специальности, основательно усвоившими все тонкости административной практики того времени, но и умелые из умелых были полными профанами «в той великой науке управления, которая учит понимать движение общества в его целом, судить о том, что происходит в умах масс, и предвидеть результаты этого процесса»... (там же, стр. 164). Незачем, кажется, пояснять, что авторы учреждения Государственной Думы не имеют никаких преимуществ пред Тюрго в деле понимания «движения общества в его целом».

IV. Основы представительства. Сословность

Авторы учреждения Государственной Думы понимают, как мы уже видели, что важно не только начертать границы ее прав или ее бесправия, но и строжайше оценить те начала, на которых будут избираться так называемые народные представители. «Основания выборов,— говорит министерская мемория, — *предрешают* самое направление деятельности этих лиц и свойство их отношений к упадающей на них трудной задаче». Здесь, как мы видим, ясно указано, что цель бюрократии — опросить население в такой форме, чтобы ответ можно было по возможности считать заранее *предрешенным*. Гофмейстер Булыгин прямо говорит: «Государственная власть должна иметь ясное представление о вероятном составе, взглядах и настроении того представительства интересов населения (!), которое призывается ею к жизни». Нужно заранее иметь «известную уверенность, что избранные населением лица *не уклоняются от надлежащего* понимания упадающих на них сложных и трудных задач» (стр. 144). Давно уже известно, что оппозиция тогда лишь бывает не вредна, когда она не вредит. На систему выборов и «упадает» обязанность сделать Думу по возможности не вредной.

Как созвать представителей от этого общества, связанного и разделенного столь многообразными и противоречивыми интересами?

Первый ответ был: *по сословиям*. Правда, оппозиционные и революционные течения вовсе не протекают по руслам сословности. Они не только бессословны, они — анти-сословны. Но так

как сословия, худо-ли хорошо-ли, но все же захватывают все население страны, так как это — единственные категории, с которыми привыкла обращаться официальная Россия, так как она в течение десятилетий кулаками и коленями вдавливала выпирающую жизнь в сословные соты, — то естественно, если и представителей народа она по первому порыву думала призвать от отдельных сословий: 100 человек от дворянства, 100 — от крестьянства, 100 — от купечества, 100 — от духовенства, — так формулировал задачу самобытного конституционного строительства Суворин. Он забывал только, что на таком же точно начале были созваны Генеральные Штаты, в которых третьему сословию (купечеству и крестьянству) принадлежало вместе столько же голосов, сколько дворянству и духовенству.

Но увы! система сословных выборов оказалась настолько архаической, что даже бюрократия вынуждена была, скрепя сердце, отказаться от чистого ее проведения. Чрезвычайно интересны ее оправдания в этом вынужденном отказе от самобытности. Обращаясь к сравнительной оценке различных избирательных систем,— говорит гофмейстер Булыгин в комментариях к своему проекту,— и останавливаясь прежде всего на сословном начале, «которое как бы *предуказывается всем историческим прошлым России*, нельзя не признать, что производство выборов по сословиям, как историческим и бытовым подразделениям населения, представляло бы с отвлеченной (!) точки зрения (т.-е. с точки зрения чистой реакционной идеологии. *Л. Т.*) много существенных преимуществ. Объединенные происхождением, родом занятий, образом жизни и близким знакомством между собою их членов, сословные общества способны избрать в своей среде действительно достойных и знакомых с нуждами сословия лиц. В этом случае имелась бы и готовая избирательная организация, в виде сословных обществ и их собраний, и, при условии равномерного распределения избираемых между отдельными сословными обществами, состав Государственной Думы отражал бы все интересы и мнения населения в том самом бытовом их сочетании, какое имеет место в действительной жизни».

Нарисовав эту сословную идиллию, автор комментариев приступает к ее безжалостному разрушению. «Все эти положительные стороны сословных выборов,— говорит он,— могут, однако, иметь значение в том случае, если население действительно подразделяется на прочные и жизненные сословные общества, члены

которых связаны единством образа жизни, занятий, интересов и историческим преемством воззрений. Условий этих не имеется, между тем, в общественном строе современной России. Хотя *по закону* он и покоится на началах сословности, *но общий всем народам экономический процесс**), в связи с целым рядом государственных преобразований последних десятилетий, давно уже расшатал, а во многом и уничтожил те сословные подразделения, которые начертаны в законе. Развитие общественной жизни постепенно выдвигает ряд интересов, которые мощною цепью связывают людей друг с другом без различия состояний и происхождения, заменяя понятием общественного интереса понятие польз и нужд сословных»**).

«Обезземеление дворянства, — продолжает автор «Соображений», — и промышленное развитие страны, отвлекшее значительные крестьянские массы от земледельческого труда к отхожим и фабричным заработкам, с каждым годом умножают число лиц, которые, сохраняя лишь внешнюю связь с своим сословием, стекаются в города и сливаются в них с коренным торгово-промышленным населением, сословное устройство которого никогда не имело жизненного значения. Действительно, мещанские общества, ограничивая свою деятельность избранием сословных управлений, не объединяют сословия какой-либо внутренней связью и представляют обветшалые учреждения, совершенное упразднение которых есть вопрос, давно уже поставленный на очередь. Упразднение ремесленного сословия предуказано Высочайшей Властью еще в 1870 г., и сословные ремесленные общества за постепенным их закрытием сохранились ныне не более, как в 30 или 35 городах; купеческие сословные общества тоже существуют в очень немногих лишь крупных центрах и состоят из лиц, приобретающих это звание путем выборки торговых и сословных документов и утрачивающих его с прекращением уплаты торговых пошлин. Таким образом, на деле сословный строй в городах не имеет почти

---

*) «*Общий всем народам* экономический процесс»... — самобытность, где ты? Эта ссылка гофмейстера Булыгина на интернациональные свойства «экономического процесса» показалась, повидимому, крайне подозрительной совету министров, который в своей перефразировке булыгинских «соображений», глухо говорит: «общий экономический процесс». («Материалы», стр. 21).

**) Эта последняя фраза вовсе выпущена советом министров.

никакого*) значения, и все отношения — и экономические, и бытовые — городского населения покоятся на иных совершенно началах... Таким образом, — заключает автор, — в случае производства выборов на сословном начале, интересы населения получили бы крайне неодинаковое по разным местностям и весьма неравномерное выражение и притом в искусственных, установленных законом соотношениях, а не в том виде, в каком соотношение этих интересов имеет место в действительной жизни»**).

Эта реалистическая, мы сказали бы, историко-материалистическая аргументация звучит чрезвычайно необычно в документе столь высокого официального значения, и мы вполне сочувствуем совету министров, который нашел нужным смягчить ее наиболее колющие казенный глаз очертания. Но и за всем тем совет министров, «согласно с мнением гофмейстера Булыгина, признает предположение о производстве выборов по сословиям, при современных условиях общественного строя России, *более нежели неудобным и несправедливым*» (там же, стр. 33).

V. Основы представительства. — Имущественный ценз

Но если не сословия, то что же?

«*Не остается иного выхода*,—выразительно говорит «Мемория» совета, — как обратиться к производству выборов на основаниях всесословных». Всеобщее избирательное право отвергается, однако, самым категорическим образом. Его несоответствие «самобытному» стилю Государственной Думы настолько очевидно, что ни «Соображения», ни «Мемория» почти не утруждают себя аргументацией. Нельзя же, в самом деле, счесть доводами ссылку на протяженность России или на то, что всеобщие выборы создают благоприятную почву для преследования «партийных целей, чуждых *истинным* (полицейско-абсолютистским?) интересам государства», или, еще лучше, на то, что всеобщее голосование дает в результате «собирательную посредственность». Собирательная посредственность!— Этот высокомерный аргумент звучит особенно великолепно в устах представителя той даровитой, проницательной, испытанной и доблестной корпорации,

---

*) Совет министров смягчает: «сколько-нибудь крепкого значения» (стр. 32).

**) «Материалы», стр. 128 и сл.

которая поставила на дыбы Финляндию, привела в состояние кипения Польшу, зажгла революционные вышки на Кавказе, ввергла в состояние анархии всю страну и, наконец, подарила нас позором Порт-Артура, Мукдена и Цусимы!..

Итак, сословные выборы «более чем неудобны».

Всеобщее избирательное право грозит поставить на место нашей талантливой бюрократии «собирательную посредственность». Остаются выборы на основе ценза. Какого именно? Образовательный ценз заключает в себе привлекательные стороны, ибо «не подлежит сомнению, что человек, получивший образование, сознательнее, чем необразованный, относится к окружающим его общественным явлениям»... Но автор проекта и с ним совет министров отдают предпочтение имущественному цензу, т.-е. «известной материальной обеспеченности, как условию независимости и устойчивости личных взглядов».

Было бы, разумеется, слишком поверхностно на основании того факта, что в основу выборов положен высокий имущественный ценз, заключать, что Дума организована, как рычаг господства имущих, буржуазных классов. Дума замышлена бюрократией, прежде всего, как рычаг господства бюрократии. Имуще ственный ценз тут играет роль своего рода свидетельства об относительной политической благонадежности. Но роль этого свидетельства играет все же имущественный ценз, а не что-либо иное. Самодержавно-полицейское правительство не передает своей власти буржуазии, но оно допускает к участию в своем хозяйстве искаженное представительство наиболее богатых классов, как наименее опасных для его существования. Проникнутая насквозь консервативно-реалистической мудростью аргументация «Соображений» в пользу имущественного ценза как не надо быть лучше поясняет нашу мысль.

«Ничто не придает общественной среде такой прочности и способности противостоять случайным увлечениям, — рассуждает автор записки, гофмейстер Булыгин, — как наличность в ней более или менее значительного числа собственников, интересы которых более задеваются всяким нарушением спокойного течения общественной и государственной жизни. То уже обстоятельство, что собственник наглядно ощущает повышение или понижение упадающих на его недвижимость или предприятие прямых налогов, побуждает его сознательнее и осторожнее относиться к развитию государственного хозяйства и степени требо-

ваний, к государству предъявляемых. При этом положении собственника в нем складывается тот *правильный консерватизм*, который обеспечивает спокойное и планомерное развитие государства и составляет истинную его силу. Понятно, — заключает автор, — что в этой именно среде собственников, государства и правительства ищут, прежде всего, прочных оснований для народных выборов» (там же, стр. 141 и сл.).

Итак, критерием гражданской зрелости поставлен «размер владеемого капитала». За основу гофмейстер Булыгин предложил принять ту цензовую систему, которая служила для земских выборов по положению о земских учреждениях 1864 г. и которая была отменена сословной системой 1890 г.[150]). С своей стороны, совет министров, выбирая между этими двумя системами, высказывается за первую, отмечая, что «сверх прочих достоинств, она имеет и то несомненное преимущество, что вокруг нее... сложились симпатии весьма широких слоев местных деятелей, и возвращение к избирательной системе 1864 г. составляет едва ли не общее место во всех ходатайствах земских учреждений, относившихся (надо понимать: *ходатайствах)* к вопросу о преобразовании земского представительства... Обстоятельство же это, — рассуждает совет, — не может быть оставляемо без внимания при таком преобразовании, которое рассчитано, между прочим (!), и на успокоение общественного мнения»... (стр. 46).

Это последнее соображение официального оптимизма не оправдалось в числе многих других соображений. Совет министров опоздал: даже либерально-оппозиционная мысль, которую он имеет в виду, перейдя от Земского Собора к Учредительному Собранию, поставила на место ходатайств о восстановлении ценза 1864 года требование всеобщего избирательного права.

Впрочем, сам автор проекта не питал, повидимому, этих официальных иллюзий. Напротив, он предвидит многочисленные возражения, которые будут сделаны против положения 64 г. и притом не только радикалами, стремящимися насадить «собирательную посредственность», но и более умеренными течениями, которые в интересах интеллигенции, не владеющей недвижимой собственностью, будут предлагать другие виды ценза: образовательный или подоходный. Но гофмейстер Булыгин решительно полагает, что всякие такого рода проекты должны быть отвергнуты, по крайней мере, на первое время. Нужно принять за основу систему, уже испытанную и не давшую разрушительных резуль-

татов. «Делать в этом отношении какие-либо опыты, применяя избирательные системы, не испытанные еще в условиях нашей общественности, *едва ли благоразумно* по тем совершенно *непредвиденным последствиям*, которые могут оказаться с этою мерою связанными» (стр. 144).

VI. Представительство крестьян

Отношение бюрократии, создательницы Государственной Думы, к крестьянству определялось очень сложными мотивами.

Широкая основная мысль была — опереться на крестьянство. Ведь крестьянство это и есть тот «народ», который хранит все священные начала и именем которого творятся хищничество и произвол. Вызвать теперь это крестьянство сразу из гражданского и политического небытия, раздавить тяжестью его «консерватизма» крикливую и назойливую оппозицию было бы верхом государственной мудрости. Но для этого нужна уверенность в том, что мужик не выдаст, т.-е. не впадет в соблазн и не «уклонится» от упадающих на него задач. Но где взять эту уверенность?

Правда, г. Трепов, предъявлявший свою парламентскую программу сотруднику «Биржевых Ведомостей», уверенно заявил, что «сытое крестьянство — важнейшая опора государственности», — но ведь вся суть в том и состоит, что наше крестьянство — не сытое.

Гофмейстер Булыгин также свидетельствует в своих «Соображениях» о полной «надежности этого сословия в политическом отношении», не оговаривая, имеет ли он в виду крестьянство, как оно есть, или же крестьянство в сытом состоянии. Да и вообще он бросает свое замечание вскользь, не делая из него никаких выводов. А совет министров и вовсе опускает в своей «Мемории» эту аттестацию, которая, повидимому, не кажется ему заслуживающей полного доверия. И этой недоверчивости не приходится удивляться. Не говоря уже об инородческом крестьянстве, например, о грузинском, которое выдвинуло смелую демократическую программу, целый ряд крестьянских обществ внутренних губерний тревожил за последний год бюрократию политически-оппозиционными заявлениями. Наконец, *аграрные беспорядки*! Правда, аграрные беспорядки далеко не всегда были окрашены политически, и это обстоятельство как бы само толкало правительство на заманчивый путь: овладеть крестьянским движением путем

земельной реформы и направить его против конституционного движения «образованных» классов. Это был бы путь цезаристской анти-дворянской демагогии — путь слишком рискованный, требующий слишком большой отваги и полной свободы от исторических традиций. Дворянская по происхождению и тесно связанная с землевладением бюрократия на этот путь не смеет стать, хотя отдельные реакционные хулиганы и тащут ее в этом направлении изо всех сил.

В результате сомнений и колебаний правительство остановилось на компромиссе: Дума должна быть построена так, чтоб чисто-крестьянское представительство и имущая оппозиция в острых вопросах нейтрализовали друг друга. «Неумеренные» земельные притязания крестьянской оппозиции правительство надеется подавлять соединенными голосами реакционно-дворянского и буржуазно-либерального крыла. Наоборот, в вопросах конституционных прав и гарантий оно надеется противопоставлять либеральной оппозиции соединенные голоса реакционеров и крестьянских представителей. Бюрократия же, опираясь на «без лести преданное» ей крыло Государственной Думы, будет выступать в роли примирителя, ходить по канату, глотать шпаги, — словом, проявлять те свои способности, которые помогли ей справиться с задачей начертания самодержавной конституции.

А для того, чтобы обеспечить за собой такую систему «противовесов», законодательствующая бюрократия помещает между крестьянством и Государственной Думой хитрейшей конструкции аппарат искусственного отбора. Выбирают не члены сельских обществ, а выбранные ими члены волостных сходов. Волостные сходы выбирают уполномоченных. Уполномоченные выбирают выборщиков в губернские собрания. Губернские собрания выбирают, наконец, депутатов в Государственную Думу. Если теперь допустить, что на каждом из этих четырех этапов, охраняющий «законность» выборов представитель бюрократии положит на чашу весов только один свой палец, то станет понятным, что этот перст, возведенный в четвертую степень, может заранее дать солидную уверенность, что представители крестьян не уклонятся от упадающих на них, по программе бюрократии, задач. Если бы оказалось, что крестьянство отнюдь не стоит на высоте «полной надежности в политическом отношении», правительство, прежде чем позволить крестьянской оппозиции концентрироваться в Госу-

дарственной Думе для генеральной кампании, открыло бы против нее дробную борьбу на волостных, уездных и губернских собраниях. Тактический расчет и ясен и прост.

VII. Представительство построено наощупь

Хотя наш комментарий неоднократно говорит об общем принципе, положенном в основу избирательной системы, но, как мы видели, никакого общего принципа на самом деле здесь нет: есть компромиссы, сделки, пристройки, поправки, и все это вокруг системы 1864 года, которая тоже не могла похвалиться цельностью. Если эту сеть избирательных хитросплетений и можно охватить какой-нибудь общей формулой, то лишь чисто отрицательной: это система *не* бесословного, *не* всеобщего, *не* равного, *не* прямого и *не* тайного голосования.

Не бессословного, потому что крестьянству отведена в этой системе, по крайней мере формально, очень значительная роль именно, *как сословию.*

Не всеобщего. Достаточно сказать, что в Петербурге общее число — собственно не избирателей, но лиц, имеющих право избирать избирателей — около 10.000 человек, в Москве — около 8.500, в Харькове — около 4.000, в Нижнем-Новгороде — меньше 1.500 и т. д. и т. д.

Не равного, потому что даже в том кругу, который захвачен выборами, установлена система градаций. Если даже оставить в стороне крестьянство, где избирательным правом наделены не лица, а сословные группы, то окажется, что и в среде «уездных землевладельцев» установлены две категории: владеющих полным цензом и дробью ценза. Голоса не подсчитываются, как равные, а взвешиваются, и политический вес их определяется количеством недвижимой собственности.

Не прямого, так как крестьяне посылают депутатов лишь посредством четырехстепенного избрания, остальные группы — посредством трех- и двухстепенного. Общее число выборщиков в губернских избирательных собраниях, от которых зависит почти весь состав Государственной Думы (за исключением 28 представителей от городов) составляет 5.368 человек. При условиях, в каких по замыслу правительства должны происходить выборы, избирательным правом будут в сущности пользоваться эти 5.000 че-

ловек и только они. Избиратели низших ступеней, особенно крестьяне, обречены играть в темную.

Наконец, при такой системе не может быть и речи *о тайном* голосовании, так как выборы производятся не большими массами граждан, а отдельными небольшими группами. Способ подачи бюллетеня почти теряет при этом всякое значение, так как тут не может быть ничего тайного, что не стало бы явным.

Меньше 10.000 активных граждан на Петербург, столько же на Варшаву, столько же на Москву! Это значит, что не только пролетариат, но и городское мещанство и либеральные профессии остаются почти непредставленными. На лиц либеральных профессий рассчитано предоставление права голоса по квартирному цензу. Но самый ценз избран при этом с таким расчетом, чтобы пользование избирательным правом было для интеллигенции, даже наиболее обеспеченной, почти совершенно недоступным. Совет министров ясно высказал при этом свой расчет. Во избежание нареканий нужно даровать избирательное право лицам, не владеющим ни недвижимой собственностью, ни торговопромышленными заведениями, но даровать с таким расчетом, чтоб круг избирателей не был чрезмерно расширен. И действительно, квартирный ценз при выборах в Государственную Думу сохраняет чисто символическое значение: избиратели по этому цензу исчисляются в самых крупных городах единицами и десятками.

VIII. Совет министров натыкается на пролетариат

Разумеется, совет хорошо знал, что среди десятков квартиронанимателей, привлеченных к выборам, не окажется ни одного пролетария. И бесправный пролетариат встал на минуту призраком перед собранием властных бюрократов. Не кто иной, как статс-секретарь Витте, который в бытность свою министром финансов имел случай благодетельствовать пролетариат, поднял этот вопрос. Уже 11 января, в заседании комитета министров, г. Витте предложил обсудить происшедшие 9 января события и меры «для предупреждения на будущее время таких печальных явлений». Предложение председателя комитета было отклонено, как не входящее в компетенцию комитета и *не означенное в повестке настоящего заседания*. После 9 января произошло много «печальных явлений», не предусмотренных никакими повестками, — и во всех событиях революции, вынудивших правительство «даро-

вать» Государственную Думу, пролетариат играл первенствующую роль. Это нисколько не помешало г. Булыгину обойти пролетариат, как если б его не существовало вовсе. Но г. Витте, который в качестве полуопального сановника делает вид, будто знает выход из всех затруднений, поставил перед советом вопрос о представительстве рабочих в Государственной Думе.

«С принятием цензового основания выборов, — указал г. Витте,— избирательного права окажется на практике почти (?) вовсе лишенным довольно уже многочисленный ныне класс фабрично-заводских рабочих... Среди этого класса, — продолжал г. Витте,— в особенности в последнее время, замечаются признаки серьезного брожения. Если же при исполнении предначертаний рескрипта 18 февраля фабрично-заводское население окажется из действия его изъятым, то *с вероятностью можно ожидать обострения рабочего вопроса.* Наиболее, в отношении этого вопроса, правильною политикою правительства было бы взять рабочее движение в свои руки (подобно тому, как это сделано было правительством в Германии, удачно его разрешившим) и не упускать инициативы по назревшим вопросам. Вследствие задержек в развитии нашего фабрично-заводского законодательства уже *неоднократно бывали весьма неудобные примеры проявления этой инициативы не сверху, как бы следовало, а снизу...* Ныне, с учреждением Государственной Думы,— продолжал г. Витте,— положение вещей может приобрести *особую окраску.* Поэтому вполне благовременным представлялось бы сообразить, что в сем отношении для фабрично-заводского населения представилось бы возможным сделать и разрешить сей вопрос по инициативе правительства, не ожидая поднятия его со стороны» (там же, стр. 42).

Мы не знаем, откуда статс-секретарь Витте узнал, что германское правительство не только взяло рабочее движение в свои руки, но и «удачно его (движение?) разрешило». Мы об этом ничего не слыхали. И мы думаем, что если бы г. Витте во время своих свиданий с императором Вильгельмом [151]) или канцлером Бюловым [152]) осведомился у них, насколько удачно разрешен ими рабочий вопрос, их ответ заставил бы его изменить свой взгляд на политические отношения в Германии. Германское правительство делало не одну попытку взять рабочее движение в свои руки, но каждый раз оно только обжигало себе пальцы. На последних выборах в Германии [153]) было подано три миллиона голосов за 82 представителей социал-демократической рабочей партии, —

и мы не думаем, чтоб князь Бюлов решился сказать, будто этих представителей он держит «в своих руках». Но да простится русскому чиновнику его неосведомленность в политическом положении Германии! Достаточно того, что г. Витте, как видно из его слов, не делает себе никаких иллюзий относительно возможного влияния цензовых выборов на настроение пролетариата. «С вероятностью,—говорит он,—можно ожидать обострения рабочего вопроса». Что же предлагает статс-секретарь Витте? Это, как мы видели, не совсем ясно — повидимому, это не совсем ясно и самому Витте, несмотря на его отважную ссылку на опыт Германии. Как видно из дальнейшего, можно с некоторым основанием допустить, что г. Витте хочет допущения представителей от рабочих в Государственную Думу, но только затрудняется указать на каких началах.

Что же совет министров? Обращаемся к мемории. «Отнесясь к вопросу сему с полным сочувствием (sic!), — говорит она, — совет министров, по обмене выраженных по существу его мнений, *не мог прийти по оному к какому-либо окончательному заключению*».

Очевидно, что даже при «полном сочувствии» этот вопрос не так легко взять в свои руки. «Применение единообразного цензового начала для всего населения империи делает, очевидно, невозможным, — поясняет мемория, — параллельное допущение совсем иного начала для класса фабрично-заводских рабочих... *Получить избирательные права он мог бы лишь при выборах всеобщих*, применить которые, как это было разъяснено выше, по условиям времени, представляется у нас совершенно невозможным» (там же, стр. 43). Вот к какому выводу пришел совет министров, когда призрак пролетариата внезапно прервал его государственное творчество. Мы с благодарностью принимаем этот давно знакомый нам вывод из рук совета министров. Запомним же раз навсегда твердо: *получить настоящее право голоса пролетарий может лишь при всеобщем избирательном праве.*

Класс, лишенный собственности, класс, лишенный официального образования, класс, лишенный оседлости—пролетариат, не мирится ни с каким цензом. Всякое избирательное ограничение поражает, прежде всего, пролетариат. Класс социально однородный — пролетариат, не дает бюрократии никаких зацепок для искусственного отбора. Об эту социальную однородность, как о каменную стену, разбилась даже испытанная благожелатель-

ность г. Витте к рабочему классу. И совету министров не оставалось ничего иного, как «с симпатией» повертеться вокруг вопроса о «многочисленном ныне классе фабрично-заводских рабочих» и... «не прийти по оному к какому-либо окончательному заключению».

IX. Вопрос об евреях

Для того, чтобы отдать полную дань бескорыстным симпатиям совета министров к «многочисленному ныне классу фабрично-заводских рабочих», мы должны коснуться еще одного эпизода из работ совета.

По первоначальному проекту гофмейстера Булыгина евреи не допускались к выборам «впредь до пересмотра действующих о них узаконений». Совет с этим не согласился. «Как известно, пересмотр тех или других сторон еврейского вопроса, — не без юмора говорит совет в своей мемории, — тянется уже *около столетия*; когда представится возможным прочно его разрешить—*предсказать невозможно*». Поэтому иносказательная отписка гофмейстера Булыгина могла бы, по мнению совета, «подать повод (sic!) к обвинению Правительства в отсутствии решимости ясно высказать принятое им по этому предмету *отрицательное* решение» (там же, стр. 26). Что же касается существа вопроса, то совет думает, что лишение евреев избирательного права «несомненно раздражит еще более эту национальность, и ныне уже, *благодаря экономическим и правовым условиям своим*, находящуюся в значительной своей части в состоянии брожения... «Между тем,—спрашивает себя совет, — что̀ повлечет за собою дарование евреям этого права?»— И отвечает: «С предположенным гофмейстером Булыгиным установлением ценза от участия в выборах будет фактически отстранена *вся главная масса еврейства — его пролетариат*... А при таких условиях,— заключает совет,— предполагаемое устранение евреев, представляясь по политическим и практическим соображениям мерою неудобною, не обещает и никаких полезных результатов, следовательно подлежит отклонению как по основаниям *справедливости*, так и по соображениям политической *осторожности*» (там же, стр. 27).

Таким образом, считая, что еврейство находится «в значительной своей части» в состоянии брожения, благодаря своим экономическим и юридическим условиям, совет находит, однако,

невозможным «предсказать», когда эти условия будут радикально изменены. Совет полагает, что к успокоению возбужденной части евреев «надлежит стремиться всеми возможными мерами», в том числе и дарованием избирательных прав,— и наряду с этим совет утешает себя тем, что *фактически* от выборов все равно будет отстранен пролетариат, т.-е. та именно «главная масса еврейства», которая находится в брожении и которую надлежит успокаивать всеми возможными мерами. Таковы удивительные зигзаги, которые выписывает мысль законодательствующей бюрократии!

Мы только что были свидетелями того, как чувства справедливости и симпатии к пролетариату заставили ее искать (правда, безуспешно) путей к допущению рабочих представителей в Государственную Думу, — и вот мы видим, как бюрократия под давлением все того же чувства справедливости допускает в Думу еврейскую буржуазию, утешая себя тем, что из Думы начисто изгнан еврейский пролетариат. Так бюрократическая справедливость дважды торжествует, — и каждый раз на особый лад!

X. «Общий всем народам экономический процесс»...

Революция разрушает много фикций и много иллюзий. Она раз навсегда уничтожила мистическую идею о нашей самобытности и заставила даже гофмейстера Булыгина заговорить об «общем всем народам экономическом процессе». В то время как г. Шипов подкрепляет свои самобытно-славянофильские идеи цитатами из Дайси [154]), революция вскрывает обще-человеческие законы классовых отношений. Во всей контр-революционной работе царского правительства, в чередовании страшных репрессий с либеральными заигрываниями, в его усилиях раздробить и обессилить народное движение национальной травлей, в его попытке усмирить и приручить имущую оппозицию призывом ее представителей в совещательную Думу... — что во всем этом «самобытного»? Или—в поведении нашей либеральной земской и городской оппозиции, в ее тактике, приноровленной к бюрократическим веяниям, нерешительной, неспособной слить буржуазную оппозицию с движением народных низов, методически повторяющей все ошибки и преступления европейской буржуазии, — что тут «самобытного»?

Все это уже было. Если что отличает переживаемую нами эпоху революционной ломки от соответственных периодов евро-

пейской истории, так это большее развитие у нас капиталистических отношений, более глубокая классовая дифференциация внутри освобождающейся буржуазной нации и, как результат этого, *несравненно более самостоятельная роль пролетариата*. Это, конечно, вовсе не опровергается тем фактом, что законодательствующий гофмейстер делает попытку лишить пролетариат избирательных прав. Гофмейстер уйдет так же внезапно, как внезапно он пришел. А пролетариат разовьет еще всю ту революционную энергию, которую вкладывает в него «общий всем народам экономический процесс».

Было бы слишком плоско искать корней современного освободительного движения «в глубине веков — в Новгороде и Пскове, в запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, в церковном расколе, в протесте против реформ Петра с призывом к идеализированной самобытной старине *), и пр. и пр., как это делает беспомощная либеральная мысль, живущая в мире формальных аналогий, идеологических теней и безжизненных абстракций.

Борьба за демократическое обновление России коренится всецело в условиях новой социально-исторической эпохи. Те самые товарно-капиталистические отношения, которые окончательно уничтожили хозяйственную культуру «самобытной старины», создавшую в свое время Новгород, запорожское казачество и раскол, выдвинули современную революционную борьбу. Она целиком выросла из капитализма, ведется силами, сложившимися на основе капитализма и *непосредственно, в первую очередь, направлена против феодально-крепостнических помех, стоящих на пути развития капиталистического общества*. Искать предтеч современного революционного движения в Новгороде или в Сечи можно разве с таким же основанием, с каким революционная английская буржуазия времен Кромвеля [155]) искала своих предтеч в библейских преданиях.

«Смута» старых веков имела не только другие лозунги, другие субъективные цели, но и другую объективную природу. Она создавалась натурально-хозяйственной средой. Изолированные друг от друга, хозяйственно независимые, себе довлеющие организмы боролись за свою независимость от слагавшейся на их основе, их соками питавшейся и насильственно соединяв-

---

*) Статья проф. Кузьмина-Караваева. «Русь», № 214, 1905 г.

шей их военно-государственной организации. Это не была борьба за известные гарантии государственного существования, но борьба разрозненных ячеек за независимость от слагавшейся государственности.

Эта борьба не имела государственного размаха и политической оформленности, ибо несвязанные друг с другом органическою связью, охранявшие свою особность натурально-хозяйственные ячейки могли вести лишь хаотическую партизанскую борьбу. В раздробленности этой борьбы и примитивности ее социально-экономических оснований и лежит причина ее поражения.

Товарное хозяйство связало ячейки, столь дорожившие своей изолированностью, в одно органическое целое, и на этой новой хозяйственной основе создало современные города как нервные центры экономической, политической и вообще культурной жизни. Патриархально-азиатский деспотизм и вся та социально-правовая обстановка, которую он выражает, давно уже стали помехой элементарному по своей природе процессу хозяйственного развития страны. Тот же процесс создал и силы, смертельно враждебные абсолютизму, и толкнул врагов на путь борьбы. Борьба прошла уже через несколько фазисов, но она еще далеко не развернулась во всей своей широте. Положение о Государственной Думе представляет собою бюрократически закрепленное отражение одного из фазисов в процессе революционной ликвидации устоев старой азиатской, варварской России.

XI. Слишком поздно!

Государственная Дума пришла слишком поздно. Еслиб она явилась в 60-ые годы, как увенчание так называемых великих реформ, правительство страшно усилило бы себя. Тогда цвет и краса либерализма были на побегушках у абсолютизма, занявшегося государственным ремонтом. Широкой оппозиции, которая бы противопоставляла себя бюрократии-преобразовательнице, не было. Парламент, самый узкий и ограниченный, явился бы плодом предусмотрительной инициативы правительства. Либеральная буржуазия развилась бы в легальной государственной ячейке. Вместе с монархией она отбивалась бы от масс. Такое положение было бы крайне выгодно для монархии и для цензовой буржуазии, которая боится общественных потрясений.

Было ли бы оно выгодно для дела демократии,—это большой вопрос. Но развитие не пошло по этому пути. У бюрократии нехватило исторической инициативы, у либерального общества — самостоятельной силы перетянуть правительство на конституционный путь. В то время как буржуазный либерализм развивался и организовывался, пользуясь учреждениями якобы-великих реформ, как опорными пунктами; в то время как неведомая еще новой русской истории активная масса показалась из-за спины либерального «общества», бюрократия культивировала свою неизменность и зорко следила за тем, чтоб общественное развитие не испортило ее чертежей. Вместо того, чтобы рука в руку с промышленным капиталом и землевладением итти впереди капиталистического процесса, умело сдерживая и «дисциплинируя» пролетариат, бюрократия поставила себя против всего буржуазного развития, обрекла себя на одиночество, превратила возможных союзников в действительных врагов, и в критическую минуту с горечью увидела, что все, что у нее остается — это военно-полицейский аппарат ее господства.

Смущенная собственными самоубийственными победами над первыми выступлениями нации, напуганная своим одиночеством, бюрократия пытается задним числом исправить то, что по существу непоправимо. Она декретирует парламент «мнения» и открывает его для тех, кого считает наименее для себя опасным. Она этим еще более восстановляет против себя тех, кто и без того стоял против нее непримиримым врагом. *Она как бы забывает, что ей придется властвовать не в парламенте, а над всей нацией.* Что же ей даст Государственная Дума?

Пролетариат, который сумел уже показать, что он — сила, недоволен, потому что перед ним дверь Думы заперта наглухо. Сознательные элементы *крестьянства,* влияние которых угрожающе растет, недовольны, потому что, прежде чем войти в Думу, крестьянство должно пройти сквозь такой фильтр, который задержит все лучшие элементы.

Демократическая *интеллигенция* недовольна, во-первых, потому, что реформа игнорирует ее, во-вторых, потому, что реформой недовольна масса. Наконец, *представители земли и капитала* недовольны рассчитанной на них Думой, потому что они хотят государственной реформы во имя спокойного и ненарушимого хода хозяйственной и политической жизни, а Дума, осужденная до своего рождения, этого спокойствия, очевидно, дать не может.

Таким образом, Дума ни на иоту не улучшает положения бюрократии. Но она не оставляет его и без изменения. Она ухудшает его. Став на путь народного представительства и делая вид, что реформа дается по собственному почину, бюрократический абсолютизм осуждает лежащий в основе его принцип. Qui s'excuse, s'accuse (кто извиняется, тот сам обвиняет себя). Он собственной рукою осуждает свою остервенелую борьбу за так называемые исторические основы. Намеренно превращая признанное ею народное представительство в призрак, бюрократия обнажает перед всей страной, что ею руководит ничто иное, как тупое своекорыстие, жажда власти во что бы то ни стало. И в результате никто не удовлетворен, но зато все озлоблены.

На первый взгляд может показаться, что Государственная Дума удовлетворит так называемых шиповцев, так как в общем и целом она построена по их чертежу. Тем не менее Государственная Дума — и в этом ее трагедия!— не удовлетворит и их. И нетрудно понять, *почему*. Смешно было бы считать г. Шипова и его единомышленников представителями какой-то политической системы славянофильства. Трезвые в худшем смысле слова политические эмпирики, они не только далеки от мечтательного славянофильства (эти «славянофилы» предлагают нам, вместо своего credo, цитаты из учебников *английских* юридических авторитетов!) — они и вообще чужды какой бы то ни было цельной политической программы. Недоразвившиеся буржуазные либералы, отстаивающие элементарные потребности гражданского обихода, они боятся политической борьбы, боятся массы, боятся «анархии», — и этот свой страх и эту свою косность они делают принципом своей тактики, и этот свой принцип они называют славянофильством. Еще в ноябре они надеялись полюбовно разрешить задачу, оставив в прежних руках власть и получив в обмен законность, неотчуждаемые права и возможность организованного общения с властью. Последнее требование теперь выполнено. Но то, чего они хотели достигнуть мирным путем и ради умиротворения, было дано лишь под влиянием жестокой борьбы и внесло в страну еще больший разлад. И вот тем группам, которые под разными именами отстаивали одну и ту же самобытную идею законосовещательного собрания, теперь предстоит неизбежно расколоться. Худшие паразитические элементы, связанные со старым режимом корнями своих интересов и принявшие лозунг *законосовещательного* учреждения так же, как приняла его власть,

т.-е. как вынужденную уступку и как гарантию против *законодательного* учреждения, отойдут вправо, будут поддерживать реакцию везде и во всем и завтра будут требовать роспуска Думы, о которой они так «мечтали». Другая, независимая от бюрократии часть «славянофилов» должна будет неизбежно отодвинуться влево и требовать законодательных прав для народного представительства — в тех же умиротворительных целях, в каких она недавно требовала совещательного Земского Собора. Куда пойдет г. Шипов, для нас, разумеется, не представляет никакого интереса.

Государственная Дума никого не удовлетворяет. Она явилась слишком поздно. Она предложила нации право совещательного голоса, о чем еще вчера мечтала земская оппозиция, — когда нация перешла уже к требованию власти; она предложила нации цензовую систему 1864 г., еще так недавно составлявшую предмет вожделений либерального общества, — когда выступившие на сцену пролетарские массы вынудили всю жизнеспособную оппозицию принять требование всеобщего избирательного права. Бюрократия упустила время, — и то «благодеяние», которое она несет отечеству, станет для нее гибелью. На воротах Государственной Думы бюрократия могла бы начертать слова великого бюрократа-реформатора Петра: «Упущение времени смерти невозвратной подобно».

Сентябрь, 1905 г.
Н. Троцкий. «Наша революция».
СПБ. 1906 г., изд. Н. Глаголева.

БУЛЫГИНСКАЯ ДУМА И НАШИ ЗАДАЧИ [156])

(Письмо к товарищам)

Каждый день можно ждать объявления закона о «привлечении выборных от населения к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений, восходящих, по силе основных законов, через Государственный Совет к Верховной Самодержавной власти». Объем и содержание будущего конституционного закона почти всецело определяются его выразительным наименованием. Остается еще только вопрос о формах и размерах избирательного ценза, но и он в общем и целом предопределен: основой его служит, как видно из осведомленной прессы, сословно-плутократический земский ценз 1864 г.

Партия уже дала в своей прессе оценку этой стоящей на очереди попытки сближения монархии с верхами обуржуазившегося дворянства и буржуазии, стремящейся к политическим привилегиям. На этот счет нет и не может быть разногласий в наших рядах. Остается лишь решить, что̀ делать, чтобы использовать попытку царизма опереться на влиятельные элементы оппозиции, какой единообразный лозунг дать массам.

Само собою разумеется, что и в данном случае, как во всяком другом, наша политическая тактика должна удовлетворять необходимым общим критериям. Именно:

I. Тактика должна быть принципиальна

Это значит, что партия, рассчитывающая не на закулисные дипломатические ходы, а исключительно на рост сознания масс, должна применять только такие средства, которые в силу внутренней логики ведут к цели. Расчеты на случайность, политика приключений, авантюризм исключаются. Критерием политического поведения служат не субъективные намерения, но объективная позиция. Цель должна скрываться в самом средстве, как ядро ореха в скорлупе его.

II. Тактика должна быть проста

Политическая задача состоит не в том, чтобы дать массам фотографическую копию действительности — ибо фотографическая копия так же сложна и запутана, как сама действительность, — задача в том, чтобы дать грубые основные черты действительности, опереться на те факты, которые растут, игнорировать тысячу других, которые случайны, вторичны, недолговечны. Стремление в каждом случае, в листке, в речи сказать все, приводит к тому, что масса не выносит ничего. Боязнь перед резкими чертами, пристрастие к нюансам никогда не дает политической победы. Правда, резкие лозунги опасны тем, что при изменении конъюнктуры от них приходится круто отворачиваться, тогда как лозунг, снабженный сотней оговорок, всегда можно незаметно перелить в новый лозунг, прямо противоположный. Но гораздо лучше круто менять лозунги, — разумеется, не выходя из основной тактической колеи,—чем не давать никаких: лозунг расплывчатый, условный, многословный, «поскольку»

постольку», не есть лозунг. Влияет на массу не тот, кто никогда не ошибается, а тот, кто не боится ошибаться. Лозунг должен быть прост, ясен, краток, решителен, императивен.

III. Тактика должна быть концентрирована

Чтоб концентрировать действия массы, нужно концентрировать ее внимание. Вся агитация должна быть подчинена основному лозунгу. Все факты нужно ставить в свете этого лозунга. Все органы партии должны быть строго координированы, вся работа должна бить в одну точку. В этом необходимое условие политического успеха. Разумеется, необходимой предпосылкой концентрированной тактики является единство лозунга, которое достигается тем, что все фракции и оттенки приходят к соглашению во что бы то ни стало, ценою самых бо ьших уступок, — они делают это, ясно сознавая, что давать несколько лозунгов хуже, чем не давать никакого лозунга. Это значит делать партию смешной, т.-е. губить ее.

От этих общих замечаний перейдем к тактической задаче, которая сейчас стоит перед нами.

Проект Государственной Думы означает попытку царизма вступить в сделку с имущей оппозицией, условно передав ей частицу власти в обмен за полное и безусловное предательство ею интересов народа. Следовательно, оппозиция, которая идет навстречу Государственной Думе и выбирает своих в нее представителей, тем самым совершает предательство народа. В заявлении рабочих земцам, изданном Петербургской Группой, сказано: «Принять участие в выборах гласных Государственной Думы значит признать всевластие царского правительства. Принять участие в выборах гласных Государственной Думы значит одобрить наглое лишение народа избирательных прав. Принять участие в выборах гласных Государственной Думы значит открыто перейти в лагерь царского правительства. Мы, рабочие, торжественно заявляем, что будем считать врагом всякого, кто примет участие в постыдной комедии выборов в Государственную Думу».

Какой отсюда вывод? Пролетариат требует бойкота Государственной Думы. Та либеральная оппозиция, которая ищет средств обойти революцию и больше всего боится сжечь за собой последние мосты, связывающие ее с абсолютизмом, станет заявлять, что Государственной Думой нужно воспользоваться,

как троянским конем, нужно ввести в нее своих представителей и затем взорвать Думу изнутри. Но пролетариат должен все политические действия партий других классов оценивать не по субъективным намерениям вождей, а по объективному смыслу самих актов. А объективная оценка дана в приведенной цитате из заявления. Правда, петербургский пролетариат выбирал выборщиков в комиссию Шидловского. Но это делал сам пролетариат. Всякая общественная группа, связанная единством интереса, доверяет себе и отвечает перед собой за свои завтрашние действия. Но к либеральной буржуазии пролетариат не может относиться, как к себе, за своим возможным союзником он следит с таким же недоверием, как за врагом.

Итак, единственный вывод, который все политические партии могут сделать из той оценки, какую социал-демократия дает Государственной Думе, это *бойкот*. И это должно быть заявлено ясно, решительно, точно, определенно.

Либеральная партия боится объявить бойкот не только потому, что видит в Государственной Думе последнюю тропинку легальной переправы в конституционный строй, но и потому еще, что боится остаться с лозунгом бойкота в небольшом меньшинстве,— земская масса может не пойти на бойкот. Но нас-то это соображение меньше всего может останавливать. Мы не должны давать пролетариату такие тактические директивы, которые почему-либо не могут найти в нем отклика. Ибо скорее всего компрометирует себя та партия, которая вопиет в пустыне хотя бы и «принципиально». Но буржуазия не наша непосредственная аудитория. Мы не диктуем ей тактики и не ответственны перед массами за ее поведение. Мы стараемся лишь своими действиями поставить ее в такое положение, из которого она должна была выходить наиболее демократическим, наиболее революционным путем,— и если она не находит выхода, мы сбрасываем с своего пути ее политический труп. Если освобожденская партия под давлением пролетариата объявляет бойкот Думы, а земская масса не идет за освобожденцами, это очень невыгодно для них, но не для нас. Мы объясняем пролетариату неудачу освобожденцев социальными качествами их аудитории, т.-е. разоблачаем перед пролетариатом политическое своекорыстие, узость и ограниченность буржуазии.

Возможно такое возражение. Если, несмотря на то, что левое крыло земской оппозиции примет тактику бойкота, земская

масса все же пошлет своих представителей в Думу, тогда эта тактика устранит от участия в выборах не только пролетариат, уже начисто устраненный цензом, но и наиболее радикальные элементы буржуазной оппозиции. Этим Дума будет отдана во власть наиболее косных элементов буржуазии.

Несомненно, такая возможность вполне реальна. Но мы не видим никаких оснований ее пугаться. Еслиб революция достигла кульминации и шла бы уже на убыль, тогда состав парламента, долженствующего закрепить ее завоевания против надвигающейся контр-революции, имел бы самое ближайшее значение, тогда отстранение наиболее радикальной буржуазии могло бы своим ближайшим следствием иметь крушение завоеваний революции. При таких условиях мы должны были выше ряда других соображений поставить вопрос о средствах создать самый радикальный парламент. Но когда революция только раскачивается, состав Государственной Думы не имеет никакого самостоятельного и непосредственного значения, и его можно обсуждать лишь с точки зрения дальнейшего развития самой революции. В первом случае парламент созывается революцией для того, чтобы закрепить ее завоевания против реакции, которая притаилась, но во всякое время готова поднять голову. Во втором случае, на заре революции, парламент или его пародия созываются реакцией, еще не сдавшей своих позиций, для того, чтобы задержать движение революции, — и задача этой последней сводится к тому, чтобы с наибольшей для себя выгодой сорвать воздвигаемое препятствие.

Перед нами второй случай, — и нас отнюдь не может озабочивать то обстоятельство, что «цвет» буржуазной оппозиции окажется вне Государственной Думы. Наоборот, это будет в интересах революции и пролетариата. Гораздо выгоднее, чтобы в народных собраниях, протестующих против Думы и разгоняемых войсками, выступали рядом с нами отстранившиеся от Думы демократы. Гораздо здоровее для революции, чтобы штыки охраняли Государственную Думу против буржуазной демократии, чем самое буржуазную демократию в Государственной Думе.

Задачи, стоящие перед российской революцией в целом ряде вопросов (аграрный, национальный, рабочий и т. д.) так колоссальны, что Дума, обескровленная бойкотом, неспособна будет даже приступить к ним. Если она, собравшись, не разойдется

по домам в сознании своего бессилия, а примется за государственное творчество, она лишь окончательно скомпрометирует в глазах широких слоев населения идею легального соглашения народа (буржуазии) с царизмом и заставит левое крыло буржуазной оппозиции, принявшее тактику бойкота, апеллировать к народу против Государственной Думы. Это в свою очередь внесет разложение в реакционную среду Государственной Думы. Она погибнет — революция выиграет.

Само собой разумеется, прибавим, что Государственная Дума, созванная сейчас, в начале революции, даже еслиб она включала в свой состав «цвет» буржуазной оппозиции, окажется бессильной перед задачами, стоящими на очереди. Если ее более решительный характер должен быть куплен ценою притупления революционной агитации, то игра безусловно не стоит свеч. А между тем несомненно, что не требовать от либеральной оппозиции бойкота Государственной Думы сейчас, когда революция шагает вперед семимильными шагами, когда мы только переходим от 9 января к революционному броненосцу и от революционного броненосца идем к общенародному восстанию, значит притуплять лозунг настоящего момента, делать расплывчатой агитацию и чрезвычайно затруднять нашу критику либеральной буржуазии, которая станет оправдывать свое предательское участие в выборах «высшими» аргументами, подхваченными у социал-демократии.

Итак, *бойкот*!

Каковы же возможные результаты этой тактики?

Тактика оказывается непосредственно победоносной, и Дума летит прахом. Конечно, это совершается не сразу, не одним лишь объявлением бойкота. Об этом не может быть и речи. Пролетариат сначала отрывает от царско-буржуазного блока наиболее крайние элементы демократии. Происходят собрания земств и дум, вообще «полноправных», и на этих собраниях постановляют выбирать. Демократия протестует. Рабочие вносят с улицы заявления, протесты и устраивают демонстрации перед зданиями, где заседают полноправные. Власти охраняют своих союзников казацкими и черными сотнями. Происходят столкновения. В общем «полноправным» приходится заседать под слишком высоким давлением с обеих сторон, это вносит в их среду разложение. Большинство собрания распадается, не придя ни к чему. Дума не созывается. Превосходный успех. Последний мост

сожжен. Выход должен быть найден. Остается революционный путь.

Вторая возможность. Государственная Дума все же созывается. Несмотря на протесты пролетариата и демократии, «полноправные» под охраной шаек Шереметьева [157]) избирают своих представителей. Можно себе представить, каковы будут представители, которые сочтут для себя возможным баллотироваться под охраной черных сотен. Государственная Дума собралась, приступила к работам. Тогда мы развиваем напряженную агитацию вокруг вопроса о ее составе, ее решениях и пр., и пр. Данный нами лозунг *бойкота* до избрания нисколько не может помешать нам использовать уже образовавшуюся Государственную Думу, как центральный пункт агитации, как орудие для сплочения и революционизирования масс. Было бы полной нелепостью усматривать в таком использовании отступление от тактики бойкота. Далее. Если избранная Государственная Дума предпримет решительные действия (допустим и это), мы, разумеется, поддержим ее, несмотря на то, что мы прокляли ее до ее рождения. Мы осудили во имя революции полицейское происхождение Думы, но мы поддержали бы ее, еслиб она во имя революции отреклась от собственного происхождения. И уж, конечно, совершенно неправильно было бы усматривать в тактике бойкота призыв к политической пассивности. Для проведения бойкота необходимо мобилизовать и организовать улицу. Необходимо развить самую широкую агитацию в пользу всеобщего избирательного права, организовать заявления от бесправных—полноправным, привлечь незатронутые слои населения, повести их к Думе, вообще к зданию, где заседают избиратели, потребовать от последних отчета в их поведении и пр. Создать на почве этой работы органы революционного самоуправления — совершенно естественная и правильная мысль. Нужно только ясно представлять себе, что *такие органы смогут лишь подпольно руководить агитацией до того момента, как масса овладеет городом, областью, после чего органы революционного самоуправления превратятся в местные временные правительства, объединенные тенденцией слиться в одно всероссийское революционное правительство*. При этом необходимо прибавить, что тактика бойкота булыгинской Думы, заранее разрушающая легальный переход к Учредительному Собранию (через октроированную Думу), *логически упирается во Временное Правительство*. Идея Временного Правительства, которая сама

собою вспыхивает в умах в революционные моменты (напр., в Одессе, когда подошел «Потемкин»), идея эта должна стать лозунгом нашей агитации.

Главная задача — *вовлечь массы в агитацию вокруг Государственной Думы.* Местные революционные коммуны, как основы Временного Правительства, могут возникнуть, разумеется, не путем мирных, хотя бы и внезаконных выборов народных представителей, параллельно с булыгинскими выборами, но путем революционного *отбора*, в котором прямое оформленное *избрание* будет играть второстепенную роль.

В работе сплочения масс, концентрации их политического внимания, противопоставления их цензовым органам самоуправления и активным гражданам вообще, в этой основной работе должны решающую роль сейчас играть два лозунга: *общественные работы и милиция.*

Революционный период весь состоит из ряда потрясений в промышленности. Десятки тысяч рабочих выбрасываются на улицы (путиловцы), лучшие элементы, лишенные работы, выезжают в деревни и обессиливают тем города, главные очаги революции. Необходимо поднять, прежде всего среди безработных, затем среди пролетариата вообще, агитацию в пользу организации общественных работ за общественный счет, через городские думы, под контролем представителей от самих рабочих. Нужно с этим требованием обращаться к думам, давить на них через союзы, прессу и пр. Общественные работы — вот база для образования органов революционного самоуправления.

В деревне голод. Необходимо сейчас же среди деревенской бедноты поднять такую же агитацию и выдвинуть то же требование, адресовав его к земствам.

То возбуждение, которое поднимется вокруг Государственной Думы, несомненно поставит на ноги все банды и шайки реакции. *Гражданская война не утихнет, как надеются косные либералы, но обострится,* и думы и земства будут поставлены перед необходимостью создать милицию. Пролетариат должен все время повторять неустанно этот лозунг, требовать от дум оружие, разгонять косные думы, если есть силы, и создавать свои думы. *Добывание и распределение оружия и средств на вооружение — вот база для образования органов революционного самоуправления.*

Итак: социал-демократия объявляет участие в выборах в Государственную Думу предательством интересов народа.

Социал-демократия безусловно и решительно требует *бойкота* Государственной Думы. С этой целью она организует заявления и протесты от бесправных — полноправным.

На местах пролетариат, во главе наиболее радикальных элементов населения, предъявляет думам и земствам требование:

1. Объявить коллегиально бойкот булыгинской Думы и тем самым признать революционный путь.

2. Приступить к созданию народной милиции и вооружению народа на общественный счет.

3. Организовать общественные работы.

Когда поднятая вокруг этих лозунгов агитация разрастается, вовлекает и возбуждает массы, тогда социал-демократия призывает пролетариат ко всеобщей политической забастовке. При наличности соответственного настроения в других слоях населения политическая забастовка захватывает и их в один общий водоворот и разрешается *народным восстанием*.

Таковы общие перспективы, как они нам рисуются сейчас.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ЗЕМСТВ И ДУМ

Граждане, представители земств и дум! Мы не будем вам говорить о страшном положении нашей родины, о той великой ответственности, которая лежит на всех честных сознательных гражданах: это должно быть ясно вам самим. Мы хотим только указать вам пред лицом всего народа, в чем видим мы спасение России. Мы хотим нашим заявлением побудить вас принять пред лицом всего народа ясные и определенные требования и стать на путь решительных действий. Разгром русского флота у Цусимы, предшествовавший последним разгромам Лодзи, Варшавы и Одессы, поставил пред вами в самой неотложной форме вопрос о всей судьбе страны. Как же был вами решен этот вопрос? Земцы-конституционалисты, т.-е. противники самодержавия, соединились на московском съезде со славянофилами, т.-е. сторонниками самодержавия, и совместно обратились к царю с жалобой на бюрократию. В вашем адресе вы подаете царю надежду на превращение нынешней бессмысленной, бесцельной, преступной и позорной войны в войну народную, а ваш глашатай, князь Трубецкой, в своей петергофской речи заявил, будто народ верит в царя и хочет укрепить его державные права. Мы решительным

образом протестуем против этого злоупотребления именем народа. Мы, рабочие, вместе со всем сознательным народом, не отделяем царя от чиновников, а чиновников от царя. Мы боремся не против чиновничества только, а против всего царско-чиновничьего самодержавия. Мы требуем не укрепления державных прав царя, а провозглашения державных прав народа.

Граждане! Где сотни тысяч и миллионы борются за лучшую жизнь, где все темные и слепые силы собраны для подавления народа, там несколько лицемерных слов, сказанных в стенах дворца, не могут ничему помочь. Что изменилось после 6 июня [158]? От январских дней в Петербурге мы перешли к июньским дням в Одессе, от усиленной охраны — к военному положению, от сотен убитых — к тысячам, от полицейского произвола — к военной диктатуре, от ужасов Цусимы — к надвигающимся ужасам Харбина. Что же дальше? Затопляя страну кровью рабочих, царское правительство в то же время вырабатывает проект допущения представителей богатых классов в Государственную Думу, переднюю Государственного Совета. Это делается в расчете, с вашей помощью, граждане земцы и думцы, укрепить самодержавие и превратить чиновничью войну в войну народную. Нам, рабочим, с этим наглым измышлением правительства нечего делать. Государственная Дума рассчитана не на нас, а против нас. От пролетариата и вообще бедных классов она ограждена высоким имущественным цензом, как каменной стеной. Но и представителям земли и капитала Государственная Дума отводит жалкую и позорную роль бесправных прихвостней, которых всемогущая бюрократия терпит до тех пор, пока находит это выгодным. Принять участие в выборах гласных Государственной Думы значит признать всевластие царского правительства. Принять участие в выборах гласных Государственной Думы значит одобрить наглое лишение народа избирательных прав. Принять участие в выборах гласных Государственной Думы значит открыто перейти в лагерь царского правительства. Мы, рабочие, торжественно заявляем, что будем считать врагом народа всякого, кто примет участие в постыдной комедии выборов в Государственную Думу.

Граждане, представители земств и дум! Требования, которые прежде всего должны быть написаны на знамени врагов самодержавия: немедленное прекращение войны и созыв Учредительного Собрания. Мы, рабочие, не потерпим никакого ценза — ни сословного, ни имущественного, ни образовательного, ни нацио-

нального, ни ценза оседлости *), — потому что всякий ценз направлен прежде всего против нас. Мы не потерпим двухстепенных или трехстепенных выборов, потому что они дают возможность влиять на выборщиков посредством подкупов и застращиваний. Мы требуем выборов прямых. Мы не потерпим открытого голосования, потому что оно лишает свободы действий всех неимущих, угнетенных и зависимых граждан. Мы требуем тайной подачи голосов. Выборы в Учредительное Собрание могут происходить правильно только при полном восстановлении в правах всех пострадавших за политическую деятельность или религиозные убеждения и при полной свободе агитации, т.-е. при свободе печати, собраний, союзов и стачек. Но ни царское обещание о правильности выборов, ни царское предписание не могут дать таких условий. Эти последние могут быть созданы и обеспечены лишь *вооруженной рукой самих граждан.* Мы, рабочие, считаем, что только создание народной милиции, т.-е. вооружение граждан, может действительно обеспечить правильность выборов и охранить народное представительство от неизбежных на первых порах попыток реакции повернуть все на старый лад. Только милиция может обеспечить неприкосновенность граждан от разбойничьих нападений полиции, войск и состоящих в ведении полиции черных сотен. Обязанность земств и дум провозгласить немедленно необходимость вооружения граждан и приступить к созданию городской и земской милиции.

Это вопрос жизни и смерти, — и он должен быть решен. Милиция должна быть организована на демократических началах. Всякий желающий получает оружие на общественный счет. Оружие хранится каждым на дому. Вооруженных граждан обучают и ими руководят выборные лица. И мы, рабочие, первые протянем руку за оружием. Ни народной милиции, ни Учредительного Собрания царское правительство не даст, — ибо это значило бы для него добровольно отказаться от своих державных прав в пользу народа. Поэтому, стать на сторону этих требований значит для вас, земцы и думцы, стать на путь борьбы. Это значит порвать все связи с царским правительством и объявить ему непримиримую войну. Написав на своем знамени демокра-

---

*) Ценз оседлости — требование, чтобы избиратель прожил на одном месте определенный срок до выборов (год, два, а то и более); в противном случае он не имеет голоса. *Ред.*

тические лозунги, вы должны поставить земства и думы, которые являются вашей опорой, на службу народной борьбе с царским правительством. Вы немедленно должны отказаться от поддержки царской полиции и приняться за создание народной милиции. Вы должны отдать ваши силы и средства делу организации и вооружения народа. Что касается нас, рабочих, то мы ясно и отчетливо знаем нашу дорогу. Январские дни в Петербурге, революционная стачка, которая носится из конца в конец России, события в Лодзи и Варшаве и, наконец, великие одесские события, как вехи, обозначают тот путь, которым мы идем. Это путь всенародного восстания, которое сметет с корнем царское правительство и очистит поле для борьбы за достойное человеческое существование. Другого пути для нас, рабочих, и для всех вообще народных масс нет и не может быть — и, обращаясь к вам, аждане земцы и думцы, с нашими заявлениями, требуя у вас ных и определенных ответов на ясные и определенные вопросы, тем самым говорим вам пред лицом всего народа. С кем вы? С царским правительством, которое собирает и пускает в дело все силы для подавления народного движения, или с народом, который готовится призвать царское правительство к беспощадному суду? Помните, граждане, кто не с народом, тот враг его.

Долой войну! Долой переговоры с царем! Долой Государственную Думу! Да здравствует Учредительное Собрание! Да здравствует всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право! Да здравствует народная милиция! Да здравствует революция!*)

«Социал-демократ»[159]) *№ 9,*
7 июля 1905 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРОФЕССОРУ П. Н. МИЛЮКОВУ **)[160])

В день опубликования написанной с соизволения Константина Петровича Победоносцева [161]) конституции вы, господин профессор, нашли необходимым выступить пред лицом русского

---

*) Издано в количестве 20 тыс. СПБ. Группой РСДРП, в июне 1905 г. (под заявлением рабочими собираются подписи. Присоединяйтесь, товарищи! Позаботьтесь о том, чтобы подписи были от многих тысяч).

**) Написанное в августе 1905 г. письмо это было «нелегально» издано несколькими организациями нашей партии. Напечатано в книге «Наша революция» 1906. СПБ изд. Глаголева.

«общества». Газета, которая обслуживает часть русской оппозиционной интеллигенции, доставила вам трибуну. Я не считаю «Сын Отечества», несмотря на его популярность, политически влиятельной газетой, за которую ответственна какая-либо реальная политическая сила. Я отнюдь не думаю также, что вы являетесь официальным выразителем какой-нибудь партии или что вы можете давлением вашего голоса повернуть либеральную партию на угодный вам путь. Другими словами, я не считаю вас вождем. Если, тем не менее, я нахожу необходимым обратиться к вам с этим открытым письмом, то по той единственной причине, что ваша мысль, движущаяся по линии наименьшего сопротивления, формулирует политические предрассудки, которые у вас нет права считать вашей личной собственностью. Если бы не выступили вы, выступил бы другой. Ибо — и с этим вы не станете спорить — раз в обществе широко распространен какой-нибудь предрассудок, всегда отыщется профессор, способный его авторитетно формулировать, и всегда найдется либеральная редакция, готовая свою коллективную беспринципность укрыть за индивидуальный авторитет. Это в порядке вещей, г. профессор!

В начале вашего письма вы разрешаете разно оценивать акт 6 августа *), преуменьшать и преувеличивать его значение, но не разрешаете одного: отрицать, что этим актом «перейдена какая-то грань, что сегодня мы по другой стороне того перевала, по которому шли вчера» — и что «назад, на ту сторону исторического ската, на вчерашнюю, уже возврата быть не может».

Вся либеральная и полулиберальная пресса вместе с вами утверждает, что «Рубикон перейден». — «Свершилось!» — Что же собственно «свершилось»? Кто перешел и какой Рубикон? Возвращение к прошлому невозможно, говорите вы. Почему невозможно? — И для кого невозможно?

Невозможен ли для реакции возврат на путь чистого абсолютизма? И если невозможен, то почему? По общим ли причинам: — нужны деньги, нарастает революционная стихия, — или же потому, что отныне у нас есть высочайшая бумага 6 августа? Если вы имеете в виду общие причины, то они существовали и до 6 августа,— и уж, разумеется, мы не станем спорить против того, что абсолютизм неизбежно должен пойти на слом. Но когда и

*) Акт 6 августа об учреждении Государственной Думы.

как? Общие причины этого не предрешают. Они предоставляют практическое решение этого вопроса инициативе, смыслу и отваге живых организованных и сознательных политических сил. Думаете ли вы, что сам манифест делает невозможным возврат к прошлому? Но каким образом? Что изменяет он в соотношении сил реакции и революции? Передает ли он народу какую-либо материальную власть, которой он не владел бы раньше? Нет, не передает. Связывает он руки бюрократии? Нет, не связывает. Вы обнаруживаете лишь дурной умственный навык, г. профессор, когда полагаете, что можно установить между двумя социально-историческими эпохами водораздел из папье-маше. Абсолютизм опирается сегодня, как и до 6 августа, на бюрократический аппарат, на суды, на жандармерию, на армию. Пусть ему суждено погибнуть, но пока у него в руках эти орудия господства, — он хозяин. Он может призвать и отослать, позволить высказаться и запретить.

Исторический Рубикон бывает действительно перейден лишь в тот момент, когда материальные орудия господства переходят из рук абсолютизма в руки народа. Но такие вещи, г. профессор, никогда не совершаются посредством подписания пергамента. Такие вещи происходят на улицах. Они осуществляются в бою. Они разрешаются путем победы в столкновении народа с бронированной реакцией.

Если мы попробуем понять Великую Французскую Революцию, г. профессор истории, мы признаем, что Франция перевалила через рубеж не 8 августа[162]), когда Людовик XVI подписал «манифест» о созвании Генеральных Штатов, а 14 июля, когда народ Парижа вооружился и встал материальной силой на защиту своих прав. И, наконец, полная и решительная победа, это — восстание 10 августа [163]), низвергшее монархию. 14 июля, 10 августа — вот где действительные, реальные вехи французской свободы, а вовсе не декреты и пергаменты, которые бумажным роем вились над ареной этих суровых столкновений.

Если мы обратимся к событиям 48 года, то мы должны будем признать, что историческим водоразделом был не манифест Фридриха-Вильгельма IV Прусского, созвавший архаический Соединенный Ландтаг [164]), но день победоносной уличной революции 18 марта [165]). И память истории, отбросив все канцелярские даты, сохранила дни 14 июля, 10 августа и 18 марта, как праздники торжествующей свободы.

Роковая грань перейдена, думаете вы. Позиции завоеваны. И «было бы непростительной политической ошибкой оставить эти позиции без защиты — или даже очистить их без боя, как, повидимому, хотели бы те, кто рассчитывает занять главную позицию непосредственно».

«В России сегодня родился «народный представитель», — продолжаете вы, — и этого факта не уничтожат никакие толкования ни справа, ни слева». И вы предлагаете тем, которые с вами, отстоять представителя от ударов справа и слева. А г. Сыромятников [166]) пишет в один день с вами в «Слове»[167]): «Две крайних партии будут уничтожать его (государственное самоуправление), и нам, прогрессивному центру, придется охранять последовательность действий нового законодательного аппарата от попыток дискредитировать его и уничтожить» *).

«Говорить, что мы ничего не приобрели с изданием закона, — пишете вы, г. профессор, — значило бы помогать его противникам справа». А г. Сыромятников комментирует и дополняет: «Реакционеры и социалисты-республиканцы соединятся, может быть, в трогательном союзе против первых попыток русского правового строя». Как всякий либеральный писатель, вы, г. профессор, адресуетесь с вашим письмом к так называемому «обществу» и говорите ему: будь «на своем посту!». Выбирай представителей для охраны твоих прав! Но обращаясь к «обществу», вы строите ваше письмо так, точно убеждаете в чем-то весь народ. На самом же деле вы конспирируете на либерально-газетном жаргоне с имущим обществом против народа. Это утверждение кажется вам пристрастным и несправедливым? Между тем, оно точно формулирует смысл вашей статьи. Минуту внимания, г. профессор!

Вы убеждаете не народные массы, так как они лишены избирательных прав. Они не могут бойкотировать Думу, так как Дума бойкотирует их. Действительные выразители народных интересов, если бы и хотели, не могут попасть в Государственную Думу. Это *ваша* Дума. Это учреждение господствующих, имущих, эксплоатирующих классов. Сознательный пролетариат, который ясно и недвусмысленно выразил свое отношение к Государственной Думе, когда она была еще проектом, следующим

*) Статья называлась «Заметки писателя» и была помещена в «Слове» от 7 августа 1905 г.

образом формулировал в «заявлении представителям земств и дум» свое отношение к тем наделенным правами политического предательства гражданам, которые примут участие в выборах: «Принять участие в выборах гласных (совещательной) Государственной Думы значит признать всевластие царского правительства. Принять участие в выборах гласных Государственной Думы значит одобрить наглое лишение народа избирательных прав. Принять участие в выборах гласных Государственной Думы значит открыто перейти в лагерь царского правительства. Мы, рабочие, торжественно заявляем, что будем считать врагом народа всякого, кто примет участие в постыдной комедии выборов в Государственную Думу».

Так говорят передовые рабочие. Если вы, г. профессор, имеете хотя какое-нибудь понятие о настроении народных и особенно пролетарских масс, вы согласитесь, что этот голос найдет в них самый широкий отклик. Но если так, то вы должны были десять раз подумать прежде, чем выступить на политический форум и сказать имущим, эксплоатирующим классам: «Несмотря на то, что избирательный закон отрезывает вас от масс; несмотря на то, что рабочие массы не только не склонны дать вам мандат нравственного доверия, но заранее объявляют предательством самый акт участия в выборах; несмотря на то, что у вас не может быть опоры вне народа; несмотря на то, что разрыв с ним означает для вас политическую смерть, — выбирайте, выбирайте, чтобы быть на своем посту, выбирайте во имя пергамента 6 августа, игнорируйте голос слева, который есть голос самого народа».

Государственная Дума составится из наиболее обеспеченных элементов оппозиции, отделенных политическими привилегиями от народа и не заинтересованных непосредственно в уничтожении ценза. В то время как правое крыло либеральной партии, приобщившись к власти, начнет сплетать свои корни с корнями царской бюрократии, вы, конституционалисты-демократы, гг. Петрункевичи, Родичевы и Милюковы, будете на левом крыле — да, г. профессор, в Думе вы, к вашему ужасу, окажетесь на крайней левой, потому что остальные будут еще более косны, чем вы,— вы будете производить бессильный оппозиционный шум, прикрывать сделку реакции с либерализмом патетической фразеологией, обманывать народ фиктивными перспективами безболезненного перехода через бюрократию и плутократию к демократии.

Призывая теперь эксплоатирующие классы использовать дарованные им политические привилегии, открыто становясь на почву царского избирательного закона, этого юридически оформленного раскола между имущей оппозицией и народной революцией, вы в то же время цинично призываете к единению и пугаете опасностью разброда.

Что это значит, милостивый государь?

Царское правительство вручает вам конец петли, закинутой на шею народа, а другой конец оставляет в своих кровавых руках. И вот выступают профессора истории, которые должны бы знать, чем кончались для народа такие эксперименты, — и направо призывают приобщиться к веревке, а налево взывают к единению. Я назвал бы это политическим бесстыдством, если б хотел быть резким, г. профессор!

История ничему не научает своих профессоров. Ошибки и преступления либерализма интернациональны. Вы повторяете то же, что ваши предшественники делали в вашем положении полвека назад. Вожди прусской буржуазии думали, как и вы, что королевское слово составляет тот рубеж, после которого невозможен возврат к прошлому, и потому очень мало заботились о таких «вульгарных» вещах, как вооружение победившего народа и разоружение побежденной реакции. Они с ясным лбом игнорировали голоса «слева». Вы знаете, к чему это привело? К тому, что абсолютизм вернул себе львиную долю своей до-мартовской власти. Это обнаружилось очень скоро и очень явственно. В конце пятидесятых годов, через 10 лет после 48 года, корона третировала палату с величайшим презрением. Палата отказывала в деньгах, а корона, игнорируя постановления палаты, распоряжалась народными средствами, как своим кошельком. Либеральные мудрецы, профессора истории, морали и государственного права громко и красноречиво кричали, что это возврат к прошлому, который совершенно и абсолютно невозможен за силою конституционных пергаментов. Речь шла при этом, разумеется, о моральной или юридической «невозможности». Но абсолютизм смеялся в бороду, справедливо полагая, что для него довольно одной материальной возможности. И он был прав.

Кроткие старцы «Вестника Европы», выступившие против тактики бойкота, привели в пример — о, глубокомыслие, это ты! — прусский конституционный конфликт конца 50-х и на-

чала 60-х годов прошлого столетия [168]), когда либеральная партия не покидала своего бесславного поста в октроированной короной палате. Прусская либеральная партия, заседая в своей Думе, постановляла резолюции, многословно протестовала, демонстрировала свое бессилие, компрометируя идею представительства и усыпляя массы фикцией парламентарного режима. Абсолютизм взял все, что ему нужно было, и оставил на долю народного представительства то, что считал выгодным оставить. А либеральная партия, стоявшая на своем парламентском посту, лишь облегчала ему эту работу, прикрывая ее ширмой якобы конституционного порядка.

В 1862 году раздался голос мужественного протеста против конституционного кретинизма либеральной партии. Это был голос Фердинанда Лассаля [169]). Чего он требовал? Бойкота палаты. Он сказал либералам: вы с вашими лже-конституционными бирюльками становитесь между народом и его врагами. Вы маскируете действительные отношения. Вы мешаете накоплению в массах революционного гнева. Вы тормозите решительную ликвидацию абсолютизма. Но либеральная буржуазия «мужественно» не внимала голосу слева (на это у нее всегда хватало мужества!) — она оставалась на своем посту, на посту предателя интересов свободы — и ей, либеральной буржуазии, Пруссия и пруссифицированная Германия обязаны своими полуабсолютистскими порядками.

«Всякое политическое дело, — сказал тогда Лассаль, — состоит в высказывании того, что есть, и с этого начинается. Всякое политическое малодушие состоит в замалчивании и затушевывании того, что есть».

Теперь попробуйте, г. профессор, стать лицом к народу и во всеуслышание сказать, что есть.

Государственная Дума есть предумышленное издевательство над народным представительством. Это народное представительство — без народа. Государственная Дума вводит представителей имущих классов в переднюю Государственного Совета. Государственная Дума есть организованная сделка реакции с имущей оппозицией с целью задушить народную революцию. Дарованное верхушке избирательное право есть право политического предательства народа. Вот краткое и точное выражение того, что есть.

Вы этого, конечно, не скажете народу. Но *мы* скажем. Если же вы попытаетесь спорить с нами — не на либеральных банкетах, а пред лицом массы — мы вам покажем, что мы на нашем грубом, резком революционном языке умеем быть неотразимо убедительны и красноречивы. Мы это покажем, г. профессор!

После того, как будет ясно высказано, что есть, вы можете сделать, что найдете для себя более выгодным. Вы можете принять сделку или отвергнуть ее, вступить в переднюю или оставаться с народом на улице. Партия пролетариата, партия революции, не ответственна пред массами за поведение либералов. Вы боитесь порвать с Думой, потому что для вас этот конституционный мираж кажется реальностью в той сухой бесплодной пустыне, по которой русский либерализм бродит вот уже не первый десяток лет. Если Дума не будет созвана, где же путь к конституции?—спрашиваете вы себя в тоске. Для вас вся великая тяжба народа с абсолютизмом сводится к земским съездам, верноподданническим депутациям, конституционным адресам, рескриптам, совещаниям и манифестам. Вы ни словом не касаетесь в вашей статье того глубокого процесса роста сплоченности и революционной сознательности масс, без которого немыслимы были бы ни последние шаги либерализма, ни последние шаги монархии. Вам кажется, что раз у царизма исторгнут манифест, этим самым вам дана возможность стать на почву этого канцелярского документа, истолковывать его, делать из него выводы и отстаивать их собственными средствами. Вы призываете защитников свободы быть «на своем посту» — и вы думаете, что отныне единственным постом для защитников свободы является Государственная Дума. Я не знаю, существовало ли для вас революционное движение до 6 августа, но после этого дня оно для вас раз навсегда перестает существовать.

Революционное движение масс, — вот та мелочь, которую вы упустили в вашем политическом счете, г. профессор. А между тем и после 6 августа, как и до этого дня, революционная масса была и остается единственной силой демократического переворота. Другой силы нет, г. профессор. Как бы вы, будущие депутаты Государственной Думы, ни были искусны в конституционной казуистике, стоит только стихнуть революции, и — реакция прогонит вас, четыреста двадцать «представителей народа», как она это в свое время сделала в Берлине, Вене и Франкфурте [170]), — потому что она призвала вас не ради ваших пре-

красных глаз. Если же революция не стихнет, бюрократия будет цепляться за вас, как за опору, и если вы действительно попробуете представить из себя такую опору, — а ваше положение вынудит вас к этому, — победоносная революция вышвырнет вас на улицу, как она это сделала в 48 г. с палатой Людовика-Филиппа [171]).

Вы предлагаете не смущаться ни голосами справа, ни голосами слева. К счастью, г. профессор, вам и вашим единомышленникам грозит опасность и справа и слева.

Революционная масса — единственная сила демократического переворота. Какую же роль может сыграть в росте революции Государственная Дума, избранная от верхов при молчаливом попустительстве низов? Она немедленно же станет тормозом революции, — или попытается стать им. Цензовая партия буржуазного «порядка» постарается использовать эту организационную базу для того, чтобы раздавить рабочую революцию и подготовить почву для царистской контр-революции. Мы не думаем, чтобы вы, г. Милюков, способны были играть какую-нибудь руководящую роль в деле кровавого подавления царистско-буржуазным блоком рабочей революции; для этого найдутся другие люди. Вы и вам сродные подготовляете лишь необходимые для этого условия.

Вы хотите добиться безмятежных выборов, рисуя Государственную Думу, как переходный этап, тогда как те социальные силы, из представителей которых она составится, станут ее отстаивать вооруженной рукой, как конечный идеал.

Вы рисуете дальнейшую задачу, как логическое углубление и укрепление октроированной конституции на данных ею законных основах, тогда как задача в том, чтобы вырвать из рук абсолютизма материальные условия власти революционной победой. Вы игнорируете массу, тогда как задача в том, чтобы дать ей боевой лозунг. Вы игнорируете революцию, тогда как задача в том, чтобы двинуть ее вперед. Как несчастна была бы русская свобода, если бы она зависела от вас! Но, к счастью, свобода есть дело революции, революция есть дело масс, а с массами вас связывает только чувство неопределенного, но томительного страха. Вы пытаетесь отвернуться от голосов слева. Но масса внимает этим голосам. Это — наши голоса. Мы формируем здесь чувства и мысли, мы создаем здесь революционные кадры, мы учим массу не верить вам и не итти за вами. Если для вас не убе-

дительна сила нашей логики, то мы заставим вас преклониться пред логикой нашей силы. Наша опора — в революционной связи событий. Кроме ваших дат: 6 ноября*), 6 июня**) и 6 августа***), существуют наши даты: 9 января и 14 июня****). Революция еще не сказала своего последнего слова. Могучими широкими размахами заносит она над абсолютизмом свой нож — все ниже и ниже. Пусть остерегутся мудрецы либерализма подставлять свои руки под сверкающее стальное лезвие. Пусть остерегутся: иначе они будут застигнуты последним освободительным ударом — «на своем посту»!

POST-SCRIPTUM

Мы писали год тому назад, что не считаем г. Милюкова вождем. Теперь приходится поправиться: если в рядах конституционных демократов на кого-нибудь можно указать, как на «вождя», так это на г. Милюкова. Это признается молчаливо его партией. Соперников у него нет.

Князь Е. Трубецкой попытался было противопоставить свой авторитет авторитету г. Милюкова и потерпел поражение. Князь слишком рано обнаружил свои реакционные симпатии, слишком грубо проявил суверенное презрение философа-идеалиста ко всяким демократическим обязательствам, — и оказался вынужденным уйти из партии.

Г-н И. Петрункевич, с расчетом или поневоле, все время держится в тени и выступает из нее на свет вовсе не с таким успехом, который давал бы ему право на роль лидера. В ноябре прошлого года, на земском съезде в Москве, г. Петрункевич объявил себя революционером и протягивал руку крайним партиям. И неожиданным образом оказалось, что именно в это время гр. Витте, игнорируя съезд, приватно сносился с г. Петрункевичем по телеграфу. Земский съезд не шел достаточно торопливо навстречу министерству, — и в московской печати неожиданно появилась приватная телеграмма гр. Витте к тверскому революционеру. Не для того ли, чтобы подтолкнуть съезд направо?

---

*) Земский съезд.

**) Земская депутация у царя.

***) Опубликование булыгинской Думы.

****) Восстание «Потемкина Таврического».

Так, по крайней мере, предполагали. Но г. Петрункевич отстранил всякие подозрения: в появлении телеграммы оказалась виновата нескромность одного из его политических друзей. Известно, что у глубоких дипломатов всегда бывают нескромные друзья и что их нескромность оказывает подчас совершенно неоценимые услуги. В Государственной Думе г. Петрункевич дебютировал предложением высказаться за амнистию, и закончил свою роль тем, что за несколько дней до роспуска Думы внес от имени к.-д. партии против умеренного проекта трудовой группы и умереннейшего проекта аграрной комиссии, третий, неумеренный по трусливости, проект обращения к крестьянству. При этом тверской «революционер» неожиданно обрушился на трудовиков и дал повод своим политическим противникам утверждать, что весь этот неблагодарный выход был предпринят г. Петрункевичем исключительно для того, чтоб зарекомендовать себя в Петергофе с лучшей стороны. Видеть ли во всех этих действиях старого тверского лидера мелкую хитрость или крупную простоту, он в обоих случаях оказывается обреченным на второстепенные роли.

Г. Родичев? Но он, конечно, и сам не считает себя вождем. Это неутомимый оратор партии. В его речах нередки счастливые обороты, даже пафос. Чего в них, однако, нет, совершенно нет, так это ясной политической мысли, ибо она достается в удел лишь тому, кто твердо знает, чего хочет. Конечно, г. Родичев — не вождь, и он, наверно, легко утешается в этом тем соображением, что он — трибун.

Меньше всех на роль вождя своей партии может претендовать г. Струве. За последнее полугодие он энергично, но безуспешно боролся с равнодушием читателей. Есть, очевидно, предел, за которым политическая бесхарактерность и нравственная беспринципность уже не находят сочувственного отклика,— г. Струве переступил этот предел. В его политической психологии не осталось ни одного живого места: нет принципа, который был бы ему дорог, нет обязательства, которое имело бы над ним власть. Вот почему и сам он никому не может быть «дорог» и ни над кем не может иметь «власти».

Уже один метод исключения приводит нас, таким образом, к выводу, что действительный вождь—это г. Милюков. Он редактор центрального органа партии, вдохновитель центрального комитета, закулисный инструктор думской фракции, словом — вождь...

Что же делает г. Милюкова вождем той разношерстной коалиции, которая считала себя одно время, а может быть, считает себя и сегодня сильнейшей политической партией России? Что делает г. Милюкова вождем? У него нет ни ясного представления о путях революционного развития, ни ясного плана действий. В чем же его сила? Исключительно в том, что он учит свою партию брать революцию измором, отписываться от ее запросов и отсиживаться от ее событий. Парламентарный режим в России неизбежен. В конце концов он установится. Вся задача лишь в том, чтобы с достоинством выждать его установления. В разрешении этой задачи г. Милюков незаменим.

То, что называется конституционно-демократической партией [172]), состоит из разных социальных элементов, захваченных в разные моменты их политического развития. Так как дальнейшее самоопределение отдельных слоев и групп неизбежно вносит разложение в партию, объединяющую земца, мещанина, интеллигента и зажиточного крестьянина; так как вопросы тактики больше всего способствуют политическому самоопределению, — то уж одно чувство партийного самосохранения диктует кадетам тактику воздержания от тактики. Г. Милюков умеет оформить это воздержание, как никто другой. Если такое умение делает вождем, то г. Милюков — несомненно политический вождь.

Место вождей такого типа, как г. Милюков, преимущественно за кулисами политики: путем тонкой внутрипартийной дипломатии, личных комбинаций и шахматных ходов они оформляют воздержание от действий. Их задача не в том, чтобы использовать революционную ситуацию, а в том, чтобы обезопасить свою партию от революционной ситуации. Им кажется, что из всех противоречий можно найти выход, стоит только соответственным образом формулировать вопрос. Искусство охранения единства партии сводится для них к искусству составления резолюций, устраняющих разногласия; политический вопрос для них решается посредством словесного оборота. Хотя они любят противопоставлять свою «практическую» политику революционному доктринерству социал-демократии, но на самом деле вербализм, «словесность», составляет сущность их политического мышления. Если возник конфликт по вопросу: Государственная Дума или Учредительное Собрание, можно решить так: Государственная Дума с учредительными функциями. По вопросу об одной или двух палатах можно дать всем членам партии свободу испове-

дания. Г. Милюков, вероятно, неистощим в такого рода комбинациях, — и именно это делает его вождем.

Но политика была бы презренным искусством, если б она могла быть сведена к искусству слов. К счастью, этого нет. Против такой политики составляют заговор самые страшные враги: факты. Революционные события гораздо нетерпимее революционных партий. Они в день, в час разрушают кружевную работу, на которую ушли месяцы. Они сшибают лбами живые тела, имена которых искусно объединены в программных резолюциях. Они ставят знак смерти на вчерашних политических вождях.

В партии г. Милюкова есть элементы, которые идут к революции, и есть элементы, которые уходят от нее, — не столько собственно в партии, сколько под партией. Г. Милюков главенствует дотоле, доколе задача «вождя» сводится к тому, чтобы скрывать от двух частей партии противоположные направления их развития. Но теперь, после краха тактики, рассчитанной на мирное обновление через Думу, революция должна напрячь это противоречие до полного разрыва. Ждать этого придется уже недолго.

* * *

Выдающийся историк русской культуры в своем очерке развития раскола следующим образом характеризует одну из его ветвей:

«Это направление (поповщина) разделило обычную судьбу всех средних направлений. Развиваться такое направление могло бы лишь в сторону одной из примиренных в нем крайностей. Будучи компромиссом между православием и беспоповщиной, поповщина могла приблизиться либо к государственной церкви, либо к более последовательной партии раскола. Но сближению с господствующей церковью препятствовало... прежде всего отношение к расколу духовной и светской власти. Примирение при данных условиях не могло состояться на условиях, которые бы удовлетворили обе стороны, и не могло быть поэтому искренним... Что касается сближения с беспоповщиной, этот исход был доступен только для более решительных. Таким образом, постоянно колеблясь между двумя крайностями и не решаясь остановиться ни на одной из них, поповщина была обречена вращаться в одном и том же заколдованном круге старых идей. Сколько-нибудь серьезные признаки внутреннего развития в ней не могли привести ни к какой значительной перемене, потому

что результаты такого развития тотчас же выходили, в ту или другую сторону, из рамок этого промежуточного направления».

Эта характеристика поповщины, охватывающая, по указанию самого автора, все средние направления, не представляет собою ничего оригинального. И если мы находим интересным привести ее, так это только потому, что автором ее является не кто иной, как г. Милюков. Мы не знаем, какие выводы делает из нее г. Милюков для своей собственной политической позиции. Но вся она целиком — и вряд ли у г. Милюкова хватит решимости опровергать это — покрывается его собственной беспощадной характеристикой «всех промежуточных направлений».

Будучи компромиссом между монархией и демократией, привилегированными классами и народом, партия г. Милюкова могла бы приблизиться либо к государственной власти, либо к более последовательной партии революции. Но сближению с государственной властью препятствует прежде всего отношение к оппозиции самой государственной власти. Что касается сближения с революцией, этот исход доступен только для более решительных. Таким образом, постоянно вращаясь между двумя крайностями — между насилием справа и «анархией» слева — и не решаясь примкнуть ни к одной из них, монархический либерализм обречен вращаться в кругу изжитых политических идей. Внутреннее развитие невозможно для этой партии, — ибо результаты такого развития немедленно выходят, в ту или другую сторону, за пределы промежуточной позиции. А где невозможно внутреннее развитие, там неизбежно внутреннее разложение. Г. Милюков в недалеком будущем будет иметь удовольствие убедиться в правильности своего культурно-исторического обобщения на судьбе собственной партии. Что станется при этом с ним самим, с его искусством вождя, с его архивом резолюций, означающих все и ничего, мы не осмеливаемся предрекать.

Август 1906 г.

3. ЗА СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН [178])

КРЕСТЬЯНЕ, К ВАМ НАШЕ СЛОВО!

Страшное время переживает теперь наша родина. Над всей страной висит черная туча народного горя. Все беды и несчастья, как бы по уговору, собрались над головой русского народа. Стонет, задыхается народ... А туча над ним собирается все гуще и гуще... Где выход? Где путь к вольной счастливой жизни?

Черные дни переживает теперь русское крестьянство. Светлых дней оно, правда, никогда не видало. Всегда оно жило в рабстве, в кабале, в угнетении. Всегда перед ним стоял призрак голодной смерти, всегда над крестьянством висел кнут неволи. Испокон веков согнута дугой спина крестьянская, глаза не видят солнца ясного, тело крестьянское покрыто кровавыми струпьями... Страдал ли еще кто-нибудь на земле так, как русское крестьянство? Горе и ужас, ужас и горе!.. Но и крестьянство давно уже не знало такой годины, как нынешняя. Оглянитесь на себя, крестьяне! Посмотрите на свои избы, на свои семьи! Разве вы живете жизнью, достойной свободных людей? Нет, вы рождаетесь, живете и умираете, как рабы, как невольники!

Да, вы и впрямь рабы и невольники! Или, может быть, вы скажете, что вы — свободные люди? Говорят, что 19 февраля 1861 года правительство освободило крестьян от крепостной зависимости и сделало их свободными земледельцами. Ложь это! Крестьяне, как были крепостными, так ими и остались!

Слушайте, крестьяне!

У одного мелкого помещика было 10 крепостных, у другого — 15, у третьего — 20. Явился богатый и властный помещик и сказал мелкопоместным: я покупаю у вас в полную собственность всех ваших крестьян. Вам выплачу их полную стоимость,

Крестьяне будут служить мне и приносить доход, а вы будете надзирать за ними, строго, неуклонно, как надзирали за своими собственными. За это вы будете получать от меня богатое содержание.

Можно ли сказать, что богатый помещик освободил крестьян? Только глупец или лжец так скажет. Но правительство наше поступило именно так, как этот богатый помещик. Оно не освободило крестьян, а купило их у дворян в свою полную собственность. Оно заплатило за них из государственной казны выкупные платежи. Правительство и помещик делали вид, будто выкупные платежи выдаются только за землю, которая отошла крестьянам. Но на самом деле платежи были рассчитаны так, чтобы в них входил и выкуп за крестьянские души.

Теперь, когда прошлого не воротишь, чиновничья братия откровенно признается в этом. Недавно Витте, бывший министр финансов, а ныне председатель комитета министров, напечатал свою книжку о положении крестьян [174]), в которой открыто признает, что правительство не освободило крестьян, а выкупило у помещиков.

Но на чей счет выкупило?

Разумеется, на счет самих крестьян. Их оно прикрепило к себе, связало тройным узлом, взвалило на них выкупные и оброчные платежи, натуральные повинности, всевозможные налоги и поборы.

А помещичью палку заменило чиновничьей. И с тех пор живут «освобожденные» крестьяне на каторжных работах. Правительство — начальник каторжной тюрьмы, дворяне - чиновники — это тюремные надзиратели и часовые, а крестьяне всей России — это бессрочные каторжане...

Так самодержавное правительство освободило крестьян 19 февраля 1861 г. Сорок четыре года, один чернее другого, прошло с тех пор. Страшно оглянуться на это время... Много счастливых дней знал ты, свободный крестьянин? счастливых часов? счастливых минут? Голод и тьма, позор и поношение — вот что окружало тебя. Земли мало — да и той засеять нечем. Что взойдет — все съедят подати и налоги. Земля истощена. Неурожай следует за неурожаем. Голодает крестьянин, голодает жена, чахнут с голоду малые дети. Покидают крестьяне свои избы, бродят по Руси, ищут работы. Исхудалые, оборванные, без пристанища... Горе и ужас, ужас и горе!..

14*

...И настал проклятый 1904 год, и открылась война с Японией. Крестьяне! Сделали вы какое-либо зло японцам? Или японцы, может быть, вам причинили какую обиду? Нет, до начала войны вы не слыхали, может быть, самого имени японцев. И вот кто-то наверху, далеко, далеко от вас, решил, что нужна война. Зачем? Сумеет ли кто-нибудь из вас, крестьяне, ответить на этот вопрос? Зачем? Вы не знаете. Вас не спрашивали. И тем не менее на вас наложили все тяготы войны. Самодержавное правительство — зачинщик и виновник войны. Ваша же задача, крестьяне, простая: платить и умирать. Сотни тысяч запасных отрываются от хозяйства, от семей, от стариков-родителей, от беззащитных детей. Вот уже год тянется бессмысленная кровавая бойня — и не видать ей конца. Война съела за этот год, по крайней мере, полтора миллиарда рублей. Полтора миллиарда! Миллиард — это тысяча миллионов. Миллион — это тысяча тысяч. Полтора миллиарда! А народ — в нищете и в темноте. Полтора миллиарда — это твой трудовой пот и твоя кровь, крестьянин.

Война поглотила за этот год около двухсот тысяч жизней. Двести тысяч молодых жизней, поильцев и кормильцев, погибло ни за что. Страшно вымолвить: двести тысяч! Это твоя родная плоть и твоя кровь, крестьянин!

Крестьяне! Доколе терпеть? Не пора ли сказать: довольно! Не хотим больше жизни рабов, хотим жить, как свободные и счастливые люди! Не вы первые начнете борьбу за лучшую долю — смотрите: городские рабочие давно уже ведут смелую борьбу с народными врагами. Всюду и везде, где есть фабрики и заводы, там под стук и грохот машин бьется честное рабочее сердце и горит желанием свободы и счастья для всего угнетенного народа. Все шире и шире становится рабочая рать. Смелее и смелее становятся воители великого народного дела.

Слышали ли вы, крестьяне, что было в Петербурге 9 января настоящего 1905 г.? Это был великий день, крестьяне! Рабочие всего Петербурга, всех фабрик, заводов и мастерских открыто высказали все нужды и требования русского народа. Не должно быть ни крестьянского, ни дворянского сословия: все должны быть равны в своих правах. Великороссы и малороссы, поляки и евреи, — все должны быть равны в своих правах.

Православные и раскольники, католики и штундисты, — все имеют право исповедывать свою веру и все должны быть равны в своих правах.

Так заявили петербургские рабочие. Но это не все. Всему народу необходимо бесплатное образование. Налоги должны быть перенесены на богатых: платить тем больше, чем выше доходы. Фабричным, заводским и ремесленным рабочим необходим восьмичасовой рабочий день. Крестьянам необходима земля. Нужно уничтожить гнет и произвол чиновников. Нужно прекратить войну, которая терзает русский народ. Так заявили петербургские рабочие. Правду они заявили или нет? Найдется ли хоть один крестьянин, который скажет: нет, неправду сказали рабочие! Нет среди вас такого человека, крестьяне, а если найдется, то выбросьте его из своей среды, ибо он изменил народному делу.

Петербургские рабочие перечислили все требования народа, ничего не забыли, а затем прибавили: кто же излечит наши раны? кто удовлетворит наши нужды? Министры, губернаторы, исправники, земские начальники, т.-е. чиновники? Нет, не верим мы им. Они—враги народа. Они давят народ. Они грабят его. Они проливают его кровь. Поручить им разрешение народных нужд — все равно, что поручить стае волков заботу об овцах: одни кости останутся от овец после волчьих забот.

Вам ли не знать этого, крестьяне? Сам народ должен прийти к себе на помощь, заявили петербургские рабочие. Весь народ — дворянин и крестьянин, купец и рабочий, русский и еврей, мужчина и женщина должны послать своих представителей, своих доверенных людей в Учредительное Собрание. Помните, крестьяне, эти два слова: Учредительное Собрание. Вот это-то Всенародное Учредительное Собрание и учредит в России новые порядки, создаст справедливые законы и удовлетворит народные нужды. Не чиновники, а излюбленные народом люди! Так порешили петербургские рабочие.

И мы опять спрашиваем, пусть встанет кто-нибудь из крестьян и заявит: нет, худо решили петербургские рабочие, не нужно нам новых порядков, не нужно Народного Учредительного Собрания, хотим и впредь, как и до настоящего дня, оставаться под властью дворян-чиновников. Кто так заявит, тому имя Каин!

Все свои требования петербургские рабочие записывали в петиции, т.-е. в одном общем заявлении. И порешили: итти в воскресенье 9 января, в два часа дня, всем рабочим к царскому дворцу, вызвать царя к себе и сказать ему: Царь! Смотри, вот народ твой. Он угнетен, он голоден. Он бесправен. Он страдает.

Его тело, его душа покрыты ранами. Он не может так дальше жить. Он задыхается. Народ хочет свободы и счастья. Царь, не отворачивайся от народа! Приди ему на помощь! Повели созвать Учредительное Собрание из доверенных людей народа! Иначе погибнет твой народ!

Так взывали и писали петербургские рабочие. Двести тысяч человек направились утром 9 января со всех концов Петербурга к Зимнему Дворцу. С рабочими шел честный молодой священник Георгий Гапон. Он стоял за рабочих. Среди множества жадных петербургских попов нашелся один лишь бескорыстный друг народа. Он взял с собой царский портрет, иконы и хоругви. Гапон хотел этим показать, что рабочие мирно и спокойно идут ко дворцу. Как же поступил царь? Как ответил он петербургским рабочим? Слушайте, слушайте, крестьяне, как разговаривал царь со своим народом!

Внимайте, граждане, дабы раз навсегда была вам известна любвеобильная речь царей!

Все петербургские войска были подняты на ноги. Пехота и кавалерия были приведены в движение. Ружья были заряжены боевыми патронами, а в укромных местах были поставлены дальнобойные пушки. Для чего это?—спросите вы. Разве ожидалось 9 января нападение японцев на царскую столицу? Нет, крестьяне, это русский царь снаряжался разговаривать со своими подданными. Это великодушный государь готовил своему народу поистине царскую встречу.

Двести тысяч рабочих тянулись ко дворцу.

Они нарядились в свои воскресные платья,—и седовласые старцы, и юноши; жены шли рядом со своими мужьями, отцы и матери вели за руки малых детей. Это народ шел к своему царю.

Слушайте, слушайте, крестьяне! Каждое слово должно врезаться в ваши души неизгладимыми чертами.

Все улицы и заставы, по которым должны были проходить мирные рабочие, оказались заняты войсками.

Пустите нас к царю!—просили рабочие. Старики становились на колени. Просили женщины и просили дети!

Пустите нас к царю! Хотим видеть царя. Хотим изложить ему наши кровные нужды!

И тут свершилось!

Грянул пушечный залп...и один, и другой, и третий[175]...Всюду, во всех концах Петербурга, беспрерывно раздавались выстрелы...

Стоном стонала столица. Кровью рабочих окрасился снег. Падали десятки, сотни, тысячи. На смену злодейке-пуле приходила казацкая пика. Трупы мужчин и женщин покрыли улицы. Дети, маленькие дети, обозначили своими маленькими тельцами поле битвы...

Несколько тысяч рабочих было убито и ранено... За что? За то, что несли царю крик своей души.

Так было в Петербурге 9 января 1905 г.

В ужасе застыла толпа... Вот как встречает нас царь! Вот как отвечает он на стоны нашего народного горя! Мы шли к нему с доверием, как дети к отцу, а он нашел для нас лишь свинец, да сталь! Проклятье Николаю Второму Кровавому!

У нас нет царя, заявил благородный священник Гапон. Между царем и народом протекла река народной крови! И Гапон проклял пастырским проклятием кровавого царя и все его августейшее змеиное отродье!

Крестьяне! Много есть среди вас людей, которые верят, что царь желает добра народу, что он не знает правды, ибо чиновники обманывают его. Царь желает добра народу... Но если так, то почему он не вышел к народу, почему он 8 января, как жалкий трус, бежал из Петербурга в Царское Село и передал всю власть в руки великого князя Владимира, обещавшего рабочей кровью залить столицу? А через несколько дней этот преступник-царь открыто заявил — и слова его напечатаны, — что он и впредь будет так же поступать с рабочими, если они захотят лучшей доли...

Крестьяне! 9 января царь показал всем и каждому, что он — заклятый враг народа. Царь и его чиновники едина суть. Царь при помощи чиновников, чиновники под покровительством царя — грабят, давят, топчут и терзают народ. В ком душа, а не камень, тот должен теперь подхватить клич петербургских рабочих: долой разбойничье царское правительство! да здравствует народное правительство! да здравствует Учредительное Собрание!

Крестьяне! Довольно нам молчать! Настала пора всем честным крестьянам поднять свой голос и присоединиться к городским рабочим, которые борются не только за свои, но и за ваши права! Есть у нас подлые, враждебные народу газеты, как «Московские Ведомости», «Гражданин», «Новое время», «Свет» и «Знамя». Газеты эти теперь изо дня в день повторяют, что только рабочие да студенты хотят новых порядков, крестьяне же всем довольны, и потому молчат. Крестьяне, вы должны заявить, что это ложь!

Вы должны словом и делом поддержать городских рабочих. Прежде всего рассказывайте всем и каждому, как царь поступил с петербургскими рабочими. Из села в село, из деревни в деревню распространяйте эту ужасную весть. Не должно остаться ни одного человека в стране, который не знал бы, чего хотели петербургские рабочие, и за что они своей кровью напоили снег! Теперь попы по церквам, по приказу начальства, лгут и клевещут на петербургских рабочих. Нужно словам лжи безбоязненно противопоставить слова правды. Слышите, крестьяне! Это обязанность каждого честного человека! Пусть каждый из вас поклянется памятью погибших петербургских братьев, что честно исполнит эту обязанность!

Крестьяне! Собирайте мирские сходы и присоединяйтесь к требованиям петербургских рабочих. Заявляйте открыто о необходимости созвать Учредительное Собрание, свободно выбранное всем народом. Постановления свои передавайте в города для напечатания в листках и в газетах. Пусть знают и друзья и враги, что крестьянство стоит за одно с городскими рабочими.

Крестьяне! заявляйте на сходах, что солдаты, дети народа, живущие на счет народа, не смеют стрелять в народ. Рассылайте такие заявления всем солдатам вашего села. Каждый солдат должен знать, что в родном селе его ждут общие проклятия, если он руки свои обагрит народной кровью.

Крестьяне! Постановляйте на сходах, что вы отказываетесь платить царскому правительству подати и налоги и нести натуральные повинности. Посылайте своих людей из села в село, сговаривайтесь целыми уездами и губерниями. Ни гроша царскому правительству! Народ отказывается содержать своих палачей! Давайте знать обо всех ваших действиях в соседние города вашим братьям-рабочим. Они поддержат вас и советом и делом. Сговаривайтесь с ними, действуйте сообща. Когда вы заявите отказ от уплаты податей, против вас пришлют из города войска. Тогда в городе поднимутся рабочие, встанут на вашу защиту, как один человек, и власти будут разрываться на части, не зная, где потушить пожар.

Крестьяне! Нужно, чтобы этот пожар загорелся единовременно по всей России, и тогда не потушит его никакая сила. Такой всенародный пожар называется революцией!

9 января петербургские рабочие, после кровавой царской встречи, начали революцию. Они вступили на улицах в борьбу

с царскими войсками, провозгласили смерть царскому правительству. Рабочие всей России пришли на помощь своим петербургским братьям. То в одном, то в другом городе рабочие бросают работу. Они требуют прекращения войны и созыва Учредительного Собрания, свободы и счастья для всего народа. Смело выступают рабочие, зверски отвечает им правительство. Широкой рекой льется рабочая кровь. В Варшаве, Лодзи, Риге и других местах тысячами полегли борцы за народное дело. Нет счета жертвам! Нет конца жестокостям царского правительства! Нет предела смелости и героизму борьбы!

Крестьяне! Слава павшим! Не за свое личное дело — за наше общее дело пали они! Подымайтесь, крестьяне! Присоединяйтесь к рабочим. Они надеются на вашу помощь и ждут вас! Рабочие готовятся в самом скором времени выйти одновременно во всей стране на последний решительный бой с вражьей силой царского правительства. Готовьтесь и вы к этому бою, крестьяне! Сговаривайтесь, соединяйтесь, вооружайтесь! Когда начнется в соседних городах решительная борьба, снимайтесь с места целыми селами и деревнями и направляйтесь в города. Заполняйте городские улицы, поддерживайте ваших братьев — городских рабочих!

Крестьяне! Когда вы присоединитесь к городским рабочим, ничто не устоит против такой силы. Ваш союз означает победу революции. А победа революции означает свободу и лучшую долю для всего народа.

Центральный Комитет РСДРП [176]).

(Дело Киевск. Губ. Жанд. Управл.
№ 146 за 1905 г.)

НОВЫЕ ЦАРСКИЕ МИЛОСТИ

Переполнилась чаша мужицкого долготерпения. В разных местах России поднимаются голодные крестьяне и требуют земли и хлеба. В центральных губерниях и на Кавказе, в Польше и Литве начинают крестьяне пробуждаться от тяжелого сна. Дальше так жить, как жили, они уже не могут. Пусть вспомнят старики, бывало ли когда на Руси такое тяжелое время для крестьян? Каждый день несет новые беды. К холоду да голоду крестьянскому прибавилась война. К войне прибавилась холера. Война берет людей и возвращает калек. Гибнет мужик, а кому

до этого дело? Не царскому ли чиновнику? Из года в год заседают в Петербурге чиновники, обсуждают положение крестьян. Чиновники получают чины, ордена, тысячные оклады из тех денег, которые собираются царским правительством с крестьян. Легче ли вам от этого, крестьяне российские? Недавно, 30 марта этого года, царь, напуганный крестьянскими волнениями, назначил новое совещание чиновников для обсуждения крестьянских нужд [177]). Царские губернаторы пишут теперь во многих губерниях воззвания: ждите, крестьяне, мирно и спокойно милостей царских. Поп взывал к вам с амвона: молитесь, крестьяне, повинуйтесь властям предержащим и ждите терпеливо, что дадут вам царевы чиновники. Подлые газеты, получающие от чиновников подачки, как «Свет» [178]), «Гражданин», «Дружеские речи» [179]) и другие, превозносят новые царские милости крестьянам. Посмотрим, крестьяне, что это за милости.

Под руководством бывшего министра Витте заседало целых три года и два месяца особое совещание о крестьянских нуждах. Когда оно открывалось, те же продажные души кричали: «Великие льготы готовит царь крестьянскому сословию!». Теперь это совещание царево закрыто. Подсчитайте-ка, крестьяне, те выгоды и льготы, которые вы получили за эти три года и два месяца. Много ли насчитаете? Теперь назначено новое совещание под управлением бывшего министра Горемыкина [180]), богатого помещика, еще более заклятого врага крестьян, чем Витте. Горемыкину царь отдал приказ, из которого всякий, у которого голова не затуманена поповскими речами, может уже теперь ясно видеть, чего ему ждать от новой чиновничьей комиссии, от новой вороньей стаи, слетающейся по царскому приказу клевать мужичье тело. Вот что пишет царь на имя Горемыкина: «В некоторых внутренних губерниях России хозяйственное положение крестьянского сословия в значительной степени поколеблено». Крестьянство голодает, нищенствует, вымирает, а царь пишет: «положение крестьянства в значительной степени поколебалось». Это все равно, как если бы кто увидел дом, со всех сторон объятый пламенем, и сказал: этому дому в значительной степени угрожает опасность. Да и не везде, по мнению царя, «поколеблено» крестьянское хозяйство, а только «в некоторых внутренних губерниях». А в Малороссии? На Кавказе? В Прибалтийском крае? В Польше? На Урале? Там хозяйственное положение крестьян, по мнению царя, прочно и незыблемо; благополучие

крестьян поколебалось только «в некоторых внутренних губерниях». Вы, крестьяне киевские, полтавские, черниговские, херсонские, донские, гурийские, мингрельские, польские, литовские, латышские и иные, из царского указа вы должны узнать, что вы неизменно благоденствуете, что над вашей участью царским чиновникам незачем утруждать свои головы.

Как же царь думает помочь крестьянам «некоторых внутренних губерний»? Крестьяне задыхаются от безземелья, а в руках царя и его семьи, в руках казны, в руках монастырей, в руках помещиков находятся безбрежные моря земли; надо бы думать, что царь прикажет нарезать крестьянам новые участки. Послушаем, однако, слова царского рескрипта (т.-е. указа). Царь пишет: «Я нахожу полезным, чтобы особое внимание обращено было на непосредственное упрочение земельного строя крестьян при непременном условии охранения частного землевладения от всяких на него посягательств». Подумайте над этими словами, крестьяне. Царь говорит, что нужно упрочить ваш земельный строй. Какими путями? Прежде всего, скажете вы, нужно возвратить крестьянам ту землю, которую помещики награбили у крестьян, особенно в тех внутренних губерниях, где даже по царскому мнению хозяйство крестьян поколеблено. Но нет! Царь не допускает и мысли о сокращении дворянского землевладения. Еще не указав ни одной меры упрочения вашего земельного строя, царь самым решительным образом заявляет, что не позволит посягнуть на помещичьи владения. У помещиков в руках необходимая крестьянам до зарезу земля. Крестьяне требуют этой земли, ибо иначе им — смерть. Милостивый царь подумал и решил: нужно улучшить поколебленное положение крестьян, но так, чтобы ни один волос не упал с головы дворянина, чтобы ни одна травка помещичьего поля не перешла в собственность мужика. Царь, видите ли, хочет, чтобы овцы были целы и волки сыты. Много было на земле людей помудрее Николая II, да никому еще не удалось решить эту хитрую задачу. Что же предлагает вам царь, кроме охранения помещичьих земель? Царь предписывает Горемыкину, чтобы были выработаны меры, которые облегчили бы крестьянам переселение на предназначенную для сего землю. Это одна милость. Если бы царь сказал: отвести нуждающимся в земле крестьянам для переселений казенные, монастырские, кабинетские и царские земли, это можно было бы понять. Но царь говорит только о тех землях, которые

уже и раньше были предназначены для переселений. Какая же тут льгота? Да кто же не знает, что мужику для переселения отводятся большей частью те участки, которых за негодностью не берет себе ни царь, ни чиновник, ни дворянин. Ведь земли для переселений отводятся теми же хищными чиновниками. Редко кому удается устроиться на новом месте. Да и для этого, чтобы подняться, нужны немалые деньги. Есть ли они у вас, крестьяне? Покидай же, нищий мужик, родное пепелище! Переселяйся на песчаник или болото! А потом ходи с посохом по большим дорогам, стучись под чужими окнами да благословляй великую царскую милость.

Дальше царь предписывает принять меры, чтобы облегчить крестьянам покупку земли «при содействии крестьянского банка». Это вторая милость, которая не лучше первой. Крестьянский банк уже достаточно ясно показал, что, несмотря на свое название, он верой и правдой служит не крестьянам, а дворянам. Крестьянский банк покупает помещичьи земли по такой цене, какой никогда не дал бы частный покупатель. В чьих руках крестьянский банк? В руках дворян-чиновников. Они и пользуются казенными, т.-е. собранными с народа деньгами, для того, чтобы у самих себя покупать земли за сумму, какую они назначат. Бывший министр русского двора, а ныне наместник Кавказа, Воронцов-Дашков [181]), бывший министр Дурново [182]) и многие другие чиновники сбыли крестьянскому банку свои имения по ростовщическим ценам, которые, разумеется, совсем недоступны разоренным крестьянам. Богатый крестьянин еще может купить землю при поддержке крестьянского банка, — обезземеленному бедняку, у которого нет своих денег, нет и не будет никакого доступа к щедротам крестьянского банка.

И еще одну милость царь несет крестьянству. В приказе на имя Горемыкина сказано: «Следует приложить заботы к завершению ограничения крестьянских наделов от земель прочих владельцев, дабы тем самым вящим образом утвердить в народном сознании убеждение в неприкосновенности всякой частной собственности». Царь сам заботится о том, чтобы отнять у вас, крестьяне, всякую надежду на его, царскую, помощь. Помещики оттягали у вас всякими нечистыми средствами ту землю, которую отцы и деды ваши своим трудовым потом напоили. Вы судились с помещиками в течение долгих лет, вы посылали в столицу ходоков, вы пытались выкурить хищных дворян красным

петухом — теперь царь ясно говорит вам: «Не надейтесь, крестьяне! То, что помещики однажды вырвали у вас при помощи моих дедов-предков, теперь представляет их собственность, а частная собственность помещиков да будет для вас неприкосновенна. Не надейтесь на мою помощь, — говорит вам царь,— ибо я в моем государстве только первый дворянин: помещичья корысть — моя корысть, и помещичий убыток — мой убыток!» Во многих деревнях бродят слухи, будто царь решил после окончания войны передать крестьянам все помещичьи земли. Не надейтесь на это, говорит вам царь, помещичья земля неприкосновенна. Земля будет отведена только тем вашим сыновьям и братьям, которых я угнал на войну; в далекой Манчжурии им нарезают теперь солдатскими лопатами ровно столько земли, сколько нужно для братской могилы.

Крестьяне! Царский рескрипт на имя Горемыкина должен раскрыть глаза тем, у кого они были закрыты. Вы должны ясно понять: вам не на кого надеяться. Если не хотите погибнуть, ищите спасения собственными силами. Или, может быть, среди вас все еще есть такие, которые ждут милостей от царя? Пусть отзовется среди вас тот, кто думает, что царь — защитник народный, пусть ясно скажет вам: где, когда и в чем сказалась царская защита? Пусть ответит: если всесильный царь — защита ваша, откуда же ваша нищета, ваше безземелье, ваше рабство, ваши слезы, ваши стоны? Пусть скажет, о чем думали цари русские, когда крепостные крестьяне стонали сотни лет под дворянским ярмом. Где был царь Александр II, когда дворяне отрезали от крестьянских земель в свою пользу лучшие участки? Что сделали для крестьян последние цари: Александр III [183]) и Николай II? Помните, русские крестьяне, каждый царь русский с гордостью повторяет: я в моей стране первый дворянин и помещик. В сердце царском бьется помещичья кровь — его заботливое око направлено только на дворянское сословие. Цари русские обратили крестьян в крепостное сословие и дарили их, как собак, своим верным слугам-чиновникам. С царского согласия ограбили помещики крестьянские земли при отмене крепостного права. Царь Александр III закабалил вас дворянам — земскими начальниками [184]). А нынешний царь Николай II? Что сделал он для вашего блага? Припомните, крестьяне, хорошо припомните, ничего не упустите: много ли добра принес вам Николай II? Утер ли он хоть одну мужицкую слезу? Во многих гу-

берниях и уездах изголодавшиеся крестьяне захватывают теперь помещичьи земли и помещичий хлеб. Но царское правительство не дремлет. Оно заступается за помещиков и отправляет против мирных крестьян свои войска. Захваченное крестьянами имущество возвращается обратно помещикам, а крестьяне заточаются в тюрьмы царские. Так было всегда, так будет и впредь. Знайте, крестьяне, доколе Россией правит царь, окруженный сворой дворян-чиновников, вам нет спасения. Царская армия, состоящая из ваших сыновей и братьев, посылается царем против вас же для защиты грабящих вас помещиков. Так было всегда, так будет и впредь. 10 апреля [185]), т.-е. через несколько дней после провозглашения в рескрипте великих «милостей» крестьянскому сословию, царь издал указ правительствующему сенату относительно крестьянских беспорядков. Гневно пылает царское сердце при виде помещичьих убытков. «Злонамеренное нарушение имущественных прав преступными скопищами крестьян не может быть терпимо. Виновные будут неуклонно подвергаемы суровой каре и привлекаемы к имущественной ответственности». Так гремит негодующий царь. Кто эти виновные? Это твои рабы, преступный царь, которых ты, твои министры и твои дворяне довели до гибели. Твоим рабам нечего терять, и вот в припадке отчаяния они подвергают разгрому своих вековых угнетателей. Но тирану-царю нет дела до народных бед и народного отчаяния. Он повелевает в своем последнем указе учредить по уездам новые комиссии из дворян и чиновников для исчисления тех убытков, которые причинены помещикам восставшими крестьянами. «По этим убыткам, — говорит царский указ, — взыскание должно быть наложено на все без изъятия движимое и недвижимое имущество всех членов сельских обществ, участвовавших в скопищах крестьян, коими произведены разгромы и грабежи». Таким образом, дворяне будут сами по собственному усмотрению определять свои убытки и уж, конечно, они себя в обиду не дадут; как было в Харьковской и Полтавской губерниях в 1902 г., так и теперь помещики будут взыскивать вдвое и втрое против действительных потерь, а платить должны по царскому решению все члены сельских обществ; и те крестьяне, которые участвовали в разборке амбаров, и те, которые мирно сидели в это время дома. Взыскание будет наложено на все имущество без изъятия; последний ломоть хлеба будет вырван у несчастных крестьянских ребят, лишь бы помещику не было обиды. Так решил наш

мудрый, милостивый и благочестивый государь, сидя у себя во дворце, в Царском селе 10 апреля 1905 г.

Теперь вы видите, крестьяне, что один лишь захват земли и имущества у соседнего помещика не может помочь вам. За спиной помещиков царь со своими чиновниками и со своими войсками. Вы не получите никакого облегчения ни от земельной кабалы, ни от податной петли, доколе власть находится в руках самодержавного царя. Народ должен сам взять в свои руки свою судьбу. Народ должен сам стать хозяином в своем государстве. Крестьяне! Между вами и хлебом насущным стоит царское правительство. Вам нужно сбросить прежде всего этого врага, если хотите вздохнуть свободнее, если хотите, чтобы детям вашим жилось легче. Крестьяне! Собирайтесь на сходы и единогласно заявляйте: не верим царскому правительству и не ждем ничего от его забот. Не верим новому совещанию Горемыкина. Чиновники нам враги, а не друзья, только сам народ может себе помочь. Для этого весь народ должен послать своих излюбленных доверенных людей в столицу; там они обсудят народные нужды и издадут необходимые народу законы. Сознательные крестьяне! Разъясняйте вашим темным братьям, что спасение крестьянства и спасение всей России—в созыве Учредительного Собрания, состоящего из свободно выбранных представителей от всего народа. Во многих местах крестьяне уже начинают понимать, что без Учредительного Собрания нельзя ни от податей освободиться, ни выбиться из земельной кабалы. В Саратовской губернии Ивановское сельское общество сделало недавно на своем сходе такое постановление: «Мы поняли, что один путь остается для нашего спасения от нищеты и тьмы — это созыв народных представителей. Вся наша надежда только на них, истинных наших заступников, а потому мы требуем: немедленного созыва народных представителей для участия в переустройстве нашего государственного порядка; а чтобы представители были действительными и истинными выразителями наших нужд, требуем, чтобы нам не мешали выбирать того, кого мы захотим, а для этого нужно дать право всем писать и говорить свободно. По той же причине требуем везде отмены усиленной охраны — нагайки казаков и штыки солдат не успокоят нас». Так пишут 156 саратовских крестьян, требуя замены царского правительства — правительством народным. Это требование давно уже выставлено *городскими рабочими, которые борются с царским самодержавием за свою и*

за вашу волю. Слышали вы, сколько было убито царскими солдатами рабочих в Петербурге 9 января? Это за то, что они требовали свободы для всего народа и земли для крестьян. *Крестьяне! поддержите городских рабочих, соединяйтесь с ними для борьбы с народным бесправием*. В каждом городе существуют комитеты социал-демократической партии. Это рабочая партия. Она борется за счастье всего рабочего народа, она издает свободные листки и газеты о народных нуждах и руководит борьбой рабочих за лучшую долю. Завязывайте сношения с социал-демократическими комитетами. Они снабдят вас листками и книжками и дадут указания, *как устраивать во всех деревнях и селах социал-демократические крестьянские кружки*. Крестьяне! Собирайте сходы и требуйте прекращения войны. Если земские начальники или урядники захотят помешать вам составлять такие приговоры, — не повинуйтесь им. Безбоязненно боритесь за народное дело! При новой мобилизации не отпускайте запасных. Война народу не нужна. Довольно смертей и убийств. Крестьяне! Собирайте сходы и сообща отказывайтесь платить подати и налоги. Довольно из вас царское правительство высосало кровавого пота. Пусть налоги платят богатые, бедным платить нечего. Крестьяне, собирайте сходы и протестуйте против зверских насилий, учиняемых солдатами над рабочими и над крестьянами. Заявляйте открыто: солдат — сын народа и не смеет стрелять в народ. Посылайте такие постановления всем солдатам вашего села. *Поднимайтесь, крестьяне! Пора! Городские рабочие зовут вас к бою!* Царское правительство держит наготове свои войска, чтобы раздавить пробужденный народ. Но *когда поднимется всероссийское крестьянство и присоединится к городским рабочим, тогда не справиться царским войскам с народной революцией*. Царское правительство падет, наша родина станет свободна, и рабочий народ сможет открыто и свободно бороться за счастливую долю.

Поднимайтесь, крестьяне!
Долой царских чиновников!
Долой царское самодержавие!
Да здравствует восстание крестьян и рабочих!
Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Центральный Комитет РСДРП

(Дело Киевск. Губ. Жанд. Управл. № 193 за 1905 г.)

ЧЕМУ УЧАТ СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

За последнее время на заводских митингах стали появляться ораторы, призывающие рабочих отделиться от социал-демократической рабочей партии и переходить в ряды партии социалистов-революционеров (с.-р.) [186].

Во всем мире рабочий класс борется под знаменем социал-демократии. В Петербурге, как и во всей России, рабочее движение росло, крепло и одерживало победы под руководством социал-демократической партии. Теперь социалисты-революционеры (с.-р.) изо всех сил стараются внести раскол в пролетарские ряды. Они должны были бы сто раз подумать, прежде чем решиться в такое боевое время вносить смятение и путаницу в рабочие полки. Только в одном случае с.-р. имели бы право призвать рабочих уходить из наших социал-демократических рядов: если бы оказалось, что мы делаем какую-нибудь крупную ошибку, что мы вводим рабочих в заблуждение.

В чем же обвиняют с.-р. нашу партию? Они говорят, что главная наша ошибка — в аграрном (земельном) вопросе. Обсудим же хорошенько, чему учат сами с.р.,— и посмотрим, кто прав.

С.-р. говорят: вся беда от того, что земля составляет частную собственность. Землею владеют дворяне, купцы, двор, чиновники, монастыри, церкви, а трудящееся крестьянство задыхается от малоземелья. От недостатка земли крестьянство нищает. В деревне создается безземельный голодный пролетариат. Он ищет заработка в городах и сбивает плату. От недостатка земли страдают, таким образом, и городские рабочие.

Единственное спасение, говорят с.-р., состоит в том, чтобы уничтожить частную собственность на землю. Нужно конфисковать дворянские, купеческие, удельные и монастырские земли и передать их в руки государства. Пользоваться государственной землей должен только тот, кто обрабатывает ее собственными руками. Нужно установить поземельное равнение. При таком порядке все крестьяне будут жить в достатке. Нет безземельных — нет и нищих. Города не будут переполняться безработными, и заработная плата в городах поднимется. Таким образом, единственное спасение — немедленно передать все земли народу. Так учат с.-р. в своих книжках, в прокламациях и в речах на митингах.

Как же смотрят на это дело рабочие-социал-демократы? Это нужно хорошо обдумать; вопрос важный и огромный. Сознательный рабочий должен ясно знать, отчего происходит нищета в деревне и к какой борьбе нужно призывать крестьян. Город сознательнее и образованнее деревни, — и потому *пролетариат должен выступить вождем крестьянского движения.*

С.-р. говорят, что нужно немедленно передать землю крестьянам. Хорошо. Что же будет дальше?

Ведь крестьянин на крестьянина не похож. У одного, кроме надельной земли, еще и свой хутор, а другой и надел свой сдает в аренду. Есть богатый мужик, у которого породистый скот, сильные лошади, американский плуг. А рядом с ним — односельчанин, у которого «ни кола, ни двора, зипун — весь пожиток». Богатый мужик нанимает работников, а безлошадный мужик сам нанимается работником в помещичью экономию.

Теперь представьте себе, что вся земля перешла в руки народа. Крепкий хозяйственный мужик сумеет, конечно, справиться с нею; он распашет ее американским плугом, засеет рядовой сеялкой, жатву соберет сноповязалкой, вымолотит конной или паровой молотилкой, выждет хорошей цены на зерно и положит барыш в карман. Ну, а бедный, бесхозяйственный мужик? Ведь у него ухватиться нечем за землю. У него ни коровы, ни лошади... Что же он сделает с землею? Да то же, что теперь делает с надельной землею: сдаст ее кулаку в аренду за полцены, а сам пойдет в батраки. Дело привычное... Выйдет ли из этого какое нибудь «равнение»? Ровно никакого! Одни пустые слова!

Корень зла в том, говорят с.-р., что земля находится в частных руках. Так-то так, — отвечаем мы социалистам-революционерам. Да ведь в этом *не весь* корень зла.

Кроме земли, в частных руках находится еще капитал, средства производства, т.-е. хозяйственная справа, инструмент, магазины, сырой материал. Если бы даже всю землю объявить ничьей, «божьей», как говорят, и тогда все равно богатый мужик остался бы попрежнему при капитале, а бедный попрежнему оставался бы бедняком.

Не нужно ни себе, ни другим закрывать глаза на правду: земельное поравнение ровно ничего не даст безлошадному крестьянину и деревенскому пролетарию.

С.-р. могут сказать: нужно потребовать, чтоб Учредительное Собрание выдало каждому нуждающемуся крестьянину

средства на хозяйственное обзаведение. Хорошо. Допустим даже, что миллионы безлошадных крестьян обзаведутся хозяйством на государственный счет. Удержат ли они свое хозяйство в руках?

Всякий мыслящий и сознательный рабочий, т.-е. рабочий-социал-демократ, сразу ответит на этот вопрос.

Мы живем в капиталистическом обществе. Вокруг нас царит борьба всех против всех. Всюду — беспощадная конкуренция. Ремесленник соперничает при купле-продаже с ремесленником, купец с купцом, помещик с помещиком. У кого больше капиталу, тот побеждает. Как хищные акулы пожирают в воде мелких рыб, так крупные капиталисты пожирают мелких. Конкуренция делает богатых еще богаче, а мелких ремесленников, лавочников, крестьян-собственников превращает в пролетариев. Это так же неизбежно, как восход солнца с востока.

Поэтому, если б удалось распределить землю поровну между всеми желающими и снабдить неимущих хозяйством, немедленно же между землевладельцами началась бы конкуренция. Немногие пошли бы в гору, стали бы расширять хозяйство, пользоваться наемным трудом. А громадное большинство снова превратилось бы в сельских пролетариев. Таким образом, мы вернулись бы к тому же, с чего начали.

Какой же отсюда следует вывод? Во-первых, — что недостаточно получить землю; нужно еще иметь средства производства. Во-вторых, — что недостаточно получить хозяйство, нужно еще его удержать в своих руках.

С.-р., которые утверждают, будто земельный раздел уничтожит безработицу, только вводят этим рабочих в заблуждение. Безработица может быть уменьшена лишь посредством сокращения рабочего дня. А совершенно уничтожить язву безработицы может только социализм. При социалистическом строе не одна земля, но и все средства производства (фабрики, заводы, сырой материал) будут принадлежать всему обществу, и плоды общего труда будут распределяться между всеми членами общества. Не будет конкуренции, не будет ни капиталистов, ни пролетариев, не будет крестьянского вопроса, не будет безработицы.

Богатый крестьянин, кулак, разумеется, не станет слушать наших речей; но бедному крестьянину, деревенскому пролетарию и полу-пролетарию мы должны выяснять, что только социализм может спасти его от нищеты, голодовок и унижений. Только социализм — и ничто другое.

Но мыслимо ли ввести у нас в России социализм сейчас? Нет, наша деревня еще слишком темна и бессознательна. Еще слишком мало настоящих социалистов (т.-е. социал-демократов) среди крестьян. *Прежде всего нужно свалить самодержавие,* которое держит народные массы во тьме. Нужно освободить деревенскую бедноту от всяких податей, нужно ввести подоходно-прогрессивный налог, всеобщее обязательное обучение, нужно, анконец, объединить деревенский пролетариат и полу-пролетариат с городским пролетариатом в одну социал-демократическую армию. Только такая армия сможет совершить великий социалистический переворот.

Но сейчас голодное, нищее, затравленное помещиками и правительством крестьянство поднимается и захватывает помещичьи земли. Как смотрим на это мы, социал-демократы? Мы говорим: переход земли от дворян к крестьянам не спасет деревенской бедности и не уничтожит безработицы, как мечтают с.-р. Об этом не может быть и речи! И с переходом всей земли к народу останется капитализм, а значит будет происходить пролетаризация крестьян. Но все же *социал-демократия всеми силами поддержит конфискацию всех земель,* — и вот почему.

Ныне деревня страдает не только от капитализма, но и от страшных остатков крепостничества.

Многие дворяне вовсе не имеют собственного хозяйства на своих наследственных землях. Они сдают их в аренду на самых ростовщических условиях. А так как тот же дворянин является еще и земским начальником, то во многих местностях России полностью существует крепостное право. С конфискацией дворянских земель и уничтожением дворянского звания уж не будет барина и мужика. А ведь это громадный шаг вперед!

Во многих местах крестьяне стремятся теперь взять в свои руки помещичьи земли.

Можем ли мы, социал-демократы, быть против этого? Конечно, нет! Когда социалисты-революционеры говорят, будто нам нет дела до крестьянской нужды в земле, они говорят неправду. *Пролетариат будет всеми силами поддерживать немедленный переход помещичьей земли к крестьянам.* Рабочие-социал-демократы должны говорить крестьянам: «Выбирайте по селам и волостям крестьянские комитеты, и пусть эти комитеты сами займутся решением земельного вопроса на местах. Но этого мало. Нужно еще, чтобы будущее Учредительное Собрание

не стало на сторону помещиков и не отправило против вас войска. А потому во время выборов в Учредительное Собрание подавайте свои голоса за истинных друзей и защитников народа!»

Но рабочий-социал-демократ не забудет, что в деревне ему ближе всего не хозяйственный мужичок, а бездомный пролетарий и батрак, и потому городской рабочий открыто скажет всем обездоленным детям деревни: «Братья! Переход всей земли в крестьянские руки не спасет вас, неимущих, безлошадных, бесхозяйных крестьян. В хозяева выбьется из вас один на десяток или на сто, а остальные будут попрежнему продавать свою рабочую силу. Не верьте тем, которые говорят вам, будто «социализация» земли, или переход земли в руки крестьянства спасет вас от пролетарской участи. Не верьте! Социалисты-революционеры, без сомнения, желают вам всякого добра; но в своих указаниях они жестоко ошибаются и вводят вас в заблуждение. Вам будут предлагать еще много рецептов спасения от бедности и безработицы — не только социалисты-революционеры, но и консерваторы, и либералы, и всякие иные партии. *Но вы должны верить нам, вашим братьям, городским рабочим.* Мы говорим вам: спасение для вас, как и для нас, одно: это социализм. *Пролетарии деревни! Соединяйтесь с нами, городскими пролетариями, в единую социал-демократическую партию.* Когда в наших рядах будет большинство городских и деревенских рабочих, тогда мы возьмем в свои руки государственную власть. Мы провозгласим тогда земли, заводы, фабрики, словом, все средства производства, общей собственностью всего народа. Тогда исчезнет борьба, конкуренция и разделение между бедными и богатыми в городе и в деревне. Тогда наступит царство подлинного равенства и истинного братства!

Поднимайтесь же, обездоленные деревенские братья, примыкайте к славной армии городского пролетариата, — и вперед, на борьбу за полную свободу и за социализм!

Листок РСДРП 1905 г.
Изд. Е. М. Алексеевой. СПБ.

---

4. ЗА ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПИСЬМА [187])

I

На далеком Востоке закончилось общее сражение, — первое после падения Порт-Артура и, бесспорно, последнее в длинном ряду самодержавного военного позора.

Разгром армии Куропаткина окончательно решает судьбу всей войны, с которой самодержавие так тесно сплело свою собственную свободу.

Решительная минута гибели царизма все ближе и ближе. Царизм чувствует это, но он хочет жить. За его спиной века, и эти века выработали в нем могучую привычку руководить, властвовать, решать, терзать, давить, словом, жить. Весь его грандиозный многочленный ветвистый организм сверху донизу пропитан одним инстинктом жизни. Этот жадный инстинкт его покинет лишь вместе с самой жизнью, а жизни он дешево не отдаст. Он показал это — и как показал! — в Петербурге, в Варшаве, Лодзи, Риге, он показал это, послав — без всякой надежды на успех — новый военный флот к печилийским водам, и затеяв— после падения Порт-Артура — новое сражение, еще невиданных, вероятно, в истории размеров, на кровавой манчжурской реке Шахэ. Он доказывает это погромами в Баку и Феодосии [188]).

Царизм дезорганизован. Отдельные члены его действуют несогласованно, противоречат друг другу и борются друг с другом: обещают законность и устраивают погромы, заигрывают с идеей Земского Собора и усугубляют практику осадного положения, готовятся уничтожить цензуру и давят газеты, ласкают либералов и расстреливают рабочих, давят либералов, которые сочувствуют рабочим, и ласкают рабочих, чтоб отвоевать их у революционеров и либералов. Тут тысяча противоречий, но

все это лишь потому, что враг сам выступает в тысяче противоречивых видов — как земец, журналист, студент, террорист, рабочий — и не дает накинуть на себя одну общую петлю. Инстинкт самосохранения объединяет разрозненные акты правительственной политики и заставляет царизм, чуть вопрос ставится остро, неизменно пускать в дело последние решающие факторы: пулю и штык. Калейдоскопическая смена правящих персонажей ничего уже неспособна изменить в этой суровой игре, где ставкой является жизнь. Царизм потерял всякую возможность справиться с общенародным движением путем сделки, и ему остается лишь борьба, беспощадная, до конца, доколе не сломается окровавленный штык последнего верного солдата.

Несмотря на упорные усилия полицейского государства удержать общественные силы в равновесии покоя, капитализм сделал свое дело: он заставил порожденные им классы бороться путем революции за свое политическое самоопределение. Ныне царизм стоит пред революцией, как уже готовым фактом. Социальные силы в движении. Они сталкиваются, и их столкновения высекают пламя. Меры «мирной» полицейской нормировки теряют, поэтому, всеопределяющее значение в глазах самого абсолютизма. Его внимание переносится от полицейской и цензурной рутины к мерам широкого размаха, которые отвечали бы запросам и затруднениям, поставленным революционной эпохой. Наверху, вокруг правящего центра, различные комиссии и совещания готовят всевозможные облегчения, послабления и упорядочения,— а внизу тот же аппарат, гонимый инстинктом самосохранения, совершает ужасающие эксперименты с целью заставить служить себе силы и явления, созданные самой революцией. Царизм снова и снова пытается наиболее отсталые массы, пробужденные революцией к жизни, двинуть против революционно-сознательных слоев. Столкнуть в жестоком бою стихийные кадры революции с ее сознательным авангардом, создать общую панику, вызвать в обществе страх пред идущей снизу анархией, обескровить революцию и на ее трупах и обломках, цементированных кровью, восстановить полицейское равновесие — такова грозная задача, которую теперь на практике разрешает царизм все в более широких размерах. В Тамбове, Москве, Курске, Пскове, Казани полиция открыто организует готовые на все городские отбросы для избиения земцев, студентов и даже гимназистов. В Феодосии и Баку, где пришлось иметь дело не с земцами и гимназистами, а

с мятежными рабочими массами, азартная игра царизма привела к неудержимым вулканическим взрывам народной ярости. В Феодосии полиция на почве возбуждения, вызванного всеобщей стачкой, организует еврейский погром. В Баку она при тех же условиях завершает неслыханным избиением, давшим до 500 жертв, свою долгую работу натравливания наиболее темных элементов населения, персов, татар и турок, против сплошь оппозиционного и революционного армянского населения. И это, разумеется, не последние опыты. Путь, на который абсолютизм сдвинут открывшейся революцией, не знает ни остановки, ни возврата. Этот путь упирается в столкновение всех сил царизма со всеми силами революции. Не реформаторские комиссии Кобеко [189]) и Шидловского указуют политическую орбиту абсолютизма, а леденящие кровь события в Феодосии и Баку. Это должно стать ясно всякому, эту мысль нужно нести в народные массы. Ничто не может быть в настоящее время утопичнее и беспочвеннее, чем тактика, рассчитанная на соглашение и апеллирующая к так называемому «государственному смыслу» правительствующих сфер. Живущие этой тактикой политические группы будут безжалостно размолоты жерновами революции.

Жестокая борьба между народом и царем, не знающая других соображений, кроме соображений победы; всенародное восстание, как высший момент этой борьбы; Временное Правительство, как революционное увенчание победы народа над вековым врагом; разоружение царистской реакции и вооружение народа Временным Правительством; созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права — таковы объективно намечающиеся этапы революции.

Что может отклонить развитие от революционного пути?

Созыв Земского Собора на таких началах, какие мог бы принять абсолютизм, так же мало способен изменить отношения между царизмом и нацией, как и одно счастливое сражение. Дарование карикатуры парламентаризма, может быть, отбросило бы в лагерь правительственного «порядка» наиболее косную группу земской оппозиции, но вместе с тем наметило бы более решительно дальнейшие этапы революции. Царско-земский Собор не многим более способен ныне стать формой примирения и единения царя с народом, чем военная диктатура Трепова: народ сосредоточит свою революционную ненависть на Соборе и пойдет против коалиции царя и земских предателей. Созыв Земского Собора лишает-

ся, таким образом, для абсолютизма всякого серьезного значения. Царскому правительству остается лишь борьба до конца. Так говорит историческая логика.

И в то время, как по реке Шахэ разрозненные авангардные стычки превращаются в колоссальную общую бойню по всему стоверстному фронту, — внутри страны совершается могучая напряженная работа, которая подготовляет кульминационный момент революции, открытое сражение с силами царизма по всему фронту.

После 9 января революция уже не знает остановки. Она уже не ограничивается подземной, скрытой для глаз работой возбуждения все новых народных масс, — она перешла к открытой и спешной перекличке своих боевых рот, батальонов, полков и корпусов. Главную силу ее армии составляет пролетариат, поэтому средством своей переклички революция делает стачку.

Профессия за профессией, фабрика за фабрикой, город за городом бросают работу. Железнодорожный персонал выступает застрельщиком стачки, железнодорожные линии являются путями стачечной эпидемии. Предъявляются экономические требования, которые почти сейчас же удовлетворяются, вполне или отчасти. Но ни начало стачки, ни конец ее не обусловливаются в полной мере характером предъявленных требований и формой их удовлетворения. Каждая отдельная стачка возникает не потому, что повседневная экономическая борьба уперлась в определенные требования, — наоборот: требования подбираются и формулируются потому, что нужна стачка. Нужно предъявить самим себе, пролетариату других мест, наконец, всему народу свои накопленные силы, свою боевую отзывчивость и боевую готовность, — нужна всеобщая революционная ревизия. И сами стачечники, и те, которые их поддерживают, и те, которые им сочувствуют, и те, которые их боятся, и те, которые их ненавидят, — все понимают или смутно чувствуют, что эта бешеная стачка, которая мечется с места на место, останавливается, кружится, снова снимается и возвращается на покинутое место, потом срывается и вихрем мчится вперед, — все понимают или чувствуют, что она не от себя, что она творит лишь волю пославшей ее революции. Над операционным полем стачки — а это вся страна — нависает что-то грозное, зловещее, напоенное дерзостью. Это пороховая атмосфера надвигающегося восстания.

После 9 января революция уже не знает остановки. Не заботясь о военной тайне, открыто и шумно издеваясь над рутиной жизни, разгоняя ее гипноз, она ведет нас к своему кульминационному пункту: она готовит всероссийское народное восстание.

«Искра» № 90.
3 марта 1905 г.

II

Итак, задачей нашей является не только «развязать» революцию, но и подготовить условия ее победы. Так ставит, и вполне правильно ставит, вопрос передовая статья № 87 «Искры» [190]). Можно даже, пожалуй, пойти дальше и сказать: «развязывать» революцию не приходится, ибо она уже «развязана», — вся задача сводится к тому, чтобы подготовить ее победу. Как? Внесением в «развязавшуюся» революционную стихию элементов политической и технической организованности. Говоря кратко, это значит организовать революцию. Так именно ставила вопрос статья тов. Парвуса [191]) «Итоги и перспективы», — и несогласие с ней редакции оказалось чистым недоразумением [192]), устраненным ныне цитированной выше передовой статьей.

Нет спора, можно написать очень интересную марксистскую статью на тему о том, что революцию нельзя сделать, как чайник или кусок ситца, но когда революция уже делается, когда революционерам нужно заботиться не о развязывании, а о развязке ее, тогда практически-плодотворны будут только писания, посвященные вопросу: как подготовить благоприятную развязку, т.-е. как организовать революцию. Да, как организовать революцию?

Революция не одно и то же, что восстание. На эту тему тоже можно написать одну, а то и две безукоризненные статьи. Революция есть сложный, иногда очень длительный исторический процесс, в результате которого политическая власть переходит к новой социальной силе. Вооруженное восстание — только «технический» момент, который может входить, но может и не входить в революцию. Это бесспорно. Но столь же бесспорно, что мы никуда не годились бы, если б не отдали себе отчета в том, что *наша революция*, та, которая теперь совершается, уперлась в этот «технический момент», и *без восстания не пойдет дальше*. Итак, мы должны организовать революцию: очередным этапом

революции является народное восстание — *мы должны организовать восстание.*

Разумеется, народное восстание не одно и то же, что заговор. Разумеется, только для революционного романтика иметь план заговора значит иметь в зашифрованном виде восстание. Разумеется, французские революционеры 40-ых годов [193]) были фантасты и алхимики. Но значит ли это, что теперь, в марте 1905 года, у нас в России, подготовка восстания — алхимия и фантастика? Ну, конечно же нет. Порукой тому — передовая статья и «Военные заметки» № 87 «Искры» [194]). Еще лучшей порукой служит российский пролетариат, который проявил пропасть революционной энергии и революционного упорства, двумя-тремя семимильными шагами пробежал пролог Великой Русской Революции — и теперь стоит перед восстанием.

Всенародное восстание — вокруг этого предприятия должна теперь сосредоточиться наша политическая и наша техническая деятельность. Каждое частное, самопроизвольно возникающее выступление массы нужно пропитать мыслью о необходимости одновременного всероссийского выступления. Все должно бить в одну точку: прокламации, речи, кружковые занятия. Между городами должна быть живая, непрестанная связь, построенная на той мысли, что близок момент, когда всем придется одновременно подняться. Каждый комитет должен сейчас же выдвинуть новый орган: «военный». Этот орган будет быстро расти, и в дни восстания совершенно подчинит себе все остальные.

Конечно, несмотря на нашу «нетерпимость», мы отнюдь не стремимся монополизировать в своих руках подготовку и проведение восстания. Для таких претензий нужен был бы громадный избыток сил, которого у нас вовсе нет. Всякому революционеру, всякому революционному отряду, который захочет взять на себя любую часть военной работы, мы скажем: «честь и место!» Передовая статья № 87 на этот счет безусловно права. К сожалению, она забывает только добавить, что кроме нас на революционном поле никого нет. И именно этот печальный факт совершенно лишает нас возможности проявить в сколько-нибудь значительных размерах качество революционного гостеприимства. Ждать, что революционные радикалы посыпятся на нас из какого-нибудь решета, совершенно не приходится. Революция надвинулась, восстание стоит на очереди, а мы (как руководящая партия) одни. Где мы сильны, там организационно сильна революция,

где мы слабы, там организационно слаба она, где нас нет, там революция лишена организации и руководящих элементов. У революции много неожиданностей, но и эти неожиданности подчинены общим законам, — у нас нет социальной почвы для самостоятельной якобинской демократии, мы это понимали всегда, сами мы являемся продуктом этого факта, им объясняется наша победоносная борьба с народовольцами, народниками [195]), эсерами и... наше почти полное революционное «одиночество». Г. Гапон явился одной из блестящих внезапностей революции, но и на него, оказывается, есть управа. Если взять его самостоятельную идею, она оказалась в буквальном смысле поденкой; теперь ему остается лишь примкнуть к «одной из социалистических партий», которые существовали до него и которые в известном смысле подготовили его появление. Выбор Георгия Гапона не труден, ибо эта партия только одна.

Может быть, с какой-нибудь абстрактной (в дурном смысле) точки зрения можно утверждать, что было бы очень хорошо, если б у нас теперь была руководящая якобинская партия с перспективой диктатуры в будущем, с обязательством выполнять черную работу революции в настоящем, — а мы сохранили бы за собой только чисто-политическое руководство пролетариатом. Но этого нет, «черная» работа должна быть выполнена, и нам необходимо — потому что мы честные революционеры — взять ее на себя, а это значит «монополизировать» ее. Выполнение этой черной работы революции, *организация восстания, становится в данный момент нашей высшей политической обязанностью.*

Центральным лозунгом нашей агитации является Всенародное Учредительное Собрание. Это требование, противопоставленное требованию Земского Собора, уже сыграло громадную роль. Либеральным умникам и скептикам требование Учредительного Собрания могло казаться год тому назад наивной революционной утопией, — теперь, став лозунгом народных масс, оно даже в глазах «освобожденцев» облеклось плотью. В результате: вчера еще оппозиционное требование Земского Собора становится сегодня лозунгом реакции. Пролетариат немедленно восстанет не только против царизма, но и против тех господствующих групп, которые вступят с царизмом в сделку на почве манифеста и рескрипта 18 февраля: совещаться с царем о том, как давить революцию. После 9 января мирная конституционная сделка стала реакционной утопией, революция — фактом.

История поставила на очереди, притом в порядке неотложности, не вопрос о мирном компромиссе земцев с правительством, а вопрос народного восстания, которое раздавит, сотрет с лица земли царское правительство. В то время как бюрократия создает комиссии для решения поставленной ей рескриптом 18 февраля задачи: когда и как созвать анонимный Земский Собор? наша задача — разъяснить народу, которому манифест 18 февраля объявил беспощадную войну, — кто и как созовет Учредительное Собрание?

Когда наша партия со всей энергией популяризировала идею Учредительного Собрания, мы — на вопрос: к кому адресуется это требование? — отвечали: фактически — к народу, формально — к царскому правительству или, через его голову, к Временному Правительству. Сегодня такой ответ недостаточен. Сегодня уже революционный «народ», принявший наше требование, должен знать, к кому он адресует его или, точнее, где исполнительный орган народной воли — для созыва Учредительного Собрания. Теперь, после 9 января, накануне восстания, к которому мы сознательно идем, уж нельзя отвечать: или — или. Учредительное Собрание будет завоевано путем восстания, созвано — Временным Правительством. Таков наш ответ.

Нам необходимо популяризировать в народных массах мысль о Временном Правительстве, уж хотя бы для того, чтоб вооружить народные массы определенными требованиями к Временному Правительству. Реорганизация бюрократического, полицейского и военного аппарата, изгнание всех кровожадных негодяев, замена их друзьями народа, вооружение народа на государственный счет — вот меры, которые прежде всего должны быть проведены Временным Правительством и которые создадут возможность беспрепятственной работы для представителей народа. Кратко говоря, созыву Учредительного Собрания должно предшествовать разоружение реакции и вооружение революции. В Учредительном Собрании будет представлена и реакция. *Временное Правительство есть правительство революционного народа, стоящего лицом к лицу с воинствующей реакцией.*

Еще раз: если мы верим в неизбежность революционного обновления России, если мы верим в надвигающееся восстание и сознательно идем ему навстречу, если мы хотим победы этого восстания, — то мы хотим создания Революционного Временного

Правительства. Наша прямая и неотложная обязанность: провести в сознание масс то, что несет нам «бессознательный» исторический процесс. Наша прямая и неотложная обязанность поднять лозунг — да здравствует Временное Правительство!

Кто образует Временное Правительство? Тот, кого «вознесет» масса, т.-е. тот, кто будет руководить ею в решительные дни революции. Кто верит в чудеса, кто думает, что революция способна не сегодня-завтра вытряхнуть из рукава якобинскую демократию, тот имеет право думать, что Временное Правительство будет достоянием этой последней. Но и тот может противиться лозунгу: «Да здравствует Временное Правительство!» только из анти-революционных предрассудков. Мы говорим: да здравствует демократическая республика! — хотя знаем, что она будет буржуазной. Мы говорим: да здравствует суверенитет народа! — хотя знаем, что силою исторической логики суверенитет народа будет лишь полумистическим, полуюридическим прикрытием для политического господства буржуазии. Но подобно тому, как демократическая республика и суверенитет народа являются крайне революционными лозунгами при наличности абсолютизма и суверенитета Романовых, точно так же идея временного революционного правительства, хотя бы и буржуазного, в противовес царскому правительству, означает гигантский размах революции, беспощадный разрыв с монархической традицией, — и потому должна быть выдвинута нами в настоящий решительный момент. Разумеется, *когда пред нами будет уж не царское правительство, а буржуазное революционное правительство, мы будем без всякой пощады разоблачать пред народом его ограниченность*, а пролетариат будет под конвоем вести его вперед, будет защищать его от ударов реакции и будет вынуждать его, в случае колебаний, к выполнению его обязанностей.

Но оглянемся и спросим себя: где те, вне пролетариата стоящие, *сознательные* революционные элементы, которые могли бы оказаться *на гребне революции?* Их нет и — не будем себя обманывать! — их не будет. Правда, каждый новый шаг пролетариата отдается приливом веры и бодрости в сердцах наших либералов и так называемых демократов. Как никак они подрастают. Но они только подрастают, а пролетариат растет. В нем развиваются самоуверенность, настойчивость, упорство, недоверие к претендентам в вожди — прекрасные политические свой-

ства! Земские и банкетные «сессии», во время которых рабочий имел собеседование (не всегда дружеское) с земцем и с «освобожденцем», дали рабочим незаменимые политические уроки и привили им добрую долю недоверия к вождям с этой стороны. Конечно, политически самоопределились десятки тысяч пролетариев, революционно возбуждены — миллионы. Но путь к этим миллионам лежит только через эти десятки тысяч, потому что они — цвет своего класса, и влияние их в революционную эпоху растет по часам.

Влияние пролетариата в целом на события растет не менее быстро. Если б обновление России шло по пути компромиссов, сделок, — наш рабочий класс не мог бы и мечтать о той роли, которая достается ему ныне. *Революция выдвигает пролетариат на первое место и передает ему гегемонию.* Смотрите, какое место занимает в нынешних событиях стачка! Оно приблизительно отвечает тому месту, какое пролетариат занимает в революции.

Победу восстания, как и торжество всей революции может обеспечить только пролетариат. *Другие группы городского населения и крестьянство сыграют в революции свою роль, поскольку будут итти за пролетариатом, поддерживать его, облегчать ему работу. Самостоятельной* революционной роли, сколько-нибудь *равносильной* роли пролетариата, не сыграют ни крестьянство, ни мещанство, ни интеллигенция!

Для нас, социал-демократов, это, надеюсь, не фразы. Следовательно, состав Временного Правительства будет главным образом зависеть от пролетариата. Точнее сказать, при решительной победе восстания власть получат те, которые руководили пролетариатом.

Это значит не что иное, как то, что революционное развитие влечет пролетариат, а с ним — нашу партию, к временному политическому господству.

Если мы решим отказаться от него, то нам необходимо предварительно отказаться от тактики, рассчитанной на:

а) революционное развитие событий,

б) руководящую роль в них пролетариата,

в) руководящую роль нашей партии в пролетариате.

Разумеется, мы не откажемся ни от того, ни от другого, ни от третьего. А так как мы вообще самая последовательная из политических партий, то мы не откажемся и от вывода, который следует из посылок.

Возьму пример. Столь печально для правительства закончившиеся выборы в комиссию Шидловского дали около 400 человек, представляющих пролетариат Петербурга. Среди этих 400 есть десяток-два самых влиятельных и популярных рабочих Петербурга. Выборы привели к стачке, которая может стать всеобщей. Стачка может перейти в восстание. Восстание может привести к победе. Победа — к образованию Временного Правительства. Рабочие-социал-демократы, предназначавшиеся в комиссию Шидловского, могут попасть во Временное Правительство. Какие требования предъявит к ним партия, как к своим членам? Чтоб они отказались от вступления во Временное Правительство? Или, вступив, прикинулись бы буржуазными радикалами? Нет, она потребует: 1) чтоб они себя обеспечили большинством, 2) чтоб они работали под ее контролем.

А для того, чтоб партия могла обеспечить за собой фактический «контроль», она во всяком случае должна заранее вооружить массы определенными требованиями к Временному Правительству. А для этого необходимо популяризировать в массах самую идею Временного Правительства.

Кончаю свое «Письмо» теми лозунгами, которые, как вытекает из изложенных выше соображений, должны стать фокусами нашей революционной работы.

Да здравствует Всероссийское Восстание!

Да здравствует Революционное Временное Правительство!

Да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!

Да здравствует Великая Российская Революция!

„Искра“ № 93
17 марта 1905 г.

ПЕРВОЕ МАЯ

Солнце, которое взойдет с востока над землею 1 мая 1905 года, в день пролетарского праздника, увидит страшную картину смерти, разрушения и беспощадной борьбы. Оно увидит манчжурскую равнину: это великое неоплаканное кладбище многих сотен тысяч сынов русского и японского народа. Идя далее с востока на запад, оно увидит необъятную Сибирь, на севере которой томятся наши братья и сестры, лучшие дети нашего народа. Оно увидит Сибирскую железную дорогу, это узкое русло, по кото-

рому из России на Дальний Восток в течение многих месяцев движется поток молодых жизней, а навстречу — поток калек и увечных. Оно увидит далее всю нашу родину, истомленную и истерзанную, покрытую ранами и запекшейся кровью. Оно увидит загнанное, затравленное русское крестьянство, у которого иссяк источник терпения и которое мольбу заменило проклятием. Оно увидит, как по нашей истощенной родине ползут отвратительные эпидемии и пожирают несчастные жертвы. Оно увидит, как кровожадные правительственные своры, более страшные, чем самые опустошительные эпидемии, носятся из конца в конец в сопровождении войска и навстречу вспышкам народного негодования несут истребление. Оно увидит героическое население наших окраин, не выпускающее из рук оружия. Оно увидит мятежные улицы наших городов и камни их мостовых, омытые кровью и вопиющие к небу. Оно увидит российский пролетариат в последней решающей битве с самодержавным чудовищем. И далее на запад оно увидит пролетариат свободных стран, который соберется на бесчисленные сходки, чтобы снова в день 1 мая дать клятву бороться до конца, доколе на свете останется хоть один угнетенный.

Всюду—борьба, и всюду передовым борцом выступает пролетариат. Он говорит на разных языках, он различается по внешнему виду, но всюду, где пар и электричество проложили себе дорогу, он один и тот же. Он содержит общество своим напряженным трудом. Его дети худосочны, его старики голодны, его дочери продают себя на улицах. Он работает и борется. Пролетариат, это — каторжник, прикованный цепью нужды к тачке капитала, но это каторжник, который не хочет смириться. Он борется, как лев, за каждый глоток воздуха, за каждый луч света. Первое мая — это суровый праздник его борьбы.

Всемирный пролетариат требует восьмичасового дня и это требование он сделал лозунгом майского праздника.

Товарищи рабочие! Держитесь этого лозунга и впредь, как вы его держались до сих пор! Распространяйте его и в ширь и в глубь.

Впереди еще долгий период революции. Еще предстоят решительные схватки с самодержавием, еще предстоит народное восстание, а затем переустройство всего государственного строя. И непосредственно после падения царизма, на вас, рабочие, будет лежать обязанность привлечь к сознательной политической

жизни крестьян, сделать их оплотом революционных завоеваний. Вам предстоит гигантская работа, пролетарии, которая потребует напряжения всех ваших физических и духовных сил, и вам необходимо отвоевать у капитала свободное время, чтобы мыслить, следить за событиями революции и бороться. Не откладывать требование восьмичасового рабочего дня на неопределенное время, как советуют вам либеральные холопы капитала, а, наоборот, сейчас же, во время жестокой борьбы с царизмом, должны вы воспользоваться напряжением ваших сил, чтобы завоевать восьмичасовой рабочий день.

Не упускайте этого требования, рабочие и работницы, пишите его на ваших знаменах, повторяйте его в ваших речах, возглашайте его на баррикадах. Пусть голос ваш, как колокол, звучит во все время революции: «восемь часов для труда, восемь для сна, восемь свободных».

Долой милитаризм — бич народов! Вот другой майский клич международного пролетариата. Русский рабочий класс за последние полтора года увидел со страшной ясностью, что значит милитаризм.

Изо дня в день вооружаются государства. Растут армии, меняется вооружение. Колоссальные броненосцы строятся годы и разрушаются в минуты. Возводятся крепости и, падая, хоронят под своими камнями своих защитников. Русско-японская война, плод современного милитаризма, унесла у нашей родины свыше двух миллиардов рублей и до 500.000 молодых жизней убитыми, пропавшими без вести и ранеными. А что будет с теми сотнями тысяч, которые вернутся с манчжурского позорища на родину? Искалеченные физически и душевно, выбитые из колеи труда, наполовину безумные от всего виденного и слышанного, они уже не в состоянии будут вернуться к нормальной жизни. Взяв у нас здоровых тружеников, война вернет нам несчастных калек. Страшная русско-японская война огнем выжгла в душе русского рабочего международный пролетарский клик: долой милитаризм!

Долой постоянные армии!

Эксплоататоры вырывают из среды народа его неокрепшую молодежь, наряжают ее в блестящий мундир, оглушают командой и барабанным боем и заставляют сынов народа направлять свои штыки против народа.

Долой постоянные армии!

Весь народ должен быть вооружен. Не должно быть солдат, специалистов убийства, должны быть граждане, умеющие владеть оружием. Не должно быть казарм, в которых дрессируют солдат — вооруженные граждане должны жить в своих домах и выбирать из своей среды офицеров. Вооруженный народ будет чувствовать себя полным хозяином на своей земле. Он не пойдет, как дрессированная армия, точно стадо баранов, на бойню, созданную министрами и дипломатами. Он сумеет себя защитить от своих действительных врагов.

Мы сейчас вооружаемся, чем можем и как можем, для борьбы с царизмом, для вооруженного восстания. Но и после нашей победы мы не сложим оружия. Наоборот, не давая врагу оправиться, мы потребуем от нового правительства немедленного вооружения всех граждан на государственный счет.

Товарищи рабочие! Пользуйтесь днем 1 мая, чтобы нести в массы мысль об уничтожении постоянной армии и вооружении народа.

Лозунги международного пролетариата — наши лозунги, а наша революция — вместе с тем революция международного пролетариата. Мы боремся с царизмом не только за освобождение русского народа, но и за освобождение рабочего класса всего мира. Русское самодержавие—это международный жандарм. В течение долгого ряда лет оно стояло на страже, с шашкой на-голо, и озиралось вокруг злобными глазами, готовое с остервенением наброситься на революцию в любой стране. Французская буржуазия пугливо прижималась к русскому абсолютизму, поддерживала его своими деньгами и ждала от него помощи в трудную минуту — не только против внешних врагов, но и против героического французского пролетариата. Германское правительство всегда пресмыкалось перед русским абсолютизмом и, чем могло, вредило русскому революционному движению. Всем хищникам в Германии выгодно иметь на востоке от себя могучую полицейскую силу, которую в минуту восстания германского пролетариата можно призвать на помощь. И оттого-то все, что страдает и стонет, все, что борется и надеется на лучшее будущее, все, что честно и смело, все это во всем мире ненавидит священной ненавистью царское самодержавие.

Гордитесь, российские пролетарии! Вы выполняете теперь задачу всемирного значения. Каждый удар, который вы наносите

царизму, разносится по всему миру и будит торжествующий отклик в пролетарских сердцах.

Гибель русского царизма нанесет рану в самое сердце всемирной реакции и развяжет руки всемирному пролетариату. Рабочий класс Европы, прекрасно организованный, обладающий богатым опытом, скажет, наконец, свое великое решающее слово. Пролетариат возьмет в свои железные руки государственную власть, отбросив в сторону жадную стаю хищников бюрократии, земельного богатства и капитала.

Пролетариат скажет: Довольно! В течение столетий государство служило жадному меньшинству для угнетения трудящихся масс. Абсолютизм, дворянство и духовенство, буржуазия разных оттенков,—все приобщались к политической власти и все смотрели на государство, как на пресс, который до-суха выжимает человеческие мышцы и кровь их превращает в сверкающее золото. В течение веков хозяйничало это жадное, сытое, нарядное меньшинство, и что оно дало человечеству? Нищету, болезни, ненависть и проклятия, преступность и проституцию, эти гнойные детища нищеты. Прочь, жадная свора, ведущая род человеческий к вырождению! Власть возьмет в свои руки рабочий класс. Он впитал в себя все стоны и крики обездоленных, он мститель за поруганное человечество. Довольно! Вы, земельные хищники, вы, хлебные ростовщики, завладевшие почвой и обменивающие хлеб насущный на человеческую жизнь,— прочь! Отныне земля будет принадлежать всему обществу. Кормиться будет лишь тот, кто будет работать для общества. Вы, фабриканты и предприниматели, знающие один закон — наживу, и одно средство — хищничество, — прочь! Отныне пролетариат передаст все фабрики, заводы и рудники в руки общества для общего труда и общего пользования.

Вы, министры и дипломаты, продажная сволочь, прислуживающая капиталу, которому вы нужны, как приводные ремни эксплоатации, — прочь! вам больше не видать ваших тридцати серебренников, за которые вы продали интересы народа. Услуги ваши больше не нужны — пролетариат сам возьмет в свои руки государственную машину, без вашей помощи приведет ее в движение.

Так скажет и так сделает пролетариат всего мира, когда русская революция развяжет ему руки. Приблизим же этот час, товарищи рабочие! Пусть связь нашего дела с делом всего рабо-

чего класса удесятерит наши силы и наш энтузиазм. Вперед на последний бой — и крикнем из глубины нашей рабской родины пролетариям всех стран: Братья! День первого мая — праздник интернациональной солидарности рабочих. Помните в этот день о русской революции и приходите ей на помощь словом и делом! Готовьтесь, братья, продолжить наше дело. Пусть гибель царского правительства послужит для вас сигналом к решительной революционной атаке на буржуазию. Пусть победоносная революция в России явится началом социалистической революции во всем мире. Пусть пронесется, наконец, над этим старым миром крови и слез очищающая пролетарская гроза! Пусть вздохнет, наконец, полной грудью свободное и счастливое человечество.

Да здравствует первое мая — праздник борьбы!
Да здравствует восьмичасовой рабочий день!
Долой милитаризм!
Да здравствует вооруженный народ!
Долой самодержавие!
Да здравствует всемирная революция!
Да здравствует социализм!

Центральный Комитет РСДРП

(Дело Киевск. Губ. Жанд. Управл. № 127 за 1905 г.)

ТОВАРИЩИ-РАБОЧИЕ ПЕТЕРБУРГА!

Мы звали вас в день 1 мая собраться на улицах и площадях Петербурга. Мы, сознательные рабочие, хотели обсудить с вами, товарищи, наши нужды. Мы хотели решить с вами, что делать. Мы хотели заявить вместе с вами наш братский привет рабочим всего мира.

Товарищи, что это значит? вы не явились в этот день на зов ваших сознательных товарищей-рабочих. Пусты были улицы и площади Петербурга в день 1 мая, не слышно было смелых рабочих речей...

Что это значит, товарищи?

Это значит, что кровавые злодеяния царского правительства ужасом сковали ваши сердца. Вы знали, товарищи, вы твердо знали, что стоит вам собраться братской рабочей семьей, — и тысячи солдатских ружей направятся против вас. Вы знали,

товарищи, что гулом выстрелов будет заглушаться смелая рабочая речь.

Вы видели это в страшный день 9 января, когда много вдов и сирот прибавилось в Петербурге.

Вы слышали, что было на этих днях в Варшаве, где палачи в солдатских мундирах убивали десятки, сотни людей... за что? За то, что они собрались на улицах в день рабочего праздника, как собираются рабочие всего мира.

Товарищи! Вы не явились в день 1 мая на улицы. Вас устрашили злодейские приготовления царского правительства.

Проклятье палачам, которые не дают нам собраться!

Но слушайте, товарищи. Слушайте, что говорим мы вам, как ваши сознательные братья, которые страдают вместе с вами и хотят бороться вместе с вами.

Слушайте, товарищи. Вы устрашились царских солдат. Но вы не страшитесь изо дня в день ходить на фабрики и заводы, где машины высасывают вашу кровь и калечат ваше тело.

Вы устрашились царских солдат.

Но вы не страшитесь отдавать ваших братьев в царскую армию, которая гибнет на великом неоплаканном кладбище в Манчжурии.

Вы устрашились царских солдат. Но вы не страшитесь жить изо дня в день под властью разбойничьей полиции, казарменных палачей, для которых жизнь рабочего пролетария дешевле, чем жизнь рабочего скота.

Пролетарии Петербурга, оглянитесь, опомнитесь. Нам нужен выход, нам нужно отвоевать лучшую долю для нас, для наших жен, для наших детей, для наших внуков. Во всех странах мира рабочие были в такой же участи, как и мы. Перед ними стояли штыки, их поражали пули, как и вас. Но они не опускали рук. Они боролись как герои. Они видели, что покорность означает для них нищету, гнет, рабство, голодную смерть. И все они добились более светлой доли.

Товарищи, рабочие Петербурга, мы должны решить, что делать, как бороться. Мы должны найти выход во что бы то ни стало.

Мы рабочие, социал-демократы призываем вас на собрания, на митинги в заводах, на улицах и площадях.

Вы не выступили всей массой вчера. Но вы выступите сегодня или завтра. Нет такой силы, которая удержала бы вас, если вы

выступите согласно, как один человек. Вы пойдете вперед, братья-рабочие. Пусть память жертв 9 января вдохновит ваши сердца. Наши герои погибли не напрасно.

На собрания, на митинги!

Да здравствует смелая рабочая речь!

Да здравствует борьба за светлое будущее!

Да здравствует революционный пролетариат!

Петербургская группа РСДРП

Группа при Центр. Комит. [196])

ГРАЖДАНЕ, ОТБРОСЬТЕ ВАШИ СОМНЕНИЯ!

«Отбросьте ваши сомнения!» — сказал земцам царь. Царские дела подкрепляют царские слова. Ставрополь и Иваново-Вознесенск до 6 июня [197]), Лодзь и Варшава — после 6 июня.

Еще не успела почва Варшавы и Лодзи впитать кровь борцов, павших 1 мая, еще не успели дети оплакать погибших отцов, как снова Лодзь и Варшава превращены в поле битвы. В Лодзь отовсюду стянуты войска. Днем и ночью разъезжают патрули. По улицам расставлены часовые. Площади оцеплены солдатами. В Варшаве рабочих, пытавшихся строить баррикады и собравшихся в рабочих кварталах, войска окружили лесом штыков. Число убитых «официально» еще не установлено. Заграничные газеты говорят о *тысячах* убитых и умерших от ран.

Лодзь объявлена на военном положении. Завтра военное положение будет, вероятно, провозглашено в Варшаве. Разве не обещал царь, что привлечение граждан к работе государственной «будет выполнено *правильно*»? В этом не усомнятся польские и еврейские рабочие, пред которыми царское правительство поставило свои пушки, а у пушек — кровавых диктаторов с фитилями в руках. Работа совершается адски «правильно»!

Граждане, отбросьте ваши сомнения! Вы видите, как жадно царское правительство хочет жить. В борьбе за жизнь оно сегодня несет смерть варшавским и лодзинским пролетариям, а через день оно принесет ее вам и детям вашим!

Сегодня — Лодзь и Варшава, завтра — Петербург. Военная диктатура висит над страной. Провозглашение военного положения равносильно объявлению граждан воюющей стороной. Но *война требует вооружения и военной организации.*

Граждане, это теперь вопрос жизни и смерти!

Отбросьте ваши сомнения, говорит вам царское правительство, — ваше бессилие не спасет вас!

Варшава и Лодзь! Пусть эти два имени звучат, как набат!

Варшава и Лодзь! Пусть наша жалкая пришибленная печать разобьет в эти страшные дни цензурные оковы, — или пусть замолчит совсем. Ее молчание будет лучше служить свободе, чем ее речь.

Варшава и Лодзь! Пусть на всех собраниях раздастся клич мести и угрозы! Пусть на всех собраниях будет поставлен вопрос о вооружении народа, о создании милиции. Этот вопрос должен быть решен, ибо это вопрос жизни и смерти.

Завтрашний день несет нам страшную, беспощадную, кровавую борьбу. Это нам говорят Лодзь и Варшава.

Граждане, готовьтесь!
Граждане, отбросьте ваши сомнения!

Петербургская Группа РСДРП

СОЛДАТЫ РУССКОЙ АРМИИ И РУССКОГО ФЛОТА! *)

Откройте ваши глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Великие дела совершаются в эти дни. Просыпается народ русский и рвет в куски свои цепи.

Солдаты! Вы долго не понимали требований народа. Ваши начальники и попы лгали и клеветали вам на народ. Они держали вас во тьме. Они натравливали вас на народ. Они заставляли вас обагрять руки кровью рабочих. Они превратили вас в палачей русского народа. Они обрушили на ваши головы страшные проклятия матерей и детей, жен и старцев.

Но вот наступают на Руси новые дни. Просыпается и ужасается совесть русского солдата. Братскую руку протягивает он рабочему народу.

Солдаты русской армии и флота! Великое дело произошло на Черном море. Матросы броненосца «Князь Потемкин Таврический» открыто и смело стали на сторону рабочих. Они сорвали на своем судне царский флаг, флаг унижения и рабства, и воздвигли красное знамя, знамя свободы и братства. «Князь По-

---

*) Прокламация Петербургской группы ЦК к солдатам по поводу восстания на броненосце «Князь Потемкин»[198])

темкин» теперь в руках матросов. Нет на нем негодяев офицеров, угнетающих рядового. Управляют броненосцем выбранные всем экипажем матросы. Нет насилий и заушений. Все равны, как братья.

Солдаты! Наше государство — огромный броненосец. На нем насильничают чиновники царские, и стонет измученный народ. Спасение для нас одно: по примеру «Потемкина» выкинуть за борт всю правящую нами шайку и взять управление государством в свои собственные руки. Мы сами направим ход родного броненосца, которому имя Россия!

Солдаты! По примеру черноморцев — становитесь на сторону народа. Пусть каждый солдат даст великий обет: «лучше я сам отрублю по локоть свою правую руку, чем подниму ее на брата моего»!

Честный солдат! Собственной рукой карай негодяя, который станет стрелять в народ!

Солдаты! При встрече с народом — ружья вверх! Офицеру, который скомандует залп, — первая пуля! Пусть от руки честного солдата падет палач!

Солдаты русской армии и русского флота! По примеру матросов — героев с «Потемкина» — в бой за правду, за свободу, за народ!

Петербургская Группа РСДРП

14 июня 1905 г.

ТОВАРИЩИ - РАБОЧИЕ!

9 июля истекает полгода после того дня, когда царь России разговаривал с рабочими Петербурга. 9 января мы шли к Зимнему Дворцу. Мы шли к царю. Мы нарядились в наши воскресные платья. Мы вели за руки наших детей. Старики и жены шли рядом с нами. Мы несли царю нашу мольбу, нашу жалобу, наши раны, наши язвы. Мы просили его помощи. Мы надеялись на него. Мы умоляли его выйти к нам и выслушать нас. Мы обещали ему нашу охрану.

Братья-товарищи! Пулей и штыком приветствовал нас царь. Казацкой плетью он встретил нашу надежду и на наше доверие ответил предательским убийством. Много вдов и сирот прибавилось в страшный день 9 января в Петербурге. Память об этом дне заповедаем детям и внукам нашим. Да будет проклят царь-палач из рода в род!

Рабочие Петербурга! 9 июля исполняется полгода после январской встречи царя с народом. Почтим в этот день память наших погибших братьев, превратим смиренные панихиды в открытое чествование павших товарищей-борцов за рабочее дело.

Мы, рабочие, соберемся в день 9 июля, где сможем, чтобы единодушно заявить, что мы не забыли кровавого воскресенья, не забыли тех требований, за которые проливали свою кровь. Пусть снова по всему Петербургу и за ним по всей России раздается клич: Долой войну! Мы требуем созыва Учредительного Собрания, выбранного всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием.

Мы соберемся, чтобы послать братский привет борцам-рабочим Лодзи, Варшавы и Одессы. Мы соберемся, чтобы приветствовать героев-матросов броненосца Потемкин, который послужил делу революции.

В день 9 июля мы подсчитаем наши ряды и совместно выработаем план действий для дальнейшей борьбы за наше великое дело.

Братья-товарищи! Рабочие Петербурга! Помните о 9 января! Готовьтесь к 9 июля! Слава павшим героям!

Да здравствует смелая пролетарская борьба!

Петербургская группа РСДРП

ЗАПАСНЫЕ, ОБОРОНЯЙТЕСЬ!

Ты взял в руки этот листок, брат запасной! Смахни же слезу с глаз твоих, прочитай листок и подумай. Крепко подумай, потому что не о малом идет речь, а о твоей жизни. Слушай, брат запасной! Тебя ведут на смерть. Не надейся, спасения не будет. На смерть тебя ведут, на неминуемую. Загляни в душу свою: есть ли там еще надежда на спасение? Если есть, раздави ее, вырви с корнем! Не обманывай себя! Не на что тебе надеяться.

Не к победе тебя ведут. Все знают, что сила на стороне Японии. Победы не будет. Будет гибель неминуемая, бесполезная. Твердо помни это, потому что это правда! — Воровским образом, ночью, вырывают тебя из семьи твоей. Как арестанта, сторожат тебя солдаты. Запрут тебя в вагон, как запирают скотину. Отвезут тебя за несколько тысяч верст и поставят тебя под японские ядра. Не ты первый. Многие тысячи погибли в Манчжурии. Погибнешь и ты. Погибнешь, запасной, спасения нет! Погибнешь без пользы, без славы, без смысла! Подумай, брат запасной! Даже

бык, когда его ведут под нож, — и тот ревет и упирается. Неужели же ты будешь покорно молчать?

Если бы на тебя в лесу напали разбойники, ты оборонялся бы, чем мог. Разве же тут не разбойники напали на тебя? Неужели же ты будешь покорно молчать?.. Запасные, обороняйтесь! Защищайте вашу жизнь! Отказывайтесь идти на убой!

Запасные, сговаривайтесь дружно все, как один человек! Отказывайтесь итти на бесцельную, позорную смерть! Боритесь против воровской мобилизации!

Запасные, терять вам нечего. Не бойтесь кары! Хуже смерти не выдумают для вас кары. А смерть все равно ждет вас там, куда вас гонят.

Не теряйте ни минуты. Сговаривайтесь друг с другом. Сговаривайтесь с рабочими: они вам братья, они выступят на вашу защиту.

Кто посмелее, пусть выступит вперед. Когда раздастся смелый голос, самые робкие выступят на поддержку. У всех на душе накипело.

Смельчаки, вперед! Пусть в рядах запасных раздастся боевой крик:

Долой кровавую бойню!

Долой воровскую мобилизацию!

Петербургская Группа РСДРП

ДОЛОЙ ПОЗОРНУЮ БОИНЮ!

Флот Рождественского [199]) разрушен без остатка. Погибли почти все суда, убиты, ранены или полонены почти все люди экипажа. Адмиралы ранены и в плену. Нет более эскадры, которая была послана царским правительством, чтобы отомстить Японии за многочисленные поражения. Русского флота не существует. Не японцы уничтожили его. Нет, его погубило царское правительство. Оно изгнало из морского ведомства, как оно изгоняет отовсюду, честных и способных людей и отдало наш флот в добычу дворянам-казнокрадам, поставив во главе их августейшего покровителя всех казнокрадов, великого князя Алексея.

После сражения у острова Цусимы русского флота больше не существует. Бесславно погибли царские броненосцы и увлекли за собой на дно Великого океана тысячи наших братьев, которые

пали жертвою царских преступлений. Флот Рождественского шел на верную гибель. Матросы и офицеры знали, какие суда вручены им, и не верили в победу. Долгие месяцы, которые казались им годами, плыли они по чужим водам, и душа их была полна отчаянием и ужасом.

Только разбойничья жестокость адм. Рождественского, который, как передают, повесил в пути на мачтах десятки роптавших матросов, только варварская дисциплина могла заставить этих несчастных пленников царского правительства довести суда до японских вод, ставших ныне великой могилой несчастного флота.

Нет более русского флота, купленного такою дорогою ценой. Каждая мачта в нем, каждый болт — это пот и кровь рабочего народа. Каждый броненосец — это многолетний труд тысяч крестьянских семей. Все погибло, все потонуло в морской пучине: несчастные люди и бесполезные богатства, созданные их руками.

Первые же дни войны показали, что царская армия и царский флот бессильны перед японской армией и японским флотом. Но это не остановило убийц, которые правят нами. Они сказали: русский народ в 4 раза многочисленнее японского народа, против одного японского солдата мы поставим 4 русских солдат, мы будем отправлять на бойню армию за армией, флот за флотом, но мы добьемся победы. Они обманули народ. Они не довели войну до победы, но довели нашу родину до гибели.

Где наши братья, наши сыновья, наши отцы, которых они вырвали из наших семей, погнали за десять тысяч верст добывать землю и славу царскому правительству?

Их нет, они погибли — от ран, от голода и от болезней погибли они в чужой далекой стране. Где крепости, где броненосцы и пушки, созданные твоими руками, русский народ? Крепости разрушены, пушки в руках неприятеля, на дне далекого океана покоятся броненосцы.

Убийцы, которые правят нами, за полтора года разметали и уничтожили без остатка то, что несчастная страна создавала долгими годами. Новые земли, новые богатства обещали они народу, — смерть и нищету они принесли ему. Они обещали стране славу, — и они дали ей позор. Пусть же этот позор падет на их преступные головы! Да будут они прокляты всенародным проклятьем!

Еще до начала этой беспримерной войны, мы, социал-демократы, говорили: война не нужна ни рабочим, ни крестьянам! Война не нужна всему народу! Она нужна правительственной шайке, которая мечтала о захвате новых земель и хочет народной кровью потушить пламя народного гнева.

Но ныне царское правительство уже не может думать о победах и завоеваниях. Но оно не смеет и закончить войну, потому что страшится народа, который призовет своих палачей к ответу. «Мы затянем войну на десятилетие, — сказал один из высших чиновников после гибели флота, — но не уступим. До тех пор не уступим, пока один народ не будет уничтожен другим» (см. «Сын Отечества» от 19 мая). И теперь, после гибели флота, правительство будет изо всех сил затягивать войну и не остановится перед новым сражением, в котором неизбежно погибнет под Харбином армия Линевича [200]), как погибла под Мукденом армия Куропаткина. Манчжурским войскам, у которых военные разгромы уничтожили последнюю энергию и последнюю надежду, грозит неизбежная гибель. 300.000 солдат, все как один человек, лягут у Харбина, — ведь Линевич для того и сменил Куропаткина, чтобы больше не отступать.

Вот к чему привела страну шайка правящих злодеев!

Погиб тихоокеанский флот, погиб Порт-Артур, погибла армия у Мукдена, погиб Балтийский флот у острова Цусимы. Теперь предстоит гибель второй армии у Харбина. Правящая шайка не остановится перед этим новым злодеянием.

Только народ может остановить занесенную разбойничью руку, только русские граждане могут предотвратить новое побоище. Пусть же тени погибших братьев призовут всех граждан к решительному протесту, пусть предстанут пред нашей совестью еще живые, но уже обреченные гибели полки Харбина!

Товарищи-рабочие и вы все, русские граждане! Мы должны сделать все, чтоб не допустить новой бойни. Во имя нашей несчастной армии, во имя разоренного, истерзанного народа, во имя чести и благополучия нашей родины мы должны заставить царское правительство немедленно прекратить войну.

Долой позорную бойню! — Пусть этот возглас раздастся из всех грудей!

Пусть он пронесется по фабрикам, заводам, как клич революционного гнева.

Долой позорную бойню! Пусть этот клич, поднятый сознательными пролетариями, в первый же день войны найдет решительную поддержку у всех рабочих, у всех честных граждан.

Долой виновника позорной бойни — царское правительство!

Долой кровавых палачей!

Мы требуем мира и свободы!

Петербургская группа РСДРП

Май 1905 г.

РАБОЧИЕ, ТРЕБУЙТЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ВОЙНЫ!

Что же теперь? — спрашивает себя с негодованием вся Россия после позорной гибели русского флота у острова Цусимы. Что же дальше? Где выход? Когда, после целого ряда поражений, после постыдной сдачи Порт-Артура, армия Куропаткина потерпела небывалый разгром под Мукденом, наемные прислужники правительства кричали: «погодите, у нас еще есть грозный Балтийский флот, идущий к берегам Японии!» Но грозный царский флот, плывший несколько месяцев, погиб без остатка в несколько часов.

Что же теперь? — в гневе спрашивает народ. «У нас осталась еще 300-тысячная армия под Харбином» — кричат ему в ответ виновники войны. Мы будем объявлять мобилизацию за мобилизацией, затянем войну на 20, 30 лет, пока не добьемся окончательной победы!» Таков голос сановных убийц и их прислужников.

Но надежды на победу у нас нет и не может быть. Это знают и видят все. Японское море после гибели русского флота совершенно свободно, и каждый день японские суда выбрасывают на театр военных действий новые и новые силы. Японская армия воодушевлена победой японской эскадры и уверена в своей победе. В нашей армии, наоборот, полный упадок духа, уныние и отчаяние. При таких условиях победа немыслима. Новое сражение означает гибель 300 тысяч человек. Японцы уже и теперь требуют уплаты громадной контрибуции, а после гибели армии Линевича японские требования страшно возрастут. Спасение одно: *прекращение войны.*

«Война без конца, война до последнего человека, до последнего гроша!» — вопит обезумевшее правительство.

«Мир, немедленный мир, пока еще не поздно, пока не погибла страна!» — отвечает правительству народ.

Товарищи-рабочие! Мы должны теперь решительно выступить на защиту родины, на защиту всего народа русского, на защиту несчастной Манчжурской армии, ожидающей под Харбином неминуемой гибели.

Рабочие Петербурга, товарищи, как один человек, должны мы крикнуть в лицо народным палачам: довольно жертв и крови! долой преступную бойню!

За работу, товарищи! Распространяйте наши листки, требующие немедленного прекращения войны. Распространяйте их неутомимо и неустанно, на фабриках и заводах, в лавках и мастерских, на базарах и в церквах, на улицах и площадях. Раздавайте их по рукам, разбрасывайте, расклеивайте и рассылайте! Не успокоимся до тех пор, пока в Петербурге не останется ни одного человека, который не знал бы, почему необходимо требовать немедленного прекращения войны.

За работу, товарищи! Ведите неустанно агитацию устным словом. Собирайте кружки и собрания, сходки и митинги, выступайте всюду, где может быть услышан ваш голос. Пусть те, которые прочитают этот листок или услышат честную речь, вынесут общее решение: *мы требуем немедленного прекращения войны! Мы требуем Всенародного Учредительного Собрания!* Пусть такие решения (резолюции) переходят с фабрик на фабрики, из дома в дом, печатаются в листках и газетах, распространяются по всему городу, собирая сотни тысяч голосов.

За работу, товарищи! Пусть наш клич: «Долой позорную бойню и ее виновников!»—раздастся по всей стране, как призыв набата.

Уже и сейчас весь Кавказ объят пламенем рабочего и крестьянского движения. В Варшаве, Лодзи, Риге, Либаве, Ревеле и в других местах забастовки и волнения не прекращаются. Теперь разыгрались колоссальные стачки в Иваново-Вознесенске, Шуе, на Екатеринославских рудниках и на Уральских заводах. Весть о разгроме флота, о бесцельной гибели людей и народных миллионов поднимет на ноги новые сотни тысяч рабочих и крестьян.

Рабочие Петербурга! Наше место впереди! Будем соединяться в рабочие союзы, организовываться в рабочую социал-демократическую партию, готовиться силою поддержать наше требование. Если мы выступим дружно, открыто и смело против военной бойни, вся страна поддержит нас, — и тогда царское прави-

тельство захлебнется в потоках всеобщего возмущения. За работу, товарищи! Долой войну! Долой подлое царское правительство! Да здравствует народное представительство!

Петербургская Группа РСДРП

НЕ ЦАРЬ, НЕ ЗЕМЦЫ, А НАРОД!

Царское правительство правит Россией без народа и против народа. Оно затеяло на свой страх и риск войну с Японией, а внутри страны оно ведет войну с народом. Царское правительство думало, что народ существует для податей, солдатчины и смирения, и надеялось прожить века, но теперь уж все видят, что дни самодержавия сочтены. Народ русский рвется на волю из-под царского ярма. Народ хочет сам быть своим собственным хозяином. Он хочет сам править собою. Он хочет сам давать себе законы.

А царское самодержавие со дня на день теряет свою старую силу. Оно разбито в бою. Оно осталось без флота, казна царская опустошена. Народ беден и мятежен. Царское правительство затеяло войну, чтобы увеличить свою силу и военную славу, а вышло так, что оно само затянуло петлю на собственной шее.

Что теперь делать царскому правительству? Заключить мир? Но японцы потребуют уплаты высокой контрибуции. А где взять денег? До последнего времени царское правительство под высокие проценты занимало деньги в чужих странах. Но теперь никто уж не хочет больше ему верить, все иностранные банкиры боятся, что народ русский, сбросив самодержавие, не заплатит царских долгов. Что же делать? Продолжать войну с Японией? Но для войны еще больше, чем для мира, нужны деньги, а денег нет. Царское правительство чувствует, что ему придется итти на уступки, и воровскими глазами ищет вокруг себя союзников. 18 февраля этого года царь в особом указе обещал призвать к подножию своего престола «достойнейших» представителей народа и править страной с их совета.

Кого же царь считает «достойнейшими»? Каких представителей думает он призвать? От рабочих? От крестьян? От всего народа? Нет. Зачем врагу народа представители народа? Царю богатых нужны представители богатых. Царю дворян нужны представители дворян!

Газеты сообщают, что царское правительство хочет призвать для совета и помощи представителей земств, в которых заседают дворяне-помещики, представителей городских дум, в которых заседают господа домовладельцы. Это-то и есть царский «народ». Другого народа царь не знает и знать не хочет.

Царь призовет 500 или 600 богатейших дворян и капиталистов и скажет им: «Достойнейшие представители! Помогите мне довести до победы войну с Японией, поддержите мой трон, поручитесь за меня пред заграничными банкирами, а в обмен за это я дам вам долю моей власти. И будем мы с вами вместе править народом».

А что же на это ответят «достойнейшие» представители? Земства и думы ждут не дождутся этого призыва. Они давно уже недовольны хозяйничаньем царских министров и губернаторов и давно уже домогаются, чтобы царь поделил с ними свою власть над народом.

Теперь, после гибели эскадры Рождественского, земства и думы снова обращаются к царю и заявляют: «Дальше так продолжаться не может. Необходимо немедленно созвать Земский Собор, т.-е. выборных от земств и дум, чтобы решить, как быть и что делать».

24 мая в Москве собрались земские и думские представители [201]), чтобы совместно предъявить царю свои требования. Они хотят, чтобы царь предоставил им решить вопрос о войне и мире и выработать новые законы для России.

Царское правительство в петле, и ему придется, скрепя сердце, пойти на сделку с земствами и думами. А что же будет после этой сделки? Земский Собор от имени народа провозгласит продолжение войны и займет заграницей несколько сот миллионов. Умирать на войне будет народ. Платить проценты по долгам будет народ. А распоряжаться народом и деньгами будут царь и земцы. И этот новый порядок царь и земцы будут охранять полицией, судами, войсками.

Рабочие, согласны ли вы примириться с таким порядком? Если согласны, тогда молчаливо поручите царю и земцам решать вашу судьбу и судьбу ваших детей. Но если вы не хотите оставаться бесправными, обманутыми и угнетенными, тогда заявите: мы не верим царю, который стрелял в нас 9 января, но мы не верим также земским дворянам и думским капиталистам. Земства и думы охраняют интересы богатых классов, а не интересы рабо-

чего народа. Земства и думы не поддерживали нас, когда мы требовали немедленного прекращения кровавой бойни. Наоборот, земства и думы до сих пор поддерживают позорную войну народными деньгами.

Не царь и не земцы, а весь народ! Вот клич сознательного пролетариата, и пусть к этому кличу присоединятся все честные граждане! Только Учредительное Собрание, состоящее из представителей всего народа, может заключить достойный мир с Японией и залечить раны, нанесенные царским правительством несчастному народу.

Товарищи-рабочие и вы все, русские граждане! Будем требовать, чтобы все союзы, все партии, все газеты, которые называют себя демократическими, т.-е. стоящими за народ, присоединились к кличу сознательного пролетариата:

Не царь и не земцы, а народ!

Петербургская Группа РСДРП

III

От октябрьской стачки до отлива революции

1. ОКТЯБРЬСКАЯ СТАЧКА И ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТА

СТАЧКА В ОКТЯБРЕ [202])

— Так вы думаете, что революция идет?
— Идет!
(*«Новое Время», 5 мая 1905 г.*)
— Вот она!
(*«Новое Время», 14 октября 1905 г.*)

I

Совершенно свободные народные собрания в стенах университетов, в то время как на улице царит неограниченная треповщина, это — один из самых удивительных парадоксов революционно-политического развития осенних месяцев 1905 г. Какой-то старый и невежественный генерал Глазов[203]), неизвестно почему оказавшийся министром просвещения, создал, неожиданно для себя, убежища свободного слова. Либеральная профессура протестовала: университет — для науки: улице не место в академии. Князь Сергей Трубецкой умер с этой истиной на устах. Но дверь университета оставалась в течение нескольких недель широко раскрытой. «Народ» заполнял коридоры, аудитории и залы. Рабочие непосредственно из фабрик отправлялись в университет. Власти растерялись. Они могли давить, арестовывать, топтать и расстреливать рабочих, пока те оставались на улице или у себя на квартире. Но чуть рабочий переступал порог университета, как немедленно становился неприкосновенным. Массам давался предметный урок преимуществ конституционного права над правом самодержавным.

30 сентября происходили первые свободные народные митинги в университетах Петербурга и Киева. Телеграфное агент-

ство с ужасом перечисляет публику, скопившуюся в торжественном зале Владимирского университета. Кроме студентов, толпу, по словам телеграмм, составляли множество «посторонних лиц обоего пола, воспитанники средне-учебных заведений, подростки из городских и частных училищ, рабочие, разного рода сброд и оборванцы».

Революционное слово вырвалось из подполья и огласило университетские залы, аудитории, коридоры и дворы. Масса с жадностью впитывала в себя прекрасные в своей простоте лозунги революции. Неорганизованная случайная толпа, которая глупцам бюрократии и проходимцам реакционной журналистики казалась «разного рода сбродом», проявляла нравственную дисциплину и политическую чуткость, исторгавшие крик удивления даже у буржуазных публицистов.

«Знаете, что больше всего меня поразило на университетском митинге, — писал фельетонист «Руси», — необыкновенный, образцовый порядок. В актовом зале был вскоре объявлен перерыв, и я отправился бродить по коридору. Университетский коридор, это — целая улица. Все аудитории, прилегающие к коридору, были полны народа, в них происходили самостоятельные митинги по фракциям. Самый коридор был переполнен до последней возможности, взад и вперед двигалась толпа. Иные сидели на подоконниках, на скамьях, на шкафах. Курили. Негромко разговаривали. Можно было подумать, что находишься на многочисленном рауте, только немножко более серьезном, чем обыкновенно. А между тем это был народ — самый настоящий, подлинный народ, с потрескавшимися от работы красными руками, с тем землистым цветом лица, который является у людей, проводящих дни в запертых, нездоровых помещениях. И у всех блестели глаза, глубоко ушедшие в орбиты... Для этих малорослых, худых, плохо упитанных людей, пришедших сюда с фабрики или с завода, из мастерской, где калят железо, плавят чугун, где от жары и дыма захватывает дыхание, университет, это — точно храм, высокий, просторный, сверкающий белоснежными красками. И каждое слово, которое произносится здесь, звучит молитвой... Пробудившаяся любознательность, как губка, пьет всякое (?) учение».

Нет, не всякое учение впитывала в себя эта одухотворенная толпа. Пусть бы перед ней попытались выступить те реакционные молодцы, которые лгут, будто между крайними партиями и массой нет политической солидарности. Они не смели. Они сидели по

своим реакционным норам и ждали передышки, чтоб клеветать на прошлое. Но не только они, даже политики и ораторы либерализма не выступали перед этой необозримой, вечно меняющейся аудиторией. Здесь безраздельно царили ораторы революции. Здесь социал-демократия связывала бесчисленные атомы народа живой нерасторжимой политической связью. Великие социальные страсти масс она переводила на язык законченных революционных лозунгов. Толпа, которая вышла из университета, была уже не той толпой, которая вошла в университет... Митинги происходили каждый день. Настроение рабочих поднималось все выше, но партия не давала никакого призыва. Всеобщее выступление предполагалось значительно позже — к годовщине 9 января и ко времени созыва Государственной Думы, которая должна была собраться 10 января. Союз железнодорожников грозил не пропустить в Петербург депутатов булыгинской Думы. Но события сами надвинулись так скоро, как никто не ожидал.

II

19 сентября забастовали в Москве наборщики типографии Сытина[204]). Они потребовали сокращения рабочего дня и повышения сдельной платы с 1.000 букв, не исключая и знаков препинания: это маленькое событие открыло собой не более и не менее как всероссийскую политическую стачку, возникшую из-за знаков препинания и сбившую с ног абсолютизм.

Стачкой у Сытина воспользовалось, как жалуется в своем сообщении департамент полиции, неразрешенное правительством сообщество, именующееся «союзом московских типо-литографских рабочих». К вечеру 24-го бастовало уже 50 типографий. 25 сентября на собрании, разрешенном градоначальником, была выработана программа требований. Градоначальник усмотрел в ней «произвол Совета депутатов от типографий», и во имя личной «независимости» рабочих, которой угрожал произвол пролетарской самодеятельности, полицейский сатрап попытался задавить типографскую стачку кулаком.

Но стачка, возникшая из-за знаков препинания, успела уже переброситься на другие отрасли. Забастовали московские хлебопеки и притом так упорно, что две сотни 1-го Донского казачьего полка вынуждены были с беззаветной храбростью, свойствен-

ной этому славному роду оружия, брать приступом булочную Филиппова. 1 октября из Москвы телеграфировали, что забастовка на фабриках и заводах начинает сокращаться. Но это было только придыхание.

2 октября наборщики петербургских типографий постановили демонстрировать свою солидарность с московскими товарищами посредством трехдневной забастовки. Из Москвы телеграфируют, что заводы «продолжают бастовать». Уличных недоразумений не было: лучшим союзником порядка явился проливной дождь.

Железные дороги, которым суждено сыграть такую огромную роль в октябрьской борьбе, делают первое предостережение. 30 сентября началось брожение в мастерских Московско-Курской и Московско-Казанской ж. д. Эти две дороги готовы были открыть кампанию 1 октября. Их сдерживает железнодорожный союз. Опираясь на опыт февральских, апрельских и июльских забастовок отдельных ветвей, он готовит всеобщую железнодорожную стачку ко времени созыва Государственной Думы; сейчас он против частичных выступлений. Но брожение не унимается. Еще 20 сентября в Петербурге открылось официальное «совещание» железнодорожных депутатов по поводу пенсионных касс. Совещание самочинно расширило свои полномочия и, при аплодисментах всего железнодорожного мира, превратилось в независимый профессионально-политический съезд. Приветствия съезду шли со всех сторон. Брожение росло. Мысль о немедленной всеобщей стачке железных дорог начинает пробиваться в московском узле.

3 октября телефон приносит нам из Москвы весть, что забастовка на фабриках и заводах мало-по-малу уменьшается. На Московско-Брестской дороге, где мастерские бастовали, заметно движение в пользу возобновления работ.

Забастовка еще не решилась. Она размышляет и колеблется.

Собрание депутатов от рабочих типографского цеха, механического, столярного, табачного и других приняло решение образовать общий совет рабочих всей Москвы.

В ближайшие дни все как бы направлялось к умиротворению. Стачка в Риге закончилась. Четвертого и пятого возобновились работы во многих московских типографиях. Вышли газеты. Через день появились саратовские издания после недельного перерыва: казалось, ничто не говорит о надвигающихся событиях.

На университетском митинге в Петербурге, 5-го, выносится резолюция, призывающая закончить забастовки «по симпатии» в назначенный срок. С 6 октября становятся на работу петербургские наборщики после трехдневной стачечной манифестации. В тот же день петербургский градоначальник уже оповещает о полном порядке на Шлиссельбургском тракте и об общем возобновлении работ, прерванных московскими вестями. 7-го приступила к работам половина рабочих Невского судостроительного завода. За Невской заставой работали все заводы за исключением Обуховского, который объявил политическую забастовку до 10 октября.

Повидимому, готовились наступить будни, — конечно, революционные будни. Казалось, стачка сделала несколько беспорядочных опытов, бросила их и ушла... Но это только казалось.

III

На деле она готовилась развернуться во-всю. Она решилась совершить свое дело в кратчайший срок — и сразу принялась за железные дороги.

Под влиянием напряженного настроения на всех линиях, особенно в московском узле, центральное бюро железнодорожного союза решило объявить всеобщую забастовку. При этом имелась в виду лишь повсеместная пробная мобилизация боевых сил: самый бой попрежнему откладывался до января.

7 октября было решительным днем. «Начались спазмы сердца», — как писало «Новое Время» — московские железные дороги отмирали одна за другой. Москва изолировалась от страны. По телеграфной проволоке помчались, обгоняя друг друга, испуганные телеграммы: Нижний, Арзамас, Кашира, Рязань, Венев наперебой жалуются на измену железных дорог.

7-го забастовала Московско-Казанская дорога. В Нижнем забастовала Ромодановская ветвь. На следующий день забастовка распространилась на Московско-Ярославскую, Московско-Нижегородскую и Московско-Курскую линии. Но другие центральные пункты откликнулись не сразу.

8 октября на совещании служащих петербургского узла решено было деятельно приступить к организации всероссийского железнодорожного союза, возникшего на апрельском съезде

в Москве, с тем, чтобы предъявить впоследствии правительству ультиматум и поддержать свои требования забастовкой всей железнодорожной сети. О забастовке здесь говорилось еще в неопределенном будущем.

9 октября забастовали: Московско-Киево-Воронежская, Московско-Брестская и другие линии. Стачка овладевает положением и, чувствуя под собой твердую почву, она отменяет все сдержанные, выжидательные и враждебные ей решения.

9 октября на экстренном собрании петербургского делегатского съезда железнодорожных служащих формулируются и немедленно же рассылаются по телеграфу по всем линиям общие лозунги железнодорожной забастовки: 8-часовой рабочий день, гражданские свободы, амнистия, Учредительное Собрание.

Стачка начинает уверенно хозяйничать в стране. Нерешительность окончательно покидает ее. Вместе с ростом численности растет самоуверенность ее участников. Над экономическими нуждами профессий выдвигаются революционные требования класса. Вырвавшись из профессиональных и местных рамок, она начинает чувствовать себя революцией, — и это придает ей неслыханную отвагу.

Она мчится по рельсам и властно замыкает за собой путь. Она предупреждает о своем шествии по проволоке железнодорожного телеграфа. «Бастуйте!» — приказывает она во все концы. 9-го газеты сообщили всей России, что на Казанской дороге арестован с прокламациями какой-то электротехник Беднов. Они все еще надеялись остановить ее, конфисковав пачку прокламаций. Безумцы! Она идет вперед...

Она преследует колоссальный план — приостановить промышленную и торговую жизнь во всей стране, — и она не упускает при этом ни одной детали. Где телеграф отказывается ей служить, она с военной решительностью разрывает проволоку или опрокидывает столбы. Она задерживает беспокойные паровозы и выпускает из них пары. Она приостанавливает электрические станции, а если это трудно — портит электрические провода и погружает вокзалы во мрак. Где упрямое противодействие мешает ее планам, там она не задумывается развести рельсы, испортить семафор, опрокинуть локомотив, загородить путь, поставить вагоны поперек моста. Она проникает на элеватор и прекращает действие подъемной машины. Товарные поезда она задерживает там, где

настигает их, а пассажирские она нередко доставляет до узловой станции или до места назначения.

Только для своих собственных целей она разрешает себе нарушить обет неделания. Она открывает типографии, когда ей нужны бюллетени революции, она пользуется телеграфом для забастовочных предписаний, она пропускает поезда с делегатами стачечников.

Во всем остальном она не делает изъятий: она закрывает заводы, аптеки, лавки, суды.

Время от времени ее внимание утомляется и бдительность ослабевает то здесь, то там. Иногда шальной поезд прорывается сквозь стачечную заставу, — тогда она снаряжает за ним погоню. Он бежит, как преступник, мимо темных и пустых вокзалов, без телеграфных предупреждений, сопровождаемый ужасом и неизвестностью. Но, в конце концов, она настигает его, останавливает паровоз, изгоняет машиниста и выпускает пары.

Она пускает в ход все средства: она призывает, убеждает, заклинает, она умоляет на коленях — так поступила в Москве женщина-оратор на платформе Курского вокзала,— она угрожает, стращает, забрасывает камнями, наконец, стреляет из браунинга. Она хочет добиться своей цели во что бы то ни стало. Она слишком много ставит на карту: кровь отцов, хлеб детей, репутацию своей силы. Целый класс повинуется ей, — и если ничтожная частица его, развращенная теми, против кого она борется, становится поперек ее пути, мудрено ли, если она грубым пинком отбрасывает помеху в сторону.

IV

Двигательные нервы страны замирают все больше и больше. Экономический организм коченеет. Смоленск, Кирсанов, Тула, Лукоянов беспомощно жалуются на полную железнодорожную забастовку. Неуклюжие железнодорожные батальоны ничего не в силах поделать, когда против них вся линия, вся сеть. Десятого замерли почти все дороги, примыкающие к Москве, в том числе Николаевская до Твери, — и Москва совершенно затерялась в центре необъятной территории. Последняя дорога Московского узла, Савеловская, забастовала 16-го.

10-го вечером в зале московского университета собрались забастовавшие железнодорожные служащие и постановили бастовать до удовлетворения всех требований.

Железнодорожная стачка от центра надвинулась на окраины. Восьмого забастовала Рязано-Уральская линия, девятого — Брянская линия Полесской дороги и Смоленск — Данков; десятого — Курско-Харьково-Севастопольская и Екатерининская ж. д., все дороги Харьковского узла. Цены на продукты всюду стали быстро возрастать. 11-го Москва уже стала жаловаться на отсутствие молока.

В этот день железнодорожная стачка сделала еще новые завоевания. Начало прекращаться движение на Самаро-Златоустовской дороге. Стал Орловский узел. На Юго-Западных дорогах забастовали самые крупные станции: Казатин, Бирзула и Одесса, на Харьково-Николаевской—Кременчуг. Остановились Полесские дороги. В Саратов в течение дня прибыло три поезда, исключительно с делегатами, выбранными от забастовщиков. Делегатские поезда, как сообщает телеграф, встречались на всем пути следования восторженно.

Железнодорожная забастовка распространяется неотвратимо, втягивая линию за линией, поезд за поездом. 11 октября курляндский генерал-губернатор издал срочное постановление, карающее за прекращение работ на дороге заключением в тюрьму на 3 месяца. Ответ на вызов последовал тотчас. 12-го уже не было поездов между Москвой и Крейцбургом, линия забастовала, поезд в Виндаву не пришел. 15-го прекращена в Виндаве работа на элеваторе и в коммерческом железнодорожном агентстве.

В ночь с 11-го на 12-е приостановилось движение на всех привислинских ветвях. Утром не вышли из Варшавы поезда в Петербург. В тот же день, 12-го, забастовка оцепила Петербург. Революционный инстинкт подсказал ей правильную тактику: она сперва подняла на ноги всю провинцию, забросала правящий Петербург тысячами перепуганных телеграмм, создала, таким образом, «психологический момент», терроризовала центральные власти, и затем явилась сама, чтобы нанести последний удар. Утром 12-го с полным единодушием было проведено прекращение работ во всем петербургском узле. Одна Финляндская линия работала, поджидая революционной мобилизации всей Финляндии, — она стала только четыре дня спустя, 16-го. Тринадцатого октября забастовка достигла Ревеля, Либавы, Риги и Бреста.

Прекращены работы на ст. Пермь. Остановлено движение на части Ташкентской дороги. Четырнадцатого забастовали Брестский узел, Закавказская дорога и станция Асхабад и Новая Бухара на Средне-Азиатской ж. д. В этот же день забастовка открылась на Сибирском пути; начав с Читы и Иркутска и передвигаясь с востока на запад, она 17 октября докатилась до Челябинска и Кургана. 15 октября стала ст. Баку, 17-го забастовала ст. Одесса.

К параличу двигательных нервов присоединился на время паралич нервов чувствительных, — телеграфное сообщение было прервано: 11 октября — в Харькове, 13-го — в Челябинске и Иркутске, 14-го — в Москве, 15-го — в Петербурге.

Из-за забастовки дорог почта отказалась от приема иногородней корреспонденции.

На старом московском тракте показалась тройка под кованой дугой.

Стали не только все российские и польские дороги, но также владикавказская, закавказская и сибирская. Бастовала вся железнодорожная армия: три четверти миллиона человек.

V

Появились озабоченные бюллетени хлебной, товарной, мясной, зеленной, рыбной и других бирж. Цены на съестные продукты, особенно на мясо, быстро крепчали. Денежная биржа трепетала. Революция всегда была ее смертельным врагом. Как только они оказались лицом к лицу, биржа заметалась без памяти. Она бросилась к телеграфу, но телеграф враждебно молчал. Почта также отказывается служить. Биржа постучалась в Государственный Банк, но оказалось, что он не отвечает за срочность переводов. Акции железнодорожных и промышленных предприятий снялись с места, как стая испуганных птиц, и полетели — но не вверх, а вниз. В темном царстве биржевой спекуляции воцарились паника и скрежет зубовный. Денежное обращение затруднилось, платежи из провинции в столицы перестали поступать. Фирмы, производящие расчет на наличные, приостановили платежи. Число опротестованных векселей стало быстро возрастать. Векселедатели, бланкодатели, поручители, плательщики и получатели засуетились, заметались и потребовали нарушения созданных на их предмет законов, потому что *она* — стачка, революция — нарушила все законы хозяйственного оборота.

Стачка не ограничивается железными дорогами. Она стремится стать всеобщей.

Выпустив пары и потушив вокзальные огни, она вместе с толпою железнодорожных рабочих уходит в город, задерживает трамвай, берет под уздцы лошадь извозчика и ссаживает седока, закрывает магазины, рестораны, кофейни, трактиры и уверенно подходит к воротам фабрики. Там ее уже ждут. Дается тревожный свисток, работа прекращается, толпа на улице сразу возрастает. Она идет дальше и уже несет красное знамя. На знамени сказано, что она хочет Учредительного Собрания и республики, что она борется за социализм. Она проходит мимо редакции реакционной газеты. С ненавистью оглядывается на этот очаг идейной заразы, и, если под руку ей попадется камень, она запускает его в окно. Либеральная пресса, которая думает, что служит народу, высылает к ней депутацию, обещает вносить «примирение» в эти страшные дни и просит пощады. Ее ходатайство оставляется без внимания. Наборные кассы задвигаются, наборщики выходят на улицу. Закрываются конторы, банки... Стачка царит.

Десятого октября открывается всеобщая политическая стачка в Москве, Харькове и Ревеле. Одиннадцатого — в Смоленске, Козлове, Екатеринославе и Лодзи. Двенадцатого — в Курске, Белгороде, Самаре, Саратове и Полтаве. Тринадцатого — в Петербурге, Орше, Минске, Кременчуге, Симферополе. Четырнадцатого — в Гомеле, Калише, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Иркутске. Пятнадцатого — в Вильне, Одессе, Батуме. Шестнадцатого — в Оренбурге. Семнадцатого — в Юрьеве, Витебске, Томске. Бастовали еще Рига, Либава, Варшава, Плоцк, Белосток, Ковно, Двинск, Псков, Полтава, Николаев, Мариуполь, Казань, Ченстохово, Златоуст и др. Всюду замирает промышленная, а во многих местах и торговая жизнь. Учебные заведения закрываются. К стачке пролетариата присоединяются «союзы» интеллигенции. Присяжные заседатели во многих случаях отказываются судить, адвокаты — защищать, врачи — лечить. Мировые судьи закрывают свои камеры.

VI

Стачка организует колоссальные митинги. Напряжение массы и растерянность власти растут параллельно, взаимно питая друг друга. Улицы и площади заполняются конными и пешими патру-

лями. Казаки провоцируют стачку на отпор: они наскакивают на толпу, хлещут плетьми, рубят шашками, стреляют без предупреждения из-за угла.

Тогда стачка показывает, где может, что она вовсе не простое выжидательное прекращение работ, не пассивный протест со скрещенными на груди руками. Она обороняется и в своей обороне переходит в наступление.

В нескольких южных городах она строит баррикады, овладевает оружейными магазинами, вооружается и дает если не победоносный, то героический отпор.

В Харькове 10 октября, после митинга толпа овладела оружейным магазином. 11-го возле университета были воздвигнуты рабочими и студентами баррикады. Поперек улиц были уложены срубленные телеграфные столбы: к ним присоединили: железные ворота, ставни, решетки, упаковочные ящики, доски и бревна; все это было скреплено телеграфной проволокой. Некоторые баррикады были укреплены на фундаменте из камней; поверх бревен были навалены тяжелые плиты, вывороченные из тротуара. К часу дня при помощи этой простой, но благородной архитектуры было воздвигнуто десять баррикад. Забаррикадированы были также окна и проходы университета. Район, где находится университет, был объявлен в осадном положении... Власть над ним вручена какому-то, без сомнения, доблестному генерал-лейтенанту Мау [205]). Губернатор пошел, однако, на соглашение. При посредстве либеральной буржуазии были выработаны почетные условия капитуляции. Организована милиция, которую восторженно приветствуют граждане. Порядок восстанавливается милицией. Из Петербурга требуют, однако, раздавить порядок силой. Милиция, едва успев возникнуть, разгоняется, город снова во власти конных и пеших хулиганов.

В Екатеринославе 11 октября, после предательского расстрела казаками мирной толпы, на улицах впервые появились баррикады. Их было шесть. Самая большая из них, баррикада-мать, стояла на Брянской площади. Возы, рельсы, столбы, десятки мелких предметов — все то, чем революция, по выражению Виктора Гюго [206]), может швырнуть в голову старому порядку — пошли на ее постройку. Скелет баррикады покрыт толстым слоем земли. По сторонам вырыты рвы, а перед ними устроены проволочные заграждения. На каждой баррикаде с утра находилось несколько сот человек. Первый приступ военных сил был неуда-

чен, только в 3 с половиною часа солдаты завладели первой баррикадой. Когда они наступали, с крыш были брошены две бомбы, одна за другой; среди солдат убитые и раненые. К вечеру войска взяли все баррикады. 12-го в городе наступило спокойствие кладбища. Армия чистила свои винтовки, а революция хоронила свои жертвы.

Шестнадцатое октября было днем баррикад в Одессе. С утра на Преображенской и Ришельевской улицах опрокидывали вагоны трамвая, снимали вывески, рубили деревья, сносили в кучу скамейки. Окруженные заграждениями из колючей проволоки, четыре баррикады преграждали улицы во всю ширину. Они были взяты солдатами после боя и разметаны с помощью дворников.

Во многих других городах были уличные столкновения с войсками, были попытки строить баррикады. Но в общем и целом октябрьские дни оставались политической стачкой, революционными маневрами, единовременным смотром всех боевых сил, во всяком случае — не вооруженным восстанием.

VII

И, тем не менее, абсолютизм уступил. Страшное напряжение, охватившее всю страну, растерянные провинциальные донесения, подавлявшие одной своей численностью, полная неизвестность относительно того, что готовит завтрашний день, — все это создало невероятную панику в правительственных рядах. Полной и безусловной уверенности в армии не было: на митингах появились солдаты; ораторы-офицеры уверяли, что треть армии «с народом». Забастовка железных дорог создавала к тому же непреодолимые препятствия делу военных усмирений. И, наконец,— европейская биржа. Она поняла, что имеет дело с революцией, и заявила, что не хочет этого долее терпеть. Она требует порядка и конституционных гарантий.

Потерявший голову и сбитый с ног абсолютизм пошел на уступки. Был объявлен манифест (17 октября). Граф Витте сделался премьером и притом — пусть он попробует это опровергнуть — благодаря победе революционной стачки, точнее будет сказать: благодаря *неполноте* этой победы. В ночь с 17-го на 18-е народ ходил по улицам с красными знаменами, требовал амнистии, пел «вечную память» на местах январских убийств и возглашал

«анафему» под окнами Победоносцева и «Нового Времени»... 18-го утром начались первые убийства конституционной эры.

Враг не был задушен. Он только временно отступил перед неожиданно развернувшейся силой. Октябрьская стачка показала, что революция может теперь единовременно поставить на ноги всю городскую Россию. Это огромный шаг вперед,—и правящая реакция оценила его, когда на октябрьскую пробу сил ответила, с одной стороны, манифестом 17 октября, с другой — призывом всех своих боевых кадров для дела черного террора.

VIII

Десять лет тому назад *) Плеханов [207]) сказал на цюрихском социалистическом конгрессе: русское революционное движение восторжествует, как рабочее движение, или вовсе не восторжествует.

7 января 1905 г. Струве писал: «революционного народа в России нет».

17 октября самодержавное правительство расписалось в первой серьезной победе революции, — и эта победа была одержана пролетариатом. Плеханов был прав: революционное движение восторжествовало, как рабочее движение.

Правда, октябрьская рабочая стачка прошла не только при материальной помощи буржуазии, но и при поддержке ее стачкой либеральных профессий. Однако, это не меняет дела. Стачка инженеров, адвокатов и врачей никакого самостоятельного значения иметь не могла. Она лишь в очень малой степени увеличила политическое значение всеобщей стачки труда. Зато она подчеркнула неоспоримую, неограниченную гегемонию пролетариата в революционной борьбе: либеральные профессии, которые после 9 января усвоили основные демократические лозунги, выдвинутые петербургскими рабочими, в октябре подчинились даже тому методу борьбы, который составляет специфическую силу пролетариата: забастовке. Наиболее революционное крыло интеллигенции, студенчество, уже давно перенесло, при торжественных протестах всей либеральной профессуры, забастовочную борьбу из фабрик в университеты. Дальнейший рост револю-

*) Писалось в 1905 г.

ционной гегемонии пролетариата распространил стачку на суды, аптеки, земские управы и городские думы.

Стачка в октябре была демонстрацией пролетарской гегемонии в буржуазной революции и, вместе с тем, демонстрацией гегемонии города в деревенской стране.

Старая власть земли, обоготворенная народничеством, сменилась *деспотией капиталистического города*.

Город стал хозяином положения. Он сосредоточил в себе колоссальные богатства, он прикрепил к себе деревню железом рельс, по этим рельсам он стянул в свои недра лучшие силы инициативы и творчества во всех областях жизни, он материально и духовно закабалил себе всю страну. Тщетно реакция высчитывает процент городского населения и утешает себя тем, что Россия — все еще крестьянская страна. *Политическая* роль современного города так же мало измеряется голой цифрой его обитателей, как и его экономическая роль. Отступление реакции перед стачкой города при молчании деревни — лучшее доказательство диктатуры города.

Октябрьские дни показали, что в революции гегемония принадлежит городу, в городах — пролетариату. Но вместе с тем они обнаружили *политическую отрезанность сознательно-революционного города от стихийно-возбужденной деревни*.

Октябрьские дни на практике поставили в колоссальном масштабе вопрос: *на чьей стороне армия?* Они показали, что от решения этого вопроса зависит судьба русской свободы.

Октябрьские дни революции вызвали октябрьскую оргию реакции. Черная сила воспользовалась моментом революционного отлива и произвела кровавую атаку. Своим успехом она была обязана тому, что стачка-революция, выпустившая из рук молот, еще не взяла меч. Октябрьские дни со страшной силой показали революции, что ей необходимо оружие.

Организовать деревню и связать ее с собою, тесно связаться с армией, вооружиться — вот простые и большие выводы, продиктованные пролетариату октябрьской борьбой и октябрьской победой.

На эти выводы опирается революция.

* * *

В нашем очерке «До 9 января», написанном в эпоху либеральной «весны», мы пытались наметить те пути, которыми должно пойти дальнейшее развитие революционных отношений. Мы со

всей энергией выдвинули при этом *массовую политическую стачку*, как неизбежный метод русской революции. Некоторые проницательные политики, впрочем, люди почтенные во всех отношениях, обвиняли нас в попытке предписать для революции рецепт. Эти критики разъясняли нам, что стачка, как специфическое средство *классовой пролетарской* борьбы, не может играть в условиях национальной *буржуазной* революции ту роль, какую мы ей «навязываем». События, развивавшиеся наперекор многим глубокомысленным шаблонам, давно уже избавили нас от необходимости возражать этим почтенным критикам*). Всеобщая петербургская стачка, на почве которой разыгралась драма 9 января, разразилась, когда названный очерк не вышел еще из печати: очевидно, наш «рецепт» представлял собою простой плагиат у революционного развития.

В феврале 1905 года, во время хаотических разрозненных стачек, вызванных непосредственно Кровавым Воскресеньем в Петербурге, мы писали:

«После 9 января революция уже не знает остановки. Она уже не ограничивается подземной, скрытой для глаз работой возбуждения все новых народных масс, — она перешла к открытой и спешной перекличке своих боевых рот, батальонов, полков и корпусов. Главную силу ее армии составляет *пролетариат*, поэтому орудием своей переклички революция делает *стачку*.

«Профессия за профессией, фабрика за фабрикой, город за городом бросают работу. Железнодорожный персонал выступает застрельщиком стачки, железнодорожные линии являются путями стачечной эпидемии. Предъявляются экономические требования, которые почти сейчас же удовлетворяются вполне или отчасти. Но ни начало стачки, ни конец ее не обусловливаются в полной мере характером предъявленных требований и формой их удовлетворения. Каждая отдельная стачка возникает не потому, что повседневная экономическая борьба уперлась в определенные требования, — наоборот: требования подбираются и формулируются потому, что нужна стачка. Нужно предъявить самим себе, рабочим других мест, всему народу свои накопленные силы, свою боевую отзывчивость и боевую готовность; нужен всеобщий революционный смотр. И сами стачечники, и те, которые их поддерживают, и те, которые их боятся, и те, которые их ненавидят,

*) Речь идет о литераторах-меньшевиках: Мартове[208]), Дане[209]) и др.

все понимают или смутно чувствуют, что эта бешеная стачка, которая мечется с места на место, останавливается, кружится, снова снимается и возвращается на покинутое место, потом срывается и вихрем мчится вперед, — все понимают или чувствуют, что она — не от себя, что она творит лишь волю пославшей ее революции».

Мы не ошиблись: на почве, подготовленной девятимесячной забастовочной кампанией, выросла великая стачка в октябре.

Для органически-поверхностного либерализма октябрьская стачка была такой же неожиданностью, как и 9 января. В его предварительную историческую схему эти события не входили, они врезались в нее клином, и либеральная мысль мирилась с ними задним числом. Мало того. Если до октябрьской стачки либерализм, опиравшийся на земские съезды, презрительно игнорировал идею всеобщей забастовки, то после 17 октября тот же либерализм, в лице своего левого крыла, опираясь на факт победоносной стачки, восстал против всякой другой формы революционной борьбы.

«Эта мирная забастовка,—писал г. Прокопович в «Праве»[210]),— забастовка, сопровождавшаяся гораздо меньшим числом жертв, чем январское движение, закончившаяся *государственным переворотом*, была революцией, *коренным образом изменившей государственный строй России*».

«История, — продолжает он, — лишив пролетариат одного из средств борьбы за народные права — уличное восстание и баррикады — дала ему другое еще более могучее средство — всеобщую политическую забастовку» *).

Из приведенных выше справок видно, какое огромное значение мы придавали массовой политической стачке, как неизбежному методу русской революции, в то время, когда радикализм г.г. Прокоповичей питался отраженными надеждами земской оппозиции. Но мы никоим образом не можем признать, будто всеобщая стачка отменила и заменила старые методы революции. Она лишь видоизменила и дополнила их. И равным образом, как ни высоко ставим мы значение октябрьской забастовки, мы никак, однако, не можем признать, будто она «коренным образом изменила государственный строй России». Наоборот, все последующее политическое развитие только тем и объясняется, что

*) «Право», 1905 г., № 41.

октябрьская стачка оставила государственный строй *неизмененным*. Более того, она и *не могла* совершить государственный переворот. Как политическая стачка, она исчерпала свою миссию тем, что поставила врагов лицом к лицу.

Бесспорно, забастовка железных дорог и телеграфа вносила крайнюю дезорганизацию в правительственный механизм. Эта дезорганизация становилась тем больше, чем дольше длилась забастовка. Но затяжная забастовка вносила разложение во всю хозяйственно-общественную жизнь и неизбежно ослабляла самих рабочих. В конце концов, стачка не могла не прекратиться. Но как только задымилась труба первого паровоза и застучал первый аппарат Морзе, удержавшаяся власть получала возможность заменить все сломанные рычаги и вообще обновить негодные части старой государственной машины.

В борьбе крайне важно ослабить врага; эту работу делает стачка. Она же ставит единовременно на ноги армию революции. Но ни то, ни другое само по себе не создает государственного переворота.

Остается еще *вырвать власть* из рук ее старых носителей и передать ее в руки революции. Это-то и есть основная задача. Всеобщая стачка создает для нее лишь необходимые предпосылки, но для решения самой задачи метод стачки совершенно недостаточен.

Старая государственная власть опирается на свою материальную силу, прежде всего на армию. На пути к действительному, а не бумажному «перевороту» стоит армия. В известный момент революции во главу угла становится вопрос: на чьей стороне симпатии и штыки солдат? Этот вопрос не разрешается посредством анкеты. Можно высказать много ценных и метких замечаний насчет широких и прямых улиц современных городов, насчет новейших ружейных образцов и пр. и пр., но все эти технические соображения не устраняют вопроса о революционном завоевании государственной власти. Косность армии должна быть преодолена. Революция достигает этого, сталкивая с армией народные массы. Всеобщая стачка создает благоприятные условия такого столкновения. Это — суровый метод, но другого у истории нет.

«Наша революция», 1906 г.
Изд. Н. Глаголева.

ОТ ФЕДЕРАТИВНОГО СОВЕТА

Товарищи! Великая российская революция близится к победе. Наступающие решительные события требуют особенной сплоченности и единства пролетарской борьбы. От степени сознательности, степени организованности пролетариата и от единообразия его выступлений зависит главным образом исход революции. Полная победа революции может быть тогда и только тогда, если во главе ее будет итти пролетариат, который сумеет повести за собой до конца крестьянство и мелкую городскую буржуазию в борьбе за демократическую республику.

В интересах сплоченности и организованности рабочего класса, а значит в интересах наиболее полного успеха революции, Петербургский Комитет и Петербургская Группа [211]) Российской Социал-Демократической Рабочей Партии решили, несмотря на наличность тактических и организационных разногласий, образовать федеративный объединенный совет для совместного руководства политическими выступлениями петербургского пролетариата в предстоящих событиях.

В задачи этого федеративного совета будет входить объединение и планомерное регулирование устной и литературной агитации и всех публичных выступлений пролетариата, равно как и сношения по техническим боевым вопросам со всеми остальными революционными организациями Петербурга.

В состав федеративного совета, кроме представителей Петербургского Комитета и Петербургской Группы, входят представители Центрального Комитета и Организационной Комиссии.

Петербургский комитет. Петербургская Группа РСДРП

«Известия СРД» [212]) № 2,
18 октября 1905 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ [213]), ПРЕДЛОЖЕННАЯ ФЕДЕРАТИВНЫМ СОВЕТОМ ПЕТЕРБУРГСКОГО КОМИТЕТА И ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГРУППЫ РОССИЙСКОЙ СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Мы, собравшиеся, заявляем, что нам, революционному народу Петербурга, тесно в тех ловушках, куда нас приглашает генерал Трепов.

Мы заявляем, что будем попрежнему собираться в университетах, на заводах, на улицах и во всех других местах, где найдем нужным.

Мы заявляем, что собрания народа могут быть обеспечены и охранены не полицейскими циркулярами, а сплоченностью, организованностью и боевой готовностью народных масс.

«Известия СРД» № 2,
18 октября 1905 г.

СТАЧКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ *)

Политическая стачка рабочих за свободу и счастье продолжается. Революционная борьба пролетариата против царского правительства за демократическую республику идет своим чередом. Бесчинства политических шаек Трепова продолжаются прежним порядком.

В пятницу генерал Трепов писал: для народа — «не жалеть патронов». А в субботу тот же палач объявляет: «В народе созрела потребность в митингах». Какая перемена за 24 часа: вчера мы были зрелы только для патронов, а сегодня мы уже созрели для народных собраний!

Кровавый негодяй прав: в эти великие дни борьбы народ зреет по часам!

В народе созрела потребность в митингах, — говорит генерал Трепов, — и открывает для петербургского народа три небольшие клетки. В воскресенье утром захватывает военной силой все университетские здания, ставшие в эти дни достоянием народа.

Но нам, революционному народу Петербурга, тесно в тех полицейских ловушках, дверь которых пред нами раскрывает треповский указ. Мы знаем только одно право, это — право нашей силы. Мы знаем, что народная свобода может быть воздвигнута не на указах царской шайки, а на ее костях.

Наш ответ на новый вызов полицейского генерала ясен и прост: мы идем своим путем. А наш путь — это непримиримая революционная борьба на жизнь и на смерть.

Народу нужны не царские указы, а оружие. Когда петербургский народ возьмет в руки ружье, он на кроваво-красных стенах Зимнего Дворца напишет концом штыка свой великий указ. Это будет указ смерти царскому правительству и указ свободной республиканской жизни для народа.

*) Заголовок проставлен для данного тома. Статья появилась в «Известиях» в качестве передовой. *Ред.*

Революционная стачка продолжается. Отступления народу нет. Впереди жестокая борьба. Для борьбы нужно оружие. Для народного вооружения нужны средства.

Совет Рабочих Депутатов [214]) постановил в субботу отправить делегацию в петербургскую городскую думу [215]), чтоб сурово потребовать от нее отчета в ее делах.

Городская дума тратила и тратит народные миллионы на царскую войну, на царскую жандармерию, на царскую полицию. Нет такого царского преступления, на которое петербургская городская дума не дала бы долю народных средств.

Только для святого дела борьбы с царским правительством дума не находила и не находит средств.

Рабочая депутация именем петербургского пролетариата потребует, чтоб дума выполнила свой долг. Дума должна признать, что для спасения нашей жизни и чести, для завоевания свободы необходима народная милиция. Дума должна признать, что всякий гражданин имеет право на ружье. Дума должна притти на помощь пролетариату и ассигновать необходимые суммы из народных средств для создания народной милиции.

Милиция будет состоять под руководством выбранных вооруженным народом вождей. Милиция будет нашей охраной и опорой. В милиции наше спасение!

«Известия СРД» № 2,
18 октября 1905 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ О ПРЕКРАЩЕНИИ ВСЕОБЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗАБАСТОВКИ

(*19 октября*)

Считаясь с необходимостью для рабочего класса, опираясь на достигнутые победы, организоваться наилучшим образом и вооружиться для окончательной борьбы за созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и для учреждения Демократической Республики, Совет Рабочих Депутатов постановляет: прекратить 21 октября, в 12 часов дня, всеобщую политическую забастовку с тем, чтобы, смотря по ходу событий, по первому же призыву Совета возобновить ее для дальнейшей борьбы так же дружно, как и до сих пор, за наши требования.

«Известия СРД» № 3,
20 октября 1905 г.

2. ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА

ЦАРСКИЙ МАНИФЕСТ *)

Еще никогда российский пролетариат не проявлял такой могучей силы и сплоченности, как в нынешней революционной стачке.

Еще никогда царское правительство так открыто не сознавалось в своей слабости, как 17 октября. Рабочий класс идет вперед уверенно, мужественно и решительно. Царское правительство, злобное и трусливое, льстивое и кровожадное, отступает шаг за шагом под напором рабочей «смуты».

Манифестом 17 октября[216]) правительственная шайка открыто признала перед всем миром, что русская революция загнала ее в тупой переулок.

Г. Витте, который заслужил недавно графский титул, подписавшись под военным позорищем русского самодержавия [217]), теперь призван спасать Россию. Сперва народ должен был успокоиться под влиянием булыгинской Думы. А когда этого оказалось недостаточно, понадобилась конституция г. Витте.

И вот конституция дана.

Дана свобода собраний, но собрания оцепляют войсками.

Дана свобода слова, но цензура осталась неприкосновенной.

Дана свобода науки, но университеты заняты войсками.

Дана неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены заключенными.

Дан Витте, но оставлен Трепов.

Дана конституция, но оставлено самодержавие.

Все дано и не дано ничего. Жалкие лживые обещания даны с наглым расчетом обмануть народ!

Но неужели же граф Витте, эта хитрая травленая лиса,

---

*) Заголовок проставлен для настоящего издания. *Ред.*

надеется в самом деле кого-нибудь обмануть? Неужели граф Витте думает, что великий забастовщик—русский пролетариат может поверить царскому манифесту?

Г. Витте уверял недавно железнодорожных депутатов, что всеобщее избирательное право может принести пролетариату только один вред, так как капиталисты будут на выборах покупать голоса рабочих. Русские министры так привыкли походя торговать собой, что нет ничего удивительного, если г. Витте думает, что и пролетариат торгует своей политической совестью. Но какую же меру г. Витте предлагает против подкупов? Он считает, что во избежание соблазна лучше всего лишить рабочих избирательного права и сразу оптом продать все голоса капиталистам. Графу Витте это решение может казаться гениальным. Но революционные рабочие, привыкшие вести свою борьбу на-чистоту, могут только презрительно усмехнуться на такие ничтожные и глупые плутни спасителя России.

Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, — этот лозунг попрежнему остается на знамени революционной стачки, т.-е. той самой «смуты», с которой намерен бороться г. Витте.

Правда, граф может рассчитывать на то, что ему удастся успокоить «благомыслящих» граждан, т.-е. буржуазные классы. Тут его шансы обстоят несравненно лучше.

Петербургская городская дума, конечно, готова пасть в объятия г. Витте. Эта наглая дума из отъевшихся кабатчиков, низкопоклонных бюрократов и либеральных трусов имела наглость даже не подвергнуть рассмотрению поднятый рабочими вопрос о милиции.

Но разве же конституция 17 октября дана для успокоения этих господ? Разве петербургская городская дума до «конституции» беспокоила чем-нибудь г. Витте? Нет! Она всегда была так ничтожна, жадна, труслива и развращена, что могла быть для г. Витте только другом, а не врагом. Опасность для царского правительства представляют не толстосумы, а рабочий класс. Но его не успокоят ни г. Витте, ни петербургская дума, ни те либеральные газетчики, которых г. Витте призывал к себе в переднюю. Пролетариат знает, чего хочет, и знает, чего не хочет.

Он не хочет ни полицейского хулигана Трепова, ни «либерального» маклера Витте — ни волчьей пасти, ни лисьего хвоста. Он не желает нагайки, завернутой в конституцию.

Рабочий класс сам хочет быть хозяином в своей стране и потому требует демократической (народной) республики. Царь так же мало нужен народу, как и царские холопы.

И пусть знают все враги пролетариата, что его ничто не остановит на пути к республике. Всеобщая стачка показала, что она превосходное средство борьбы. Это признало само правительство 17 октября, и пролетариат продолжит ее, пока центральный Совет Депутатов не призовет его стать на работу, чтобы в нужный момент с новой силой и еще большей стремительностью ринуться в борьбу за свое освобождение.

Лозунги борьбы те же: Учредительное Собрание, удаление войск, создание милиции, амнистия, восьмичасовой рабочий день.

Ни злодейский приказ: «не жалеть патронов», ни предательский манифест 17 октября не могут изменить тактики пролетариата.

Чего не даст стачка, то будет добыто вооруженным восстанием.

Пролетариат Петербурга бодро и уверенно встречает грядущий день.

Может ли это о себе сказать г. Витте или его жалкий хозяин?

«Известия СРД» № 3,
20 октября 1905 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ ПО ВОПРОСУ О ТОРЖЕСТВЕННЫХ ПОХОРОНАХ ПЕРВЫХ ЖЕРТВ «КОНСТИТУЦИИ»

(*22 октября*[218])

Совет Рабочих Депутатов имел намерение устроить жертвам правительственных злодейств торжественные похороны в воскресенье 23 октября. Но мирное намерение петербургских рабочих поставило на ноги всех кровавых представителей издыхающего строя. Поднявшийся на трупах 9 января генерал Трепов, которому уже нечего терять перед лицом революции, бросил сегодня петербургскому пролетариату последний вызов. Трепов нагло дает понять в своем объявлении, что план[219]) его состоит в том, чтобы направить на мирное шествие вооруженные полицией банды черной сотни, а затем, под видом умиротворения, снова залить кровью улицы Петербурга, как другие полицейские башибузуки залили кровью Томск, Одессу, Тверь, Ревель, Курск, Кременчуг и другие города. Ввиду этого полицейского плана

который лишний раз показывает, какую цену имеют обещания и манифесты царского правительства, Совет Депутатов заявляет: петербургский пролетариат даст царскому правительству последнее сражение не в тот день, который изберет Трепов, а тогда, когда это будет выгодно вооруженному и организованному пролетариату. Посему Совет Депутатов постановляет:

заменить всеобщее траурное шествие внушительными повсеместными митингами чествования жертв,

памятуя при этом, что павшие борцы своей смертью завещали нам удесятерить наши усилия для дела самовооружения и приближения того дня, когда Трепов вместе со всею полицейскою шайкою будет сброшен в общую грязную кучу обломков монархии.

«Известия СРД» № 4,
30 октября 1905 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 3 «Известий» в статье о заседании Совета от 19 октября (1 стр. 2 столб.) вкралась крайне досадная неточность. Представитель Федеративного Социал-Демократического Совета, согласно этому отчету, говорит, что «разлад между Советом Рабочих Депутатов и социал-демократической партией пагубен». Эти слова могут быть поняты так, будто между Рабочим Стачечным Советом и рабочей партией уже существует какой-нибудь разлад. А между тем, к счастью для дела, между ними существует полная солидарность, и все предложения партии всегда встречали в Совете общее сочувствие. В своей речи я в действительности сказал лишь, что разлад между Советом и партией был бы пагубным для дела, если бы возник, а потому я призывал Рабочий Совет вести свои дела в постоянном сотрудничестве с социал-демократией, единственной международной партией рабочего класса.

С товарищеским приветом *Л. Яновский* *).

«Известия СРД» № 4,
30 октября 1905 г.

---

*) Л. Яновский—тогдашний псевдоним т. Троцкого. *Ред.*

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ О МЕРАХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПОГРОМА

(*22 октября*[221])

Производимые по всей России полчищами черной сотни, при содействии явной и тайной полиции, еврейские погромы и избиения рабочих и интеллигенции являются новой формой борьбы с общественными группами, завоевавшими для России свободу. А потому Совет Рабочих Депутатов решительно заявляет, что русский пролетариат будет бороться всеми доступными ему средствами со всякими попытками черносотенцев и их вдохновителей путем насилия, уб йств и грабежей остановить великое и грозное шествие его к истинной свободе.

«Известия СРД» № 4,
30 октября 1905 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ О ВВЕДЕНИИ 8-ЧАСОВОГО РАБОЧЕГО ДНЯ[222])

(28 октября)

Совет Рабочих Депутатов приветствует тех товарищей, которые революционным путем ввели у себя на заводах 8-часовой рабочий день. Совет Рабочих Депутатов считает, что повсеместное введение 8-часового рабочего дня требует соответственного повышения расценок, дабы заработная плата осталась по меньшей мере на прежнем уровне. Совет Рабочих Депутатов единогласно постановляет всем отставшим фабрикам и заводам г. Петербурга ввести с 31 октября революционным путем 8-часовой рабочий день. Взаимная поддержка рабочих всех районов будет залогом успешного выполнения постановления Совета Депутатов.

«Известия СРД» № 5,
3 ноября 1905 г.

РЕЧЬ НА ЭКСТРЕННОМ ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

(*1 ноября*[223])

Товарищи! Я думаю, что выражу здесь общую всем нам мысль, если скажу, что борьба польского и русского пролетариата есть общая борьба под одним девизом: «Пролетарии всех стран,

соединяйтесь!». То дело, за которое стоит польский пролетариат, есть наше дело; то дело, за которое стоим мы, есть его дело, и потому мы готовы протянуть руку польскому пролетариату для нашей общей борьбы. Мы хорошо знаем, что значат царские обещания и какова им цена, и потому с ними не считаемся. Пролетариат знает, что, только сокрушивши самодержавие и устроивши на развалинах его демократическую республику, он будет свободно жить и развиваться. Русский пролетариат за всеми национальностями признает право самоопределения и всегда будет бороться против всяких форм эксплоатации, и если поляки страдают от националистических стремлений нашего правительства, то в борьбе польского пролетариата с правительством его всегда поддержит пролетариат русский. Он знает, что те сепаратистские требования, которые выставляют некоторые польские группы, не суть требования польского пролетариата. Его задачи вполне тождественны с нашими, и наша борьба может быть только общей борьбой. Царское правительство объявляет сегодня военное положение в Польше, завтра усиленную охрану в Черниговской, Самарской и пр. губерниях; оно жмет одинаково и русский и польский народ, и мы должны рука об руку — пролетариат русский и польский—напрячь все усилия, чтобы раздавить окончательно ненавистную монархию, — всех царей и их приспешников *).

«Известия СРД» № 5,
3 ноября 1905 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ О ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКЕ

(*1 ноября* [224])

1. Царское правительство продолжает шагать по трупам. Оно предает полевому суду смелых кронштадтских солдат армии и флота, восставших на защиту своих прав и народной свободы. Оно закинуло на шею угнетенной Польши петлю военного положения.

2. Совет Рабочих Депутатов призывает революционный пролетариат Петербурга, посредством общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредством общих митингов протеста проявить свою братскую солидарность с революционными солдатами Кронштадта и революционными пролетариями Польши.

*) Текст речи неточен, точного текста найти не удалось. *Ред.*

Завтра, 2 ноября, в 12 часов дня, рабочие Петербурга прекращают работу с лозунгами:

1. Долой полевые суды!
2. Долой смертную казнь!
3. Долой военное положение в Польше и во всей России!

«Известия СРД» № 5,
3 ноября 1905 г.

ОТВЕТ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ НА ТЕЛЕГРАММУ ГРАФА ВИТТЕ «К БРАТЦАМ-РАБОЧИМ» [225])

(*3 ноября*)

«Совет Рабочих Депутатов, выслушав телеграмму графа Витте к «братцам-рабочим», выражает прежде всего свое крайнее изумление по поводу бесцеремонности царского временщика, позволяющего себе называть петербургских рабочих «братцами». Пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят.

По существу Совет заявляет:

1. Граф Витте призывает нас пожалеть наших жен и детей. Совет Рабочих Депутатов призывает в ответ всех рабочих подсчитать, сколько вдов и сирот прибавилось в рабочих рядах с того дня, как Витте взял в свои руки государственную власть.

2. Граф Витте указывает на милостивое внимание государя к рабочему народу. Совет Рабочих Депутатов напоминает петербургскому пролетариату о кровавом воскресении 9 января.

3. Граф Витте просит дать ему «*время*» и обещает сделать для рабочих «*все возможное*». Совет Рабочих Депутатов знает, что Витте уже нашел *время* для того, чтобы отдать Польшу в руки военных палачей, и Совет Рабочих Депутатов не сомневается, что г. Витте сделает *все возможное*, чтобы задушить революционный пролетариат.

4. Граф Витте называет себя человеком, расположенным к нам и желающим нам добра. Совет Рабочих Депутатов заявляет, что он не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует народного правительства на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

«Новая Жизнь» [226]) № 7,
7 ноября 1905 г.

ОТВЕТ ГРАФУ ВИТТЕ

В час, назначенный Советом Рабочих Депутатов, снова замерла торгово-промышленная жизнь в Петербурге. Оказалось, что все осталось по-старому. Устранение полицейского диктатора Трепова так же мало изменило политику правительства, как мало манифест 17 октября изменил политику пролетариата. Все осталось по-старому.

Но это положение совершенно губит примирительную карьеру самодержавного графа.

Г. Витте готовился заключить политическую сделку с земским съездом 6 ноября. Политическая стачка пролетариата затруднила эту сделку. Земцам невыгодно поступать в услужение к правительству, которое бессильно умиротворить пролетариат и обеспечить мирное течение хозяйственной жизни.

Г. Витте нуждается во внешних займах. Но кто даст деньги бессильному правительству, не знающему, что сулит ему завтрашний день? 3 ноября государственная рента пала так низко, как ни разу не падала во все время войны.

Возобновившаяся стачка заставила графа Витте растеряться до потери сознания. Он обратился к революционному петербургскому пролетариату с нравоучением, в котором наглость переплетается с заискиванием. С возмутительной развязностью Витте в своем воззвании называет рабочих «братцами». Он советует им «бросить смуту» и всецело положиться на его императорское величество и на его сиятельство.

Какой, в самом деле, нужен медный лоб, чтобы осмелиться обратиться к петербургскому пролетариату с такими увещаниями?

Пролетариат с презрением пройдет мимо воззвания Витте к своим революционным задачам.

Политическая стачка-протест продолжится до тех пор, пока Совет Депутатов, совместно с Федеративным Комитетом нашей партии, не признает, что стачка выполнила свою роль. Тогда Совет объявит ее прекращенной — не для того, чтобы дать Витте возможность спокойно благодетельствовать пролетариат, но чтобы организовать и вооружать рабочие массы для решительной атаки на правительство Витте, прикрывающее преступную романовскую монархию.

«Начало»[227]) *№ 3,*
16 (28) ноября 1905 г.

ВИТТЕ — АГЕНТ БИРЖИ, СТРУВЕ — АГЕНТ ВИТТЕ

Петр Струве оставил примирительный тон. Это надоело ему. Он примирял на протяжении 2—3 лет социализм с либерализмом, либерализм с самодержавием, революцию с земцами и, наконец, нравственный идеал с политическими предательствами. Но революционный пролетариат вывел его из себя. Непрерывные стачки ведут к анархии, анархия грозит культуре. «Скорее за дело!» — взывает он в «Русских Ведомостях».

«В атмосфере русской жизни висит диктатура: диктатура тех, кого клянут «черной сотней», и тех, кто себя именует (sic!) «революционным пролетариатом».

«Крайние левые партии мы не станем убеждать бесполезными речами. Мы должны поставить их лицом к лицу с нашими *действиями* — единственный метод, гарантирующий успех».

Что это за «действия»? Г. Струве мямлит что-то о политической демократии, но секрет «действий», которыми нам грозят, не здесь.

«Фабриканты могут, — пишет Струве, — уйти от хозяйственной дезорганизации, заколотив фабрики и переселившись за границу со своими капиталами. Рабочие и крестьяне со своими женами и детьми могут уходить от нее только — *в могилу*».

В то время когда фабриканты, за спиной которых стоит Витте, выбрасывают пролетариат на улицу, чтобы убить революцию голодом, г. Струве требует от революционного пролетариата спокойствия — под угрозой «действий», за которыми для рабочих открывается могила.

«Скорее за дело!»,—торопит г. Струве, которому октябрьская победа пролетариата дала возможность вернуться в Петербург — для продолжения таинственных переговоров с Витте.

Не есть ли статья, именем либерализма угрожающая рабочим голодной смертью, прямой и непосредственный результат сделки Струве-Витте? Мы громко и отчетливо спрашиваем об этом. Мы будем считать это доказанным, если г. Струве не объявит публике, о чем именно и от чьего имени вел он переговоры с временщиком, так уверенно стремящимся затянуть петлю на шее рабочего класса.

Мы ждем ответа.

«Начало» [227]) *№ 3,*
16 (26) ноября 1905 г.

РЕЧЬ ДОКЛАДЧИКА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

(*5 ноября*[228])

Только что была оглашена правительственная телеграмма, в которой говорится, что кронштадтские матросы предаются не военно-полевому суду, а военно-окружному суду[229]).

Опубликованная телеграмма представляет ничто иное, как демонстрацию слабости царского правительства, ничто иное, как демонстрацию нашей силы. Мы снова можем поздравить пролетариат Петербурга с огромной моральной победой. Но скажем прямо: если бы это правительственное заявление и не появлялось, мы все равно должны были бы призвать петербургских рабочих к прекращению стачки. По сегодняшним телеграммам видно, что везде в России политическая манифестация идет на убыль. Наша настоящая забастовка имеет характер демонстративный. Только под этим углом зрения мы можем оценивать ее успех или неуспех. Нашей прямой и непосредственной целью было показать пробуждающейся армии, что рабочий класс — за нее, что молчаливо он не даст ее в обиду. Разве мы не достигли этой цели? Разве мы не привлекли к себе сердце каждого честного солдата? Кто станет это отрицать? А если так, можно ли утверждать, что мы ничего не добились, можно ли смотреть на окончание забастовки, как на наше поражение? Разве мы не показали всей России, что через несколько дней после окончания великой октябрьской борьбы, когда рабочие еще не успели омыть кровь и залечить раны, дисциплинированность масс оказалась настолько высокой, что по одному слову Совета все снова забастовали, как один человек. Смотрите! к забастовке примкнули на этот раз самые отсталые заводы, никогда раньше не бастовавшие, и здесь, в Совете, заседают теперь вместе с нами их депутаты. Передовые элементы армии устроили митинги протеста и таким образом приняли участие в нашей манифестации. Это ли не победа? Это ли не блестящий результат? Товарищи, мы сделали то, что должны были сделать. Европейская биржа снова салютовала нашей силе. Одно сообщение о постановлении Совета Рабочих Депутатов отразилось крупным падением нашего курса за границей. Таким образом каждое наше постановление — было ли оно ответом гр. Витте или правительству в целом — наносило абсолютизму решительный удар.

Некоторые товарищи требуют, чтобы забастовка продолжалась до передачи кронштадтских матросов суду присяжных и до отмены военного положения в Польше. Другими словами — до падения существующего правительства, ибо против нашей забастовки — в этом нужно отдать себе ясный отчет, товарищи, — царизм выдвинет все свои силы. Если смотреть на дело так, что целью нашего выступления должно быть свержение самодержавия, то, разумеется, мы не достигли цели. С этой точки зрения нам нужно было затаить негодование в груди и отказаться от демонстрации протеста. Но наша тактика, товарищи, вовсе не построена по этому образцу. Наши выступления — это ряд последовательных битв. Цель их — дезорганизация врага и завоевание симпатии новых друзей. А чья симпатия для нас важнее сочувствия армии? Поймите: обсуждая вопрос, продолжать забастовку или нет, мы в сущности обсуждаем вопрос, оставить ли за забастовкой демонстративный характер или обратить ее в решительный бой, т.-е. довести до полной победы или поражения. Мы не боимся ни сражений, ни поражений. Наши поражения — это только ступени нашей победы. Мы это уже не раз доказывали нашим врагам. Но для каждого боя мы ищем наиболее благоприятных условий. События работают на нас, и нам не к чему форсировать их ход. Я спрашиваю вас, для кого выгодно оттянуть решительное столкновение — для нас или для правительства? Для нас, товарищи! Ибо завтра мы будем сильнее, чем сегодня, а послезавтра — сильнее, чем завтра. Не забывайте, товарищи, что только недавно для нас создались те условия, при которых мы можем устраивать тысячные митинги, организовывать широкие массы пролетариата и с революционным печатным словом обращаться ко всему населению страны. Необходимо возможно более использовать эти условия для самой широкой агитации и организации в рядах пролетариата. Период подготовки масс к решительным действиям мы должны затянуть, сколько можем, сколько успеем, быть может, на месяц-два, чтобы затем выступить возможно более сплоченной и организованной армией. Правительству, конечно, было бы удобнее расстрелять нас сейчас, когда мы менее готовы к окончательному сражению. У некоторых товарищей возникает сегодня, как и в день отмены похоронной манифестации, следующее сомнение: ударив сейчас отбой, сможем ли мы в другой момент снова поднять массу? Не успокоится ли она? Я отвечаю: неужели же нынешний государ-

19*

ственный строй может создать условия для ее успокоения? Неужели у нас есть основания беспокоиться, что впереди не будет событий, которые заставят ее подняться? Поверьте, их будет слишком много, — об этом позаботится царизм. Не забывайте, далее, что нам еще предстоит избирательная кампания, которая должна будет поднять на ноги весь революционный пролетариат. И кто знает, не окончится ли избирательная кампания тем, что пролетариат взорвет на воздух существующую власть? Не будем же нервничать и обгонять события. Мы должны больше доверять революционному пролетариату. Разве он успокоился после 9 января? После комиссии Шидловского? После черноморских событий? Нет, революционная волна неизменно нарастает, и недалек тот момент, когда она захлестнет собою весь самодержавный строй.

Впереди — решительная и беспощадная борьба. Прекратим сейчас забастовку, удовлетворившись ее огромной моральной победой, и приложим все наши силы для создания и укрепления того, что нам нужнее всего — организация, организация и организация. Стоит оглянуться вокруг, чтобы увидеть, что и в этой области каждый день приносит нам новые завоевания.

Организуются сейчас железнодорожные служащие и почтово-телеграфные чиновники. Сталью рельс и проволокою телеграфа они свяжут в единое целое все революционные очаги страны. Они дадут нам возможность поднять в нужный момент всю Россию в двадцать четыре часа. Необходимо подготовиться к этому моменту и довести дисциплину и организованность до высших пределов. За работу, товарищи!

Сейчас же необходимо перейти к боевой организации рабочих и их вооружению. Составляйте на каждом заводе боевые десятки с выборным десятским, сотни — с сотским и над этими сотнями ставьте командира. Доводите дисциплину в этих ячейках до такой высокой степени, чтобы в каждую данную минуту весь завод мог выступить по первому призыву. Помните, что при решительном выступлении мы должны рассчитывать только на себя. Либеральная буржуазия уже начинает с недоверием и враждою относиться к нам. Демократическая интеллигенция колеблется. Союз союзов, так охотно примкнувший к нам в первую забастовку, значительно менее сочувствует второй. Один член его на-днях сказал мне: «Своими забастовками вы восстановляете против себя общество. Неужели вы рассчитываете справиться с врагами только собственными силами?». Я напомнил ему один

момент из французской революции, когда Конвент сделал постановление: «французский народ не вступит в договор с врагом на своей территории». Кто-то из членов Конвента крикнул: «неужели вы заключили договор с победой?» Ему ответили: «нет, мы заключили договор со смертью».

Товарищи, когда либеральная буржуазия, как бы кичась своей изменой, спрашивает нас: «вы одни, без нас, думаете бороться? разве вы заключили договор с победой?» — мы ей в лицо бросаем наш ответ: «нет, мы заключили договор со смертью!».

«Известия СРД» № 7,
7 ноября 1905 г.

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ СБРОШЕНО!

Военное положение в Польше отменено. После реакционного безумия — политическая трусость, не смеющая даже дело репрессии доводить до конца.

Правительственное сообщение говорит, что военное положение «отрезвило» Польшу и ныне снято по ходатайству Скалона [230]).

Этот кровавый маниак, требовавший на-днях расстрела мирных митингов — «вплоть до полного истребления!» — выставлен в сообщении ходатаем за права Польши.

Как будто нельзя было совершить отступление, не подчеркивая своего позора нелепостью мотивировки!

На провокацию военного положения пролетарская Польша ответила укреплением своих связей с пролетарской Россией.

На позорное отступление врага братская Польша ответит вместе с нами новым наступлением.

Да здравствует революционная борьба!

Да здравствует братство свободных народов!

«Начало» № 6,
19 (2 декабря) ноября 1905 г

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

(*5 ноября* [231])

Царское правительство решило воспользоваться передышкой, наступившей в революционной борьбе после славных дней октябрьской забастовки; рассчитывая на утомление пролетариата,

правительство бросило наглый вызов народу, объявив всю Польшу на военном положении, отправив пулеметы к голодающим крестьянам и поставив кронштадтских солдат и матросов перед угрозой расстрела.

Рабочие Петербурга сочли своим долгом дать новый урок царскому правительству и напомнить ему, что революционный пролетариат существует, бодрствует и готов отвечать ударом на удар.

Стачка-протест, объявленная Советом Рабочих Депутатов, началась 2 ноября в 12 часов дня и продолжается в настоящий момент с таким единодушием, которое превосходит даже январскую и октябрьскую забастовки. Этот новый революционный удар, нанесенный царскому правительству, не только показал удивительную энергию, неутомимость, сплоченность и дисциплину пролетариата, но и привлек к рабочим симпатии лучшей части армии и вместе с тем еще больше подорвал русские государственные финансы.

Единодушная забастовка петербургского пролетариата ясно показала царскому правительству и всему населению, что пролетариат не позволит молча душить граждан, восстающих против варварского деспотизма; поэтому Совет Рабочих Депутатов, считая необходимым беречь силы рабочих для решительного сражения, постановляет:

прекратить стачечную манифестацию в понедельник 7 ноября, в 12 час. дня.

Приглашая рабочий класс всей России поддержать в той или другой форме протест петербургского пролетариата против полевых судов, военного положения, смертной казни и зверских погромов черной сотни, Совет Рабочих Депутатов призывает сознательных рабочих удесятерить революционную работу в рядах армии и немедленно приступить к боевой организации рабочих масс, планомерно подготовляя таким образом последнюю всероссийскую схватку с кровавой монархией, доживающей свои последние дни.

«Известия СРД» № 7,
7 ноября 1905 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ, О 8-ЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ

(6 ноября [232]*)*

«Совет Рабочих депутатов констатирует, что энергичная борьба петербургских рабочих за немедленное введение 8-часового рабочего дня неопровержимо доказала, до какой степени это сокращение рабочего времени является жгучей потребностью рабочего класса, за которую он готов бороться до крайней степени.

Признавая в то же время, что для осуществления этой меры безусловно необходима широкая массовая организация петербургских и вообще российских рабочих в политические и профессиональные союзы, Совет Рабочих Депутатов настойчиво рекомендует петербургским рабочим приложить все усилия к скорейшему созданию союзов и всероссийских съездов, которые смогут выработать практический способ для осуществления 8-часового рабочего дня. Вместе с тем Совет Рабочих Депутатов рекомендует немедленно и дружно добиваться возможного сокращения рабочего времени, стремясь к скорейшему завоеванию организованным пролетариатом 8-часового рабочего дня».

«Новая Жизнь» № 7,
8 ноября 1905 г.

НАКАНУНЕ

Революция развивает свое содержание с неутомимой энергией. Она захватила колоссальную массу и выработала могучую инерцию движения. Она даже не нуждается в заклинаниях, которые вызвали бы ее. Она игнорирует заклинания, которые пытаются ее остановить. Она действует со стихийной мудростью и стихийной жестокостью самой природы. Когда ей нужно достигнуть какого-нибудь результата, она делает десятки и сотни опытов; ряд частных поражений и неудач она превращает в ступени своей победы.

Январская стачка, в Петербурге послужила вступлением к девятимесячному периоду стачечной мобилизации пролетарских сил. Революция нащупывала поле своих действий и вызывала десятки, сотни, тысячи разрозненных стачек. Итог этой работе подвела историческая стачка в октябре.

На этом этапе революция вплотную уперлась в вопрос: на чьей стороне армия? И она занялась практическим решением этого вопроса. Кронштадтское восстание, восстание в Севастополе [233]). Оба восстания раздавлены. Но революция продолжает свою перекличку по армии. Из Варшавы телеграфируют заграничным газетам о мятеже литовского полка. Под Варшавой, в Рембертове, волнуются артиллеристы. В Волковышках и в Остроленце бунтуют драгуны. В Воронеже восстает под красным знаменем дисциплинарный батальон. Наконец, в Киеве знамя восстания поднимают саперы.

Разрозненные вспышки подавлены. У «мятежников» отнято оружие, судебно-полевая власть ведет розыски зачинщиков, военным пленникам царизма грозит расстрел. Все это — работа палача, автоматически опускающего кровавую секиру. Нельзя предвидеть, сколько героических голов еще отхватит палач. Но ясно одно: разрозненные военные восстания, единовременно в разных местах, дали ответ на поставленный революцией вопрос: армия не на стороне царизма, она на стороне народа.

Правда, военные восстания до сих пор терпят поражения. Генерал-лейтенант Меллер-Закомельский [234]) телеграфирует из Севастополя, что «мятежники в военных действиях выказали полное малодушие и неумелость». Бравый севастопольский полководец забывает, что военные «мятежники» могли проявить в восстании лишь ту «умелость», какую они приобрели в самодержавной казарме. За «неумелость» восстания прежде всего ответственны гг. Чухнины и Закомельские... Что касается «малодушия»... — не показалось ли генерал-лейтенанту малодушием то неизменное революционное великодушие, которое останавливается пред бойней, когда сомневается в исходе? Не генералам Порт-Артура и Мукдена бросать героической революции обвинение в малодушии! Но пусть они успокоятся и насчет «неумелости». Школа восстания, через которую революция проводит армию, даст ей несравненно высшую боевую подготовку, чем отупляющая и развращающая казарма.

Царизм восстановил против себя весь народ и зверски столкнул его с армией. Он нанес народу страшные раны, но восстановил против себя громадную часть армии. И тем не менее он сопротивляется. Он делает страшные усилия, чтобы поскорее довести дело до последней решающей схватки.

Разрозненные стачки подготовили всероссийское выступление *пролетариата*. Аграрные волнения объединяют и организуют *крестьянство*. Военные «мятежи» дают единство революционного настроения *армии*. Единство революционной задачи обеспечивает единство грядущего выступления.

Сомнений нет: мы накануне решающих событий.

«Начало» № 8,
23 (6) ноября 1905 г

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ВВЕДЕНИЯ 8-ЧАСОВОГО РАБОЧЕГО ДНЯ

(*12 ноября*[285])

Решение Совета Рабочих Депутатов ввести 8-часовый рабочий день революционным путем встретило упорное сопротивление объединенных капиталистов.

Правительство гр. Витте, которое стремится сломить силу пролетариата, стало на защиту капитала и этим самым превратило вопрос о 8-часовом рабочем дне в Петербурге в вопрос общегосударственный.

А это приводит к тому, что петербургские рабочие отдельно от рабочих всей страны не могут сейчас осуществить постановление Совета Рабочих Депутатов.

Посему Совет Рабочих Депутатов считает необходимым *временно приостановить немедленное повсеместное проведение революционным путем 8-часового рабочего дня.*

К этому Совет прибавляет: что завоевано — то должно отстаиваться и впредь; где возможны, по мнению отдельных заводов, дальнейшие завоевания, там они должны быть взяты; борьба отдельных заводов, если они сочтут нужным ее продолжать, встретит, разумеется, материальную и моральную поддержку других заводов. Что же касается повсеместного введения 8-часового рабочего дня, то оно остается задачей нашей борьбы.

В целях разрешения этой задачи необходима всероссийская организация пролетариата.

Совет Рабочих Депутатов считает необходимым на-ряду с повсеместной агитационной и организационной работой использовать, между прочим, предстоящий в Москве съезд рабочих организаций для того, чтобы придать борьбе за 8-часовой рабочий день всероссийский характер.

«Новая Жизнь» № 13,
15 ноября 1905 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОВЕТА О БОРЬБЕ С ЛОКАУТАМИ [236])

(14 ноября)

«Граждане! Более ста тысяч рабочих выброшены на мостовую в Петербурге и других городах.

Самодержавное правительство объявило войну революционному пролетариату. Реакционная буржуазия соединяется с самодержавием, намереваясь голодом заставить рабочих смириться и расстроить борьбу за свободу.

Совет Рабочих Депутатов заявляет, что этот невиданный еще расчет массы рабочих есть провокация со стороны правительства. Правительство хочет вызвать пролетариат Петербурга на одиночные вспышки; правительство хочет воспользоваться тем, что рабочие других городов еще не достаточно тесно сплотились с петербургскими, и разбить тех и других по одиночке.

Совет Рабочих Депутатов заявляет, что дело свободы в опасности. Но рабочие не поддадутся на эту провокацию правительства. Рабочие не примут сражения в тех невыгодных условиях, в которых хочет навязать им сражение правительство. Мы должны приложить и приложим все усилия, чтобы *объединить всю борьбу и всероссийского пролетариата, и революционного крестьянства, и армии, и флота,* которые геройски подымаются уже за свободу.

Ввиду этого Совет Рабочих Депутатов постановляет:

1) Все закрытые заводы должны быть немедленно открыты, и все рассчитанные товарищи приняты обратно на свои места. Все слои народа, не на словах, а на деле дорожащие свободой, приглашаются поддержать это требование.

2) Для поддержания этого требования Совет Рабочих Депутатов считает необходимым обратиться к солидарности всего российского пролетариата и в случае отказа в выполнении требования, призвать его ко всеобщей политической забастовке и другим видам решительной борьбы.

3) В целях подготовки этого выступления Советом Рабочих Депутатов поручено Исполнительному Комитету немедленно путем посылки делегатов и другими способами войти в сношение с рабочими других городов, с железнодорожным, почтово-телеграфным, крестьянским и другими союзами, а также с армией и флотом.

4) По выполнении этой предварительной работы Исполнительный Комитет созывает экстренное собрание Совета Рабочих Депутатов для постановления окончательного решения по поводу забастовки.

5) Петербургский пролетариат предлагает всем рабочим и всем слоям общества и народа всеми средствами, материальными, нравственными и политическими, поддержать рассчитанных рабочих.

«Новая Жизнь» № 13,
15 ноября 1905 г.

ТЕЛЕГРАММА СЕВАСТОПОЛЬЦАМ ОТ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

«Совет Рабочих Депутатов, от имени петербургского пролетариата, шлет горячий привет севастопольским солдатам и матросам, решившимся, следуя славному примеру потемкинцев, стать на борьбу за свободу в братском союзе с рабочими.

Да будут севастопольские события примером для солдат всей России, как забастовка петербургских рабочих в защиту кронштадтских матросов — примером для рабочих всей России. Тогда союз революционного пролетариата и революционного войска положит конец всем остаткам самодержавия и водворит на развалинах его свободный демократический строй *).

«Новая Жизнь» № 14,
16 ноября 1905 г.

МАНИФЕСТ К СОЛДАТАМ [237])

Совет Рабочих Депутатов отвечает солдатам:

Братья-солдаты армии и флота!

Вы часто обращаетесь к нам, Совету Рабочих Депутатов, за советом и поддержкой. Когда арестовали солдат Преображенского полка, вы обратились к нам за помощью. Когда арестовали учеников военно-электротехнической школы, вы обратились к нам за поддержкой. Когда флотские экипажи высылались под конвоем из Петербурга в Кронштадт, они искали у нас защиты.

---

*) Телеграмма эта не была доставлена.

Целый ряд полков посылает к нам своих депутатов.

Братья-солдаты, вы правы. У вас нет другой защиты, кроме рабочего народа. Если за вас не вступятся рабочие — вам нет спасения. Проклятая казарма задушит вас.

Рабочие всегда за честных солдат. В Кронштадте и Севастополе рабочие боролись и умирали вместе с матросами. Правительство назначило военно-полевой суд над матросами и солдатами в Кронштадте, тотчас же петербургские рабочие повсеместно прекратили работу.

Они согласны голодать, но не согласны молча глядеть, как истязают солдата.

Мы, Совет Рабочих Депутатов, говорим вам, солдаты, от имени всех петербургских рабочих.

Ваше горе — наше горе, ваши нужды — наши нужды, ваша борьба — наша борьба. Наша победа будет вашей победой. Одни и те же цепи сковывают нас. Только дружные усилия народа и армии разорвут эти цепи.

Как освободить преображенцев? Как спасти кронштадтцев и севастопольцев?

Для этого нужно очистить страну от царских тюрем и военных судов. Отдельным ударом нам не освободить преображенцев и не спасти севастопольцев и кронштадтцев. Нужно общим могучим натиском смести с лица нашей родины произвол и самовластие.

Кто может сделать это великое дело?

Только рабочий народ вместе с братскими войсками.

Братья-солдаты! Пробуждайтесь! Подымайтесь! Идите к нам! Честные и смелые солдаты, соединяйтесь в союзы!

Будите спящих! Тащите отставших! Сговаривайтесь с рабочими! Связывайтесь с Советом Рабочих Депутатов!

Вперед, за правду, за народ, за свободу, за жен и детей наших!

Братскую руку протягивает вам Совет Рабочих Депутатов.

«Известия СРД» № 8.

ДОБРОГО УТРА, ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДВОРНИК!

Петербургский дворник просыпается от полицейского кошмара. 13 ноября в Соляном городке собралось 2.500 дворников для обсуждения своих нужд. Дворники не хотят более служить орудиями полицейского насилия. Они предъявили свои требования и ждут ответа.

Дворникам предложено было подписаться под благодарственным адресом по поводу 17 октября. Они отказались. Свобода дарована, — но еще «не доказана». Самые скромные человеческие требования, предъявленные дворниками, не удовлетворены. С чего же тут радоваться и благодарить? И петербургские дворники поняли это и отказались «припадать к стопам».

На совести петербургских дворников много грехов и преступлений. По приказу полиции они не раз и не два избивали честных рабочих и студентов. Избивая борцов за свободу, дворники закабаливали самих себя полиции. Полиция насильничала над ними, а население возненавидело их.

Но настал час всеобщего пробуждения, — и петербургский дворник раскрывает глаза.

Доброго утра, петербургский дворник!

«Русская газета» [238]) *№ 388,*
15 ноября 1905 года

ЗАЩИЩАЙТЕ СВОБОДНОЕ СЛОВО!

Для рабочих свободное слово—то же, что хлеб и воздух. Для правительства свободное слово — нож острый. Свободное, открытое, смелое слово, как солнце, освещает землю; честные души радуются солнцу, а подлость боится света и, озираясь, ищет потемок.

Самодержавное правительство всегда душило свободную мысль и свободную речь. Когда существовало крепостное право, никто не смел писать о суровой мужицкой судьбе, о бесстыдных жестокостях помещиков-дворян. Потом крепостное рабство было уничтожено (наполовину!) — на его месте оказалось рабство наемное. Правительство в течение долгого ряда лет запрещало газетам касаться положения рабочих, их нужд, их кровных интересов, их борьбы. Нельзя было даже заикнуться о стачках, о рабочих союзах. Когда социал-демократия хотела обличить какие-нибудь насилия фабриканта или полиции, ей приходилось это делать нелегально, т.-е. незаконно, в тайной типографии. Полиция накрывала такие типографии десятками, отбирала шрифт, а самих наборщиков подвергала зверской каре. Сколько их погибло по тюрьмам и в ссылке! Славная память мученикам свободного слова! Со страшными муками рождались свободная рабочая мысль и свободная речь. Но рабочие не щадили своих сил.

Прошло много лет беспощадной борьбы за свободу. Наконец, в октябре 1905 г. рабочий класс могучим ударом вырвал у царского правительства свободу для себя и для всего народа. Правительство было вынуждено обещать в манифесте 17 октября свободу слова. Правда, гр. Витте хотел было сохранить цензуру, но союз наборщиков объявил, что не станет набирать такие книги и газеты, которые будут просмотрены цензором. Издатели согласились с требованием рабочих, — и проклятая цензура была таким образом убита.

Немедленно же стали появляться социал-демократические рабочие газеты: возникла «Новая Жизнь», еще раньше присоединилась к социал-демократам «Русская Газета», потом появилось «Начало». Раздалось, наконец, в рабской России настоящее смелое, открытое слово! Социал-демократические газеты объявили войну не на жизнь, а на смерть всякому гнету и всякой лжи. Все палачи затрепетали, и все хищники оскалили клыки, заслышав могучее, свободное слово. Правительство немедленно же показало, что обозначают обещанные манифестом свободы. Оно конфисковало (т.-е. насильнически отняло) программу российской социал-демократической рабочей партии, а также по одному номеру «Русской Газеты», «Новой Жизни» и «Начала». Сверх того, оно привлекло редакторов «Новой Жизни» и «Начала» к судебному следствию по 129 статье, т.-е. за призыв к ниспровержению существующего строя. Кто же будет судить эти социал-демократические газеты? Старые судьи, т.-е. те самые чиновники, с которыми мы ведем беспощадную борьбу. Правительство хочет снова посадить свободное социал-демократическое слово за тюремную решетку.

Но этому не бывать!

Рабочие своим мужеством и энергией завоевали для России свободное слово и они же покажут 'что не позволят грязной руке прикоснуться к свободному слову.!

Сознательные рабочие, вперед Разъясняйте на собраниях и митингах, что старый режим решил во что бы то ни стало раздавить, уничтожить, стереть с лица земли рабочие газеты.

Товарищи-рабочие! Социал-демократическая печать, это — ваша печать! Она защищает ваши нужды и раскрывает перед вами козни ваших врагов. Теперь социал-демократической печати грозит опасность. Палач заносит над ней руку. Будьте го-

товы, товарищи, по первому сигналу подняться на защиту рабочей печати.

Долой цензуру! Долой чиновничьи суды! Долой полицейские насилия!

Да здравствует свободное слово!

«Русская газета» № 399,
27 ноября 1905 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ ОБ АРЕСТЕ ХРУСТАЛЕВА-НОСАРЯ

(*27 ноября*[239])

26 ноября царским правительством взят в плен председатель Совета Рабочих Депутатов[240]).

Совет Рабочих Депутатов временно избирает нового председателя и продолжает готовиться к вооруженному восстанию.

«Новая Жизнь» № 26,
30 ноября 1905 г.

ДЕРЗАЙТЕ!

Царское правительство захватило в плен Хрусталева. Но правительство знало, что за Хрусталевым стоит Совет Рабочих Депутатов, за Советом — петербургский пролетариат.

Что хотело сказать правительство своим набегом на Хрусталева? У Хрусталева не было других «преступлений», кроме его славной деятельности в Совете Депутатов. Все, что делал Хрусталев, он делал не только с согласия, но по прямому поручению Совета. Если Хрусталев преступник — то скопищем преступников является весь Совет. Раз правительство арестовало Хрусталева, оно должно арестовать весь Совет.

Деятельность Совета Рабочих Депутатов не прекратилась с арестом Хрусталева. Совет продолжает свою непримиримую борьбу с полицейским правительством. Он организует рабочих и готовит их к бою. Эту священную работу он ведет открыто. Открыто вел свою работу в наших рядах товарищ Хрусталев. Правительство осмелилось захватить Хрусталева. Пусть же оно не теряет времени и захватит весь Совет Рабочих Депутатов!

Вы делаете первый дерзкий шаг! — Вы не решаетесь сделать второго!

Или вы решитесь?

Дурново разослал своим провинциальным сатрапам секретный призыв — произвести подсчет всем главарям пролетарской и крестьянской смуты. Черная правительственная сотня тешит себя кровавой мечтою: в счастливую минуту закинуть удавную петлю и оторвать голову русской революции.

Г. Дурново рассылает свой заговорщический циркуляр, — и сам сомневается, посмеет ли он привести свои планы в исполнение.

За Хрусталевым — Совет Рабочих Депутатов. За Советом — пролетариат. За каждым «зачинщиком» стоит организация. За организациями—революционный народ.

Дерзайте! Распустите все рабочие союзы! Разгоните клубы! Закройте революционную печать!

Не останавливайтесь на половине пути! Идите до конца! Сперва арестуйте всех зачинщиков, затем раздавите все организации и, наконец, задушите народ!

Дерзайте, палачи! Революция спокойно ждет вашей последней атаки.

«Русская Газета» № 494,
2 декабря 1905 г.

3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТКЛИКИ

БИРЖА ВЫРАЖАЕТ СОЧУВСТВИЕ ГР. ВИТТЕ *)

Русская биржа торопится доставить графу Витте утешение после жестокого удара [241]), нанесенного ему петербургским пролетариатом. Целый ряд биржевых комитетов выражает премьеру сочувствие из глубины кубышек и несгораемых касс.

«Биржевые Ведомости» делают отсюда тот вывод, что

> «города, — т.-е. то, что теперь в огромном большинстве русских городов составляет руководящую часть населения и владеет фактическою силою в промышленности и местном управлении, — будут на стороне министерства графа Витте. Только в очень больших городах, *где пролетариат организован*, и процент неслужилого, непромышленного и неторгового элемента велик, — там можно ждать отступлений (sic!) в ту или другую сторону от общего отношения городского населения к манифесту 17 октября и, в частности, к министерству графа Витте».

Либеральная газета биржевой улицы видит залог прочности положения г. Витте в *неорганизованности пролетариата*. Тут, по крайней мере, верно то, что успехи гр. Витте и успехи пролетариата взаимно исключают друг друга. Мы в этом не сомневались и с удовольствием записываем, что газетка, состоящая в услужении у автора телеграммы к «братцам-рабочим», соглашается с нами. Но мы выражаем уверенность, что пролетариат, уже не раз поста-

*) Настоящая и последующие заметки печатались в «Начале» под общим заголовком «Голоса печати». Заголовки во всех этих заметках проставлены лишь в настоящем издании. *Ред.*

влявший сюрпризы либеральным ротозеям своей организованностью и боевой готовностью, вмешается в трогательные объяснения правительства, вышедшего из биржи, и биржи, стремящейся стать правительством, — и оборвет их на самом интересном месте.

«ГРАЖДАНИН» ДОВОЛЕН ЛИБЕРАЛАМИ

В то время как либеральные лидеры приучают на московском съезде свою партию к мысли о слиянии с правительственной реакцией, «Гражданин» пытается приучить монархическую реакцию к мысли о слиянии с либеральной партией.

> «Все бывшие либералы, — доказывает «Гражданин», — ввиду продолжения агитации со стороны революционеров, сами того не замечая, перешли в охранители положения, дарованного последним манифестом, и теперь можно с уверенностью сказать, что громадное большинство нашей интеллигенции представляет собою консервативный элемент в государстве».

С другой стороны, монархистам нет нужды быть plus royaliste que le roi même, бóльшими монархистами, чем сам монарх. «Гражданин» выражает, поэтому, уверенность, что монархисты

> «ныне должны для блага России и общего успокоения перейти в разряд охранителей нового порядка, слившись, таким образом, в одну политическую партию с бывшими либералами, ныне волею судеб попавшими в охранители».

ЛИБЕРАЛЫ БЬЮТ ОТБОЙ

Профессор «правового порядка» Латкин в газете «правового порядка» «Слово» с сомнением качает головою по поводу всеобщего избирательного права.

> «Страшно подумать, — говорит он, — что на почве всеобщей подачи голосов может погибнуть нежный цветок нашей политической свободы, и на его месте возрасти огромное дерево самой мрачной реакции.
>
> «Если социал-демократам, — откровенничает профессор, — неудобно отказаться от лозунга, являющегося таковым и у всех западно-европейских социалистических партий,

то в ином положении находятся различные фракции нашей либеральной партии, и им не следует увлекаться формулою, практическое применение которой может грозить гибелью русской свободы».

Чьим же собственно попечениям вручить «нежный цветок» 17 октября? Гр. Витте пытается взращивать его в тепличной атмосфере военного положения, после того как Трепов выбился из сил, пытаясь ободрить робкую свободу при помощи патронов. В конституции, которую сочинил г. Струве, тоже предусмотрено военное положение для нежного цветка свободы. Подумать только, что все эти мероприятия — деспотизм свободы, направленный против реакционных покушений народных масс!

«Начало» № 1,
13 (26) ноября 1905 г.

КАДЕТСКИЕ ПРОФЕССОРА В РОЛИ КРЕСТЬЯНСКИХ ТРИБУНОВ

Проф. Ходский [242]) разъясняет через вечернее издание «Нашей Жизни» крестьянам, что даже в образованных заграничных странах

> «не сумели еще сделать, чтобы весь рабочий *струмент* (sic!) (земля, машины, фабрики), все принадлежало рабочему люду. И крестьянам следует добиваться пока того, чтобы у крестьян было побольше земли и полегче (sic!) податей, а остальное само приложится».

Конечно: остальное *само* приложится.

Профессор, впрочем, одобряет социализм (на основании принципа: «улита едет, когда-то будет»). Тем энергичнее он выступает против немедленной революционной конфискации дворянских земель. Нужно учиться составлять законы, — учит крестьян профессор,—

> «а чтобы просто взять всю землю у одних и отдать ее тем, кто желает ее иметь, — таких законов нигде на свете еще не было, не может быть и у нас».

Г. Ходский забывает, что такие беззаконные законы уже однажды были: их произвела на свет Великая Французская Революция, — почему же Великая Русская Революция не сможет повторить их у нас!

Во всяком случае г. профессор жестоко ошибается, если думает, что для того, чтобы стать народным трибуном, достаточно говорить *полегче податей* вместо *поменьше* податей и *струмент* вместо *средства производства*, — «а остальное само приложится».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ЭСЕРОВ

Социалисты-революционеры, столь деятельно стремящиеся сейчас внести раскол в объединенные социал-демократией ряды петербургского пролетариата, начинают свою открытую деятельность с откровенной реставрации положений вульгарной буржуазной экономии:

> «За вашу работу — разъясняют они рабочим в прокламации — в большей ее части платят (!?) крестьяне. Если вы делаете ситец, то они, главным образом, покупают его. Если вы изготовляете вагоны, то для того, чтобы возить, главным образом, их и для них продукты, и они, стало быть, являются главными плательщиками за них. Если вы приготовляете шоколадные конфекты (!!), то и в таком случае деньги берутся, главным образом, из крестьянского кармана. Богачи, которые кушают эти конфекты, не своей работой платят за них, а вашей и крестьянской. Если крестьяне разорены, если их карманы пусты, то и за вашу работу платить настоящую цену не из чего. Прямая ваша выгода поэтому, чтобы крестьяне жили возможно лучше, возможно богаче: *тогда больше будет покупателей на ваши изделия, больше будет работы, и цена на нее будет выше* (sic!)».

Гармония пролетарских и крестьянских интересов установлена превосходно; жаль только, что к гармонии заодно уж привлечены и капиталисты. Ибо ясно, что, если крестьяне покупают много ситцу и много ездят в вагонах, то *прежде всего* выигрывают ситцевые фабриканты и железнодорожники, и лишь через их посредство — пролетарии. Таким образом в основу социально-экономических воззрений гг. «социалистов-ревеволюционеров» положена идея о солидарности интересов крестьян, капиталистов и рабочих. Конечно, это очень широко,— но при чем же тут, господа, социализм?

ПРОФЕССОРА В РОЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВОРНИКОВ

Г. Павел Виноградов [243]), «русский гражданин и английский профессор», расписывается в политической солидарности с контрреволюционным «Союзом 17 октября» [244]).

«Трудно не видеть, — говорит профессор в «Слове», — что нам предстоит не составлять заново конституцию, а развивать конституционные положения в стране с глубоко укоренившейся монархической властью, которая в прошлом была главным двигателем государственной машины и в настоящем далеко не потеряла своего политического обаяния в глазах народной массы».

Проф. М. Ковалевский [245]), республиканец в Париже и монархист в Москве, по тем же причинам, что и Виноградов, выступил на земском съезде против республиканской идеи Учредительного Собрания. «Уважаемые» профессора, которых либеральное общественное мнение наделило стеснительной репутацией борцов и изгнанников, торопятся показать, что они только ученые филистеры.

На собрании 2.500 петербургских дворников 13 ноября было предложено начальством подписаться под благодарственным адресом по поводу октябрьского манифеста и тем, так сказать, духовно приобщиться к священному Союзу 17 октября. Дворники ответили, что ввиду того, что, во-первых, дарованные свободы еще «не доказаны», во-вторых, элементарные человеческие требования дворников еще не встречают удовлетворения, они считают себя *«вправе удержаться от всяких выражений восторга»*.

Параллель напрашивается сама собою. Потому ли, что царское правительство слишком часто изгоняло либеральных профессоров из университетов и занимало университеты дворниками, или по иной причине, но только несомненно, что дворники начинают обнаруживать больше политического смысла или, по крайней мере, больше свободы от политического холопства, чем гг. профессора.

БУРЖУАЗНЫЙ ЖУРНАЛИСТ О ЧЕРНОЙ СОТНЕ И РЕВОЛЮЦИИ

В «Русском Слове» г. Вас. Немирович-Данченко [246]), описав в ярких красках подвиги черносотенных героев, замечает:

> «И рядом с этим кошмаром, с этой вальпургиевой ночью умирающего чудовища, — посмотрите, с какою удивительною стойкостью, порядком и дисциплиною развивалось величавое движение рабочих. Они не запятнали себя ни убийствами, ни грабежами, напротив, — всюду они являлись на помощь обществу и, разумеется, куда лучше полиции, казаков и жандармов охраняли его от истребительного делириума захлебнувшихся кровью Каинов. Боевые дружины рабочих бросались туда, где начинали неистовствовать хулиганы. Новая выступающая на историческую арену сила показала себя спокойной в сознании своего права, уверенной в торжестве идеалов свободы и добра, организованной и повинующейся, как настоящее войско, знающее, что его победа — победа всего, ради чего живет, мыслит и радуется, бьется и мучится человечество. «Вы нас боитесь, — точно говорят они обществу, — сравните наши дружины, стоящие на страже ваших очагов, обеспечивающие мир вашим семьям, безопасность детям, — и пьяный кровавый разгул черных сотен». Ясно, где наши друзья и где враги!..».

Сопоставьте этот вывод с речами на съезде официальных представителей «общества» — на земском съезде. «Наши друзья» превратились в демонов «анархии», а с «нашими врагами» «мы» — представители «общества» — охотно заключаем союз против «наших друзей».

«Начало» № 2,
15 (28) ноября 1905 г.

СУВОРИН РАЗОБЛАЧАЕТ ЛИБЕРАЛОВ

Суворин-отец сурово отчитывает гр. Витте за его бестактности, на одну из коих пролетариат ответил министру «с грубоватым, но колким остроумием».

Недоволен издатель «Нового Времени» и земским съездом.

«Я — революционер, и все сидящие здесь революционеры», — гордо сказал г. Петрункевич. — «И я революционер», — воскликнул г. де-Роберти [247]), — я всегда был революционером». Неужели? Господи, как страшно! Всегда был революционером, а никто этого не знал. Но я бы спросил:

— Отчего, гг. революционеры, вы не принимали никакого участия в липецком или воронежском съезде революционеров [248]) в конце царствования императора Александра II? Может быть, вы или вам подобные дали бы тем съездам совершенно иное, более авторитетное значение. Может быть, вы своим влиянием, своим общественным положением, связями с бюрократией, родством, богатством, дали бы тогдашнему революционному движению иное направление, иной смысл. Может быть, мы тогда уже получили бы конституцию. Отчего? Не созрели вы, что ли? Некоторые из вас, конечно, были детьми, но многие были в то время в полной поре мужества.

«Называть себя революционерами теперь можно так же спокойно и гордо, как вчера — называть себя тайными советниками.

«Находятся «настоящие» революционеры, сидевшие в крепостях, в ссылке, на каторге, в каторжном одиночном заключении в течение длинных, страшных лет. Перед ними следовало бы вам, господа «революционеры», быть поскромнее и не хвастаться этим титулом. Если этот титул почетный, то он по праву принадлежит только этим пострадавшим и действительно смелым, а не вам».

Нельзя не признать, что все сие — правда, и притом выраженная с грубоватым, но, несомненно, колким остроумием.

ПРОФЕССОРСКАЯ ГАЗЕТА КЛЕВЕЩЕТ

На днях «Слово» пустило темный слух о подготовляемом петербургскими рабочими погроме. «Русская газета» энергично обличила отвратительную клевету и призывала реакционную газету объясниться. «Слово» промолчало, но ничему не научилось.

Во вчерашнем № «Слово» пускает инсинуации по поводу роли революционеров в аграрном движении.

«Общий характер аграрных беспорядков, — говорит газета, — выясняется. В деревнях появляются *какие-то сторонние, впоследствии исчезающие молодые люди*, появляются местные вожаки, и предводительствуемая ими толпа, чаще всего предварительно перепившись, идет на грабеж и на уничтожение помещичьих усадеб».

Противопоставим этой клевете следующую телеграмму «Сына Отечества»:

«13 ноября в имении князей Волконских, после семидневных страшных мучений, скончался член борисоглебской социал-демократической группы, Александр Григорьевич Дубрович, изувеченный и расстрелянный казаками по распоряжению администрации. В выдаче тела полиция отказывает. Покойный поехал с специальной целью внести сознательность в движение, отговаривая крестьян от поджога и грабежей».

«СЫН ОТЕЧЕСТВА» И ПОЛЕМИЧЕСКОЕ МИРОЛЮБИЕ

«Сын Отечества» считает себя обязанным, повидимому, силою законов политической морали, приветствовать нашу газету лицемерно-жеманными словами.

«Будем надеяться, — говорит газета после приветственного менуэта, — что переход на открытую арену выгодно отразится на *литературных и, в особенности, полемических* приемах нового органа»...

Так как наша предшествующая работа, которой так недовольна либеральная газета, но от которой у нас нет никакого основания отказываться, не приучила нас к менуэтам либерального лицемерия, то мы считаем необходимым предупредить почтенную газету, что попрежнему будем обличать каждый фальшивый шаг наших «радикалов», каждое предательское заигрывание с земской оппозицией, каждую измену принципам революционной демократии. Энергия нашей литературно-политической борьбы будет соответствовать важности дела, которому мы служим.

БОЛЬШЕВИКИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА

Тов. Ленин горячо комментирует в «Новой Жизни» постановление Совета Рабочих Депутатов от 14 ноября [249])

«Совет Рабочих Депутатов, следуя указаниям представителей социал-демократии, решил раскрыть перед рабочими заговор контр-революции и предостеречь петербургский пролетариат, чтобы он не дал заманить себя в ловушку. На вызов к борьбе в одиночку он ответил призывом к объединению борьбы по всей России, он ответил немедленными мерами к укреплению союза революционных рабочих с революционным крестьянством, с теми частями армии и флота, которые начинают восстание во всех концах России.

Вот в чем состоит громадное значение постановления Совета Рабочих Депутатов».

«Начало» № 3,
16 (29) ноября 1905 г.

ЭСЕРЫ НЕДОВОЛЬНЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ

«Сын Отечества» как будто сомневается, что в политике Совета Рабочих Депутатов воплощаются принципы международной социал-демократии. Если не наши принципы, то чьи же? Может быть, принципы российского «субъективизма», представленные редакцией «Сына Отечества»?

Г. Пешехонов, вошедший в подновленную редакцию «Сына Отечества», вероятно с чувством полного удовлетворения вспоминает ту оценку, какую он давал еще недавно политической роли пролетариата.

В № 8 «Русского Богатства» за 1898 год, г. Пешехонов [250]) обвинял нас в том, что мы открыли революционный пролетариат путем фантастических «теоретических построений».

«Таким путем,—писал г. Пешехонов,—не только был найден и выделен в качестве чего-то обособленного (!) класс городских рабочих, но и придано ему несравненно большее значение, нежели он и по своей численности, и по своей активности (sic!) имеет в русской действительности... Жизнь очень часто, — поучал нас субъективист, — не оправдывает теоретических построений»...

Вот именно! — Так несколько лет тому назад гг. социалисты-революционеры стремились излечить русскую интеллигенцию от веры в революционную силу пролетариата. А теперь, когда пролетариат завладел всем революционным полем и призвал к порядку всех «субъективных» фантазеров, политически-проницательные социалисты-революционеры считают своим долгом взять под свою защиту Совет Рабочих Депутатов против наших дезорганизаторских намерений.

«Социал-демократы, — пишет «Сын Отечества» по поводу статьи т. Мартынова [251]), — готовы в порыве ослепления партийностью подкопаться под источник этой силы, либо поглотив «Совет», либо «сделав его излишним». Но рабочие слишком хорошо понимают реальные интересы дела, слишком хорошо понимают, кому на пользу пойдут неизбежные расколы; и те, кто попытается принести интересы дела в жертву узко-понятому партийному интересу, только оттолкнут от себя рабочих. Не играйте с огнем, господа!» [252]).

Чтоб читатель мог ориентироваться в вопросе, приведем следующие строки из затронутой статьи т. Мартынова:

«Настаивать на немедленном голосовании программы Советом значило бы сознательно или бессознательно стремиться к расколу и разрушению этой организации, которая в самое короткое время успела оказать огромные услуги революции. Но такая тактика была бы преступна, и, несмотря на свою видимую принципиальность, она меньше всего соответствует духу революционной социал-демократии и взглядам наших великих учителей. Вспомним, какой тактики придерживался Маркс в Интернационале.

Нет такой цели, которая могла бы оправдать с точки зрения марксизма хотя бы временную дезорганизацию революционных сил, а такой дезорганизацией была бы несомненно тактика, направленная к расколу Совета Рабочих Депутатов, когда мы не имеем возможности немедленно заменить его столь же сильной пролетарской организацией».

Надеемся, что из этого сопоставления всякий убедится в неуместности тех полемических приемов, от которых нас так любезно предостерегал на днях «Сын Отечества».

«УТОНЧЕННЫЕ МЕТОДЫ» МОНАРХИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ

«Слово» в статье г. Рцы приветствует нашу газету. Славянофильская душа автора сочувственно откликается на нашу оценку роли мировой биржи. Г. Рцы не может, однако, примириться с нашим республиканизмом.

> «Почтенная редакция новой газеты,— говорит он,—корень зла видит в монархии... Точка эта устарелая и до крайности ненаучная... Утонченные методы новейшего мышления успели уже выделить действующее начало зла от его случайных спутников».

В ожидании, пока «Слово» убедит нас «утонченными методами научного мышления» в благотворной роли монархии, мы рекомендовали бы г. Рцы позаботиться о том, чтобы «Слово» не занималось непристойными инсинуациями по адресу революционеров. Примеры такой крайней непристойности мы указали вчера.

«Начало» № 4,
17 (30) ноября 1905 г.

«НОВОЕ ВРЕМЯ» ЗА ЛИБЕРАЛЬНУЮ ЖАНДАРМЕРИЮ

> «Плохо было революции, — пишет газета,— и пора было, чтобы Петр Николаевич Дурново пришел ей на помощь. Но он пришел и в критическую минуту вытащил опять на свет божий меры усиленной охраны, старые жандармские приемы».

Что же предлагает газета взамен *старых* жандармских приемов?

> «Правительству легко, слишком даже легко привлечь общественное мнение, — только бы иметь немного выдержки и не допускать таких правонарушений, которые слишком (!) бьют в глаза».

Это, может быть, и мудро, но мы держимся того мнения, что такого рода советы целесообразнее излагать не в газетных статьях, а в донесениях, вложенных в запечатанные конверты с надписью: «весьма доверительно».

«ИНТЕНДАНТЫ» РЕВОЛЮЦИИ

Либерально-консервативная реакция ищет смысла собственного существования. Увядающее «Слово» пишет:

«Заслуг крайних нельзя отрицать перед обновленной Россией. Они шли впереди. Они указывали слабые стороны, куда направлялся общественный напор масс. И в будущем им всегда будет принадлежать роль передовых застрельщиков и бойцов. Но всякая армия нуждается в обозе, в санитарной, интендантской части».

Мысль эту можно развить и далее. Так, известно, что при армии, особенно отечественной, полагаются: плуты-маркитанты, организаторы-казнокрады и публичные женщины.

«РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ» ЗА ПАРЛАМЕНТСКИЙ ОБРАЗ ДЕЙСТВИЙ

Отмечая появление «Начала», «Русские Ведомости» впадают в некоторые недоразумения.

«Диктатуру пролетариата, — говорит московская газета, — имеющую своей целью сразу изменить весь нынешний экономический строй, «Начало» причисляет еще, очевидно, к утопиям. На этой почве мы считаем возможным честный спор мнений» и т. д.

Что касается диктатуры пролетариата, то мы еще не раз будем иметь повод высказаться, в каком смысле и в какой обстановке мы считаем ее реальностью (отнюдь не «утопией»). Сейчас же отметим другое «недоразумение». Газета выражает уверенность в том, что пути наши еще не раз сойдутся, — при том условии, если мы, вместе с ней, полагаем, что

«соразмерять свои силы можно не анархическим способом, а лишь на почве народного представительства, являющегося при всеобщем избирательном праве истинным выражением требований народа».

Мы находим необходимым разъяснить газете, что сейчас политическим партиям приходится соразмерять свои силы не в избирательной конкуренции на почве всеобщего избиратель-

ного права, а в революционной борьбе с абсолютизмом за Учредительное Собрание. Мы были бы очень рады, если бы «Русские Ведомости» сошлись с нами на этом пути. Но, так как газета вне соразмерения сил на почве выборов видит только «анархические способы», то мы вынуждены отказаться от каких бы то ни было оптимистических ожиданий в этом направлении.

«Начало» № 5,
18 ноября (1 декабря) 1905 г.

НУЖНО ДОДУМАТЬ ДО КОНЦА

«Старое государство рухнуло, — пишет «Русь», — теперь остаётся выяснить, может ли органически, способно ли нынешнее правительство перевести на новые основы рассыпающееся государство, или взамен г. Дурново им — во исполнение программы «доверия» — уже заготовлен заместитель — г. Рачковский? [253]).

«Всякое терпение кончилось.

«Ряд государственных скандалов опостылел всем. И если правительство бессильно предотвратить их, то России нужно новое правительство».

Очень недурно. «Старое государство рухнуло». «Всякое терпение кончилось». «России нужно новое правительство».

Но старое правительство не хочет уходить. Что же в таком случае делать? Тема для передовой статьи для завтрашнего № «Руси».

Ждем.

ЛЕГИТИМИСТ ОБ УЧАСТИ ЖИРОНДИСТОВ

Старая истина, что реакция, дающая себе труд размышления, не в пример лучше понимает революцию, чем обреченный на размышления либерализм. С объективным сарказмом г. Демчинский констатирует в своем интересном фельетоне, что в волнах революции утонул уже *целый ряд*

«еще недавних крупных общественных борцов, не исключая даже передового страдальца (!) за «Освобождение» — П. Струве, который за свой смелый протест против судилища над бойкотируемыми профессорами за их «убеждения» тоже отброшен всесокрушающей волной в лагерь отсталых

людей и, видимо, с горя сопричислился к земцам (от какого земства?), этим чистым людям, искренним идеалистам, красивым болтунам нашей жиронды. — Еще так недавно их речи, хотя и далеко уступающие какому-нибудь Верньо, все же производили на многих потрясающее впечатление. Но теперь... эти бедняги не хотят заметить того, что жизнь уже перешагнула через них».

Она катит вперед свои волны — через головы проницательных легитимистов и болтливых жирондистов. La revolution est en marche, rien ne l'arrêtera. Революция шествует вперед, ничто не задержит ее торжественного движения!

РЕАКЦИЯ В СУДОРОГАХ СТРАХА

Есть литератор Меньшиков [254]). Дрянная разнузданная фигура, взрощенная на холопских теориях непротивления, развращенная суворинским гонораром, потерявшая в постоянном канкане нововременских направлений не совесть, — потому что ее не было! — но последние остатки простейшего из чувств: стыда, — Меньшиков как раз приспособлен к тому, чтобы служить сточной канавой для чувств панического ужаса, ядовитой ненависти, злобы, которые пробудила великая революция во всем, что отмечено каиновой печатью хищничества, паразитизма, насилия и продажности.

«В столице, где естественно должна решиться судьба анархии, она надвигается неумолимо, как ночь. Разве каждый день с утра до вечера не продаются — и нарасхват! — десятки и сотни тысяч экземпляров мятежных изданий? Разве в этих изданиях не раздаются оглушительные воззвания к гражданской войне? Разве подонки общества, чернь, как и трудящийся класс, не призываются к поголовному вооружению? Разве это вооружение не идет с лихорадочной быстротой?

«В последний страшный час обыватель окажется в положении цыпленка, которого ловит повар с ножом в руке. Безоружные граждане должны будут отдать себя в руки завоевателей и, если бы даже захотели оказать поддержку прежней власти, не будут иметь для этого никакой возможности,

«Признаки катастрофы слишком явственны, чтобы предаваться бездействию. После амнистии она усилилась целыми сотнями фанатиков, закаленных в революционном опыте. Эта партия ведет себя, как решающая сила, и с каждым днем все больше людей, которые верят в нее. Революционное правительство, как некогда конвент, уже рассылает открыто своих комиссаров в провинцию и не стесняясь говорит о способах вооруженной борьбы. Это уже не подпольная деятельность: наоборот, подпольною начинает казаться работа старой власти, оробевшей и растерявшейся. Мы ее не видим, этой работы, тогда как анархия уже считает излишним прятаться. Вы скажете — у правительства пушки. Да, — пока, пока они не нужны. Но в нужный момент кто поручится, что наэлектризованная стотысячная толпа не завладеет пушками? Или сами пушкари не встретят толпу с объятиями? Будто ничего подобного в истории не случалось, и даже не далее, как вчера?».

Каналья извивается в судорогах страха, как бес перед крестом. Выхода, спасенья!

Главная сила анархии, конечно, в бездействии правительства. Правительство, к действию!

Революция говорит речи, которые зажигают сердца,— закрыть ей уста острожным замком!

Революция печатает газеты, в которых царит великая правда, — вырвать у нее станки, отрубить ей правую руку по локоть!

Революция защищает свою героическую грудь от штыков и ножей разбойничьей реакции,— обезоружить ее, связать ее по рукам и по ногам, опрокинуть ее навзничь и наступить на нее казацким сапогом!

Эй, палачи, за работу!

«Начало» № 7,
20 ноября (3 декабря) 1905 г.

ЛИБЕРАЛЫ БЬЮТ ОТБОЙ

«Право» подводит итоги земского съезда[255]). Оказывается, что контр-революционная позиция, занятая помещичьим и индустриальным либерализмом под давлением аграрной революции и забастовочной «анархии», представляет собою чистейшее и при-

том временное «недоразумение». Правда, съезд высказался за необходимость отмежевания от крайних партий. Но

«...не говоря уже о том, — толкует «Право», — что в действительности сами крайние партии плетутся в хвосте движения и, стараясь перекричать друг друга, лишь делают вид, что идут во главе его — не говоря об этом, очевидно, что только наступившее смятение заставило забыть, что вся деятельность съездов является одним из составных элементов революционного движения, что в частности, напр., 9 января произошло увенчание здания, заложенного 6 ноября».

«Крайние партии плетутся в хвосте движения». Что это значит? Это только значит, что стихийная работа революции, поднимающая массы из азиатского варварства, обгоняет нашу организующую и просветляющую деятельность. А это означает, что те политические идеи, которые мы несли в подполье — революционеры из «Права» туда не спускались с «вершин» добровольного либерально-литературного рабства! — что эти идеи, разрозненные, разбитые, в осколках проникали гораздо дальше кругов нашего непосредственного воздействия и поднимали революционную стихию. Это неизбежно, — и свидетельствует не о слабости революционных партий, а лишь о могуществе самой революции.

«Земский съезд — элемент революционного движения», «9 января лишь увенчалось здание, заложенное 6 ноября».

Левое крыло демократии говорило в свое время, что 6 ноября было лишь увенчание здания, заложенного 15 июля. И в этом утверждении была такая же маленькая, относительная правда, как и в утверждении «Права».

Земский съезд дал толчок демократии; ее банкеты ускорили момент проявления годами накопленной революционной энергии пролетариата. Но как накоплялась эта энергия? Это страшная, суровая и еще далеко незаконченная повесть, которой революционерам из «Права» лучше не касаться. Это — не их дело.

Став на контр-революционную позицию, съезд выступил против требования Учредительного Собрания. Комментаторы из «Права» и в этом видят одно лишь недоразумение. «По существу», съезд признавал, что основной закон должен быть выработан Учредительным Собранием. Но, в противовес революционным партиям, он

«выразил свое убеждение, что в настоящих условиях о республике не может быть и речи, конституция подлежит утверждению государя. Таким образом, если члены к.-д. партии вотировали по рассматриваемому вопросу против Учредительного Собрания, то в этом следует усматривать несогласие с названием, а не с сущностью его».

Члены к.-д. партии могут быть против республики. Монархию они могли бы отстаивать в Учредительном Собрании. Но только суверенное Учредительное Собрание, не нуждающееся ни в чьей санкции, могло бы решить этот вопрос. Что же сделал съезд? Он заранее подчинил (в своем воображении, конечно) первое собрание воле монарха и тем совершенно лишил народ его суверенных прав. Он совершенно последовательно отказался от революционного названия, потому что вся его позиция по существу направлена против революционной ликвидации самодержавного бесправия.

Революция прошла свой первый фазис. Земская оппозиция откололась и стала контр-революционной силой. Никакие казуисты «Права» не изменят и не затушуют этого факта жалкими софизмами.

«СЫН ОТЕЧЕСТВА» О СВОИХ ГРЕХАХ МОЛОДОСТИ

Подновленная редакция «Сына Отечества» порывает с некоторыми грехами молодости партии социалистов-революционеров. Так, газета решительно высказывается против так называемого аграрного террора. Это очень хорошо. Но совсем нехорошо, что газета, пользуясь тем, что сделала шаг в сторону большей политической зрелости, клевещет — конечно, с самыми лучшими намерениями — на нашу партию.

«Социал-демократы, — говорит «Сын Отечества», — не побрезговали как-то мимоходом бросить нам обвинение в «преклонении перед стихийностью» и даже возбуждении аграрного террора. Но ведь это было слишком очевидной... неосторожностью, что ли, ибо обвинение это — для всех заведомо неверное, и поддерживать его вряд ли кто решится».

Самую очевидную неосторожность, на наш взгляд, делает «Сын Отечества». Мы освобождаем себя пока от труда приводить

цитаты из популярных брошюр издания аграрно-социалистической лиги и связанной с ней партии с.-р. Если бы, тем не менее, «Сын Отечества» «решился» упорствовать в своей неосторожности, мы охотно пополним сведения подновленной редакции относительно недавнего прошлого той партии, от имени которой газета выступает.

«Начало» № 8,
23 ноября (6 декабря) 1905 г.

ТОСКУЮТ ПО БОНАПАРТУ [256])

Над русской буржуазией, запуганной собственным бессилием, безвластием правительства, властностью революционного пролетариата, крестьянскими восстаниями, военными «мятежами», хулиганскими погромами, судорогами биржи, уже носится, как дух божий над хаосом, идея бонапартизма. Старик-Суворин бродит рысьими глазами по толпе ресторанов и театров и высматривает — не стоит ли где-нибудь в тени «моложавый капитан, скрестивший на груди руки»? Прорицатель Демчинский тоже ищет на небе блестящей наполеоновской звезды, предвестницы кровавого и железного порядка. Вслед за этими двумя — Бонапарта призывает третий, г. Перцов.

> «Я думаю,—пишет он,— многим теперь хочется «отыскать в толпе моложавого капитана, скрестившего на груди руки»...
>
> «Еще бы не хотелось! В эти дни возмутительного безволия и пошлой бездарности, как не мечтать о феномене воли и гения! Уже одна внешняя эстетичность этого образа чего стоит.
>
> «Придет ли? Хотелось бы верить. Но, когда смотришь в темный, безобразный хаос нашей революции, с трудом верится, что он может принять определенные индивидуальные черты, найти свое «лицо».

Так проницательный государственный публицист, предсказатель погоды и эстет-мистик сошлись на бонапартистском вздохе.

А в это же время наш золотушный либерализм в лице «Русских Ведомостей», вооружившись идеей бонапартизма, восстает против идеи восстания. Вовлекать армию в революцию, вооружать народ — значит, видите ли, готовить почву для цезаризма.

Отчаявшаяся реакция призывает Бонапарта для борьбы с революцией, — беспомощный либерализм ополчается против революции, пугая ее Бонапартом. Эти две тактики не противоречат друг другу, наоборот, они только дополняют друг друга. Точь в точь как тактика Витте, который организует стачку капитала, чтобы сломить пролетариат, и тактика Струве, который, опираясь на организованную Витте стачку, призывает пролетариат к порядку, примыкают друг к другу, как две половинки одного и того же контр-революционного яйца.

МЕЩАНИН ПОКА ЕЩЕ НЕ ТРЕБУЕТ «ПОРЯДКА»

В то время как буржуазные политики и публицисты «высшего стиля» требуют порядка, «Петербургская Газета», орган мещанской улицы, свидетельствует, что революционная анархия пока что все еще менее ненавистна среднему обывателю, чем каторжный «порядок» царизма.

«Нам только и говорят, что о порядке, — пишет «Газета». — Это маленький божок с огромным животом, который глотает жертву за жертвой, — и людей, и идеи, и средства народа, и его внутреннюю силу, и его будущее. Этот маленький божок порядка, внешнего порядка, полицейского благочиния — разве мало жертв было принесено ему? Еще нужны жертвы? А разве есть хоть какая-нибудь надежда на порядок?

«Без плана, без программы, с одной верой в себя и в свою необходимость, являются люди, берут в свои руки власть и, не умея ничего сделать, убеждают нас опомниться! Разве в этом гарантия возрождения России?

«Бесконечная цепь полумер, сплошная сеть крючков и крючечков — вот снасть, которой хотят поймать неизвестно куда вдруг исчезнувший порядок.

«Нас просят опомниться, но кто поручится, что, подавив в себе те чувства, которыми единственно мы сейчас живем, мы не увеличим только цену, какой купим нашу будущую жизнь?!»

Очень, очень недурно!

ЖЁЛТАЯ ГАЗЕТА СПЕКУЛИРУЕТ

В «Новом Времени» напечатано такое объявление:

«Пока не возобновится правильное почтовое сообщение, контора газеты «Россия» [257]) ежедневно посылает в Москву своих артельщиков и предлагает имеющим надобность отправить в Москву письма, доставить их в контору газеты «Россия» не позднее 7 час. вечера.

Контора просит деньги (денег?) и документы (документов?) не пересылать».

Ничтожная черносотенная газетка пытается из своей хулиганской дерзости создать себе рекламу. Нет никакого сомнения, что ее «патриотический» подвиг встретит деятельную поддержку власти, несмотря на то, что существующие законы категорически воспрещают организацию частной почты.

Последнее — не вполне грамотное, но вполне уместное— предупреждение относительно денег и документов показывает, что «Россия» сама не доверяет своим доблестным хулиганам.

«Начало» № 9,
24 ноября (7 декабря) 1905 г.

«НАША ЖИЗНЬ» И ПЛЕХАНОВ

«Политический клубок запутался окончательно, — пишет «Наша Жизнь».—Распутывать его уже поздно. Можно только силою рвать нитку за ниткой, чтобы уничтожить старый механизм и заменить его новым».

В том же № газеты обозреватель обращает

«внимание публицистов «Начала» на те страницы «Дневника» Плеханова[258]), на которых автор подвергает резкой критике толки социал-демократов о вооруженном восстании, отмечая в них характер «легкомысленной болтовни»...

Тов. Плеханов, конечно, выступает против *утопической постановки* вопроса о вооруженном восстании. «Эволюционный марксист» буржуазной газеты пытается представить дело так, будто всякая постановка этого вопроса является «легкомысленной болтовней». Как же в таком случае отнестись к тем уже происхо-

дящим военным восстаниям, которые — совершенно независимо от чьей бы то ни было воли — предопределяют дальнейший ход и исход революции? И далее: если народное восстание — легкомысленная болтовня, то как же назвать речи «Нашей Жизни» о необходимости *силою* рвать все нитки самодержавного клубка. Что это за *сила?* Неужели резолюции, которые в таком изобилии производит Союз Союзов?

«Начало» № 11,
26 ноября (9 декабря) 1905 г.

4. ЛИБЕРАЛЫ ПОСЛЕ 17 ОКТЯБРЯ

КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ РАБОТАЕТ

Две силы развивают в настоящее время действительную энергию: революция и контр-революция.

Либеральная оппозиция остается не у дел. Она дробится, путается в собственных оттенках, отдает наиболее влиятельные свои элементы контр-революции, а в общем примиряется с тактикой пассивного выжидания.

Она дожидалась свободы слова. А когда дождалась, она не знает, что сказать, потому что не знает, что делать.

Она дождалась выборной кампании. Но все яснее становится, что это будет не только избирательная конкуренция партий, но столкновение революции с абсолютизмом, которое может передать революции государственную власть.

В то время как потерявший голову либерализм дробится на части, революция и контр-революция организуются. Пролетариат выдвигает обще-городские «советы», руководящие боевыми действиями городских масс, и ставит на очередь дня *боевое объединение с армией и крестьянством.* Контр-революция, с своей стороны, стягивает под знамя высочайше октроированных свобод 17 октября все группы и организации «порядка», от либерально-консервативных и до откровенно-черносотенных.

В то время как земская оппозиция, собираясь на съезды, в длинных дебатах обсуждает вопрос: *предавать* или *подождать?*, посылает депутации для политических «интервью» и снова готовится собраться для продолжения вчерашнего, реакционная партия правового порядка берет уроки у революции, пытается создавать боевые политические организации, устраивает клубы, идет в народ.

Еще вчера она спорила о законодательном или законосовещательном характере Думы, об ответственном или безответственном министерстве, сегодня победоносная борьба пролетариата, оставившая либерализм не у дел, заставила все фракции консервативного «порядка» стать выше тонкостей государственного права и сплотиться вокруг лозунга: *остановить революцию во что бы то ни стало.*

Либерализм ждет — не знает чего. И когда он, наконец, «дождется» и увидит себя близким к власти, окажется, что его кадры — это все те элементы, которые в период величайшего напряжения пролетарской борьбы, в период политической пассивности либерализма, были отобраны и сплочены воинствующей контр-революцией. Мало того. Старые либеральные вожди окажутся в роли заштатных идеологов, а своих истинных государственных людей — беспощадная ирония истории! — либерализм найдет среди тех людей порядка, которые против него всегда боролись.

«Начало» № 4,
17 (30) ноября 1905 г.

НЕ ПРИВЕТСТВУЙТЕ НАС!

«На днях мы приветствовали,—пишет «Наша Жизнь»,—с полным сочувствием возникновение социал-демократической газеты «Начало». Сегодня, к сожалению, приветствовать мы его не можем». Только два дня длилось приветственное настроение либеральной газеты. Теперь она полна возмущения против нас, «бросивших клеветой в безукоризненно честного человека, неизгладимыми буквами вписавшего свое имя в историю освободительного движения России».

Это неизгладимое имя — Петр Струве.

Мы назвали г. Струве «агентом г. Витте», мы сказали, что он умел соединять нравственный идеализм с политическими предательствами. Где доказательства? — протестует «Наша Жизнь». Вы хотите нас заставить заглянуть в ваше прошлое и в прошлое ваших друзей? И вы думаете, что вы оказываете этим услугу неизгладимому имени г. Струве?

Вот вам доказательства!

Когда несколько лет тому назад социал-демократический публицист сказал г. Струве, пятившемуся от нас в лагерь бур-

жуазной демократии: «Мавр выполнил свою работу, мавр может уходить», — будущий редактор «Освобождения» ответил: «Вы ошибаетесь, я покажу вам, что мы будем работать в одних рядах!»

И за рубежом он начал эту работу с того, что в первом же № своего «Освобождения» подписался под программой конституционалистов, отказавшихся от всеобщего избирательного права во имя сословно-плутократического представительства земств и дум.

С резкостью перехода, на которую способны только люди, не знающие никаких нравственно-политических обязательств, г. Струве не только порвал с делом рабочего класса, но и отказался от элементарных заветов буржуазной демократии. Мы не знаем, как называется это на вашем языке,—у нас это зовется предательством!

Когда началась русско-японская война, когда земский и думский либерализм, испуганный ничтожной волной шовинизма, старался купить свое право на существование «патриотическими» взятками самодержавию из народных средств, г. Струве испугался за свое мнимое влияние на земщину и выкрикнул: «Да здравствует армия!» — «Армия исполнит свой долг!» Мы не умеем и не хотим иначе назвать это, как политическим предательством!

И наконец — теперь. Черная реакция кует ковы, собирает силы и готовит революции решительный удар. Витте, поднятый стачечной волной на пост временщика, ищет контр-революционных опор для своего правительства — в мировой бирже, в отечественном капитале и в русской земщине. Демократическая оппозиция бессильна, и из своего бессилия она создает опору правительству безумия и трусости.

Пролетариат, один пролетариат делает сверхчеловеческие усилия, чтобы двинуть дело революции вперед и доставить свободе полное неоспоримое торжество.

Правительство 17 октября знает одну цель, одну заботу: раздавить рабочих. Витте посылает тайные телеграммы земскому съезду,— и Витте стоит за контр-революционной стачкой капитала. Революция и реакция надвигаются друг на друга, — и оба они топчут бумагу 17 октября ногами.

Каков долг честного демократа в этот трагический момент? Открыто сказать: Отечество в опасности! Оно в опасности— не от революционного пролетариата, стачки которого временно «дезорганизуют» капиталистическое хищничество—оно в опасности

от замыслов придворной камарильи, опирающейся на развращенную часть армии, и от земских либералов, которые хотят порядка, но готовят диктатуру кровавой руки!

Задача демократии — беспощадно изолировать это правительство потаенной контр-революции и предоставить его собственной его участи, т.-е. позорной гибели. Долг честного демократа — призвать все силы страны к поддержке революции, т.-е. пролетариата.

Что же делает г. Струве?

Он поддерживает конституционные фикции 17 октября. Он выступает лидером правого земского крыла. Он выступает не против реакционного комплота капитала и власти; наоборот, он опирается на этот комплот и угрожает им пролетариату. Он ведет переговоры с временщиком, о которых все знают, но в которых он никому не отдает отчета.

Мы спрашиваем: как назвать такую работу? И мы отвечаем: предательством!

«Начало» № 5,
18 ноября 1905 г.

ИЛИ — ИЛИ

Революция в самой категорической форме ставит сегодня перед русскими демократами вопрос: с нею или против нее?

Правда, этот вопрос впервые поставлен не сегодня. В сущности вся история демократии за истекший период революции есть ряд растерянных и неясных для нее самой колебаний между противоположными ответами на вопрос: с революцией или независимо от нее и значит против нее.

В момент прошлогоднего ноябрьского земского съезда либеральная демократия решила, что «спокойное» и вместе «отважное» выступление представителей земли и капитала уже само по себе решает вопрос освобождения, и она рванулась за земцами, решив, что единственное употребление, которое она может из себя сделать — это превратиться в стоголосое эхо требований земской программы. С добровольным упорством она закрывала при этом глаза на то, что ноябрьские тезисы не только принципиально рвали с азиатским деспотизмом, но и хоронили идею демократии.

9 января выдвинуло пред левым флангом либерализма, уставшим от ожидания правительственного ответа на земскую программу, другую, революционную сторону политической проблемы.

Под гром ружейных залпов, отражавших первый наивный натиск масс на монархию, революционной молнией сверкнула идея, что проблема свободы есть проблема силы. Царские гвардейцы не только отбросили петербургских рабочих от Зимнего Дворца, они отбросили влево русский либерализм и еще левее либерализма русскую демократию. Она переняла от петербургского пролетариата требование всенародного Учредительного Собрания, как лозунг, который мог связать ее с массой.

Документ 18 февраля, этот дополнительный ответ царизма на январский крестный ход революции, снова выдвинул в глазах демократии земцев, как предопределенных и отныне призванных представителей народа. Революционная перспектива снова затмевается. Путь к свободе снова становится простым и канцелярски-ясным — через комиссию гофмейстера Булыгина. Либеральное «общество» расходует себя на то, чтобы связать демократический лозунг, навязанный либерализму пролетариатом, с земской тактикой канцелярских соглашений.

Но реализация туманных обещаний февральского рескрипта откладывается на неопределенный срок. Демократия оглядывается на собственные ряды и делает попытку их политического сплочения. Она еще в сущности сама не знает — для чего? И именно ее колебания в вопросе: навстречу революции или навстречу реформированному абсолютизму?—подсказывают ей форму профессиональных организаций, которая объединяет все оттенки, нейтрализуя их.

Майская катастрофа у Цусимы и дополняющее ее провозглашение треповской диктатуры, аудиенция земских паломников в Петергофе, как дополнение треповской диктатуры, июньское восстание на Черном море, как ответ революции на Цусиму, и, наконец, 6 августа, как ответ царизма на июньское восстание — вот вехи, определяющие ломаную линию надежд, планов, ожиданий и разочарований либеральной демократии. Надежд и планов — но не действий, потому что ее промежуточное положение между путями правительственной реформы и народной революции осуждало ее на политическую пассивность. Ее политики, ее публицисты, ее официальные вожди, которые возводили ее политическую растерянность в руководящий принцип, искали выхода из затруднительного положения ничем не руководящих вождей в том, что после каждого реформаторского правительственного возвещения провозглашали: главная работа нами совершена, глав-

ная позиция нами завоевана. 12 декабря, 18 февраля, 6 августа и, наконец, 17 октября либеральные политики прокламировали совершившийся «государственный переворот» и, вместо того, чтобы видеть революцию впереди, заявляли, что оставили ее позади себя.

Гг. Струве, Милюковы, Родичевы, Петрункевичи и все другие сперва отстраняли вопрос о революционной тактике под тем предлогом, что он преждевременно может прервать процесс организации демократических сил, а затем, когда возможная мобилизация демократии была завершена, они отстраняли этот вопрос, как запоздалый — ввиду того, что переворот — уже совершившийся факт.

Такой тактикой они, разумеется, меньше всего служили делу свободы. Но они несомненно и притом сознательно служили делу цензовой оппозиции, ибо демократия, практически не определившая своего отношения к революции, обезличенная внутренней разнородностью, представляет собою не что иное, как безмолствующий «народ» при контр-революционных диалогах земцев с властью.

Пока оппозиция помещичьего землевладения и промышленного капитала, подталкиваемая, с одной стороны, напором масс, с другой — сопротивлением абсолютизма, шла по восходящей кривой, демократия могла, скрывая от самой себя двойственность своей политики, отрицать самую наличность альтернативы: с земской оппозицией или с народной революцией.

Далее такое состояние уже абсолютно невозможно!

Стачка труда, показавшая себя могучим орудием революции, но внесшая «анархию» в промышленность, заставила оппозиционный капитал выше всех лозунгов либерализма поставить лозунг государственного порядка и непрерывности капиталистической эксплоатации. Аграрная революция, сделавшая своим лозунгом и введшая в практику захват помещичьих земель, заставила помещичий либерализм выше всякой идеи парламентаризма поставить потребность в крепкой государственной власти, умеющей встать на защиту собственности.

Либеральная земщина — более робко, либеральный капитал — более уверенно поставили своей задачей соглашение с правительством quand-même, во что бы то ни стало. Формально — это соглашение должно состояться на почве манифеста 17 октября; по существу — на почве борьбы с революцией во имя бур-

жуазно-монархического правопорядка с императорской армией в основе. Альтернатива, стоявшая пред демократией во все время ее политического существования, раскрывается теперь с невиданной остротой,—и даже те либеральные вожди, репутация которых спасалась до вчерашнего дня неопределенностью политических отношений, не видят сегодня возможности уйти от поставленного революцией вопроса.

«Перед русским обществом, — пишет в «Русских Ведомостях» князь Евгений Трубецкой, — в настоящее время становится такая альтернатива: или итти тем насильственным путем, коего неизбежный логический конец — анархия, т.-е. всеобщее уничтожение, или же пытаться мирным путем пересоздать, улучшить и тем самым укрепить нынешнее слабое, непоследовательное и постольку, разумеется, плохое правительство.

«Среднего пути быть не может. Сесть между двумя стульями в настоящее время всего опаснее: ибо как раз между двумя стульями находится тот провал, который грозит поглотить сначала русский либерализм, а затем всю русскую интеллигенцию и культуру.

«Занимая такое положение по отношению к правительству, мы тем самым, разумеется, проводим резкую демаркационную линию между нами и крайними партиями. Но пора, наконец, признать, что, поскольку мы не жертвуем нашими принципами, эта демаркационная линия неизбежна. Пора перестать назойливо протягивать руку тем, кто ее отвергает с презрением, и называть «нашими союзниками слева» тех, кто не хочет слышать о каком бы то ни было союзе с нами».

К этим словам нам почти нечего прибавить.

Князь Евгений Трубецкой аплодировал недавно мужеству г. Гучкова [259]), требовавшего на либеральном съезде военного положения для Польши. Мы готовы аплодировать князю Трубецкому, который с превосходной ясностью высказывает то, что есть:

Революция или контр-революция; пролетариат или «союз 17 октября»; палата соглашений или Учредительное Собрание; монархия или республика; дрессированная армия или народная милиция; министерская передняя или баррикада.

«Начало» № 6,
19 ноября (2 декабря) 1905 г.

ГОСПОДИН ПЕТР СТРУВЕ В ПОЛИТИКЕ [260])

Вступление

Этот памфлет направлен против лица; но это ни в коем случае не личный памфлет.

Мы взяли г. Петра Струве, как олицетворенную беспринципность в политике. Если б мы стали искать для нашей цели другой фигуры, мы бы нашли их много, — но более законченной, более стильной, более принципиально-выдержанной беспринципности мы бы не нашли.

Политическая психология г. Струве — как она вырисовывается из его литературной деятельности — как бы персонифицирует беспринципность той политической идеи, которой он служит, и таким образом возводит эту последнюю в перл создания.

Теоретическое миросозерцание г. Струве всегда находится в процессе непрерывного линяния, так что нередко начало статьи и конец ее относятся уже к двум философским формациям.

Г. Струве совершенно лишен физической силы мысли, которая, даже при недостатке нравственной силы, гонит политического деятеля по определенному пути.

С другой стороны, г. Струве не обладает и той нравственной упругостью, которая придает устойчивость общественной деятельности лица, наперекор шатаниям его мысли, гибкой, но неуверенной.

При таких данных г. Струве избрал своей сферой политику.

Сперва он вошел в социал-демократию. Но здесь все: верховенство одного и того же принципа классовой борьбы над теорией и практикой, резкая постановка политических вопросов, контроль международной социалистической мысли,—решительно все было для него невозможным и делало его невозможным. Отсюда он ходом вещей оказался извергнут.

Он ушел в либерализм. Исторически-выморочный характер русского либерализма, его беспредметная тоска по теоретическому обоснованию, его беспредметная тоска по поступкам, его неспособность на инициативу, его отчужденность от рабочих масс, его трусливое стремление овладеть ими и его стремительная трусость перед ними, — все это создавало настоящую атмосферу для расцвета политической личности г. Струве.

Но он бы не был самим собою, если б в его политических передвижениях можно было указать момент мужественной ликвидации прошлого. Г. Струве всегда примиряет что-нибудь с чем-нибудь: марксизм — с мальтузианством [261]) и критической философией [262]), социализм—с либерализмом, либерализм — с самодержавием, либерализм — с социализмом, либерализм — с революцией и, наконец, революцию — с монархией. Аргументация его при этом всегда такова, что он сам забывает ее через два дня.

Житейская мудрость говорит, что лжец должен обладать хорошей памятью, чтобы не попадаться в противоречиях. В еще большей мере это относится к беспринципному политику. Если прочитать под ряд то, что г. Струве говорит в течение нескольких месяцев, даже нескольких недель, можно подумать, что он издевается над читателями. А между тем это только его беспринципность издевается над ним самим.

Момент, когда пишутся эти строки — отлив революции и торжество реакции— создает благоприятную политическую акустику для либеральных Кассандр [263]). Мы не сомневаемся, что события беспощадно раздавят эти голоса, как это уж было не раз,— и те группы демократической интеллигенции, которые как будто прислушиваются к ним сегодня, завтра просто забудут их, не утруждая себя над их опровержением. Это — основное психологическое свойство широких кругов интеллигенции, лишенной объективной социальной связанности, общего теоретического критерия и... хорошей политической памяти: ее надежды качаются на волнах событий. Во время прилива «крайние» партии являются органом ее помыслов, во время отлива либеральные скептики формулируют ее разочарование. Сейчас она переживает период увядания.

Верные нашему общему миросозерцанию, мы гораздо больше надеемся на дальнейшую критическую логику событий, чем на логическую критику нашего памфлета. Мы хотим лишь оказать этой надвигающейся объективной критике посильное содействие в деле закрепления ее уроков.

Условия, при которых мы писали нашу работу, не позволяли нам располагать необходимым материалом: реставрацию недавнего прошлого приходилось воспроизводить по памяти. Это могло иметь только одно последствие: мы упустили целый ряд эпизодов, которые помогли бы нам несравненно ярче и детальнее охарактеризовать несравненную фигуру бывшего редактора «Освобожде-

ния», ныне редактора «Полярной Звезды» [264]), одного из лидеров конституционно-демократической партии, советника министров, друга монархии, — господина Петра Струве в политике.

I. На раз избранном пути

«Твердо держаться раз избранного пути невозможно без незыблемых начал нравственного и политического миросозерцания. В борьбе за нашу духовную самобытность и в борьбе за политическое освобождение родины мы выработали себе такие начала». («Полярная Звезда», № 1, от редакции).

... И кожа та сидит на нем так славно, как башмаки Алкида на осле...

(Шекспир, «Король Джон») [265]).

Слава тому, кто в вихре политических событий мужественно держится раз избранного пути!..

Г. Струве получил литературное имя, как писатель, один из первых вступивший с марксистским багажем на лед русской цензуры. Это была несомненная заслуга. Теоретическая ценность его книжки («Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России») [266]) нас здесь не занимает. Отметим только, что это — эклектическое соединение «критической» философии, вульгаризованного марксизма и подправленного марксизмом мальтузианства. Общественное значение книжки определилось исключительно идеями марксизма, которые г. Струве отчасти перевел с немецкого языка, отчасти перенес из «нелегальных» произведений группы «Освобождение Труда» [267]) в легальную литературу. В «Новом Слове» [268]), журнале 1897 г., г. Струве делает решительный шаг влево и пишет публицистические статьи в марксистском тоне, насколько это допускали условия тогдашней цензуры. В подполье в это время идет деятельная кружковая пропаганда среди рабочих. Открывается эпопея экономических стачек. В марте 1898 г. происходит первый съезд социал-демократических организаций [269]), который провозглашает единство партии и издает революционный манифест. В этом документе социал-демократия устанавливает свое духовное родство и политическую преемственность с революционными движением 70-х го-

дов, констатирует политическое ничтожество русской буржуазии и русского либерализма, как выражения ее исторически-запоздалых интересов, выдвигает на этом фоне освободительную миссию пролетариата и провозглашает его конечной целью завоевание государственной власти в целях экспроприации экспроприаторов и организации социалистического хозяйства.

Этот решительно-революционный («ортодоксальный») манифест социал-демократической партии был написан не кем другим, как г. Петром Струве. Октябрьская стачка 1905 г. смыла с него это преступление, и нашим сообщением мы ему не повредим в глазах властей. Что же касается его либеральной карьеры, то этот факт может только придать ей блеску...

Таким образом от «Критических заметок» через «Новое Слово» к «Манифесту» г. Струве непрерывно шел по «раз избранному пути». Увы, этот первый период осложнен, однако, одним поразительным обстоятельством почти провиденциального характера. В 1894 году, готовясь выпустить «Критические заметки», в которых он решительно высказывался вместе с Энгельсом за социалистический «прыжок из царства необходимости в царство свободы», в это самое время г. Струве выступил в политике, как автор «Открытого письма Николаю II».

Солидаризируясь с теми земскими ходатайствами 1894 г., которые перешли в историю под названием «бессмысленных мечтаний» [270]), г. Струве заявлял: «мы просили немногого, вы отказали; вы хотите войны— будет война». Таким образом, это был своего рода манифест земцев, становящихся на путь политической оппозиции.

Г. Струве был тогда еще совсем молодым писателем. Но он подавал уже большие надежды. В 1894 г. он вступал в диалог с монархом от имени разочаровавшихся земцев, в 1898 г. он от имени социалистического пролетариата клеймил ничтожество русского либерализма.

Этот крутой подъем на «раз избранном пути» утомил г. Струве. Для него начинается (?) эпоха сомнений, колебаний, критики. В сфере критики марксизма, как раньше в сфере его популяризации, как позже в сфере идеалистической философии, г. Струве не дал ни одной широкой самостоятельной мысли. Вряд ли есть сейчас в России десяток образованных людей, которые могли бы изложить критические идеи г. Струве в области социологии и политической экономии. Все это бесследно забыто. Но мы зани-

Л. Тахоцкій.

Господинъ Петръ Струве
въ политикѣ.

Книгоиздательство
„НОВЫЙ МІРЪ“.

Обложка брошюры «Господин Петр Струве в политике»

маемся здесь не оценкой научных опытов г. Струве,—нас интересует физиономия политика. Поэтому достаточно будет сказать, что посредством критики марксизма г. Струве во всяком случае благополучно ликвидировал свою связь с рабочим движением, которому он — худо ли, хорошо ли — начал было служить, и помог ликвидировать эту связь значительной группе интеллигенции.

Социал-демократия так и поняла критическую эволюцию Струве. В 1900 г. один из писателей-марксистов, остановившись на последней фазе развития Струве, сказал ему словами шиллеровского Фиеско: «Der Mohr hat seine Arbeit gethan, der Mohr kann gehen» («Мавр выполнил свою работу, — мавр может уходить»). — «Не торопитесь давать мне увольнительный билет! Подождите, — и вы увидите, что, несмотря на мои теоретические отклонения от вас, я буду делать с вами одно и то же дело!»— таков был смысл ответа г. Струве.

И, действительно, после этого обещания г. Струве сотрудничал во вновь открытой тогда (в декабре 1900 г.) зарубежной социал-демократической газете «Искра», кажется, только в двух номерах [271]): но это, конечно, ничего не меняет. В одной из своих статей г. Струве призывал земцев к активности, прибавляя: «а уж за нами (т.-е. социал-демократией) дело не станет»... (цитируем на память [272]).

Однако, уже через несколько месяцев после этого г. Струве, эмигрировавший в Германию, приступил к изданию «Освобождения» и, по собственному определению, сделался «регистратором» земской мысли. В первом выпуске своего журнала — у нас нет его, к сожалению, под руками — этот земский регистратор-рецидивист (вспомните 1894 год!) подписался под программой «русских конституционалистов», которая откровенно отклоняет вопрос о всеобщем избирательном праве, как «скачок в неизвестное», и высказывается за созыв представителей от нынешних сословно-владельческих земств и дум. С этого славного дела начался новый фазис в шествовании г. Петра Струве по «раз избранному пути». Кстати, спросим мы, кто они, эти «русские конституционалисты», авторы программы? Теперь ничто, кроме стыда за свой вчерашний день, не мешает им выступить открыто, чтобы по праву разделить с г. Струве честь или бесчестие этого программного выступления освобожденцев. Ваши имена, господа! Вы так решительно отрицаете, что передовой пролетариат навя-

зал вам своим давлением «скачок» в область всеобщего избирательного права, вы так гордо заявляете себя суровыми и непреклонными Аннибалами демократии от ваших молодых ногтей... Ваши имена, господа!

Но г. Струве не считает для себя обязательной в качестве minimum'а даже и ту программу, под которой он подписался в первом № «Освобождения». Это все же была конституционная программа, хотя бы и на сословно-плутократической основе, и в силу этой своей конституционности она скоро оказывается стеснительной для вчерашнего социалиста.

Г. Струве в первых же номерах «Освобождения» с особенной настойчивостью выдвигает лозунг Земского Собора и подчеркивает, что этот «ценный своей неопределенностью» лозунг может объединить славянофилов, сторонников неприкосновенности абсолютизма с цензовыми конституционалистами.

Таким образом, г. Струве как бы вернулся к станции отправления. В 1894 г. он писал земское «письмо» и марксистскую книгу. В 1898 г. он писал социал-демократический манифест. В 1901—1902 г.г. он в «Искре» взывал к земцам от «нашего», т.-е. социал-демократического имени, а в «Освобождении» обращался к «нации» от имени либеральных и славянофильских земцев...

Мы бы затруднились хронологически изобразить на память ту линию капризных зигзагов, которую г. Струве начертал, как регистратор либеральных мечтаний, шатаний и надежд. Восстановим лишь некоторые выдающиеся моменты.

Г. Струве пытался было сыграть роль земского Гапона (до Гапона). Он начал повторять, что нужно «довести правду до царя». «Еще никогда,—говорил он вдохновенно,—этого в сущности не делали... Если правда будет доведена, тогда... тогда... «даже Павел I ужаснулся бы», — уверял г. Струве. А несколько позже он отзывался о намерении «доводить правду», как о чьем-то постороннем и «наивном» плане. Проехал ли через Штуттгарт влиятельный конституционалист после славянофила, или что другое было причиной, решать не беремся. 6 июня 1905 г. этот план был в сущности выполнен... Г-ну Струве он тогда, конечно, уж не показался наивным.

Струве спекулировал одно время на ведомственную борьбу Плеве с Витте и тонко давал понять Витте, какую роль он мог бы сыграть, если бы... если бы он захотел проникнуться «государственным разумом». А через несколько недель, как будто сам он

никогда и не питал этих мечтаний, г. Струве заявил: «Кто же может надеяться на распри Сергей Юльевича с Вячеслав Константиновичем *)? Свои люди — сочтутся»... Заметим тут же, что эту удивительную способность презрительно пожимать плечами по поводу собственных вчерашних суждений, эту удивительную безмятежность памяти или эту способность рассчитывать на безмятежную память читателя, г. Струве сохранил в неприкосновенности до настоящего дня. После скверной истории с сельскохозяйственными комитетами г. Струве объявил председателя Особого Совещания, г. Витте, провокатором. А когда либеральная звезда г. Витте высоко поднялась, г. Струве вступил с ним в закулисные переговоры. Он «открыто» заявил об этом, когда «Начало» прижало его к стене, но он забыл сказать, от чьего имени и на каких началах вел он конспиративные переговоры с лицом, затевавшим новую, более колоссальную провокацию...

Подталкиваемый первыми волнами великого прибоя, отражавшимися на нем через его сотрудников из России, г. Струве начал от «ценного своей неопределенностью» лозунга Земского Собора все больше и больше передвигаться к Учредительному Собранию и всеобщему избирательному праву. Но он делал это с таким расчетом и осторожностью, чтобы отнюдь не бить земской посуды.

К началу 1904 года г. Струве уже готов был блистать непреклонностью демократизма. Как вдруг ударила война! Ничтожный подъем шовинизма испугал либералов, и они со страху начали опустошать земские и думские кассы в целях своего патриотического самоопределения; г. Струве сделал решительный поворот: не должно забывать, что он был только земским титулярным регистратором. Он сурово заявил: «Армия исполнит свой долг». Студентам он предложил кричать не только «да здравствует свобода!», но также: «да здравствует Россия!» (какая?) и «да здравствует армия!» (какая?) Обычный боевой клич он предложил заменить возгласом «долой Плеве!». Этого будет достаточно, — уверял он. Напомним кстати: тогда же другой воитель демократии, И. И. Петрункевич, писал в «Праве», что до восстановления нашей национальной чести о прекращении войны не может быть и речи... Мы ничего не забываем, господа! И этому искусству: не забывать

*) Т.-е. Витте и Плеве. *Ред.*

прошлого, чтобы не обманываться в будущем, мы учим народные массы.

Ибо поистине,

«Тот, кто верит вам
И дружбе вашей — плавает в воде
С свинцом на шее!»

Но студенты не переняли триединого лозунга, война тянулась без конца, от «патриотизма» не осталось и следа, поражение шло за поражением, национальная честь не восстановлялась, земщина безмолствовала, как утопленник, — и вот г. Струве, этот проницательный и умеренный политик, который собирался «доводить правду», который правую руку протягивал гг. Шипову и М. Стаховичу [273]) (N. B. — для нас так и неясно, что сделал с рукой Струве г. Шипов; что касается Стаховича, то он обвинил кн. Мещерского [274]) в *клевете* за выраженное им соображение, будто Стахович сотрудничает в «Освобождении»), этот, говорим, проницательный политик стал искать употребления для своей левой руки. Осенью 1904 г. Струве отправился из Штуттгарта в Париж и протянул эту свободную руку финляндской партии «активного сопротивления» [275]), польской социалистической партии [276]), на знамени которой значится независимость Польши, и партии социалистов-революционеров, которая как раз в это время отказывалась от буржуазной революции и требовала революции почти-социалистической. Г. Струве вступил с ними в коалицию. Вы понимаете это? Это был героизм отчаяния. Казалось, г. Струве сжег за собой все земские мосты. На это парижское лобызание оппозиции и революции была приглашена и социалдемократия. Но она осталась дома. Надеемся, теперь все лобызавшиеся стороны признают, что она поступила разумно.

Казалось, повторяем, г. Струве уничтожил за собой все земские мосты. Но это ошибка. Вспомним, что «незыблемые основы политического миросозерцания» всегда охраняли для него мосты отступления на «раз избранном пути».

6—9 ноября 1904 г. состоялся исторический московский съезд, от которого все Кузьмины-Караваевы ведут летосчисление, — и г. Струве решительно отдал обе руки земцам, бесцеремонно выдернув левую у новых союзников и даже не извинившись перед ними. О коалиционном лобызании забыли, как будто его и не было.

Отныне г. Струве как бы снова укрепился в том убеждении, что «революционного народа в России нет», и что решающее слово

принадлежит поэтому земцам. Правда, в 1898 г. Струве отказывал русскому либерализму в будущности. Правда, в 1901 г. он гордо говорил земцам, что за «нами» дело не станет. Правда, в мае 1904 г., т.-е. всего за несколько месяцев перед тем, г. Струве заключал для чего-то соглашение с революционными организациями,—но в ноябре уже все было забыто, а 7 января 1905 г. Струве писал: «Революционного народа в России нет», особенно же его нет... в Петербурге и в Москве.

7 января 1905 г.! Момент был выбран необыкновенно удачно. Редактору «Освобождения» пришлось в № от 7 января вкладывать воззвание о пожертвованиях в пользу жертв 9 января. У г. Струве все-таки хватило мужества или... безмятежности распространять этот номер.

После Кровавого Воскресенья земцы были отброшены, с рабочими интеллигенция восторженно носилась («какая прелесть — эти рабочие!»,—*писали г. Струве из столицы*), требования рабочей петиции оттерли на задний план ноябрьские «пункты» земцев. Г. Струве нимало, повидимому, не поразился, что между 7 и 9 января народился в России революционный народ, и в своей оценке петербургских событий дал косвенным образом понять, что в его душе воскрес республиканец. «С этим царем мы больше не разговариваем!»—писал он тогда. Ах, зачем он это писал... Через 11 месяцев, 6 декабря, он обвинял Витте в том, что граф стал между общественными деятелями и Царским Селом: все рушилось оттого, что *им приходилось разговаривать с министром, а не с самим монархом*. («Полярная Звезда» № 1, стр. 9.)

С 9 января началась очевидно для всех русская революция. Отношение г. Струве к революции должно быть рассмотрено более обстоятельно.

Еще до январских событий, с начала банкетной полосы, рабочие появлялись из своего социального подполья на собраниях различных либеральных «обществ», в думах, на земских заседаниях и пытались вступать в диалог с земскими либералами и освобожденцами. Рабочие нарушали этим уставы обществ и собраний, беспомощные и боязливые либеральные председатели обыкновенно закрывали собрания, которые иногда превращались в митинги, иногда расходились. Г. Струве решительно выступил против этой «дезорганизаторской» тактики. «Если б это была революция,— писал он,—другое дело, перед революцией мы бы преклонились. Но это не революция. Это простое срывание собраний».

Беспорядочные появления на либеральной территории передовых отрядов пролетариата вносили, конечно, дезорганизацию в распорядок либеральных разговоров. Но из этой «дезорганизации» в значительной мере выростало то настроение, которое создало 9 января. Г. Струве «принял» 9 января, и, разумеется, не вспомнил, как старательно он подрывал, по мере сил, политические корни этого события.

Когда началась полоса хаотических стачек, охватывавших профессии, города, порты, железные дороги, области, г. Струве, как проницательный политик, восстал против этой дезорганизации национального хозяйства: в бесплодности этих стачек для него не было сомнения.

Разразилась всеобщая стачка в октябре, которая заставила реакцию взять под козырек пред революцией. Когда г. Струве увидел *бумагу* (манифест 17 октября), он немедленно признал октябрьскую стачку «славной», а в «Полярной Звезде» даже — «достославной». Только те бесчисленные частные, местные, районные, областные стачки, которые подняли на ноги весь наемный люд, пропитали его чувством солидарности, заставили каждую часть его сознавать свою связь с целым, научили его перекликаться из конца в конец—только эти необходимые подготовительные стачки г. Струве объявил бесплодной дезорганизацией национального хозяйства! — Мы не знаем, к сожалению, считал ли г. Струве октябрьскую стачку достославной, когда она начиналась? И мы не знаем также, считал ли бы он ее достославной, если б она непосредственно не привела к манифесту 17 октября?

Когда рабочие вторгались в сферу банкетной компетенции освобожденцев, г. Струве говорил: будь это революция, другое дело; но это простая дезорганизация. Он не видел одного: то, что он отвергал якобы во имя революции, было не чем иным, как прорезыванием самой революции. То же самое со стачками. Возбужденная рабочая масса и раз, и другой, и третий, и десятый, напирала на ограниченные рамки городов, районов, профессий, отступала, снова напирала, билась локтями о стены, падала, снова и снова наступала, — пока не рванулась, наконец, вперед, как одно революционное целое в октябрьские дни. Социал-демократия по мере сил облегчала этот мучительный процесс. Когда разрозненные, «безрезультатные» стачки сотрясали тело пролетариата, г. Струве видел в них только дезорганизацию хозяйства, но он

одобрил октябрьскую стачку задним числом за ее полупобеду. А между тем эта «славная» стачка относится к предшествовавшим ей «бесплодным» стачкам, как к неизбежным и объективно-целесообразным схваткам родового процесса...

В последнем номере «Освобождения», чтобы закончить этот журнал так же достойно, как он его начал, г. Струве обрушился на социал-демократию за университетские митинги и за ее стачечную тактику, преследующую не благо рабочих, но лишь выгоды политической пропаганды. Станет ли теперь сам г. Струве отрицать, что если частные стачки подготовили славную общую стачку, то университетские митинги дали ей объединяющий политический лозунг?

Октябрьская стачка амнистировала г. Струве. Он вернулся в Россию, и на земском съезде в Москве наш непреклонный демократ оказался не на левом крыле, с Петрункевичем, даже не в центре, с Милюковым, а на правом крыле, с Шиповым,—и это не по нашей придирчивой оценке, но по определению освобожденцев из «Нашей Жизни». Выждав падения революционной волны, г. Струве принялся за издание конституционного органа на почве, созданной манифестом 17 октября. Для того, чтобы его прошлое не питало ничьих опасений за его будущее, г. Струве в публикациях об издании «Полярной Звезды» объявил о своей искренности. Каемся, мы никогда не питали доверия к тому целомудрию, которое боится, что его не оценят, и потому демонстрирует себя на площади, — при чтении объявления мы покачали головой. И мы не ошиблись.

«Часто приходилось слышать, — писал г. Струве в № 4, — что всю правду нельзя говорить в пылу борьбы; но нам кажется, — правильно возражает он, — что в этом отводе, предъявляемом правде, звучит не увлечение борьбой, а совсем другие чувства: неуверенность в себе, сознание своего собственного бессилия и — как естественное завершение всего этого — политическая трусость, трусость за себя и за любимое дело освобождения». («Полярная Звезда» № 4, стр. 278). А через три недели он же пишет: «Кому не чужда политическая ответственность, тот не станет выкладывать все, что он считает правильным (т.-е. «всю правду», как он ее понимает. *Л. Т.*), независимо от того, какой эффект в умах слушателей или читателей будет иметь такая проповедь и какие реальные плоды она может дать» («Полярная Звезда» № 7, стр. 444).

Вы видите, что тут два прямо противоположных принципа: говорить всю правду, aussprechen was ist, по слову Лассаля, есть принцип мужественной революционной политики, которая живет уверенностью, что в конечном счете «эффект» правды и ее «плод» всегда благотворны; говорить пол-правды, т.-е. неправду, из страха за эффект полной правды и за ее плоды, это — политика либеральной трусости, «трусости за себя и за свое дело». Но г. Струве, искренность которого удостоверена объявлениями, действует одновременно на основании этих обоих принципов. В каких же обстоятельствах?

В первом случае, именно, когда г. Струве нападает на «безумство» московского восстания, на стачки, на аграрное движение, он отстаивает свое право говорить всю правду, хотя бы она сейчас и не находила доступа к «умам и сердцам масс». Во втором случае, нападая на «опасную» проповедь классовой борьбы и на республиканскую агитацию крайних партий, «стоящую в режущем противоречии с наивным монархизмом масс» («Полярная Звезда» № 7, стр. 444), г. Струве требует, чтоб говорили только пол-правды, т.-е. неправду.

Он требует мужества лишь в борьбе с тем, что он считает революционными предрассудками «безумствующих» масс. Но он считает доблестью политическую трусость по отношению к реакционным предрассудкам этих масс. Таков этот мужественный правдолюбец, Петр Львиное Сердце!..

Ткач Основа, собираясь играть перед герцогом льва, сперва обещал рычать по всей правде, как льву подобает. Но...

«Пигва (столяр): Если вы будете рычать слишком страшно, то испугаете герцогиню и дам (неприятный «эффект»); вы рычать, а они — кричать, а этого достаточно, чтобы нас повесили (неприятные «плоды» львиной правды).

Основа: Я согласен с вами, друзья... Но я только до такой степени возвышу мой голос, что буду рычать, как милая горлица... Я просто буду рычать, как соловей» [277]).

Славный шекспировский ткач Основа! Ему бесспорно не чужда была ответственность. Но при всем том необходимо признать, что львиная кожа сидит на нем, как башмаки Алкида на осле!

II. Революция пред судом «Полярной Звезды»

«Бунты» или революция?

— Но ведь это бунт!
— Нет, это — революция!
(Известный диалог)

Революция не остановилась ни на 9 января, ни на 17 октября. В форме стачек и частичных восстаний, военных, окраинных, городских, она начала дальше пробивать себе дорогу. Г. Струве, повидимому, та́к же мало ожидал этого, как и г. Витте. «Полярной Звезде» пришлось устанавливать свое отношение к революции.

Г. Струве заявил, что он за революцию, но против революций, т.-е. против «бунтов». Свободе не нужны революции (уличные манифестации, стачки, восстания, аграрные волнения), они нужны реакции, как поводы (!) для ее выступлений, как будто у реакции недостаточно причин для борьбы с революцией, чтобы она могла затрудняться отсутствием поводов! Как будто военное положение в Польше не было объявлено сейчас же вслед за манифестом 17 октября — не только без всякого повода, но и без всякой попытки найти повод!

Итак лозунг: революция без революций!

Г. Струве боролся против тех рабочих выступлений, без которых невозможно было бы 9 января. Но он «принял» 9 января. Струве боролся против тех стачек и митингов, которые подготовили октябрьское выступление. Но он «принял» достославную октябрьскую стачку. Теперь он обобщает эту глубокомысленную тактику: он против революций, но он за революцию. Эта точка зрения должна показаться удивительно счастливой «революционерам» земских съездов и либеральных салонов. Она позволяет бороться против действительной, в массах и через массы совершающейся, но еще не объединившейся в государственной власти революции— во имя ее объединяющего имени. Она позволяет быть контр-революционером во имя революции.

«Полярная Звезда» против революций, поэтому она против крайних партий, которые одобряют и вызывают эти революции, и она требует, чтобы конституционалисты-демократы решительно отмежевались от крайних партий. Но разве центр тяжести в крайних партиях самих по себе? Жизнь народных масс за этот послед-

ний год состоит из стачек, безоружных, но кровавых демонстраций, митингов с кровавым финалом, партизанских схваток с полицией и войсками, военных восстаний, сперва морских, затем сухопутных, новых, более активных, стачек и, наконец, грандиозных восстаний в Прибалтийском крае, на Кавказе и в Москве; наряду со всем этим идут аграрные волнения: захват земель, изгнание помещиков и администрации, наконец, податная забастовка... И все это прибывает, поднимаются все новые и новые слои народа, каждая волна превосходит предыдущую либо широтой захвата, либо высотой гребня, либо тем и другим. Таков действительный процесс революции. Кроме «бесплодных» революций (если употреблять это глупое слово), составлявших содержание жизни громадных народных масс, была на сцене только реакция. Те моменты, которые либералы выделяют (9 января, 17 октября), были лишь комбинациями все тех же «революций» с реакцией. А сверх революции и реакции имелось налицо еще либеральное недовольство и той и другой.

Мы спросим: считаете ли вы, вместе с г. Дурново, что «революции» совершаются крайними партиями? Думаете ли вы, что все дело в зачинщиках и агитаторах? Вы, конечно, ответите, что вы этого не думаете. Но тогда спросите себя: чем вы в сущности недовольны? — содержанием социал-демократической публицистики? или действиями рабочих, крестьян, студенчества, революционной интеллигенции? Допустим, что русская социал-демократия — действительно «помесь анархизма с якобинизмом», — разве это меняет дело? Допустим на минуту, что социал-демократическая и вообще революционная интеллигенция, которую вы в сущности только и имеете в виду в ваших нападках, сделается такою именно, чтобы отвечать вашему вкусу. Вы согласитесь, что она тем более приблизится к цели, чем ближе станет к партии конституционалистов-демократов. Наконец, она совершенно слилась с ними. Что же, стачки прекратились бы от этого? Прекратились бы кровавые восстания солдат и матросов? Захват земель? Нет, все это происходило бы, но только гораздо более стихийно и хаотично, чем теперь.

У революции есть свои органические запросы и неотвратимые потребности, своя внутренняя логика. Тактика крайних партий учитывается объективным ходом революции лишь постольку, поскольку она вносит возможно большее единство, планомерность, сознательность в стихийно развивающуюся борьбу

народных масс, в эти непрерывные «революции», вне которых нет и не может быть революции. И именно исходя из этих соображений, социал-демократия сознательно строит свою тактику в направлении объективного развития революционного процесса.

Конечно, можно упрекать ее за то, что она приспособляет свою тактику к революционной стихии. Но тогда уж заодно нужно обвинять ученого агронома, который приспособляется к свойствам климата и почвы. Одно из двух: либо отступиться от массы, предоставив ее собственной судьбе и педагогике пулеметов, либо приспособлять свою тактику к стихийному развитию массы. К.-д. сами очень хорошо сознают свое полное бессилие руководить жизнью революционного народа посредством своих общих нравственных и юридических теорем, но считают себя в праве набрасываться на социал-демократию за то, что она этого не делает. А она, если б и хотела, так же мало имела бы успеха в этом, как и они сами.

Если б социал-демократическая интеллигенция устранилась, если б устранились многие тысячи сознательных социал-демократов-рабочих, поле заняли бы социалисты-революционеры. Если б не было с.-р. (например, если бы они вместе с с.-д. перешли в лагерь к.-д.), тогда из рядов интеллигенции выделились бы другие революционные группы, которые, во взаимодействии с верхним слоем пролетариата и в противодействии с либеральной буржуазией, формулировали бы объективные запросы борьбы рабочих масс. Если русская социал-демократия, несмотря на гарантии интернационального опыта, выполняет эту работу, на взгляд «Полярной Звезды», плохо, то другие сделали бы ее еще хуже. «Революции» все равно происходили бы, только с большей смутой в умах масс и их «вождей». Реакция все равно развивала бы тактику наступлений и отступлений. И либеральные мудрецы все равно были бы недовольны революциями Революции и реакциями Реакции. Мы имели бы 48 год!

Нападки «Полярной Звезды», как и либералов вообще, на тактику социал-демократии, если их развить и углубить, представляют собою не что иное, как замаскированные нападки на нецелесообразную структуру современного общества: на нищету народных масс, на остроту их социальных интересов, на хищнический эгоизм господствующих классов, на неопреодолимость классовых страстей — словом, на суровую логику истории.

Не крайние партии создали классовые противоречия, но классовые противоречия создали крайние партии.

Лассаль когда-то сказал прусским либеральным идеалистам, что, если б он создавал мир, он поставил бы право выше силы,— но, к сожалению, ему не пришлось создавать этот мир.

Там, где виновата объективная жестокость истории, либерализм видит только субъективные ошибки мысли. «Главнейшая ошибка, повторенная нами вслед за деятелями всех почти революций, — пишет г. Штильман в «Полярной Звезде»,—заключается в том, что, едва успев нанести общему врагу первый сильный удар, мы сейчас же о нем позабыли и подняли жестокую междоусобную ссору» (№ 7, 501).

«Мы сделали ту же ошибку, в какой повинны деятели всех почти (почему почти? именно всех. *Л. Т.*) революций». Кто эти «мы»? Очевидно, автор представляет себе при этом литераторов «Начала» и «Полярной Звезды», или, в лучшем случае, сотню — другую деятелей земского съезда и Совета Рабочих Депутатов. И в их междоусобной ссоре(!) —«главнейшая ошибка» революции! Г. Штильман своим детским языком дает выражение тем обычным представлениям о ходе и исходе революции, какие свойственны людям его лагеря. Не классовые противоречия, которые обостряются с каждым шагом революции, не объективные отношения, которым деятели дают лишь более или менее несовершенную формулировку, а субъективные ошибки этих деятелей, т.-е. собственно господ литераторов и господ депутатов, решают судьбы революций. И тот факт, что «главнейшая ошибка» повторялась в каждой революции, имевшей место в классовом обществе, — а иных революций не бывает! — нисколько не мешает идеалистам исправлять, посредством нравоучений, эту ошибку исторической природы общества.

Но пусть виноваты деятели. Какого же именно лагеря? Автор, открывший «главнейшую ошибку», дает ответ и на этот вопрос. Наша «буржуазия», — пишет он (почему буржуазия в кавычках — неизвестно. *Л. Т.*) — уже политически дифференцировалась. «И пролетариату следует, конечно, примкнуть к наиболее левым ее элементам», он «не имеет никаких оснований расходиться даже с «буржуазными» элементами конституционно-демократической и других «несоциалистических»*) партий» (№ 7, стр. 502).

---

*) Что означают эти кавычки, совсем уж нельзя понять. То ли, что в сущности все «мы» — социалисты, но что автор лишь условно, в угоду

Пролетариат не должен расходиться с конституционно-демократической буржуазией, он должен к ней примкнуть. Вот средство против главнейшей ошибки.

Но почему же не наоборот? Не лучше ли буржуазной демократии примкнуть к пролетариату, раз что она открыла секрет главнейшей ошибки? Г. Штильман может быть уверен: от тех элементов буржуазии, которые «не расходятся» с пролетариатом, он никогда не отделяется; да и невозможно от них отделиться. Но г. Штильману кажется, что «расходится» с ним пролетариат, что «ссору» затевают публицисты покойного «Начала», что «главнейшую ошибку» совершает социал-демократия. Откуда такая односторонность?

Дело в том, что политическую ограниченность своего класса буржуазные политики всегда и везде считают таким же естественным законом, как тяготение, тогда как общественная природа антагонистического класса кажется им случайностью, предрассудком, ошибкой вождей. Поэтому свою ограниченную политическую программу они считают нормальной человеческой программой, делают ее мерилом и требуют, чтобы деятели противного лагеря подчиняли интересы своего класса этому «естественному» мерилу.

Вниманию пролетариата предъявляются многие тактики: и зубатовская, и треповская, и либеральная, и социал-демократическая... Но рабочий класс одни приемы и методы отбрасывает, другими пользуется временно, третьи переделывает, приспособляя их к своей природе, четвертых ассимилирует целиком. Рабочий класс это не глина, из которой можно лепить, что угодно.

Когда в петербургских массах, в результате длительного периода накопления политических страстей и мыслей, назрела потребность выступления, они заставили служить себе зубатовскую организацию и подчинили своим целям невежественного священника, ставленника полиции, вдохнув в него на день революционный энтузиазм. Девятого января петербургский пролетариат впервые выносит на улицу свою массовую силу. В нем пробу-

---

предрассудкам социал-демократии, готов назвать несоциалистической партию гг. Петрункевичей, Родичевых, Струве и пр. и пр.? Так что ли, господин хороший? За всеми этими кавычками сквозит какое-то циничное кокетничанье: вот, мол, хоть я и буржуазный либерал и отлично сознаю это, а все же говорю о себе в третьем лице, кому-то подмигиваю и шучу над этим: что́, взяли?

ждается с этого времени страстное стремление политически реализовать свою силу, а для этого — дать ей не случайную, а постоянную целесообразную организацию. Отсюда — вовсе не из чьих-то анархических заблуждений — громадная масса стачек. Социал-демократия лишь вносит в них организационное единство и пользуется ими, как ареной агитации. Революционные эпохи тем и замечательны, что даже крайние партии едва поспевают приспособлять свою тактику к стихийным движениям народных масс. Развитие своих сил и организационных связей приводит пролетариат, с одной стороны, ко всеобщей октябрьской стачке, с другой — к колоссальной самоорганизации пролетариата в форме Рабочих Советов. Тот этап, когда случайный священник мог оказаться вождем, оставлен далеко позади. Если б социал-демократия попыталась заняться прекращением рабочих «революций», она немедленно была бы отброшена от массы и обречена на ничтожество. Ведь пробовали же гапоновцы во главе с Гапоном противопоставить себя Совету Рабочих Депутатов...

Конституционалисты «Полярной Звезды», когда они последовательны, говорят в сущности следующее: в пределах тех интересов, которые мы отстаиваем и дальше которых не можем и не хотим итти, мы не способны руководить «революциями». Но, к несчастью, вне этих революций сейчас нет ни политической жизни, ни путей к массам. Остановить революцию мы не можем, как не может и реакция, в распоряжении которой имеются Малюты-Дубасовы и флигель-Мины. Но мы надеемся, что в конце концов революция искалечит реакцию, а реакция искалечит революцию; тогда уставший и ослабевший народ разочаруется в революции, а в конец истощившаяся реакция захочет нашей поддержки. И вот тогда придет наше время.

Какая-то газета сообщала, отнюдь не в осуждение, что г. Набоков [278]) во время ноябрьской стачки уехал за границу, заявив своим друзьям: «Революция вступает в свои права, и к.-демократу теперь нечего делать». Это поистине превосходно! Конечно, может быть, это газетная выдумка, но это все равно. Если г. Набоков этого не говорил, он должен был это сказать. На съезде конституционалистов-демократов г. Милюков сказал: «Мы — партия по-преимуществу конституционная» (т.-е. парламентская). А это значит, что пока парламента нет, а есть революционная борьба за парламент, к.-демократы обречены на бездействие. То же самое говорит и Кауфман [279]). Он очень зорко рекомендует

своей партии «познать себя» и не только отмежеваться от крайних партий, но и отказаться от конкуренции с ними в массах, пока «революции» не потерпят окончательного краха, т.-е., другими словами, пока массы не будут раздавлены. Только пройдя через эту школу, народ придет к к.-демократам. А пока — будем заниматься самоопределением, в форме нападок на крайние партии, и этим способом подготовлять себя к господству на поле их деятельности, когда революция покроет это поле своими костями. Таким образом, как бы себя ни убаюкивали к.-д. надеждами на прекрасное будущее (судьбы германского и австрийского либерализма должны сильно укреплять эти надежды!), фактически их отмежевыванье от крайних партий, по крайней мере, на весь революционный период, есть отмежевывание от народных масс. Партия, которая так начинает, не может иметь будущего.

Отвлекаясь от объективной политической ценности этой тактики, мы скажем: каково должно быть нравственное самочувствие той идейной интеллигенции, которая обречена на роль брюзжащего зрителя при историческом крещении нации, при суровых столкновениях народа с его врагами, при его первых шагах, исполненных анонимного героизма, великого упорства и великих жертв! Трижды лучше не родиться, чем принадлежать к партии, которая готовится к своему влиянию посредством отречения от собственного народа, переживающего революционную страду.

Такое настоящее постыдно! У них не может быть будущего!

Совет Рабочих Депутатов

Декабрьская работа реакции смела с поля зрения «общества» крайние партии и таким путем превратила конституционную демократию в корифея оппозиции. Либеральная печать вообще, а «Полярная Звезда» в особенности, использовала свое положение лидера не столько для атаки на абсолютизм, сколько для сурового осуждения тактики революционных организаций. Центром обвинений явился Совет Рабочих Депутатов. Но чем энергичнее и решительнее эти обвинения, тем чаще они противоречат друг другу.

Г. Струве обвиняет Совет в том, что тот командовал рабочими и считал себя «хозяином петербургского рабочего народа» и писал «приказы по пролетариату». И в то же время он обвиняет

его в том, что «содержание своих приказов он черпал не в своем собственном понимании (!?) того, что нужно и возможно для «подданных»*), а в меняющихся настроениях этих подданных, возвращая эти настроения в виде кратких электризующих лозунгов». (№ 1, стр. 11). Мы не знаем, каким путем мог командовать СРД,— организация, созданная самими рабочими выборным путем и не располагающая никакими механизмом репрессии. Революционная организация, имея против себя весь полицейский аппарат и военную силу, могла развить столь широкую деятельность (лишь ничтожная доля ее была видна либеральному обществу!), только опираясь на добровольную и сознательную дисциплину самих масс.—Что касается второго, прямо-противоположного обвинения, будто Совет, вместо того, чтобы «командовать» массами, сообразно «собственному пониманию», только возвращал рабочим их «меняющиеся» настроения в виде электризующих формул, то это обвинение г. регистратора земской мысли верно в том общем смысле, что Совет формулировал и обобщал логически вытекавшие друг из друга запросы борьбы рабочих на фабриках и на улице. В чем же другом и может состоять руководство?

Когда буржуазные политики, которые, разумеется, не посещали ни заводских митингов, ни районных собраний, чтобы там разоблачать ошибки социал-демократии, читают «электризующие» формулы Совета, по которым они пытаются установить его шатания и отступления, то они совершенно не отдают себе отчета в совершающемся за этими формулами живом и непрерывном процессе роста массы, который во многих случаях столько же питался отступлениями, сколько и наступлениями, и в цепи которого те и другие составляли необходимые звенья.

Сколько, например, глубоких критических соображений высказано в либеральной литературе по поводу попытки введения восьмичасового рабочего дня революционным путем. Сколько

*) Приказы по пролетариату... подданные... Мы не останавливаемся в тексте над этими приемами, которые не приобретают, конечно, лучшего запаха только оттого, что перенесены в либеральную газету с заборной литературы г. Дедюлина [280]) о терроризировании рабочих «кучкой так называемых депутатов». — Г. Струве говорит о кратких электризующих формулах. Это показывает, что г. Струве не только не читал, но даже не видал их. Все резолюции Совета, кроме двух или трех, были очень длинны, так как снабжались подробной мотивировкой в целях направления и объединения агитации.

проницательных замечаний относительно наивности, проявленной Советом Рабочих Депутатов. Но каков на самом деле был смысл кампании за восьмичасовой рабочий день?

Рабочая масса, страшно выросшая и возмужавшая, естественно, стремилась увеличить свои завоевания. Вовлеченная в водоворот новых громадных вопросов и интересов, захваченная газетами, листками, ораторами, она хотела во что бы то ни стало создать для себя физическую возможность пользоваться всеми завоеванными ею свободами. Отсюда это могучее стремление ограничить фабричную каторгу восемью часами. Если б Совет даже думал, что русская промышленность не выдержит восьмичасового дня, и начал бы на этом основании просто кричать рабочим: назад! — они бы не подчинились ему, стачки вспыхнули бы разрозненно, завод вовлекался бы в борьбу за заводом, и неуспех привел бы к временной деморализации. СРД поступил иначе. Руководящие элементы его вовсе не рассчитывали на непосредственный и полный практический успех кампании, но они считались с могучим революционно-культурным стремлением, как с фактом, и решились претворить его во внушительную демонстрацию в пользу восьмичасового рабочего дня. Практический успех «самовольного» прекращения работы после 8 часов труда состоял в том, что на некоторых заводах было достигнуто путем соглашения сокращение рабочего дня. Моральный результат, гораздо более серьезный, был двойной. Во-первых, идея восьмичасового рабочего дня получила такую колоссальную и незыблемую популярность в самых отсталых рабочих слоях, какой не дали бы десять лет трудолюбивой пропаганды. Во-вторых, упершись в организованное сопротивление капитала, за которым стояла «братская» рука графа, грозившая локаутом, рабочая масса впервые стала лицом к лицу с восьмичасовым рабочим днем, как с вопросом государственным. На всех собраниях и митингах — на многих против стихийного настроения рабочих — была проведена резолюция «отступления», в которой выяснялась невозможность проведения восьмичасового рабочего дня в одном Петербурге,—и из этого делалось два вывода: 1) о необходимости общегосударственной профессиональной организации рабочих для борьбы за восьмичасовой рабочий день в государственном масштабе, 2) о необходимости всероссийской политической организации рабочих — для проведения восьмичасового рабочего дня через Учредительное Собрание законодательным путем. Таким

образом Совет не «командовал» рабочими, но и не являлся простым регистратором их требований и иллюзий: он действительно осуществлял руководство. Очерченная тактика позволила Совету удержать большинство заводов от изнурительной и заранее обреченной на неудачу стачки за восьмичасовой рабочий день и не только не вызвать при этом нравственного упадка, но, наоборот, дать новый толчок их энергии и завязать новый тактический узел: всероссийский рабочий съезд.

На все это Совет Рабочих Депутатов тратил много труда и внимания, депутаты в обсуждении вопроса проявляли много прозорливости и предусмотрительности. А буржуазные тупицы и верхогляды, просмотревши под ряд две резолюции Совета и узнав из газетной хроники, что рабочие хотят «явочным путем» ввести нормальный рабочий день, пожимали плечами по поводу темноты массе и сумасбродства вожаков. Достойно при этом всяческого внимания следующее сопоставление: не так давно у нас в либеральной печати было очень в моде доказывать, что восьмичасовой рабочий день не только не уменьшает, но, напротив, увеличивает доходность предприятий; когда же рабочие сами взялись за проведение восьмичасового рабочего дня, либеральные публицисты отшатнулись в священном страхе за судьбы русской промышленности и национальной культуры.

О, книжники и фарисеи!

Буржуазная критика незаметно переходит в буржуазную клевету. Либеральная пресса не раз говорила о цензуре Совета и о насилиях наборщиков над свободой печати. Г. Струве, не обинуясь, говорит о правительственном насилии, которое торжествует, и о революционном насилии, которое «еще только замышляет торжествовать».

Если в вопросе о свободе печати были насилия, то они состояли: 1) в том, что союз наборщиков, в согласии с Советом, постановил не печатать произведений, которые будут представляться в цензуру — и тем вынудил всех издателей стать в этой области на почву «захватного права», 2) в том, что наборщики отказывались неоднократно набирать черносотенные издания, призывающие к избиению передовых общественных групп, обвиняющие Совет Рабочих Депутатов и революционеров вообще в краже общественных денег (разумеется, без подписи обвинителей) и пр. Рабочие в таких случаях обращались к Совету и, если последний не находил прямого натравливания и призыва

к бойне, он советовал наборщикам не препятствовать печатанию. Реакционная пресса выходила вообще беспрепятственно. Но если б даже наборщики, стоящие на революционной точке зрения, не соглашались печатать известные статьи за их общее направление, не только за призыв к насилию,—разве это, спросим, юридически или нравственно недопустимо? Наборщик, разумеется не ответственен за то, что он набирает. Но если политическая борьба обострилась до такой степени, что наборщик и в сфере своей профессии не перестает чувствовать себя ответственным гражданином, он, разумеется, нимало не нарушит свободы печати (какой вздор!), если откажется набирать, напр., «Полярную Звезду». Его могут при этом активно поддержать и все наборщики данной типографии и весь союз работников печатного дела,— и, тем не менее, здесь будет так же мало нарушена «свобода печати», как мало нарушается неприкосновенность жилища или свобода торговли отказом сдать квартиру или продать товар заведомому предателю, провокатору или просто врагу свободы.

Капитал до такой степени привык пользоваться экономическим насильем, в форме «свободного найма», вынуждающего рабочего выполнять всякую работу, независимо от ее общественного значения (строить тюрьмы, ковать кандалы, печатать реакционные и либеральные клеветы на пролетариат), что он искренно возмущается отказом профессиональной корпорации от выполнения противных ей работ и считает этот отказ «насилием»—в одном случае, над свободой труда, в другом—над свободой печати.

Гораздо правильнее было бы сделать другой вывод. Для того, чтобы все шло гладко, буржуазным писателям необходимо иметь обширный и стойкий штаб преданных буржуазии наборщиков. К сожалению, это не легко: прививать рабочим буржуазные идеи не так просто, как клеветать на пролетариат.

Очень поучительно сделать следующее сопоставление. Опубликованный г. Струве проект конституции *), за которым стоят видные освобожденцы, предусматривает для счастья новой России военное положение—с упразднением всех публичных свобод. Таково необходимое орудие их будущего «демократического» государства. Люди, которые заявляют это так откровенно, еще не вылезши из военных положений абсолютизма, забывают,

---

*) О нем см. Н. Троцкий, «Конституция освобожденцев», в этой же книге [281]).

заметим мимоходом, очень разумное правило, которое римская матрона преподала своему сыну: «Ты прежде облекись во власть, а там уже изнашивай ее!». Но замечательно, что эти же люди с пафосом Тартюфа клеймят, как насилие над свободой, борьбу рабочих с хулиганской литературой при помощи средств профессиональной стачки и бойкота — и когда? в период ожесточенной гражданской войны, когда рабочих травят организованные шайки реакции под покровительством полиции, и когда существующая «конституция» распространяет на эту «гонимую» хулиганскую литературу уголовного характера не только полную и безусловную свободу, но и материальное покровительство.

Таковы обвинения.

Буржуазной прессе, которая чувствовала в рабочем Совете присутствие внутренней уверенности и силы, видела в его действиях— прямые выводы из его суждений, в его суждениях — смелое отражение того, что есть, этой бедной буржуазной прессе было не по себе. Она со своими планами и надеждами оставалась совершенно в стороне, политическая жизнь концентрировалась вокруг рабочего Совета. Отношение *обывательской* массы к Совету было ярко сочувственное, хотя и мало сознательное. У него искали защиты *все угнетенные и обиженные*. Популярность Совета росла далеко за пределами города. Он получал «прошения» от обиженных *крестьян*, через Совет проходили крестьянские резолюции, в Совет являлись депутации сельских обществ. *Здесь, именно здесь, концентрировалось внимание и сочувствие нации, подлинной, нефальсифицированной, демократической нации*. Либерализм сидел, как на угольях. Вздох облегчения вырвался из груди буржуазной прессы, когда в этом процессе *сплочения демократических сил вокруг Совета* наступил интервал, который ей кажется финалом. С лицемерными словами протеста против правительственного насилия она хитро переплетает сокрушенные вздохи по поводу «ошибок» и «промахов» Совета, чтобы сделать по возможности ясной для обывателя неизбежность *) репрессивных мер.

Эта тактика не нова. Буржуазная литература о деятельности рабочего правительства в Париже в 1871 г. [282]) представляет собою

---

*) Г. Струве и тут впереди других. Он пишет: «СРД заготовил (на словах) вооруженное восстание и тем приготовил свой собственный арест» («Полярная Звезда» № 1, стр. 11).

нагромождение инсинуаций, лжи и клевет. Задачи такой тактики: восстановить общественное мнение промежуточных слоев против «неистовств» пролетариата. Наша либеральная пресса не выдумала в этом отношении ничего нового. Бесспорно сочувственное отношение к Совету массы населения, в том числе демократической интеллигенции, не позволяет официальным вождям либерального общества травить Совет Рабочих Депутатов, как врага нации, но они делают, что могут, чтобы подорвать его популярность. Ресурсы их критики так же ничтожны, как их цель.

Восстание в Москве

Девятое января в Петербурге, октябрьская стачка во всей России и декабрьское восстание в Москве [283]) — вот три вехи, отмечающие поступательное движение русской революции. Мы уже знаем, как г. Струве задним числом «одобрил» 9 января и стачку в октябре. К последнему событию, к восстанию в Москве, он отнесся совсем иначе.

В первую минуту он признался, что для него «смысл этого явления загадочный». Для г. Струве было загадочно, что тот самый народ, который 9 января выдвинул свои требования, который в октябре добился уступок безоружным, но не бескровным восстанием, народ, у которого уступки были тотчас же отняты, как только убыла волна, что этот народ сделал то, что он делал во всех местах в такие моменты своей истории: вышел на улицы и начал строить баррикады. Поистине, загадочно!..

Г-ну Струве надоело быть непроницательным. Он не предвидел восстания, и оно не входило в его планы. Если, тем не менее, восстание случилось, тем хуже для него. И, подумав, Струве решил, что в Москве не было восстания. «Quasi-восстание в Москве» — вот какое определение дает он московским событиям.

«В Москве не было вооруженного восстания населения, — пишет он, — были столкновения отдельных, относительно весьма немногочисленных, групп населения с полицией и войсками, были бутафорские (!) баррикады, воздвигнутые «революционной» интеллигенцией в союзе с терроризированными дворниками и увлеченными уличными мальчишками; была отчаянно храбрая, геройская борьба нафанатизированных, обрекших себя гибели рабочих» («Полярная Звезда» № 3, стр. 225).

Итак, обстановка восстания: бутафорские баррикады; персонал его: 1) «революционная» (не революционная) интеллигенция, 2) терроризированные (ею?) дворники, 3) увлеченные (ею?) мальчишки, 4) нафанатизированные (ею?) рабочие. И вот эта поистине «весьма немногочисленная группа населения» держалась на бутафорских баррикадах чуть не две недели. Смысл этого явления действительно «загадочный»!

В следующей статье г. Струве еще энергичнее подчеркивает главную черту этой картины: московское население, вместе с «широкой или большой интеллигенцией» испугалось восстания и было совершенно пассивно. Итак, «малая» или «узкая» интеллигенция и фанатики-рабочие, обрекшие себя смерти (сколько таких могло быть?— горсть!), не только успевали, при испуганной пассивности всего населения, терроризировать дворников и при их помощи строить баррикады, но и умудрялись держаться на этих бутафорских баррикадах — без поддержки, при полной пассивности перепуганного населения! — две недели против кавалерии, артиллерии и пехоты!

Если на первый взгляд живописание г. Струве являло вид «загадочный», то при дальнейшем расследовании оно становится невероятным, а при окончательном рассмотрении оказывается, как увидим, заведомо-ложным.

Г. Струве приводит в своей статье письмо москвича, «вся жизнь которого прошла и проходит в служении русскому освобождению». Что же пишет этот почтенный москвич? Он жалуется на то, что со стороны влиятельных учреждений не было ничего предпринято для прекращения кровопролития. «Дума,— пишет он, — в течение трех первых дней восстания даже не собиралась». Другая корпорация граждан—«с значением и весом»,—московский университет тоже не сделал «ничего утешительного». Интеллигенция опять-таки ничего не предприняла, «чтобы прекратить бойню в самом начале». «В этот исторический момент, — жалуется московский корреспондент, — она показала себя бессильной». И в заключение он спрашивает: «Кто же действовал?» и отвечает: «*Народные массы*. Эти действовали, действовали стихийно, без плана, ощупью. Вот почему события приняли такие размеры и были так полны ужаса и дикости» («Полярная Звезда» № 4, стр. 281).

Что же сказать после этого? Как назвать незыблемость г. Струве, который привел письмо и глазом не моргнул? Мы не станем цитировать десятки свидетельств, которые все показывают,

как полицейски-вздорна выдумка г. Струве. Ограничимся ссылкой на реакционного расследователя московских событий, корреспондента «Слова», который тоже останавливается перед «загадочным смыслом» двухнедельного восстания в таком «истинно-русском» городе, как Москва. И он также искушается мыслью выдвинуть на передовые посты дворников, которых револьверами склоняли к революции, но, вспомнив, что существует на свете стыд, он прибавляет: «все эти частности, конечно, не меняют общего положения: революция все же нашла много верных слуг в Москве среди местного населения». Размышляя над этой загадкой, остроумный корреспондент приходит к такому объяснению: «Население было, несомненно, терроризировано (не одни дворники, но все население! *Л. Т.*) и главное,— прибавляет он, — население поддавалось этому террору довольно охотно».

Реакционный корреспондент, как видим, не без блеска вышел из затруднения, тогда как г. Струве, не пытаясь свести концы с концами, просто и явно оболгал московскую трагедию *).

Можно, правда, сослаться на то, что стреляла на баррикадах незначительная часть населения. И это будет верно... Но ведь это уже армия в узком смысле слова. Вопрос же заключается в том, была ли Москва территорией революционной армии, нейтральной территорией или территорией правительственной армии? Во всех восстаниях боевую роль играет сравнительно незначительная часть населения. Роль всей массы определяется ее отношением к этой части. При взятии Парижа военную роль играло несколько тысяч человек; но это была армия Парижа. Корреспондент «Слова» вместе с московским корреспондентом г-на Струве говорят нам, что в восстании участвовала народная толпа, масса населения. И это несомненно: без активной поддержки со стороны этой массы длительное восстание было и психологически и физически невозможно.

«Население» г-на Струве, испуганное и пассивное, это, как мы видели из московского письма: 1) московская дума, 2) московское земство, 3) московская профессура и 4) московская «большая» интеллигенция, т.-е. то самое «общество», политическим реги-

*) Струве говорит: «Quasi-восстание в Москве и подлинное восстание в Прибалтийском крае». А «Новое Время» сообщает, что прибалтийское восстание производится молодежью, терроризирующей взрослых крестьян. Таким образом, если «Полярная Звезда» оставила далеко позади себя «Слово», то, с другой стороны, «Новое Время» решительно обошло «Полярную Звезду».

стратором которого г. Струве состоит; это квалифицированное «население» есть московская доля той «нации», именем которой г. Петр Струве клянется.

К чести г. Струве нужно отметить, что он не одобряет испуга своего «населения». «Испуг перед московской «революцией» есть одно из тех проявлений общественной глупости (отлично сказано!), за которые страна платится невознаградимыми нравственными и материальными потерями» (№ 4, стр. 284). Отлично сказано! И тем более уместно, что многие публицисты искусственно культивируют эту общественную глупость и усердно питают ее склонность к испугам. Один из таких литературных поденщиков общественной глупости за несколько дней до московского восстания, предостерегая от последствий проповеди классовой борьбы, «пужал» российскую глупость: «народные массы, — писал он, — могут, увлекаемые темным, унаследованным от прошлого инстинктом, ринуться на интеллигенцию, как на господ».

— Да будет стыдно, — воскликнем мы на этот раз вместе с г. Струве,—да будет же стыдно литературным прихвостням гучковской думы, которую «испуг» вогнал в переднюю г. Дубасова, [284]), да будет стыдно публицистам, играющим на дрянных струнах обывательских предрассудков и щекочущих пятки общественной глупости!

Позорная выписка сделана нами из статьи «Революция», напечатанной в журнале «Полярная Звезда». Под статьей подписано: 6 декабря 1905 г.—Петр Струве.

... Будучи «противником» вооруженного восстания, г. Струве, когда оно вспыхнуло, ссылаясь и опираясь на него, выдвинул свои требования: «России, — писал он, — необходимо правительство, облеченное доверием «хотя бы части общества». «Почему, например, такие умеренные и даже консервативные люди, как деятели Союза 17 октября, в числе которых есть люди умные, энергичные и безусловно честные, не заслуживают того доверия Монарха, которым до сих пор продолжают пользоваться гг. Витте, Дурново и прочие чиновники?»... (№ 1, стр. 86). В самом деле, если г. Витте получил власть милостью октябрьской стачки, почему г. Шипову не взойти наверх по трупам московского восстания? Негодуя на «революции», в которых они не участвуют, эти господа, тем не менее, стремятся использовать для себя каждый успех этих «революций», за который они ничем не заплатили.

В самый разгар восстания г. Струве даже не ставит вопроса ни пред собой, ни пред своей партией, что́ можно и должно сделать по отношению к этому еще происходящему, еще живому, еще не убитому восстанию. Для него это — только благоприятный внешний момент, чтобы вплотную поставить вопрос о министерских кандидатурах консерваторов из Союза 17 октября — программа, позорная сама по себе и вдвойне позорная, как прямое издевательство над требованиями восставших. Сурово прав г. М. Чеченин, который в своей статье о «Стихии смерти» (и как только эта действительно искренняя статья попала в официальный орган искренности!) говорит: «убивают не только те, что стреляют из пушек, ружей и револьверов, колют штыками... убивают и те, кто, будучи противниками вооруженного восстания, с легким сердцем построили бы на нем свое благополучие, если бы оно оказалось удачным» («Полярная Звезда» № 4, стр. 306).

Но и это еще не все. Проходит несколько дней, и в статье, посвященной тому же восстанию, г. Струве противопоставляет народной России — «всех Витте, Дурново, Дубасовых, а кстати (!) и их прислужников, т.-е. весь Союз 17 октября» (№ 6, стр. 381). Вы обратите, пожалуйста, внимание на это словечко *кстати!*

Мы не знаем, что за эти четырнадцать дней произошло за теми кулисами, где шушукаются о министерских потртфелях и об ризах распятого народа мечут жребий. И мы не хотим этого знать!—Мы знаем одно: либеральный писатель, который думает вести за собой идейную интеллигенцию, играет кровью народа, как последний из последних политических торгашей. Кровью московского восстания, говорит Струве, страна должна купить себе смену правительства Витте, Дурново и Дубасова правительством Союза 17 октября, — того Союза 17 октября, который весь, заметьте, весь является, по словам самого же Струве, простым прислужником правительства Витте, Дурново и Дубасова!

Когда г. Струве развивал в «Русских Ведомостях» комментарии к известному обращению графа Витте к «братцам-рабочим», мы заявили, что г. Струве — политический агент Витте. Сантиментальные души [285]) восстали против нас. Теперь мы готовы внести в нашу формулу поправку. Если в ноябре г. Струве выступал как агент Витте, то в декабре он выступил как прислужник его прислужников...

... Чтоб закончить эту картину, которую можно бы назвать «пляска либеральных папуасов вокруг поверженных врагов», прибавим еще один выразительный штрих.

В № 2 «Полярной Звезды» напечатана корреспонденция князя Гр. Трубецкого о «московских декабрьских днях». Вспоминая о митингах и собраниях, происходивших после 17 октября, автор находит, разумеется, что «свободы» были использованы не так, как надлежало. «Правда, — говорит он, — в критике и осуждении правительственных действий никто не стеснялся. Заслуга ораторов и публицистов в этом отношении была, однако, невелика, потому что против поверженного льва отваживаются, как известно, даже и не очень храбрые животные» (№ 2, стр. 158). Г. корреспондент забывает, что митинги начались до 17 октября, так что не требовалось вовсе манифеста, чтоб ораторы и публицисты «отваживались». Дело, однако, не в этом. Кн. Гр. Трубецкой писал свою корреспонденцию *после* московского восстания, а г. Струве напечатал ее 22 декабря. Сопоставьте теперь эти даты с теми соображениями, которые позволяют г. корреспонденту сравнивать революционеров с «не очень храбрыми животными». Ораторы и публицисты, выступавшие после 17 октября, ясно видели и твердо знали, что «лев» еще не повержен. К пропаганде этого именно их убеждения сводилось содержание значительной части их статей и их речей. Они знали, ни минуты не сомневались, что в известный момент чаша «конституционного» терпения неповерженного льва переполнится, что они первые падут жертвой его мстительной ярости, и что месть будет тем жесточе, чем энергичнее были и их нападения. Они знали это. И такой момент действительно наступил. И вот, когда вся революционная пресса была задушена, ораторы и публицисты перебиты или заточены, когда в Москве еще не закончилась неделя о семеновцах, либеральный публицист на страницах либерального органа издевается—не над планами, тактикой или взглядами, но над мужеством революционеров, сравнивая их с нехрабрыми животными, лягающими льва.

Если в ту минуту, когда писались цитированные строки, какой-нибудь лев был повержен, так это лев революции. И—простите, господа! — если какой-нибудь осел лягал поверженного льва, так это осел либерализма.

Мы говорим в этой главе о суде либерализма и, в особенности, «Полярной Звезды» над революцией. Но, в сущности, газета

Струве не судит революцию, а обвиняет ее. Это не голос судьи, который взвешивает доводы за и против — да таких беспристрастных судей в политике и не бывает; еще менее — это голос защитника, который отстаивает свое дело, несмотря на все его изъяны. Это голос прокурора по политическим преступлениям революционного народа. И чем далее, тем пристрастнее и ожесточеннее становится обвинительный акт.

«Освобождение» ставило в высшую себе заслугу свою терпимость по отношению к революционерам. «Полярная Звезда» каждой статьей, если не каждой буквой открыто борется со всем, что связано с революцией. В «Освобождении» г. Струве защищал революционеров от нападений покойного Евреинова и кн. Е. Трубецкого; он выступал против либеральных жалоб на анархию справа и анархию слева;—в «Полярной Звезде» он с самого начала заявляет себя заклятым врагом насилия, исходит ли оно «от власти или от анархии» (№ I, «От редакции»).

За этим поворотом фронта скрывается изменение политических отношений.

В первую эпоху революции и либералы терпели ее. Они ясно видели, что революционное движение, несмотря на свою молодую хаотичность и стихийность, расшатывает абсолютизм и толкает его на путь конституционного соглашения с господствующими классами. Они держали руки на-готове, относились к революционерам дружелюбно, критиковали их мягко и осторожно. Теперь, когда условия конституционного соглашения уже написаны, и, казалось бы, остается лишь выполнить их, дальнейшая работа революции явно подкапывается под самую возможность сделки земского большинства и меньшинства с властью. Революция сознательно ставит себе гораздо большие цели и тем восстановляет против себя либерализм.

Вопреки софистическому противопоставлению революции — «революциям», г. Струве гораздо «терпимее» относился к революции в первый ее период, когда она представляла наиболее анархическую картину разрозненных, неоформленных, стихийных «революций» (ростовская стачка 1902 г. [286]), июльские дни 1903 г. на юге, 9 января, террористические акты), ибо такие вспышки не могли претендовать на самостоятельную творческую роль; они лишь обессиливали и компрометировали абсолютизм, подталкивая его в объятия земцев.

Именно потому, что разрозненные движения с каждым разом все более превращаются в организованную революцию, руководимую извнутри; именно потому, что эта сознавшая себя революция уже не хочет быть простым тараном на службе конституционно-буржуазных планов, а грозит этим планам гибелью,—именно поэтому г. Струве проявляет столько озлобления, так рвет и мечет против революции. Чем яснее он видит себя висящим в воздухе, тем более виновата революция.

III. «Полярная Звезда» пред судом революции

So klein du bist, so gross bist du Fantast — фантазер-то ты большой, да фантазия твоя маленькая.

(Из старой статьи г. Струве)

Мы видели революцию пред судом идеалистического либерализма. Теперь посмотрим, какие же ответы дает либерализм на вопросы революции.

Что делать? Где выход?

Правда, г. Нечаев, «известный юрист», уже доказал в «Полярной Звезде» «чисто деловым образом и весьма тонко», по аттестации Струве, что манифест 17 октября есть акт конституционный. После этого, несомненно, всем должно стать ясно, что арест 100.000 человек, несколько тысяч убийств, свыше ста городов и местностей, брошенных в пекло всевозможных видов охраны,— что все это не правомерные проявления еще существующего самодержавного строя, но противозаконные нарушения уже существующей конституции. Но это почему-то мало успокаивает. «Новости» прямо кричат: «Прочь от такой свободы!». «Не надо нам такой «конституции»!. Крепкая задним умом «Русь» убедилась на «истории наших дней», что если средства, выбранные революционными партиями, были неверны, то «оценка положения и правительственных наших деятелей была верная» (№ от 28 января). Но каковы же эти настоящие верные средства? Где выход из конституционной дубасовщины?

У либеральных политиков ответа нет. «Новости» откровенно выражают бессильную растерянность либерализма. «Какая работа, какая Дума, — пишет эта газета, — может быть при таких условиях... Как можно итти с таким правительством!».

Венецианец Манин [287]) хорошо сказал в 48 г. что «нация никогда не имеет права мириться со своим несчастием». Выход должен быть найден. У либеральной мысли его нет. Она растеряна, уклоняется от ответа или откровенно сознается в своей политической прострации.

Что же говорит г. Струве? Г. Струве делает гримасу мудрости и притворяется, что знает спасение.

«Страна должна, — пишет он, — своими избирательными бюллетенями стереть главу (бюрократического) змия» (№ 4, стр. 287). «Государственная Дума, по законам 6 авг. — 17 окт. «снимет» бюрократию с легкостью, которая всех поразит» (№ 6, стр. 381).

Всех, кроме г. Струве, который это знает наперед.

Вся задача в том, чтобы революция не нарушала «порядка» и дожидалась созыва Государственной Думы. Мы уже старались раньше выяснить, что тактика успокоения есть верх утопизма: ибо кто и как удержит массы, если их надолго не способен сдержать и абсолютизм? Мы не станем говорить сейчас и о том, что такая тактика враждебна интересам народных масс: для них гораздо выгоднее поставить буржуазную Думу лицом к лицу с совершившимися изменениями, чем, сложа руки, ждать ее пришествия. Пройдем мимо всех этих соображений и допустим, что программа «Полярной Звезды» выполнена. Рабочие и крестьяне молчат и заучивают неведомые им имена либеральных кандидатов. Допустим даже, что при таком полном успокоении выборы будут произведены. Хотя, должны признаться, мы не можем понять, зачем тогда правительству выборы? История последнего года показала, что именно революционные «беспорядки», «дезорганизация», «анархия» толкают абсолютизм на путь конституционного соглашения с буржуазией. Но допустим, что под влиянием чего угодно: уроков прошлого, увещеваний новых земских депутаций, наконец, неотразимой пропаганды «Полярной Звезды», самодержавие (оно все-таки существует!) созовет Государственную Думу.

Крайние партии не мешают; «революции» прекратились. Дума уже в Таврическом дворце, уже выслушана тронная речь, уже выбран председатель. С чего начнет свою деятельность Дума? Что, если созванная без «революций», но под прессом дубасовщины, Государственная Дума начнет с того, что ассигнует необходимые средства, даст свою подпись под новыми займами, сло-

вом, составит национальный хор при г. Витте? В самой «Полярной Звезде» слышатся опасения со стороны некоторых сотрудников насчет политического состава будущей Думы. Как быть с теми порядками, какие насадит гучковский парламент? Что делать против союза бюрократии с набранными ею в Думу молодцами-правопорядцами? Какие средства предложит тогда г. Струве?

Г. Струве скажет, что такая Дума невозможна, что «национальная совесть» или «дух нации» подчинит себе состав и настроение Думы. Мы нашли, кажется, довольно счастливую формулу в стиле той приподнятой фразеологии, которая составляет помесь из Герцена и «Русских Ведомостей». Мы могли бы ответить, что это — непозволительный оптимизм, что у серьезного политика должен быть ответ на худший случай. Но мы снова пойдем навстречу г. Струве и допустим, что в парламенте составится конституционно-демократическое большинство. Ничего лучшего г. Струве не может требовать.

Мы думаем, что такая Дума с самого начала должна будет: 1) дать отставку Витте, Дурново и К-о, 2) призвать к власти Петрункевича, Милюкова и Струве, 3) организовать выборы Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, 4) заменить в провинции флигель-адъютантов конституционными чиновниками, 5) нарядить следствие над преступлениями отставленных министров и их агентов, и пр. и пр.

Мы, разумеется, не рисуем нашей программы. Мы только называем те простейшие и первейшие акты, которые должна будет совершить конституционно-демократическая Дума, если она сохранит — что предполагается — уважение к тем обязательствам, какие дает стране во время выборов. Если она этого не сделает, а начнет упорядочивать хозяйство через правительство Витте-Дурново-Дубасов-Мин [288]), тогда мы получим первый уже отмеченный случай со всеми вытекающими из него тактическими вопросами.

Считаем нужным оговориться, что мы нисколько не сомневаемся — на основании общих соображений и примеров истории — в том, что либеральная Дума, увидев себя ущемленной, готова будет примириться с графом Витте и отказаться («временно»!) от всеобщего избирательного права. Но беда в том, что и в этом случае конфликт будет все-таки неизбежен. Есть вопрос, о который примирение неизбежно разобьется, если только Дума не

будет простым сбродом ставленников бюрократии: это вопрос о государственном кошельке, главный источник всех конституционных конфликтов, тем более у нас, при нашем расстроенном хозяйстве, при наших чудовищных государственных долгах, непомерном бюджете и его чудовищном распределении. Либеральная буржуазия готова будет многое уступить по части свобод, хотя они, по мнению ее идеологов, имеют абсолютную ценность. Но когда речь пойдет о бюджете, тут она «готова торговаться и о восьмой частичке волоска». Приучить же монархию к парламентарной бюджетной практике вовсе не так легко. Наши традиции на этот счет очень прочны. Они нисколько не изменились со времен Грозного Царя, который ни за что не хотел понять выгод польской системы вотированья бюджета:

«На сейме ихнем королю в пособьи
Отказано! Достойно, право, смеху!
Свои же люди своему владыке
Да денег не дают!»

На что шут не плохо замечает:

«У нас не так!
Понадобилось что — хап, хап! — и есть!» [289]),

Вот на почве этого очень хорошо известного г-ну Витте принципа: «хап, хап! — и есть!», конфликт совершенно неизбежен. Конституционная история России с него именно и начнется.

Но г. Струве оценивает свою партию выше, чем мы*). Примем его оценку. Допустим, что Дума начнет с того, с чего следует начать: уволит министерство. А министерство ответит так, как ему следует ответить: не захочет выйти в отставку. Мы очень боимся, что г. Струве воскликнет: министерство падет под гнетом общественного негодования! На это можно лишь ответить базаровской фразой: «Друг мой, Аркадий Николаевич, пожалуйста, не

*) Мы ошиблись. В № 9 «Полярной Звезды» г. Струве, примиряя две резолюции к.-д., из которых одна отвергает, а другая как бы признает «органическую работу» в Думе, говорит против левого крыла своей партии: «что такое есть органическая работа — я никогда не понимал», и на основании этого своего непонимания хочет сохранить за Думой право представительствовать нацию. Мы, конечно, не станем искать формальных признаков «органической работы». Но кто не хочет заниматься софистикой, тот признает, что к.-д., высказавшись против «органической работы», тем самым обязались:

говори красиво!»[290]). Разве этого негодования мало теперь? Правительство, которое прошло чрез дубасовщину, не падает ни от вотума Думы, ни от общественного негодования. У него есть на негодование нации два коротких ответа: первый ответ—*наплевать*! второй ответ—*пли*!

Конечно, нация сможет поддержать вотум Думы своим единодушным сочувствием; отовсюду идут телеграммы, адреса, депутации. Г. Витте говорит: наплевать! В некоторых местах, и прежде всего в столице, более радикальные элементы («крайних» нет!) пробуют устроить мирную уличную манифестацию протеста. Г. Дурново готовится сказать «пли». Улицы немедленно покрываются войсками, на перекрестках устанавливаются пулеметы, в столице вводится (вернее: остается) военное положение. «Патронов не жалеть!» Мы все это знаем, мы чрез это прошли. Встревоженная Государственная Дума призывает столицу к спокойствию.

Что делает правительство? Чтоб избавить Думу от моральной поддержки, а себя от надоевших протестов Думы, оно заявляет, что ввиду возбужденного состояния умов Дума не может чувствовать себя в столице в таком спокойствии, какое требуется серьезностью ее занятий; поэтому ей предлагается в такой-то срок перенести свои занятия в Новгород, тихую колыбель русского государства. Что в этом случае сделает Государственная Дума? Струве как бы предусматривает такой вопрос и говорит: «...Дума в грозном спокойствии противопоставит себя бюрократии» (№ 6, стр. 381). «Друг мой, Аркадий Николаевич»... «Грозное спокойствие» превосходная вещь, если только оно не похоже на театральную позу, прикрывающую растерянное бессилие. На самом деле у Думы не будет никакого выхода. Если она не захочет призывать население к «безумствам» (а она не захочет), ей придется открыто признать, что у нее нет сил, которые она могла бы противопоставить семеновцам, что она слагает с себя всякую ответственность

---

1) Если большинство Думы будет против созыва всенародного Учредительного Собрания — выступить из состава Думы и сдать свои полномочия избирателям;

2) если большинство будет из к.-д. — отставить нынешнее министерство, декретировать созыв Учредительного Собрания, назначить для этого ближайший срок и организовать выборы.

Г. Струве скажет: Доктринерство! А если корона не согласится?

— Вот именно! Про это-то мы и говорим!

за политику правительства и спешит распустить себя, чтоб через два дня не быть распущенной в Новгороде военной силой.

Что же оказывается? Оказывается, что мы возвращаемся назад. Думы нет. «Революций» нет. Как угодно, это будет больше напоминать Россию Александра III, чем конституционную Россию. А дальше? Снова земский съезд? Но земский съезд после Государственной Думы, это — пустяки. Нашей апелляцией к грозному спокойствию Думы мы не разрешили вопроса, но лишь отодвинули его разрешение. Нация, конечно, не примирится со своим несчастием. Она пойдет дальше тем самым путем, на котором мы ее оставили у порога этого рассуждения — путем революционной борьбы, которая в своих удачах и неудачах организует народную массу, единственный оплот демократии. Тактика, которую мы мысленно развили, остановила нас, говоря словами того же Манина, на «полуреволюции, нуждающейся в другой, чтобы ее дополнить».

Немецкая поговорка учит, что самые дешевые товары суть вместе с тем и самые дорогие. Так же и в политике. Самые дешевые либеральные рецепты в конце концов дороже всего обходятся народу.

Может быть, нам скажут, что та перспектива, которую мы выше представили, невероподобна, неисторична. Мы бы очень хотели, чтобы г. Струве указал нам другую перспективу, т.-е. рассказал нам более обстоятельно, как он собирается «снимать» бюрократию.

Мы, с своей стороны, попробуем сослаться на историю: не мы же первые, наконец, «снимаем» бюрократию.

Все знают, что Etats généraux (Генеральные Штаты)[291]) были организованы еще на более архаических началах, чем наша Государственная Дума, и знают, что собрание сословий превратилось в Национальное Собрание, которое «сняло» бюрократию и созвало Законодательное Собрание; что это последнее «сняло» короля и созвало Конвент, а Конвент «снял» голову короля.

Но как произошло превращение сословий в могущественное Национальное Собрание?[292]) Первый конфликт с короной произошел по вопросу о способе голосования: поголовно или посословно. В этом вопросе король уступил третьему сословию. Но эта уступка только отодвинула конфликт. Дабы не казалось, что мы подгоняем рассказ под политическую мораль, мы изложим ход дальнейших событий текстуально по Олару[293]).

«Делая вид, что уступает, король велел придвинуть с границ войска. Депутаты поспешили действовать, как члены Учредительного Собрания. По их мнению, они получили от своих доверителей повелительный мандат не соглашаться ни на какую субсидию ранее установления конституции... Двор, с своей стороны, спешил с приготовлениями к государственному перевороту, имевшему целью распущение Национального Собрания. Армия чужеземных наемников, с многочисленной артиллерией, блокирует Собрание (заседавшее в Версале) и прерывает его сообщение с Парижем. Собрание требует у короля удаления войск (8 и 9 июля). Король надменно отказывает в этом (11 июля), предлагает иронически Собранию перевести его в Нуайон или Суассон; наконец, сбрасывает маску, удаляет Неккера [294]) и составляет министерство государственного переворота. Собрание прекрасно держит себя, объявляет, что удаленные министры уносят с собой его уважение и его сожаление, что «министры», а также все гражданские и военные агенты власти ответственны за все акты, нарушающие права нации и декреты этого Собрания, делает лично ответственными новых министров и советников короля, «к какому бы званию и сословию они ни принадлежали», декретирует, что оно настаивает на своих постановлениях от 17, 20 и 23 июня, и снова требует удаления войск».

«Война объявлена. С одной стороны стоит король, опирающийся на свои привилегии; с другой—Национальное Собрание, представляющее собою нацию. В этой борьбе между силой и правом или, если хотите, между прошлым и настоящим, политикой status quo и политикой эволюции, дело права казалось заранее проигранным. Стоило только двинуть эти полки чужестранных наемников, заключить в тюрьму вождей Собрания, а остальных разослать по их провинциям. Какое сопротивление могли бы оказать депутаты? Римские позы, исторические фразы не отклонили бы штыков. Без сомнения, распущение Собрания не встретило бы одобрения со стороны Франции, а это одобрение было необходимо королевской власти, чтобы получить деньги, которых она не имела и без которых не могла обойтись; без сомнения, король был бы вынужден после созвать другие генеральные штаты; но все же старый порядок продолжал бы пока существовать, и революция была бы отсрочена. Чтобы Национальное Собрание вышло из этого опасного положения, необходимо было своего рода чудо: необходимо было, чтобы у него оказалась своя армия,

которую оно могло бы противопоставить армии короля. Известно, что такое чудо действительно совершилось в виде самопроизвольного вмешательства Парижа... Париж восстал, как один человек, вооружился, овладел Бастилией, организовался в настоящий укрепленный лагерь, составил инсуррекционную коммуну, и король был побежден; ему пришлось покориться, если не искренно, то во всяком случае вполне; государственный переворот не удался. Вся французская история изменилась вследствие этого вмешательства Парижа; за которым последовала вся Франция. Я не буду рассказывать здесь, — продолжает Олар, — ту муниципальную революцию, которую вызвало взятие Бастилии во Франции, в июле и августе 1879 г., сначала в городах, а потом и в деревнях. Я замечу только, что это был капитальный факт среди всех других, подготовивших торжество демократии и провозглашение республики во Франции».

«Положение изменилось. Вместо Собрания, блокированного армиею наемников, явилось Собрание, защищаемое несколькими миллионами вооруженных французов. Вчера оно говорило печальным тоном оскорбленного достоинства и было одушевлено своего рода мужеством отчаяния; сегодня оно говорит и действует, как верховный повелитель»... («Политическая история французской революции», русск. пер., стр. 44, 45, 46 и 47).

Разогнать Национальное Собрание не значило бы, конечно, уничтожить революцию; это значило бы только отсрочить ее. Она бы неизбежно пришла в конце концов к победе. Гарантии этого были в «общественном мнении», за которым стояли непреоборимые классовые интересы. Но общественное мнение для своей победы нуждается в известный момент в организованной силе, в вооруженной руке, точно так же, как современное «правосознание» не удовлетворяется собственным внутренним созерцанием, но требует полиции, жандармерии и военной силы. Если общественное мнение непосредственно способно осуществлять государственные перевороты, тогда непонятно, зачем велась борьба со славянофилами, которые именно хотели править страной одной силой мнения. Между мнением и властью стоит сила. Обычные либеральные ссылки на решающую роль общественного мнения или слишком много значат или ничего не значат. Совершенно несомненно, что революции подготовляются долгим процессом, в результате которого создается революционное общественное мнение. Но когда необходимые предварительные условия имеются

налицо, общественное мнение должно найти практический способ вырвать власть из рук того правительства, которого оно уже не признает: общественное мнение должно показать, что оно не бесплотно, что у него есть мускулатура. Говорят, что под Седаном[295]) победил прусский народный учитель, а под Мукденом — японская конституция. И в том и в другом утверждении есть некоторая доля правды. Но если б у солдат конституционной Японии не было прекрасного снаряжения и вооружения, а у их полководцев — плана кампании, победить могла бы даже и русская армия.

В революциях 48 г. — в Австрии, Пруссии, Италии — мы видим действие тех же факторов, но в других комбинациях.

В Берлине после победоносной для народа уличной борьбы организовалась милиция, войска были удалены королем из города. К власти был призван либерал Кампгаузен [296]), который превратил Учредительное Собрание в палату соглашения, заранее поставив ее решения в зависимость от согласия короля. Камарилья между тем деятельно готовила государственный переворот. Министерства по назначению короны быстро сменяли друг друга в замечательной последовательности. Чем оппозиционнее становилось настроение палаты, тем более реакционных министров назначал король. Кампгаузен и за ним Ганземан [296]) были либеральные бюргеры; третьим премьером был «честный» генерал Пфуль[297]), четвертым — граф Бранденбург [298]), тупой придворный реакционер в стиле г. Дурново. Бранденбург предложил собранию, в интересах спокойствия, переехать в город Бранденбург. Собрание сперва не согласилось, но ему не давали собираться, и оно переехало. Через несколько дней его распустили. Оно декретировало «пассивное сопротивление», что-то вроде «грозного спокойствия» г. Струве. Но это ничему не помогло. Созвали новую палату, тоже оппозиционную и тоже распустили. Наконец, был октроирован безобразный избирательный закон, существующий в Пруссии и по сей день. Победы «общественного мнения», как видим, не так просты и не так обеспечены. Те же моменты выступают в истории Австрии. Общенациональный парламент во Франкфурте войска разогнали, как нелегальную сходку школьников.

Какое, в самом деле, жалкое представление о революции — будто содержание ее состоит в том, что с разных мест съезжаются 400 человек, «снимают» бюрократию и организуют новый государственный строй. Таких революций история еще не видала.

Революционный парламент действует успешно в той мере, в какой население на местах осуществляет «захватным путем» новое гражданское устройство и тем фактически изменяет соотношение сил. Эта тактика революций, почти инстинктивная, так же стара, как классовая природа общества. Флобер [299]), описывая в своем романе «Саламбо» восстание провинций против Карфагена [300]), не забывает кратко, но живописно представить, как граждане, «не дожидаясь дальнейшего хода событий, передушили в банях правителей и чиновников республики, вытащили из пещер заржавленное оружие, перековали сошники на мечи». Это было очень давно. В те времена пулеметов еще не было, а сановники без казаков ходили в общественные бани.

Самопроизвольное вмешательство Парижа и муниципальные перевороты во всей Франции создали почву для реформаторских работ Национального Собрания. Аграрная революция точно так же подготовила законодательную отмену феодальных отношений.

«...Решилось ли бы Собрание,—спрашивает Олар—захотело ли бы оно стереть с лица земли старый порядок?»—и отвечает: «Это противоречило взглядам философов, которые все высказывались против радикальной революции.

«Оно даже думало принять меры для подавления частичных восстаний, которые, как доносили ему, вспыхивали там и сям; когда узнало затем, что эти восстания оказались повсюду победоносными, и что феодальный строй был низвергнут.

«Тогда это дуновение энтузиазма и возмущения, вышедшее из Парижа и поднявшее всю Францию, подняло в свою очередь и Собрание. В ночь 4 августа 1789 г., санкционируя совершившийся факт, оно провозгласило отмену феодального порядка» (там же стр. 47).

Величайшая реформа была, таким образом, фактически проведена захватным путем. Политики «Полярной Звезды» считают такой метод недопустимым. «Захватное право,—вопит г. Кауфман, есть грабеж». Он думает, что испугает революцию или осрамит ее, если подыщет для ее методов имя в уложении о наказаниях.

Стоит оглянуться на пройденный нашей революцией короткий путь, чтоб увидеть, что все, чем мы пользовались, хотя бы временно, по части свобод, и остатками чего пользуемся сейчас — свобода слова, собраний, союзов — осуществлялось не иначе, как захватным путем. Правительство совершенно так же, как и

г. Кауфман, находило для этих действий уголовную квалификацию. Но никого не смущал позор уголовщины, наоборот, этот «грабеж» публичных прав казался и кажется всей нации гражданским долгом. Но мерило совершенно изменяется, когда крестьяне, не дожидаясь Государственной Думы, начинают ликвидировать те кабально-крепостнические отношения, в которых их держат помещики, опираясь на свое наследственное владение землею, значительная часть которой, к тому же, насильственно исторгнута из живого тела крестьянских хозяйств при проведении так называемой освободительной реформы — не захватным, но строго «легальным» путем. Можно еще оспаривать политическую целесообразность тех методов фактической ликвидации крепостничества, какими пользуются крестьяне,—но просто вопить: грабеж! значит лишь обнаруживать полную нищету либеральной мысли, насквозь пропитанной духом полицейщины.

Бессилие откровенное, которое не ищет выхода, или бессилие лицемерное, которое пыжится, чтобы явить вид «грозного спокойствия»—вот чем оказывается либерализм пред судом революции.

«Новости» прямо говорят: «некуда итти! ничего не видно, никакая Дума невозможна!» «Русь» говорит о неверных методах «забастовщиков», забывая, что до декабрьских событий она сама предлагала организовать общий совет депутатов, в распоряжении которого была бы... угроза забастовкой. Но если «не помогла» забастовка, то еще меньше могла бы помочь угроза забастовкой, «Полярная Звезда» говорит, что нужны спокойствие и порядок, чтоб дать собраться Думе. А дальше? А дальше: если они хотят стрелять, «то необходимо заставить их стрелять по Таврическому Дворцу. В таком случае все будет ясно» (№ 6, стр. 382). Как будто и так не все уж ясно!.. По Таврическому Дворцу стрелять не к чему: просто семеновцы займут зал заседаний, и барабанный бой помешает даже стенографам записать превосходные протесты во имя верховных прав нации.

Отказываясь от революционных методов, либерализм вспарывает себе живот у порога своего врага. Тактика, которую он навязывает нации, это — хара-кири.

IV. Интеллигенция и революция

Прошло больше года, как мы несомненно вступили в революцию. За это время лозунги неизменно передвигались справа налево. Буржуазная оппозиция подбирала лозунги, покинутые революцией. Всеобщее избирательное право от пролетариата через интеллигенцию всех оттенков перешло к левому крылу земцев. Но это передвижение не является безграничным. Можно сказать, что для всякой из групп, входящих в общественное целое, есть свой предел, который в своей основе определяется ее классовой природой, а в своих колебаниях — политической конъюнктурой.

С известного момента процесс усложняется: по мере того, как революция передвигает свои лозунги влево, справа откалываются от нее, слой за слоем, имущие классы; и в то же время ходом дальнейшего развития революции поднимаются с общественных низов самые загнанные и затравленные социальные группы, вовлекаются в общий поток, расширяя этим его русло, и уносятся вперед. Революция расширяется внизу и сужается наверху. Таким образом, поступательно демократизируя свои лозунги, революция вместе с тем демократизируется по своему социальному составу.

Откалывания справа обыкновенно бывают приурочены к последовательным уступкам правящей реакции. До первых заявлений о народном представительстве на стороне правительства стоял только «Союз русских людей», организация открыто-реакционная. После манифеста 6 августа слагается партия правового порядка, после манифеста 17 октября — Союз 17 октября с правопорядцами на правом фланге.

Таким образом, в борьбе с революцией посредством уступок и репрессий правительство теряет всякую поддержку и приобретает новых активных врагов в низах — в мещанстве, крестьянстве, армии, даже в уличных подонках; но, с другой стороны, оно теряет «активных» врагов и даже приобретает друзей в новых консервативных и антиреволюционных формациях вчера еще оппозиционной буржуазии. Все это совершается на наших глазах.

Развитие стачечного движения в самодержавной России толкнуло фабрикантов на путь конституционализма, так как «правопорядок» представился капиталу единственной гарантией «мирного хода промышленной жизни». Это неоднократно заявляли

сами промышленники и инженеры. Но дальнейший рост рабочего движения и повышение его требований оттолкнули капиталистов от «освободительного движения» и превратили их в опору порядка quand même (несмотря ни на что). Поведение московской городской думы, недавно столь оппозиционной, а ныне гучковско-дубасовской, поясняет это без дальних слов.

Крестьянское движение произвело такое же воздействие на помещичий либерализм. О сколько-нибудь активной оппозиционной роли земств теперь говорить совершенно не приходится.

Эти политические перемены, соответственным образом преломившись, сказались в отношениях между профессурой и студенчеством. Неутомимость и непримиримость студенческой борьбы выбила наши ученые корпорации из позиции закоренелого холопства. Профессора примкнули к оппозиционному движению, как к средству создать нормальные условия учебной и научной деятельности. Но так как студенчество пошло дальше, расширило свои задачи и связало свои действия с действиями рабочих масс, то «порядок» в университетах так и не наступил. И теперь снова раздается временно умолкшая проповедь о том, что университет создан для науки, а не для политики. Профессура, этот наиболее тяжеловесный и косный отряд интеллигенции, становится снова анти-революционной силой.

Каждый новый этап революции ставит на испытание верность следующей по очереди группы буржуазных классов. Правда, так как революция — сложная комбинация движений и контрдвижений, то иногда слои, которые вот-вот готовы были успокоиться, снова приходят в брожение: излишние бесчинства реакции нарушают правильность политических отложений и задерживают консолидирование консервативного блока. Но, в общем, его образование наверху идет так же неудержимо, как революционизирование темных масс, вплоть до вчерашних черных сотен, внизу. Во всяком случае представители землевладения и торгово-промышленного капитала представляют теперь силу совершенно и открыто анти-революционную.

События революции после 17 октября поставили на очередь вопрос о дальнейшей роли демократической интеллигенции: отколется ли она от революции и, если отколется, то в каком объеме? или же пойдет вперед и, если пойдет, то до какого этапа?

Интеллигенция может облегчить ход революции и может поставить ему серьезные затруднения, но поведение интеллигенции не может иметь решающего значения. Это определяется всем характером нашей революции.

В Великой Французской Революции руководящую роль с начала до конца играла буржуазия, в лице различных своих фракций. Якобинцы, это — интеллигенция, левое крыло буржуазии, адвокаты, журналисты. За ними идет «народ». Фейльяны [301]) (монархисты-конституционалисты), жирондисты, якобинцы — таковы политические группировки буржуазии и вместе с тем этапы Великой Революции. Сперва господствует партия Мирабо[302]), и он презрительно кричит демократам: «молчать, тридцать!». Но революция идет вперед, превращает конституционалистов в консервативную силу и передает власть жирондистам. А затем через политический труп Жиронды приходят к власти якобинцы. В буржуазии еще столько политической энергии, что каждая из ее фракций оказывается способной, хотя на время, овладеть кормилом революции.

В 1848 г. буржуазия уже неспособна вести за собой народ. Революция толкает ее вперед, но она упирается. Страх пред пролетариатом, революционным по инстинкту, делает ее консервативною после первых успехов народа. Буржуазия отдает неорганизованные массы в жертву старым усмирителям и тем сразу доставляет торжество контр-революции. И это не только капиталистическая буржуазия, которая и в 1789—1793 г.г. не играла революционной роли, но и «демократическая» интеллигенция. Она не осмеливается выступить во главе рабочих масс вопреки настроению и воле имущей буржуазии, с которой она связана всеми условиями своего существования. Только в Вене студенчество, наиболее независимая и чуткая часть интеллигенции, проявляет готовность взять на себя руководство революцией. Венское студенчество опирается на массы, в особенности на предместья; в его руках — большая сила. Но оно молодо, неопытно и, сверх того, боится все же порвать со старшим поколением (профессорами, адвокатами, журналистами) и оказаться в одиночестве. Под влиянием справа студенчество после победы венских восстаний проявляет нерешительность и колебания, проповедует рабочим порядок и спокойствие, вместо того, чтобы организовать, вооружать и вести их вперед. Вена становится жертвой победоносной реакции.

В России классовые противоречия внутри буржуазной нации гораздо глубже не только,чем во Франции конца XVIII в., но и чем в Пруссии или Австрии середины XIX в. Капиталистическое развитие зашло гораздо дальше, крупная индустрия создала громадные центры. Это порождает несравненно более резкую политическую диференциацию. Французская буржуазия руководила революцией и олицетворяла нацию. Прусская и австрийская буржуазия уже не осмелилась представлять нацию; она представляла свой классовый эгоизм. Единственной буржуазной группой, которой удалось до известной степени сосредоточить на себе революционные ожидания масс, было, как мы сказали, венское студенчество. В России ни одна из фракций буржуазии не руководит революцией. Наиболее независимая и самоотверженная часть интеллигенции, студенчество, оказалась во главе событий лишь во время первых революционных выступлений 1899—1901 г.г. Но со времени ростовской стачки 1902 г. и особенно после 9 января 1905 г. руководящая роль перешла к рабочим. Если в октябрьском восстании в Харькове центром действий был университет, то в декабре генеральной квартирой революции является завод Гельфериха-Саде.

Старые революции не знали ничего подобного нынешним огромным промышленным центрам с этими пролетарскими массами, собранными на колоссальных заводах и фабриках. Железная дорога и телеграф, придающие такое могучее единство революционным выступлениям, не были известны старым революциям.

Более высокой социальной природе российского пролетариата соответствует несравненно более высокий политический уровень. Наш пролетариат, как небо от земли, отличается не только от парижских подмастерьев эпохи Марата [303]), но и рабочих Берлина и Вены 48 г. Верхний слой рабочих прошел сквозь школу серьезной социалистической пропаганды; весь пролетариат имеет крепкие навыки солидарных действий, приобретенные в испытаниях стачечной и уличной борьбы, обладает выдающейся энергией и чувством политической чести, которые ставят его вровень с его европейскими собратьями. В революции недели идут за годы, и это прежде всего сказывается в деле политического воспитания рабочих масс. Октябрьская стачка, поразившая весь мир, тем решительнее свидетельствует о замечательных боевых силах и качествах русского пролетариата, чем несовершеннее была техника его организаций.

О политической гегемонии какой-либо из фракций буржуазии над русским пролетариатом уже не может быть и речи. Если б вся социал-демократическая интеллигенция в один и тот же день перешла в ряды конституционалистов-демократов и стала звать туда же пролетариат, ее призыв не имел бы никакого успеха: в рабочих только обострилось бы их недоверие к буржуазной интеллигенции. В организации Совета Рабочих Депутатов пролетариат обнаружил удивительную классовую самодеятельность. С классовой позиции его уже не сдвинет никакая сила в мире. И это краеугольный факт, который должен быть положен в основу всех политических расчетов.

Имущая буржуазия превращается на наших глазах в антиреволюционную силу прежде, чем удовлетворены самые элементарные потребности буржуазного общества.

*В крестьянстве — большой запас стихийной революционной энергии, но руководящей роли оно на себя взять не может. Овладеть крестьянством не может никакая партия, которая не играет руководящей роли на главной революционной территории — в городах *).*

Интеллигенция сама по себе не представляет политической силы. Ее значение определяется отношением к ней революционных масс; это показал ясно последний год. «Союз Союзов», который мечтал объединить вокруг себя революцию, сметен ею и не играет никакой роли. Конституционно-демократическая партия представляет собою коалицию левых элементов земской и торгово-промышленной буржуазии и правых элементов интеллигенции, бывших освобожденцев. Эта партия не столько оттягивает буржуазию от открыто-консервативного Союза 17 октября, сколько привязывает интеллигенцию к консервативной буржуазии. О гегемонии либеральных «кадетов» над революцией думать не приходится; они сами об этом не думают. Более радикальная, но «непартийная» интеллигенция рассеяна там и здесь, недовольна всеми справа, недовольна собою, сомневается в тех, кто слева, особенно в момент понижения революционной волны. Попытки организовать самостоятельную радикальную партию ни к чему не поведут. Из кого она будет состоять? Из группы интеллигентов, которые и так знают друг друга в лицо. Радикальная партия,

---

*) См. об этом предисловие Н. Троцкого к «Гражданской войне во Франции» изд. «Молота» [304]).

это —«Союз Союзов» минус все те элементы, которые ушли к к.-д., к с.-д. и к с.-р. Это ничтожная дробь. Студенчество неизменно признает над собой руководство «крайних партий», главным образом, социал-демократии.

Таково сейчас положение. В какую сторону идет дальнейшее развитие?

Городская мелкота чем дальше, тем больше переходит на сторону революции. Московское восстание показало это всем, а расправа над Москвою только ускорила этот неизбежный процесс. Правительственная артиллерия разрушает последние остатки охотнорядского патриотизма. Черные сотни не сплачиваются под влиянием революции, но размываются ею. Что аграрная революция только еще начинается, что крестьянство очень далеко от того, чтобы стать силой порядка, это для правящей реакции и для помещичьего либерализма так же очевидно, как и для нас. Что пролетариат еще не сказал своего последнего слова, в этом не сомневается никто. Вопреки либеральным утверждениям, будто «революционная тактика исчерпала себя и истощила массы», действительность говорит, что объем революционной массы и ее агрессивность находятся в состоянии непрерывного роста.

Если о чем возникает вопрос, так это о том положении, которое займет теперь по отношению к революции промежуточный слой интеллигенции: *с консервативно-буржуазным блоком* или *с демократической нацией, сплачивающейся вокруг пролетариата?*

Этот вопрос, поставленный революцией, г. Струве положил в основу своего журнала. Куда итти интеллигенции?

Струве знает, что «тем русским политическим деятелям, у которых развито чувство политической ответственности, трудно получить доступ к умам и сердцам народных масс». Гг. Родичевы, Милюковы и Струве слишком отяжелели, чтобы искать путей к народу, но — «нам необходимы голоса (!) рабочих масс», как говорит г. Кауфман. Отсюда для конституционалистов-демократов естественно вытекает задача: оторвать идейную интеллигенцию от революции и превратить ее в аппарат воздействия на революционные массы. «Революционная интеллигенция, — пишет Струве, — должна в настоящее время — во имя революции! — итти в народ с проповедью порядка» (№ 7, стр. 447). И «самая важная задача организованных демократических групп и их прессы заключается в том, чтобы убедить всю русскую идейную

интеллигенцию стать на эту точку зрения и таким образом тактически дисциплинировать и организовать ее для организационной работы в народных массах» (№ 7, стр. 445).

Оторвать интеллигенцию от революции, подчинить интеллигенцию эгоистическим интересам буржуазии, изолировать пролетариат, обессилить борющийся народ — вот политическая задача, над выполнением которой работают г. Петр Струве и его соратники. Конституционно-демократическая партия, и особенно ее идеалистическое крыло, представляет собою золотой мост для отступления идейной интеллигенции с ответственных боевых позиций в лагерь так называемого порядка. Это отступление всемерно облегчается. Интеллигенции в рядах партии разрешается желать одной палаты; за земцами оставлено право на две палаты. Для интеллигенции имеется решение против «органической работы» в Думе, для земцев есть истолкование, что это решение ничего не означает. Дело не в «формулах»! Только бы «дисциплинировать интеллигенцию»! — а там уж эластичная программа получит такое значение, какое ей захочет придать близорукий эгоизм буржуазии.

Но, увы! — «над партией тяготеет злой рок», как справедливо сказал выступивший из партии кн. Е. Трубецкой. Этот злой рок — ничто иное, как революционный характер эпохи. Партия теряет от успехов революции так же, как от ее поражений. Когда народ действует победоносно, от левого крыла партии отрываются наиболее демократические элементы. Когда торжествует реакция, начинается откалывание на правом крыле. В октябре ушла из партии, жалуется Струве, «живая и богатая силами петербургская группа освобожденцев»; в январе ушел кн. Евг. Трубецкой.

Над политикой, которая хочет словами отделаться от фактов и двусмысленными выражениями устранить зияющие противоречия, нет благословения истории. И, однако же, эта политика — высшее, что дает нам буржуазный либерализм; высшее — потому, что «Полярная Звезда» сознает и формирует те антиреволюционные задачи, которым остальные либеральные органы служат наполовину бессознательно. Конечно, в либеральной печати, которой полиция Дурново доставила теперь монополию руководства общественным мнением, есть более и менее умеренные элементы. Но вся она, во всех своих оттенках, вливает в общественное сознание отраву пассивности и ведет пропаганду политики хара-кири.

От всей души мы презираем эту либеральную печать, — и наше презрение к ней мы через все преграды несем в народные массы. В этой работе у нас есть великая поддержка: это — логика событий.

Недалек час, когда революция разметет и развеет многое, что теперь строят наспех, пользуясь ее непротивлением, — и первым взмахом своим она отбросит прочь ту партию либерального маразма, служителем и пророком которой является — господин Петр Струве в политике.

С. Петербург, 8 февраля 1906 г.

«Г. Петр Струве в политике».
(Под псевдонимом Л. Тахоцкий).
Май 1906 г. Петербург. Кн-во «Новый Мир».

* * *

Статья *) о господине Петре Струве подвергает разбору главнейшие возражения и обвинения, которые делались либеральными политиками против революционной тактики вообще и тактики социал-демократии в октябре, ноябре и декабре в частности. Потому ли, что наши соображения показались либеральным публицистам наглядно несостоятельными, или по иным причинам, но только брошюра о Струве не встретила, насколько нам известно, ни одного слова либеральной критики. Это могло бы нас, разумеется, совершенно обескуражить, если бы наиболее объективная из всех критик, критика событий, не высказалась всецело за нас.

Г. Петр Струве именем своей партии уверял нас, что стоит только собраться Думе, — и она «снимет бюрократию с легкостью, которая всех поразит».

Мы отвечали ему, что стоит возникнуть серьезному конфликту между правительством и Думой, — и бюрократия снимет Думу с легкостью, которая нас совершенно не поразит.

Г. Струве вместе со своей партией учил нас, что отныне задача сводится к тому, чтобы локализировать революцию в четырех стенах Думы.

Мы отвечали ему, что единственное спасение Думы в том, чтобы революция разлилась по всему лицу страны.

---

*) Настоящий отрывок является предисловием т. Троцкого к его книге «Наша Революция». *(Ред.)*.

Теперь, после всего того, что произошло, неловко настаивать на политической близорукости либерализма. Вожди кадетской партии, подписавшиеся под выборгским воззванием [305]), тем самым, казалось, признали всю иллюзорность методов мнимого конституционализма. Обращаясь к нации с призывом, который, в случае успеха, должен был вызвать всенародную революцию, они тем самым, казалось, отказывались от детских надежд превратить борьбу народа с реакцией в перепалку депутатов с министрами. Но это только казалось. Лидеры кадетской партии с г. Милюковым во главе бьют теперь отбой. Они доказывают, что выборгский акт вовсе не был актом революционным; что он имел в виду лишь пассивное сопротивление, мирное конституционное упорство плательщиков налогов — по английскому образцу; что недостаток выдержки и политической культуры в населении не привел это конституционное предприятие к успеху. Трудно сказать, чего здесь больше: слепоты или лицемерия.

Пассивное сопротивление «по английскому образцу» предполагает, что в стране уже существует парламентарный режим; что суды независимы и стоят на страже интересов «народа»; что заговор монархии не может опереться на достаточную силу штыков. Но в стране, где, с одной стороны, стоит революционная нация, с другой — вооруженный деспотизм, массовый отказ от уплаты налогов может повести лишь к решительному столкновению обеих сторон.

В 1862 г. Лассаль с замечательной ясностью доказывал это прусским либералам в своем реферате «Was nun?» («Что же дальше?») Это произведение, вместе с другой замечательной работой Лассаля—«О сущности конституции», имеется в нескольких русских изданиях. Мы настоятельно рекомендуем эту брошюру всем членам центрального комитета партии «народной свободы», которым не удалось организовать законное сопротивление «по английскому образцу».

Здесь же мы позволим себе привести из другой, более ранней речи Лассаля [306]) политическую и психологическую характеристику тактики «пассивного сопротивления».

«*Пассивное* сопротивление, господа, — говорил Лассаль по поводу призыва разогнанного прусского национального собрания,— в этом мы должны согласиться с нашими врагами, — пассивное сопротивление было, *во всяком случае*, преступлением. Одно из двух: либо корона, совершая свои деяния, была в своем праве,—

и тогда национальное собрание, противоставшее законным правам короны и бросившее в страну семя раздора, было, во всяком случае, шайкой бунтовщиков и крамольников; либо же деяния короны были беззаконным насилием — тогда народную свободу следовало защищать *активно, кровью и жизнью,* тогда национальное собрание должно было громко призвать страну к оружию! Тогда, значит, это удивительное изобретение пассивного сопротивления было со стороны собрания трусливой изменой народу, изменой долгу охранять народные права.

«Если и я, на что сегодня неоднократно обращалось ваше внимание, во всех своих речах призывал дожидаться призыва национального собрания и браться за оружие только по этому призыву, то это происходило не из юридического соображения, будто только из призыва национального собрания почерпнем мы надлежащее право. Право стояло на нашей стороне — с поддержкой и без поддержки национального собрания. Мной руководило тогда *практическое* соображение. Борьба могла иметь значение лишь в том случае, если бы страна поднялась во всех пунктах; а такого единодушия, такой единовременности восстания можно было ожидать лишь в том случае, если бы призыв ко всей стране исходил от национального собрания.

«Пассивное сопротивление национального собрания, я повторяю это, было предательством, и в то же время оно было одним из самых абсурдных изобретений, которые когда-либо видел свет; оно обеспечивает за своими изобретателями на вечные времена наследие неумолчного смеха, который история свяжет с их именами.

«Каким, в самом деле, презрительным хохотом заклеймили бы великий народ и вычеркнули бы его из списка народов, если бы он, подвергшись нападению чужеземного завоевателя, вместо того, чтоб сделать хотя бы только попытку защитить свою свободу с оружием в руках, нашел бы удовлетворение в том, чтобы противопоставить завоевателю голую юридическую фразу, торжественный протест, пассивное сопротивление?

«Но трижды ненавистнее, чем *внешний* враг, враг *внутренний,* который топчет свободу страны; трижды большего проклятия, чем *чужеземный* государь, заслуживает *собственный* государь, который восстает против законов собственной страны. И трижды сильнее для народа позор стать добычей одного человека, чем поддаться чужой великой нации.

«Отдельное лицо, господа, когда над ним производит насилие государство, масса — я, например, если б я был осужден вами — может с честью оказать пассивное сопротивление; я могу завернуться в свое право и протестовать, так как у меня нет силы реализовать мое право. Но подобно тому, как понятие бога не мыслится без определения всемогущества, так и в понятии великого народа скрывается мысль, что его сила должна соответствовать его праву, что он должен обладать достаточным могуществом для действительной защиты того, что он считает своим правом.

«Отдельное лицо, выброшенное десятком других за дверь, может протестовать и оправдываться своей слабостью, если оно не сопротивлялось. Но я вас попрошу представить себе печальное зрелище великого народа, который оправдывает своей слабостью то, что он не попытался защищать свое право!

«Народ может быть *одолен силой*, как Польша, — но Польша сдалась не раньше, чем поле битвы напиталось кровью ее благороднейших сынов, не раньше, чем была истощена ее последняя сила; она боролась до тех пор, пока в изнеможении не испустила последнего вздоха; она не сдалась, она погибла! Лишь когда сломлена последняя сила, лишь тогда может такой народ, народ-труп, довольствоваться пассивным сопротивлением, т.-е. протестом во имя права. С терпением и выдержкой, с желчью в груди, с сосредоточенной молчаливой ненавистью, ждет он со скрещенными на груди руками, пока спасительный момент не принесет избавления. Такое пассивное сопротивление — *после того, как сломлены все* средства активного сопротивления — является *высшей формой выжидательного героизма*! Но пассивное сопротивление *с самого начала*, без попытки *пустить в дело меч*, без обращения, хотя бы на миг, к живой силе, это — высший позор, величайшая глупость и трусость, какие когда-либо приписывались народу.

«Пассивное сопротивление, господа, это противоречие в самом себе, это — всетерпящее сопротивление, это — не сопротивляющееся сопротивление, это — сопротивление, которое не есть сопротивление.

«Пассивное сопротивление это — голая *внутренняя злая воля* без *внешних* проявлений. Корона конфисковала народную свободу, а национальное собрание декретировало для защиты народа *злую волю*!

«Было бы непонятно, как это самая обыденная логика допустила, чтоб законодательное собрание запятнало себя таким несравненным смехотворным актом, вместо того, чтобы лучше уж открыто подчиниться приказаниям короны, — было бы непонятно, если бы это не было слишком понятно!

«Пассивное сопротивление является продуктом следующих факторов:

«Ясное сознание обязанности сопротивляться, как требует долг, и личная трусость, не желающая сопротивляться с опасностью для жизни, — эти две силы в отвратительном объятьи произвели в ночь на 10 ноября чахоточное дитя, немощную тварь пассивного сопротивления.

«Но именно это логическое противоречие в понятии пассивного сопротивления имело и не могло не иметь своим следствием то, что национальное собрание вовсе не удержалось на линии пассивного сопротивления; наоборот, оно вполне непосредственно провоцировало сопротивление активное.

«Ибо решения законодательного корпуса это — не то, что изречения коллегии философов или юристов, имеющие лишь теоретическое значение, формулирующие лишь суждения или устанавливающие философские аксиомы. Нет, это — *декреты*, долженствующие иметь практическое значение, притязающие не только на теоретическую правильность, но и на действительное выполнение...

«Раз национальное собрание постановляет: министерство не имеет права взимать налоги, — что это означает, как не следующее: вы не обязаны, вы не должны, вы не имеете права платить налоги; плохой гражданин, изменник отечеству, сообщник министров — тот, кто платит налоги; и следовательно: вы должны силой противодействовать принудительному взиманию налогов.

«Au fond (в основе) постановление об отказе от уплаты налогов ничем не отличается от прямого призыва к оружию. Считаете ли вы возможным, что это могло ускользнуть от национального собрания? Национальное собрание знало очень хорошо, что уже из одной нужды в деньгах, когда они выйдут, начнут принудительно взимать налоги. Национальное собрание должно было, однако, в то же время желать, чтоб его решение было выполнено, чтоб оно осталось победителем. *Не для шутки же и не для того, чтоб доставить прокурору случай для судебных преследований против себя, приняло оно это решение.* Следовательно, национальное

собрание хотело, требовало и декретировало, в случае неминуемого принудительного взимания налогов, вооруженное сопротивление, революцию. Это, думается мне, очень ясно.

«Следовательно, постановление об отказе от уплаты податей в устах национального собрания совершенно равносильно прямому призыву к оружию.

«Почему же, однако, национальное собрание не прибегло к этому последнему быстрому средству, которое не дало бы воодушевлению улечься? Почему не декретировало оно открыто восстания массы?

«Ответ скрывается в предыдущем.

«Национальное собрание легализовало революцию и желало ее. Если б революция разразилась, национальное собрание приписало бы эту честь себе. Но, легализуя и вызывая борьбу, оно хотело в то же время создать себе прикрытие на случай возможной неудачи. Оно хотело занять такую позицию, чтоб его нельзя было юридически обвинить в соучастии в борьбе» («Речь пред судом присяжных»).

«Пассивное сопротивление» — по английскому образцу!

Призвать весьегонского и балашовского мужика к отказу от уплаты податей и поставки рекрут, ввиду флигель-адъютантов, генерал-губернаторов и карательных экспедиций — и думать, что дело сведется к конфликтам на почве права; подписаться под выборгским воззванием авторитетным именем народного представителя и, когда призыв в миллионах экземпляров распространится среди населения, объявить английский эксперимент неудачным и отказаться от него; сказать мужику: *ни одного солдата!* и затем, в качестве уездного предводителя дворянства, занять при наборе свой пост председателя уездного по воинской повинности присутствия — вот политика и мораль либерализма!

В июле они «призвали»; в октябре могут начаться выборы, — и июльский призыв камнем висит у них на шее. Они не знают, как отделаться от него. И вот выступает профессор Милюков. Он думает, что стоит найти подходящую формулу перехода к очередным делам, — и выход из «выборгских» затруднений обеспечен. А если манифест заставит тверского мужика взять вилы и подведет его под усмирительный отряд? А если нижегородские крестьяне грудью встанут за своих рекрут и не отдадут их «присутствию» с каким-нибудь кадетом во главе? Что тогда? А если

нижегородское и тверское сопротивление разрастется в пожар? Что тогда?

Да, что тогда, г. Милюков? Вы выйдете и скажете от имени вашей партии, что произошло недоразумение: тверской мужик нарушил прецедент и взял в руки вилы, тогда как имелось собственно в виду лойяльнейшее сопротивление — «по английскому образцу»!..

5. ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА И РЕВОЛЮЦИЯ [307])

ОДНА ИЛИ ДВЕ ПАЛАТЫ [308])

I

Чтобы вывести страну из настоящего положения, необходимо созвать Учредительное Собрание. Выборы его должны быть произведены посредством всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Теперь это все знают, и огромное большинство населения требует этого. А еще недавно, года полтора назад, об Учредительном Собрании и всеобщих выборах речь велась только в кружках передовых рабочих. Народ этого требования не знал. Либеральная буржуазия (земства, думы) была против всеобщего права голоса, считая, что русский народ еще «не созрел». Интеллигенция не верила в осуществимость у нас всенародного Учредительного Собрания и заодно с либеральными земцами мечтала о созыве депутатов от земств и дум, т.-е. о представительстве дворянского землевладения и купеческого капитала. Года четыре тому назад наиболее либеральные земцы опубликовали свою программу [309]), в которой требовали созыва Земского Собора из состава земских и думских гласных. Программа эта была напечатана в заграничной газете «Освобождение», редактор которой, г. Петр Струве, был раньше социал-демократом, а затем поступил в услужение к либеральной буржуазии. Все эти господа теперь принадлежат к образовавшейся недавно партии конституционалистов-демократов («кадетов») и готовы поклясться, что от рождения своего стояли за права народа. Полезно напомнить, поэтому, что до 9 января 1905 года буржуазные либералы и не заикались о всеобщем избирательном

праве; они примирились с этим лозунгом (да и то наполовину!) лишь после того, как рабочие открыто и всенародно заявили, что на меньшее не согласны. После 9 января демократы (т.-е. сторонники власти всего народа) стали появляться, как грибы после дождя. Теперь в демократах состоят не только г. Струве или генерал Кузьмин-Караваев, но и г. Столыпин из «Нового Времени», брат кровожадного саратовского губернатора [310]) и сам в душе по меньшей мере полицеймейстер. Этот Столыпин стал издавать «Маленькую Газету» для уловления простаков и в газете своей, в первом же номере, заявил себя сторонником всеобщего избирательного права. «Да и какой серьезный человек станет против этого возражать!» — пишет Столыпин. Он только забывает, что в прошлом году «Новое Время» изо всех сил боролось против всеобщего избирательного права. Старик Суворин, хозяин всей этой продажной компании, прямо писал: «Прежде всего нужно отделаться от всеобщего избирательного права». Земский Собор, писал Суворин, должен быть составлен из 50 представителей от дворянства, 50 — от духовенства, 50 — от купечества, 50 — от крестьянства; о рабочих не было и помину. Столыпин тоже, по мере сил, издевался над избирательным правом народа. Всеобщая октябрьская стачка заставила эту бесстыдную шайку осторожнее поджать свой черносотенный хвост и изобразить на злобной волчьей пасти ласковую улыбку. А у г. Столыпина хватило даже наглости приступить к изданию «рабочей» газеты, которая печатается тем самым шрифтом, из-под которого выходили самые гнусные призывы к избиениям и расстрелам крестьян и рабочих. С этими людьми много разговаривать не приходится. В ночь с 17 на 18 октября народ послал на Невском анафему «Новому Времени» в целом и Суворину в частности. Плевок презрения — вот ответ рабочих и всех честных граждан на «либеральные» заигрывания нововременских проходимцев. Будущее поколение, если не забудет о них, воткнет в их могилу осиновый кол.

II

Мы сказали, что либеральная буржуазия примирилась с мыслью о всенародном Учредительном Собрании только наполовину. Теперь уж в этом не может быть никакого сомнения. Какой смысл имеет требование Учредительного Собрания? Смысл совершенно ясный: народ через своих представителей должен учре-

дить (т. е. организовать, ввести, создать) такой государственный строй, который отвечал бы интересам народа. В этой учредительной работе решающий голос имеет весь народ и притом только народ. Никто не может и не смеет помешать народу воплотить свою волю. Над народом нет никого; народ сам хозяин собственной судьбы. Вот что значит Учредительное Собрание! А либеральная буржуазия смотрит на дело совсем иначе. Она хочет, чтоб представители народа заключили сделку, сторговались с нынешним правительством. Она хочет, чтоб государственный порядок был введен не такой, какого хочет сам народ, а такой, на который даст согласие теперешнее правительство. Какое же это Учредительное Собрание? Это договорное собрание, собрание для сделки, но никоим образом не представительство власти народа. Те, которые хотят сделки, не хотят борьбы. И действительно: октябрьский земский съезд отказался от самого имени Учредительного Собрания. Это правильно: черное нужно называть черным, а сделку — сделкой. Иначе поступает партия «кадетов», в которую входит более либеральная часть владельческой буржуазии и менее демократическая часть интеллигенции. Кадеты знают, что без требования Учредительного Собрания теперь нельзя показать народу глаз, — и они поступают так: отказываются от того, что составляет главную суть Учредительного Собрания (его неограниченная власть), но оставляют название, имя, чтобы не возбуждать вражды к себе в интеллигенции, рабочих, сознательных крестьянах и вообще в честных демократах. Мудрые «кадеты» надеются, что ко праведным сопричтется тот, кто себя сам праведником назовет. Тщетные надежды! В революционное время, какое мы теперь переживаем, такие жалкие уловки не могут ввести надолго в заблуждение народ. Маска быстро износится и изорвется, а из-под ее лохмотьев выступит наружу природное буржуазное лицо.

III

Либеральная буржуазия не хочет, чтоб народ высказался во всей полноте и со всей решительностью. Консервативная буржуазия, входящая в «Союз 17 октября», «Торгово-промышленную партию[311])» и «Партию правового порядка»[312]), боится и думать об Учредительном Собрании. Что же говорить в таком случае о правительстве? Оно знает, что действительное всенародное

Учредительное Собрание спросит у него суровый отчет за все его прошлые деяния; поэтому правительство изо всех сил боролось и борется против народной воли. Правительство видело себя еще после 9 января вынужденным созвать народных представителей, но оно решилось организовать выборы так, как ему угодно, и дать народным представителям столько прав, сколько само захочет. Другими словами, бюрократическое правительство само хотело играть роль Учредительного Собрания. Разве оно не показало, что только оно одно может благодетельствовать страну? Разве не это правительство показало свои таланты, свою мудрость и любовь к родине в войне с Японией? Разве не это правительство строило гнилой флот, захватывало ненужные земли и моря, сооружало гнилые крепости, назначало бездарных, невежественных генералов? Разве не это правительство похоронило несколько сот тысяч солдат и миллиарды денег, чтоб затем подписаться под своим позором в американском городе Портсмуте? Разве не это правительство построило сибирскую железную дорогу, оказавшуюся негодной? Разве не оно довело казну до полного истощения? не оно разорило мужика? не оно довело сотни тысяч рабочих до безработицы? не оно подорвало промышленность и торговлю? не оно лишило страну университетов? — И вот, после того как правительство показало себя во всем блеске своего позора и своих преступлений, оно решило, что только оно одно может ввести в стране новый государственный порядок.

Сперва к этой работе был призван г. Булыгин. Что такое Булыгин?—Бывший московский губернатор. Чем он себя ознаменовал?—Неизвестно! Но разве это не все равно? Г. Булыгину было поручено писать для русского народа конституцию. Правда, г. Булыгин никогда ничего в жизни не писал, кроме полицейских приказов. Но разве это имеет значение? «Прикажут — акушером буду!» — вот правило русского чиновника. Да и кто другой может сказать, что́ нужно русскому народу? Кроме Булыгина, решительно некому! И вот, г. Булыгин полгода сидит и сочиняет Государственную Думу. Сперва Булыгин читает книжки, чтоб знать, как это делается, потом нанимает ученых помощников. А страна ждет, пока Булыгин подучится и напишет для нее конституцию. Наконец, 6 августа конституция опубликована. Начинается подготовка к выборам по тому плану, который был выдуман Булыгиным. Но неспрошенная страна не стала ждать

и в октябре одним ударом изорвала, уничтожила и бросила в мусорную кучу хитрую сеть, которую правительство плело девять месяцев.

Стало совершенно ясно, что работа г. Булыгина пришлась народу не по душе. Кто же теперь может решить дело? Конечно, не сам народ! Кто же? Никто другой, как граф Витте! Разве не Витте больше десяти лет управлял русским государственным хозяйством? Разве не он довел бюджет до двух миллиардов, а страну — до разорения? Разве не он строил негодную сибирскую дорогу? Не по его разве плану государство спаивает народ?[313]) Кому же другому писать конституцию, если Булыгин не справился с работой? Конечно, граф Витте должен осчастливить Россию. Правда, г. Витте несколько лет тому назад написал доклад, в котором доказывал, что земское самоуправление противоречит основам самодержавия; из этого г. Витте делал не тот вывод, что нужно уничтожить самодержавие, а тот, что нужно уничтожить земства. Но вот в октябре 1905 г. понадобилось к спеху сочинять конституцию, — и г. Витте позабыл о своей записке и принялся за дело. Великий писатель Салтыков [314]) показал нам действительного статского советника, который умел писать докладные записки о пользе конституций, а равно и наоборот, т.-е. о вреде оных. От этого статского советника г. Витте отличается только более высоким чином. 11 декабря граф опубликовал свою конституцию [315]): к безобразному зданию Булыгина Витте со всех сторон пристроил целый ряд флигельков, балконов, галлерей, голубятен, скворешниц. Граф Витте, которого биржа считала великим государственным человеком, не осмелился посягнуть на бумажную булыгинскую постройку, тогда как ее необходимо было всю, целиком, спустить под стол в корзину. Нелепые галлереи и корридорчики, рассчитанные на то, чтоб обойти пролетариат, окончательно завели правительство в тупой угол. Никто не верит ни гр. Витте, ни его Думе. Страна попрежнему борется за свободное избрание Учредительного Собрания.

IV

Народ добьется своего. В этом не может быть сомнения. Ряды сторонников правительства тают всюду, даже в армии, даже среди казаков. Наоборот, ряды сознательных борцов за свободу и лучшее будущее неудержимо растут. Правда, часть

буржуазии, еще недавно враждовавшая с правительством, теперь готова его поддерживать: помещики, устрашенные крестьянским движением, и фабриканты, озлобленные стачками, жаждут крепкой власти и готовы во имя старой нагайки отказаться от новых свобод. Но зато массы среднего и мелкого городского населения только теперь протирают глаза и начинают понимать, что вокруг них творится. Крестьянство только еще пробуждается и раскачивается. Интеллигенция недовольна и будет бороться. О пролетариате нечего и говорить. Он попрежнему пойдет впереди всего народа в великой борьбе. Народ добьется своего. Учредительное Собрание будет созвано силами самого освобожденного народа.

Задачи Учредительного Собрания будут колоссальны. Оно должно будет перестроить *государство на демократических началах,* т.-е. на началах полного народовластия. Оно должно будет организовать *народную милицию,* провести грандиозную *аграрную (земельную) реформу,* ввести *восьмичасовой рабочий день* и *подоходно-прогрессивный налог.*

Буржуазия — от партии правового порядка до кадетов — против действительного и полновластного Учредительного Собрания. Тем не менее, когда оно соберется, ей ничего не останется, как примириться с ним. Но нельзя сомневаться в том, что буржуазия употребит все усилия, чтобы по возможности тормозить работу Учредительного Собрания, препятствовать всем смелым и решительным шагам с его стороны. Когда Собрание коснется аграрной реформы и восьмичасового рабочего дня, либеральные политики, защитники интересов землевладения и капитала, начнут клясться на собраниях и в своих газетах, что Учредительное Собрание не вправе трогать эти вопросы; что оно имеет своей задачей лишь выработку конституции; что его должно сменить Законодательное Собрание, иначе Государственная Дума; что только эта Государственная Дума, созванная по новой конституции, выработанной Учредительным Собранием, имеет право приступить к решению крестьянского, рабочего и других вопросов.

V

Какой же расчет заставить буржуазные партии требовать, чтобы Учредительное Собрание ограничилось выработкой конституции и уступило свое место постоянному парламенту (Законодательному Собранию или Государственной Думе)? Расчет

очень ясный и простой. Учредительное Собрание будет выбрано сейчас после победы народа, когда рабочие массы будут чувствовать всю свою силу. Враги народа попрячутся в свои норы и щели. Народ будет выбирать тех людей, которые руководили им во время борьбы, которые не покидали его в самые трудные и опасные минуты. Таким образом, в депутаты Учредительного Собрания при свободе выборов пройдут в большом числе люди решительные и смелые, действительные вожди и представители народа. Организованные массы будут поддерживать своих представителей в Учредительном Собрании. Очевидно, что такое Собрание не ограничится полумерами, полуреформами, робкими шагами, половинчатыми средствами; оно будет последовательно и твердо держаться демократической политики; оно не закроет своих глаз пред страшными язвами, покрывающими тело России; всякий вопрос оно поставит ребром и решит его так, как того требуют интересы рабочих, крестьян, всех вообще бедных, угнетенных и затравленных слоев населения. Но этого-то именно и не захочет буржуазия. Это-то ей и невыгодно. Она будет требовать, чтобы все вопросы были отложены до постоянной Государственной Думы, — почему? да потому, что пройдет еще некоторое время до ее созыва, народ устанет, как надеются либеральные политики, народ захочет спокойствия и отдыха, перестанет доверять своим боевым руководителям и тогда... тогда он передаст свои избирательные голоса буржуазным партиям. Правопорядцы надеются, что уставший народ пошлет их в Государственную Думу, а кадеты думают, что народ им вручит свою судьбу. Тогда они, собравшись в постоянной Думе, все вопросы вокруг пальца обведут. У них и овцы будут сыты и волки целы. Они оставят на месте старое насилие (монархию) и в то же время передадут власть «народу». Они дадут крестьянам хорошей землицы, а помещикам — еще того лучший выкуп. Они рабочим дадут короткий рабочий день, часов 10 — 11, а фабрикантам дадут сто путей для обхода закона. Они всем сестрам дадут по серьгам; они пролетариат примирят с буржуазией, нищету с роскошью, проституцию с религией, каторжные работы с божественной любовью. Зима у них обнимется с летом, и огонь обвенчается с водою. О, народ еще увидит, на какие чудеса они способны. На двадцать пять копеек — ибо такова цена всех буржуазных «социальных» программ! — они создадут всеобщий мир и всеобщее счастье.

А для того, чтобы покрепче чувствовать себя в Государственной Думе, чтобы успешнее справляться там с представителями интересов труда, буржуазные партии хотят будущий парламент построить из двух равноправных палат.

VI

Две палаты — это очень хитро и вместе с тем очень просто.

Когда г. Булыгин в поте лица своего трудился над проектом Государственной Думы, он тоже начал с двух палат: нижняя палата — это Государственная Дума, а верхняя палата — это Государственный Совет. В нижней палате, т.-е. в Думе, должны были, по булыгинскому проекту, заседать дворяне-помещики, промышленники, купцы да волостные старшины. А в верхней палате, в Государственном Совете, попрежнему должны были оставаться обремененные годами, мудростью и подагрой бюрократы, неудачные министры, отставные генерал-губернаторы, действительные тайные советники и звездоносцы. Эти две палаты имели бы одинаковые права: они могли бы лишь обсуждать законы, а решать попрежнему должно было самодержавное правительство. Для него голос Государственной Думы имел не больший вес, чем голос чиновных старцев Государственного Совета. Если Дума внесет проект, а Совет его отвергнет, то он даже не рассматривается правительством. Таким образом, допуская в нижнюю палату представителей буржуазии, самодержавное правительство могло бы через верхнюю бюрократическую палату подавлять всякую законодательную попытку, направленную против незыблемости самодержавия. Граф Витте недалеко ушел от этого гениального плана. Проект Витте хотя и расширяет состав нижней палаты, но с таким расчетом, чтобы имущие классы имели решительный перевес; хотя он и обещает Думе больше прав, чем право простого обсуждения, но все же сохраняет всю власть за нынешним царским правительством, оставляя в то же время Государственный Совет в качестве верхней палаты. Расчет Витте остается тот же: в то время как буржуазия будет через нижнюю палату опекать и благодетельствовать народ, правительство будет через верхнюю палату держать на узде буржуазную Думу. Таков секрет двух палат по замыслу бюрократии, которая все еще надеется, что ей и в будущей России будет принадлежать первый голос. Она очень, очень сильно ошибается в своих расчетах.

VII

Либеральная буржуазия тоже стоит за две палаты, но, разумеется, не в интересах бюрократии, а в своих собственных интересах. А потому и самые две палаты она хочет построить иначе, чем гг. Булыгин или Витте. Прожектеры-чиновники нижнюю палату отводят, скрепя сердце, для буржуазии, а в верхней дают голос собранию матерых бюрократов; тогда как буржуазия в нижнюю палату готова, волей-неволей, допустить представителей народа, а верхнюю палату хочет сохранить для себя. Буржуазия точно так же хочет помыкать народом, как бюрократия стремится помыкать самой буржуазией. Вся задача только в том, как этого достигнуть.

Мы уже сказали выше, что буржуазия, даже и самая либеральная, до очень недавнего времени и не думала о всеобщем избирательном праве. Но в прошлом году она убедилась, что против этого лозунга теперь выступать невыгодно. Кое-что и немало она еще, конечно, попытается урезать: так, она не согласится предоставить избирательные права двадцатилетним и будет за повышение возрастного ценза; огромное большинство либералов против политического равноправия женщин, т.-е. доброй половины населения, и под словом всеобщее избирательное право понимают всеобщее мужское избирательное право; во всяком случае, по крайней мере, по отношению к мужчинам свыше известного возраста либералы теперь не решаются оспаривать лозунг всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Но чем яснее они видят, что это требование, помимо их воли, желания и участия, вошло на вечные времена в сознание народных масс, тем больше они боятся последствий народовластия, тем больше они дрожат за неприкосновенность частной собственности, за свое привилегированное общественное положение, за незыблемость своего права жить потом и кровью голодающих масс. Либеральная буржуазия до смерти страшится «неумеренности» и «необузданности» народных требований, — а вдруг на стороне этих «необузданных» требований в парламенте окажется большинство представителей,— что тогда делать? Ведь это грозит гибелью нации (т.-е. ущербом интересам буржуазии: буржуазия всех стран считает себя нацией, а свои грубые, своекорыстные интересы объявляет священными интересами нации)! Но, с другой

стороны, выступать либералам теперь против всеобщего избирательного права, — значит сразу и окончательно погубить себя в глазах народа, — как же тогда собирать голоса при выборах в Государственную Думу? Что же делать?

Вот тут-то на помощь и является хитрая механика двух палат. Народ хочет во что бы то ни стало всеобщего права голоса? — говорят либералы, — пусть будет так; признаем, что выборы должны быть произведены всем народом. Но рядом с этими выборами произведем другие, устранив, при помощи надлежащих законов, от участия в них все наиболее «необузданные» элементы и, прежде всего, городских рабочих. Такими двойными выборами мы получим два собрания представителей, две палаты депутатов: в одной будут представители всего народа, в другой — представители наиболее «образованных» и «благоразумных» классов, т.-е. классов буржуазных. Верхняя палата и нижняя палата должны быть равноправны: ни один закон не может быть издан нижней палатой без согласия верхней.

Таким образом, счастливый выход найден. Народу дано в нижней палате всеобщее голосование; а против «необузданности» народных представителей создается узда в виде буржуазной верхней палаты. В этом вся суть дела!

VIII

Нужно, однако, сказать правду: не русская буржуазия выдумала две палаты, а также и не г. Булыгин. Господствующие классы везде и всюду пользовались и пользуются при конституционном строе государства верхней палатой, как тормазом против нижней. Всюду и везде монархи, землевладельцы и капиталисты стремятся по возможности сократить, обрезать и изуродовать верховную власть народа. Для этой цели существуют десятки средств; мы о них сейчас говорить не будем, хотя несомненно, что наши господствующие классы в борьбе с народом будут пользоваться всеми этими средствами, изобретенными жизнью других государств; но мы тут касаемся лишь одного из таких средств, именно хитрой двухпалатной механики.

Полного и безусловно-всеобщего голосования не существует нигде; зато верхняя палата существует почти везде. Правом голоса при выборах в верхнюю палату пользуется всегда лишь самая незначительная часть нации. В Англии верхняя палата

находится в руках земельной аристократии, в Бельгии — в руках золотого мешка, во Франции выборы в верхнюю палату ограничены высоким возрастом и прочее, и прочее. Словом, во всех странах эксплоатирующие классы воздвигли баррикады против народа. Русской буржуазии только остается подражать своим старшим сестрам. Но ее положение в этом отношении довольно затруднительное. И вот почему.

Дело в том, что конституционный строй вводился в других государствах уже давно, когда народная масса была еще совершенно темна, не имела никакого политического опыта, совершенно не сознавала своих интересов. Народ и, прежде всего, пролетариат чувствовал, что ему страшно плохо и стремился к лучшему; с беззаветным мужеством он вступал в борьбу с абсолютизмом (королевским самодержавием), но он не знал, что и как должно быть поставлено на место абсолютизма. Буржуазия же, гораздо более образованная и опытная, зорко охраняла свои интересы: рабочие массы кровью своей добывали свободу, а она эту свободу забирала в свои руки. Буржуазия вместе с монархией бесстыдно лишала рабочих избирательного права, вводила две палаты и так далее. В конце концов рабочий класс всюду выступал, конечно, против обманувшей его буржуазии; но, когда государственные учреждения уже созданы, их не так легко свалить. Раз две палаты уже существуют, население к ним привыкает, как будто так и быть должно. Буржуазные партии, которые никогда не стесняются в средствах, натравляют наиболее отсталые слои народа, как крестьянство и мещанство, на городской рабочий класс; разделив народ и тем обессилив его, буржуазия властвует над ним; она создает двойные и тройные окопы и возводит крепостные валы. Разрушить ее укрепления не так легко. Рабочий класс всего мира уже не первый десяток лет ведет против нее неутомимую борьбу.

Положение русской буржуазии, говорим мы, более затруднительно. Совершающаяся у нас революция застала рабочие массы гораздо более подготовленными. Русский пролетариат не только умеет бороться, но он знает, во имя чего он борется. У него свои требования, своя программа. Он идет своим путем. Он объединяет вокруг себя народные массы, дает им лозунг и знамя. Русский рабочий класс не проявляет никакого желания вытаскивать своими руками каштаны из огня для буржуазии. И она это видит. Вот почему, скрепя сердце и с ласковой улыбкой

на лице, русский либерализм принял в свою программу требование всеобщего избирательного права. Вот почему наши либеральные политики скрывают по возможности требование двух палат или придают ему как можно более невинный и «благородный» вид. Усилия эти, однако, тщетны: у пролетариата зоркий глаз.

IX

Мы в данном случае говорим не о тех диких помещиках, казенных подрядчиках, интендантах и просто казнокрадах, которые составляют «монархическую партию» [316]) с черносотенными «Московскими Ведомостями» во главе; эти господа хотят чистого самодержавия; для них даже г. Витте — либерал и социалист; народу они, вместо всяких прав, всегда готовы предложить веревку и свинец. Это — не политическая партия, а просто реакционная шайка. Мы не говорим здесь также и о таких партиях, как «Союз 17 октября», «Партия правового порядка», «Торгово-промышленная партия». Эта совершенно консервативная *) часть буржуазии, напуганная борьбой пролетариата и крестьянства, мало заботится о том, как отнесется к ней народ. Она стремится к союзу с правительством гг. Витте и Дурново, она готова принять не только какие угодно две палаты, но даже и три, словом, согласна на все, что ей предложит правительство: она знает, что она в обиде не будет, а союз с правительством ей нужен для немедленной совместной борьбы против народа. Тут все ясно, и партия правового порядка никого ввести в заблуждение не может.

Говоря о либеральной политике, мы имеем в виду конституционно-демократическую партию (так называемых «кадетов»). Эта партия состоит из левого крыла владельческой буржуазии и правого крыла интеллигенции; в ее состав входят, с одной стороны, наиболее либеральные и «демократические» (будто бы демократические) группы земских и думских деятелей; с другой стороны — та часть интеллигенции, которая по своим интересам и вкусам стоит ближе к буржуазии, чем к пролетариату. Как же эта партия относится к вопросу об одной или двух палатах? «Партия допускает, — говорит программа кадетов, — в своей

---

*) Консервативными партиями называются такие, которые охраняют существующий порядок и не хотят дальнейших крупных изменений и реформ.

среде различие мнений по вопросу организации народного представительства в виде одной или двух палат, из которых вторая палата должна состоять из представителей от органов местного самоуправления, реорганизованных (преобразованных) на началах всеобщего голосования и распространенных на всю Россию». Таким образом, в состав партии входят как сторонники одной палаты, так и сторонники двух палат; значит, партия в целом как бы не имеет в этом вопросе своего решения. Но ведь политические партии для того и создаются, чтобы совместными силами бороться за общие цели; а вопрос об одной или двух палатах есть вопрос огромной важности; когда он станет на очередь,—а это близко,—вокруг него завяжется жестокая борьба. Как же это партия кадетов не имеет в этом вопросе своего решения? Факт этот объясняется следующим образом. Земцы и думцы, вообще собственники, входящие в партию, боятся больше всего всеобщего голосования и во что бы то ни стало хотят ограничить его «опасность» посредством второй палаты; интеллигенты же, входящие в партию, гораздо больше боятся критики и обличения со стороны рабочих и потому не соглашаются открыто стать на сторону такого противонародного учреждения, как верхняя палата. Отсюда — разногласия. Если бы кадетская партия в своей программе высказалась решительно за одну палату, из партии выступили бы земцы; а это самая богатая и влиятельная часть партии. Если бы программа определенно требовала двух палат, из партии выступила бы интеллигенция; а, между тем, партия нуждается в журналистах, лекторах и агитаторах. Поэтому партия говорит, что она допускает и те и другие мнения.

Но на самом деле это только фраза. Правительство хочет двух палат (на свой лад). Консервативная часть дворянства и буржуазии тоже хочет двух палат. Народу приходится еще только бороться за одну палату против этих сил. Партия, которая не поддерживает народа в этой борьбе, которая не высказывается определенно и решительно за его требование, уже тем самым оказывает поддержку консервативным силам. Если бы какая-нибудь партия объявила, что допускает в свою среду на равных правах сторонников и противников самодержавия, она этим самым отказалась бы от борьбы против самодержавия и, значит, фактически стала бы на его сторону. Так и тут. Но дело не только в этом. Мы уже сказали, что наиболее влиятельная, владельческая часть кадетов решительно стоит за две палаты (отдельные исключе-

ния могут быть, но в общем это так); пока что земцы заигрывают с интеллигенцией, но стоит им укрепиться в Государственной Думе или в Учредительном Собрании, и они без всяких церемоний порвут со своими немногочисленными интеллигентами левого крыла и со всей решительностью потребуют ввести в конституцию механику двух палат.

X

Можно, правда, возразить, что верхняя палата, за которую стоят кадеты-земцы, вовсе не является противонародным учреждением. В самом деле, как должна быть организована по их плану вторая палата? Вся Россия должна покрыться органами самоуправления, думами и земствами; и те и другие должны быть выбраны местным населением посредством всеобщего голосования; вот эти-то думы и земства и пошлют от себя депутатов в верхнюю палату. Что же тут плохого? — могут сказать кадеты. Однако, возразим мы, для чего-нибудь же вы придумали эту музыку? Ведь это не спроста? Казалось бы, здраво рассуждая, совершенно достаточно одной палаты, раз ее выбирает весь народ. К чему же на нее громоздить еще другую, земскую палату? Не слишком ли это большая роскошь?

Демократический строй требует, чтобы весь народ как можно ближе стоял к законодательству и принимал в нем как можно более активное участие. Нынешние государства слишком велики, чтобы весь народ во всем своем объеме мог непосредственно законодательствовать, т.-е. обсуждать и принимать законы. Поэтому народ управляет государством через представителей. Но народ сам должен стоять лицом к лицу со своими представителями, он должен выбирать их прямо и непосредственно, не через уполномоченных и выборщиков, и притом выбирать на короткий срок, не больше двух лет, чтоб иметь возможность отставить их, если они не выражают его воли. Такому демократическому требованию удовлетворяет всеобщее, равное и прямое голосование. Но верхняя или земская палата не отвечает этому демократическому требованию.

Допустим, что думы и земства избраны всеобщим, равным и прямым голосованием. Но земская палата будет уже избрана не населением, а думскими и земскими гласными; значит, избрание ее будет не прямое, а двустепенное. Это раз. Далее. Думы и

земства выбираются городами и губерниями с очень различной численностью населения. Уравнять представительство дум и земств в верхней палате не будет никакой возможности. Значит, земская палата будет основана на неравном голосовании. Да и вообще интерес к выборам в земства и думы обыкновенно далеко не так велик, как к выборам в парламент; голосование населения далеко не столь всеобщее; буржуазные же классы, пользующиеся большим досугом, соберут при этих выборах все силы, чтоб обеспечить за собой верхнюю палату. Таким образом земские представители будут фактически избираться не-всеобщим, не-равным и не-прямым голосованием. И эта палата, представляющая только наиболее оседлую и обеспеченную часть нации, будет пользоваться такой же законодательной властью, как и вся нация. На каком основании? По какому праву? Пусть кадеты объяснят, как примирить вторую палату с демократической программой? Господа либералы очень горячо доказывают, что не нужно никаких классовых интересов, никакой классовой борьбы, ибо нация едина, священна и неделима. Как же это они сами выделяют из единой нации буржуазную часть и дают ей столько же прав, сколько и всей нации? Как же это они, демократы, хотят обеспечить за буржуазией двойное представительство: в нижней палате — со всем народом, и в верхней палате — особо. Если нация едина, то к чему же две палаты? Или, кроме нации, существует еще сверхнация? И эти люди называют себя демократами! Поистине, не всякий, восклицающий: Господи, Господи! войдет в царствие небесное.

XI

Положение либералов в этом отношении очень затруднительное. Доказывать единство нации и защищать две палаты — нелегкое дело: фальшь и классовый эгоизм слишком уж ясно выступают тут наружу! Но либералы все-таки пытаются прикрыть хоть коекак свои две палаты. У них для защиты есть два дешевых довода. Первый довод тот, что земская палата нужна для того, чтоб в парламенте были представлены интересы и нужды дум и земств. Второй довод тот, что одна палата будет слишком поспешно и необдуманно решать дела. Оба эти довода, если на них взглянуть открытыми глазами, лишены всякого смысла

Нужно, говорят, чтоб в парламенте были представлены интересы органов самоуправления. Как будто у этих органов самоуправления, земств и дум, имеются свои собственные интересы, отличные от интересов самого населения. Как будто представители народа, избранные прямым голосованием, не заинтересованы в том, чтобы дать возможность земствам и думам как можно успешнее обслуживать интересы местного населения! Наконец, этот довод имел бы хоть по внешности разумный вид, если б земская палата имела право голоса только по вопросам городского и земского хозяйства. Но ведь этой палате хотят дать те же права, что и представительству всего населения. Наконец, спросим мы, если нужно, чтоб в парламент были представлены какие-то особые интересы, независимые от самого населения, то почему такая исключительная привилегия земствам и думам? Тогда уж рядом с земской палатой нужно построить третью палату от профессиональных союзов, потом четвертую — от учебных заведений, потом пятую — от банков и страховых обществ и т. д., и т. д., без конца. Так можно завести, например, семь палат, и тогда уж несомненно окажется, что у семи нянек дитя без глазу. У земств, у профессиональных союзов, у банков, у учебных заведений нет других интересов, кроме интересов самого населения. Поэтому совершенно достаточно одной свободно избранной всем населением палаты, чтобы все интересы, все нужды, все потребности были представлены. Это совершенно ясно, и отрицать это невозможно.

Говорят далее, что одна палата слишком поспешно и неосторожно решает дела. Великолепный довод! Почему же фабриканты на своих заводах не назначают двух администраций с равными правами? Потому, что они только будут мешать друг другу и тормозить дело. Разве же этот довод не применим еще в большей мере к управлению всей страной? Боятся, что парламент будет слишком поспешен в своих действиях и вводят две палаты; но не боятся, что в случае конфликта между палатами парламент и вовсе будет обречен на бездействие!

Одна палата, говорят, будет увлекаться и делать промахи. Конечно, от промахов никто не свободен, один только бог. Но, во-первых, предполагается, что народ выберет представителей, которые знают, чего хотят. А, во-вторых, для того, чтоб критиковать палату, указывать ей ее промахи, предостерегать от них и направлять на правильный путь, существуют народные собра-

ния, свободная печать, петиции... Если все это вместе не избавит парламента от ложных шагов, то откуда же такое доверие к мудрости, твердости, благожелательности, беспристрастию и бескорыстию земской палаты? По какому это праву земская палата хочет взять на себя роль контролера, указчика, опекуна над самодержавным народом? Неужели народ позволит? Никогда!

XII

Либералы боятся власти народа, — в этом вся тайна. Когда они с воодушевлением говорят о нации, они имеют в виду себя. А действительная, настоящая нация, народная, трудящаяся, борющаяся внушает им только страх. Такие вожаки кадетской партии, как тверские земцы, Петрункевич и Родичев, до недавнего времени открыто выступали против прямого избирательного права: они не решались стать лицом к лицу с народом и хотели отделить себя от него посредством выборщиков. В небольшой кучке выборщиков либералы себя чувствовали бы несравненно лучше, чем пред лицом народной массы. Чтоб скрыть свой страх пред нею, они уверяли, будто население, особенно же крестьянство, еще не созрело для прямых выборов. Сельские общества, однако, единодушно во всех концах России высказываются за прямое голосование. Точно так же высказался и Крестьянский Союз. На первом съезде Союза один из представителей Владимирской губернии сказал: «Некоторые почтенные профессора, вроде Кузьмина-Караваева, говорят, что крестьяне не созрели, и что нужны поэтому двустепенные выборы. Это неправда. Упрек им за это». В ответ на эти слова раздались, по показанию протокола, дружные рукоплескания. Эти рукоплескания показали, что почтенные профессора и столь же почтенные земцы совершенно напрасно пытаются свою собственную демократическую незрелость взвалить на народ. Примирившись с прямым избирательным правом, гг. Родичевы, Караваевы и Петрункевичи отнюдь от этого не «созрели» и, страха ради пред нацией, решились построить еще одну палату, избранную двустепенным голосованием. Таковы эти демократы! Еще не раз представителям народа придется послать им «упрек» — и не только упрек, но и предъявить им грозное обвинение в покушении на народные права.

Еще до манифеста 17 октября влиятельная группа нынешних кадетов, тогда называвшаяся освобожденцами, издала за границей

проект конституции. По этому проекту Государственная Дума должна состоять из двух палат, народной и земской; при этом в первый раз, пока еще не будут пресбразованы наши органы самоуправления, земская палата должна быть избрана, по проекту, *нынешними* земствами и думами. В течение первых трех лет, когда будут решаться громаднейшие вопросы народной жизни, наши сплошь-дворянские земства и сплошь-домовладельческие думы, представляющие интересы ничтожнейшей части нации, должны пользоваться, по проекту освобожденцев, такою же властью, как весь народ в его целом. И эти господа смеют считать себя демократами. Их главная задача и забота не в том, чтоб доставить господство народу, а в том, чтоб обеспечить господство буржуазии над народом.

Но пусть эти двуличные «демократы» не надеются овладеть народом. Он знает им цену. Отношение пролетариата к попыткам либеральной буржуазии сесть на него верхом—ради собственно «единства нации» — известно всем. Наиболее проницательные и откровенные кадеты даже и сами говорят: к рабочим мы не пойдем, с них взятки гладки. Но и сознательное крестьянство вовсе не считает либеральных земцев своими прирожденными руководителями, и мы не читали ни одного сельского приговора с требованием двух палат. Зато мы слышали очень определенную характеристику земцев из уст крестьянских представителей на съезде Крестьянского Союза. «Наше земство, — говорил владимирский депутат,— ничего не сделало для пользы народа... Земцы заигрывают с правительством». А черниговский представитель выразился еще решительнее. «Нам плохо теперь,— сказал он,— при бюрократическом правительстве, но чиновник еще не так крепко держится, как землевладелец. Если вместо чиновников будут править помещики, то станет еще хуже... Еще больший будет грабеж, если богачам будет принадлежать власть».

Ну что ж, пусть господа кадеты идут во время выборов к рабочим и крестьянам со своим проектом верхней земской палаты! Может быть, кадеты попробуют обойти этот щекотливый пункт, просто умолчав о нем до поры до времени? Пусть не надеются, пусть не надеются!

Найдутся люди, которые им ясно и решительно поставят целый ряд вопросов, и среди этих вопросов будет такой: как вы относитесь к двух-этажному народному представительству, к верхней земской палате и опеке буржуазии над народом?

Пусть господа кадеты заранее обдумают, какой дать ответ! Не то будут застигнуты врасплох и потерпят жестокий конфуз.

16 февраля 1906 г.

КОНСТИТУЦИЯ «ОСВОБОЖДЕНЦЕВ» *)

Последний земский съезд (октябрь 1905 г.) отказался от идеи Учредительного Собрания. Он заменил его собранием народных представителей с учредительными функциями «для выработки, с утверждения государя, конституции Российской Империи». Учредительное Собрание оттолкнуло земцев своим политическим радикализмом, игнорированием монархической традиции, своим республиканским запахом.

В сущности съезд поступил только последовательно. Суворин писал как-то, что не было еще на свете такого глупого правительства, которое само созвало бы взамен себя Учредительное Собрание. И это правда. Учредительное Собрание можно только вырвать. Земцы же всегда надеялись на *октроированную*, высочайше дарованную конституцию. Самое большее — на такую конституцию, которая будет результатом *соглашения* между ними, земцами, и короной. Их идеалом является прусская палата соглашения 1848 г. Правда, для обозначения этого идеала они иногда прибегали к имени Учредительного Собрания, которое социал-демократия сделала популярным в массах. Но революция придала идее Учредительного Собрания острый характер, связав ее с республикой. Земцы, которые не хотят республики, сочли себя вынужденными отказаться и от Учредительного Собрания.

Кто знает историю последнего года, тому ясно, что отдельные демократические лозунги были навязаны земской оппозиции и прикомандированной к ней освобожденской демократии сознательными пролетарскими массами. При таких условиях, очевидно, пролетариат, для которого всеобщее голосование—предмет первой политической необходимости, и земщина, которая только мирится со всеобщим избирательным правом из политического оппортунизма, совершенно неодинаково относятся к своим требо-

*) Как разбираемый в этой статье проект конституции, так и наша критика относятся ко времени до выступления к.-д. партии. Но так как политическая программа этой партии не выходит из рамок освобожденского проекта, то наша критика сохраняет и сегодня все свое значение.

ваниям: Учредительному Собранию и «собранию представителей с учредительными функциями». Для пролетариата его лозунг — лишь первый шаг в деле демократического переустройства страны. Он хочет использовать Учредительное Собрание, чтобы беспощадно изгнать социально-политическое варварство из всех его священных и вульгарных убежищ. В этой работе он не пожалеет никаких усилий и не остановится ни перед какими традициями. Пролетариат требует демократической республики. Земщина же видит в палате соглашения, прежде всего, орудие успокоения «страстей» и водворения того, что на условном языке буржуазных классов называется порядком, т.-е. беспрепятственной, юридически оформленной, по возможности «демократически» обставленной эксплоатации масс. Тот конституционный строй, который земская партия проведет через палату соглашения, должен отвечать двойной цели: 1) он должен быть достаточно либеральным, чтобы не тормозить капиталистического развития; 2) он должен быть достаточно анти-демократическим, чтобы служить государственной запрудой для классовой борьбы пролетариата. Конечно, это противоречие. Но ведь вся либеральная мысль есть воплощенное противоречие. Мы сейчас увидим это с полной несомненностью на образчике конституционного творчества освобожденско-земской демократии.

Мы имеем в виду опубликованный г. Струве «Проект основного закона Российской Империи». Этот проект конституции перепечатан газетой «Право» (№ 21). С этим проектом очень близок проект передовой группы московских гласных (там же). Этот проект приложен, в качестве образца, к книге «Конституционное государство», составленной гг. Водовозовым, Кареевым, Кудриным [317]), Рейснером [318]), Лазаревским [319]), словом, демократами без страха и упрека из «Нашей Жизни», «Сына Отечества» и «Русского Богатства». То, что в этом проекте действительно от демократии, далеко еще не составляет общего достояния нашей либеральной мысли. Зато все его реакционные составные части составляют ее несомненнейшее и притом всеобщее достояние. Наконец, мы не знаем другого, более демократического продукта конституционного зодчества земской оппозиции или прислуживающей ей освобожденской демократии.

Все это дает нам право остановиться на опубликованном г. Струве «Проекте основного закона», как на своего рода демократическом шедевре, — и все это вместе с тем обязывает читателя

помнить, что нижеследующая критика целиком относится ко всем прочим конституционным проектам либеральной оппозиции.

Внимание!

I. Абсолютизм сохраняется, как принцип

«1. Верховная власть Российской Империи осуществляется императором при участии Государственной Думы».

Этот параграф устанавливает не только монархический, но в сущности даже абсолютистский принцип: верховная власть осуществляется императором; ему, значит, принадлежит суверенитет. Правда, он осуществляет свою верховную власть *при участии* Государственной Думы; но это означает лишь, что Дума является одним из исполнительных органов его суверенитета.

Чтобы пояснить это, сравним с монархической французской конституцией, вотированной в сентябре 1789 г. Первый параграф гласил: «Всякая власть исходит от народа и может исходить только от него». Второй параграф: «Французское правительство монархическое; во Франции нет власти, стоящей выше закона; король царствует только в силу закона и только в силу закона может требовать повиновения». Таким образом, принципиально эта конституция признает суверенитет за народом и смотрит на короля, как на ограниченный орган народной воли; конституция освобожденцев принципиально оставляет суверенитет за императором, а в организованной народной воле видит лишь орган императорского суверенитета.

Права и прерогативы императорской власти формулируются всецело в духе этого абсолютистского принципа.

«Императорский всероссийский престол есть наследственный в ныне царствующем императорском доме.

«На содержание императорского двора отпускается из государственных средств особая сумма, которая определяется Государственной Думой в начале каждого царствования, и в течение его *не может быть уменьшена без согласия императора.*

«Император есть верховный глава государства. Его особа неприкосновенна.

«Императору принадлежит власть верховного управления, он объявляет войну, заключает мир и иные договоры с иностранными державами.

«Император утверждает и обнародует законы и издает, в пределах законов, необходимые для их исполнения указы, которые, впрочем, не могут ни приостанавливать действия законов, ни делать из них изъятия.

«Император созывает Государственную Думу и закрывает ее сессии.

«Император назначает и увольняет министров.

«Императору принадлежит верховное начальствование сухопутными и морскими силами Российской державы.

«Императору принадлежит право помилования».

Все, что может быть сохранено из принципов абсолютизма — сохранено.

И последний земский съезд поступил только последовательно в проведении основ лжеконституционного абсолютизма, когда отказался от Учредительного Собрания и выработку основных законов народными представителями заранее поставил в зависимость от согласия императора, обладающего верховной властью.

Что же такое Государственная Дума, которой проект предоставляет «участие» в осуществлении верховной власти?

II. Организация представительства

«§ 36. Государственная Дума делится на две палаты: земскую палату и палату народных представителей».

Земская палата избирается губернскими земствами и городскими думами. Палата народных представителей избирается гражданами *мужского пола*, на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Обе палаты равноправны.

Таким образом, верховная власть осуществляется в действительности тремя факторами: 1) императором, 2) народом, интересы которого представлены «палатой *народных* представителей», и 3) какой-то третьей величиной, интересы которой представлены земской палатой. Что же это за таинственная третья величина, которую проект ставит на страже демократических интересов нации? Попробуем раскрыть ее конституционный псевдоним.

§ 68 гласит, что «местное самоуправление должно быть основано на всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании». Это звучит очень хорошо. «Каждое лицо, — читаем мы, однако, далее, — имеющее право участия в выборах в палату народных

представителей (т.-е. «лицо», как мы уж знаем, *мужского пола*), имеет право такого же участия в местных выборах, если оно прожило в данном месте, уезде или городе, определенный срок, *не менее одного года*». Так просто примиряется всеобщее избирательное право с высоким цензом оседлости! С равным основанием § 68 мог бы быть редактирован так: думы и земства избираются на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования — за вычетом граждан, не владеющих недвижимой собственностью. *Кого* выключает ценз оседлости, об этом не приходится распространяться: *он прямо и непосредственно направлен против класса наемного труда*, т.-е. против самой демократической части населения. Беднейшие полупролетарские слои деревни, вынужденные к сезонным кочеваниям, также окажутся лишенными права муниципальных выборов. Это ограничение прикрывается тем доводом, будто с местными интересами могут быть связаны лишь постоянные местные жители. Как будто пролетарий не заинтересован в том, чтобы найти всюду, куда его забросит судьба, дешевую квартиру, хорошую школу и необходимую медицинскую помощь! Как будто для того, чтобы сознательно принять участие в местных выборах, ему недостаточно знать, какую муниципальную программу поддерживает кандидат каждой партии! Как будто рабочая муниципальная программа в своих основах не является общей для всей страны!

Действительный источник ценза оседлости кроется в стремлении имущей части населения отстранить неимущую от распоряжения местным хозяйством. При всеобщем избирательном праве отдельные муниципалитеты могут оказаться в руках пролетариата, который, разумеется, сделает все, что сможет в рамках буржуазного государства, чтобы поставить органы самоуправления на службу нуждам народных масс. Как гарантия против этого, изобретается ценз оседлости, — волчий паспорт, которым буржуазия снабжает пролетариат.

Таким образом, земская палата представляет собою представительство наименее подвижных, т.-е. наиболее обеспеченных и связанных с собственностью классов, притом представительство *не прямое, а двустепенное*, через губернские земские собрания и городские думы.

Эта конституция *двух* выборных, двух «демократических» палат (какая роскошь для *одной* конституции!) сталкивается, однако, с тем фактом, что у нас, при введении конституции в

жизнь, еще не будет демократизированных (при помощи ценза оседлости) органов местного самоуправления. Но проект мужественно разрешает это затруднение. В отделе «переходных постановлений» он разрешает «на первый раз» избрать гласных в земскую палату от 34 губернских земств, опирающихся на земское положение 1890 года, и дум значительнейших городов, обладающих драгоценным городовым положением 1892 года. То-есть, на-ряду с представительством народа и на равных с ним правах, проект ставит представительство дворянского землевладения и городского домовладения. Правда, проект прибавляет, что «не более, чем в *трехлетний срок* земская палата должна быть обновлена» на охарактеризованных выше «демократических» началах (§ 80). А что такое три года для народных масс, перенесших века крепостного права и полицейского абсолютизма? У народа широкая спина и здоровые нервы. Если демократия щедро обещает ему две демократические палаты, он может потерпеть небольшой искус «временно-обязанных» отношений.

Такова основа конституционного здания. Женщины начисто лишены избирательного права. Буржуазия представлена дважды: сначала в «палате народных представителей», затем в земской палате. При этом имущей части нации в отдельности дается столько же прав, сколько и всей нации в целом. Проект не ставит пред собой и не разрешает вопроса: что же будет, если палаты вступят в конфликт по какому-нибудь вопросу? На первый взгляд может показаться, будто авторы проекта надеются, что в случае, если палата земских господ выступит против нижней палаты, народ вмешается в распрю сверх-конституционным путем и даст понять заседающим наверху земским «демократам», что он совершенно не нуждается в их дальнейших услугах. Но на самом деле это не так. Хотя «Проект» из ложной стыдливости прямо и не говорит, кто будет судьей, если народ разойдется с буржуазией, но косвенный ответ найти все же можно.

§ 32 (отдел «Об императорской власти») устанавливает: «Император может... распустить *палату представителей* с тем, чтобы выборы были произведены в течение четырех месяцев, и палата в новом составе была созвана не позднее, как через *шесть* месяцев со дня распущения».

Таким образом, распущена может быть только палата представителей; земская палата вовсе не подлежит распущению. Только народ можно временно отстранить от управления собою;

буржуазию отстранить от управления народом никто не может. Таким образом, часть не только приравнивается целому, но ставится выше целого! Так далеко идут эти циники освобожденской «демократии».

Но и этого мало. Если бы, несмотря на все эти ограничения, через законодательное учреждение проходили еще какие-либо меры в пользу рабочего класса, то на всякий случай над законодательством учрежден контроль так называемого верховного суда. Так как разбираемый нами проект конституции нигде не говорит о выборности этого суда, то приходится сделать вывод, что члены его будут назначаться «верховной властью». Институт верховного суда заимствован из конституции Северо-Американских Соединенных Штатов и, нужно полагать, переносится на русскую почву освобожденцами именно ввиду той роли, которую он играл в Америке. А роль его сводится в значительной мере к тому, чтобы не допускать издания законов в пользу рабочего класса. Дело в том, что, по конституции, верховный федеральный суд может отменять каждый закон, вотированный конгрессом или палатою депутатов, раз этот закон, по мнению верховного суда, противоречит американской конституции. И вот, верховный суд неизменно отменяет все законы, ограничивающие рабочий день, на том основании, что они ограничивают «свободу» личности, имеющей право неограниченно распоряжаться собою и своим временем.

III. Основные права граждан

Конституционному построению основного закона предшествует декларация «основных прав граждан». Мы держимся того мнения, что основные права граждан гораздо лучше охраняются соответственно организованными учреждениями (милицией, судом присяжных и пр.), чем абстрактными декларациями. Если бы, тем не менее, демократия нашла нужным еще раз провозгласить права человека и гражданина, мы не стали бы, разумеется, против этого спорить. Но на самом деле в отделе «основных прав» мы находим не столько торжественное провозглашение неотъемлемых прав человека и гражданина, сколько неопределенную формулировку тех условий, при которых эти права могут быть нарушены.

«9. Вход в частные жилища, без согласия хозяев, а равно *обыски и выемки допускаются* лишь в случаях, предусмотренных законом».

Этот тезис, очевидно, не «обеспечивает» неприкосновенность жилища, но лишь обусловливает нарушения этой «неприкосновенности». Он говорит лишь о тех условиях, при которых «обыски и выемки *допускаются*».

«13. Русские граждане, достигшие совершеннолетия, могут *в общих пределах, установленных законом*, свободно избирать и менять место жительства. *Право* выезда за границу *может быть ограничено* законом лишь *постольку, поскольку* это необходимо для обеспечения исполнения гражданами воинской повинности».

И так далее.

Эта жалкая декларация, явно приноровленная к политическим вкусам земской палаты, довольно точно копирует декларацию 1848 года, которую Маркс характеризует такими выразительными словами:

«Неизбежный комплекс «вольностей» 1848 г., свободы личности, печати, слова, ассоциаций, собраний и т. д. — все это облеклось в конституционную броню, благодаря чему все эти вольности делались неуязвимыми. Именно, каждая из этих вольностей объявлена была безусловным правом французского citoyen'а, но с неизменной оговоркой, что все эти вольности абсолютны лишь постольку, поскольку они не ограничиваются «равными правами прочих граждан и интересами общественной безопасности», или «законами», долженствующими споспешествовать водворению такой гармонии... Конституция, следовательно, постоянно выставляет на вид будущие ограничительные законы, имеющие развить все эти оговорки и регулировать пользование неограниченными вольностями... Каждый параграф конституции заключает в себе собственную антитезу, свою собственную «верхнюю и нижнюю палату»: с одной стороны, мы видим общую фразу о свободе, а с другой стороны — оговорку, упраздняющую свободу» («18 брюмера») [320].

Но наша декларация, это тень ничтожной тени, идет еще далее и ставит абсолютные права человека на очную ставку не только с определениями так называемого положительного права, но и с военным положением. «Никто не может быть судим, — гласит § 12, — иным судом, кроме того, коему дело его по закону подле-

жит. *Чрезвычайные суды допускаются лишь в местностях, находящихся на военном положении.*

А § 22 заключает декларацию таким ударом похоронного колокола: «законом могут быть установлены изъятия из действия статей 8, 13, 14, 16, 17, 21 настоящего основного закона (об арестах, о свободе передвижения, слова, собраний, союзов и ответственности чиновников) для лиц, состоящих на действительной военной службе, и для *местностей, находящихся на военном положении*».

Как видим, каждый параграф имеет не только свою нижнюю и верхнюю палату, но и свою военную диктатуру!

Как долго освобожденцы поправляли свое демократическое здоровье на всех курортах идеализма, как громко кричали они, что личность есть самоцель, что права ее извечны и абсолютны, — и все для чего? — для того, чтобы на первой же странице своих конституционных начертаний головою выдать эту самодовлеющую личность военно-полевому суду для суждения по законам военного времени. Таким образом, многие части нашей родины смогут, совершенно не прерывая преемственности, непосредственно из-под военной диктатуры абсолютизма перейти под военную диктатуру «демократии».

Правда, «Проект» гласит, что «вне театра военных действий военное положение может быть вводимо лишь в законодательном порядке». Этим как бы устанавливается пропасть между старой и новой практикой. Но так только кажется на первый взгляд.

Мы уже знаем, что для проведения какого-нибудь акта законодательным порядком требуется согласие двух палат. Право законодательной инициативы принадлежит каждой из них. На первые три года, т.-е. именно на то время, когда еще нельзя надеяться на успокоение народной «смуты», и когда, следовательно, потребность в умиротворении посредством военной диктатуры будет у командующих классов очень сильна, верхняя палата отдается, как мы видели, во власть дворянскому землевладению и городской буржуазии. Если так называемая демократия под грохот кавказской бомбардировки вводит в свою конституцию параграф о военном положении, можно ли сомневаться в том, что цензовая буржуазия не постесняется к нему обратиться, как только станет у власти?

Нижняя палата может, правда, отвергнуть законопроект о военном положении. Но к чему это поведет?

Допустим, например, что верхняя палата предлагает объявить Польшу на военном положении. Нижняя не соглашается. Ее распускают с приглашением восстановиться через шесть месяцев. Само собою разумеется, распущение делается не для того, чтобы ждать с вопросом о военном положении полгода. Такие дела, рассчитанные на внезапное спасение отечества, вообще не терпят отлагательства.

Итак, народ отослан домой, земцы в согласии с короной объявляют Польшу на военном положении. Вопрос решен. Правда, через полгода придется отдавать отчет перед представителями народа. Но ведь это будет только через полгода. А за такой срок много может утечь крови под варшавскими и лодзинскими мостами... И во всяком случае через полгода у правительственной реакции будет то преимущество, что она представит народной палате не законопроект военного положения, а совершившийся факт: умиротворительный разгром целой страны. Законопроект можно бросить в корзину, а совершившийся факт нельзя отменить даже «законодательным порядком».

И наконец, зачем ограничивать себя только Польшей? Почему не набросить аркан военного режима — на твердом основании «демократической» конституции — на все беспокойные места, где можно ждать нежелательных выборов? И тогда еще вопрос, как посмотрят на правительственное деяние представители, избранные народом под солдатскими штыками при полном отчуждении всех «неотчуждаемых прав».

IV. Гарантии конституции и народных прав

Итак, конституция, столь счастливо объединяющая демократических строителей из «Освобождения», «Права», «Русского Богатства» и «Сына Отечества», дает в руки реакции превосходное и испытанное средство военного положения. Какие же средства дает она народу для охранения его прав? Правда, в отделе об императорской власти мы читаем, что император приносит присягу в соблюдении и охранении основного государственного закона, — и это совершается в присутствии Святейшего синода, который, таким образом, сохраняет значение государственного установления, — как православие вообще сохраняет значение государственной религии. Под углом зрения

нравственного идеализма, философской религии освобожденцев, присяга, конечно, очень серьезная гарантия. Но мы только что имели случай видеть, как мало идеализм гарантирует самих идеалистов от измены делу демократии.

Мы видели, как горделивая демократическая мысль, исходящая из чистой идеи естественного права, падает на колени перед традицией и ставит над суверенной нацией наследственного монарха!

Мы видели, как абсолютная справедливость, для которой равенство — извечный постулат, предательски отдает народ под опеку буржуазии!

Мы видели, как идеалистическая личность, обнаженная от всех гарантий, похотливо падает на ложе военной диктатуры!

Поэтому будем сдержаны и не станем считать религиозную или философскую присягу гарантией народных прав. Потребуем *реальных* гарантий. Тщетно, однако, стали бы мы шарить в освобожденском «проекте основного закона». Этот жалкий идейный ублюдок, предусматривающий все: квартиры для избирательных бюро, часы подсчета голосов и казенную печать на избирательном конверте, — не предусматривает только одного: организационных гарантий свободы и народных прав!

Правда, можно сказать, что основные права граждан обеспечиваются от нарушения: а) судебной властью; б) ответственностью должностных лиц; в) постоянным участием народного представительства в осуществлении законодательной власти; г) отменой так называемого административного права.

Рассмотрим эти гарантии, долженствующие обеспечивать народные права от произвольных *нарушений*.

Но, прежде всего, попытаемся выяснить, что можно считать действительной, реальной гарантией.

«Уложение о наказаниях», само по себе, не представляет никакой решительно гарантии для собственности и жизни. Статьи уложения, сами по себе, не имеют никакой мистической власти над нарушителями собственности или убийцами. Но за этими статьями стоит материальная организация полиции, судов и тюрем. Уничтожьте эту организацию, и «уложение» будет так же мало обеспечивать жизнь и достояние, как и сборник рецептов поваренной книги. «Уложение о наказаниях» получает свое значение *формальной* гарантии лишь постольку, поскольку оно опирается на эту *материальную* «гарантию».

С этой единственно реалистической точки зрения становится ясным, что «*отмена административного права*», как мера чисто-юридического характера, не может играть роли материальной гарантии против незаконных и насильственных правонарушений.

«*Участие народного представительства*» в законодательной власти, т.-е. привлечение в столицу нескольких *сот* человек, избранных народом, само по себе тоже не составляет какой-нибудь реальной конституционной гарантии. Прежде всего, «участие» представителей может ограничиться ролью молчаливых или протестующих свидетелей творимых насилий. Наконец, сегодня призванные к участию, они завтра могут быть отстранены от него. Какая же это гарантия?

Ответственность должностных лиц по суду за нарушения законов и прав граждан при соответственной организации *судебной власти* несомненно может служить надежной гарантией против *частных* правонарушений, совершаемых отдельными чиновниками. Но она, очевидно, не может охранить граждан от государственного переворота. Правительство, которое ставит своей задачей ниспровержение конституционных основ, не будет, разумеется, остановлено страхом пред судами, охраняющими существующие конституционные права. Гораздо более реальную гарантию в этом отношении представляет *выборность чиновников народом*, но об этом кардинальнейшем демократическом требовании наш проект не говорит ни слова. А между тем ясно, что только выборный полицейский, бюрократический и судебный персонал, периодически обновляемый, неспособен выродиться в постоянную организованную угрозу народным правам и интересам.

Но если выборная бюрократия и не станет активной силой государственного переворота, то сама по себе она, разумеется, не в состоянии охранить народ от вооруженных покушений на его права. Самой лучшей администрации останется лишь скрестить руки, когда власть будет передана боевым генералам. Протесты и постановления самых энергичных прокуроров останутся бессильными, когда из свиты победоносных генералов выделятся военные суды. История 48 года прекрасно знает, как это делается.

Какой же вывод следует из сказанного?

Простой и ясный. Народное представительство, ответственная бюрократия и независимый суд должны опираться на материальную силу. Такую постоянную, уверенную в себе силу

может представить только *вооруженный народ*. Вот почему упразднение постоянной, искусственно дрессированной армии и замена ее народной милицией должны стоять во главе угла всякой истинно-демократической программы. Милиция, это — действительная реальная гарантия и народоправства, и прав личности. Никакая декларация, хотя бы она была не в пример решительнее и определеннее, чем трусливое, озирающееся освобожденское творение, не может обеспечить народу его прав, если она не опирается на его организованную силу.

Что же по этому вопросу дает нам «проект основного закона»? Он дает нам, как мы выше видели, ценный по своей определенности ответ: «Императору принадлежит, — читаем мы в отделе «об императорской власти», — верховное начальствование сухопутными и морскими вооруженными силами Российской державы. Он производит в чины. Все военные и военно-морские должности замещаются или им, или лицами, ему подчиненными».

Таким образом, сохраняется постоянная армия, это страшное орудие порабощения целого силою порабощенной части. Мало того: постоянная армия попрежнему остается в руках лица, ни пред кем не ответственного, стоящего над конституцией. Это ничто иное, как абсолютизм, прикрытый ширмами демократии. Можно было бы, в сущности, не подвергать рассмотрению ни вопроса о двух палатах, ни вопроса об избирательной системе, — достаточно поставить вопрос о постоянной армии или милиции, чтобы сразу выяснить ценность конституции, которою ощенилась освобожденская мысль.

V. Организованный государственный переворот

Абсолютизм сохраняется, как принцип, — но и не более, как принцип. По существу же конституционные определения стремятся превратить монарха в царствующего, но не правящего страной.

За императором, как мы видели, оставлено право роспуска палаты, право объявления войны и заключения мира. Но роспуску подлежат лишь народные представители, — депутаты земств не могут быть отосланы короной. Для войны нужны деньги, а вотирование денежных сумм зависит от Государственной Думы. Монарх назначает министров, но министры ответственны пред

большинством палаты; в сущности он не назначает министров, а лишь называет их вслух. Монарх «утверждает и обнародует законы», но не он их издает. Законодательная работа — дело Государственной Думы; монарх лишь скрепляет то, что она постановляет. И так во всем. В конституционном идеале функции монарха должны приобрести чисто-механический характер.

В 1791 г. философ-республиканец Кондорсэ [321]), иронизируя над внутренне-противоречивым учреждением конституционно-демократической монархии, предлагал открытым письмом за подписью «молодой механик» изготовить для конституционной комиссии в две недели и притом за недорогую цену короля, идеального конституционного короля, который участвовал бы во всех торжествах, подписывал бы бумаги и давал бы законам свою королевскую санкцию. «Если будет решено, что для монархии существенно, чтобы король выбирал и отрешал министров, при чем, согласно здравой политике, он, как известно, должен всегда сообразоваться с желаниями партии, владеющей большинством в законодательном собрании, председатель которого является одним из ее вождей, то легко придумать такой механизм, с помощью которого король будет получать список министров из рук очередного председателя, с выражением благосклонности и величия на лице... Мой король, — обещает молодой механик, — будет вполне безопасен для свободы и вместе с тем, при аккуратной починке, он был бы бессмертным, что даже еще лучше, чем быть наследственным. Можно было бы даже объявить его неприкосновенным, без несправедливости, и непогрешимым, не впадая в абсурд» *). Механический монарх, с выражением благосклонности и величия на лице, до наших дней остался идеалом демократов-монархистов. Освобожденский проект путем конституционных определений хочет разрешить техническую задачу Кондорсэ.

Но та же самая конституция, которая хочет лишить монарха привычного полновластия, лицемерно твердит ему, что он — суверенен. «*Верховная власть* Российской империи *осуществляется императором*»... «Император есть *верховный глава* государства»... «Императору принадлежит *власть верховного управления*»... и пр. и пр.

---

*) Олар. «Политическая история Великой Французской Революции», Москва, 1904 г.

Таким образом, если император захочет найти в основных законах прямое и непосредственное изображение своей государственной роли, он представится себе сувереном. К этому же представлению толкают его традиции самодержавия. Конституция, однако, связывает его по рукам и по ногам и ставит в невыносимо противоречивое положение.

Но та же самая конституция дает ему средства выхода из нестерпимого противоречия: она оставляет в его руках армию.

Конечно, конституция требует от монарха присяги, а эта присяга должна удержать его от злоупотребления военной силой и от покушений на конституцию. Но ведь монарх не может забыть, что эта новая присяга, как и вся конституция, есть ничто иное, как плод победоносного нарушения верноподданнической присяги со стороны целого народа. Очевидно, победа освящает и нарушение присяги. Такой вывод напрашивается сам собою, и при благоприятных обстоятельствах он будет, разумеется, сделан конституционным монархом, как он делался монархом самодержавным. Вспомним Польшу и Финляндию!

Если бы в присягах заключалась та сила, какую им приписывают, на свете не происходило бы ни революций, ни государственных переворотов.

Освобожденская конституция, лишающая монарха действительной самостоятельности и в то же время провозглашающая его главой государства, отнимающая у него верховную власть и в то же время оставляющая в его руках главную силу этой власти, армию, эта конституция представляет собою ничто иное, как идеальную провокацию к государственному перевороту. Точнее сказать — государственный переворот уже заложен в самой конституции.

И это не случайный недосмотр, это — неизбежность.

Буржуазный либерализм скорее согласится отказаться от всех демократических принципов, от всех неотчуждаемых прав, чем от конституционной монархии со всеми ее нелепостями и опасностями. Ибо противоречие конституционной монархии есть лишь отражение в государственном строе внутренних противоречий в политических интересах буржуазии. Она, как мы уже сказали, должна создать строй, достаточно либеральный, чтобы не стеснять капиталистического развития, и в то же время достаточно снабженный орудиями репрессии, чтобы охранять собственность от революционных масс. Экономическое господство

буржуазии закрепляется ее политическим господством, политическое господство ставится под защиту армии, армия вручается монарху, монарх превращается в контр-агента буржуазии.

Построенная на этих началах конституция есть организованный заговор буржуазных классов с обновленной короной, опирающейся на старые штыки, пулеметы и пушки. Основные права личности, все публичные свободы могут быть в каждую данную минуту превращены в пустой звук, раз армия остается в руках короны, — да какой короны! — еще ни на минуту не прекращавшей практики самовластия.

Таковы освобожденцы за конституционной работой. Если б русская свобода должна была зависеть от освобожденцев, — лучше б ей тогда не родиться на свет!

Н. Троцкий. «Наша Революция», изд. Н. Глаголева, стр. 95.

6. ПЕРЕД ВТОРОЙ ДУМОЙ

НАША ТАКТИКА В БОРЬБЕ ЗА УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ [322])

I

В декабре правительство вооруженной рукой подавило пролетариат и разрушило его организацию, а этого факта было достаточно, чтобы либеральные оппортунисты провозгласили крушение революционной тактики. Им казалось, что их поддерживает очевидность: пролетариат разбит, следовательно, тактика, которой он держался, не ведет к победе.

Мы отвечали либеральным оппортунистам: пролетариат разбит в бою, но это не значит, что разбита боевая тактика пролетариата. Поражение может явиться не только как продукт политических ошибок; оно может быть неизбежным результатом соотношения сил.

Если у реакции достаточное число штыков, которые не гнутся, и достаточное количество солдатских рук, чтобы направить эти штыки, тогда революция может потерпеть военное поражение совершенно независимо от тех или других тактических промахов.

Но если декабрьское поражение пролетариата имело своей причиной недостаточность его сил, то не состоит ли ошибка именно в том, что он, не будучи достаточно сильным для победы, принял сражение?

На этот вопрос можно дать только отрицательный ответ.

Прежде всего, в революции, как и в войне, момент сражения не определяется доброй волей одной из сторон, чаще всего он непосредственно вытекает из положения и настроений обеих враждебных армий. При известных условиях уклониться от сра-

жения можно не иначе, как покинув занятую и укрепленную позицию и бежав с поля битвы. Такая тактика, несомненно, спасает от непосредственного поражения, но всегда ли она целесообразна? Не способна ли она внести в собственные ряды деморализацию и тем подготовить будущее поражение? И, наконец, если на войне, благодаря механической дисциплине армии, можно в каждый данный момент увести ее всю целиком с поля сражения, то это совершенно недостижимо в революции: здесь уклониться от восстания, раз оно подготовлено предшествующим развитием борьбы, означает для организованных сил иногда ничто иное, как *оставить под неприятельским огнем массы*. Перед такой именно перспективой стояла социал-демократия в декабре: она могла не принять вызова реакции и отступить на заранее подготовленные подпольные позиции, предоставив правительству громить легальные и полулегальные рабочие организации, созданные при ее ближайшем участии; она купила бы себе таким образом действий возможность смотреть на революцию со стороны, резонерствовать по поводу ее ошибок и вырабатывать безупречные планы, недостаток которых состоит единственно в том, что они являются на сцену лишь тогда, когда в них уже нет никакой надобности. Словом, партия могла бы усвоить себе тактику, составляющую ныне собственность отдельных политиков, которых Парвус удачно назвал «литературными резонерами». Можно себе представить, как такая тактика способна укреплять связь между нами и массой!

Партия уклонялась от сражения дотоле, доколе это было в ее силах. 22 октября по ее инициативе Совет Рабочих Депутатов в Петербурге отменил траурную манифестацию [323]), дабы не провоцировать неизбежного столкновения, не попытавшись предварительно использовать новый режим для широкой открытой агитационной и организационной работы среди масс. Когда правительство сделало преждевременную попытку атаковать страну и, для опыта, объявило Польшу на военном положении, Совет Рабочих Депутатов, придерживаясь, по инициативе партии, чисто оборонительной тактики, не сделал даже попытки довести ноябрьскую стачку до открытого столкновения, но превратил ее в манифестацию протеста, удовлетворившись ее огромным моральным эффектом и косвенным практическим результатом.

Но если партия уклонялась от сражения в октябре и ноябре, мотивируя это для себя и для масс необходимостью организа-

Книгоиздательство „НОВАЯ ВОЛНА“

Л. Т—ій

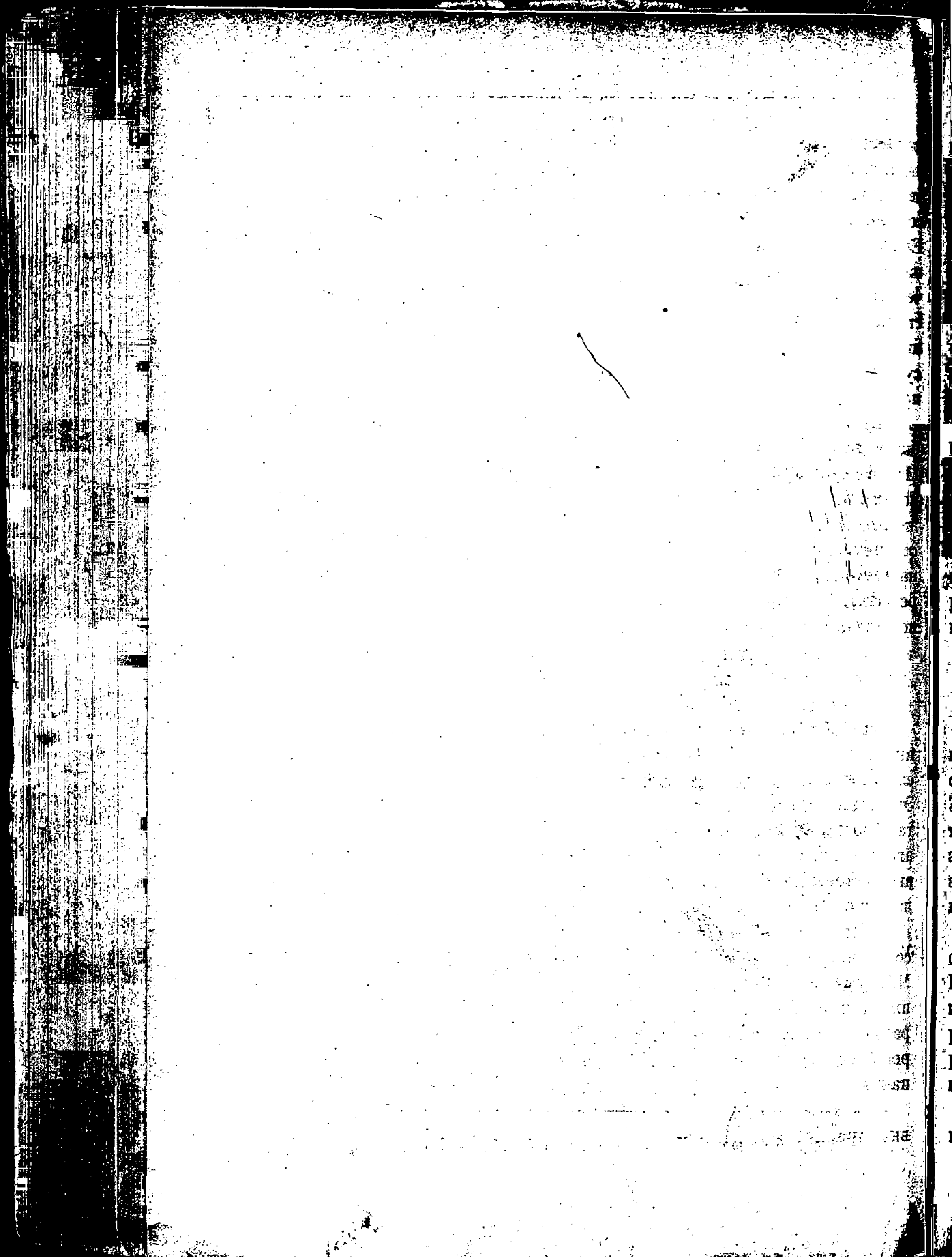
Наша тактика въ борьбѣ за учредительное собраніе

Революція и ея силы

Цѣна 8 коп.

МОСКВА
Тверской бульваръ 53. Типографія „Энергія“
1906

Обложка брошюры «Наша тактика в борьбе за Учредительное Собрание»

ционной подготовки, то в декабре это соображение совершенно падало, — не потому, что подготовка была налицо, а потому, что правительство начало борьбу именно с разрушения всех созданных в октябре и ноябре революционных организаций. Если бы при этих условиях партия и могла уклониться от сражения, если бы она и могла увести с поля борьбы массы, захваченные «легально» революционными организациями, она, поступив таким образом, сознательно пошла бы навстречу восстанию при еще менее благоприятных условиях: при полном отсутствии прессы и широких влиятельных организаций, а также при неизбежной деморализации, вызванной отступлением.

Декабрьское восстание было неизбежностью, его поражение было результатом военного перевеса реакции над революцией. Но, будучи военным поражением, декабрьское восстание было политической победой: оно чрезвычайно ускорило процесс разложения армии и поставило революционный пролетариат в центре сочувственного внимания огромных масс городского и сельского населения. Другими словами, декабрьское восстание вызвало решительное изменение в том соотношении сил, которое создало возможность декабрьского поражения.

II

Но динамика революции для либеральных оппортунистов — книга за семью печатями. Декабрьское восстание не дало победы, следовательно, тактика революции должна быть отвергнута. Эту позицию заняла руководящая в либеральных сферах группа, так называемая конституционно-демократическая партия. Вся агитация кадетов за Думу и вокруг Думы была решительно антиреволюционной. Дума противопоставлялась «анархии», парламентские прения — революционной борьбе.

Мы оставляем сейчас в стороне вопрос, насколько целесообразна была со стороны пролетариата тактика бойкота Думы. Мы думаем, что она была нецелесообразна. Но она несомненно имела свое психологическое оправдание: во-первых, в настроении рабочих масс после декабрьских событий, во-вторых, в антиреволюционной агитации кадетов, корифеев избирательной кампании.

— «Вы пробудили в капиталистической оппозиции классовые чувства вашей безумной тактикой захватного восьмичасо-

вого рабочего дня. Вы восстановили против себя конституционную демократию вашей недостаточно мотивированной ноябрьской стачкой. Вы устроили в декабре трижды безумное восстание и обрушили на страну ужасы кровавых репрессий. Дайте же место нам, конституционным демократам. Не мешайте нам собрать Думу. На конституционном пути мы достигнем того, чего вы не могли достигнуть на вашем революционном пути. Не мешайте нам собрать Думу. Мы снимем бюрократию с такой легкостью, которая всех поразит!»

Разбитый, израненный пролетариат не в силах был развернуть широкую и решительную агитационную кампанию. Наоборот, средние слои населения, пробужденные к политической жизни шумом октябрьских, ноябрьских и декабрьских событий и возмущенные разгулом декабрьской реакции, голосовали за кадетов, потому что чувствовали потребность голосовать против самодержавия. Кадеты оказались в Думе хозяевами положения.

У нас нет никакого желания ни отрицать значение Думы ни приуменьшать его. Но не нужно смешивать вопрос об объективном значении Думы с вопросом о ценности тактики кадетов.

Дума оказала огромное влияние на отсталые слои народных масс — и притом не только крестьянских и мещанских, но и пролетарских, — Дума, как учреждение, как временный центр внимания, как фокус разнообразных надежд. Но внутри Думы усилия кадетов были направлены к тому, чтобы свести революционное значение Думы к нулю. Они в Думе угрожали — и наблюдали за игрой петергофских физиономий. А их угрозы, против их воли, будили чувства достоинства и протеста в самой униженной обывательской душе. Они, кадеты, пугались собственных речей, трусливо останавливаясь перед неизбежными выводами, отрекались сегодня от того, что говорили вчера — все тщетно: политическое эхо революционной страны удесятеряло звучность их робких речей, а их уклончивость, их трусость восстановляла против них даже тех, которых они же пробудили. Таким образом Дума толкала вперед политическое сознание.

Тактика социал-демократии в думский период не могла по существу отличаться от ее тактики в октябре, ноябре и декабре. Социал-демократия не могла стать на ту, якобы конституционную почву, которой в действительности не было, которая существовала только в воображении кадетов. Но, оставаясь на своей революционной позиции, социал-демократия не могла в этот

период не сделать Думу центром агитации. Кадеты надеялись, что они так долго будут повторять, будто Дума имеет власть, что им, кадетам, наконец, поверят в этом и передадут частицу власти. Социал-демократия не могла не обличать эту наивнейшую тактику, мнимая практичность которой состоит в том, что она считается (да и то очень плохо) с логикой Трепова и совершенно игнорирует логику революции.

Социал-демократия не могла не видеть, что вопросы революции будут решены не в Думе и не Думой, — и она, вопреки требованиям кадетов, не могла это скрывать от народа. Забота об единстве думских решений никоим образом не могла связывать социал-демократию. Ее задача — единство классовой борьбы, единство революционного движения, но не единство думских голосований. Более того, именно во имя единства революционной борьбы социал-демократия должна была вносить раскол между правым и левым крылом Думы. Для того, чтобы объединить все пробужденные Думой слои вокруг лозунгов революции, т.-е. фактически вокруг пролетариата, социал-демократия не могла не вести в Думе, и главное вокруг Думы, совершенно самостоятельной политики, противопоставляя ограниченным лозунгам кадетов те радикальные требования, за которые пролетариат боролся в октябре, ноябре и декабре. Социал-демократия должна была координировать свою деятельность с деятельностью Думы, но она не могла подчинить свои лозунги лозунгам Думы.

Социал-демократия должна поддерживать Думу, требовали кадеты. Бесспорно, отвечаем мы, но как? Единственная поддержка, которую она могла оказать, состоит в том, чтоб собирать вокруг Думы внимание народных масс, договаривать то, чего не договорила Дума, подхватывать половинчатые требования Думы, придавать им революционно-демократический характер — и, таким образом, давать Думе возможность не только в своей полемике с министрами, но и в своей борьбе со старым политическим строем — опереться на народные массы. В какой мере и какие элементы Думы захотят и сумеют воспользоваться этой возможностью, — это никогда не зависит от нас. Если для того, чтоб объединить всю Думу вокруг демократических лозунгов, достаточно выказать хороший тон и такт, мы должны, конечно, постараться проявить хороший тон и такт. Но опыт говорит, что этих качеств совершенно недостаточно.

Дума в лице своего большинства естественно выдвинула требование *кадетского министерства,* — требование несомненно прогрессивное, и, если бы оно осуществилось, это пошло бы нам только на пользу. Должна ли была социал-демократия поддержать это требование? Конечно: социал-демократия поддерживает все прогрессивные требования. Но как? Разумеется, не голым повторением либеральных лозунгов; наша поддержка имеет всегда более сложный и более обязывающий характер.

Трудность осуществления кадетского министерства была не в лицах, а в программе. Ни Милюков, ни Муромцев [324]), ни Петрункевич, ни Ковалевский не могут быть приняты за вандалов даже в Петергофе. Мог бы еще возбудить сомнение штуттгартский изгнанник, бывший революционер Петр Струве, — но он играет теперь в политике столь незаметную роль, что вряд ли даже возникал вопрос о вручении ему портфеля. В крайнем случае, его можно было бы назначить директором публичной библиотеки или хранителем национальных музеев без обязательства являться ко двору.

Трудность, повторяем, была не в лицах, а в программе. Обновление Думы на основе всеобщих выборов, отчуждение всех помещичьих земель, свобода прессы и собраний, суд присяжных по всем политическим делам, — вот требования, с которыми Петергоф не хотел мириться. Мы должны были развить вокруг этих именно требований, в отчетливой демократической форме, самую широкую агитацию в массах, — и, таким образом, с одной стороны, затруднить кадетам сделку на каких-нибудь мизерных основаниях, а с другой стороны, дать им возможность опереться на народные требования в своих переговорах с Петергофом.

Но сделать нашим прямым лозунгом призвание к власти думского, т.-е. кадетского, министерства, мы не могли, ибо это значило бы взять на себя перед рабочими массами ответственность за политику будущего министерства.

Если сегодня мы требуем кадетского министерства только потому, что оно лучше горемыкинского, то не приведет ли нас политическая логика к тому, что завтра мы будем поддерживать все шаги этого министерства — только для того, чтобы оно не уступило своего места министерству Столыпина?

Так или иначе, Петергоф оборвал переговоры, Столыпин разогнал Думу и объявил Петербург на положении чрезвычай-

ной охраны. Абсолютизм хочет отвоевать у истории свои «сто дней» [325]).

Думский период революции закончен.

III

2 декабря министерство Витте закрыло в Петербурге 8 газет, а 3 декабря арестовало Совет Рабочих Депутатов. Либералы обвиняли нас в том, что мы своим агитационным неистовством вызвали реакцию и подкопали то, что сами создали. Мы обвиняли их в близорукости, доказывая им, что атака реакции была объективно неизбежна, а наше агитационное «неистовство» диктовалось необходимостью подготовить массы к этой неизбежной атаке. Либералы отвечали нам, что мы хотим наши тактические ошибки навязать истории.

Но вот либеральная Дума сменила рабочий Совет. В тактике Думы не было и тени неистовства. Дума имела во главе своей безупречного цензора конституционных нравов, г. Муромцева, который с непримиримостью, достойной более серьезного дела, поддерживал в ней атмосферу парламентского гипноза. Статьи официальных кадетских газет писались не иначе, как в белых перчатках.

9 июля министерство Столыпина [326]) закрыло 7 газет, разогнало Думу и ввело чрезвычайную охрану. Либеральные политики уклоняются от ответа на вопрос: нужно ли искать причину этой новой атаки реакции в тактических ошибках кадетов или в объективном развитии политических отношений? Но если кадеты и сошлются на объективное развитие, мы им скажем: вы все же виноваты, ибо в то время, как мы это объективное развитие отношений предвидели и на этом предвидении приглашали вас строить вашу тактику, вы оставались слепы или добровольно закрывали глаза.

Кадеты утверждали, что революционная тактика исчерпала себя, что политическая борьба должна быть отныне локализирована в стенах Думы. И вот, логика думской борьбы привела к упразднению Думы и поставила кадетов лицом к лицу с вопросами революционной тактики. Кадеты обвиняли нас в том, что вместо реальной поддержки реально существующей Думы, мы готовим массы к какому-то фантастическому «выступлению». И вот, накануне роспуска Думы кадетский официоз не нашел

другого ответа пред лицом напиравшей реакции, как пригрозить ей «трубными звуками» народного восстания.

Кадеты обвиняют нас в якобинской попытке подорвать государственные финансы. И вот, логикой политической борьбы они были вынуждены в июле выпустить воззвание, которое есть ничто иное, как бледная копия «якобинского» манифеста, выпущенного нами в декабре.

Кадеты порицали наш метод захвата прав. Революционной силе пролетариата они противопоставляли нравственный авторитет нации, Рабочему Совету — Государственную Думу. И вот, в то время как наш «финансовый» манифест, под моральным давлением Совета, напечатала вся либеральная пресса, — выборгское воззвание, несмотря на весь авторитет Думы, появляется исключительно подпольным путем. Это воззвание печатаем мы, партии революции, и применяем для этой цели тот самый метод захвата, который кадеты так жестоко осудили.

В октябре и ноябре мы, опираясь на силу пролетариата, пользовались свободой прессы, собраний и союзов. В мае и июне Дума оказалась не в силах обеспечить за нами эти права.

И, наконец, скажем мы, если декабрьская реакция в своей бешеной попытке восстановить все утерянные позиции не снесла либеральной партии с ее собраниями и с ее прессой, то это потому, что она встретила революционный пролетариат на своем пути. Не думают ли либералы, что реакция нашла бы в самой себе сдерживающие начала, если бы рабочие не оказали ей мужественного сопротивления? Не думают ли кадеты, что правительство, еще в октябре разочаровавшееся в выгодах либеральной политики, утруждало бы себя созывом Государственной Думы, если б в декабре пролетариат снова не восстал против самодержавного режима?

Если правительство стояло в нерешительности пред Думой $2^1/_2$ месяца, то не потому, что его заворожила корректность г. Муромцева, а потому, что оно страшилось повторения декабрьских событий.

Мы утверждаем: Государственной Думы не было бы, если б не было рабочего Совета. Наоборот, Дума оказалась не в силах создать условия существования не только для Совета, но и для самой себя.

IV

Дума упразднена. Но не упразднена ни одна из тех огромных задач, которые собиралась разрешить Дума. Разгон Думы поставил вопрос о путях и методах дальнейшей борьбы. Если из предшествующего сопоставления нашей тактики и тактики кадетов следует какой-нибудь вывод, так это, надеемся, тот, что их тактику приходится менять на нашу. Мы попрежнему опираемся на развитие революции и считаем, что независимая политика пролетариата является самым могучим двигателем этого развития.

В манифесте своего декабрьского выступления пролетариат поставил своей целью — вырвать власть из рук бюрократической монархии. Героическая попытка пролетариата разбилась о сопротивление армии. Благодаря опыту Думы, задача декабрьского пролетарского восстания стала теперь, в той или иной степени, задачей народных масс. Как и в декабре, армия является непосредственным препятствием к переходу власти в руки народа; как и в декабре, вопрос о настроении армии должен быть поставлен в практической форме народного выступления.

Такое выступление естественнее всего приурочить к моменту роспуска Думы. Удалив народных представителей из Таврического дворца, абсолютизм беспощадно раздавил иллюзию насчет мирного перехода власти к народу путем конституционного соглашения. Он снова предстал пред народом во всей своей отвратительной самодержавной наготе, — и то отношение, которое он вызвал к себе, лучше всего покрывается лассалевскими словами: «Рукой за горло его и коленом на грудь!».

Крестьянские массы верили в Думу, или, по крайней мере, в добрые намерения трудовой группы [327]). Разгон Думы является достаточным поводом, чтоб попытаться их поднять. Буржуазные элементы города оскорблены в лице конституционных демократов. Пролетариат не нуждается в доверии к Думе, ибо его достаточно толкает вперед ненависть к абсолютизму. Армия, сдерживаемая еще отчасти механизмом дисциплины, оказывается неизбежно в замешательстве пред властью, которая разделилась на ся. Общественное возбуждение достигло кульминации. Все это заставляет думать, что разгон Думы является наиболее благоприятным моментом для того, чтоб снова поставить вопрос: на чьей стороне армия?

...На чьей стороне армия? — написали мы, и последние буквы этого вопроса нам пришлось дописывать под отдаленные раскаты свеаборгской канонады... [328]).

Можно жалеть, что Петербург, на который устремлены взоры всей страны, не взял на себя энергичной инициативы, — и во всяком случае нельзя допустить, чтоб свеаборгское восстание осталось без отклика в столицах, а затем и в провинции.

Но разыграется ли борьба сейчас или же свеаборгское восстание будет подавлено и революция выберет другой пункт отправления, — несомненно, во всяком случае, что мы снова стоим накануне великих событий.

Под каким же лозунгом вступит наша партия в бой?

Несомненно, что центральным лозунгом останется созыв Учредительного Собрания — лозунг, который мы написали на знамени революции, когда не существовало еще ни одной из нынешних партий. Но в сущности только теперь лозунг Учредительного Собрания получает в сознании народных масс свой истинный смысл.

Это уже не требование, обращенное к капитулирующей монархии, — это клич самочинного, революционного провозглашения народного суверенитета.

В рядах нашей партии характер и содержание борьбы за Учредительное Собрание ни для кого не может составлять сомнения. Но в последние дни, после разгона Думы и в связи с этим разгоном, между двумя фракциями возобновился конфликт по вопросу о том, кем будет созвано Учредительное Собрание. Старой Государственной Думой, говорит ЦК. — Временным революционным правительством, возражает ПК *). В нескольких словах мы остановимся на смысле и глубине этого разногласия. «Кто является, — говорит «письмо» ЦК к партийным организациям, — или может явиться в настоящий момент в глазах 140-миллионного народа естественным преемником государственной власти, вырванной из рук царского правительства?» И после некоторого анализа «письмо» отвечает: «...сейчас в народном сознании есть вполне естественный преемник государственной власти, это Государственная Дума или те остатки ее, которые, соединившись вместе, могут объявить себя Государственной Думой».

*) Петербургский Комитет.

Таким образом, «письмо» ЦК стоит на точке зрения революционного развития событий. Государственная власть вырывается из рук монархии. Как вырывают власть, мы знаем: *путем победоносного восстания*. Государственная Дума берет в свои руки эту вырванную восстанием власть. Чем же явится в таком случае сама Государственная Дума?

Прежде всего ясно, что она будет единственной властью в стране — Дума будет правительством. Не менее ясно, что власть этой Думы будет опираться не на положения 6 августа—11 декабря, а на победоносную революцию, которая раз навсегда упразднит монархию. Другими словами, Дума будет революционным правительством. Наконец, ввиду того, что главной задачей этой Думы будет созыв Учредительного Собрания, она будет иметь значение *временного* органа власти. Словом, в той перспективе, какую рисует «письмо» ЦК, Дума оказывается ничем иным, как Временным Революционным Правительством.

Таким образом, «письмо» ЦК признает, что Учредительное Собрание будет созвано революционным правительством. И если поставить вопрос на эту почву, исчезает возможность конфликта. Но мы вовсе не хотим за этой, чисто формальной, позицией укрыться от рассмотрения вопроса по существу.

Дело в том, что «письмо» ЦК не только признает Временное Революционное Правительство этапом к Учредительному Собранию, но и ставит определенную кандидатуру на роль Временного Правительства. Это — кандидатура старой Государственной Думы.

Почему именно эта кандидатура? Конечно, не потому, что Дума законно избрана на основании норм Булыгина-Витте. Также и не потому, что старая Дума правильно выражала интересы революции, как их понимает наша партия и, в частности, ЦК. Почему же? Потому что старой Думе доверяют *некоторые* общественные классы. Итак, социал-демократия, партия пролетариата, рекомендует Думу на роль правительства не потому, что сама социал-демократия доверяет этому потенциальному правительству, а потому, что ему доверяют *другие* общественные классы. Мы думаем, что социал-демократия возьмет этим на себя совсем несвойственные ей хлопоты.

В самом деле. Если ЦК правильно оценивает отношение к Думе широких слоев населения — крестьянства, демократического мещанства и либеральной буржуазии, то, казалось бы, нужно предоставить инициативе партий этих классов выдвинуть

лозунг «за Думу!» Нам же при таких условиях нужно считаться с Думой в роли революционного правительства как с объективной неизбежностью, или по меньшей мере — вероятностью. Наша задача в таком случае состоит не в том, чтобы со своей стороны выдвигать кандидатуру Думы и тем давать ей мандат революционного доверия, а в том, чтобы создать в пролетариате организационную опору для давления на революционное буржуазное правительство, в которое должна превратиться Дума.

Мы не станем останавливаться на вопросе, насколько кадетская Дума пригодна к роли революционного правительства. Несомненно, что если Дума неспособна изменять ход революционных событий, то она способна сама изменяться под влиянием революционных событий. Если не вся Дума, то часть ее или ее «остатки», как выражается «письмо» ЦК. Вполне естественно, если петербургский, московский, варшавский, виленский, одесский, рижский... пролетариат захочет к этим «остаткам» Думы присоединить своих представителей. И нужно думать, что у «Думы» не будет ни желания, ни, главное, возможности отказать ему в этом. Можно сейчас не заниматься вопросом, насколько обновленная таким образом Дума будет похожа на старую муромцевскую Думу, как велики будут кадетские «остатки» в ее составе и в какой мере «Дума» в целом будет зависеть от пролетариата на другой день после победоносного восстания.

Но если социал-демократия не имеет права предлагать от себя массам кадетскую Думу для роли временного правительства, если социал-демократия вообще может не заниматься *сейчас* предопределением состава временного правительства, то она должна и обязана дать массам *программу его работ*. Ибо, каков бы ни был состав революционного правительства, основной гарантией смелой и последовательной политики его может явиться только активный контроль масс, объединенных вокруг определенной программы действий. Относительно такой программы у нас не может быть разногласий:

1. 8-часовой рабочий день.

2. Создание органов революционного самоуправления на местах.

3. Милиция.

4. Создание революционных крестьянских комитетов.

5. Созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Каков бы ни был состав революционного правительства, эта программа сохраняет все свое значение. Социал-демократия будет ее проводить, если она сама будет у власти. Социал-демократия будет требовать ее проведения от кадетов, если революционная власть окажется в их руках.

Главной опорой революции, единственной надежной опорой социал-демократии является пролетариат. Необходимо, поэтому, организовать органы его революционной воли уже в процессе борьбы за власть. Такими органами могут быть:

1. Советы рабочих депутатов — на местах.
2. Всероссийский рабочий съезд.
3. Всероссийский Рабочий Совет, как постоянный орган, созданный рабочим съездом.

Социал-демократия ни на минуту не теряет своей партийной связи. В местных советах, на съезде и во Всероссийском Совете она выступает, как единое целое. Она руководит политикой пролетариата и, следовательно, остается во главе революции.

V

Мы исходили из предположения, что власть вырвана из рук монархии победоносным восстанием. В этой перспективе «остатки» Думы превратились у нас во временное правительство.

Но есть и другая перспектива: это призыв распущенной Думы раскаявшейся монархией. Этого хотят кадеты. «Речь» в № от 19 июля говорит: «Надо признаться, что при всей необычайности и странности этого требования с точки зрения строго конституционной (!), в сущности, отмена указа 9 июля и восстановление депутатских полномочий членов старой Думы было бы самым простым и практическим выходом из трудного положения, в которое поставило себя правительство. В сущности, за указом этим, вследствие формальных неправильностей, с которыми он издан, самый строгий юрист мог бы с чистой совестью отрицать юридическую силу. На эту точку зрения могла бы стать и Дума».

Эти люди, как мы видели, не унывают: после того, как разогнали Думу, в которой они видели средство безболезненного обновления страны, они нашли теперь новый «простой» и «практический» (!) выход из трудного положения. Не будем, однако, касаться их аргументации. Полемика недействительна против них: бич бессильно увязает в этой бесформенной, тестообразной

массе. Только громы небесные способны, может быть, на время выбить из них бессмысленные фантазии о «простых и практических выходах» из сложнейшей революционной ситуации.

Но остановимся на этой второй перспективе, независимо от кадетских иллюзий. Можно допустить, что в период напряженной общенародной борьбы за власть затравленная монархия сделает попытку соглашения с революцией, и, в конце концов, нет ничего невозможного в том, что органом такого соглашения она изберет разогнанную ею Думу. Представляет ли этот путь какую-нибудь опасность для революции? Никакой. Наоборот, возвращение кадетской Думы при указанных только что условиях означало бы кадетское министерство, полную растерянность гражданских и военных властей, окончательное разложение армии, могучее развитие революции, колоссальное сплочение народных масс вокруг крайних требований, и в результате — революционную ликвидацию старого режима.

Должны ли мы в таком случае поддерживать требование кадетов, чтоб их снова призвали? Конечно: социал-демократия поддерживает все, что способствует революции. Но как поддерживать? В этом весь вопрос.

Земская оппозиция всегда считала, что «самым простым и практическим» средством конституционного преобразования является созыв представителей земств и дум. Социал-демократия всегда считала, что такое земское представительство было бы для нашей страны огромным шагом вперед. Тем не менее поддержка социал-демократии никоим образом не могла выразиться в пропаганде среди масс требования Земского Собора. Наоборот, социал-демократия энергично противопоставляла Земскому Собору — Учредительное Собрание и мобилизовала демократию вокруг требования всеобщего голосования. Такая поддержка оказалась наиболее действительной, и ее результатом явилась Дума, выбранная на основаниях во всяком случае несравненно более широких, чем это допускается земским и думским цензом. Есть ли у нас основания отступать от этой тактики теперь?

Наша тактика, рассчитанная на неудержимое развитие революции, не должна, разумеется, игнорировать неизбежные, или возможные, или хотя бы только вероятные фазы и этапы революционного движения. Это бесспорно. Мы думаем, что именно

эта мысль руководила Центральным Комитетом, когда он выдвигал лозунг: «за думское министерство!» или когда он теперь говорит: «за Думу!». И тем не менее социал-демократия не может принять этих лозунгов.

Отдельные моменты революции складываются в результате пересечения разных социальных сил. Кадетское министерство, реставрация кадетской Думы возможны, как сложный производный и притом преходящий результат политической игры нескольких союзных, конкурирующих и враждебных сил. Революционный пролетариат представляет собою одну из этих сил, и его направление не может, поэтому, совпадать с направлением всего революционного развития.

Мы можем и должны путем анализа уяснить себе вероятную равнодействующую революции. Мы должны принимать ее в расчет. Но историческое движение пролетариата будет всегда направлено влево от равнодействующей. Если мы из соображений мнимого политического реализма захотим направить пролетариат по равнодействующей, мы этим изменим направление одной из слагающих сил и тем самым отклоним равнодействующую вправо. И тогда, чтобы достигнуть цели, нам придется направляться по новой равнодействующей и этим отклонять ее еще дальше вправо. Социал-демократия, проводящая такую тактику, была бы похожа на человека, который гоняется за своею тенью.

Напротив того, самостоятельная революционная политика пролетариата, ставящая себе радикальную цель, вполне охватывает, как один из возможных этапов, и реставрацию Думы. Мы вооружаем народные массы приведенной выше программой, которую они предъявят Думе, как предъявили бы ее временному правительству. Дума — в лице той или другой своей части — подчиняется этой программе и порывает с монархией, — или же Дума сама сносится потоком революции.

Вооружить пролетариат программой революции; организовать классовую волю пролетариата; сплотить партию в широких рамках массовой пролетарской организации, — вот задачи, воплощение которых обеспечит за нами руководящую роль в революции.

РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ СИЛЫ

I

8 июля нововременский публицист Столыпин написал прокламацию к русскому народу, которая за соответственной подписью появилась в виде манифеста о роспуске Государственной Думы.

После того прошло три недели. За это время мы имели: закрытие всех социалистических, радикальных и кадетских газет; роспуск всех рабочих профессиональных организаций; бесчисленные аресты и высылки; упразднение либеральных клубов и комитетов; закрытие типографий, издательств и книжных магазинов. Это — с одной стороны. А с другой: военные восстания в Свеаборге, Кронштадте, на крейсере «Память Азова», в Дашлагаре, и массовые забастовки в Гельсингфорсе, Петербурге, Москве, Харькове, Астрахани и других местах. Восстания подавлены, забастовки не превратились во всеобщую и прекратились. Военно-полевые суды довершают правительственную победу. Полицейский террор царит неограниченно. Он дополняется террором судебных палат, ревность которых подогрета бесстыдным циркуляром Щегловитова [329]). Составлено министерство из канцелярских персонажей, которым нечего терять. Государственная рента стоит приблизительно на том же уровне, как и во время думской сессии.

Что кадетская политика легального обновления государства через Думу потерпела крушение, это ясно, прежде всего, для самих кадетов, которые с почти-правительственных высот низринуты на уровень полулегальной группы, без печати, без организации, без армии.

Но не потерпела ли крушение также и тактика революции, которая выступила на смену сейчас после разгона Думы? «Россия» и «Новое Время» громко кричат о победе правительства над революцией. Что правительство победило восстание — это несомненно. Но точно ли оно подавило революцию?

Правительство победило народ 9 января; худо ли, хорошо ли, оно справилось с восстанием Черноморского флота в мае прошлого года; в октябре правительство, правда, не одержало победы, но и само оно не было побеждено, — оно просто уклонилось от сражения, обещав серьезные уступки. Далее, оно победило воен-

ное восстание в Кронштадте и Севастополе и, наконец, в декабре оно одержало победу в Прибалтийском крае, на Кавказе, в Сибири, в Москве. Уже один этот длинный перечень «побед» показывает, что победить восстание не значит подавить революцию.

Эти соображения касаются, однако, лишь военных восстаний. Но не в них центр вопроса. Почему не поднялся пролетариат Петербурга, Москвы и провинции с такой всеобщностью, как в октябре, с такой решительностью, как в декабре? Чем объяснить неудачу последней забастовки?

Публицисты реакции уверяют, что народ устал от смуты, и вследствие этого агитаторы оказываются все более и более отрезанными от масс. С этой точки зрения дело изображается так, что революция уже прошла через свою кульминацию и теперь направляется к уклону. Подобное представление вытекает из того полицейского идеализма, который полагает, что революция есть продукт временного настроения, которое в свою очередь создается агитаторами. На самом же деле революционное настроение масс представляет лишь продукт революционных потребностей социального развития. Одна «усталость» не способна создать порядка; она может создать затишье, вызвать отлив революции, но не может примирить нацию с условиями, мешающими ее существованию и развитию. Всякое напряжение сил при работе вызывает в пролетариате и в крестьянстве великую усталость, — но ни тот, ни другое не прерывают своих функций, ибо их вынуждает к труду объективная необходимость. Такая же объективная необходимость толкает массы на революционный путь. Пока не удовлетворены минимальные потребности классового существования, усталость не может создать успокоения.

Но об удовлетворении элементарнейших классовых потребностей *пролетариата* не может быть и речи. Правда, январские и февральские стачки 1905 года дали рабочим целый ряд экономических завоеваний; но усилившееся с мая и особенно октября организованное сопротивление капитала свело многие из этих завоеваний на-нет. Благодаря общему хозяйственному кризису в стране, резервная армия непрерывно растет. Безработные в свою очередь ухудшают положение работающих.

Но если условия существования не улучшились, то условия классовой борьбы крайне ухудшились.

Политические организации и социалистическая пресса закрыты. Распущены профессиональные организации. Призыв

к стачечной борьбе карается самыми бешеными репрессиями. А между тем именно невозможность элементарной классовой борьбы в рамках абсолютизма и толкнула рабочих впервые на путь революции.

Таким образом, неоспоримые данные говорят, что дальнейшее участие пролетариата в революции обеспечено.

Что касается *крестьянства*, то его участие в революции, выражавшееся в аграрных беспорядках, имело в большинстве чисто стихийный характер. Можно быть разного мнения о том, какого уровня достигло политическое сознание деревни. Но сейчас перед нами другой вопрос: способно ли крестьянство стать на данной стадии революционного развития опорой порядка? На этот вопрос мы отвечаем отрицательно.

Политическая идеология вообще не способна сделать революционным целый общественный класс; тем справедливее это в применении к крестьянству, в жизни которого идеология играет минимальную роль. Если крестьянство оказалось втянуто в революционное движение, значит для этого имеются достаточные материальные основания в положении крестьянства. Эти основания — не только сословно-крепостнический гнет и малоземелье, как хотят думать социалисты-революционеры, но и все те противоречия, в какие попадает самостоятельный мелкий производитель в капиталистическом обществе. Другими словами, крестьянство страдает не только от патриархальной азиатчины, препятствующей капиталистическому развитию, но и от самого капитализма. Тем хуже для патриархальной азиатчины! Ибо недовольство, которое исходит из всех этих противоречий, должно опрокинуться на непосредственного врага: дворянско-помещичье государство. Лозунг «земля и воля», романтически привлекательный и романтически неопределенный, вовсе не исчерпывает действительных потребностей аграрного развития. Но все равно. Этот лозунг имеет исторически преходящие права на популярность уже потому, что он устраняет сейчас сложные проблемы хозяйственного развития, которые останутся и после гибели абсолютизма, и позволяет обобщить в краткой формуле возмущение еще нераскрепощенного раба, восстание закабаленного государством тяглеца и острый протест придушенного капиталистическим оборотом мелкого производителя.

Реакция утешает себя слухами о том, что где-то мужики прибили своего депутата. Но если бы государственно-полицейская

мысль способна была к серьезному анализу отношений, она задумалась бы над вопросом: устранено ли хоть одно из тех условий, которые толкают крестьянство на революционный путь?

В надеждах, ожиданиях и требованиях крестьянства много иллюзорного и фантастического. Но мужицкие иллюзии не могут быть рассеяны посредством правительственных сообщений. Пока не будут осуществлены культурно-правовые и культурно-хозяйственные потребности крестьянства, пока крестьянство не изживет в революционной борьбе своих иллюзий, оно не сможет стать опорой порядка. Но *элементарные потребности деревни так велики, противоречия аграрного развития так глубоки, иллюзии крестьянства так огромны, что революционное кипение деревни будет еще длиться неопределенно долгое время.*

Выше мы сказали, что движение крестьянства носит стихийный характер. Нужно, однако, помнить, что *у крестьянина есть не только предрассудок, но и рассудок.*

Политические конфликты, в которые замешаны его кровные интересы, не могут проходить для него бесследно. Можно быть разного мнения насчет того, в какой мере крестьяне верили только трудовой группе и в какой полагались на всю Думу. Но факт тот, что правительство разогнало Думу прежде, чем успела вскрыться буржуазная скаредность кадетских Гракхов [330]) и аграрно-уравнительные иллюзии трудовиков. Земельная реформа не успела еще развернуть своих внутренних противоречий, как правительство уже разогнало реформаторов. Вывод, который из этого факта неизбежно должна сделать крестьянская мысль, никоим образом не может служить делу самодержавного порядка: правительство, как враг, впервые открыто предстало пред мужиком в своем концентрированном виде.

Может быть, какая-нибудь группа мужиков почему-нибудь и избила депутата *). Но, вообще говоря, крестьянство никоим образом не может чувствовать себя «уставшим» от революции, так как оно к ней еще в сущности и не приступило. *Революционная борьба крестьянства еще вся в будущем.*

---

*) Как теперь стало известным, бывш. деп. Стежинок был избит своими избирателями за упорное нежелание дать отчет о работе Думы, которого от него требовали. (*Примечание большевистской редакции 1906 г.*)

II

Крупная торгово-промышленная буржуазия не заинтересована в демократическом режиме. Наоборот, с сильной монархической властью ее связывают не только исторические воспоминания, но и заботы о будущем. То, что ей необходимо, это не политическая демократия, а либеральный гражданский режим. Свобода передвижения, относительная гласность, приблизительное равенство перед судом, контроль над финансовым хозяйством бюрократии — вот что нужно для того, чтоб товарный и денежный рынок чувствовал себя в равновесии. Лишь убедившись, что все это совершенно недостижимо без народного представительства, торгово-промышленная буржуазия стала конституционной и полуконституционной. Момент ее либерального «порыва» приходится на первые месяцы прошлого года, под прямым воздействием 9 января и дальнейших стачек.

Но уже в мае под влиянием непрерывной стачечной эпидемии, дезорганизующей торгово-промышленную жизнь, крупная буржуазия выдвигает в своей программе на первый план такие требования, которые должны обеспечить свободу и непрерывность капиталистической эксплоатации: «свобода труда», т.-е. неприкосновенность штрейкбрехерства, свобода от уплаты за время стачки, т.-е. сложение с себя даже и денежных издержек по революции и т. д. Манифест 17 октября не только удовлетворял все чаяния либерального капитала, но и превышал их. А между тем требования пролетариата становились все более и более «безмерными». Дальнейшее развитие революции стало означать не только непосредственную дезорганизацию хозяйства в настоящем, но и величайшие опасности в будущем. Перспектива финансовых потрясений, связанных с победой революции, пугает крупную буржуазию больше, чем финансовое хищничество бюрократии. Буржуазия становится резко консервативной, требует порядка во что бы то ни стало и в Москве поддерживает дубасовские неистовства над пролетариатом. Таким образом, класс, который принимал наименьшее участие в политической борьбе, чувствует себя наиболее «усталым» от нее.

Либерализм помещичьего землевладения у нас старее чисто капиталистического либерализма, но немногим стойче его. Идеи демократии были всегда бесконечно чужды земской оппозиции.

Либеральные помещики считали себя представителями народных нужд, так как отстаивали интересы «деревни», вернее, интересы землевладения, против центральной бюрократии, которая на счет крестьянства поддерживала индустрию. Конституционный контроль над бюрократией должен был, по их замыслу, противодействовать грюндерству за государственный счет и вообще неумеренному протекционизму. Бюрократическим выскочкам и временщикам были бы противопоставлены влиятельные местные люди, которые сумели бы провести каналы между фиском и нуждами землевладения. Считая себя прирожденными выразителями крестьянских интересов, либеральные земцы никогда не думали о политической самодеятельности крестьянства и не ожидали ее. Тем менее — революционной самодеятельности. Если революционные выступления пролетариата подействовали ободряющим образом на золотушный земский либерализм, то аграрные волнения, наоборот, сразу отбросили земцев вправо. Расширение и углубление крестьянской борьбы за «землю и волю» окончательно убивает земский либерализм. Помещик становится не «кадетом», а «юнкером» [331]).

Это неотвратимый процесс. Никакие ухищрения тактики, никакая изысканность политического «такта» не сможет его остановить. Класс торгово-промышленной прибыли, как и класс земельной ренты вполне готовы были бы стать партией государственного порядка... если б этот порядок был возможен. Но так как во время приливов революции все позиции захватываются социалистическими или либеральными партиями, а во время отливов — поле переходит к государственной власти, воплощающей беспощадную репрессию, то партия порядка пока совершенно лишена возможности собрать и построить свои ряды.

III

Между пролетариатом и крупной буржуазией пролегает широкий разношерстный класс мещанства. Сюда входят владельцы ремесленных заведений, мелкие лавочники, служащие, представители либеральных профессий и низы бюрократии.

Наше ремесленное сословие ничтожно как в хозяйственном, так и в политическом отношении. Иммигрировавший капитал овладел без борьбы главными отраслями промышленности. Ничего

похожего на могучую демократию цехов и гильдий наши города не знали и не знают.

Почти задушенное капиталом, угнетенное полицией, живущее варварской эксплоатацией ученического труда, темное и невежественное ремесленное и торговое сословие всегда питалось шовинистическими идеями, держалось активного антисемитизма, поставляя из своей среды погромщиков и пр. Но те безысходные противоречия, в которых бьется ремесло и мелкая торговля, должны заставить мещанское сословие вступить на путь активной борьбы и придать своим социально-утопическим надеждам форму революционных иллюзий, как прежде они облекались в форму иллюзий националистических. Уже во время выборов в Думу городское мещанство в значительной своей части проявило свою оппозиционность, голосуя за кадетов, как за партию «народной свободы». Крах Думы не мог пройти для него бесплодно. Деятельность центральной и местной администрации протекает на его глазах. Соседство промышленного пролетариата не может оставаться без влияния. Не приходится преувеличивать политическую роль русского мещанства, но можно утверждать с уверенностью, что в решительную минуту городские низы будут на стороне рабочих.

Другая часть мещанства, интеллигенция, несомненно стоит на стороне демократической революции. Она, правда, не хочет окончательно отказаться от надежд на «мирное обновление», но успехи революции тем не менее радуют ее, победы реакции огорчают. Публичные права, свобода печати и ассоциаций, политическая демократия являются для нее желательными условиями существования: они обещают ей независимость, влияние, довольство.

Закабаленная государством и капиталом, она враждебна им, но в то же время и бессильна против них. В октябре инженеры могли активно поддержать забастовку, пользуясь тем, что капитал наполовину сочувствовал ей, наполовину был застигнут ею врасплох. Но в ноябре и декабре, когда капитал вместе с правительством противопоставил политической забастовке организованное сопротивление, состоящая на службе капитала интеллигенция уже не могла поддерживать стачечников. Ее радикальные взгляды остаются при ней. Во время выборов она может голосовать за самых крайних. Но в политических действиях ей отказано. То же самое относится к радикальному третьему элементу земств

и дум и, в еще большей мере, к оппозиционно настроенным низам бюрократии. Торгово-промышленная буржуазия могла бы целиком присоединиться к резолюции Витте-Дурново: «занятие политикой и принадлежность к партии не должны ни в чем препятствовать честному по долгу присяги исполнению служебных обязанностей». Еще Успенский[332]) охарактеризовал противоречие в положении интеллигенции как «благородство мыслей» при «дармоедстве поступков». В иной форме оно существует и сейчас.

Все эти элементы поддержат революцию, когда она будет близка к победе, но они готовы умыть руки при каждой ее неудаче. О самостоятельной инициативе с их стороны говорить совершенно не приходится.

Итак, прежде чем воцариться на русской земле, порядок должен преодолеть *классовую энергию пролетариата и сословно-классовые страсти крестьянства.* Наряду с этими двумя силами революции можно почти не упоминать о городском мещанстве с его малоопределившейся физиономией и об интеллигенции с ее революционными симпатиями и ее бессилием. Мы не знаем, какой секрет открыла реакция для преодоления натиска революционного пролетариата и крестьянства. Но в том, что эти классы не успокоились и не «устали» от смуты, что их революционную энергию еще только нужно преодолеть, не может быть никакого сомнения. Если даже стоять на той точке зрения, что русская революция не имеет перед собою более широких перспектив, чем союзное господство монархии, крупной буржуазии и земельных собственников на основе «порядка», то и тогда необходимо признать, что путь к этой конституционной идиллии отнюдь не похож на прямую линию. Предстоит еще могучее развитие классовых антагонизмов, которое, как бы оно ни закончилось, долго не даст установиться прочному буржуазному порядку.

IV

От этих общих соображений мы снова возвращаемся к вопросу о неудаче июльского [333]) выступления. Факт тот, что стачка не стала всеобщей. События не только не превзошли октябрьских, но и далеко не поднялись до их уровня.

Необходимо признать, что стачка исчерпала себя, как самодовлеющее, непосредственно-боевое средство революции. В октябре она дала прямой политический результат. В ноябре

она превратилась в манифестацию сочувствия. В декабре она лишь создала почву для частичных восстаний.

В сознании пролетариата, или по крайней мере его руководящих слоев, политическая стачка в настоящее время играет роль пролога к более решительным событиям. Но для того, чтоб эти события могли развиться, стачка должна стать всеобщей. В свою очередь всеобщность стачки зависит от поведения железных дорог и телеграфа. Правительство знает это и при каждой новой грозе устремляет главные карательные силы и средства на центральные узлы железных дорог. Это, конечно, не исключает возможности железнодорожной забастовки, но это крайне затрудняет инициативу железнодорожных рабочих и служащих. Они уже не могут первыми вступать в борьбу; их позиция становится поневоле выжидательной. Это в свою очередь делает все более и более затруднительной всеобщую политическую забастовку. А между тем военные восстания, не связанные непосредственно с массовыми пролетарскими выступлениями, вызывающими полную дезорганизацию правительственного механизма, неизбежно терпят крушения. Таким образом, получается впечатление, что революция забилась в тупик. Но точно такое же положение создавалось в конце каждого периода революции, перед каждым новым расширением ее базы и новым обогащением ее методов. *Революционная стихия в лице деревни должна вступить в свои права для того, чтобы организованная революция в лице пролетариата могла нанести врагу решающий удар.*

Можно строить разные предположения о том, как сложились бы события, если бы стачка была объявлена сейчас же после роспуска Думы, если б военные восстания в Свеаборге и Кронштадте разразились во время забастовки в Петербурге. Но задача не в том, чтоб строить предположения задним числом, а в том, чтоб ориентироваться в фактах, как они есть.

Как период рабочих Советов прошел под знаменем 8-часового рабочего дня и республики, так думский период прошел под знаменем *земли и воли*. Дума не сказала рабочим ничего такого, чего бы они не слышали из другого источника — в более решительной, прямой и категорической форме. Наоборот, на крестьянство Дума должна была оказать огромное влияние. Ее адрес, выступления трудовиков, правительственное сообщение по земельному вопросу, кадетское сообщение с призывом сидеть спокойно и надеяться на Думу, наконец, разгон Думы и выборг-

ское воззвание — все это должно было *подготовить почву для повсеместного восстания крестьян.* Весть о разгоне Думы усваивается деревней только теперь. Выборгское воззвание распространяется в огромном количестве экземпляров. Несмотря на его робкий, ограниченный характер, оно должно толкнуть крестьянство на действия, которых не предвидели и не хотели его главные авторы, кадеты.

Революционные организации, работающие в деревне, помогут крестьянству сделать из думского воззвания надлежащие выводы.

Из всего этого следует:

Если правильны были наши предположения относительно неизбежности революционной ликвидации аграрного варварства; если верны наши наблюдения, показывающие, что русский мужик способен не только пассивно вымирать, но и активно бороться за существование; если о чем-нибудь свидетельствуют все предшествующие аграрные волнения; если настроение деревни характеризуется настроением ее депутатов; если, наконец, верно наше понимание общего хода революции, — то именно теперь настал момент, когда *движение крестьянства должно принять широкие размеры и создать благоприятный момент для нового победоносного выступления городских рабочих масс.*

V

Пролетариат сделал попытку ответить на разгон Думы. Он не встретил поддержки. Буржуазия и слышать не хотела об активной защите Думы, которая буржуазии была, конечно, ближе, чем пролетариату. Московская городская дума приняла целый ряд административно-полицейских мер для подавления стачки пролетариата. Интеллигенция — третий элемент, инженеры — совершенно лишена была на этот раз возможности активно проявить свое сочувствие выступлению пролетариата. Деревня еще не успела подняться. И пролетариат отступил, так как изолированно демонстрировать свою ненависть к абсолютизму он не имеет ни нужды, ни желания.

В ближайшие месяцы — может быть, только недели — тактика социал-демократии принимает по необходимости выжидательный характер. Каждый крупный этап революции показывает нам, что мы не создаем событий, не вызываем их по нашему произволу. События развиваются стихийно. Это яснее всего видит

та партия, которая в этих событиях принимает наиболее активное участие. Над нашим «преклонением пред стихией» могут издеваться какие-нибудь заштатные кадеты «Нашей Жизни», которые молчаливо отсиживаются от революционных событий, когда они развиваются, и критически брюзжат против них, когда они совершились. Сила социал-демократии состоит в том, что она предвидит события и на этом предвидении строит свою тактику.

Без массового выступления крестьянства события не пойдут вперед. Только длительное восстание деревни создаст благоприятные условия для выступления городских рабочих масс. Сейчас невозможна стачка железных дорог и телеграфа по инициативе центральных узлов: при массовом восстании крестьянства поезда не смогут двигаться, так как не найдут рельс; телеграммы не будут передаваться, так как не окажется проволоки. Стихийное восстание деревни, для которого предшествующее развитие подготовило все необходимые предпосылки, совершенно парализует деятельность государства. Пролетариат сумеет опереться на восстание деревни, — и в городах, в этих центрах политической жизни, он сумеет закончить то дело, которое он сумел начать. *Опираясь на крестьянскую стихию и руководя ею, пролетариат не только нанесет последний победоносный удар реакции, но и сумеет закрепить за собою победу революции.*

VI

Было бы излишним здесь говорить, что в предвидении нового революционного подъема партия продолжает свою «будничную» работу, хотя слишком ясно, что подпольная организация, действующая подпольными средствами, не может сосредоточить на себе внимание массы, успевшей привыкнуть к ежедневной социалистической газете и многотысячным митингам. Несомненно, однако, что нынешний режим долго длиться не может. Те причины, которые заставили Столыпина сейчас же после роспуска Думы объявить программу либеральных реформ и вступить в переговоры с так называемыми «общественными деятелями», могут побудить правительство, особенно при развитии революционного движения в деревне, назначить новые выборы в Думу на сентябрь или октябрь. А такая мера не может не сопровождаться общим смягчением режима. Конечно, новая Дума может быть сорвана революционным восстанием конца 1906 г.,

как булыгинская Дума была сорвана стачечным восстанием 1905 г. Но для того, чтобы ориентироваться в теперешних политических группировках, предположим, что второй Думе, избранной на тех же началах, как и первая, удастся собраться в Таврическом дворце. Каков может оказаться ее состав?

Прежде всего, весьма вероятно, что правое крыло Думы, в лице «партии мирного обновления»[334]) и союза 17 октября, окажется многочисленнее и сплоченнее, чем в первой Думе; в пользу этого предположения говорит резко определившееся консервативное настроение имущих классов. Партия демократических реформ и земское крыло конституционных демократов отойдет направо, в сторону партии мирного обновления. Насколько можно судить по газетным сведениям, в этом направлении ведутся переговоры. Конечно, г. Струве принимает в них участие. Другое крыло кадетов, опирающееся на крестьянские голоса, на городское мещанство и интеллигенцию, отодвинется влево; за это ручается опыт первой Думы в связи с общим развитием революции. Группа трудовиков будет более определенна и решительна. Вместе с левым крылом расколовшихся кадетов она составит думское большинство. Таким образом, несмотря на увеличение числа правых, вторая Дума по своему общему характеру должна быть несомненно более радикальна, чем первая Дума.

Войдет ли в Думу социал-демократия? Примет ли она участие в борьбе?

Непременно!

Мы уже говорили, что считаем бойкот первой Думы ошибкой, имеющей свое психологическое оправдание в том, что выборы происходили непосредственно после декабрьского разгрома. Но повторение бойкота было бы уже ошибкой непростительной.

Выше мы выразили предположение, что большинство второй Думы будет более радикально, чем кадетское большинство первой Думы. Неизбежное противодействие правительства и систематическая оппозиция правого крыла будут толкать думское большинство еще более влево; но итти влево—значит не на словах, а на деле искать опоры в революционных массах. А при таких условиях социал-демократическое представительство в Думе, как бы малочисленно оно ни было, сможет сыграть крупную роль. Конечно, историческая тяжба решится не в Думе и не средствами парламентской трибуны. Но при известных условиях вторая Дума может сыграть крупную революционную роль.

Само собою разумеется, что все сказанное о будущей Думе имеет условный характер, так как предполагает, что выборы будут произведены на старых основах 6 августа — 11 декабря, и при такой же приблизительно полицейской обстановке, как и первые выборы. Но возможно, что выборы будут обставлены всеми беспощадными гарантиями столыпинского либерализма, в результате которых вторая Дума окажется консервативной. В таком случае сомнительно, удастся ли действительным представителям рабочих проникнуть в Думу, и если удастся, не окажутся ли они там обречены на полное бессилие? Не вдаваясь в политические гадания, на этот вопрос следует ответить одно: уйти из Думы всегда легче, чем войти в Думу.

Два слова в заключение. Наша статья была написана, когда мы прочитали статью т. Виницкого в № 5 «Нашего Слова»[335]), издающегося в Вильне. Выводы т. Виницкого всецело совпадают с нашими, — а насколько можно заключить из других статей журнала, т. Виницкий формулирует общую точку зрения «Бунда»[336]).

Вот эта точка зрения.

1. «Бойкотная тактика проводилась после декабря, но зарождалась и складывалась она в до-декабрьскую эпоху; она перекинулась в январь в силу своего рода политической инерции, с разгону, как заключительный аккорд осенней симфонии. Но уже в тот момент, когда она проводилась, она была объективно устаревшей. Поэтому она и не имела внешнего успеха.

2. «От декабрьского метода социал-демократия не отказывается и не сможет отказаться. Но она должна взять его более широко. Вера в революцию не пошатнулась. Но пошатнулась вера в чисто-городскую революцию. *Вопрос о деревне выдвинулся на первый план.*

3. «Наиболее характерным для настоящего момента является выжидательное настроение. Повинуясь ему, революционные организации обратились к рабочей массе со словом предупреждения... В сущности рабочие вряд ли и нуждались в этом предостережения. Они и сами склонны выжидать. *Они ждут, что скажет деревня, ждут и готовятся*».

Цитированная статья доставила нам двойное удовольствие. Во-первых, как общая правильная формулировка настоящего политического момента. Во-вторых, как формулировка позиции Бунда.

Два года тому назад публицисты Бунда в защиту организационной обособленности еврейского пролетариата приводили, в ряду других доводов, указание на особое соотношение сил внутри еврейской нации, причем главной особенностью этого соотношения сил являлось, на их взгляд, отсутствие еврейского крестьянства.

Но вот теперь оказывается, что еврейский пролетариат ждет, что скажет русская деревня, «ждет и готовится». Его политическая позиция определяется соотношением сил не внутри еврейства только, но внутри всего государства. *Виленские заготовщики или белостокские ткачи в такой же мере зависят от саратовской и пензенской деревни, как слесаря путиловского завода.* Единство классовой борьбы пролетариата внушает социал-демократическим политикам одни и те же лозунги — в Вильне и в Петербурге.

Вывод, который из этого следует, — организационное единство социал-демократии. Это относится не только к Бунду, но и к обеим фракциям нашей партии. Требование сохранения единства нужно с особенной настойчивостью повторить теперь, когда мы снова вступаем на некоторое время в подпольно-кружковое существование. Ничто так не сплачивает партию, как открытая широкая активность рабочих масс. Это мы видели в октябре, ноябре и декабре.

И, наоборот, ничто так не способно плодить разногласия и культивировать их, как кружковщина революционного подполья. Это мы слишком часто видели в разные моменты нашей партийной жизни и, будем надеяться, этого мы не увидим в ближайший период.

Революционный подъем снова выдвинет на сцену массовые беспартийные организации. Социал-демократия должна будет бороться в них за свое влияние. Только внутреннее единство может обеспечить ей подобающую роль.

Обе фракции — и фактически и принципиально — стоят на почве классовой борьбы пролетариата. В своих формальных противоречиях они выражают разные, фактически не противоречащие, но искусственно разъединенные потребности революционного развития рабочего класса. Этим объясняется, что влияние их колеблется в зависимости от характера периода, при чем ни одна из них не способна вырвать почву из-под ног

у другой. Мы позволяем себе думать, что лучшее пожелание, какое можно выразить пред лицом обеих фракций — это: побольше доверия к революционной логике классовой борьбы.

Издательство «Новая Волна».
Москва. 1906 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ *)

...По поводу моей книги**) один рецензент (Н. Иорданский)[337]) пишет, что моя критика буржуазной демократии делается объяснимой и понятной только с точки зрения *непосредственной борьбы за власть между буржуазией и пролетариатом*. А так как в действительности сейчас происходит борьба между буржуазной оппозицией и абсолютизмом, то критика моя в значительной мере «теряет свою ценность».

Я не знаю, говорится ли здесь о *тоне* моей критики — рецензент упоминает об ее «страстности»—или об ее *методе*. Нужно, повидимому, думать, что о последнем, иначе вывод не имел бы смысла. Но когда я с этой точки зрения мысленно пробегаю свою критику буржуазной демократии, я прихожу к заключению, что рецензент неправ. Разве я говорю своим читателям, что буржуазная демократия вообще представляет враждебную свободе силу? *Разве я призываю массы повернуться к буржуазной демократии спиной?* Неправда! Я говорю своей критикой, что, если буржуазная демократия хочет опереться на широкие массы, она должна развить демократическую программу и революционную тактику до конца. Я критикую стремление демократии сделать либерально-помещичье земство осью оппозиции. («До 9 января»). Я призываю демократию заменить свою простодушную благожелательность придирчивым недоверием к капиталистическому либерализму. Я критикую в частности программу освобожденцев под углом зрения ее демократизма. Я ставлю задачей своей

*) Значительная часть работ, вошедших в эту книгу, посвящена критике либерализма и буржуазной демократии. В каком отношении эта критика стояла к перспективам дальнейшего развития революции? На этот вопрос отвечает следующий отрывок из статьи «На пути во вторую Думу», входящей в состав другого тома. *(Ред.).*

**) «Наша Революция», Петербург. 1906, изд. *Н. Глаголева.*

критики восстановить массы против идеи единоличного суверенитета, против двух палат, постоянной армии и пр. («Конституция освобожденцев»). Может быть, *эта* критика предполагает канун диктатуры пролетариата? Может быть, она не умещается в рамках революционного противоречия между Россией самодержавно-крепостной и Россией демократической? Я доказываю, что политическая кампания в связи с Государственной Думой (первой) должна проводиться под знаком революционной организации масс. Я критикую кадетскую агитацию, сеющую надежды на то, что Дума локализирует революцию и разрешит ее основные задачи безболезненным путем. Я доказываю неизбежность конфликта между Думой и правительством. Я требую, чтоб вся тактика была построена в предвидении этого конфликта («Г. Петр Струве в политике»). Что же, может быть такая критика логически предполагает непосредственную борьбу социал-демократии за власть? Разве в центре моей критики лежит та мысль, что полное народовластие — голая фикция, ибо в капиталистическом обществе суверенитет народа есть лишь внешняя форма классовой эксплоатации? Нет, я исхожу из той, более элементарной мысли, что честная и последовательная демократия, которая не боится массы и не заигрывает с ее вековыми врагами, должна поднять знамя полного народовластия. Разве я в основу своей критики полагаю ту мысль, что милиция и выборный суд в современном обществе станут по необходимости органами классового господства буржуазии? Нет, я исхожу из более ограниченной мысли, что полное демократическое обновление страны немыслимо без милиции, без выборной бюрократии и выборного суда. *Разве это — программа диктатуры пролетариата? Кажется, нет. Почему же рецензенту моя критика «непонятна» вне идеи непосредственной борьбы за рабочее правительство? Не знаю. Может быть, просто вследствие его собственной непонятливости.*

Правда, из анализа социально-политических отношений я прихожу к выводу, что *решительная* победа демократической России над Россией крепостнической должна передать кормило в руки пролетариата; что проведение в жизнь всех основных лозунгов демократии будет совершено организацией, прямо и непосредственно *опирающейся на городских рабочих, а через них — на всю народную плебейскую нацию.*

Пусть мой анализ и мой прогноз совершенно ошибочны *). Пусть дальнейшее революционное развитие настолько укрепит буржуазную демократию, что позволит ей взять власть в свои руки и тем самым отбросить пролетариат в оппозицию. Но разве *такая* перспектива не требует от нас в *равной* мере самой неутомимой и непримиримой критики буржуазной демократии — под углом зрения ее демократизма и ее революционности? Я думаю, что подобная критика не только не препятствует росту оппозиционных сил, но, наоборот, оказывает ему незаменимую услугу, так как неизменно поддерживает левое крыло демократии против ее правого крыла.

Я прекрасно понимаю, — смею в том уверить моего рецензента, — что *публицистически перепрыгнуть через политическое препятствие не значит практически преодолеть его*. Я нимало не думаю, что если хорошенько охаять всю буржуазную демократию пред народом, то можно у нее из-под носу вырвать государственную власть. А ведь, повидимому, именно эту глубокомысленную «тактику» приписывает мне рецензент, когда говорит, что моя критика демократии непонятна вне непосредственной борьбы за власть. Он как бы хочет сказать, что мои нападки так безбожны потому, что я надеюсь этим путем отстранить демократию с пути и очистить поле для рабочего правительства. Но он ошибается. Мои «безбрежные мечтания» о рабочем правительстве опираются на более серьезные соображения, критики которых я — повторяю — еще только жду. Что же касается моей полемики с буржуазными партиями, то она, составляя часть всей агитационной деятельности нашей партии, только усиливает буржуазную демократию.

Правда, она в то же время усиливает социал-демократию, способствуя политическому самоопределению пролетариата. Но ведь не против этого же восстает мой критик-социалист? Можно разно представлять себе картину соотношения этих двух сил *в тот период, когда революция начисто упразднит старый режим*. Но это предвидение не может изменить нашей критики и оценки сегодняшних лозунгов, сегодняшней тактики буржуазной демократии. Впрочем, при одном условии: если мы не считаем, что

*) Я терпеливо жду разбора написанной на эту тему статьи «Итоги и перспективы» в названной выше книге. Я, конечно, не думаю, что такой работой займется мой почтенный рецензент.

классовая борьба внутри буржуазной нации тормозит буржуазную революцию. Разумеется, стоит нам прийти к такому выводу,— в чем я, однако, не подозреваю моего рецензента, — и нам останется перестать быть социал-демократами, ибо, при таком условии, очевидно, только упразднение самостоятельной политики пролетариата создало бы для буржуазной демократии возможность овладеть властью.

Самоупразднение, это и есть то, чего от нас требует либерализм.

IV

Вокруг процесса Совета

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [338])

Уважаемые товарищи! Мы получили: 1) вашу резолюцию по поводу нашего поведения на суде, 2) ваши комментарии к ней, 3) вашу прокламацию [339]). Все эти документы не удовлетворяют нас, но вызывают величайшее недоумение. Ваши предложения так для нас неожиданны, что мы можем объяснить их лишь тем, что вы, во-первых, не отдаете себе отчета в прошлой работе Совета, запротоколированной в его решениях, а, во-вторых, крайне преувеличиваете размер «разногласий» среди нас, привлеченных по делу Совета.

Обращаюсь к вашим указаниям по существу:

1. Вы рекомендуете нам заявить на суде, будто Совет организовал массы «для проведения в жизнь всего, обещанного манифестом 17 октября, прежде всего, и для дальнейшей борьбы за политическую свободу».

Ни один из привлеченных не стоит на этой почве. Программа манифеста 17 октября *никогда* не была программой Совета. Идея демократической республики была сразу выдвинута, как ответ на манифест 17 октября. Это документируется не только резолюциями Совета, но и бесчисленными резолюциями заводов и фабрик, внесенными в Совет, арестованными в его архиве и приобщенными к делу. Надеюсь, вы не думаете, что мы станем выводить на суде республику из манифеста 17 октября. Соответственное место вашего письма мы считаем недоразумением, которое будет устранено тем, что вы возьмете ваше письмо обратно. Но соответственное место вашей прокламации мы считаем *грубой политической ошибкой* (в этом, думаю, согласится со мной большинство товарищей, если не все). Если бы вы стали настаивать на этой позиции, вы, может быть, внесли бы некоторое разложение в нашу среду, смутили бы несколько человек, повредили бы

политическим результатам процесса, — но и только. Так как не такова ваша цель, то мы предлагаем вам взять обратно это предложение и не повторять его ни в прокламациях, ни в статьях.

2. Вы предлагаете нам «отвергнуть обвинение в технической подготовке вооруженного восстания, не отрицая того, что СРД способствовал вооружению рабочих масс, по их требованию, для борьбы с черносотенцами».

Мы все отвергаем обвинение в технической подготовке восстания. Но как же быть с политической подготовкой восстания? Почему вы об этом умалчиваете? Ведь вы сами, очевидно, отличаете техническую подготовку от какой-то другой. Или вы рекомендуете нам стать на точку зрения прокуратуры и признать, что раз не было технической подготовки восстания, то значит и никакой подготовки не было? Впрочем, и прокуратура не стоит вполне на этой точке зрения. И она понимает, что агитация в массах, приводящая их к сознанию неизбежности и необходимости восстания, есть подготовка вооруженного восстания. А соответственная агитация в армии именем Совета, прокламации к войскам, Советом изданные?

Мы все стоим на той точке зрения, что 1) Совет, руководя борьбой масс, приводил их *на почве этой борьбы* к сознанию неизбежности восстания, и что 2) Совет, организуя массы на почве борьбы за восьмичасовой рабочий день и пр. и пр. и пропитывая их идеей неизбежности вооруженного восстания, тем самым подготовлял организационную базу этого будущего восстания. Вокруг этих мыслей группируется много оттенков, разные товарищи будут разно формулировать эти выводы,—но *никто* из нас не думает, что, отвергнув обвинение в технической подготовке восстания, мы, тем самым, упраздняем самый вопрос о восстании.

3. Вы рекомендуете нам признать, что в качестве отдельных членов Совета — социал-демократов, мы *постоянно подчеркивали в своих речах* неизбежность вооруженного восстания. Только в речах? Только как отдельные члены? А *резолюции*, вносившиеся Федеративным Комитетом РСДРП? А речи и заявления официальных представителей партии, запротоколированные в официальных документах Совета и составляющие материал обвинения? Делая ваше предложение, вы, очевидно, забыли сопоставить его с семью №№ «Извест. Сов. Раб. Деп.». Выше я уже сказал, что резолюции самого Совета, фабрик и заводов ничем не отличались от резолюций, вносившихся от имени партии.

4. Что касается выяснения роли каждого из нас в отдельности, то такое выяснение, по общему принципу, может иметь место постольку, поскольку оно выясняет политическую физиономию Совета или партии, — или опровергает нелепости и клеветы обвинительного акта. Определение этих пределов («постольку, поскольку») есть, конечно, дело политического смысла каждого из обвиняемых.

Вот и все по существу ваших предложений и советов.

Сегодня (14 июня) [340]) все обвиняемые кратко формулировали свое будущее поведение на суде: Мы получили прекрасный результат — полное единогласие. Это наше единогласие тем более важно, что мы не придем в противоречие с материалом «вещественных доказательств». Остается вопрос о показаниях свидетелей. У нас рождается опасение, что вы вашей постановкой вопроса, вашими резолюциями и прокламациями введете их в заблуждение, и на суде они станут в противоречие с нами и *с заявлениями их собственных заводов. Мы просим вас принять это во внимание и сделать все для избежания такого результата.* Надеемся, что по этому вопросу у вас с ПК установится совершенно единообразная тактика на основе солидарности с нами, которая есть ничто иное, как «солидарность» с действительной политической деятельностью Совета.

Во избежание недоразумений, считаю нужным прибавить, что все мы со всей энергией намерены подчеркивать: 1) что Совет был учреждением выборным, ответственным, отражавшим взгляды и настроения масс, 2) что деятельность его отнюдь не ограничивалась «подготовкой восстания», наоборот, что такой подготовки, как чего-то самостоятельного, оторванного от всей остальной борьбы пролетариата, не было, что идейно-организационная подготовка восстания была неизбежным выводом и результатом из борьбы рабочих масс (а значит и деятельности Совета) во всем ее объеме.

Я очень тороплюсь, так как хочу, чтобы и другие товарищи успели до прихода X. *) прочитать это заявление и присоединиться к нему, либо внести свои поправки [341]).

P. S. От имени нескольких товарищей я написал Петербургскому Комитету письмо, в котором указал общие основы нашего

*) Очевидно, адвокат, через которого письма шли на волю. *Ред.*

поведения на суде, как они наметились в наших совещаниях. Читали ли вы это письмо?

Подписи присоединившихся:

Хрусталев, Рубен-Петров [342]), Д. Сверчков-Введенский [343]), В. Звездин-Вайнштейн [344]), П. Злыднев [345]).

14 июня 1906 г.

Из архива т. Троцкого (рукопись).

ПАМЯТИ АРАМА ТЕР-МКРТЧЯНЦ

Арам Мкртчянц внесен сорок вторым в регистр обвинительного акта. Но в списке павших под топором самодержавного правосудия он должен быть записан первым из числа пятидесяти двух обвиняемых по делу Совета. 3 декабря они захватили его в собрании Совета; 22 июня они выпустили его на поруки до суда; 7 августа они убили его на одном из фортов своей крепости... Тело его они бросили в море.

Арам Мкртчянц, член партии социалистов-революционеров, не был членом Совета. Он пришел на его собрание посетителем, как приходили десятки других лиц, он был арестован случайно, как арестовываются тысячи других лиц... Но они не освободили его. Потому ли, что из его глаз на них слишком ясно глядел беспощадно-ненавидящий враг, потому ли, что им нужен был еще один «инородец» для их полицейской картины Совета, — они держали его полгода в тюрьме, без каких бы то ни было улик, без малейшего юридического основания, и затем поместили его сорок вторым в списке обвинительного акта.

Революционный социалист, Арам Мкртчянц вполне сознательно готов был разделить с нами перед каким-угодно трибуналом *политическую* и *нравственную* ответственность за деятельность Совета, и он настойчиво просил товарищей по процессу разрешить ему разделить с ними *юридическую* ответственность пред лицом суда.

Участников Совета политически соединяла с Мкртчянцем не случайность полицейского произвола, но единство революционного дела, тем не менее они сочли себя не вправе, хотя бы только номинально, ввести Мкртчянца в число членов *выборной* организации. Тогда он решил ограничиться на суде торжественным провозглашением своей солидарности с Советом во всем объеме его революционной работы.

Ему не довелось, однако, прибегнуть к этой манифестации. Судьба слишком скоро доставила ему случай в более прямой форме проявить свою беззаветную преданность делу революции.

Он принял участие в кронштадтском восстании, он был взят в плен после победы слепой солдатчины, он был судим судом военных мстителей, он был приговорен к смерти, ибо в распоряжении его судей не было более тяжкой кары, он был лишен прощального свидания с отцом, он был расстрелян на валу крепости. И тело его они бросили в море.

Случайный участник нашего процесса, но не случайный участник суровой борьбы, сорок второй в регистре судебной расправы, он оказался первым вырезан из регистра живых, — и в этом сборнике — имени и памяти его первое слово!

«История Сов. Раб. Деп.» [346]
Петербург. 1906 г., изд. Н. Глаголева, стр. 5.

К ОПРОВЕРЖЕНИЮ ГР. ВИТТЕ [347]

(Письмо в редакцию)

(4 ноября)

2 ноября, в день объявления в окончательной форме приговора по делу «Совета Рабочих Депутатов», в «Новом Времени» появилось «письмо» графа Витте по вопросу об отношениях между Советом и бывшим главой октябрьского министерства. Письмо это не только касается нас, бывших членов Совета, лично, но имеет и несомненный общественный интерес. Мы считаем поэтому необходимым дать по поводу письма графа Витте нижеследующие разъяснения:

Граф Витте пишет: «В мое отсутствие (нужно, повидимому, понимать: в мое пребывание за границей) рассматривалось в суде дело о Совете Рабочих Депутатов. Подсудимые и свидетели в видах защиты ссылались на меня, причем приводили сведения, иногда неточные, а в некоторых случаях *вымышленные*». (Курсив наш.)

Граф Витте, таким образом, не только отвергает правильность приводившихся нами сведений, но и обвиняет нас в сознательном «вымысле» — «в видах защиты». Мы стоим с ним на слишком разных плоскостях морали, чтобы чувствовать себя оскор-

бленными этим обвинением. Мы слишком отчетливо сознаем отличие нашей и графа Витте политической природы, чтобы счесть для себя допустимым выяснять бывшему премьеру те причины, которые делают для нас, представителей пролетариата, обязательным во всей нашей политической деятельности говорить правду. Но мы считаем вполне уместным сослаться здесь на речь г. прокурора. Профессиональный обвинитель, чиновник враждебного нам правительства, признал, что мы своими заявлениями и речами дали ему «без боя» материал обвинения — *обвинения*, а не защиты — и назвал перед лицом суда наши показания *правдивыми и искренними*.

Правдивость и искренность — это качества, которых не только политические враги, но и профессиональные хвалители никогда не приписывали графу Витте.

В чем же собственно состояли неточные и вымышленные сведения, данные на суде? В опровержение их граф Витте считает себя «вынужденным», прежде всего, заявить: «Организация Совета Рабочих Депутатов и всех других союзов, имевших революционные цели, равно как устройство ими всех забастовок и доведения (?) рабочих масс до высшей революционной экзальтации — совершилось (?) до 18 октября, когда я не стоял непосредственно у власти и, главным образом, — когда я находился в Америке».

Мы не знаем, какие наши показания должны быть опровергнуты этими строками. Мы установили на суде, что Совет организовался 13 октября. Мы считаем достаточно известным, что граф Витте стал у власти 18 октября. Мы, совместно со свидетелями, выяснили, — и это признал г. прокурор в своей речи, — что то настроение, которое граф Витте называет революционной экзальтацией, пропитывало массы задолго до возникновения Совета. Ведь это именно то, что, повидимому, нужно графу Витте. Наконец, в наших объяснениях мы не ставили ни в какую связь революционное развитие многомиллионного класса с такими — смеем сказать — исторически ничтожными обстоятельствами, как пребывание господина Витте в Америке, его передвижение в Бьёрке и, наконец, его вступление на пост премьера. В частности, мы не ставили ни в какую зависимость от планов и намерений графа Витте развитие октябрьской железнодорожной забастовки, сыгравшей решающую роль, хотя граф в своей борьбе за власть явно и открыто спекулировал на развитии «смуты» и, принимая

11 октября руководителей железнодорожной стачки, называл их «лучшими силами страны». Это, разумеется, не помешало ему в декабре расстреливать их без суда.

Далее граф Витте говорит: «Носаря-Хрусталева я в жизни не знал, никогда его не видал и не имел никакого желания его видеть». Никто из подсудимых или свидетелей и не говорил, — ни «в видах защиты», ни в других видах, — что граф Витте знал когда-либо в жизни Хрусталева, находился с ним в сношениях или хотя бы только видел его. Правда, один свидетель из среды либерального общества упомянул с чужих слов о выраженном будто бы графом Витте желании познакомиться с тогдашним председателем Совета Рабочих Депутатов. Но никто из нас, подсудимых, не придал этому сообщению никакого значения и не упомянул о нем в ходе процесса ни одним словом. Что же опровергает граф Витте?

«Совет Рабочих, — пишет граф в четвертом пункте своего опровержения, — был арестован и предан в руки правосудия, когда я был председателем совета министров, и тогда, когда правительством по совокупности обстоятельств, которые в то время переживал город Петербург, это было признано своевременным». Что Совет Рабочих Депутатов был «предан в руки правосудия», как выражается граф Витте, в то время, когда автор «письма» был председателем совета министров, этого факта мы не имели ни причины, ни возможности опровергать. День ареста — 3 декабря 1905 года — был достаточно хорошо известен суду. Равным образом, мы не только не отрицали, что правительство арестовало нас лишь тогда, когда признало это «своевременным», но, наоборот, настойчиво доказывали на суде, что власть, знавшая о Совете с самого его возникновения и считавшая в течение почти двух месяцев несвоевременным предавать его в так называемые руки правосудия, сделала это лишь по исследовании «совокупности обстоятельств», имевших для ее борьбы за существование крайне важное *политическое* значение, но не имевших никакого отношения к вопросам *уголовного права*. Это значит, что власть не судила нас, — она боролась с нами на равных правах.

«Что касается вопроса, — говорит далее «письмо», — правильно ли тогда действовало правительство или нет, то этот вопрос может быть обсужден беспристрастно впоследствии, когда улягутся страсти и выяснятся все обстоятельства». Но ведь это опять-таки не опровержение, а подтверждение нашей основной

точки зрения. В двух словах она сводится к тому, что борьба между Советом и официальной властью не есть вопрос права, что тут нет места суду, если не считать суда истории, что тот суд, который судил нас, был органом одной из заинтересованных сторон. Граф Витте говорит, что самый вопрос о том, правильно или неправильно поступило правительство, арестовав и предав нас «в руки правосудия», может быть беспристрастно решен лишь впоследствии, когда улягутся страсти. Таким образом, граф Витте отказывает тому суду, который над нами состоялся, в праве считаться судом беспристрастным. Большего мы, разумеется, не можем требовать от главы правительства, предавшего нас в руки этого суда.

Теперь приведем пропущенный нами третий пункт «письма», наиболее важный с фактической стороны и единственный, из четырех, опровергающий, а не подтверждающий наши объяснения на суде.

Граф Витте категорически заявляет, что «с Советом Рабочих никогда ни в каких сношениях, ни официальных, ни частных, не находился». На суде мы, действительно, говорили, что граф Витте дважды принимал официальную депутацию Совета, что он, по ее настоянию, распорядился о немедленном освобождении трех арестованных членов Совета, что он дал второй депутации письмо к градоначальнику. Граф Витте кратко и определенно говорит: «я не имел ни официальных, ни частных сношений с Советом». Что мы можем сказать по этому поводу? Немногое.

Мы, бывшие члены Совета Рабочих Депутатов, ныне приговоренные правительственным судом к лишению всех прав состояния, торжественно заявляем перед лицом страны: *граф Витте говорит неправду*.

Мы не знаем, говорит ли он это «в видах защиты», —но он отрицает то, что было, и говорит неправду.

Собрание в несколько сот человек постановляет отправить депутацию к графу Витте, чтобы настоять на освобождении арестованных членов Совета. Депутация эта из трех лиц возвращается в то же заседание и делает подробный доклад. Вскоре возвращаются и члены Совета, освобожденные по распоряжению графа Витте. Все время ведется протокол. Черновые записи этого протокола, в качестве вещественного доказательства, оглашаются на суде. Во второй раз депутация отправляется к графу по поводу устройства траурного шествия с заявлением: «Совет Рабочих

Депутатов устраивает похороны убитых товарищей, за порядком наблюдает сам Совет, войска и полиция должны быть убраны с пути». Граф Витте в присутствии депутации ведет переговоры по телефону с генералом Треповым, затем дает депутатам на руки письмо к градоначальнику. Исполнительный Комитет постановляет не вступать в переговоры с градоначальником и, не распечатывая письма, возвращает его гр. Витте *). Все это видно из черновых протоколов Совета. Все это оповещалось своевременно в газетах. Члены депутации находятся сейчас среди нас, подписавшихся под этим письмом. Мы не знаем, как еще можно доказать факты, которые граф Витте имеет смелость отрицать.

В бытность свою премьером граф Витте очень часто опровергал «неточные» сообщения на свой счет, но он ни разу не выступил с опровержением газетных сообщений об его сношениях с Советом. Наконец, об этих сношениях определенно говорит обвинительный акт по нашему делу. Граф Витте должен был, в интересах правосудия, выступить с опровержением прежде, чем процесс начался. Но граф Витте предпочел выждать, когда процесс закончился. Это его дело. Мы же, со своей стороны, выражаем свою глубокую уверенность в том, что, если бы описанные выше факты и не могли быть установлены с такой несомненностью, с какой они были установлены на суде, нам было бы достаточно теперь противопоставить наше утверждение утверждению графа Витте, — и нам поверили бы не только те массы, которые знают нас и сочувствуют нам, но и те единицы, которые стоят за графом Витте и которые знают его...

Каковы бы ни были цели и мотивы опровержения графа Витте, каким бы неосторожным оно ни казалось, оно появилось очень своевременно, как последний удар кисти, чтобы вполне дорисовать облик правительственной власти, лицом к лицу с которой стоял Совет в те дни. Мы позволим себе остановиться на этом облике в нескольких словах.

Граф Витте подчеркивает тот факт, что именно он передал нас в руки правосудия. Дата этой исторической заслуги, как мы уже сказали выше, 3 декабря 1905 г. После того мы прошли через руки охранного отделения, затем через руки жандармского управления и далее предстали пред лицом суда.

*) Подробное изложение всех этих эпизодов имеется в истории Совета, а также в стенографическом отчете о процессе. Книги эти в ближайшем будущем выйдут в свет.

На суде фигурировали, в качестве свидетелей, два чиновника охранного отделения. На вопрос, не готовился ли в Петербурге погром осенью прошлого года, они самым решительным образом ответили: нет, и заявили, что не видали ни одного листка, призывавшего к погромам. А, между тем, бывший директор департамента полиции, действительный статский советник Лопухин [348]), свидетельствует, что погромные прокламации печатались в то время именно в охранном отделении. Таков первый этап правосудия, которому передал нас граф Витте.

Далее, на суде фигурировали жандармские офицеры, ведшие дознание по делу Совета. По их собственным словам, первоисточником их расследования по вопросу о расхищении депутатами денежных сумм, послужили анонимные черносотенные листки. Г. прокурор назвал эти листки лживыми и клеветническими. И что же? Действительный статский советник Лопухин свидетельствует, что эти лживые и клеветнические листки печатались в том самом жандармском управлении, которое вело дознание по делу Совета.

Таков второй этап на пути правосудия.

Когда мы, через 10 месяцев, оказались перед лицом суда, этот последний позволил нам выяснить все то, что в основных чертах было известно и до суда; но как только мы сделали попытку доказать, что пред нами в то время не было никакой правительственной власти, что наиболее активные органы ее превратились в контр-революционные сообщества, попиравшие не только писанные законы, но и все законы человеческой морали, что наиболее доверенные элементы правительственного персонала составляли централизованную организацию всероссийских погромов, что Совет Рабочих Депутатов по существу выполнял задачи национальной обороны, — когда с этой целью мы потребовали приобщения к делу ставшего, благодаря нашему процессу, известным письма Лопухина и, главное, допроса самого Лопухина, в качестве свидетеля, суд, не стесняясь соображениями права, властной рукой закрыл нам уста. Таков третий этап правосудия.

И, наконец, когда дело доведено до конца, когда приговор произнесен, выступает граф Витте и делает попытку очернить своих политических врагов, которых он, повидимому, считает окончательно поверженными. С такой же решительностью, с какою чиновники охранного отделения уверяли, что не видали ни

одного погромного листка, граф Витте утверждает, что не имел никаких сношений с Советом Рабочих Депутатов. С такой же решительностью и с такой же правдивостью!

Мы спокойно оглядываемся на эти четыре ступени официального суда над нами. Представители власти лишили нас «всех прав» и отправляют нас в ссылку. Но они не могут, они бессильны лишить нас права на доверие пролетариата и всех честных сограждан. По нашему делу, как и по всем другим вопросам нашего национального бытия, последнее слово скажет народ. С полным доверием мы апеллируем к его совести.

Петр Злыднев, Михаил Киселевич [349]), Николай Немцев [350]) (члены депутации, бывшей у графа Витте), Н. Авксентьев [351]), Вайнштейн-Звездин, Голынский [352]), Зборовский, Кнуньянц-Радин, Э. Комар [353]), Сверчков-Введенский, Симановский [354]), Стогов [355]), Л. Троцкий, А. Фейт [356]), Хрусталев, Шанявский [357]).

4 ноября 1906 г.

«Товарищ» [358]) *№ 106,*
5 (18) ноября 1905 г.

ИТОГИ СУДА НАД СОВЕТОМ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Совет Рабочих Депутатов существовал около двух месяцев. Шесть месяцев жандармы вели дознание по делу Совета. Три месяца налаживалась Судебная Палата, прежде чем начать процесс. Целый месяц судила она рабочих депутатов Петербурга. Ныне все закончилось. Мятежные замыслы пролетариата покараны. Восторжествовала «законность» — или прокурор Судебной Палаты Камышанский [359]), — а это, как известно, одно и то же.

Мы не будем говорить о приговоре [360]). Что такое лишение прав и ссылка на поселение шестнадцати душ в наше время столыпинского либерализма и военно-полевых разбоев! Что такое та или другая судебная ошибка, в результате которой на «вечное» поселение отправилась лишняя пара лиц, не причастных к Совету, когда вокруг нас сплошь да рядом по ошибке совершаются смертные казни!

Мы хотим говорить не о приговоре, а о самом судебном процессе, который представлял несомненно огромный интерес. Это была прекрасная демонстрация политической сознательности и нравственной доблести петербургских рабочих.

Раскрывая судебные двери, власть, повидимому, надеялась, что те десятки и сотни свидетелей, которые пройдут пред судом, не посмеют говорить полным голосом, — ибо за стенами суда их ждет дикий полицейский террор. Власть надеялась, что свидетели-рабочие в судебной зале, охваченной полицейским кольцом, отрекутся от политической солидарности с Советом, как Петр отрекся от Христа, — и прокуратуре нетрудно будет представить «подсудимых» чуждыми массе людьми, лелеявшими безумные планы. На этой мысли был построен обвинительный акт, который подменил петербургский пролетариат Советом, а Совет — Исполнительным Комитетом. Но случилось то, чего не ожидала прокуратура. В старое здание суда, окруженное солдатами, полицейскими, жандармами и священниками, рабочие принесли с собой то, что составляет их силу: политическое мужество и — правду.

Под угрозой быть выброшенными из завода на мостовую, под опасностью быть высланными из столицы, свидетели-рабочие говорили суду:

— Вы судите их, наших товарищей? Вы вызвали нас свидетелями? Мы протестуем против такого разделения. Наше место не здесь, у свидетельского барьера, — наше место там, на скамье подсудимых, вместе с ними! Вы судите их за то, что они боролись против векового произвола? Мы боролись вместе с ними! Они добивались Учредительного Собрания? Мы добивались его вместе с ними! Они написали на своем знамени: демократическая республика? Но таково и наше знамя! Они вооружались? И мы вооружались! Судите же нас, — мы все имеем на это право!

Один за другим эти свидетели характеризовали деятельность Совета и настроение рабочих масс. Они говорили;

— Вы думаете, господа судьи, что вся сила была в Совете? Это — предрассудок. Если вы хотите найти истинного виновника октябрьских, ноябрьских и декабрьских событий, — ступайте на фабрики, на заводы, в мастерские, ступайте в рабочие кварталы. Вы там увидите пролетарские массы, стиснутые фабричными и полицейскими тисками, но готовые бороться до конца. Вы поймете тогда, как и почему возник Совет, и вам станет ясно, что иначе действовать, чем он действовал, он не мог. Вы говорите, что Совет восставал против существующего строя? Да, это так. Но почему? Потому что весь пролетариат не мирится с вашим строем, — он задыхается в нем и потому восстает против него.

— Вы говорите, что Совет нарушает законы. Какие законы имеете вы в виду? Манифест 17 октября? Но кто создал этот манифест? Мы, пролетариат! Если б не было октябрьской стачки, не было бы манифеста, господа судьи. Посредством нарушения ваших законов мы, рабочие, создали этот манифест. Никто в этом не сомневался, это всем было ясно. Доверяли ли мы манифесту? Нет! Мы слишком много испытали, господа судьи, чтоб доверять обещаниям правительства. Манифест говорил о свободе слова, собраний и союзов. Но кто на деле осуществлял эти свободы? Правительственная власть? Нет, тот самый Совет Рабочих Депутатов, который вы судите по вашим полицейским законам. По его настоянию и благодаря энергии Союза Рабочих Печатного Дела, газеты и книги стали выходить без всякой цензуры. Под его охраной устраивались свободные народные собрания. По его требованию выпускали арестованных из полицейских участков. Совет, господа судьи, был истинным защитником права и законности, как их понимает народ. Когда правительство оправилось после октябрьского поражения, оно свою ненависть устремило прежде всего на Совет. Он был главным препятствием на пути кровавореакционных замыслов старой власти. Только снеся Совет, правительственные заговорщики утопили в крови декабрьского погрома свободу слова, свободу собраний и свободу печати.

— Вы обвиняете Совет в подготовлении масс к вооруженному восстанию? Мы вам заявляем, господа судьи, что больше всего толкало и толкает рабочих на путь восстания то самое правительство, которое вы защищаете. 9 января мы просили — в нас стреляли. В комиссии Шидловского мы требовали — наших депутатов заключали в тюрьмы. В октябре мы поднялись все, как один человек, и прекратили работы — правительство зашаталось, отступило и сделало уступки. Только под влиянием народной силы власть признала часть народных требований. Только народная сила может обеспечить народное право, господа судьи! Вот вывод, который мы, пролетарии, сделали из всего опыта наших страданий и нашей борьбы. Этого вывода у нас уже не отнимет никакая сила в мире.

— Наряду с этим, — так говорили свидетели-рабочие, — мы из опыта октябрьской стачки сделали и другой вывод. Мы увидели, что одной забастовки недостаточно для освобождения народа. Забастовка может временно устранить правительство

и расстроить его ряды, но она неспособна с корнем вырвать старый порядок.

— Помните ли вы, что произошло после издания манифеста и прекращения октябрьской стачки, господа судьи? В целом ряде городов открылись погромы, в организации которых деятельное участие принимали полицейские чины и вообще агенты правительственной власти. Всюду открыто создавались черносотенные шайки. Они вооружались полицией и натравлялись на «инородцев», на передовых рабочих и на интеллигенцию. Бесчисленное множество листков призывало к убийствам и поджогам. В казармах велась самая кровожадная проповедь наемными агитаторами реакции. Всякому, у кого глаза были открыты, было видно, что правительство организует контр-революцию, что оно готовит нападение на безоружный народ, чтоб отнять у него все, что он завоевал в октябре. Под натиском этого черного террора рабочие массы охватываются одной мыслью: нужно оружие! Народ должен защититься против предательского удара в спину, который готовится ему нанести преступная реакция. Господа судьи! Когда жизни, чести и неприкосновенности граждан угрожает опасность, тогда рабочие выступают вперед. Так бывает всегда. Так было осенью и зимою прошлого года. Сознательный пролетариат ударил тревогу. «Бодрствуйте, граждане! — крикнул он. — Вооружайтесь на защиту ваших жен и ваших детей. Объединяйтесь, граждане, организуйтесь и примыкайте к нам, — ибо только всенародное восстание может освободить нашу родину от ужасов кровавой реакции!» Идея восстания охватила массы. Неизбежность открытого столкновения со старым порядком стала очевидна всем. Об этом говорилось на митингах и собраниях, в союзах, в газетах, на улицах и в домах. Мог ли об этом молчать Совет, который был точным выразителем чувств и настроений рабочей массы? И Совет сказал: «Восстание неизбежно, — к нему необходимо готовиться». Вы судите Совет? — судите же всю массу, которая его избрала и поддерживала!

Ясные и смелые показания свидетелей раскрыли политическую деятельность Совета. Пред судом прошла октябрьская стачка, похоронившая булыгинскую Думу; ноябрьская стачка, этот благородный и величественный протест петербургского пролетариата против военно-полевого суда над кронштадтскими матросами и против военного положения в Польше; затем борьба петербургских рабочих за восьмичасовой рабочий день, которая раз-

билась о соединенное сопротивление капитала и правительства, но которая на многих заводах привела к сокращению рабочего дня; наконец, почтово-телеграфная стачка, которую Совет так активно поддерживал. Протоколы заседаний Совета и Исполнительного Комитета раскрыли пред судом ту колоссальную будничную работу, какую совершал Совет, организуя помощь безработным, вмешиваясь в конфликты между рабочими и предпринимателями, руководя отдельными экономическими стачками. Но не эта сторона деятельности Совета интересовала суд. Председатель, руководивший допросом, из всех показаний старался выловить только признаки подготовки к вооруженному восстанию с целью «ниспровержения существующего образа правления».

Опираясь на свидетельские показания, подсудимые говорили: «Господа судьи! Мы приняли участие в вашем суде не для того, чтобы оправдаться перед вами, а для того, чтобы отдать отчет в нашей деятельности нашим избирателям. Наша цель выяснить правду. Черносотенная печать и жандармское следствие скопили вокруг Совета горы лжи и клевет. Выпускались листки, в которых депутаты обвинялись в расхищении рабочих денег. Жандармский генерал Иванов на основании этих листков, как он вам заявил, производил расследование по заводам. Черносотенная печать изо дня в день повторяла, будто Совет производил страшные насилия над рабочими, грабил типографии и вызвал к себе ненависть всего населения. И что же? Резолюции целого ряда фабрик и заводов, покрытые множеством подписей и доставленные вам свидетелями, ясно показывают, как петербургские рабочие относятся к своему Совету. Перед вами прошли писатели, инженеры, профессора, гласные думы, — и все они с глубоким уважением отзываются о Совете. Это означает, господа судьи, что если мы совершали преступления, с точки зрения вашего закона, то эти преступления находят полное оправдание в сознании народа. Целый народ не может быть преступен. Если же закон осуждает чувства, мысли и действия всего народа, значит преступен ваш закон. — Прокурор говорит вам, что мы вооружали массы для ниспровержения существующего образа правления? Но что такое этот образ правления? Погромы, поджоги, насилия, убийства. У нас давно уже нет образа правления, а есть автомат массовых убийств. Кишеневская кровавая баня, зверства в Томске, Твери, Курске, страшные погромы в Одессе, Гомеле, Белостоке, Седлеце — есть ли это образ правления Российской Империи? Если да, то в октя-

бре и ноябре мы вооружались для того, чтобы стереть с лица земли этот образ правления.

«Господа судьи! Вы может быть считаете недоказанным, что органы правительственной власти играли руководящую роль в подготовке и организации погромов? Что они подпольными путями сеяли ложь, клевету, человеконенавистничество и смуту? Для вас, может быть, недостаточно свидетельских показаний, которые вы здесь слышали? Может быть вы уже забыли те разоблачения, которые князь Урусов [361]), бывший товарищ министра внутренних дел, сделал в Государственной Думе? Может быть, вас убедил жандармский генерал Иванов [362]), который под присягой сказал вам здесь, что речи о погромах были одним только предлогом для вооружения масс? Может быть, вы поверили свидетелю Статковскому, чиновнику охранного отделения, который под присягой показал, что он в Петербурге не видал ни одной погромной прокламации, который заявил вам, что опасения погромов — «чистый вздор»? Может быть, вы склонны поверить ему? Но в нашем распоряжении, господа судьи, есть документ, который рассеет все ваши сомнения.

«Смотрите! Вот засвидетельствованная копия письма бывшего директора департамента полиции Лопухина к министру внутренних дел Столыпину. Кто может лучше знать, что такое полиция и жандармерия, чем бывший директор полиции? И вот, на основании расследований, произведенных им специально по поручению графа Витте, генерал Лопухин удостоверяет: 1) что прокламации, обвинявшие Совет в расхищении рабочих денег, печатались в том самом жандармском управлении, в котором служит генерал Иванов; 2) что погромные прокламации, которых якобы никогда не видал свидетель Статковский, печатались в типографии того самого охранного отделения, чиновником которого Статковский состоит; 3) что эти прокламации развозились агентами охранного отделения и членами монархических партий по всей России; 4) что между охранным отделением, полицией и черносотенными шайками существовала самая тесная связь; 5) что вся эта разбойничья организация действовала вполне безнаказанно, совершая ужасающие преступления; 6) что во главе этой организации стоял генерал Трепов, который, будучи дворцовым комендантом, пользовался громадной властью, лично докладывал царю о деятельности полиции и, помимо всех министров, располагал государственными деньгами для развития своей

погромно-патриотической деятельности. Господа судьи! Вот копия письма, под которой имеется подпись самого Лопухина. Мы требуем, чтоб этот драгоценный документ был целиком прочтен здесь, в суде. Мы требуем, кроме того, чтобы действительный статский советник Лопухин был вызван сюда, в качестве свидетеля. Его показания имеют решающее значение для нашего дела. Они выяснят здесь пред вами и пред лицом всего мира, что такое тот священный образ правления, против которого вооружался и вооружается российский пролетариат».

Так говорили подсудимые и их защитники.

Заявление подсудимых разразилось, как удар грома над головой суда. Судебное следствие уже заканчивалось, — и вдруг новый, колоссальный факт! Председатель чувствовал себя уже у пристани, — и вдруг оказался снова отброшенным в открытое море. Письмо Лопухина раскрывало гнойные язвы правительства. Но кто знает, каковы еще будут словесные показания Лопухина? Кто знает, какие еще разоблачения сделает бывший шеф полиции, повернувшийся к правительству спиной? Кто знает, какие имена он назовет? Ведь уже и в своем письме Лопухин указывает на то, что глава погромщиков, Трепов, делал непосредственные доклады царю... Трудно ли догадаться, какого характера были эти доклады? Ведь подсудимые и защитники будут задавать свидетелю десятки вопросов, — и из его ответов может выясниться, что всем тем, которые охраняют «образ правления Российской Империи» и которые стоят во главе его, настоящее место на каторжных работах. Суд с ужасом отступил перед возможностью таких разоблачений. После продолжительных обсуждений он отказал подсудимым в принятии письма и в вызове Лопухина свидетелем. В своей резолюции суд указал, что хотя письмо Лопухина и имеет крупное общественное значение, но оно совершенно не касается процесса Совета Депутатов. Это была явная, открытая и циничная ложь!

Совет Депутатов обвиняется в вооружении рабочих с непосредственной целью произвести восстание. Десятки свидетелей, рабочих и интеллигентов, заявляют, что в октябре и ноябре прошлого года рабочие вооружались с целью отразить угрожавший столице погром. Пред судом выступает агент охранного отделения и говорит, что толки о погроме — выдумка и вздор. На-ряду с ним жандармский генерал, который вел все следствие, заявляет, что самооборона — только предлог, только прикрытие подготовки

восстания. Подсудимые представляют суду несомненные доказательства того, что погром — не вздор и не предлог, что он действительно подготовлялся, — и не какими-нибудь ничтожными шайками, а правительственными властями. И суд отвечает: это не относится к делу! Это было слишком позорно — даже для опозоренного в конец суда!

Подсудимые сказали: «Довольно, — нам здесь, в этом здании, нечего больше делать. Мы сами и наши свидетели раскрыли всю правду о Совете, ничего не скрыли, ни о чем не умолчали. Да нам и нечего скрывать. Мы действовали на глазах всего народа. Мы готовы в каждом нашем шаге отдать полный отчет пред лицом народа. И мы беремся доказать, что каждый наш шаг вызывался необходимостью. Мы беремся доказать, что нападало правительство, что мы оборонялись. Мы беремся доказать, что если мы призывали народ вооружаться, так это потому, что власти в подполье точили ножи, готовясь отомстить народу за свое октябрьское поражение. Мы хотим выяснить правду, всю правду и только правду. Суд мешает нам. Мы требовали с самого начала, чтобы в качестве свидетелей были вызваны Витте, Дурново и Дедюлин, — нам отказали. Теперь мы требуем вызова Лопухина — нам снова отказывают. Сначала нам ставили препятствия, — теперь перед нами поставили стену. Нам, подсудимым, нечего больше делать в этой зале. Пусть нас удалят в наши одиночные камеры!».

Подсудимые были удалены. Одновременно с ними удалились из суда их защитники. В отсутствие подсудимых прокурор произнес свою обвинительную речь; в отсутствие подсудимых палата вынесла свой приговор.

Процесс Совета Рабочих Депутатов закончен. «Преступное сообщество» изобличено и понесло должную кару. Казалось бы, правительство может торжествовать. Но нет, оно не торжествует. В этой месячной тяжбе между представителями рабочих и чиновниками нравственная и политическая победа осталась на стороне революционного пролетариата. И это очевидно самому правительству.

Два мира столкнулись на суде. С одной стороны — свидетели-рабочие, которые сплошь отказывались от присяги, чтобы тем не менее мужественно и честно сказать правду о Совете. С другой стороны — свидетели-жандармы, полковники и генералы, которые торжественно принимали присягу, чтобы нагло лгать

пред лицом суда. С одной стороны — подсудимые, которые заботились только о том, чтобы отдать пред судом народа правдивый и полный отчет в своей двухмесячной борьбе. С другой стороны — судьи, которые заграждали уста правде, ибо правда была невыгодна их хозяевам. На суде снова развернулась деятельность революционного рабочего парламента, который стоял на страже народных прав, — и на том же суде удалось поднять уголок завесы над разбойничьей деятельностью правительства. Мужество и бескорыстие — на стороне пролетариата: трусливая, кровожадная подлость — на стороне его врага.

Правительство как бы нарочно устроило суд над Советом накануне выборов в Государственную Думу. Этот суд явственно говорит всем, кто имеет уши, чтобы слышать:

Перед вами две стороны.

Вот — революция, борющаяся за свободу и счастье народа! Вот — погромщики, охраняющие самодержавный порядок!

Вот — пролетариат, руководимый социал-демократией! Вот — черная сотня, руководимая правительством!

С одной стороны — борьба, мужество, правда, свобода...

С другой — коварство, низость, клевета, рабство...

Граждане, выбирайте!

Изд. типограф. Иванова,
Казань 1917 г.

ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО СОВ. РАБ. ДЕП. К ПЕТЕРБУРГСКОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ

Пересыльная тюрьма.

Мы, осужденные по делу Совета Рабочих Депутатов, накануне отправки на место ссылки, шлем братский привет петербургскому пролетариату.

Товарищи-рабочие! Нравственная связь между вами и нами не порывалась во все время нашего тюремного заключения. Вы нашли десятки способов проявить свою политическую солидарность с нами.

Вы открыто протестовали против ареста Совета, как против насилия над волей рабочего класса.

Вы требовали суда над всеми вами, когда правительство чинило расправу над нами, вашими представителями.

Десятки свидетелей-рабочих бросили мужественное обвинение в лицо нашим судьям и той государственной власти, которая стояла за их спиной. Суду были доставлены вами резолюции, которые десятками тысяч подписей удостоверяли, что мы, подсудимые, были только выразителями вашей воли, ваших нужд, ваших стремлений.

Наконец, во все время заключения, как и теперь, в дни нашей высылки, вы оказывали и оказываете нам материальную поддержку, как братья — братьям.

Примите же сердечную благодарность товарищей по оружию, временно вырванных из ваших рядов.

Уезжаем с глубокой верой в скорую победу народа над его вековыми врагами.

Да здравствует пролетариат! Да здравствует международный социализм!

Н. Авксентьев, Вайнштейн-Звездин, И. Голынский, П. Злыднев, М. Киселевич, Б. Кнуньянц-Радин, Э. Комар, Н. Немцов, Сверчков-Введенский, А. Симановский, Стогов, Л. Троцкий, А. Фейт, Г. Хрусталев-Носарь.

5 января 1907 г.

Приложения

Приложение № 1

Петиция петербургских рабочих 9 января 1905 г.

Государь! Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просим, мы желаем только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали, — нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон. Незаконными также оказались наши просьбы: уменьшить число рабочих часов до 8-ми в день, устанавливать цены на нашу работу вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией заводов, увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до одного рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорблений, устроить мастерские так, чтобы в них можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Все оказалось, по мнению наших хозяев и фабрично-заводской администрации, противозаконно, всякая наша просьба —

преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для них.

Государь! Нас здесь многие тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, — в действительности же за нами, как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили с помощью твоих чиновников и при их содействии. Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, — за доброе сердце и отзывчивую душу. Пожалеть забитого, бесправного, замученного человека, — значит совершить тяжкое преступление. Весь народ рабочий и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей, совершенно не только не заботящегося об интересах народа, но попирающего эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят. Народ лишен возможности выражать свои желания, требования, участвовать в установлении налогов и расходовании их. Рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов.

Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь. И разве можно жить при таких законах. Не лучше ли умереть, — умереть всем нам, трудящимся людям всей России. Пусть живут и наслаждаются капиталисты — эксплоататоры рабочего класса и чиновники-казнокрады и грабители русского народа.

Вот что стоит перед нами, государь, и это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева, внима-

тельно на наши просьбы: они направлены не ко злу, а к добру как для нас, так и для тебя, государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собою. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Пусть тут будут и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель, — пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей. Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, для этого повели, чтобы выборы в Учредительное Собрание происходили при условии и всеобщей, и тайной, и равной подачи голосов.

Это самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для наших больных ран, без которого эти раны будут сочиться и быстро двигать нас к смерти. Но одна мера все же не может залечить всех наших ран. Необходимы еще и другие, и мы прямо и открыто, как отцу, говорим тебе, государь, о них от лица всего трудящегося класса России. Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа.

1) Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и крестьянские беспорядки.

2) Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

3) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

4) Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.

5) Равенство перед законом всех без исключения.

6) Отделение церкви от государства.

II. Меры против нищеты народной.

1) Отмена косвенных налогов и замена их прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

3) Исполнение заказов военного и морского министерства должно быть в России, а не за границей.

4) Прекращение войны по воле народа.

III. Меры против гнета капитала над трудом.

1) Отмена института фабричных инспекторов.

2) Учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих. Увольнение рабочего не может состояться иначе, как с постановления этой комиссии.

3) Свобода потребительно-производительных профессиональных рабочих союзов — немедленно.

4) 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

5) Свобода борьбы труда с капиталом — немедленно.

6) Нормальная заработная плата — немедленно.

7) Непременное участие представителей рабочих в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих — немедленно.

Вот, государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе. Лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для защиты своих интересов от наглой эксплоатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства.

Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена. А не повелишь, не отзовешься на наши мольбы, — мы умрем здесь на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше итти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу... Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы. Мы охотно приносим ее.

Приложение № 2

Письмо Г. Гапона к рабочим

Родные! Братья товарищи-рабочие!

Мы мирно шли 9 января к царю за правдой, мы предупредили об этом его опричников-министров, просили убрать войска, не мешать нам итти к царю. Самому царю я послал 8 января письмо в Царское Село, просил его выйти к своему народу с благородным сердцем, с мужественной душой. Ценою собственной жизни мы гарантировали ему неприкосновенность его личности. И что же? Невинная кровь все-таки пролилась...

Зверь-царь, его чиновники, казнокрады и грабители русского народа, сознательно захотели быть и сделались убийцами наших братьев, жен и детей. Пули царских солдат, убивших за Нарвской заставой рабочих, несших царский портрет, прострелили этот портрет и убили нашу веру в царя.

Так отомстим же, братья, проклятому народом царю и всему его змеиному отродью, министрам, всем грабителям несчастной русской земли! Смерть им всем, вредите всем, кто чем и как может! Я призываю всех, кто искренно хочет помочь русскому народу свободно жить и дышать — на помощь! Всех интеллигентов, студентов, все революционные организации (социал-демократов, социалистов-революционеров) — всех! Кто не с народом, тот против народа!

Братья-товарищи, рабочие всей России! Вы не станете на работу, пока не добьетесь свободы. Пищу, чтобы накормить себя, и оружие разрешаю вам брать, где и как сможете. Бомбы, динамит, все разрешаю. Не грабьте только частных жилищ и лавок, где нет ни еды, ни оружия. Не грабьте бедняков, избегайте насилия над невинными. Лучше оставить девять сомнительных негодяев, чем уничтожить одного невинного. Стройте баррикады, громите царские дворцы и палаты! Уничтожайте ненавистную народу полицию!..

Солдатам и офицерам, убивающим невинных братьев, их жен и детей, всем угнетателям народа — мое пастырское проклятие! Солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, — мое благословение! Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь, разрешаю.

Дорогие товарищи-герои! Не падайте духом! Верьте, скоро добьемся свободы и правды: неповинно пролитая кровь тому порукой. Перепечатывайте, переписывайте все, кто может, и распространяйте между собой и по всей России это мое послание и завещание, зовущее всех угнетенных, обездоленных на Руси восстать на защиту своих прав. Если меня возьмут или расстреляют, продолжайте борьбу за свободу. Помните всегда данную мне вами — сотнями тысяч — клятву. Боритесь, пока не будет созвано учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, где будут избраны вами самими защитники ваших прав и интересов, выставленных в вашей петиции изменнику-царю.

Да здравствует грядущая свобода русского народа!

«Искра», № 85,
27 января 1905 г.

Священник *Георгий Гапон.*

9 января 1905 года. 12 часов ночи.

Приложение № 3

Воззвание Георгия Гапона к петербургским рабочим и ко всему российскому пролетариату

Славные, незабвенные путиловцы и вы все, милые, спаянные кровью товарищи-рабочие города Петербурга, словно грозное море, вы всколыхнулись и с редким единодушием за свои права, за народную свободу восстали. Вы бесправную бедную Русь к новой жизни призвали. Брызги-ручьи крови вашей в могучую революционную волну обратились. Начало великой, настоящей революции вы положили. Глаза всей России, всего мира вы на себя обратили, герои, буревестники грозного вооруженного восстания народа. Именем свободы, счастья отечества и кровью ваших братьев, ваших жен и детей-малолеток заклинаю вас — *не падайте духом*! Мужайтесь! На удочку и разные заигрывания убийцы-царя и его подлых шакалов-министров, с собачьей сворой чиновников и капиталистов — не поддавайтесь. Жизни и близкого счастья родины на чечевичную похлебку лицемерных уступок кровопийцы-царя не променяйте. Братней крови за тридцать сребренников не продайте. До конца славным вождем российского пролетариата в борьбе за угнетенный обездоленный народ останьтесь. Данной мне своей клятвы мести и свободы не преступайте. Полного удо-

влетворения требований своей петиции кровопийце-царю добейтесь, — тем своим братьям-героям, погибшим и пролившим свою кровь за вас — вечный и нерукотворный памятник создайте. Товарищи-рабочие Петербурга. *Хотите вы близкой победы* — так без различия партий, веры и национальностей объединитесь. Честной и отзывчивой молодежи — студентам и всем друзьям интеллигентам руку подайте. Людей дела на пользу народа привлекайте, болтунов избегайте. *Пропагандой и подготовкой (организацией) вооруженного восстания немедленно, не ожидая, сами займитесь.* Пусть голос ваш, подобно грозному рокоту волн бушующего моря, во всех концах этой вестью близкого восстания раздастся. Весь трудящийся люд и всех угнетенных и обездоленных на месть, защиту и свободу пусть он, могучий, будит. С солдатами и казаками по возможности в сношения и общение входите, на помощь себе и вам, ихним братьям, зовите. Шпионов, провокаторов, убеждающих итти на уступки, гоните. В случае предательства убивайте. Святейший Синод, божьей милостью смиренных митрополитов и епископов, прислуживающих убийцам, казнокрадам и грабителям русского народа, клевещущих и проклинающих меня и ваших братьев, проливающих кровь за народную свободу, презирайте. Попов, умеющих только обирать народ, а не служить ему, замазывающих только небесной паутиной ваши земные язвы, — не слушайте.

Организацией боевых рабочих дружин сами займитесь. Кто со смелым сердцем и мужественной душой — инициатором и атаманом да будет. Чтобы вооружиться — фонд мести и свободы по городам и районам создавайте. План своей мести изучайте. Негодяев, виновных в пролитии крови ваших братьев, по возможности, не смущаясь, уничтожайте. Самое главное — проклятому правительству, этой шайке разбойников и грабителей народных, — опомниться не давайте. Для этого: министров, градоначальников, губернаторов, исправников, городовых, полицейских стражников, жандармов и шпионов, генералов и офицеров, приказывающих в вас стрелять, — убивайте. Все меры к тому, чтобы настоящее оружие и динамит в большом количестве во-время у вас были — знайте, что приняты. Действительные и запасные солдаты всей России — на войну итти отказывайтесь: чем на полях чужой далекой Манчжурии за убийцу-царя, лучше на улицах городов и деревень за свободу и счастье свою кровь проливайте. По указанию боевого комитета мести, защиты и свободы народной, как один

человек, по всему лицу земли русской — восстаньте. Жизнь городов немедленно приостанавливайте. Для этого: водопроводы, газопроводы, телефоны, телеграфы, освещение, конки, трамваи, железные дороги — уничтожайте. Полицейские участки, дворцы и палаты градоначальства, правительственные учреждения — уничтожайте. Узников освобождайте, тюрьмы царские разрушайте. Частных жилищ и лиц только не трогайте. *Общий боевой план восстания у комитета вашего, мстителя и защитника, как можно скорее, выработан будет.* Свержение самодержавия, временное революционное правительство, немедленное освобождение всех борцов за политические и религиозные убеждения, немедленное вооружение всего народа и немедленный созыв Учредительного Собрания (с непременным участием представителей от рабочих) на основании всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права — ближайшая цель вооруженного восстания.

Товарищи-рабочие всей России! Сердцем, душой и кровью меня с вами судьба связала. С места, покрытого трупами, политого кровью, против моей воли вырвала. На отмщение за вас и на горячую работу в пользу вашу меня сохранила. Духом — а, когда наступит время, и телом — я всегда с вами, горе ваше — мое горе, счастье ваше — мое счастье. Верьте же мне — *близок час победы*. Час полного отмщения за все угнетение и унижение наступает. Больше — он уже наступил. Месть над змеиным царским отродьем (великий князь Сергей) героями социалистами-революционерами совершилась и, неуклонно усиливаясь, совершаться будет. Не посрами же себя, весь трудящийся рабочий люд. К делу же, русский угнетенный трудовой несчастный народ — рабочие, крестьяне, горожане — все. Терять нечего. Хуже уж быть не может. Возврата нет. Свобода во что бы то ни стало. Вперед же, в бой, товарищи-герои! Разобьем свои оковы рабства, разорвем паутину, в которой бьется готовый умереть бесправный русский народ. Раздавим внутренних кровожадных пауков нашей дорогой родины (внешние же не страшны нам). Разобьем правительственный насос, выкачивающий последние капли крови народа. Возвратим мать-сыру землю обнищавшему народу.

Вперед, вперед, товарищи-герои! Слава и настоящая жизнь ждут вас, лавровым венком вас венчает вся Россия, весь мир!

Георгий Гапон.

Приложение № 4

Прокламация петербургских рабочих, отпечатанная в захваченной ими легальной типографии

(10 января)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Граждане! Вчера вы видели зверства самодержавного правительства! Видели кровь, залившую улицы! Видели сотни убитых борцов за рабочее дело, видели смерть, слышали стоны раненых женщин и беззащитных детей! Кровь и мозги рабочих забрызгали мостовую, мощеную их же руками. Кто же направил войско, ружья и пули в рабочую грудь? — Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь.

Они — убийцы! Смерть им! К оружию, товарищи! Захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция! Да здравствует Учредительное Собрание Народных Представителей!

Российская С.-Д. Рабочая Партия.

«Вперед», № 6,
14 (1) февраля 1905 г.

Приложение № 5

К рабочим всех стран

Только что совершилось преступление, которому нет прощения, и жертвой его был целый народ!

Поднялись тысячи рабочих, еще веривших в человеколюбивые чувства того, кто называл себя их отцом, кого называли царем-миротворцем!

Они просили прекращения гибельной войны, улучшения своей несчастной доли, дарования необходимых политических реформ, уже завоеванных всеми народами Запада.

Николай II и его советники, вместо всякого ответа, — велели стрелять в них. В этот мрачный, кровавый день мужчины,

женщины, дети — толпа мирная и безоружная — пали под ударами дикой солдатчины, бессознательной пособницы самой гнусной тирании.

Порядок царит сегодня в Петербурге.

Соперник Абдула Гамида еще царствует на трупах своего народа!

Но между царизмом и всеми теми, кого объединяет отныне одно и то же чувство неудержимого возмущения, вырыта пропасть, и новые репрессии лишь увеличат ее.

Напрасно те, кто не отступил перед убийством, чтобы поддержать гнусный режим, льстят себя надеждой остановить движение, охватившее уже все классы народа, присоединяя к ужасу бойни еще произвол массовых арестов: отныне началась решительная схватка, и героизм русского пролетариата, авангарда революции, порука в том, что борьба будет доведена до конца, до разрушения режима, являющегося чудовищным наследием прошлого, самой опасной угрозой вольностям всей Европы.

Нужно, чтобы в этой борьбе наши русские братья могли рассчитывать не только на нашу духовную солидарность, но и на действительную помощь социалистических партий всего мира. Борьба, которую они ведут — наша борьба! Враг, который их гнетет — враг всего человеческого рода!

С горячим призывом обращается Международное Социалистическое Бюро ко всем, кто может, каким бы то ни было способом — действием, влиянием, агитацией — содействовать делу освобождения, делу, которое будет одним из самых грандиозных и самых многообещающих событий истории.

Отдавая приказ о петербургской бойне, Николай II подписал смертный приговор царизму!

Долой самодержавие!

Да здравствует международный социализм!

Исполнительный Комитет Международного Социалистического Бюро: *Эмиль Вандервельде.*

Эдуард Анселе.

Секретарь: *Виктор Серви.*

«Искра № 85»,
27 января 1905 г.

Приложение № 6

Резолюция об участии во Временном Революционном Правительстве, в формулировке т. Зимина (Красин) *), внесенная им на III съезде РСДРП

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно — замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится Временное Революционное Правительство, которое одно только и способно обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, Учредительное Собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода;

III съезд РСДРП постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления Временного Революционного Правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы;

---

*) Весною 1905 года в издании бюро ЦК, в Петербурге вышла подробная резолюция о вооруженном восстании и Временном Правительстве, написанная т. Троцким и проредактированная им совместно с т. Красиным. Проект, внесенный т. Красиным на третий съезд, совпадал по смыслу с указанным петербургским документом. Разыскать этот последний до настоящего времени, однако, не удалось. *Ред.*

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во Временном Революционном Правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми попытками контр-революции и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, примет ли участие С-Д во Временном Революционном Правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на Временное Правительство со стороны вооруженного и руководимого С-Д пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции» (стр. 228—229).

Истпарт.
«III очередной съезд РСДРП 1905 г.»
Госиздат, Москва—1924.

Приложение № 7

Указ Николая II об образовании комиссии Шидловского

Государь Император, 29 сего января, Высочайше повелеть соизволил:

Независимо от происходящего ныне, по Высочайшему повелению, обсуждения в комитете министров общих мер для упорядочения быта и положения рабочих на фабриках и заводах, образовать, под председательством члена Государственного Совета, сенатора, действительного тайного советника Шидловского, особую комиссию для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в городе С.-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем.

Комиссия эта должна состоять из представителей всех заинтересованных ведомств, назначаемых по соглашению председателя комиссии с подлежащими министрами, представителей промышленников, по их выбору, и рабочих, по избранию самих рабочих.

Предоставить председателю комиссии право непосредственно входить со всеподданнейшими докладами по делам комиссии,

приглашать в заседания комиссии лиц, могущих оказаться полезными при обсуждении дела, а равно установить число и порядок избрания представителей промышленников и рабочих.

Газета «Право» № 5,
от 6 февраля 1905 г.

Приложение № 8

От с.-петербургского генерал-губернатора и начальника санкт-петербургского гарнизона извещение

Население столицы встревожено слухами о предстоящих якобы массовых беспорядках.

Меры по охранению личности и имущества столицы приняты; поэтому прошу население указанным слухам не верить.

Если бы, однако, где-либо возникли бы попытки к устройству беспорядков, то таковые будут прекращаемы в самом начале и, следовательно, серьезного развития не получат. Войскам и полиции мною дано приказание всякую подобную попытку подавлять немедленно и самым решительным образом; при оказании же к тому со стороны толпы сопротивления — холостых залпов не давать и патронов не жалеть.

Считаю долгом предупредить об этом население столицы, дабы каждый обыватель, примкнувший к толпе, производящей беспорядок, знал, чем он рискует; благоразумное же население столицы во избежание тяжелых последствий я приглашаю к сборищам, направленным к нарушению порядка, не примыкать.

Подписал:

Свиты Его Величества генерал-майор *Трепов.*

14 октября 1905 г.

Приложение № 9

Высочайший манифест

(*манифест 17 октября*)

Божиею милостью, Мы, Николай Вторый, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столице и во многих местностях Империи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце Наше.

Благо Российского Государя неразрывно с благом народным, и печаль народная — Его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству Державы Нашей.

Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешнейшего выполнения общих преднамечаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего Правительства.

На обязанность Правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собрания и союзов.

2) Не устанавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку; и

3) установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий, поставленных от Нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе, в 17-й день октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, Царствования же Нашего одиннадцатое.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано:

Николай.

Приложение № 10

Резолюция Совета Рабочих Депутатов

(Ответ на манифест 17 октября)

(*18 октября 1905 г.*)

Стиснутое железными тисками всеобщей политической забастовки российского пролетариата самодержавное правительство пошло на уступки. Оно заявило о свободах, о законодательной власти будущей Государственной Думы и о том, что решило дополнить состав этой Думы представителями рабочих и интеллигентных слоев народа.

Но борющийся революционный пролетариат не может сложить оружия до тех пор, пока политические права русского народа не будут установлены на твердых основаниях, пока не будет установлена демократическая республика, наилучший путь для дальнейшей борьбы пролетариата за социализм.

Поэтому Рабочий Совет заявляет, что:

1) До прочной гарантии политической свободы России необходимо полное устранение тех сил, с помощью которых самодержавное правительство угнетало и давило народ, именно: всей полиции сверху донизу, удаление из города войск; необходимо создание народной милиции, для чего мы требуем выдачи оружия пролетариату.

2) Несмотря на заявленные правительством свободы, целые тысячи наших братьев — борцов за свободу — до сих пор продолжают томиться по тюрьмам и в изгнании. Мы требуем полной амнистии всех осужденных судом и приговоренных административно за политические и религиозные убеждения, за стачки, крестьянские движения и прочее.

3) Политические права народа совершенно несовместимы с тем положением, которое создано было правительством для борьбы с народом, и потому мы требуем немедленной отмены военного положения, усиленной охраны всех исключительных мероприятий, связанных с самодержавным строем.

4) Для создания действительного народовластия России необходим созыв Учредительного Собрания, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права без различия пола, национальности и т. д.

Для дальнейшей борьбы за эти требования Рабочий Совет считает необходимым продолжать всеобщую забастовку впредь до того момента, когда условия укажут на необходимость изменения нашей тактики.

*«Известия СРД», № 3,
20 октября 1905 г.*

Приложение № 11

Солдаты петербургского гарнизона! *)

Мы, делегаты Совета Рабочих Депутатов всего Петербурга, объявляем политическую забастовку 2 ноября.

Наше требование: освободить немедленно кронштадтских матросов и солдат от военно-полевого суда и от смертной казни.

Солдаты и матросы! Рабочие поднимаются за ваших братьев, которых хочет замучить царское правительство.

Подадим же друг другу руки и спасем наших братьев-матросов, которым грозит смерть!

*«Известия СРД» № 5,
3 ноября 1905 г.*

Приложение № 12

Братание Петербургского Совета Рабочих Депутатов с представителями всероссийского крестьянского союза

На заседании 26 ноября Петербургский Совет горячо принял приветствия от Всероссийского Крестьянского Союза. Мы приводим два отчета об этом историческом заседании:

«Совет выслушивает горячие приветствия петербургскому пролетариату от Всероссийского Крестьянского Союза, делегат которого выражает твердую уверенность в том, что, когда пробьет урочный час, революционное крестьянство пойдет на штурм самодержавия нога в ногу с пролетариатом. Собрание заканчивается знаменательной манифестацией, символизирующей братский союз революционного пролетариата с революционным крестьянством: представитель Центрального Комитета Всероссийского Крестьянского Союза и председатель Совета (т. Троцкий. *Ред.*) при несмол-

---

*) Автором этой резолюции был член Исполкома Совета Б. М. Кнунянц.

каемых рукоплесканиях и громких кликах обмениваются рукопожатиями».

«История Совета Рабочих Депутатов». Звездин.
Последние дни Совета, стр. 173—174.

«В самое последнее время Крестьянский Союз вошел в тесное общение с Советом Рабочих Депутатов. Представителя Крестьянского Съезда (Мазуренко) Совет в лице Троцкого приветствовал восторженно: «Да здравствует союз революционного рабочего пролетариата с революционным крестьянством».

Первым актом союзных действий явился манифест об отказе от взноса выкупных и иных казенных платежей».

Строев. Историч. момент
и крестьян. Съезд, стр. 87.

Приложение № 13

Манифест Совета Рабочих Депутатов

(27 ноября)

Правительство на краю банкротства. Оно превратило страну в развалины и усеяло их трупами. Измученные и изголодавшиеся крестьяне не в состоянии платить подати. Правительство на народные деньги открыло кредит помещикам. Теперь ему некуда деваться с заложенными помещичьими усадьбами. Фабрики и заводы стоят без дела. Нет работы. Общий торговый застой. Правительство на капитал иностранных займов строило железные дороги, флот, крепости, запасалось оружием. Иссякли иностранные источники, — исчезли казенные заказы. Купец, поставщик, подрядчик, заводчик, привыкшие обогащаться на казенный счет, остаются без наживы и закрывают свои конторы и заводы. Одно банкротство следует за другим. Банки рушатся. Все торговые обороты сократились до последней крайности.

Борьба правительства с революцией создает беспрерывные волнения. Никто не уверен больше в завтрашнем дне.

Иностранный капитал уходит обратно за границу. Уплывает в заграничные банки и капитал «чисто русский». Богачи продают свое имущество и спасаются за границу. Хищники бегут вон из страны и уносят с собой народное добро.

Правительство издавна все доходы государства тратило на армию и флот. Школ нет. Дороги запущены. Несмотря на это, нехватает даже на продовольственное содержание солдат. Проиграли войну отчасти потому, что не было достаточно военных запасов. По всей стране подымаются восстания обнищавшей и голодной армии.

Железнодорожное хозяйство расстроено, кассы железных дорог опустошены правительством. Чтобы восстановить железнодорожное хозяйство, необходимы многие сотни миллионов.

Правительство расхитило сберегательные кассы и роздало вклады на поддержку частных банков и промышленных предприятий, нередко совершенно дутых. Капиталом мелких вкладчиков оно ведет игру на бирже, подвергая его ежедневному риску.

Золотой запас государственного банка ничтожен в сравнении с требованиями по государственным займам и с запросами торговых оборотов. Он разлетится в пыль, если при всех сделках будут требовать размена на золотую монету.

Пользуясь безотчетностью государственных финансов, правительство давно уже делает займы, далеко превосходящие платежные средства страны. Оно новыми займами покрывает проценты по старым.

Правительство год за годом составляет фальшивую смету доходов и расходов, при чем и те, и другие показывает меньше действительных; грабя по произволу, высчитывает избыток вместо ежегодного недочета. Бесконтрольные чиновники расхищают и без того истощенную казну.

Приостановить это финансовое разорение может только после свержения самодержавия Учредительное Собрание. Оно займется строгим расследованием государственных финансов и установит подробную, ясную, точную и проверенную смету государственных доходов и расходов (бюджет).

Страх перед народным контролем, который раскроет перед свем миром финансовую несостоятельность правительства, заставляет его затягивать созыв народного представительства.

Финансовое банкротство государства создано самодержавием так же, как и его военное банкротство. Народному представительству предстоит только задача — по возможности скорее произвести расчет по долгам.

Защищая свое хищничество, правительство заставляет народ вести с ним смертную борьбу. В этой борьбе гибнут и разоряются

сотни тысяч граждан, и разрушаются в своих основах производство, торговля и средства сообщения.

Исход один: свергнуть правительство, отнять у него последние силы. Надо отрезать у него последний источник существования — финансовые доходы. Необходимо это не только для политического и экономического освобождения страны, но и, в частности, для упорядочения финансового хозяйства государства.

Мы поэтому решаем:

Отказываться от взноса выкупных и всех других казенных платежей. Требовать при всех сделках при выдаче заработной платы и жалованья уплаты золотом; а при суммах меньше пяти рублей — полновесной звонкой монетой.

Брать вклады из сберегательных касс и из государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом.

Самодержавие никогда не пользовалось доверием народа и не имело от него полномочий. В настоящее время правительство распоряжается в границах собственного государства, как в завоеванной стране. Посему мы решаем не допускать уплаты долгов по всем тем займам, которые царское правительство заключило, когда явно и открыто вело войну со всем народом.

Совет Рабочих Депутатов.

Главный Комитет Всероссийского Крестьянского Союза.

Центральный Комитет и Организационная Комиссия Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Центральный Комитет Партии Социалистов-Революционеров.

Центральный Комитет Польской Социалистической Партии.

Д. Сверчков.
«На заре революции»,
стр. 155—158.

Приложение № 14

Ко всему народу

Граждане!

Правительство снова обмануло народ. Оно обещало передать государственную власть в руки народного представительства. Но со времени 17 октября прошло более полутора месяца, а правительство продолжает по произволу и безотчетно коман

довать страной с первых же дней прекращения октябрьской забастовки; побежденное, но все еще не сверженное самодержавие собирает силы и ведет их открыто против народа. Оно организовало разбойничьи шайки и при помощи их устроило резню и грабеж мирных жителей. Правительство, объявляя по произволу огромные области нашей страны на военном положении, одним росчерком пера уничтожает все гарантии политической свободы и ставит на их место пулеметы.

Заодно со всем народом также и армия, которая есть плоть от плоти и кровь от крови народной, выставила свои требования освобождения от правительственного гнета и хищничества и присоединилась к общим требованиям страны. В ответ на это правительство создало внутреннюю войну в армии и повело полки против полков.

Манифестом 17 октября было заявлено, что никакие новые законы не будут изданы без согласия народных представителей. Но под именем временных правил издаются новые законы старым самодержавным порядком.

Нет закона! Нет свободы! Попрежнему страной правит царский произвол.

Именными царскими указами и административными распоряжениями правительство отменяет и урезывает завоеванные нами политические права. Правительство конфискует и закрывает газеты. Оно разгоняет собрания. Оно запрещает союзы. Оно издало закон, который назначает наказания за стачки. Оно отнимает все права у служащих железных дорог, почт и телеграфов. Оно производит аресты политических деятелей по всей стране.

Правительство арестует представителей народа, которым народ поручил защиту своих интересов. Оно арестовало бюро крестьянского съезда, арестовало бюро союза почто-телеграфных служащих, захватило председателя СРД Хрусталева и, наконец, арестовало 3 декабря все собрание Совета Депутатов петербургских рабочих — двести пятьдесят человек, выбранных более чем двумя стами тысяч рабочих. Братья-рабочие, неужели не защитим мы выбранных нами людей? Они только исполняли наши поручения. За наше дело их взяли. Но на кого им надеяться, если не на нас? Неужели оставим мы их в когтях зверского правительства? Забранные товарищи сделали свое дело, исполнили свой долг. Теперь дело за нами. Неужели предадим мы их? Не бывать тому! Один за всех и все за одного! Будем бороться

до последней капли крови и лучше ляжем все костьми, но не оставим в тюрьме ни одного из забранных товарищей! Граждане! Неужели вы подчинитесь произволу царского правительства? Никогда не будет конца подчинениям! Правительство наглеет все больше и больше, по мере того как оно не находит сопротивления. Путь его ведет к восстановлению самодержавия.

Рабочие, крестьяне, все, кому дорога свобода! Неужели вы допустите, чтобы отняли у вас ваши политические права? Надо защитить ваши основные политические права! Надо защитить завоеванную свободу! Надо, наконец, добиться ее полного обеспечения, надо положить конец государственной анархии, создаваемой правительством! Совет Депутатов петербургских рабочих решил поэтому и объявляет по всему Петрограду и окрестностям всеобщую политическую забастовку.

В четверг, 8 декабря, в 12 часов дня, во всех заводах, фабриках, мастерских, во всех торговых предприятиях, конторах, банках, лавках, складах, по всем путям сообщения самого Петербурга и соединяющим Петербург с остальной Россией должна быть приостановлена работа.

Борьба начата, она будет стоить великих жертв, быть может, многих жизней, но что бы ни было, мы не сложим оружия, пока не будет обеспечено следующее:

Учредительное Собрание на основании всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права.

Уничтожение всех временных правил. Уничтожение военного и осадного положения, чрезвычайной и усиленной охраны. Уничтожение всех других чрезвычайных мер. Отмена военных судов и смертной казни.

Полная гарантия неприкосновенности личности, свободы слова, печати, сходок, союзов, стачек и распространение этих прав также и на армию и флот, прекращение политических процессов, включая сюда также процессы по печати.

Немедленная отмена всех исключительных законов против отдельных наций и вероисповеданий.

Освобождение всех политических заключенных.

Выполнение особых требований, постановленных армией, флотом, железнодорожными служащими и служащими почт и телеграфов.

Переход земли к народу.

Признание восьмичасового рабочего дня основным политическим правом народа, наряду с свободой слова, совести и другими основными политическими правами.

Граждане, свобода или рабство? Россия, управляемая народом, или Россия, расхищаемая шайкой грабителей? Так стоит вопрос. Подымайтесь все — рабочие, крестьяне, интеллигенция, подымайтесь борцы за народную свободу и народное счастье! Присоединяйтесь к нам — остановим производство, остановим торговую жизнь, остановим сообщение по всей стране и соединенными усилиями уничтожим остатки самодержавия! Лучше умереть в борьбе, чем жить в рабстве!

Солдаты и матросы! Вы — часть народа, но вас ведут против народа. Все ваши требования — также и наши, но вас ведут против нас. И вы в крови народной утопите свою собственную свободу. Не слушайтесь команды, слушайтесь голоса народного! Присоединяйтесь к нам! Восстаньте заодно с нами! Нет силы, которая могла бы пойти против армии, объединившейся с народом!

Совет Депутатов Петербургских рабочих.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Партия Социалистов-Революционеров.

Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России (Бунд).

«Известия СРД» № 9,
11 декабря 1905 года.

Приложение № 15

Воззвание

Товарищи-рабочие!

Вся страна поднялась на защиту свободы, попираемой самодержавием. Только в Петербурге не все еще заводы и фабрики стали. Братья-рабочие Петербурга, неужели наше дело станет? Над нами самодержавие надругалось больше, чем над всеми другими, арестовав Совет Рабочих Депутатов. Против нас направлен был главный удар обнаглевшего правительства. За нас поднялась вся Россия. Так неужели мы отстанем? Надо подняться всем, как один человек. Работа должна быть приостановлена везде и повсюду. Свобода в опасности. Самодержавие снова поднимает

свою зверскую голову и захватывает своей окровавленной рукой все, что мы завоевали ценою столь многочисленных жертв! Вперед, дружней, товарищи! В единении наша сила. Нас ждут, нас зовут к себе рабочие и крестьяне всей России.

Слушайтесь голоса народного, слушайтесь голоса своей совести и не верьте ложным слухам, которые распространяет правительство через своих провокаторов! За деньги, политые кровью народной, предатели ложью и клеветой стараются смутить вас, чтобы облегчить правительственную расправу с вами и вашими братьями. Не верьте подлым шпионам правительства, проникшим в вашу среду.

Дружней, товарищи! Не сдадимся врагам, не предадим народа!

Бастуйте! Бросайте работу!

Совет Рабочих Депутатов.

Прибавление к № 9 «Известий СРД»,
11 декабря 1905 г.

Приложение № 16

Товарищи-рабочие!

Царские войска разрушают ядрами Москву и заливают кровью рабочих ее улицы. А царское правительство издает новый избирательный закон для выборов в Государственную Думу и уверяет, что издает этот закон в защиту прав рабочего класса. Артиллерийские залпы и избирательные права! Попирание всех свобод и предписание ускорить созыв Государственной Думы! Кого прельстит новый закон?

Рабочий народ требует всеобщих выборов. А правительство допускает к выборам только рабочих больших предприятий. Рабочим нужны прямые выборы. А по новому закону рабочие будут выбирать уполномоченных, уполномоченные — выборщиков, выборщики — представителей.

Народ требует равенства избирательных прав для всех граждан. А правительство, издавая избирательный закон, само сознается, что заранее определило и ограничило число представителей в Думе от рабочих.

Поэтому правительству мало было надежды на то, что сознательные рабочие поддадутся новому обману. И оно приняло

особые меры перед изданием этого закона. Вспомните арест Совета Рабочих Депутатов и массовые аресты последних дней: отнимая у вас руководителей и депутатов, правительство думало расстроить ваши ряды, оставить вас беспомощными и бессильными.

Оно надеялось после этого легче увлечь вас в свои сети. Но народ ищет защиты своих прав не в царских законах, а — за баррикадами. Одновременно с дарованием подобных законов, правительство «дарит» народ полицейскими расправами и казацкими пулями. Добьется ли оно от народа покорности?

Восстала Москва, Прибалтийский край в руках восставшего народа, восстал Кавказ, восстала Одесса, восстал Харьков, ряд других городов и целые области.

Революция готова смести с лица русской земли шайку насильников, правящих ею.

Примыкайте же дружнее к революционной стачке, рабочие!

И на новый закон, как и на царские пули и ядра, отвечайте: да здравствует пролетарская революция и свобода! Долой царское правительство!

Совет Рабочих Депутатов.

«Известия СРД» № 10,
14 декабря 1905 года.

Приложение № 17

Последнее заседание Совета Рабочих Депутатов

. . . . Продолжалось обсуждение вопросов порядка дня. В общий зал заседаний начали собираться депутаты. Исполнительный Комитет заседал в комнате совета Вольно-Экономического общества, дверь в которую вела с хор общего зала. Тов. Троцкий вышел на хоры и предупредил всех депутатов о предстоящем аресте, о том, что Исполнительный Комитет решил остаться и никуда не уходить и не оказывать сопротивления, вследствие полной невозможности это сделать. Никаких возражений не последовало.

Тов. Троцкий возвратился в Исполнительный Комитет и продолжал вести заседание. Кто-то выглянул в окно и сообщил, что здание оцепляется войсками. Через некоторое время слышатся звук шпор и лязг оружия внутри здания. Отворилась дверь, и

в комнату, где заседал Исполнительный Комитет, входит полицеймейстер с несколькими охранниками. Он вынимает бумагу и готовится читать. Один из членов Исполнительного Комитета продолжает говорить речь по поставленному на обсуждение вопросу. Полицеймейстер перебивает его и читает:

— «Согласно распоряжению министра»...

Тов. Троцкий резко обрывает его:

— Прошу не мешать говорить оратору. Если вы хотите получить слово, попросите его у меня, и я поставлю вопрос на обсуждение собрания, которое захочет или не захочет вас выслушать.

— Продолжайте, товарищ! — обращается тов. Троцкий к говорившему члену Исполнительного Комитета.

Тот продолжает.

Полицеймейстер стоит о растерянным видом, не зная, что делать. Так продолжается несколько минут. Оратор кончил. Тов. Троцкий обращается к собранию.

— Представитель полиции желает сделать нам какое-то сообщение. Разрешаете ли предоставить ему слово в порядке информации?

Решаем: слово дать. Полицеймейстер, ободрившись, читает приказ о нашем аресте. Тов. Троцкий предлагает принять его к сведению и перейти к очередным делам. Слово получает следующий оратор по вопросам порядка дня. Полицеймейстер стоит в полнейшем недоумении, не зная, что делать. На физиономии его написано, что такого случая в его многолетней практике еще не наблюдалось.

— Позвольте! — начинает он опять, обращаясь к тов. Троцкому.

— Прошу вас не мешать нам! — резко обрывает тот. — Я дал вам слово, вы сделали сообщение, которое нами принято к сведению. Желает ли собрание, — обращается он к нам, — вести дальнейшие разговоры с полицейскими?

Все отвечают отрицательно.

— Прошу вас удалиться! — говорит Троцкий полицеймейстеру. Тот беспомощно разводит руками и, постояв еще несколько минут, уходит вместе с охранниками. Мы хохочем.

— Товарищи! — говорит тов. Троцкий, — предлагаю никому не называть себя и немедленно уничтожить все документы, записки и все, что есть лишнего в карманах.

Все начинают опустошать карманы и рвать разные бумаги. На столе растет куча мелких клочков, по которым восстановить что-либо нет никакой возможности. Опять открывается дверь, и входит тот же полицеймейстер в сопровождении офицера и отряда преображенских солдат. Солдаты располагаются полукругом, отделив нас от дверей.

Берет слово член Исполнительного Комитета С. Л. Вайнштейн (Звездин). Он говорит, что правительство своим сегодняшним актом грубого насилия над избранниками петербургского населения подкрепило доводы в пользу всеобщей забастовки. Оно предрешило ее. Правительство открыто вновь вступило на путь насилия над всем народом. Теперь все увидят, что манифест 17 октября — ничтожная и гнусная ложь...

Офицер перешептывается с полицеймейстером и отдает распоряжение солдатам уйти за дверь, оставив ее открытой. Они собираются тесной массой у самой двери. Вайнштейн продолжает:

— Исход нового, решительного выступления народа против правительства зависит теперь от войск. Солдаты — дети народа. Дело народа — их дело...

Офицер поспешно выпроваживает солдат в корридор и закрывает дверь. Вайнштейн повышает голос:

— И пусть через запертые двери донесется до солдат братский призыв всей измученной страны! Пусть он, не заглушенный грохотом барабанов, сквозь законопаченные двери казарм найдет себе дорогу к солдатскому сердцу! Пусть в предстоящей борьбе с правительством солдаты перестанут играть роль слепых народных палачей и повернут свои винтовки против тех, кто заставляет их укреплять кровью их братьев царство насилия, разврата и грабежей!

В комнату входит шеренга городовых. Они окружают всех членов Исполнительного Комитета, становясь в ленту по стене. Тов. Троцкий объявляет заседание Исполнительного Комитета закрытым.

— Ага, Исполнительный Комитет! — злорадно раздается среди полицейских высших чинов.

— Наконец-то нам удалось захватить это «временное правительство»! — потирая руки, говорит один из офицеров.

Сверчков. «На Заре Революции», стр. 163—165.

Приложение № 18

Предисловие к «Истории Совета Рабочих Депутатов г. С.-Петербурга»

Эта книга о Петербургском Совете Рабочих Депутатов написана членами Совета и непосредственными участниками той борьбы, во главе которой он стоял.

Пятьдесят дней, которым посвящен наш сборник, не представляют собою законченной эпохи — не в том только смысле, что революционное развитие России еще не сказало своего последнего слова, но и в том, более ограниченном смысле, что переходящая форма политического самоопределения пролетариата, какою явился Совет, еще далеко не исчерпала себя. И это видно не только из того факта, что для рабочих масс организация Совета остается необходимым условием каждого нового выступления, но и из того общего соображения, что в эпоху революции, с неизбежными чередованиями приливов и отливов, периодов либерализма и неистовых репрессий, — организацией, которая была бы достаточно авторитетной для рабочих масс, может быть только их широкое свободно организованное представительство.

Но если история Совета (или, вернее, Советов) еще не завершилась, то все же первая глава ее — октябрь и ноябрь — имеет более или менее законченный характер. После того страна пережила период карательных экспедиций, период Государственной Думы и теперь, повидимому, заканчивает период военно-полевых судов.

Пролетариат больше смотрит в будущее, чем оглядывается на прошлое; но именно в интересах будущего ему необходимо проверять свои политические методы, обозревать свои завоевания и поражения, анализировать свои ошибки, значит — все же оглядываться на пройденный путь. Цель нашей книги и состоит в том, чтобы помочь пролетариату сделать выводы из его борьбы в октябре и ноябре прошлого года.

Статьи этого сборника написаны с социал-демократической точки зрения, или, что то же, с точки зрения классовой борьбы пролетариата. В пределах этой общей позиции, объединяющей всех авторов, в сборнике имеют место некоторые индивидуальные оттенки, напр., в вопросе о борьбе петербургских рабочих за 8-часовой рабочий день. Чего, однако, все авторы искренно стреми-

лись избегнуть, так это личного или партийного субъективизма в изложении событий и их внутренней связи. Эта книга—история, а не апология.

«История Совета Раб. Депутатов»
г. С.-Петербурга.
Книгоизд. Н. Глаголева. СПБ. 1906 г.

Приложение № 19

Хрусталев

Многих русских рабочих поразит своей трагической неожиданностью весть о том, что Хрусталев, бывший председатель Петербургского Совета Рабочих Депутатов, арестован парижской полицией за воровство.

И они должны сами перед собой поставить вопрос: как могло это случиться? Что означает арест Хрусталева? Как связать его роль в 1905 году с его жалким концом?

Имя Хрусталева в ноябре 1905 г. приобрело колоссальную популярность. Оно повторялось во всех газетах и на всех перекрестках. Огромная политическая инициатива, проявленная Петербургским Рабочим Советом, его энергия, решимость, его авторитет в массах, — все это сразу встало перед пробужденным российским обывателем, как таинственная загадка. «Кто это у них там командует»? — спросил себя обыватель, привыкший к мысли, что все на этом свете делается по команде, — и буржуазные газеты в один голос ответили ему: *Хрусталев*.

До образования Совета Георгий Носарь — таково подлинное имя Хрусталева — был беспартийным левым, из молодых адвокатов. К социал-демократии относился недружелюбно, с рабочим движением сталкивался только тогда, когда оно выходило временно на открытую арену, как в комиссии сенатора Шидловского (февраль 1905 г.). В председатели Совета Хрусталев был выбран на втором заседании. Главным доводом за него была его беспартийность. В Совет, который создавался, главным образом, усилиями меньшевиков, входили также большевики, социалисты-революционеры и беспартийные. Партийный председатель — в ту первую эпоху, когда Совет только создавался, — породил бы сразу партийные и фракционные трения.

Без самостоятельной точки зрения, без социалистического образования, довольно посредственный оратор, Хрусталев проявил большую энергию, находчивость и практический смысл. В глазах широких рабочих масс, которые сами с восторгом и изумлением смотрели на свое собственное создание, Хрусталев выступал, как организованное средоточие их собственной силы. Но наиболее сознательные рабочие, составлявшие исполнительный комитет точно так же, как и интеллигенты-представители социалистических партий, чувствовали в нем чужака, пришельца, человека, внутренно не связанного с делом социализма. В исполнительном комитете Совета социал-демократы окружили Хрусталева надежным конвоем. Сознавая свою полную политическую беспомощность, Хрусталев покорно шел навстречу всем предложениям, вносившимся представителями социал-демократии, а вскоре, считаясь с ее растущим влиянием в Совете, и сам объявил себя социал-демократом. Хрусталев светил двойным светом: партии и массы. Но и тот и другой свет был *отраженным*, т.-е. чужим. Собственный рост Хрусталева совершенно не соответствовал ни той внешней роли, которую ему пришлось сыграть, ни — еще менее — той легендарной популярности, какую ему доставила буржуазная пресса.

В эмиграции это скоро обнаружилось. В развертывающейся за границей идейной борьбе, хотя и осложненной подчас до неузнаваемости кружковщиной, шла все же важная работа оценки опыта, подведения итогов и определения дальнейшего пути. К этой работе Хрусталев был совершенно неподготовлен. В нем сразу обнаружилось полное отсутствие как политической, так и нравственной устойчивости. Ему нехватало ни той дисциплины мысли, какая дается теорией, ни той дисциплины характера, какая дается партией. Он сразу почувствовал себя не у дел, стал метаться из стороны в сторону, выступил из социал-демократии, где не надеялся добиться влияния, объявил себя синдикалистом, и в то же время ярко стал проявлять оборотную сторону своего авантюристского темперамента — в разных темных операциях финансового характера. Это окончательно отрезало его от политической эмиграции. Он сам потерял всякое уважение к себе, опускался все ниже и ниже и — может быть, с рассудком, наполовину помутившимся от головокружительных превратностей судьбы — кончил воровством...

Личная судьба Георгия Носаря глубоко трагична. История раздавила этого нравственно-нестойкого человека, взвалив на него тяготу невмоготу. Обывательская фантазия создала, при содействии прессы, романтическую фигуру Хрусталева. Георгий Носарь разбил эту фигуру вдребезги и... разбился сам.

Несчастному Носарю рабочие не откажут в сочувствии. Но о разрушении легенды Хрусталева они жалеть не станут. Подводя свои итоги эпизоду хрусталевщины, они скажут твердо и четко:

— «Одной иллюзией меньше, одним опытом больше. Теснее ряды и — вперед!».

Л. Троцкий.

«Луч», 21 марта 1913 г.

Приложение № 20

К ликвидации легенды

(Письмо в редакцию)

В № 67 «Луча» я дал краткую характеристику Хрусталева, которая заканчивалась словами: «Личная судьба Георгия Носаря глубоко трагична. История раздавила этого нравственно-нестойкого человека, взвалив на него тяготу невмоготу. Обывательская фантазия создала, при содействии прессы, романтическую фигуру Хрусталева. Георгий Носарь разбил эту фигуру вдребезги и... разбился сам. Несчастному Носарю рабочие не откажут в сочувствии. Но о разрушении легенды Хрусталева они жалеть не станут»... Цель моей статьи была: облегчить русским рабочим понимание страшного нравственного падения этого человека, сыгравшего в известный момент если не серьезную, то яркую роль в русском рабочем движении. И вот теперь Хрусталев требует меня за мою статью к ответу. Он требует, чтоб я указал ему, «когда, с кем и какими темными финансовыми операциями он занимался».

В этой области я ничего не могу прибавить к тем, совершенно точным «указаниям», которые давались Хрусталеву не раз, и на которые он, по совершенно понятным причинам, давно перестал реагировать.

В своей статье я не перечислял поименно «темных дел» Хрусталева — по мотивам, которых нет надобности более точно определять. Но после того формальное требование Хрусталева уже было удовлетворено в русской печати. «Часы Циммермана», —

писал парижский корреспондент «К. Мысли», г. А. Воронов (№ 126), — маленькая деталь, пустяки по сравнению с подложными векселями на имя г-жи Скаржинской, с растратой эмигрантских денег, с займами под несуществующую адвокатскую контору и т. д. и т. д.

Вытесненный естественной логикой вещей из среды людей не только идейных, но и просто опрятных, Хрусталев не только не привел в исполнение данного им три года тому назад обязательства привлечь обвинителей за «клевету», но и давно прекратил всякие вообще попытки в целях своей реабилитации. И только теперь, когда главное судебное разбирательство в Париже, затронувшее случайно вырванный мелкий эпизод из жизни Хрусталева, выбросило после большого промежутка имя его на поверхность и снова сделало его на миг предметом острого любопытства улицы, Хрусталев собрал последние остатки своей духовной энергии и судорожно заметался в стремлении сделать бывшее небывшим и небывшее бывшим. Тягостная картина! Толкаемый нерассуждающим инстинктом самосохранения, Хрусталев случайно ухватился — в качестве точки отправления — за мою статью, которая, как показывает приведенная выше цитата, не обличала и, разумеется, не шельмовала, а *объясняла* его, рассматривая его самого скорее как жертву, чем как виновника собственной злосчастной судьбы. В своем ко мне «Гласном обращении» Хрусталев не только отвергает факты, которых я не называл по имени, но которые тем не менее имели место, — нет, он пытается на всех и на все по пути набросить сеть сумбурных инсинуаций: на политическую эмиграцию, на партию, к которой я принадлежу, на отдельных моих друзей и прежде всего на меня лично. А так как на свете существуют культурные дикари, которые любят звон разбиваемых бутылок и с наслаждением глядят на человека в припадке падучей болезни, и так как у этих дикарей имеется своя ежедневная пресса, то Хрусталев без труда нашел газету, которая напечатала его «Обращение» ко мне. Газета эта называется «Биржевыми Ведомостями».

Возмущаться или негодовать по поводу бессвязного «Обращения» Хрусталева я совершенно не в состоянии, ибо для таких чувств отсутствуют в данном случае все необходимые психологические предпосылки. Я ограничусь тем, что спокойно разъясню все те обвинения и полуобвинения, в которых вообще можно что-нибудь понять.

1. Хрусталев пишет, что я не имею права считаться с сообщениями прессы об его темных делах, «так как та же (?) пресса обвиняла вас и всех членов Совета в краже общественных денег». «Пресса», обвинявшая членов Совета в хищениях, — это анонимная черносотенная прокламация, распространявшаяся за подписью «Группы русских рабочих» в Петербурге ко времени ареста Совета. Аноним ее давно раскрыт в известном письме г. Лопухина к Столыпину: эта «пресса» была сочинена и напечатана в *петербургском жандармском управлении:* дело шло попросту о внесении замешательства в среду рабочих к моменту ареста их выборного представительства. Как курьез, отмечу, что на меня лично эта прокламация никаких обвинений не возводила, наоборот, прямо отговаривалась неимением насчет меня «сведений». Это исключение, разумеется, чисто случайное, было сделано, чтоб демонстрировать «добросовестность» авторов подлога и придать оттенок вероподобия нелепому документу. Товарищ прокурора Бальц, представлявший обвинение на судебном процессе Совета, энергично и определенно отбросил жандармскую клевету, никем на суде не поддержанную и без труда разрушенную свидетельскими показаниями.

Так обстоит дело с «той же прессой».

2. Хрусталев требует также, чтоб я не ссылался на эмигрантские «слухи», «так как (!) эмигрантская среда взвела и распространила позорящие политические слухи по адресу члена исполнительного комитета Введенского-Сверчкова, и вы вынуждены были выступить в защиту вашего друга в заграничной русской прессе». Здесь имеется, повидимому, в виду следующее. Мой товарищ по президиуму совета Д. Ф. Сверчков, арестованный в 1910 году в Москве и приговоренный к трехлетней каторге за побег из ссылки, получил — по особому докладу министра юстиции — чрезвычайное смягчение наказания (5 лет надзора) после того, как врачебная комиссия нашла у него туберкулез легких и горла. Так как случай этот сам по себе исключительный, и так как лица, незнающие Сверчкова, могли бы предположить, что Д. Ф. добился смягчения наказания какими-либо своими личными шагами, несовместимыми с политической честью, то я не в опровержение каких-либо слухов (о них мне решительно ничего не было известно), а в предупреждение самой возможности их, напечатал в «Будущем» краткую заметку с изложением фактических обстоятельств этого дела. Это — все. Больше ничего не было. Имя

Д. Ф. Сверчкова привлечено Хрусталевым исключительно для того, чтобы увеличить радиус смуты.

3. Более определенное на вид и очень тяжелое по существу обстоятельство, выдвинутое им против меня, заключается в утверждении, будто в моей книжке «Туда и обратно» (издание «Шиповник», 1907 года) я «разгласил» мой побег, и будто «на основании» этой брошюры был арестован крестьянин, вывезший меня из Березова. Во всем этом верно только то, что я бежал из Березова, что я описал свой побег, и что в Березове был арестован крестьянин в связи с моим побегом. Однако же, крестьянин был арестован совершенно независимо от моей брошюры: по предательству рекомендованного мне им проводника. Незачем говорить, что в книжке не было решительно ни одного слова, которое могло бы прямо или косвенно повредить кому-либо из содействовавших мне лиц. Вся та часть повествования, которая непосредственно относилась к побегу из Березова, имеет в моей книжке совершенно вымышленный характер. Для всякого рассуждающего читателя в этом не могло быть сомнения с самого начала.

Проходя мимо следующей далее политической и теоретической полемики Хрусталева (в этой области нам с ним совсем уже делать нечего), проходя мимо утверждения, будто Совет Депутатов был создан не социал-демократией, а им, Хрусталевым (впервые появившимся на втором заседании Совета), остановлюсь еще только на «столкновении» нашем в доме предварительного заключения, которое должно объяснить мою будто бы «вражду» к Хрусталеву. «Гласное обращение» рассказывает, что я «стремился навязать обвиняемым свою точку зрения, отстаивая, что Совет Рабочих Депутатов готовился к вооруженному восстанию», Хрусталев же этому противодействовал. Что именно я хотел «навязать», совершенно ясно видно из моего письма к политическим друзьям «на воле». Арестованное у одного из них на вокзале и, следовательно, никак не предназначавшееся для гласности, письмо это, по требованию моего защитника, О. О. Грузенберга, было оглашено на суде. У меня и сейчас имеется выданная мне секретарем суда копия. Вот что в ней значится: «Мы хотим восстановить на суде деятельность Совета, какою она была в действительности. О себе каждый будет говорить постольку, поскольку это будет необходимо для выяснения деятельности Совета или партии... У нас так же мало права преуменьшать или коверкать деятельность Совета, как мало охоты преувеличивать ее». Такова же была

позиция и остальных обвиняемых: рассказать, что было. И в этой именно плоскости у нас у всех были столкновения с Хрусталевым, характер которых отсюда ясен сам собой. Неверно, будто «мы обошли на суде выдвинутый вопрос». По поручению всех подсудимых я об этом именно вопросе произнес на суде речь *).

Но это было не единственное и не главное «столкновение». Из материалов предварительного дознания мы, подсудимые, увидели, что известные показания Хрусталева имели заведомо *предательский* характер. Некоторые из подсудимых настаивали на том, чтобы Хрусталев был немедленно извергнут из нашей среды. Я несу главную долю ответственности за то, что этого не случилось. Объясняя характер показаний Хрусталева его неврастенической распущенностью и озабоченный достойным проведением политического процесса, я — не без серьезного противодействия со стороны части товарищей — настоял на решении, которое оставляло Хрусталева в нашей среде, но обязывало его итти с нами в ногу. Мы отобрали от него соответственное письменное обязательство, препровожденное нами в центральное учреждение партии.

Ввиду этих обстоятельств совершенно ясно, что никто из подсудимых не заблуждался насчет личности Хрусталева. В июне 1907 года, когда я и Хрусталев были уже за границей, все с.-д., сосланные по делу Совета, обратились из ссылки с письмом к руководящим товарищам, в котором указывали, что «по своим политическим и нравственным качествам Хрусталев не может занимать никакого ответственного поста в партии». Под этим письмом подписались не только «интеллигенты», но и все сосланные рабочие: Киселевич, председатель союза печатников (Хрусталев входил в Совет в качестве одного из 20 делегатов от этого союза), Злыднев (от Обуховского завода), Немцов, Комар... И действительно: несмотря на фантастическую популярность, созданную ему обывательской прессой, Хрусталев никогда ни в какие учреждения партии не выбирался. Он вышел из партии четыре года тому назад — именно потому, что «по своим политическим и нравственным качествам» не мог иметь в ней места.

Примите и проч.

Л. Троцкий.

«Киевская Мысль»,
16 мая 1913 г.

---

*) В стенографическом воспроизведении издательства Н. Глаголева она вошла затем в мою немецкую книгу «Russland in der Revolution» 1909 г.

Приложение № 21

Письмо в Истпарт

Предисловия к «Воспоминаниям» т. Сверчкова дать не могу за совершенным отсутствием времени. Но некоторые данные для характеристики того времени сообщаю вам в форме этого беглого письма.

В феврале 1905 г., с паспортом отставного прапорщика Арбузова, я приехал в Киев, где в течение нескольких недель переходил с квартиры на квартиру и даже скрывался в глазной лечебнице. Помню, что сестра добросовестно делала мне ножные ванны по предписанию главного врача — единственного человека в больнице, посвященного в мою историю. В Киеве я встретился с Леонидом Борисовичем Красиным, входившим тогда в большевистский Центральный Комитет. В распоряжении Красина была большая, хорошо оборудованная типография (кавказская). Я в Киеве написал ряд воззваний и листовок, которые пересылал т. Красину для издания и которые печатались с совершенно необычной для нелегальных типографий отчетливостью. Из Киева я проехал в Петербург, где при содействии того же Красина устроился в Константиновском военном училище на квартире главного врача Александра Александровича Литкенса. Старший сын его Саня (Александр), которому было лет 18, принадлежал уже к партии, руководил несколько месяцев спустя крестьянским движением в Орловской губернии, но не вынес сильных нервных потрясений, заболел и скончался. Младший сын Граня, в тот период гимназист 7-го, кажется, класса, ныне член коллегии Наркомпроса.

Как вы знаете, организационно я не входил тогда ни в одну из фракций. В Петрограде я продолжал сотрудничество с т. Красиным и в то же время поддерживал связь с меньшевистской группой. В центре всех дискуссий того времени стояли вопросы о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, о рабочем правительстве, о демократической диктатуре рабочих и крестьян и пр., и пр. Весною меньшевистская группа поддерживала мои тезисы о необходимости подготовки вооруженного восстания и захвата власти временным революционным правительством. Из-за границы, из редакции меньшевистской «Искры», посылались громы и молнии на петербугских меньшевиков. Потом подоспел провал группы. Состав ее обновился, и лозунг

захвата власти сменился лозунгом «революционного самоуправления».

После больших питерских провалов, вызванных провокацией Николая-Золотые Очки (фамилию я забыл, кажется, Доброскок), мне пришлось временно скрываться в Финляндии. Там я подготовил к печати перевод речи Лассаля и свое к ней предисловие, в котором развивал мысль о завоевании русским рабочим классом власти и о перманентной революции. Прибыл я в Петербург в разгар октябрьской стачки. Забастовочная волна все ширилась, но была опасность, что движение, не охваченное единством организации, безрезультатно сойдет на-нет. От Иорданского, к которому я пришел с планом создать выборный орган по образцу комиссии Шидловского, я узнал, что меньшевики уже выдвинули лозунг выборного революционного самоуправления. Находившаяся в Петербурге часть большевистского Центрального Комитета, руководимая Богдановым, была решительно против создания выборной беспартийной рабочей организации. Отрицательное отношение петербургских большевистских верхов к Совету продолжалось до приезда в Россию тов. Ленина. Я присутствовал на том заседании большевистского ЦК (или бюро ЦК, или Петербургского бюро ЦК), где вырабатывалась тактика по отношению к Совету. Богданов внес следующий план: внести в Совет от имени большевистской фракции предложение немедленно признать социал-демократическую программу и общее руководство партии; в случае отрицательного решения Совета — выйти из его состава. На совещании, кажется, принимали участие: Мешковский, Посталовский и Игорь (Гольдман). «Ультиматистская» (отзовистская) тактика Богданова уже здесь нашла свое выражение с полной отчетливостью. Все возражения против предъявления программного ультиматума Петербургскому Совету были признаны несостоятельными. Я пытался убедить Игоря, который, как мне казалось, колебался, но совещание утвердило план Богданова.

Через несколько дней тов. Антон (Красиков) действительно внес в Совет предложение от имени большевиков принять партийную программу и признать руководство партии. Насколько помню, прения были очень кратки. Возражал Хрусталев. Предложение Красикова встретило крайне слабую поддержку. Но большевики, вопреки плану Богданова, не вышли из Совета. К этому времени Петербургский Совет уже сильно вырос, и рабочие-большевики принимали активное участие как в выборах в Совет, так

и в работах самого Совета. Через несколько дней, после приезда тов. Ленина, изменилась и принципиальная оценка Совета со стороны большевиков.

Я вспоминаю еще одно совещание руководящих большевиков в Петербурге, посвященное аграрному вопросу. Инициатором этого небольшого совещания (3—4 человека) был тов. Мешковский; в результате совещания мне было предложено изложить точку зрения перманентной революции в применении к аграрному вопросу на собрании петербургских агитаторов партии. Не помню, присутствовали ли на этом собрании только агитаторы-большевики или были также и меньшевики. Помню, однако, что одним из моих оппонентов был тов. Крыленко (прозывавшийся тогда «тов. Абрам»). В общем идея перманентной революции вызвала большое недоумение.

Уже через несколько дней после октябрьского манифеста мы с Парвусом овладели (в смысле идейного направления) «Русской Газетой», которую издавал, кажется, Дучинский. Газета имела боевой, агитационный характер и быстро шла в гору. Она имела вначале тираж около 30 тысяч. К моменту нашего ареста тираж ее далеко превышал 100 тысяч, а требования из провинции шли и шли. По словам Дучинского, ему нужно было бы печатать газету, по меньшей мере, в полмиллиона экземпляров, чтобы удовлетворить провинциальный запрос.

Вместе с тем мы с Парвусом поставили на «договорных» началах с меньшевиками большую ежедневную газету «Начало». Газета взяла очень революционный тон и в ряде статей — не только моих и Парвуса — проводила идею перманентной революции. Я припоминаю статьи Мартынова по аграрному вопросу и даже статью Дана — «Нужен ли порядок?» Когда в декабре у меньшевиков началось похмелье, самое упоминание о «Начале» вызывало раздражение в их среде, в том числе и у бывших меньшевистских редакторов и сотрудников газеты.

В Совете разногласия между большевиками и меньшевиками не успели сказаться, если не считать описанного выше эпизода с ультиматумом. Все решения и резолюции, вырабатывавшиеся и выносившиеся крайне спешно, прочитывались предварительно двумя-тремя руководящими большевиками и меньшевиками (Красиков, Кнуниянц («Богдан»), Сверчков, Злыднев и другие). Идея рабочего правительства, т.-е. завоевание власти рабочим Советом, хотя и не была программно признана, но вытекала из всего поло-

жения Совета, из всей его работы. Фракционные расслоения резко пошли после декабрьского поражения. Меньшевики ударили отбой по всей линии. Зборовский и Вайнштейн-Звездин круто повернули направо. Сверчков и Злыднев не шли за ними до конца, но отмежевались от идеи перманентной революции. Это теснее сблизило меня с большевистской группой в тюрьме, которая хотя и не признавала «перманентной революции», но решительно выступала против покаянных воплей меньшевизма. Из тюрьмы я сотрудничал в большевистских изданиях. Фракционные отношения не достигли, однако, в тюрьме такого обострения, какое они уже успели приобрести на воле. Это дало нам — социал-демократам, как мы все тогда назывались, обвиняемым по делу Совета, возможность выпустить коллективную работу о Петербургском Совете Рабочих Депутатов. В составлении книги принимали участие как большевики, так и меньшевики.

Вот все, что могу вам наспех сообщить из области внутрипартийных отношений в первом Петербургском Совете.

С коммунистическим приветом

Л. Троцкий.

25/VIII—1921 г.

Д. Сверчков. На заре революции, стр. 5—9.

Примечания

[1]) *До 1 января* — брошюра, состоящая из нескольких статей, написанных в конце 1904 г. и изданных лишь после 9 января. Исчерпывающее объяснение ее происхождения и характера мы находим в одном документе, принадлежащем перу тов. Троцкого:

> «Исходя в сущности из известного положения Плеханова о том, что русское революционное движение победит, как рабочее, или не победит вовсе, я в 1904 году, на основании опыта бурных стачечных движений 1903 года, пришел к выводу, что царизм будет низвергнут всеобщей стачкой, на основе которой развернутся открытые революционные столкновения, которые, развиваясь и расширяясь, внесут разложение в армию и лучшие ее части толкнут на сторону восставших масс. Эта брошюра была мною сдана заграничному издательству меньшевиков, которые тогда тактически еще не определились и в среде которых шла внутренняя борьба, причем Мартов отстаивал позицию: класс против класса (его программная статья в 1-м номере «Социал-Демократа»), а Вера Ивановна Засулич и другие отстаивали политику соглашения с либералами и поддержки буржуазии. Мартов вскоре сдал позицию и с небольшими оговорками стал проводить политику Дана, который, в свою очередь, лишь плутовато прикрывал Засулич обрывками марксистской фразеологии. Меньшевики всячески затягивали печатание моей брошюры, а когда разразилось 9 января в Петрограде, вполне подтвердившее значение всеобщей стачки, объявили брошюру устаревшей. В корректуре с брошюрой познакомился т. Парвус, который занимал тогда вполне интернациональную революционную позицию. Парвус сделал тот вывод, что из революции, движущей силой которой является рабочий класс, а решающим методом — всеобщая стачка и восстание, вытекает переход власти к рабочим в случае победы революции. В этом смысле Парвус написал предисловие к моей брошюре, и вместе с ним мы настояли на ее появлении. Она вышла под заглавием «До 9 января». В предисловии к брошюре я разбирал ход и смысл событий 9 января».

В. И. Ленин в своей статье «Социал-демократия и временное революционное правительство» подверг критике взгляды Парвуса, развитые им в предисловии к брошюре т. Троцкого.

«Неверны, — писал он, — положения Парвуса, что «революционное временное правительство в России будет правительством рабочей демократии», что «если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим», что социал-демократическое временное правительство «будет целостное правительство с социал-демократическим большинством». Этого *не может быть*, если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуры. Этого не может быть потому, что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяев, т.-е. с массой мелкобуржуазной городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии. Было бы крайне вредно делать себе на этот счет какие бы то ни было иллюзии» (т. VI, стр. 132).

²) *Русско-японская война* — явилась результатом безрассудной внешней политики царизма, направлявшейся группой бюрократов, заинтересованных в грабеже Дальнего Востока. Царское правительство спровоцировало войну с Японией, не успев подготовить ни военные, ни материальные ресурсы. Война, по замыслу ее организаторов, должна была также разрядить социальную атмосферу внутри России. Ослепленные царские бюрократы рассчитывали на сплошной триумф в борьбе с «азиатами». Все расчеты самодержавия оказались неверными. С первых же дней войны русская армия и флот стали терпеть поражения. Внутри России война привела к неслыханному обострению классовой борьбы и вызвала пораженческие настроения не только в среде с.-д., но и в некоторых либеральных кругах.

Поражение царской России сильно подорвало ее международное положение. Либеральные круги всех стран с нескрываемым удовлетворением встретили крах царизма на Востоке. Лишь боязнь великих держав, что Япония не в меру усилится на Дальнем Востоке, помогла России закончить войну и заключить мир на менее тяжелых условиях, чем это вытекало из размеров победы Японии. В самой России война дала сильный толчок революционному движению и привела в конечном результате к небывало широкому стачечному движению, завершившемуся образованием Петербургского Совета Рабочих Депутатов.

³) *Съезд земских деятелей*—происходивший в Петербурге 6—8 ноября 1904 г., в сущности, представлял собой частное совещание земцев. Запрещенный ранее Плеве, съезд был разрешен его преемником Святополк-

Мирским, который считал, что для ликвидации брожения надо дать земцам поговорить о своих делах. К тому же проигранное Лаоянское сражение заставило правительство заговорить более мягким языком с либералами. Президиум совещания был избран в составе: председателя Шипова и двух товарищей председателя — И. И. Петрункевича и князя Г. Е. Львова (председателя Временного Правительства в 1917 г.). Собравшееся на частной квартире совещание усиленно охранялось полицией от вторжения рабочих и студентов. Основным вопросом порядка дня был вопрос о конституции. Ни земельного, ни рабочего вопроса совещание не коснулось. По вопросу о конституции произошел раскол между различными группировками совещания. В этом основном вопросе нужно было выработать решение, которое удовлетворило бы различные течения среди земцев. Группу либерально-славянофильскую, руководимую председателем съезда Шиповым, надо было примирить с конституционным характером движения; «серых отцов провинции» — с политическим характером совещания; группу рядовых членов — с ярко-оппозиционной тенденцией решений съезда. Немногих же представителей демократизма уговаривали удовлетвориться неопределенной формулой о «желательности» Учредительного Собрания без упоминания о всеобщем избирательном праве. Большинство в этом земском парламенте осталось за конституционалистами, которые добились принятия требования о созыве народного представительства *с правом решающего голоса,* — тогда как правая группа Шипова настаивала лишь на старой земской формуле законосовещательного представительства. За резолюцию шиповцев было подано 27 голосов (см. отчет в «Праве»; в своем «сжатом очерке» тов. Покровский указывает другую цифру — 38). Конституционное большинство съезда считало необходимым добавить указания на то, в чем должно выражаться участие народных представителей: «1) в осуществлении законодательной власти, 2) в установлении государственной росписи доходов и расходов и 3) в контроле за законностью действий администрации». Оба мнения зафиксированы в резолюции. «Ввиду частного характера совещания, — пишет «Освобождение», — большинство, не желая насиловать мнение меньшинства, не возражало против включения формулы последнего в окончательную редакцию заключений съезда».

Постановления съезда и его требования конституции так и остались частным мнением либеральных земцев, не оказав по существу никакого влияния на правительство. Доказательством этого является указ 12 декабря 1904 г., ни слова не говоривший о народном представительстве и весьма неопределенно — о некоторых административных послаблениях.

⁴) Московская городская дума 30 ноября 1904 года приняла следующее постановление:

> «Представить высшему правительству, что, по мнению Московской городской думы, неотложно необходимо: установить ограждение личности от вне-судебного усмотрения; отменить действие исключительных законов, обеспечить свободу совести и вероисповедания, свободу слова и печати, свободу собраний и союзов, провести вышеуказанные начала в жизнь на обеспечивающих их неизменность незыблемых основах, выработанных при участии свободно

избранных представителей населения; установить правильное взаимодействие правительственной деятельности с постоянным, на законе основанном контроле общественных сил над законностью действий администрации».

Это выступление явилось началом для целого ряда аналогичных выступлений городских дум по всей России.

[5]) На заседании частного совещания земских и городских деятелей, происходившем 6, 7 и 8 ноября, земцы, не сумев притти к соглашению по вопросу о конституции, включили в общую резолюцию два требования: меньшинства и большинства. Мнение большинства гласило: «Для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом на основе вышеуказанных начал и для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни — безусловно необходимо правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти, в установлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации».

Мнение меньшинства гласило: «Для создания и сохранения всегда живого и тесного общения и единения государственной власти с обществом на основе вышеуказанных начал и для обеспечения правильного развития государственной общественной жизни—безусловно необходимо правильное участие в законодательстве народного представительства, как особого выборного учреждения». В заключение резолюции правые и левые земцы выражают надежду, «что государственная власть призовет свободно избранных представителей народа». Подробнее о земском съезде и его основных решениях см. примечание 3.

[6]) *«Новое Время»* — петербургская ежедневная газета, издававшаяся с 1876 г. А. С. Сувориным. Газета занимала крайне консервативную позицию с самого первого дня своего существования. Будучи по существу официозом, «Новое Время» на своих страницах неизменно вело кампанию против революционной демократии, рабочего класса и радикальной интеллигенции. Травля «инородцев», юдофобство красной нитью проходит через все руководящие статьи газеты. Орган бюрократических верхов, «Новое Время» не отличалось особой устойчивостью и обычно меняло ***свой курс*** в связи с персональными изменениями в министерстве. Во время революции 1905 г. заняло крайне реакционную позицию, требуя решительных мер по отношению к революционерам и бастующим рабочим.

Ниже мы помещаем характеристику «Нового Времени», принадлежащую тов. Троцкому (написанную им в 1906 г., но не вполне законченную):

> «Новое Время» — газета литературная, политическая и продажная, издается Сувориным в течение 40 лет. Газета, как известно, несчетное число раз меняла свое «направление», но эти перемены происходили всегда в очень узких пределах, — именно в рамках борьбы разных министров, министерств и ведомств. «Новое Время» стояло за классицизм при министре просвещения Делянове и против классицизма — при Ванновском; за бараний рог — при Плеве,

за «доверие» — при Святополк-Мирском. При всех этих переменах «Новое Время» оставалось органом литературного негодяйства. Ненависть к демократии, радикальной интеллигенции, социалистическому пролетариату и революционному крестьянству выражалась и выражается во множестве статей, написанных «слюною бешеной собаки». Юдофобство проходит через все превращения «Нового Времени», ибо бесправие евреев входило в программу *всех* министров самодержавия.

Суворин получает для своей газеты дорогие казенные объявления и имеет в своем распоряжении железнодорожные киоски. Он получает сведения из министерских канцелярий.

«Новое Время» поддерживало Витте, как министра финансов, с пеной у рта отстаивало питейную реформу, стояло за воинственную политику на Дальнем Востоке, оправдывало русско-японскую войну, восхваляло военный гений Куропаткина и Рождественского, скрывало правду, лгало, обманывало.

В 80-е и 90-е годы «Новое Время» было официальным органом торжествующего негодяя, властителя дум современности. Но эти времена безвозвратно прошли.

В начале нового столетия «Новое Время» и его герой-негодяй оказались окруженными атмосферой всеобщего негодующего презрения, которое сгущается с каждым днем. В ночь с 17 на 18 октября 1905 г. случайная толпа, собравшаяся на Невском, пропела у окна «Нового Времени»: *анафема*!

«Анафема тебе! Будь проклят, Иуда!» — вот крик, которым молодая демократическая Россия провожает в могилу позорного хозяина позорной газетной шайки».

⁷) *) В течение 1904 г. тихоокеанский флот потерпел два крупных поражения. Первое произошло у Порт-Артура, когда 26 января главные силы тихоокеанской эскадры, в составе 15 вымпелов, стоявшие на открытом внешнем рейде Порт-Артура, были совершенно неожиданно атакованы японскими миноносцами. В результате броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили тяжелые повреждения. На следующий день, 27 января, около 11 часов утра, вся японская эскадра, под командой Того, показалась перед крепостью и открыла огонь. Русские суда отвечали, держась под защитой береговых батарей, которые, по мере доставки снарядов, последовательно вступали в бой. С развитием их огня японский флот отступил. Бой продолжался около 40 минут, причем у нас были повреждены броненосцы «Полтава» и крейсера «Аскольд» и «Новик». Японские суда получили лишь незначительные повреждения, которые скоро были исправлены.

Второе сражение произошло на Желтом море 28 июля. По приказанию наместника Алексеева, порт-артурская эскадра должна была, прорвавшись через блокирующий японский флот, итти во Владивосток. Начальник

*) Фактический материал для примечаний о войне доставлен редакции Военно-Историческим Отделом Штаба РККА.

флота адмирал Витгефт и весь командный состав, за единичными исключениями, возражали против такого решения и подчинились лишь категорическому приказанию. Утром 28 июля эскадра вышла из Порт-Артура в боевом порядке: впереди крейсер «Новик» с 8 миноносцами, затем 6 броненосцев и за ними 3 крейсера. В первом часу дня раздались первые выстрелы с японской эскадры, состоявшей из 4 броненосцев, 6 крейсеров и нескольких миноносцев, под личным начальством Того. Русские начальники, не веря в успех, несмотря на бодрый дух команд, старались уклониться от боя и проскользнуть во Владивосток, но вследствие медленности хода судов это им не удалось. В результате 5 броненосцев, 1 крейсер и несколько миноносцев вернулись в Порт-Артур; крейсер пришлось затопить у берегов Сахалина, а остальные суда (1 броненосец, 2 крейсера и несколько миноносцев) нашли убежище в нейтральных портах, где разоружились. Японский флот не потерял в сражении ни одного судна.

По этому поводу в официальной морской истории говорится: «Сражение 28 июля дало японцам не столько успех материальный, сколько моральный; в нем русская эскадра потеряла веру в своих адмиралов и после возвращения в Артур невольно покорилась участи быть погребенной в Артурской гавани».

Постоянные неудачи русского флота объяснялись его технической отсталостью, а также плохой подготовкой судовых команд и особенно командного состава.

[8]) В течение 1904 г. русская армия потерпела ряд жестоких поражений, из которых главными были:

1. *Лаоянское*. В этом сражении со стороны *русской* армии участвовало свыше ста тысяч штыков, десяти тысяч шашек и около 600 орудий, со стороны *японской*—88.000 штыков, 3.400 сабель и 470 орудий. С обоих сторон были чрезвычайно сильные потери, исчислявшиеся для русских в 16.000 чел., для японцев—в 23.000. По утверждениям военных авторитетов, Лаоянское сражение было проиграно благодаря исключительно-трусливой тактике Куропаткина. По этому поводу в монографии германского генерального штаба говорится следующее: «В положении Куропаткина всякий решительный полководец, вместо того, чтобы признать себя побежденным и отступить, произвел бы салютационную стрельбу из пушек и принудил бы историю присудить себе победные лавры».

2. Вторым крупным сражением было *Шахейское*, в котором со стороны России участвовало: 150.000 штыков, 14.300 шашек и 760 орудий, а со стороны Японии—112.800 штыков, 4.100 сабель и 498 орудий. Потери в этом сражении были еще более крупные, причем в русской армии они были вдвое больше.

3. Третье поражение русской армии произошло в бою при *Сандепу*, причем здесь количественное превосходство было целиком на стороне России (она имела почти вдвое более штыков и в 4 раза больше шашек).

4. Последним крупным сражением, явившимся решающим этапом в русско-японской войне, было *Мукденское*. Это сражение было чрезвычайно ожесточенным (на 500.000 сражавшихся было 10.000 убитых и раненых) и закончилось полным разгромом русской армии.

Одной из главных непосредственных причин непрерывных поражений русской армии была неспособность высшего командования. Последняя заключалась не столько в неумении, сколько в недостатке решительности и готовности брать на себя ответственность. Вся система, существовавшая в русской армии, способствовала не развитию, а подавлению инициативы, столь необходимой для военного начальника. Что касается самого Куропаткина, то он являлся как бы злым гением войны. Главнейшей его особенностью был полный паралич оперативной воли. При этом основном недостатке даже некоторые бесспорные достоинства (ум, хотя и мелочный, разнообразные фактические знания, административный опыт и редкое трудолюбие) шли во вред делу, так как побуждали его во все вмешиваться и повсюду подавлять всякую самостоятельность.

⁹) Насколько бессистемно и бессмысленно велась война, показывает тот факт, что царская клика, спровоцировавшая войну, вместе с тем с самого начала повела курс на оборонительное положение. Вот что писал, например, Николаю Куропаткин, назначенный командующим войсками, в своем докладе от 24 июля 1903 года:

> «Мы должны держаться против Японии оборонительного способа действий. Хотя мы и выдвигаем свои войска на линию Мукден—Лаоян—Хайчен, но отстоять южную Маньчжурию в первый период войны, если туда вторгнется вся японская армия, мы не можем.
>
> Мы должны, как и два года назад, готовиться, что Порт-Артур будет отрезан на довольно продолжительное время и, не допуская наши войска до частного поражения, должны *отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев»*.

Для проведения этого осторожного плана в жизнь, русской армии в первый, отступательный период войны следовало уклоняться от боев, лишь задерживая неприятеля, вынуждая его терять время на развертывание войск, на большие обходы, на исправление испорченных дорог, мостов, перевалов и т. д. Между тем Куропаткин, отчасти вследствие своей нерешительности, отчасти же подчиняясь наставлениям главкома-наместника адмирала Алексеева, дал неприятелю целый ряд кровопролитных боев и сражений (см. примечание 8), что явно противоречило приведенному выше общему плану. Все эти боевые столкновения были разыграны, так сказать, наполовину, т. е. не доводились до конца, а прерывались приказами об общем отступлении. Вследствие этого в войсках постепенно укоренялась мысль, что драться хорошо не стоит, так как, в конце-концов, все равно прикажут отступать. Эта гибельная система продолжалась до самого удаления Куропаткина с должности главнокомандующего, что произошло уже после Мукденского сражения. *Результатом ее была деморализация армии, окончательно утратившей способность к наступательным операциям.*

¹⁰) *Струве, П. Б.* — один из крупных политических вождей русской буржуазии. В эволюции Струве наиболее ярко отразились этапы развития ее политической идеологии. В начале 90-х годов Струве активно участвовал

в идейной борьбе с народниками, выпустив в 1894 г. нашумевшую книгу «Критические заметки», которая критиковала народничество с точки зрения марксизма. Но уже тогда, объявляя себя «критически-мыслящим марксистом», Струве усердно призывает «на выучку к капитализму», что вызвало критику слева со стороны В. И. Ленина. В 1898 году Струве еще числится с.-д. и становится автором знаменитого манифеста I съезда партии, в котором он писал пророческие слова о том, что, чем дальше на Восток, тем буржуазия делается все подлее. Через 1—2 года Струве выступает уже критиком марксизма и с.-д. по всему фронту. В политической экономии он критикует теорию трудовой ценности, в социологии и философии — материалистическую диалектику (особенно революционные «скачки»), в политике — позицию «Искры». До 1905 года Струве является лидером союза «радикальных» интеллигентов с либеральными земцами. Революция откидывает его еще более вправо. В годы столыпинщины Струве подводит идейный базис под третье-июньскую монархию и империалистические вожделения крупного капитала, ратует за союз «науки и капитала» и оплевывает революционное прошлое русской интеллигенции. Революция 1917 года сразу делает Струве активным контр-революционером. После Октября Струве занимает пост министра во врангелевском правительстве. В последние годы издает в Праге реакционно-мистический журнал «Русская Мысль».

[11]) В конце декабря 1903 г. и в начале 1904 г. на заседаниях тверского земства одним из руководителей последнего, И. И. Петрункевичем, был поднят вопрос о том, чтобы просить правительство, занятое в то время пересмотром крестьянского законодательства, о разрешении рассмотреть на земских собраниях ряд вопросов, касающихся Тверской губ. В дополнение к этому предложению было предложено также: 1) ходатайствовать перед правительством о том, чтобы все законопроекты, касающиеся населения Тверской губ., предварительно рассматривались на собраниях тверского земства. 2) чтобы заключения, даваемые тверским земством, направлялись в подлежащие ведомства и там имелись бы в виду при составлении окончательного законоположения, 3) чтобы в центральных учреждениях при рассмотрении законопроектов, касающихся тверского населения, были приглашены представители тверского земства. Эти предложения были приняты большинством голосов. В ответ на это правительство издает повеление, в котором говорится, что деятельность тверского земства уже давно обращает на себя внимание «своими действиями, не соответствующими требованиям государственного порядка». Поэтому Правительствующий Сенат предоставляет министру внутренних дел право: 1) назначать на ближайшее трехлетие председателей и членов Тверской и Новоторжской управ, отменив предполагавшиеся выборы, 2) сохранить на 1904 г. действие земской сметы для Тверской губ. Далее, министру предоставляется право воспрещать пребывание в Тверской губ. «лицам, вредно влияющим на ход земского собрания». И, наконец, ему же поручается отстранять от службы по земству «лиц, вредных для общественного порядка и спокойствия». 8 января 1904 г. Николай II дал свое согласие на эти действия.

[12]) *Романов* — Николай II. Расстрелян в июле 1918 года в городе Екатеринбурге по постановлению Уральского областного исполкома. Царствование Николая II ознаменовалось глубокой реакцией, жесточайшими

преследованиями революционных организаций, массовыми расстрелами и убийствами. Давка на Ходынском поле во время коронации в 1895 году, унесшая несколько тысяч жизней, Кровавое Воскресенье (9-е января), кровавое усмирение революционного движения в 1906—1907 годах, еврейские погромы этого же периода, расстрелы ленских рабочих в 1912 г. —вполне оправдывают прозвище «Николай Кровавый», которое он получил в народных массах.

[13]) 10 февраля 1904 года в Зимнем Дворце Николай II принял депутацию, избранную петербургским губернским земством. В состав депутации вошли: председатель петербургского губернского земского собрания Гудович, председатель губернской земской управы Мартов и гласные губернского земского собрания гр. Сиверс, гр. Бобринский, бар. Корф, Стасюлевич и Арсеньев.

Депутация поднесла Николаю патриотический, верноподданнический адрес следующего содержания:

> «Всемилостивейший государь! Чрезвычайное собрание Санкт-Петербургского губернского земства, созванное в настоящие знаменательные дни, в глубоко ощущаемом сознании неразрывной связи и полного единения верноподданного вашего земства с вашим императорским величеством, приносит вам, возлюбленный государь, выражение беззаветной преданности. Призванное блюсти материальные и просветительные нужды местного населения и работая, в лице представителей всех сословий, на мирном поприще народного благосостояния, Санкт-Петербургское губернское земство, в скорбном негодовании на дерзкое нарушение самонадеянным врагом любовно охранявшегося вами мира, как один человек, сплачивается у отца нашей родины. Непоколебимо величие России и ее монарха! Да благословит Господь подвиги победоносных войск ваших, государь, и да сохранит он драгоценные силы и здравие ваше!»

В ответ на этот адрес Николай ответил:

> «Я очень благодарен Санкт-Петербургскому губернскому земству за выраженные чувства. Меня очень утешают в переживаемое нами трудное время единодушные выражения патриотизма, доходящие до меня из самых отдаленных местностей России. Уповая на помощь Божию и глубоко веря в наше правое дело, я твердо убежден, что войска и флот сделают все, что подобает доблестному русскому воинству, для поддержания чести и славы России».

[14]) *Стасюлевич* (род. в 1826 г.) — видный либеральный деятель. В течение 42 лет (с 1866 г. по 1908 г.) состоял редактором знаменитого «толстого» журнала «Вестник Европы». Историк и публицист. В 1907 г. выступил кандидатом в Государственную Думу на выборах в первой курии в Петербурге от либеральной оппозиции. С 1909 передал руководство «Вестника Европы» Арсеньеву и Ковалевскому. Умер в 1913 году.

[15]) *Арсеньев* (род. в 1837 г.)—публицист, юрист и критик. Либеральный деятель 2-й половины XIX века. Был постоянным сотрудником уме-

ренно-буржуазных органов — сначала «Русского Вестника», затем «Отечественных записок». Был председателем совета присяжных поверенных петербургской судебной палаты. Сотрудничал в умеренно-либеральном «Вестнике Европы» с его основания. С 1 марта 1880 г. Арсеньев руководил «внутренним обозрением» в этом журнале, а позже стал его редактором. Одновременно Арсеньев играл видную роль в земском движении петроградской губернии, много раз избирался в уездные и губернские гласные и участвовал в земских съездах. В делегации от литераторов и профессоров, посланной к Витте и Святополк-Мирскому накануне 9 января с требованием избежать кровопролития, был, между прочим, и Арсеньев (см. прим. 92).

[16]) *«Русское Слово»* — большая ежедневная либеральная газета, выходившая в Москве с 1894 г. Ее редакторами были Киселев, Адеркас, Александров и другие. Позднее редактором этой газеты стал Дорошевич. Во время революции 1905 г. занимала крайне умеренную позицию. В период реакции по своему направлению приближалась к кадетам. На другой день после октябрьской революции вместе с другими контр-революционными газетами была закрыта Московским Советом.

[17]) *«Русские Ведомости»*—ежедневная газета, выходившая в Москве с 1863 г.; основана Н. Ф. Павловым. В основных политических вопросах занимала умеренно-либеральную позицию. В эпоху реакции 80-х и 90-х годов «Русские Ведомости» были единственной оппозиционной газетой. В 1896 г. газета переходит к Скворцову, после смерти Скворцова — к группе редакторов-издателей: Соболевскому, Постникову и Анучину. В 1905 г. «Русские Ведомости» стояли на позиции умеренно-кадетского направления. В позднейшие годы эта газета пользовалась большой популярностью в кругах буржуазной интеллигенции и мелкой буржуазии, благодаря своей умеренной оппозиции столыпинскому режиму.

В 1906 г. Л. Д. Троцкий дал следующую политическую характеристику этой газеты:

> «Русские Ведомости», — газета умеренного либерализма, в настоящее время примыкает к кадетской партии. В течение 80-х и 90-х годов «Русские Ведомости» были единственной оппозиционной газетой. В то время как десятки других газет закрывались правительством, в отношении «Русских Ведомостей» оно не шло дальше предостережений и временного закрытия.
>
> «Русские Ведомости» приобрели репутацию *честной* газеты,— известно, что газету, как и человека, называют честной, когда она не отличается ни умом, ни талантом, ни характером. Честность «Р. В.» нужно понимать в том смысле, что эта газета не брала взяток от дутых промышленных предприятий, не получала правительственных субсидий и не занималась политическими доносами. Но о политической безупречности «Р. В.», даже с точки зрения умеренного либерализма, не может быть и речи.
>
> Такая живучесть не доставалась даром: она приобреталась путем применения ко всему, в том числе — к подлости. Программа газеты состояла в соединении умереннейшего профессорского либерализма в политической области с бессильным народ-

ническим прожектерством в сфере социально-экономической. Излюбленный прием агитации состоял в приписывании каждому правительственному акту самых либеральных намерений. Таким путем газета надеялась, с одной стороны, отстоять свое существование, с другой, незаметно и безболезненно перетянуть правительство на путь либерализма.

Типичным представителем духа «Русских Ведомостей» был покойный Джаншиев, написавший популярную в свое время, коленопреклоненную книгу «Эпоха великих реформ».

[18]) *«Одесские Новости»*—ежедневная газета, выходившая с 1885 года в Одессе. Редакторами-издателями были: Старков, Эрманс, Герцо-Виноградский. С 1893 года газета расширяет свою программу и называет себя «политической, литературной, научной, общественной и коммерческой». Направление газеты — умеренно-либеральное. Равнялась по типу столичных либеральных органов.

[19]) *«Русское Богатство»*—журнал, выходивший в Петербурге с 1876—1877 г. Основателем его и редактором-издателем был Н. Савич. Журнал вначале занимался исключительно экономическими вопросами и лишь с 1880 г. переходит и на обще-литературные темы. Несмотря на частые смены редакторов и издателей, «Русское Богатство» за все время своего существования сохраняет неизменным свой характер либерально-демократического органа с явно народническими тенденциями.

В 80-х и 90-х годах «Русское Богатство» вместе с «Русскими Ведомостями» являются оппозиционными органами и проводниками идей 60-х и 70-х годов. В этом журнале начали свою литературную деятельность такие писатели, как Горький, Гаршин, Вересаев, Чириков, Короленко и другие. Долгое время редактировали журнал Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко. В состав редакционной коллегии входили видные писатели: Анненский, Горнфельд, Иванчин-Писарев, Пешехонов и Якубович.

В основных политических вопросах «Русское Богатство» примыкало к либеральному народничеству, которое позднее консолидировалось в партию народных социалистов. Во время войны «Русское Богатство» стояло на оборонческой позиции. Те же номера этого журнала, которые вышли после Октября, были наполнены интеллигентским брюзжаньем против Советской власти.

[20]) *«Русь»*—большая ежедневная газета, выходившая в Петербурге до 1908 г. Во время революции 1905 г. отражала интересы либеральной буржуазии. Ее редактором-издателем был А. А. Суворин. В 1908 г. газета стала выходить под названием «Новая Русь».

[21]) *Петрункевич, И. И.*—до революции 1905 г. был одним из крупных земских деятелей. Несколько раз высылался в административном порядке—сначала в Костромскую губ., затем в Тверь и Смоленск — за участие в земском движении. В 1905 г. Петрункевич принимает самое активное участие во всех съездах земских и городских деятелей. Был избран членом делегации, шедшей к царю 6 июня 1905 г. с петицией о необходимости созыва народных представителей. С первого же дня основания кадетской партии Петрункевич становится ее видным и активнейшим членом. Был избран

от Тверской губ. в I Государственную Думу, где на первом заседании произнес речь о необходимости объявления амнистии.

[22]) «*Право*»—еженедельный юридический журнал, выходивший в Петербурге с 1899 г., под редакцией Гессена и Лазаревского. Ближайшими сотрудниками были крупнейшие деятели либерализма — Кузьмин-Караваев, Набоков, Петражицкий, Трубецкой и др.

Вначале журнал был исключительно научно-юридическим органом, но впоследствии, под влиянием роста общественных сил, превращается в серьезный политический еженедельник. Особенно большое впечатление на либерально-демократические круги производили статьи кн. С. и Е. Трубецких, Петрункевича и др., требовавшие созыва народных представителей, широкой амнистии, всеобщего голосования и т. д. Журнал фактически являлся органом кадетской партии, отражая идеологию ее профессорски-интеллигентских слоев.

[23]) «*Наши Дни*» — ежедневная радикальная газета, выходившая с ноября 1904 г. взамен закрытого «Сына Отечества». Ее редактором был М. П. Невежин, издателем — С. П. Юрицын. В декабре 1905 г. за напечатание знаменитого финансового манифеста Совета Рабочих Депутатов газета была закрыта.

[24]) К началу войны японский флот имел: 6 броненосцев, 8 броненосных крейсеров, 12 легких крейсеров-разведчиков, 8 мореходных канонерских лодок, 19 эскадренных миноносцев, 9 эскадренных миноносцев меньшего размера и 19 номерных миноносцев.

Русский флот в общем был вдвое сильнее японского, но на Дальнем Востоке находилась лишь тихоокеанская эскадра в составе: 7 броненосцев, 4 броненосных крейсеров, 7 легких крейсеров-разведчиков, 6 мореходных канонерских лодок, 2 минных крейсеров, 12 эскадренных миноносцев, 12 эскадренных миноносцев меньшего размера и 10 номерных миноносцев.

Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, какую огромную роль должны были играть морские силы в предстоящей войне. В японском плане войны первым пунктом было поставлено уничтожение или, по крайней мере, блокирование русского флота. Для достижения этого японцы предполагали произвести на него внезапное нападение без формального объявления войны, что уже было применено ими в отношении Китая в 1894 г. Выполнение японского намерения облегчалось тем фактом, что русский флот был разбросан по разным портам. К тому же, находившиеся в Порт-Артуре главные силы эскадры с 18 января были выведены из закрытой гавани и поставлены на открытом внешнем рейде, без принятия необходимых мер охранения. Как известно, 26 января русская порт-артурская эскадра была атакована японцами и потеряла ряд судов. Ослабленная этими потерями, она укрылась во внутренней гавани и на время отказалась от всяких наступательных действий. Пользуясь этим, японцы приступили к высадке 1-й армии Куроки на западном берегу Кореи. Адмирал Макаров, прибывший в Порт-Артур в конце февраля, пытался придать действиям флота более активный характер, но 31 марта он погиб на броненосце «Петропавловск», затонувшем от японской мины. После него флот вернулся к прежней пассивности, так как адмиралы Алексеев и Витгефт поставили главной целью — сбережение судов к последнему периоду войны.

Пользуясь пассивностью порт-артурской эскадры, японцы, в период с 22 апреля по 10 мая, высадили 2-ю армию Оку уже прямо на берега Маньчжурии, всего в 100 километрах к востоку от Порт-Артура. Эта чрезвычайно рискованная операция была произведена без всякой помехи со стороны русского флота, хотя на море было еще равновесие сил. Войска 3-й, 4-й и 5-й японских армий также высадились, совершенно беспрепятственно, на берега Маньчжурии. Русский флот продолжал укрываться во внутренней гавани Порт-Артура, предоставляя сухопутной армии расхлебывать заваренную кашу. В стратегическом отношении присутствие флота в Порт-Артуре являлось даже вредным, так как желание выручить его побуждало сухопутную армию к отдельным наступательным операциям, нарушавшим общий план действий. Наконец, после неудачной попытки прорваться во Владивосток 28 июля, эскадра окончательно заперлась в Порт-Артуре, где и погибла, а ее экипаж и артиллерия вошли в состав сухопутной обороны крепости.

[25]) *Макаров*—адмирал. Бо́льшая часть его службы протекла в плаваниях. Получив весьма недостаточное школьное образование, Макаров всю жизнь учился, интересуясь всеми отраслями сложного морского дела. Его перу принадлежат многочисленные труды по разнообразным техническим вопросам, а также сочинение «Рассуждения по вопросам морской тактики». В конце девяностых годов, заинтересовавшись экспедицией к Северному полюсу, он выработал проект, по которому был построен ледокол «Ермак». К началу японской войны Макаров был главным командиром Кронштадтского порта. Предвидя разрыв на Дальнем Востоке, он усердно просил о переводе туда, но его не пускали. Вообще Макарова сильно недолюбливали в правящих кругах, считая его человеком беспокойным и чересчур самостоятельным. Узнав о выводе порт-артурской эскадры из внутренней гавани на внешний, открытый рейд, Макаров написал управляющему тогда морским министерством адмиралу Авелану письмо, предупреждая его об угрожающей катастрофе, которая действительно и разразилась в ночь с 26 на 27 января. После того как положение на море было уже в корне испорчено, состоялось назначение Макарова командующим флотом на Дальнем Востоке. Прибыв в Порт-Артур 24 февраля, он нашел эскадру ослабленною материально, «при отсутствии потерь со стороны неприятеля», и — что еще важнее — в удрученном моральном состоянии. Командному составу нехватало необходимого тактического образования и даже простого уменья управлять своими судами при совместных действиях, вследствие чего почти каждый выход эскадры в море сопровождался какой-нибудь аварией. На этом фоне энергичная фигура адмирала Макарова выделялась тем ярче. Макаров погиб 31 марта на броненосце «Петропавловск», затонувшем от японской мины.

[26]) Все эти сухопутные поражения относятся к апрелю-сентябрю 1904 г. Первым из них было поражение в бою под Тюренченом (18 апреля 1904 г.), в результате которого русские потеряли сильную оборонительную линию на р. Ялу.

13 мая 1904 г. произошел бой у Цзиньчжоу [1]). Овладев Цзиньчжоуским перешейком, японцы открыли себе доступ на Квантунский полуостров

---

[1]) В тексте книги эта местность неверно называется Кин-Чжоу. *Ред.*

и заняли Порт-Дальний, обратив его в базу как для армии, осаждавшей Порт-Артур, так и для армий, наступавших на север вдоль железной дороги. Третьим был бой при Вафангоу (1 и 2 июня 1904 г.), предпринятый с целью помешать, посредством наступления, осаде Порт-Артура, но окончившийся полной неудачей. Результатом следующего сражения при Ташичао [1]) (10 и 11 июля 1904 г.) было отступление от Ташичао и потеря ветви железной дороги на Инкоу. Совершенно исключительное значение имело Лаоянское сражение (17—22 августа 1904 г.). Лаоян являлся центром сосредоточения русской армии в Маньчжурии, и на укрепление его с самого начала было обращено особое внимание. Ввиду этого оставление Лаояна произвело удручающее впечатление на русскую армию. Проигрыш наступательного сражения на Шахэ (22 сентября—4 октября 1904 г.) хотя и не сопровождался особыми материальными потерями, но окончательно подорвал моральное состояние русской армии, так как за несколько дней до сражения в приказе от 19 сентября Куропаткин хвастливо объявил: «Пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле, ибо силы маньчжурской армии ныне стали достаточны для перехода в наступление».

[27]) *Плеве* (род. в 1846 г.)—в первые годы своей служебной карьеры работал по ведомству юстиции. Его работа в петербургской палате в 70-х годах была тесно связана с борьбой против революционного движения этого периода. Плеве неоднократно приходилось делать личные доклады Александру II по делам о политических преступлениях (он докладывал, между прочим, о взрыве в Зимнем дворце). В 1881 г., в эпоху расправы с народовольцами, Плеве назначается директором департамента государственной полиции и входит в состав комиссии статс-секретаря Каханова по составлению положения о государственной охране. В 1884 г. Плеве — сенатор и товарищ министра внутренних дел. В 1896 г. он получает звание статс-секретаря, а в 1899 г. назначается министром статс-секретарем Финляндии.

После убийства Сипягина (4 апреля 1902 г.) Плеве назначается министром внутренних дел и становится ближайшим к Николаю человеком. Организатор первых в России еврейских погромов, специалист по сыску и провокации, Плеве всеми мерами способствует развитию полицейского социализма. Под его покровительством пышно расцветает зубатовщина. В борьбе с растущим революционным движением он проявил себя решительным сторонником крайних мер. Борьба с «крамолой», во всех ее видах, составляла главное содержание его деятельности. Он усмиряет крестьянские волнения в Полтавской и Харьковской губ., подвергает административным ревизиям земские учреждения Московской, Вятской, Курской и др. губ., закрывает воронежский местный уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Во время кишиневских погромов он проявляет преступное бездействие. Плеве был решительным сторонником и одним из инициаторов русско-японской войны, в которой он видел средство для отвлечения масс от политики.

5 июля 1904 г. Плеве был убит бомбой, брошенной в его карету эсером Сазоновым. Убийство было организовано боевой организацией социа-

---

[1]) В тексте стоит неверное название: Дашичао. *Ред.*

листов-революционеров при ближайшем участии инженера Азефа, известного провокатора, посланного самим Плеве в эсеровскую организацию от департамента полиции. Деятельность Плеве возбудила против него не только ненависть революционных кругов, но и явную враждебность со стороны либерального «общества».

[28]) *Святополк-Мирский, П. Д.* — генерал, был губернатором в Пензе и Екатеринославе. В 1900 г. был назначен товарищем министра внутренних дел (Сипягина) и командиром отдельного корпуса жандармов. В 1902 г. Святополк-Мирский, в связи с назначением Плеве, которого он недолюбливал, уезжает генерал-губернатором в Вильну. После убийства Плеве был назначен (26 августа 1904 г.) министром внутренних дел. Назначение Святополк-Мирского было встречено либеральным обществом, как симптом решительного перехода правительства к новой политике. «Искра» в свое время характеризовала министерство Святополк-Мирского, как «министерство приятных улыбок». 16 сентября 1904 г. Святополк-Мирский произнес речь при представлении ему чинов министерства, в которой обещал относиться с доверием к сословным учреждениям и к населению вообще. Эта речь дала повод назвать эпоху управления Святополк- Мирского эпохой «весны» и «доверия». Свою программу Святополк-Мирский формулировал неопределенно: он — друг прогресса и свободы, но поскольку они не противоречат основам существующего государственного строя. За время его управления политика репрессий несколько смягчилась, политические аресты стали реже. Тем не менее, когда накануне 9 января к нему явилась депутация профессоров и литераторов с требованием избежать кровопролития, Святополк-Мирский отказался ее принять. 18 января 1905 г. Святополк-Мирский получил отставку.

[29]) Здесь имеется в виду князь Святополк-Мирский, тогдашний министр внутренних дел.

[30]) *«Гражданин»* — газета-журнал, издавалась с 1875 г., еженедельно кн. В. П. Мещерским. С 1887 г. «Гражданин» становится ежедневным. Ответственным редактором в 1872 г. был Градовский, затем Ф. М. Достоевский и Пуцыкевич и, наконец, сам кн. Мещерский. С 1893 г. ответственным редактором становится Филипеус. Выступив вначале с относительно умеренной консервативной программой, газета постепенно, год за годом, переходит на все более резкую реакционную позицию, являясь литературным столпом дворянской реакции 80—90-х годов. В 1905 г. и позже газета открывает на своих страницах широкое место для систематической, повседневной травли революционной демократии. Газета открыто объявляла себя представительницей дворянских стремлений и вела самую беззастенчивую погромную черносотенную агитацию.

[31]) *«Московские Ведомости»* — крайне реакционная газета, возглавлявшаяся вначале знаменитым Катковым. От других реакционных газет отличалась своей решительностью и последовательностью. Ее постоянными лозунгами были — православие, самодержавие, народность. С 1905 года становится официальным органом монархической партии. Открыто призывает к погромам революционных рабочих, интеллигенции и евреев.

[32]) Здесь речь идет о земском съезде 6—8 ноября 1904 г. (см. примечание 3).

[33]) *Хижняков, В. В.* — накануне революции 1905 г. был гласным черниговского земства и участником всероссийского съезда земских деятелей. После организации «Союза Освобождения» становится его активным членом. В 1905 г. примыкал к левым либералам типа Прокоповича. Вместе с последним, Кусковой и другими Хижняков сотрудничал в «Товарище».

[34]) В средине ноября 1904 г. в Киеве, на заседании литературно-артистического общества, после доклада «о поэзии Огарева», гласный черниговского земства и участник всероссийского земского съезда Хижняков, только что вернувшийся из Петербурга, сделал пространное сообщение о решениях этого съезда. Хижняков подробно остановился на письме Милюкова, полученном съездом, на основных постановлениях съезда и т. д. Сообщение было встречено рукоплесканиями. Внезапно из публики раздается протестующий голос. «Вы, — говорит оратор, обращаясь к Хижнякову, — не должны были расходиться, не дождавшись удовлетворения ваших требований. Вы забыли о рабочем классе. Вы умолчали о главном — о всеобщем, равном и тайном голосовании. Вы больше занимались болтовней, чем делом»... Эта реплика была восторженно встречена социал-демократической частью собрания. Отвечал Водовозов, который призывал социал-демократов к единению, к совместным действиям, говорил о недопустимости раскола и т. д. Собрание раскололось на две части: социал-демократическую и земскую.

[35]) *Водовозов, В. В.* (род. в 1864 г.) — бывший член редакции газеты «Наша Жизнь», известный публицист. В феврале 1887 г. был арестован и сослан на 5 лет в Архангельскую губернию. Специалист-правовед. Накануне революции 1905 г. читал лекции по государственному праву. Написал ряд исследований по вопросам права и форм голосований. Сотрудничал во многих периодических изданиях либерально-демократического направления.

[36]) *Витте, С. Ю.* (род. в 1849 г.)—начал свою служебную деятельность начальником службы движения одесской ветви Юго-Западных железных дорог. В 1879 г. Витте работал в Петербурге, в качестве начальника отделения эксплоатации в правлении Юго-Западных железных дорог. В 1888 г. он был назначен директором департамента железнодорожных дел и председателем тарифного комитета, а в 1892 г. стал управляющим министерством путей сообщения. В конце того же года Витте был назначен на пост министра финансов, который он занимал 11 лет. На этом посту он и произвел знаменитую реформу — переход к золотому обращению. В 1903 г. Витте вступает в обязанности председателя комитета министров. Последняя должность была фактически почетной отставкой, так как комитет до революции 1905 г. не имел никакого значения. Это перемещение с поста всемогущего хозяина финансов на пост безвластного председателя комитета произошло под напором дворянско-помещичьих элементов правительства (главным образом, Плеве), недовольных покровительственным отношением Витте и его заигрыванием с умеренными либералами. Во время событий 9 января Витте снял с себя всякую ответственность за действия правительства. Летом 1905 г. Николай посылает Витте в Портсмут для заключения мирного договора с Японией. За успешное выполнение этого поручения Витте был возведен в звание графа. В дни октябрьской стачки, когда

победил курс на соглашение с буржуазией, Витте оказался наиболее подходящим человеком на пост премьера. Манифест 17 октября является детищем Витте. После разгрома революции, когда самодержавие почувствовало под собой твердую почву, Витте опять сошел со сцены. Последняя опала Витте длилась вплоть до его смерти (1915 г.)

[37]) *Брюхатов, Л. Д.* — либеральный интеллигент, член тамбовской губернской управы и видный земский деятель.

[38]) *«Наша Жизнь»* — ежедневная радикально-демократическая газета, выходившая в Петербурге с 6 ноября 1904 г. Ее основателем был известный экономист проф. Л. В. Ходский. Газета стояла на левом фланге русской легальной печати. Ее сотрудники почти все состояли членами «Союза Освобождения». Первый номер «Нашей Жизни» подвергся предостережению; его розничная продажа была запрещена. Вскоре последовало второе предостережение, а 5 февраля 1905 г. третье и закрытие газеты на 3 месяца. С 6 мая 1905 г. издание газеты возобновляется при следующем составе редакции: Прокопович, Кускова, Хижняков, Богучарский, Водовозов, Португалов, Щеголев, Рыкачев и др. Первые четверо вскоре вышли из состава редакции. Не будучи официально органом какой-либо партии, газета фактически являлась органом «Союза Освобождения». За напечатание декабрьского (финансового) манифеста Совета Рабочих Депутатов газета была закрыта. В революцию 1905 г. «Наша Жизнь» отражала настроения либеральной интеллигенции. Поэтому в начале революции она резко критиковала правительство, восхищалась борьбой масс, проповедовала борьбу до конца. Во время октябрьской стачки «Наша Жизнь» начинает проявлять признаки недовольства чрезмерными требованиями пролетариата и героическим размахом его борьбы. Ноябрьская забастовка была ею встречена уже полувраждебно, а кампания за 8-часовой рабочий день дала ей повод начать поход против утопической тактики с.-д.

Статья, о которой упоминается в тексте, озаглавлена: «Земство и бюрократия».

[39]) *Трубецкой, С. Н.* — проф., крупный либеральный деятель, получил широкую известность своей речью, которую произнес в Петергофском дворце 6 июня 1905 г. перед Николаем II, как депутат съезда городских и земских деятелей, и в которой ходатайствовал о созыве народных представителей. С этого времени популярность Трубецкого среди либеральной буржуазии непрерывно растет. Несмотря на то, что упомянутая речь была встречена всеобщим ликованием и поддержкой либеральной части буржуазии, она ни к каким результатам не привела. Ровно через два месяца был издан манифест о созыве булыгинской Думы, ничего общего с народным представительством не имевшей. Избранный на пост ректора Московского университета, Трубецкой вел упорную борьбу с московской администрацией, настаивавшей на закрытии университета. 29 сентября 1905 г. он внезапно скончался.

[40]) Статья князя С. Н. Трубецкого «Два пути» была помещена в «Праве», № 44 (1904 г.). Основное содержание ее было таково: после убийства Плеве обнаружилось, что его политика решительно осуждается всем русским обществом. Даже реакционный «Гражданин» устами Мещерского высказывается за неправильность линии «официального консерва-

тизма». Это всеобщее осуждение политики Плеве и ему подобных объясняется явной необходимостью, в целях защиты порядка и общественной безопасности, утвердить начала гражданских свобод и дать простор общественной самодеятельности. Это необходимо, прежде всего, для сохранения престола. Только решительный переход к новому пути спасет Россию от смут и волнений. Россия должна вступить на путь правового государства, путь тесного единения престола и всего народа.

[41]) Эта программа была опубликована в № 1 «Освобождения» под заголовком «От русских конституционалистов» и состояла из требований умеренно-либерального характера.

[42]) *«Освобождение»* — либеральный двухнедельник, выходивший с 1 июля 1902 г. сначала в Штуттгарте, а потом в Париже, под редакцией бывшего социал-демократа и бывшего марксиста П. Б. Струве. Уже в первом № этого журнала была подчеркнута крайняя умеренность политических требований освобожденцев. Они сводились к созыву бессословного народного представительства, избранного губернскими земствами и думами больших городов. «Освобождение» являлось, таким образом, органом оппозиционных земских кругов и либеральной буржуазии. В дальнейшем, под влиянием роста революционных сил, «Освобождение» повернуло несколько влево. С 1903 г. журнал становится органом «Союза Освобождения». Временами он признает требование всеобщего, равного, тайного и прямого голосования и вообще принимает демократическую окраску. Богатство фактического материала доставляет ему большое распространение среди либеральной части буржуазии и дворянства. В начале революции, под влиянием сильного крена интеллигенции влево, «Освобождение» занимает уже нейтральную позицию. В дни апогея стачечного движения журнал резко нападает на революционную социал-демократию за ее «крайности», за развязывание стихийного движения масс и пр. После 17 октября 1905 г. журнал прекращается.

В 1906 г. тов. Троцкий дал следующую политическую характеристику этому журналу:

> «Освобождение», — либеральная газета, издавалась с 1902 г. за границей, сперва в Штуттгарте, затем в Париже. Редактировал «Освобождение» г. Петр Струве, перебежчик из рядов социал-демократии. «Освобождение» отличалось при своем возникновении крайне умеренным характером. Оно переняло от земцев программу Земского Собора, как представительства дворянских земств и купеческих дум (см. № 1 «Освобождения»). Политическая поверхностность и литературная посредственность составляли основные черты этой нелегальной газеты, которая, за отсутствием в России всякого свободного слова в то время, пользовалась значительным успехом в буржуазных и либерально-бюрократических кругах общества. Под влиянием революционных событий в России «Освобождение» стало испытывать давление со стороны своих левых сотрудников и временами высказывалось за всеобщее избирательное право. Впрочем, циничная беспринципность редактора лишала демократизм «Освобождения» всякого значения: газета

противоречила себе на каждом шагу и, под влиянием первого ветерка, передвигалась слева направо и справа налево.

Основная задача «Освобождения», выступающая сквозь все его противоречия, может быть охарактеризована так: объединить вокруг либеральных земцев демократическую интеллигенцию; посредством этой демократической интеллигенции создать в населении доверие к земцам, — и затем использовать популярность земцев для соглашения с царским правительством. Народной революции «Освобождение» боялось, не верило в нее и все время стояло на антиреволюционной точке зрения. За два дня до 9 января 1905 г. «Освобождение» писало: «Революционного народа в России нет». В последнем №, во время октябрьских дней, «Освобождение» нападало на социал-демократов за университетские митинги, сыгравшие огромную роль в русской революции. После 17 октября редактор «Освобождения» вернулся в Россию, где в еженедельной газете «Полярная Звезда» стал на крайнем правом крыле кадетской партии и в нападках на революционеров соперничал с «Новым Временем». «Полярная Звезда», как и ежедневная газета Струве «Дума», погибла за отсутствием читателей».

[43]) Лозунг Учредительного Собрания сыграл большую прогрессивную роль в истории первой русской революции. Выставляя этот лозунг, соц.-дем.-большевики ориентировали массы на свержение царского правительства, как на необходимый предварительный этап для возможности практического осуществления этого лозунга. В то же время подчеркиванием этого лозунга большевики разоблачали мнимую революционность русских либералов и кадетов, долгое время не желавших итти дальше лозунга «земского собора», созываемого царским правительством. Меньшевики же не сразу открыто ориентировались на этот боевой для тогдашней эпохи лозунг, допуская возможность эволюционного превращения Государственной Думы в Учредительное Собрание. Революция 1917 года, поставившая перед рабочим классом и крестьянством во всю ширь задачу свержения не только остатков дворянского строя, но и всего буржуазного общественного порядка, обнаружила *относительность* значения всяких лозунгов, выставляемых в различные эпохи. Лозунг Учредительного Собрания после февральской, а в особенности после Октябрьской революций, выдвинувших новые формы революционной организации масс — Советы, стал лозунгом реакционным, вокруг которого сплотились все контр-революционные силы, не желавшие допустить осуществления пролетарской диктатуры в форме Советской власти.

[44]) Эта цитата взята из статьи «Наши внутренние дела», помещенной под инициалами К. С. в «Освобождении», № 61, 1904 г.

[45]) *«Сын Отечества»* — ежедневная газета, выходившая в Петербурге с 18 декабря 1904 г. по 5 февраля 1905 г. Редактором-издателем в это время подписывался С. И. Юрицын, фактическим редактором был Г. И. Шрейдер, сыгравший затем видную роль в эпоху керенщины. Закрытая 5 февраля, газета снова начинает выходить в марте. По отношению к Государственной Думе она сначала занимает неопределенную позицию, затем выправляется и решительно проводит тактику бойкота. С ноября 1905 г.

редактором становится Г. И. Шрейдер, издателем С. И. Юрицын. С 15 ноября в состав редакции входят: Кудрин, Мякотин, Пешехонов, Шрейдер, Чернов. Газета становится органом партии эсеров. За напечатание манифеста Совета Рабочих Депутатов газета приостанавливается, а Шрейдер отдается под суд. 7 декабря «Сын Отечества» возобновляется под названием «Наши Дни» (редактор Арефин, издатель Юрицын). За напечатание воззвания союза военнослужащих «Наши Дни» закрываются, успев выпустить всего только два номера. Отражая взгляды радикальной интеллигенции, «Сын Отечества» естественно отражал и эволюцию настроений этих групп. Против его половинчатости, резких поворотов и т. д. социал-демократические газеты вели беспощадную борьбу.

[46]) *Карышев* — известный русский экономист. Читал лекции по статистике и политической экономии в Лесном Институте, Московском Университете, Русском Университете в Париже и Петровской с.-х. академии. Сотрудничал в «Русских Ведомостях», «Русском Богатстве» и других газетах и журналах. Автор нескольких книг по статистике. Был гласным александровского уездного земства; принимал активное участие в земском движении 1900—1904 г.г. Умер в Москве в феврале 1905 года.

[47]) Здесь имеется в виду ноябрьский съезд (1904 г.) земских деятелей.

[48]) *Шипов* — лидер земского движения 90-х и 900-х годов. Долгое время был гласным московского губернского земства; в течение 11 лет — с 1893 по 1904 г. — председатель московской губернской земской управы. Организатор съездов земских деятелей. На ноябрьском съезде земских деятелей (1904 г.) Шипов был избран председателем и руководил правой группой съезда (так наз. меньшинство, см. прим. 3). В 1905 г. Шипов входит в состав «Союза 17 октября» и является решительным сторонником соглашения между правительством и земцами. В 1906 г. избирается от московского земства в Государственный Совет. Осенью 1906 г., после того как «Союз 17 октября» высказался за военно-полевые суды, Шипов выходит из его состава и становится одним из активнейших членов партии мирнообновленцев. После Октябрьской революции Шипов был руководителем крупнейшей белогвардейской организации, так наз. «национального центра».

[49]) Введенный в 1864 г. институт земских учреждений показателен для правительственной политики по отношению к среднему слою дворянства.

Судебная реформа в целом живо заинтересовала лишь городскую интеллигенцию, для массы же среднего дворянства практическое значение имел только мировой суд, выбиравшийся на земских собраниях. До земского положения 1864 г. и низший суд и низшая полиция на местах были целиком в руках местных помещиков, которые выбирали уездных судей и уездного исправника. После же реформы Александра II в руках местного населения остался только местный суд, а полицию (исправников) центральная власть назначала сверху. Средние помещичьи слои дворянства на местах были лишены тем самым самостоятельной судебной власти.

[50]) См. статьи К. С. «Кн. Святополк и судьба земского съезда», «Освобождение», № 60, от 7 ноября 1904 г.

[51]) *«Искра»* — заграничный орган РСДРП, основанный Лениным, Мартовым и Потресовым, совместно с группой «Освобождение Труда». В конце 1900 г. в редакцию вошли: П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич,

В. И. Ленин, Ю. О. Мартов, Г. В. Плеханов и А. Н. Потресов. В течение 1900—1903 г.г. «Искра» проделала громадную работу по собиранию сил российской с.-д., ведя беспощадную теоретическую борьбу с оппортунизмом в лице тогдашнего «экономизма». II съезд РСДРП (Лондон 1903 г.) признал громадное значение работы, проделанной «Искрой», и объявил ее центральным органом партии. В связи с вопросом о руководстве партийной работой Ленин придавал сугубо важное значение составу редакции Ц. О. Благодаря его давлению съезд удалил из редакции колеблющихся — Аксельрода, Засулич и Потресова — и выбрал новую редакцию в составе Ленина, Плеханова и Мартова (последний отказался в нее войти). Ввиду того, что вскоре после съезда Плеханов встал на путь сближения со своими старыми политическими друзьями, Ленин оказался вынужденным покинуть «Искру» и с № 51 уже в ней не работал. После окончательного перехода Плеханова на позицию меньшевиков, «Искра», прозванная «новой» в отличие от «старой» — ленинской, превращается из революционного органа в газету организационного оппортунизма и половинчатой критики либерализма. Новая «Искра» заканчивает свое существование во время первой революции — 8 октября 1905 г.

Здесь имеется в виду статья: «Явление либералов народу».

[52]) *Vademecum* — буквально значит (по-латыни): *иди со мной*, употребляется в смысле: *путеводитель*. Это слово здесь употреблено по аналогии с известным полемическим сочинением Плеханова (Vademecum для редакции «Рабочего Дела»), написанным против «экономистов».

[53]) *Первый земский собор* — существование которого исторически засвидетельствовано, был созван в 1566 г. Иваном IV для обсуждения вопроса о дальнейшем ведении войны с Польшей за Ливонию. Состав собора был самый случайный, а компетенция его совершенно неопределенной. Самую выдающуюся роль на соборах играли «чины» мелкого дворянства и представители купечества. Наиболее частой причиной созыва соборов были какие-либо экстренные государственные события: «избрание» царя, ведение войны и т. д. Расцвет соборной деятельности выпадает на первую половину XVII столетия (с 1612 по 1653 год было созвано десять соборов). Конец XVII столетия, ознаменовавшийся укреплением абсолютной власти и ростом денежного хозяйства, усиливший значение единодержавного царя, мало зависевшего теперь от своих вассальных князей, был концом первой «совещательной русской Думы» — земского собора.

[54]) *«Революционная Россия»* — центральный орган партии эсеров. Только два первые номера вышли — нелегально — в России в конце 1901 г., следующие номера выходили за границей. Журнал стремился примирить социал-демократов с эсерами и сочувственно относился к либералам. Богатый фактическими корреспонденциями из России, журнал имел широкое распространение. На его страницах были впервые сформулированы тактические основы деятельности партии с.-р. Старая «Искра», в лице Ленина и Плеханова, вела беспощадную идейную борьбу с «Революционной Россией». Именно тогда Плеханов бросил свое крылатое слово о «социалистах-*реакционерах*».

[55]) О характере и размерах этой стачки дают нам представление нижеследующие выдержки из прокламации Петербургского Комитета, выпущенной 10 января в связи с бакинской стачкой:

«Вот уже скоро три недели, как рабочие Баку, этого крупнейшего на Кавказе промышленного центра, предъявивши требования экономического и политического характера, дружно прекратили работу. Всеобщая стачка огромным пожаром охватила все, за незначительными исключениями, промысла, фабрики, заводы, мастерские, типографии. Забастовали рабочие на доках и пристанях. Бастуют целые районы, целые заводские поселки, — все рабочие отдельных предприятий без различия пола, возраста и национальности, — русские, армяне, грузины, персы, татары. Это — внушительная грандиозная манифестация. Жизнь в этом громадном, оживленном городе замерла, остановилась. Конки не ходят. Телеграф и телефон не действуют. Газеты не выходили несколько дней. По временам на улицах появляются толпы демонстрирующих рабочих. Происходят стычки с казаками и полицией. Стачка длится, — рабочие настойчиво и неуклонно идут к поставленной цели. Повторяем, это — грозная исполинская манифестация...

Как один человек, поднялся пролетариат одного из крупнейших городов России, и он мстит самодержавию за все его преступления, за тот гнет и бесправие, которые железными тисками давят русского пролетария, за бессмысленную войну с Японией, за кишиневский погром и якутскую бойню — за все, что в продолжение стольких лет взывало к протесту и искало себе выхода.

Потрясающим трагизмом и неуклонной энергией были полны отдельные глубоко-знаменательные эпизоды первого сражения, данного русским пролетариатом русскому самодержавию: это расстрел рабочих на киевском вокзале, их демонстрация с трупами убитых, часто наблюдавшееся уклонение солдат от стрельбы, солидное спокойствие манифестантов в Одессе.

Такими же и более замечательными эпизодами будет, вероятно, богата и нынешняя стачка.

Если летние стачки 1903 г. развернули русскому правительству и всему миру всю ту *громадную солидарность и единодушие*, которые может проявлять русский пролетариат в своей классовой борьбе за политическую свободу, — то нынешней, если даже она ограничится пределами одного Баку, суждено, повидимому, стать исполинской демонстрацией его *энергии и настойчивости* в деле достижения раз навсегда поставленной цели.

Собирайтесь же теснее, товарищи, под знамена социал-демократии, и пусть смелое выступление бакинских рабочих найдет себе горячий отклик в сердцах их петербургских собратьев! Удесятерим же свою энергию в нашей повседневной революционной работе, будем всюду и везде выяснять смысл происходящих на юге событий, будем собирать деньги на поддержку стачечников,

будем подготовлять почву для такой же грандиозной стачки здесь, в Петербурге! Как могучий удар тарана, она снесет последние твердыни самодержавия. Она может обратиться в последнюю и решительную схватку русского народа с русским самодержавием.

Долой самодержавие! Да здравствует всеобщая стачка!

Искренний привет бакинским товарищам!»

[56]) *Гредескул* (род. в 1864 г.) — профессор харьковского университета. По приказанию министра Дурново, был заключен в тюрьму и перед самыми выборами в I Думу сослан в Архангельскую губернию. Редактировал газету «Мир» (впоследствии закрытую); был одним из руководителей кадетской партии. В I Думе был избран вторым товарищем председателя Думы. В дни Советской власти Гредескул эволюционировал влево, и его политические выступления в 1920 г. предвосхитили «сменовеховство». В последние годы Гредескул работает как профессор ленинградских вузов.

[57]) *Уланд* — знаменитый немецкий поэт, историк литературы и вюртембергский политический деятель (1787—1862). После революции 1848 г. был выбран во франкфуртский парламент, где явился членом левой, определенным сторонником велико-германской партии (стоявшей за включение Австрии в будущую объединенную Германию) и демократом. — Цитируемое в тексте стихотворение написано в 1817 г. (Den Landständen zum Christophstag 1817 г.). Первая строчка приведена не вполне точно, — у Уланда сказано: Und kann es nicht sein Ziel erstreben, и т. д. (Если же оно—т.-е. ваше последнее, решительное слово—не сможет добиться цели, и т. д.).

[58]) *Всеобщие стачки 1903 г.* — явились первым предвестником русской революции 1905 г. Они впервые выдвинули на арену революционной борьбы организованный пролетариат с развитым классовым самосознанием. Первая летняя стачка 1903 года началась 2 июля в Баку. В ней принял участие весь рабочий класс города — 50 тысяч чел. Вся промышленная жизнь замерла. В течение нескольких дней, пока не успели прибыть войска, город был в руках бастующих. Немедленно был организован стачечный комитет, руководивший стачкой и ведший переговоры с нефтепромышленниками. 6 июля произошла первая схватка рабочих с казаками. В город стягиваются войска. Из Петербурга дается приказ — ни в коем случае не уступать стачечникам. 14 июля объявляется днем начала работ, стачка прекращается, но в этот же день начинается стачка в Тифлисе. Тифлисская стачка была, главным образом, выражением солидарности и сочувствия бакинским пролетариям. Ею было охвачено 15 тысяч чел. Стачка продолжалась 10 дней. 17 июля забастовал Батум. Всего в Баку и Закавказье бастовало в этот период около 100 тысяч человек. Особенно ярко прошла всеобщая стачка в Одессе (подробнее см. прим. 60). Здесь она охватила более 50 тысяч рабочих. Стачку начал «Комитет независимой рабочей партии» (полицейская, зубатовская организация). «Независимцы» вели открытую борьбу с с.-д. организацией, вносившей политические мотивы в рабочее движение. Тем не менее огромная часть сознательных рабочих единодушно поддержала социал-демократов в их политической агитации. Военно-полицейская расправа с бастующими рабочими в Одессе своей жестокостью превзошла все другие города. Из Одессы стачка перекинулась в Киев и Екатеринослав, где ею руководили социал-демократические организации. Всеобщая забастовка

охватила также и Елисаветград, Феодосию, Керчь и другие города. В общем и целом всеобщая стачка продолжалась более полутора месяца. Число рабочих, принимавших в ней участие, достигло 200 тысяч. Требования стачечников были повсюду одинаковы. Это были: 8-часовой рабочий день, повышение заработной платы, отмена сверхурочных работ и др. Под руководством партийных организаций эти экономические требования приобретали политический характер. Всеобщие стачки 1903 года показали всю силу рабочего класса и явились первым шагом на пути к победоносному восстанию пролетариата.

[59]) *Киевская стачка* — была ответом на забастовки в Баку и Одессе. 21 июня Комитет партии обратился с воззванием ко всем типографщикам и железнодорожным рабочим, в котором говорилось: «Бросайте немедленно работы. Наши одесские и бакинские товарищи ждут нашей поддержки». В воззвании был выставлен ряд (15) требований, в том числе о 8-часовом рабочем дне и о повышении зарплаты на 40—50%. В тот же день прекратили работу все рабочие железнодорожных мастерских, депо и малого ремонта, а также южно-русского машиностроительного завода, — всего 4.000 чел. В листке к типографщикам Комитет предлагал выставить требование об увеличении заработной платы на 30%, о 8-часовом рабочем дне, об устройстве вентиляции и лучшего освещения в типографиях. 22 июня типографщики в числе 500—600 человек присоединились к стачке. Через несколько дней бастовал весь Киев. Город оказался без электричества, газа и хлеба. Город, конечно, был объявлен на военном положении, были пущены в ход войска. Стачка прекратилась 30 июня.

[60]) *Одесская стачка.* — В июне 1903 г. была объявлена стачка рабочими механического завода Рестель. Администрация завода наняла штрейкбрехеров, которые работали под охраной полиции. Стачка провалилась, и вера рабочих во всемогущество «Комитета Независимых», руководившего стачкой, была сильно поколеблена. В это же время на бумагоджутовой фабрике Родоконаки вспыхнула стачка, руководимая Одесским Комитетом РСДРП. Эта стачка через несколько дней была выиграна. Экономические требования рабочих частично были удовлетворены. 1 июля начинается большая стачка на Большом вокзале. Ближайшим поводом к ней явилось увольнение одного рабочего котельного цеха. Котельщики потребовали возвращения рабочего и удаления некоторых мастеров. Это требование было единодушно поддержано рабочими других цехов. Началась агитация за всеобщую железнодорожную стачку. 2 июля уже бастовал весь Большой вокзал. Были выставлены следующие требования: 1) 9-часовой рабочий день, вместо 10-часового, 2) увеличение заработной платы, 3) возвращение уволенных товарищей, 4) удаление некоторых мастеров, 5) вежливое обращение и ряд других мелких требований. «Независимые» решительно противодействовали всякой деятельности Одесского Комитета РСДРП среди железнодорожников. Тем не менее, листки Одесского Комитета и речи его представителей встречались восторженно огромной частью рабочих. 6 июля состоялось собрание бастующих железнодорожников, где представителями социал-демократов подробно разбирались политические вопросы — о борьбе рабочего класса в России, о задачах рабочих, о социал-демократической партии. Возгласы ораторов «долой самодержавие!», «да здравствует

политическая свобода!» и др. дружно поддерживались рабочими. 4 июля начинается забастовка портовых грузчиков, требующих увеличения заработной платы до 2 рублей в день и сокращения рабочего дня на полчаса. С 6 июля к забастовке примыкают матросы, кочегары, угольщики. Так как часть моряков состояла членами кассы «Комитета Независимых», то последнему пришлось взять на себя руководство стачкой. Председатель «Комитета Независимых» Шаевич с первого же дня предложил сократить требования до минимума. Моряки не соглашались: умеренные требования Шаевича их не удовлетворяли. 13 июля началось сильное брожение среди кондукторов и кучеров конки. 15 июля конка и трамвай прекращают движение. Утром 16 июля прекращают работы фабрики Жако, Родоконаки и другие. 17 июля происходит огромная демонстрация рабочих, направляющаяся в Рубов сад. 18 июля в том же Рубовом саду дезорганизаторская, провокационная роль «независимых» сказалась еще ярче и выпуклее. Независимцы повели усиленную агитацию среди рабочих против социал-демократов. Последних выводили из сада и грозили передать в руки полиции. Собрание без политического руководства, разлагаемое независимцами, призывавшими разойтись, не могло продолжаться: большинство стачечников разошлось по своим фабрикам и заводам, где перешло к обсуждению своих частных требований. Несмотря на все препятствия, социал-демократам удалось кое-где выступить. На следующий день, 19 июля, градоначальник Арсеньев издает приказ:

> «Вследствие возникших в городе беспорядков сим объявляю во всеобщее сведение, что при неподчинении требованиям полицейской и административной власти я принужден буду для восстановления порядка — на основании закона — употребить силу оружия».

Уже к 18 июля по городу были расположены войска в полном вооружении. «Комитет Независимых», как главный виновник беспорядков, был распущен. С 19-го войска начали расправу.

Хотя стачка ни к каким ощутимым политическим и экономическим результатам не привела, тем не менее ее значение было огромно. Она уяснила всем рабочим политику «независимых», политику самодержавия, политику социал-демократии. Зубатовская организация «независимых» потерпела решительный крах. Наиболее сознательная часть рабочих, примыкавшая к «независимым», отошла к социал-демократам. Авторитет социал-демократической организации среди рабочих значительно возрос. Шаевич был арестован и выслан из Одессы.

[61]) Т.-е. «Кровавого Воскресенья» 9 января. «Петербургское восстание» является, конечно, неправильной характеристикой этого исторического события, ибо 9 января никакого восстания не было, а имела место лишь мирная демонстрация рабочих. Термин «петербургское восстание» был, повидимому, взят из иностранной прессы, которая всячески раздувала происходившие в Петербурге события и расстрел мирной демонстрации превратила в восстание.

[62]) Речь идет о попытке Гапона объединить революционные партии в единый блок. Вот что говорил об этом блоке Ленин на III съезде партии, на заседании 6 мая:

«Я должен доложить съезду об одной неудачной попытке соглашения с с.-р. За границу приехал тов. Гапон. Повидался с с.-р., потом с «Искрой», затем и со мной. Он говорил мне, что стоит на точке зрения с.-д., но по некоторым соображениям он не считает возможным заявить это открыто. Я ему сказал, что дипломатия вещь очень хорошая, — но не между революционерами. Нашего разговора не передаю, его содержание изложено во «Вперед». На меня он произвел впечатление человека, безусловно, преданного революции, инициативного и умного, хотя, к сожалению, без выдержанного революционного миросозерцания.

Через некоторое время я получил от т. Гапона письменное приглашение на конференцию социалистических организаций, имевшую целью, по мысли Гапона, согласование их деятельности. Вот список тех 18 организаций, которые по этому письму были приглашены на конференцию т. Гапона: 1) Партия социалистов-революционеров, 2) РСДРП, «Вперед», 3) РСДРП, «Искра», 4) Польская Партия Социалистическая, 5) с.-д. Польши и Литвы, 6) ППС, «Пролетариат», 7) Латышская СДРП, 8) Бунд, 9) Армянская с.-д. рабочая организация, 10) Армянская революционная федерация (Дрошак), 11) Белорусская социалистическая громада, 12) Латышский с.-д. союз, 13) Финляндская партия активного сопротивления, 14) Финляндская рабочая партия, 15) Грузинская партия соц. федер. революционеров, 16) Украинская революц. партия, 17) Литовская с.-д. партия, 18) Украинская социалистическая партия.

Я указывал и т. Гапону и одному видному с.-р., что сомнительный состав конференции может затруднить дело. На конференции складывается огромное преобладание с.-р. Дело созыва конференции надолго затянулось. «Искра» ответила, как видно из предъявленных мне т. Гапоном документов, что она предпочитает прямые соглашения с организованными партиями. «Тонкий» намек на «Вперед», который-де является дезорганизатором и т. д. В конце концов «Искра» на конференцию не явилась.

Мы, представители и от редакции «Вперед» и от бюро комитетов большинства, на конференцию явились. Мы здесь увидели, что конференция является с.-р. Оказалось, что рабочие партии либо вовсе не приглашены, либо нет никаких сведений, что они приглашены. Так, была представлена Финляндская партия активного сопротивления, но не было Финляндской рабочей партии.

На наш вопрос, почему? — нам ответили, что приглашение Финляндской рабочей партии передано через партию активного сопротивления, так как, по словам говорившего это с.-р., они не знали, как сообщить это непосредственно. Между тем всякому, хоть сколько-нибудь знающему дела за границей, известно, что с Финляндской рабочей партией можно снестись хотя бы через вождя Шведской СДРП Брантинга. На конференции были представители ППС, не было представителя с.-д. Польши и Литвы. И нельзя было добиться сведений, были ли они приглашены?

От Литовской с.-д. и революционной украинской партии ответа не получилось, как нам сообщил тот же с.-р.

С самого начала выдвинут был национальный вопрос. ППС подняла вопрос о нескольких учредительных собраниях. И это дает мне основание сказать, что вперед необходимо будет или вовсе отказываться от участия в конференции, либо устраивать конференцию из представителей рабочих партий одной национальности, либо приглашать на конференцию представителей местных партийных к-тов из районов с нерусским населением. Но я вовсе не вывожу отсюда, что конференции невозможны из-за принципиальных разногласий. Необходимо лишь, чтобы вопросы были поставлены чисто деловые.

Мы не можем из-за границы контролировать состав конференций и т. п. Необходимо, чтобы был представляем русский центр и обязательно с участием представителей местных к-тов. Вопрос, из-за которого мы удалились, был вопрос относительно латышей. Уходя с конференции, мы предъявили следующее заявление:

«Переживаемый Россией важный исторический момент ставит перед действующими в стране с.-д. и революционно-демократическими партиями и организациями задачу практического соглашения для более успешного нападения на самодержавный режим.

Придавая поэтому чрезвычайно серьезное значение созываемой для этой цели конференции, мы естественно должны самым строгим образом относиться к вопросу о ее составе.

В созванной т. Гапоном конференции, к сожалению, это необходимое условие плодотворности ее работы не было достаточно соблюдено, и мы вынуждены были ввиду этого уже при самом начале ее конституирования принять меры, которые обеспечили бы реальный успех данного совещания.

Чисто деловой характер конференции требовал, например, прежде всего, чтобы доступ к участию в ней был предоставлен лишь таким организациям, которые составляют действительную реальную силу в России.

А между тем состав конференции в смысле реальности некоторых организаций оказался весьма неудовлетворительным. На ней оказалась представленной даже такая организация, фиктивность которой стоит вне сомнений. Мы говорим о Латышском с.-д. союзе.

Представитель Латышской СДРП потребовал отвода этого союза, придав этому требованию ультимативный характер.

Выяснившаяся затем на особом совещании представителей четырех с.-д. организаций при участии делегатов «союза» полная фиктивность последнего, естественно, заставила и нас — остальные бывшие на конференции с.-д. организации и партии — присоединиться к этому ультимативному требованию.

Но тут же, с первых шагов, мы натолкнулись на резкий отпор всех рев.-демокр. партий, которые своим отказом в удо-

влетворении нашего ультимативного требования предпочли одну фиктивную группу ряду известных с.-д. организаций.

Наконец, практическое значение конференции еще более умалялось отсутствием на ней целого ряда других с.-д. организаций, участие которых, насколько нам удалось выяснить, не было обеспечено надлежащими мерами.

Вынужденные ввиду всего этого оставить конференцию, мы выражаем вместе с тем уверенность, что неудача одной попытки не остановит настойчивого стремления к повторению ее в самом близком будущем, и что стоящая пред всеми революционными партиями задача практического соглашения будет выполнена этой ближайшей конференцией в составе действительно работающих в России, а не фиктивных организаций.

За Латышскую СДРП — *Ф. Розин.*

За «Вперед» Росс. СДРП — *Н. Ленин.*

За Центр. Ком. Бунда — *И. Гельфин.*

За Арм. СДРП Организацию — *Лерр*».

Через $1^1/_2$—2 недели т. Гапон передал мне следующее заявление:

«Дорогой товарищ! Препровождая вам две декларации, исходящие от известной вам конференции, прошу сообщить их предстоящему III съезду РСДРП. Считаю долгом оговориться лично за себя, что я принимаю эти декларации с некоторыми оговорками в вопросах социалистической программы и федералистического принципа.

Георгий Гапон».

При этом заявлении были переданы два интересных документа, в которых обращают на себя внимание следующие места: «Применение федеративного начала в отношениях между национальностями, остающимися под одной государственной кровлей»...

«Социализация, т.-е. переход в общественное заведывание и в пользование трудового земледельческого населения всех земель, обработка которых основывается на эксплоатации чужого труда, причем определение конкретных форм, последовательности в проведении этой меры и ее размеров остается в сфере компетенции партий отдельных национальностей, сообразно особенностям местных условий их страны и развития общественного, муниципального и общинного хозяйства»...

«...Хлеба — голодным!

Земля и ее блага — всем трудящимся!».

«...Учредительного Собрания из представителей всех мест Российской империи, за исключением Польши и Финляндии».

«... Созыв для Кавказа, как автономной, федеративно-связанной с Россией части, — Учредительного Собрания»...

Результат конференции, как видно из приведенных цитат, вполне подтвердил опасения, побудившие нас покинуть конференцию. Здесь перед нами сколок с с.-р. программы со всевозможными

уступками националистическим пролетарским партиям. Странно было бы без национальных пролетарских партий участвовать в решении выдвинутых на конференции вопросов. Ею выставлено, например, требование особого Учредительного Собрания для Польши. Мы не можем быть ни за, ни против. Наша программа признает принцип самоопределения национальностей. Но недопустимо решать этот вопрос без с.-д. Польши и Литвы. Конференция поделила Учредительное Собрание — и это без присутствия рабочих партий! Мы не можем допустить практического решения подобных вопросов помимо партии пролетариев. Но вместе с тем нахожу, что принципиальные разногласия не исключают все же возможности практических конференций, но, во-первых, в России, во-вторых, по проверке реальности сил и, в-третьих, отделяя национальные вопросы, или по крайней мере приглашая на конференцию представителей местных к-тов тех из районов, где есть национальные с.-д. и не с.-д. партии».

Н. Ленин (В. Ульянов). Т. VI. 1905 г. (Речь по поводу соглашения с с.-рами, стр. 188, 189, 190 и 191).

[83]) *Гапон Г.* — родился в 1870 г. в Полтавской губернии, в семье казака. Учился в полтавской духовной семинарии, по окончании которой некоторое время служил земским статистиком. По настоянию жены, принял священнический сан, затем вскоре поступил в петербургскую духовную академию, а по окончании последней получил место в петербургской пересыльной тюрьме. Еще будучи слушателем академии, он связался с рабочими и сблизился с начальником московского охранного отделения Зубатовым и др. высшими чинами полиции, на службе у которой находился во все время своей деятельности в рабочих организациях. В том же году Гапон основал в Петербурге «Общество фабричных и заводских рабочих» по типу зубатовских организаций и был его председателем. В начале 1904 г. Гапоном был организован кружок рабочих полиграфического дела, который к концу года насчитывал до 70—80 человек. Кружок открыл на Васильевском острове чайную, в которой устраивал беседы. Упоминая о своих связях с полицией, Гапон объяснял их тем, что они необходимы для выполнения задач его организации. Мечтая об устройстве клубов по всей России для объединения всех рабочих, Гапон предполагал при общей экономической вспышке предъявить политические требования. Во время своих бесед Гапон развивал и некоторые положения своей будущей петиции. К декабрю 1904 г. гапоновское общество фабрично-заводских рабочих имело уже районные организации по всему Петербургу. Несмотря на недоверие сознательных рабочих и предостережения социал-демократических организаций, Гапону удалось объединить в своих организациях большое количество рабочих. Забастовки первых чисел января 1905 г. и натиск рабочей массы вынудили гапоновское общество принять на себя руководство движением. Вместо революционной борьбы стихийное движение масс было направлено Гапоном на путь ходатайства перед царем. Он лично выступал в последние дни перед 9 января на всех собраниях районов, произнося везде горячие зажигательные речи. Во время шествия к Зимнему дворцу Гапон был ранен,

но спасен своими друзьями. При помощи эсера, инженера Рутенберга, он бежал за границу.

В Париже Гапон пробовал-было сойтись с революционными организациями, несколько раз встречался с Плехановым, но обнаружил полное невежество в политических вопросах, честолюбие и властолюбие. Позднее он совершенно отошел от революционных организаций, не без основания подозревавших его в связи с охранкой.

После октябрьской амнистии политических деятелей Гапон возвратился в Россию, вновь завел связь с охранкой, получил от нее задание — восстановить разрушенное общество фабричных и заводских рабочих, получил деньги, намеревался даже издавать свою газету, но 28 марта 1906 г. на даче под Петербургом, в Озерках, был убит тем же Рутенбергом.

Насколько 9 января на время сделало из Гапона яркую революционную фигуру, показывает, напр., отношение к нему В. И. Ленина. Н. К. Крупская в № «Правды» от 21 января 1925 г. сообщает по этому поводу следующее:

> «Один товарищ недавно возмутился: как это Владимир Ильич имел дело с Гапоном!
>
> Конечно, можно было просто пройти мимо Гапона, решив наперед, что от попа не будет никогда ничего доброго. Так это и сделал, например, Плеханов, принявший Гапона крайне холодно. Но в том-то и была сила Ильича, что для него революция была живой, что он умел всматриваться в ее лицо, охватывать ее во всем ее многообразии, что он знал, понимал, чего хотят массы. А знание массы дается лишь соприкосновением с ней. Как мог пройти Ильич мимо Гапона, близко стоявшего к массе, влиявшего так на нее!
>
> Владимир Ильич, придя со свидания с Гапоном, рассказывал о своих впечатлениях. Тогда Гапон был еще обвеян дыханием революции. Говоря о питерских рабочих, он весь загорался, он кипел негодованием, возмущением против царя и его приспешников. В этом возмущении было немало наивности, но тем непосредственнее оно было. Это возмущение было созвучно с возмущением рабочих масс. «Только учиться ему надо» — говорил Владимир Ильич. «Я ему сказал: Вы, батенька, лести не слушайте, учитесь, а то вон где очутитесь, — показал ему под стол».
>
> 8 февраля 1905 г. Владимир Ильич писал в № 7 «Вперед»: «Пожелаем, чтобы Георгию Гапону, так глубоко пережившему и перечувствовавшему переход от воззрений политически бессознательного народа к воззрениям революционным, удалось доработаться до необходимой для политического деятеля ясности революционного миросозерцания».
>
> Гапон никогда не доработался до этой ясности. Он был сыном богатого украинского крестьянина, до конца сохранил связь со своей семьей, со своим селом. Он хорошо знал нужды крестьян, его язык был прост и близок серой рабочей массе; в этом его происхождении, в этой его связи с деревней, может быть, одна из тайн его успеха; но трудно было встретить человека,

так насквозь проникнутого поповской психологией, как Гапон. Раньше он никогда не знал революционной среды, а по натуре своей был не революционером, а хитрым попом, шедшим на какие угодно компромиссы».

[64]) Постановление большинства ноябрьского земского совещания о предоставлении решающего голоса народным представителям (см. примечание 3) побудило «реформатора» Мирского сделать доклад Николаю о необходимости ряда реформ. В связи с этим докладом царь созвал совещание министров, которое поручило Витте написать проект соответствующего указа. Проект указа под заглавием: «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» и был выработан Витте совместно с Нольде и подписан всеми членами совещания. Утверждая проект, Николай, при активном участии Витте и Победоносцева, вычеркнул основной пункт о необходимости привлечения общественных деятелей в законодательное учреждение. Манифест был опубликован 12 декабря; он говорил об административных реформах и, в очень туманных выражениях, о расширении прав населения и свободы печати. В подкрепление вычеркнутого пункта, следом за манифестом было издано «правительственное сообщение», которое запрещало обсуждать в общественных собраниях вопрос о конституции. Вполне естественно, что подобный указ ни в малой мере не мог удовлетворить даже самых умеренных земцев. Витте сам признается в своих «Воспоминаниях», что указ лишь обострил отношения между самодержавием и «обществом». Но возбуждение либералов, как подобает, ограничилось лишь новыми банкетами. Практические результаты манифеста свелись к некоторым проявлениям веротерпимости по отношению к старообрядчеству и сектантству и к изменению положения в школах западных губерний.

[65]) *«Весна»*.—Убийство Плеве явилось серьезным предостережением для реакционной политики царского правительства. Плеве обещал своей политикой добиться быстрого и решительного уничтожения революционной крамолы, а в результате — погиб от руки революционера. Преемника Плеве нашли только через месяц. Новый министр внутренних дел, Святополк-Мирский (см. о нем прим. 28), хотя был тоже жандармом, но в отличие от Плеве — жандармом «либеральным». Его первым шагом явилось уверение «в благожелательности и доверии к общественным сословным учреждениям». Издатель реакционной газеты «Новое Время», А. С. Суворин, назвал эту эпоху сближения народа с властью «весной». Первое время после назначения князя Святополк-Мирского, вся пресса, не исключая и реакционной («Гражданин», «Новое Время» и др.), приветствовала, в лице назначенного министра, новый период в истории русского государства — период доверия, единения правительства с народом. Святополк-Мирский пытался в своей политике найти среднюю линию между самодержавием и ограниченным народным представительством. Новый министр предполагал опереться в своей политике на земцев. Для этого он созвал совещание представителей земских управ. Однако, возбужденный тон прессы внушил ему опасения за исход совещания, так что, в конце концов, последнее было запрещено и должно было собраться полулегально на частной квартире. Съезд земских деятелей определенно высказался за конституцию. Это решение

съезда было восторженно встречено либерально-демократическими кругами и явилось исходным пунктом для бесчисленного количества банкетов, на которых неизменно выносилось приветствие земскому съезду. Резолюции, заявления, протесты, записки, петиции принимают в этот период эпидемический характер. В ответ на них правительство 12 декабря издает указ, в котором вскользь говорится о некоторых административных реформах, но непременным условием дальнейших реформ ставится сохранение «незыблемости основ самодержавной империи». О народном представительстве в указе не упоминалось ни слова. Через два дня после издания этого указа было опубликовано правительственное сообщение, которое запрещало даже обсуждать постановления земского съезда. Были запрещены всякие сборища, собрания, митинги. Снова начинаются гонения на печать. 31 декабря князь Святополк-Мирский издает циркуляр, в котором разъясняется, что пересмотр положения о крестьянах будет производиться на основе проекта Плеве. Этим циркуляром все политические иллюзии, внушенные половинчатой политикой Святополка, были окончательно рассеяны. Половинчатые решения больше уже никого не удовлетворяли, а, наоборот, только еще сильнее возбуждали массы. 9 января окончательно положило предел политике доверия. Спустя несколько дней после Кровавого Воскресенья, Святополк-Мирский должен был уйти. С его уходом формально заканчивается эпоха «весны».

[66]) *Трепов, Д. Ф.* (родился в 1855 г.). — Сын знаменитого петербургского градоначальника. В 1896 г. был назначен московским обер-полицеймейстером. На этом посту Трепов проявил себя активным сторонником зубатовских организаций. После событий 9 января был назначен петербургским генерал-губернатором. Здесь он продолжал вести ту же политику, что и в Москве. Поднимается гонение на печать: 5 февраля по распоряжению Трепова закрываются две крайние либерально-демократические газеты, «Сын Отечества» и «Наша Жизнь». В свою бытность петербургским генерал-губернатором Трепов имел большое влияние на Николая. В мае 1905 г. он был назначен товарищем министра внутренних дел и командующим отдельным корпусом жандармов. С этого времени он становится вдохновителем всей правительственной политики. Во время всеобщей политической забастовки, 14 октября, он издает исторический приказ: «Патронов не жалеть и холостых залпов не давать». Усмирение октябрьского восстания, черносотенные погромы, карательные экспедиции — все это проводилось под неустанным руководством Трепова. Во время работ I Государственной Думы Трепов стал высказываться за некоторые уступки «обществу» и был против роспуска Думы.

1 июля 1906 г. предполагалось покушение на Трепова, но по ошибке был убит похожий на него наружностью генерал-майор Козлов. Убийца (Васильев) был казнен. 2 сентября 1906 г. Трепов неожиданно скончался. В его лице царское самодержавие потеряло крупнейшего деятеля по борьбе с революционным движением.

[67]) *Русское общество фабрично-заводских рабочих.* — В августе 1903 г. группа рабочих, членов петербургского зубатовского общества, войдя в связь с Гапоном, сняла небольшое помещение на Выборгской стороне. Здесь устраивались беседы с рабочими об их нуждах; каждая беседа

началась и кончалась молитвой. Вскоре Гапон получил полуофициальное разрешение на организацию «общества рабочих» и стал вербовать рабочих в это общество. Для легализации «общества» Гапон выработал устав, который послал в ноябре на утверждение властей. Целью «собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга» устав признавал «трезвое и разумное провождение времени членами «собрания» с действительной пользой как в духовно-нравственном, так и в материальном отношениях». Далее устав указывал, что общество организуется «для возбуждения и укрепления в среде членов-рабочих русского национального самосознания и для проявления... самодеятельности, способствующей законному улучшению условий труда и жизни рабочих». В начале ноября из «общества» были удалены, по единогласному постановлению его членов, агенты Зубатова: рабочие хотели обсуждать свои нужды без «отцовской» опеки охранки. 15 февраля 1904 г. устав был утвержден, причем в уставе везде была оговорена обязательность утверждения полицией выборных лиц, лекторов и др. Официальное открытие «собрания» произошло 11 апреля 1904 г. Открывая «собрание», Гапон заявил, что устав «собрания» впервые дал возможность рабочим объединиться без участия администрации. «Собрание» послало телеграмму царю, извещая «обожаемого монарха», что рабочие одушевлены ревностной любовью «к престолу и отечеству».

В мае 1904 г. открылось первое филиальное отделение «собрания» за Нарвской заставой. Интересно, что для оплаты помещения этого отделения средства были выданы полицией (360 руб.). В июле петербургское охранное отделение выдало Гапону на организацию новых отделов 400 р. 19 сентября Гапон устроил общее собрание членов «собрания», на котором присутствовало до 1.000 рабочих. Вскоре по всем окраинам Петербурга стали открываться отделения «собрания». Всего к концу 1904 г. «собранием» было открыто 11 отделений с общим числом членов до 7—8 тысяч. Наступившая «весна» заставила Гапона искать сближения с революционными партиями и либералами, но «банкетные» резолюции либералов уже не могли удовлетворить рабочих. В начале декабря было созвано совещание председателей отделений «собрания», на котором было решено шире развернуть агитацию среди рабочих. Увольнение 4 рабочих на Путиловском заводе поставило «собрание» перед необходимостью вмешаться и встать на защиту рабочих. 27 декабря на собрании председателей отделов с представителями от революционных партий (эсеров) был выработан ряд требований по отношенью к администрации Путиловского завода. Сдача Порт-Артура 20 декабря 1904 года усилила недовольство рабочих и ускорила надвигавшуюся забастовку. Нужен был жестокий урок «Кровавого Воскресенья», чтобы окончательно заставить рабочих похоронить веру в царя. (О стачке петербургских рабочих см. в настоящей книге отдел «9 января»).

[68]) В своих мемуарах жена известного в Петербурге генерала Е. В. Богдановича — А. В. Богданович сообщает следующее:

«Сегодня во втором часу был телефон от Зилоти с сенсационною новостью, что во время Иордани, в ту минуту, когда митрополит погружал крест в воду, раздался обычный пушечный салют, и оказалось, что одна из пушек, которые стреляли, была заряжена картечью. Одна пуля ранила городового, затем были разбиты два стекла в окнах Зимнего дворца. Царь

в это время находился в павильоне, где совершалось богослужение, царицы сидели у окна во дворце. Царь немного растерялся, а царицы не поняли, в чем дело. Кусок стекла попал в голову Авелану, а другой — Зилоти. Говорят, что все эти дни в Петербурге шел слух, что 6-го будет покушение на царя, а если оно не удастся, то будет 12 января. Говорят, что из Швейцарии уехали сюда анархисты с целью убить царя, что об этом дано было сюда знать». («Дневник А. В. Богданович», стр. 327.)

[69]) *Людовик XVI* — французский король, наследовал своему деду Людовику XV в 1774 г., в то самое время, когда брожение во Франции все более и более усиливалось. Господство двух высших сословий, дворянства и духовенства, вызывало в растущей буржуазии (так называемое третье сословие) острое недовольство. Оппозиция становилась с каждым годом все сильнее и опаснее для абсолютистского государства. Под все растущим влиянием этой оппозиции Людовик XVI прибегает к крайнему средству — созыву Генеральных Штатов, которые не созывались в течение 175 лет. Право выборов было дано всем французам, достигшим 25-летнего возраста и уплачивавшим определенную сумму налога. 5 мая 1789 г., в Версале, Генеральные Штаты были открыты. Первые недели прошли в бурных спорах по вопросу о голосовании. Третье сословие предлагало совместные заседания и голосования, привилегированные сословия на это не соглашались. Споры ни к чему не привели. 17 июня третье сословие объявляет себя, как представителей 96% французского народа, Национальным Собранием. 23 июня Людовик XVI приказывает восстановить старый порядок и голосование производить по сословиям. Национальное Собрание отказывается подчиниться. После восстания 14 июля, закончившегося взятием Бастилии, Людовик XVI утверждает декрет Национального Собрания об уничтожении феодальных порядков. С этого времени он уже фактически не царствует. Встревоженный быстрой сменой событий, он то приспособливается к новому порядку, то реагирует против него посылкой тайных воззваний к иностранным державам. В июне 1791 г. Людовик XVI с семьей пытался бежать в Лотарингию, но в Варенне был задержан и возвращен обратно. 14 сентября 1791 г. Людовик XVI приносит присягу новой конституции, выработанной Национальным Собранием, но продолжает тайно вести переговоры с иностранными государствами и с французскими эмигрантами. Отказ Людовика санкционировать декрет Национального Собрания, направленный против эмигрантов и мятежных священников, и раскрытие сношений Людовика с иностранцами вызывают восстание 10 августа 1792 г. Национальное Собрание постановляет созвать Национальный Конвент для установления порядка власти во Франции. 21 сентября в Париже открывается Национальный Конвент. Главнейшим его решением было объявление Франции республикой. Вслед затем жирондистами поднимается вопрос о судьбе короля. Громадным большинством голосов Людовик XVI признается виновным в заговоре против свободы нации и общественной безопасности. По вопросу о наказании голоса разделились. Большинством 383 против 310 Людовик XVI был приговорен к смертной казни и на следующий день, 21 января 1793 г., был гильотинирован.

[70]) Здесь имеются в виду Великая Французская Революция XVIII в. и австро-немецкая 1848 года. Обе эти революции знаменовали полити-

ческую ликвидацию феодализма, явившуюся результатом торжества торгового капитализма и развивавшейся промышленности над феодальным цеховым способом производства. Немецкая и в особенности французская революции происходили на той ступени экономического развития этих стран, когда промышленный капитализм еще делал только свои первые шаги и не успел создать многочисленного класса наемных промышленных рабочих и резко провести разделение труда по всей стране. Именно этим объясняется, напр., исключительная роль Парижа — во французской, Вены — в австрийской революции.

Россия XX века, будучи экономически отсталой по сравнению со странами Западной Европы, была несравненно более развитой индустриально, чем Франция или Германия 1848 г. Донбасс, Бакинский нефтяной район, Урал, сталелитейные заводы Юга, текстильный район Центральной России опоясывали крестьянскую Россию и в решительную минуту стали во главе народной революции во всех частях страны. Неслыханно острый процесс концентрации промышленности создал в течение 2—3 десятилетий сплоченные кадры фабричных рабочих, а политический гнет был благоприятствующим фактором для усвоения пролетариатом классовой с.-д. идеологии.

[71]) *Сибирский Союз РСДРП*—возникший в 1901 году, ввиду преобладания в нем «экономистов», фактически не руководил работой социал-демократических организаций Сибири.

В конце 1902 года Сибирский Союз решительно отметает от себя «экономизм» и начинает более активно руководить местными организациями. В конце июля 1903 г., когда Сибирский Союз РСДРП делегировал па II съезд РСДРП Л. Д. Троцкого и Мандельберга, в Иркутске состоялась I конференция Союза (съехались 3 представителя от Иркутского комитета, 1 от Читинского). От Союза были Гутовский и Богословский. Конференция решительно присоединилась к позиции «Искры». Была признана необходимость построения общесибирской социал-демократической организации на началах строгого централизма.

В начале японской войны Союз выпустил около 100.000 прокламаций, разъяснявших смысл войны, затеянной царизмом. В конце 1904 года Сибирский Союз РСДРП начал развертывать свою работу; он ведет энергичную агитацию против войны, призывая к всеобщей стачке. В Томске Союз развернул небывалую до того времени работу: среди рабочих, студенчества и населения неустанно велась устная и письменная агитация. События 9 января дали толчок к решительным действиям. Однако, организованная Союзом в Красноярске политическая стачка железнодорожных рабочих и выступление рабочих в Томске потерпели поражение, вследствие общей слабости социал-демократического движения в Сибири.

В июне 1905 года в Томске состоялось II конференция Сибирского Союза РСДРП. Эта меньшевистская конференция подтвердила лозунг всеобщей политической стачки против войны. В начале июля в тылу армии вспыхнула читинская жел. дор. забастовка. Закончившись с некоторыми экономическими завоеваниями, забастовка перекинулась в Слюдянск и Иркутск.

В августе началась грандиозная красноярская забастовка, сопровождавшаяся громадными митингами. Начавшиеся репрессии вызвали еще

более сильное движение, и красноярская стачка августа 1905 года выросла в крупное политическое событие.

Забастовка перекинулась и за Красноярск (в Боготол и Тайгу, перейдя далее на западный участок дороги). В июле Сибирский Союз РСДРП, углубляя работу среди железнодорожных рабочих, создал чисто пролетарский союз железнодорожников. Все депо Забайкальской ж. д. по обе стороны Читы обслуживались литературой и специальными листками союза. Были заведены связи со всеми войсками, расположенными в Чите. Позднее, во время октябрьской всеобщей забастовки, Союз также развернул интенсивную работу.

[72]) *План Владимира Романова*—дяди Николая II, сводился к тому, чтобы не пустить пригороды, рабочие районы в центр города. Для этого солдат всеми способами уверяли, что рабочие хотят разрушить Зимний дворец и убить царя. На всех мостах и главных улицах, ведущих к Зимнему дворцу, должна была стоять сильная охрана. Главным местом военных действий явились площади у мостов. Вся подготовка к бойне 9 января, все руководство ею принадлежало Владимиру Романову.

[73]) *Фридрих-Вильгельм IV* — король прусский (1795—1861), вступил на престол незадолго до революции 1848 г. В первые годы своего царствования заигрывал с либерализмом, объявил амнистию многим политическим преступникам и смягчил цензурный режим. Однако, подъем общественного движения в 40-х годах толкнул его на путь его реакционного предшественника. Когда разразилась революция 1848 г., король сперва не хотел итти ни на какие уступки и лишь под давлением масс был вынужден согласиться на некоторые реформы. В 1849 г. франкфуртское национальное собрание предложило королю корону объединенных германских государств, но он отказался, заявив: «Гогенцоллерн не может принять корону из рук революционного собрания».

[74]) *Иосиф II*—немецко-римский император (1765—1790), один из наиболее типичных представителей так называемого «просвещенного абсолютизма». Из его многочисленных реформ наиболее замечательны: отмена крепостного права (сначала в Богемии, а затем и в других провинциях) и введение относительной свободы вероисповеданий. Преобразовательная деятельность Иосифа II, стремившегося возродить государство путем реформ сверху, с высоты самодержавного престола, натолкнулась не только на ожесточенное сопротивление феодальных и клерикальных кругов, но не могла удовлетворить и те общественные элементы, в пользу которых он боролся против реакции (так, напр., в 1784 г. вспыхнуло восстание валамских крестьян). В конце своего царствования Иосиф II вел безуспешную борьбу с революционным движением в своих бельгийских владениях, закончившуюся полным отхождением Бельгии от императорского правительства.

[75]) *Адлер, Виктор* — известный австрийский политический деятель (род. в конце 60-х годов пр. столетия). Вначале был радикалом, затем в средине 80-х годов стал социал-демократом. Адлер является одним из основателей австрийской социал-демократической партии. В начале своей социал-демократической деятельности он вел ожесточенную кампанию за избирательное право австрийских рабочих. Вся деятельность австрийской социал-демократии в течение двух-трех десятилетий проходила под его полити-

ческим руководством. Одновременно Адлер играл видную роль во II Интернационале. В исторической полемике между ревизионистами и ортодоксальными марксистами Адлер занял колеблющуюся позицию. В вопросах тактических, на конгрессах II Интернационала, он неоднократно поддерживал реформистские группы — Жореса и др. Вполне естественно, что в 1914 г. В. Адлер переходит окончательно на сторону социал-патриотизма. 4 августа 1914 г. Адлер голосует в рейхстаге за военные кредиты. Не во всем соглашаясь с развившейся во время войны ультра-шовинистической агитацией с.-д. фракции, Адлер в общем и целом мирился с ней.

[76]) *Суворин, А. С.*—знаменитый реакционный журналист. В начале своей публицистической деятельности Суворин сотрудничал в либеральной прессе, нападал на реакционные газеты и даже подвергался репрессиям со стороны полиции. С 1876 г. начинает издавать газету «Новое Время» (см. подробное примечание 5) и с этого момента из полу-либерала превращается в оголтелого черносотенца. Получая для своей газеты огромные субсидии, Суворин на страницах «Нового Времени» систематически занимался травлей революционных рабочих и интеллигенции.

[77]) *Брут*—один из участников умерщвления римского императора Юлия Цезаря. Так как Брут был очень близким другом Цезаря, то участие его в заговоре явилось полной неожиданностью для последнего. Увидя Брута в числе своих убийц, он произнес знаменитую фразу, ставшую поговоркой: «И ты, Брут!»

[78]) *Александр II* (1818—1881)—русский император, официально именовавшийся «освободителем». Его воспитанием руководили реакционный капитан гвардии Мердер и не менее реакционный по своему образу мыслей поэт В. А. Жуковский. Вступил на престол 19 февраля 1855 г. Царствование Александра II ознаменовалось так наз. «освобождением крестьян» от крепостной зависимости. Зная, как воспримут крестьяне грабительский манифест 19 февраля 1861 г., Александр II заранее принял необходимые меры для усмирения крестьянских бунтов, которые должны были возникнуть на почве манифеста. Отмена крепостного права пошатнула все здание крепостнического государства и заставила Александра пойти дальше по пути приближения России к типу буржуазно-капиталистических государств западной Европы. За крестьянской реформой последовали судебная, земская, воинская. Однако, разумеется, никаких уступок в области ограничения самодержавия сделано не было. Правительство Александра II особенно ярко проявило себя во время польского восстания 1863 г. Неслыханно жестокое усмирение польского восстания и насильственная руссификаторская политика Александра II отолкнули от него всех, веривших ранее в его гуманность. После подавления польского восстания и выстрела Каракозова в царя (4 апреля 1866 г.) Александр II решительно переходит на путь откровенно реакционной политики. У власти становятся отъявленные консерваторы. Начинаются жестокие гонения на печать, пересматриваются университетские и земские реформы. Начинается жестокая пора диктатуры Муравьева-вешателя. При Александре II в России особенно сильно развились и укрепились революционные народнические организации, против которых правительство повело беспощадную борьбу. Александр II был убит 1 марта 1881 г. по приговору партии «Народной Воли».

[79]) Эта записка была составлена в конце января 1905 г. крупными московскими фабрикантами и заводчиками. Записка была прочтена на собрании фабрикантов Петербурга, где получила полное одобрение.

[80]) *Зубатовщина*—попытка введения в России полицейского социализма, проводившаяся с благословения Плеве (названа по имени начальника московского охранного отделения Зубатова). Эта идея возникла вместе с появлением массового рабочего движения. В конце 90-х годов XIX века представители власти подумывают о том, как бы перевести рабочее движение с социал-демократического пути на рельсы полицейского социализма и отвлечь внимание рабочих от агитации революционеров. В феврале 1902 г. Зубатов организует в Москве «Общество взаимного вспомоществования рабочих механического производства». На протяжении 1902—1903 г. г. зубатовские организации возникают во многих городах. Организуя рабочих в эти мирно-просвещенские общества, ставленники полиции неизбежно наталкиваются на необходимость принимать участие в забастовках. Так, например, в Одессе (1903 г.) зубатовская организация в целом принимает активное участие в забастовке. Ввиду того, что деятельность зубатовцев стала внушать серьезные опасения в смысле развязывания массового движения, правительство положило конец деятельности Зубатова, распустив его организации и разогнав их руководителей.

Позднее эта попытка была воскрешена в Петербурге под руководством священника Гапона, который организовал общество под названием «Собрание русских фабрично-заводских рабочих»; последнее имело районные отделения во всех рабочих центрах Петербурга. Невозможность удержать рабочие организации в рамках намеченной деятельности сводила на-нет все попытки подобного рода. Однако, они сыграли известную роль в развитии и оформлении классового сознания и организационных навыков в рабочих массах.

[81]) «*Класс Разуваевых*»—Разуваев—деревенский кулак, эксплоататор, выведенный в ряде очерков писателя Г. Успенского.

[82]) Книга Л. Д. Троцкого «Наша революция» вышла в 1906 г. в издательстве Н. Глаголева в Петербурге. Она была составлена из ряда статей Л. Д., вышедших в период 1905—1906 г. г., посвященных, главным образом, критике либерализма и оценке текущих революционных событий. Наиболее важные статьи, вошедшие в эту книгу: «*До 9 января*», «*Капитал в оппозиции*», «*Как делали Государственную Думу*», «*Открытое письмо проф. Милюкову*», «*Господин П. Струве в политике*» и некоторые другие помещены также и в настоящем томе.

[83]) Случай с доктором Забусовым, ставший широко известным в свое время, заключался в следующем: 14 марта 1904 года начальник Закаспийской казачьей бригады ген. Ковалев вызвал к себе старшего врача Среднеазиатской ж. д. Забусова для оказания медицинской помощи. Когда Забусов явился на квартиру Ковалева, последний пьянствовал. Не успел Забусов спросить, зачем его вызвали, как сзади его схватили несколько казаков и, по знаку генерала, повалили на пол, стащили с него брюки и принялись бить розгами до тех пор, пока он не впал в бессознательное состояние. Совершив расправу, казаки отвезли Забусова домой. Врачи, освидетельствовавшие Забусова, нашли следы жестоких истязаний. Все, принимавшие

участие в расправе, в том числе и Ковалев, были привлечены по обвинению в истязании. Однако, суд признал Ковалева виновным только в превышении власти и приговорил его к исключению со службы без лишения чинов. На суде Ковалев категорически отказался сообщить причины расправы. Случай с доктором Забусовым, особенно приговор суда, глубоко возмутил все прогрессивное население. В течение долгого времени врачебные общества и множество других организаций выражали в коллективных заявлениях, резолюциях и т. д. свое негодование по поводу расправы, напоминающей времена крепостного права.

[84]) *Фойницкий*—профессор уголовного права. Читал лекции в училище правоведения и в петербургском университете. В 1876 г. был назначен товарищем обер-прокурора Сената, а с 1900 г. сенатором. В 1895 году основал русскую группу международного союза криминалистов, в которой и был председателем. На V съезде этой группы, в Киеве, 3—4 января 1905 г., между председателем группы Фойницким и большинством съезда произошел конфликт по следующему поводу: на второй день заседания съезда, после доклада Леонтьева «об оказании юридической помощи населению», Кистяковским была предложена резолюция, в которой категорически заявлялось, что «при условии бесправия и произвола, являющихся основными устоями нашего современного русского строя, ни о какой юридической помощи не может быть и речи». Вместо этой резолюции Фойницкий предложил другую, из которой были исключены все резкие места. После голосования выяснилось, что огромное большинство съезда стоит за резолюцию Кистяковского. Тогда Фойницкий заявил: «Ввиду того, что собрание съезда начинает принимать нелегальный характер, я объявляю съезд русской группы международного союза криминалистов закрытым». Вечером в здание, где происходил съезд, явился наряд полиции, и съезд был объявлен прекращенным. Поведение Фойницкого вызвало среди подавляющего большинства либеральных юристов сильное возмущение. Членами съезда был заявлен протест против незаконных действий Фойницкого и отказ от дальнейшей работы с ним.

[85]) *Маргулиес, М. С.*—юрист, был одним из либеральнейших присяжных поверенных. На процессе Совета Рабочих Депутатов выступал в качестве защитника.

[86]) Некоторые подробности об этой демонстрации мы находим в воспоминаниях Войтинского «Годы побед и поражений»:

«Зашевелилось и студенчество. В петербургском университете начались разговоры о необходимости «уличного выступления». Стали подготовлять демонстрацию, в которой студенты должны были выступить вместе с рабочими.

Подготовлялась эта демонстрация до последней степени плохо. Полиция знала обо всех планах, а студенческая масса питалась лишь смутными слухами. Разгорелись споры между эсерами и эсдеками —должна ли демонстрация быть *мирной* или *вооруженной*. Спорили в коридорах, на лестнице, в университетской столовой, в курильне — совершенно открыто.

Наконец, назначили манифестацию на 28 ноября; затем отменили это решение; потом, чуть ли не накануне, назначили вновь на этот день. Кончилось дело полным провалом: рабочие на демонстрацию не пошли, сту-

дентов и курсисток собралось очень мало (едва ли больше 150 человек). Все же в назначенное время на Невском проспекте, около думы, выкинули красные флаги. Но налетевшая со всех концов полиция в одно мгновенье рассеяла «крамольников» и принялась по одиночке избивать их. Многие студенты, пришедшие на Невский проспект с целью участия в манифестации, в том числе и я — не успели даже присоединиться к демонстрантам, — так быстро кончилось все (стр. 16—17).

[87]) *Московская демонстрация 5—6 декабря 1904 г.* — была организована эсерами. Агитация за выступление велась преимущественно среди учащейся молодежи. С 12 часов 5 декабря толпа студентов двинулась от Страстного монастыря к бывшему генерал-губернаторскому дому со знаменами, на которых было написано: «долой самодержавие!», «долой войну!» Во все стороны разбрасывались прокламации. У Леонтьевского переулка толпа была встречена отрядом городовых. Началась свалка. Вскоре демонстранты рассеялись по переулкам, оставив нескольких лежащих. Одновременно с этим, другая толпа студентов пошла с противоположной стороны по Тверской, но также была быстро рассеяна полицией. Третья партия, более многочисленная и с большим процентом рабочих, пошла от Никитских ворот по Тверскому бульвару к памятнику Пушкина, где также началось новое побоище. Наконец, четвертая партия, состоявшая преимущественно из рабочих, двинулась от Арбатских ворот к Смоленскому рынку. Рассеянные демонстранты вновь собирались в группы, поднимали знамена и продолжали шествие. Полиция была хорошо подготовлена и действовала по плану. В этот день было арестовано, по официальному сообщению, 43 человека. На завтра — 6 декабря были снова шествия к Страстной площади, но полиция, окружив демонстрантов, без труда разогнала толпу. Вновь было арестовано, по официальным данным, 22 человека.

[88]) *Трубецкой, Евгений* — умеренный либерал. Был одним из лидеров русского национал-либерализма и представителем религиозно-мистического направления в русской философии. Вступив одним из первых в члены кадетской партии, вышел из нее за ее слишком радикальную политику. Был одним из основателей умеренно-консервативной партии «мирного обновления». Играл видную роль на земских съездах 1904—1905 г.г.

[89]) *Милюков, П. Н.* — лидер кадетской партии, один из виднейших вождей русской буржуазии. Как большинство интеллигентных представителей последней, Милюков прошел все этапы от бесформенного демократизма и сочувствия с.-д., через либеральную группу «освобожденцев», до партии крупного капитала и землевладения. В 1905 году Милюков возглавлял кадетскую оппозицию, но быстрый рост революционного движения толкнул его направо. В годы перед мировой войной Милюков подводит теоретический фундамент панславизма под империалистические вожделения крупного русского капитала. Во время войны ведет энергичную кампанию за захват Дарданелл и проч., за что и получил позже прозвище Милюков-Дарданелльский. В первые дни революции Милюков стремится сохранить конституционную монархию, и только колоссальный подъем революционного движения превращает его на время в республиканца. Войдя в первое министерство Львова в качестве министра иностранных дел, Милюков, прежде всего, стремится успокоить Антанту насчет соблюдения Россией верности

«союзникам». Его нота 18 апреля сразу обнаружила буржуазно-империалистическую сущность политики Временного Правительства. В ходе революции Милюков является лидером правой части кадетов, в августе поддерживает Корнилова, а после октября активно участвует в контр-революционном движении Юга. Милюков делает попытку сговориться с правительством Гогенцоллерна о совместной борьбе с большевистской Россией. После победы Советской Республики он эмигрирует за границу, проповедуя все время интервенцию. В последние годы Милюков стоит во главе левого крыла кадетской партии, стремящейся путем политического блока с эсерами найти смычку между буржуазией и «крепким мужиком».

[90]) Циркулярное письмо министра внутренних дел кн. Святополк-Мирского от 31 декабря 1904 г. «Начальникам губерний, в коих образованы совещания по пересмотру законодательства о крестьянах». Письмо разъясняло, что указ 12 декабря не противоречит указу 8 января 1904 г., а поэтому образованные ранее комиссии не должны приостанавливать своих работ, а продолжать их на тех же основах, что и раньше. Особенно Святополк-Мирский подчеркивал необходимость сохранения крестьянского сословного строя «для удовлетворения тех насущных потребностей и нужд, которые им одним (крестьянам) присущи». В заключение Святополк-Мирский требует, чтобы членам комиссий была предоставлена «свобода суждений».

[91]) Здесь цитируется передовая газеты «Наши Дни», № 19, по вопросу о циркулярном письме министра внутренних дел, разъясняющего взгляд высшей администрации на значение указа 12 декабря.

[92]) Поведение либералов перед лицом надвигавшихся событий 9 января обнаруживало крайнюю растерянность. В то время как на рабочих окраинах массы лихорадочно готовились к выступлению, — либеральная интеллигенция не знала, как ей поступить. Ей был известен как мирный характер демонстрации, так и военные приготовления правительства. Поздно ночью, накануне 9 января, была избрана делегация от интеллигенции в составе Арсеньева, Анненского, Пешехонова, Гессена, Мякотина, Семевского, М. Горького и др. Делегация отправилась к Святополк-Мирскому. Последнего не оказалось дома, и делегацию принял товарищ министра — ген. Рыдзевский. Он сообщил, что правительству все известно, что все меры уже приняты и что теперь необходимо уговорить рабочих отказаться от выступления. Затем делегация отправилась к Витте. Последний ее принял, но сообщил, что все это дело не касается его ведомства. Сам Витте в своих записках так описывает это посещение:

> «Вечером 8-го ко мне вдруг явилась депутация переговорить по поводу дела чрезвычайной важности. Я ее принял. Между ними я не нашел ни одного знакомого. Из них по портретам я узнал почетного академика Арсеньева, писателя Анненского, Максима Горького, а других не узнал. Они начали мне говорить, что я должен, чтобы избегнуть великого несчастья, принять меры, чтобы государь явился к рабочим и принял их петицию, иначе произойдут кровопролития. Я им ответил, что дела этого совсем не знаю и потому вмешиваться в него не могу; кроме того,

до меня, как председателя комитета министров, это совсем не относится. Они ушли недовольные, говоря, что в такое время я привожу формальные доводы и уклоняюсь. Как только они ушли, я по телефону передал Мирскому об этом инциденте». (Гр. Витте, «Воспоминания», т. I).

10 января вся делегация, за исключением Арсеньева и Кузина, была арестована по ордеру № 204 директора департамента полиции Лопухина.

[93]) *Кедрин* (род. в 1851 г.)—адвокат и общественный деятель, выступал защитником в громких процессах 80-х годов, напр., в процессе 22 террористов (1882 г.) Защищал Александра Михайлова, организатора «Чигиринского бунта» и офицера Буцевича, члена партии «Народной Воли».

С 1889 г. состоял гласным петербургской думы, деятельно участвуя во всех комиссиях по разоблачению злоупотреблений различных государственных органов (петерб. гор. управы и т. д.) и разработал ряд проектов: об улучшении ж. д., о создании городской электрической железной дороги и т. д.

Кедрин принадлежал к числу наиболее выдающихся членов так называемой «новой группы гласных».

[94]) *Кареев* (род. в 1856 г.)—известный представитель социалистической школы народников (субъективный метод в социологии). Его многолетняя полемика с Плехановым и др. закончилась полным поражением. В русской исторической науке Кареев известен, как один из пионеров русской школы историков Великой Французской Революции (Лучицкий, Ковалевский и др.). Еще в конце 70-х годов он выпустил работу о французском крестьянстве последней четверти XVIII в. На общественно-политической арене Кареев самостоятельной роли не играл, но как профессор-либерал выдвинулся в дни подъема интеллигентского движения 1904—1905 г. г.

[95]) Этот отрывок взят из передовой «Права» № 2, за 1905 г. «Пережитые дни», посвященной событиям 9 января.

[96]) См. передовую в «Наших днях» № 20, от 17 января.

[97]) Здесь имеется в виду восстание парижской бедноты 14 июля 1789 г., закончившееся взятием Бастилии. Непосредственной причиной восстания явился голод, охвативший все парижское население. Меры, предложенные Национальным Собранием, откладывали разрешение продовольственного вопроса на неопределенное время. Королевский двор спешно готовился к расправе с Национальным Собранием. К Парижу было стянуто огромное количество войск, преимущественно из иностранцев. 8 и 9 июля Национальное Собрание потребовало от короля удаления войск. Король ответил отказом. 11 июля министерство Неккера получило отставку и было заменено министерством непримиримых реакционеров. Отставка популярного в массах министерства Неккера послужила последним толчком, приведшим изголодавшиеся массы в движение.

Парк Пале-Рояля, где происходили народные митинги, переполнился жадными слушателями, перед которыми выступали один оратор за другим.

Настроение народных масс быстро определилось: оно становилось все грознее и революционнее. Особенно большим успехом пользовались речи молодого адвоката, якобинца Камилла Демулена, который, между прочим, говорил:

«Отставка Неккера, это — набат раздавшийся с Лувра, это — призыв к Варфоломеевской ночи. Еще в этот вечер нахлынут с Марсова поля немецкие и швейцарские батальоны, чтобы истребить нас. Одно спасение осталось нам теперь: к оружию, граждане, к оружию».

Во время одной народной демонстрации полк немецких драгун бросился на безоружных демонстрантов. С криками «к оружию!» толпа рассеялась в разные стороны. 14 июля в подвалах Дома Инвалидов парижской беднотой было найдено 30.000 ружей, большое количество сабель и несколько пушек. Масса мгновенно вооружилась. Она двинулась к Бастилии, этому символу безграничного произвола, царившего в старой Франции. Бастилия служила местом заточения политических преступников, которых бросали туда без суда и следствия на основании одних только королевских приказов. Кроме того Бастилия служила серьезной опорой для правительственных войск. Четыре часа длилась кровопролитная битва. На помощь осаждавшим подоспела королевская гвардия со своими орудиями. После этого битва продолжалась еще несколько времени. В результате гарнизон сдался. Народом было освобождено 7 политических заключенных.

15 и 16 июля народ до основания разрушил Бастилию.

Взятие Бастилии революционизировало Национальное Собрание, и еще более толкнуло массы на революционные выступления.

[98]) Записка 198 инженеров была подана 23 января председателю комитета министров С. Ю. Витте, который обещал внести ее на обсуждение комитета. Основное содержание записки сводится к следующему. Причины событий 9 января и последовавших за ними бурных потрясений всего государственного организма России нужно искать не «в агитации революционеров и не в иноземном воздействии, а в коренном неустройстве гражданской жизни. Это неустройство особенно ярко сказалось в положении рабочего класса. Наши промышленные рабочие совершенно лишены законных средств для защиты своих интересов». Констатируя рост рабочего класса, к которому принадлежат теперь миллионы русского населения, записка говорит далее, что нынешнее положение естественно вызывает у рабочих острое стремление к приобретению гражданских прав, к непосредственному улучшению своей жизни. События 9 и 10 января доказали, что у трудящихся масс нет мирных путей для выражения своих нужд. Казалось бы, эти события должны были заставить правительство немедленно принять те или иные решения, но вместо этого оно пытается всю ответственность за кровавые дни сложить на «злонамеренных лиц», «подкупленных англо-японскими деньгами»... В заключение записка говорит, что только удовлетворение важнейших нужд рабочего класса может явиться выходом из создавшегося положения. Главными авторами записки, которые и представили ее Витте, были: Аршаулов, Белелюбский, Вэнцковский, Гротен, Коробка, Лошмаков, Лутугин, Монахов и Старицкий.

[99]) Как известно, среди земских деятелей было два брата Долгоруковых: Павел и Петр. Так как из текста не ясно, о котором именно идет речь, то приводим данные об обоих Долгоруковых.

Князь Павел Дмитриевич Долгоруков — один из видных руководителей либерального движения. Работал, главным образом, в Москве и, прежде всего, в Рузском уезде, где был предводителем дворянства с 1893 по 1906 г.г. Был инициатором и представителем учительского съезда в 1902 г. На первом земском съезде, состоявшемся в ноябре 1904 г., Долгоруков не мог присутствовать, так как находился в то время на Дальнем Востоке, в качестве уполномоченного дворянского отряда в действующей армии. По возвращении с Востока, стал принимать самое активное участие в земских съездах.

Павел Долгоруков — один из учредителей конституционно-демократической партии. В его квартире происходил ряд организационных совещаний, и у него же помещалось организационное бюро съездов как общих, так и конституционно-демократической партии. Был много лет председателем центр. комитета партии.

Князь Петр Долгоруков — тоже видный земский деятель, один из учредителей «союза освобождения». После образования кадетской партии был членом ее центрального комитета. Петр Долгоруков был товарищем председателя I Думы.

[100]) См. передовицу в «Наших Днях» № 29, от 26 января 1905 г.

[101]) См. Гессен «К толкам о земском соборе», «Наши Дни» № 37, от 3 февраля 1905 г.

[102]) Здесь имеется в виду именной высочайший указ Булыгину от 18 февраля 1905 года, в котором правительственному сенату повелевается «рассмотрение и обсуждение поступающих от частных лиц и учреждений видов и предложений, по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного состояния».

[103]) См. передовицу «Право» № 7, от 20 февраля 1905 г.

[104]) *Гревс*—профессор-историк. Известен своими трудами по истории римской империи и итальянского возрождения, а также работами о феодализме. По своим политическим убеждениям Гревс примыкал к умеренному крылу профессуры.

[105]) См. статью Гревса «Возродится ли у нас подорванное научное просвещение?» «Право» № 9.

[106]) *Манифест 6 августа 1905 г.* о созыве булыгинской Думы явился жалкой попыткой самодержавия путем ничтожной уступки ликвидировать революционное движение, широко охватившее к этому времени весь пролетариат и огромные слои крестьянства и интеллигенции.

Являясь грубой подделкой народного представительства, булыгинская Дума должна была укрепить расшатанное революцией самодержавие.

Основное содержание манифеста 6 августа сводится к следующему: Дума определяется, «как законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов». Однако, и законосовещательные функции Думы, путем всевозможных ограничений, фактически сводились на-нет. Особенно велики были ограничения прав Думы в области финансовых и хозяйственных вопросов. Указом были предусмотрены также случаи , когда правительство могло обойтись и без заключения Думы.

Право законодательной инициативы было сужено изъятием из него «начал государственного устройства, установленных законами основными». Дума должна была быть избрана на 5 лет. Однако, царским указом Дума могла быть распущена и до истечения этого срока. Цензовая и сословная системы совершенно отстраняли от участия в Думе весь рабочий класс и большую часть крестьянства и интеллигенции.

Естественно, что указ 6 августа встретил решительный протест со стороны всех революционных организаций. В сентябре 1905 г. состоялась междупартийная конференция социал-демократов, на которой было единодушно принято постановление об активном бойкоте булыгинской Думы. На этой конференции были представлены следующие организации: «Бунд», Латышская СДРП, Революционная Украинская Партия, РСДРП — большевики и меньшевики, и соц.-дем. партия Польши и Литвы. Ниже мы приводим отрывок из постановления конференции, ярко характеризующий отношение социал-демократии к булыгинской Думе:

> «I. Использовать предстоящий период избирательной кампании в целях самой широкой агитации.
>
> Устраивать митинги и проникать в возможно большем количестве на все избирательные собрания и, раскрывая на них истинный характер и цели Государственной Думы, противопоставлять ей необходимость созыва революционным путем Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.
>
> Призывать все истинно-демократические элементы общества к активному бойкоту Думы, клеймя позором участвующих в избрании, как изменников делу народной свободы.
>
> Принять на всех собраниях соответствующие резолюции об отношении к Государственной Думе и о присоединении к революционной борьбе пролетариата.
>
> II. В целях выражения протеста против учреждения Государственной Думы и оказания давления на избирателей и выборщиков, организовать открытые массовые выступления пролетариата.
>
> III. К самому дню конечных выборов в Государственную Думу приурочить повсеместные всеобщие политические забастовки, манифестации и демонстрации и употребить все средства к тому, чтобы выборы не состоялись, не останавливаясь в случае нужды и перед насильственным срыванием избирательных собраний».

Революционным напором рабоче-крестьянских масс булыгинская Дума была быстро сметена. Царское самодержавие пошло на более серьезные уступки.

[107]) *Комиссия Шидловского*—была учреждена 29 января под председательством сенатора Шидловского «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в городе С.-Петербурге и в пригородах и изыскания мер к устранению таковых». Образование комиссии было ответом правительства на вспыхнувшее по всей стране рабочее движение и пресле-

довало провокационную цель расколоть пролетариат, объединенный январскими событиями, оторвав от него умеренно настроенные элементы. В состав комиссии должны были входить представители заинтересованных ведомств, фабрикантов и рабочих. Распоряжением Шидловского выборы рабочих делегатов были организованы по всем фабрикам и заводам Петербурга, причем предвыборная агитация проводилась с относительной свободой. Большевики требовали бойкота выборов в комиссию; меньшевики же участвовали в выборах «с целью организации рабочих масс». Происходившее 17 февраля общее собрание выборщиков, в большинстве состоявшее из социал-демократов и сочувствующих им, приняло резолюцию-воззвание, формулирующую условия, на которых рабочие могут принять участие в работах комиссии. Эта резолюция требовала: 1) немедленного открытия 11 фабрично-заводских отделов (гапоновские отделы, незадолго перед тем закрытые), так как «только с открытием отделов мы, получив свободу собраний, сможем путем обмена мнений с рабочими разных фабрик и заводов выработать и объединить все наши требования» и «только в отделах наши депутаты могут давать отчеты о работах в комиссии своим товарищам-избирателям»; 2) возможности представить в комиссию «наши нужды правдиво и в полном объеме», для чего необходимо: а) чтобы депутаты все присутствовали на общих заседаниях комиссии, а не призывались по несколько человек для опроса; б) чтобы депутатам была предоставлена полная свобода слова в заседаниях комиссии; в) чтобы заседания были гласными, т.-е. чтобы отчеты о них печатались в газетах без всякой цензуры; 3) гарантии неприкосновенности личности и жилища для всех рабочих и 4) привлечения в комиссию представителей или рабочих мелких производств.

Ультиматум с этими требованиями был правительством отвергнут, и выборщики отказались от избрания комиссии. Последняя была сорвана, бойкот осуществлен, несмотря на участие в выборах. Такой ход кампании примирил с ней большевиков, принявших участие в выборной агитации. Впечатление, произведенное этой политической демонстрацией, было чрезвычайно сильно не только в самом Петербурге, но и в провинции.

[108]) См. статью Владимирова: «Печальное противоречие», «Право» № 8.

[109]) *Булыгин, А. Г.*—видный царский сановник, крайний реакционер. Проделал карьеру от судебного следователя до министра внутренних дел. В 1902 г. был помощником московского генерал-губернатора. В этой должности Булыгин явился поощрителем деятельности начальника московской охранки Зубатова. В 1905 году назначен членом Государственного Совета, а 20 января 1905 года—министром внутренних дел на место слишком мягкого Святополк-Мирского. После манифеста 18 февраля 1905 года и рескрипта от того же числа (см. примечание 102) Булыгиным было выработано первое положение о Государственной Думе, которое было опубликовано 6 августа 1905 года, но в действие так и не вошло (см. примечание 106). В министерство Витте Булыгин не вошел (его заменил Дурново). Впоследствии Булыгин потерял всякое влияние.

[110]) См. передовицу «Ход реформы», «Право» № 12.

[111]) *Родичев*—один из вождей кадетской партии. Начал свою общественную деятельность предводителем дворянства и мировым судьей. В 1897 г.

был председателем тверской губернской земской управы. В качестве лидера земской оппозиции Родичев несколько раз высылался административным порядком. Был участником пресловутой депутации к государю 6 июня 1906 г. Член всех четырех Государственных Дум, он был одним из наиболее видных ораторов кадетской фракции. В 1917 г. Родичев был комиссаром Временного Правительства в Финляндии.

[112]) См. речь Родичева на заседании петербургского юридического общества от 7 марта 1905 г.

[113]) Родичев — речь, произнесенная на заседании петербургского юридического общества 7 марта.

[114]) *Мякотин, В. А.*—известный писатель-народник. С 1887 г. по 1902 г. был одним из активнейших сотрудников журнала «Русское Богатство». В 1901 г. был арестован и выслан из Петербурга как политический преступник. После 1904 г. был освобожден из-под надзора и, возвратясь в Петербург, вступил в редакцию «Русского Богатства». Вместе с Пешехоновым и др. Мякотин принадлежал к правой группе народников и был одним из основателей народно-социалистической партии. Во время войны был оборонцем, в 1917 г., конечно, усердно защищал коалицию «живых сил» страны против «анархических элементов». Вместе с другими либералами от социализма Мякотин враждебно встретил октябрьский переворот, а позже поддерживал контр-революцию на юге.

[115]) Мякотин—речь произнесенная на заседании конференции присяжных поверенных: «Возможные основы избирательного права».

[116]) *Кузьмин-Караваев*—профессор военно-юридической академии и писатель. Член Государственной Думы 1-го созыва. В либеральном движении 1905 г. играл видную роль, примыкая к его правому крылу. Вместе с рядом других умеренных либералов был организатором партии демократических реформ (1906), занимавшей среднюю позицию между кадетами и октябристами, а в 1907 г. был членом II Думы.

С 1898 г. помещал ряд статей в «Праве», «Вестнике Европы», «Русских Ведомостях» и др. С осени 1905 г. вел в «Вестнике Европы» общественную хронику. В 1915 году состоял членом редакции этого журнала и вел отдел «Вопросы внутренней жизни».

[117]) *Аяксы*—имя двух знаменитых в греческой мифологии героев, принимавших участие в Троянской войне.

[118]) «*Вестник Европы*»—ежемесячный журнал, основанный в 1866 году М. Стасюлевичем. Отражал взгляды либеральной буржуазии и вел борьбу с русскими марксистами, особенно в статьях своего сотрудника Слонимского. Впоследствии его редактором стал Арсеньев, а с 1909 года редактором-издателем стал М. М. Ковалевский. Журнал выходил вплоть до революции.

[119]) Празднование этого дня было введено 12 января 1755 г. в день подписания указа об основании Московского Государственного Университета.

[120]) *Первый всероссийский съезд инженеров* — открылся 22 апреля 1905 года в Петербурге. Главной целью съезда было создание единого союза инженеров и техников и выработка его политической программы. На съезде присутствовало около 130 делегатов, представлявших 3 тысячи инженеров

и техников. Съезд был открыт вечером 22 апреля Ломшаковым. Затем были заслушаны доклады с мест. Делегаты Польши и Литвы огласили заявления, в которых указывалось, что основная задача техников и инженеров есть борьба за немедленный созыв Учредительного Собрания, за завоевание политических прав и за широкую амнистию. Съезд единодушно одобрил эти заявления. Вслед за этим был выслушан доклад Венцковского об организации и целях всероссийского союза инженеров. 23 и 24 апреля съезд подробно обсуждал политическую программу союза. После принятия программы съезд был закрыт. Основные черты утвержденной программы сводились к следующему: немедленный созыв Учредительного Собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права, без различия пола, национальностей и вероисповедания, уничтожение положения об усиленной охране, полная отмена исключительных законов, неприкосновенность личности и передача полиции в руки самоуправления. По отношению к рабочему вопросу съезд признал:

> «Несовместимым с достоинством инженера: 1) обращение за содействием вооруженной силы при конфликтах труда и капитала, 2) составление списков так называемых политически неблагонадежных рабочих, 3) увольнение рабочих по спискам, составленным заводской администрацией или полицией, 4) вообще всякое увольнение рабочих и служащих по политическим мотивам, 5) наложение каких бы то ни было кар за празднование 1-го мая».

По отношению к забастовкам съезд заявил:

> «Инженеры должны руководствоваться принципиальным признанием за рабочими права на свободу стачек и ни под каким видом не предпринимать ничего, клонящегося к нарушению или ограничению свободы».

[121]) «*Новости*»—ежедневная умеренно-либеральная газета. В 1906 году за напечатание программы «Союза Освобождения» по приговору С.-Петербургской судебной палаты была закрыта, а ее издатель Нотович приговорен к годичному заключению в тюрьме.

[122]) *Короленко, В. Г.* (род. в 1853 г.)—один из могикан народничества. На протяжении целых десятилетий имя Короленко было синонимом борьбы русской интеллигенции с царизмом. Царское правительство не раз преследовало этого талантливого писателя. В политике Короленко примыкал к народническому крылу, группировавшемуся вокруг «Русского Богатства». Умер Короленко 25 декабря 1921 г. (Подробнее см. III том, 2 часть, прим. 130).

[123]) *Жирондисты* — представители крупной торгово-промышленной буржуазии в период Великой Французской Революции. Свое название получили от департамента Жиронды (Гаронны), где они были особенно сильны. Жирондисты, защищая интересы своего класса, были противниками какого бы то ни было ограничения свободы торговли, установления такс и прочих мер, выдвигавшихся широкими трудящимися массами, как способ борьбы с тяжелым продовольственным положением. На этой почве и возникли первые разногласия между двумя группами так называемого

«третьего сословия» — либеральной буржуазией и радикальной демократией. Эти разногласия, являясь отражением классовых противоречий, все больше углублялись и, в конце концов, вылились в ожесточенную борьбу за власть между жирондистами и якобинцами. Добившись отмены стеснительных для капиталистического развития Франции феодальных привилегий дворянства и получив для себя политическую свободу, жирондисты стремились затормозить дальнейшее движение революции, которое неизбежно должно было нанести ущерб интересам буржуазии. Став у власти в марте 1792 г., жирондисты продержались только до июня 1793 г., когда они, под напором вооруженных масс Парижа, требовавших введения «всеобщего максимума» на все предметы первой необходимости, были вынуждены уступить власть представителям мелкой буржуазии — якобинцам. Наиболее выдающимися вождями жирондистов были — Бриссо, Верньо, Иснар, Роллан и др.

Жирондизм стал синонимом поведения всякой буржуазии, идущей с революцией только до тех пор, пока последняя не задевает ее классовых интересов, и, вообще, всякой половинчатой и колеблющейся политики.

[124]) *Слонимский, Л. З.* — один из крупных русских журналистов и активнейший сотрудник журнала «Вестник Европы». В русской публицистике Слонимский был известен своими статьями против марксистской политической экономии (в свое время блестящую отповедь дал ему Нежданов-Череванин, будущий ликвидатор, — в своих статьях в журнале «Научное Обозрение»). В «Вестнике Жизни» вел политические обзоры и считался одним из столпов умеренного либерализма. Умер в 1918 г.

[125]) *Гладстон* (1809—1898)—видный политический деятель Англии во второй половине XIX века, вождь либералов. С его именем связано значительное расширение избирательного права и борьба за самоуправление («гомруль») для Ирландии. Закон о «гомруле», внесенный Гладстоном в бытность его председателем Совета Министров в 1886 г., был отвергнут палатой общин. В 1893 г. Гладстону удалось настоять на принятии законопроекта палатой общин, но он наткнулся на сопротивление палаты пэров, где проект был провален. На почве этого конфликта Гладстон вскоре ушел в отставку. Его мирная политика по отношению к Ирландии, политика уступок и подачек, преследовала цель подчинения Ирландии английскому капиталу демократическими средствами.

[126]) *«Биржевые Ведомости»*—газета, выходила в Петербурге с 1880 г.; с 1893 г. стала выходить и вечерним изданием. В 1905 г. — орган кадетов. «Биржевые Ведомости» были временно закрыты в конце 1905 г. за напечатание манифеста Совета Рабочих Депутатов. В эпоху наступившей реакции газета перешла в лагерь желтой прессы.

[127]) *Тесленко*—известный общественный деятель, по профессии адвокат. Играл видную роль в образовании крестьянского союза. Был председателем 1-го всероссийского съезда адвокатов 1905 г. В кадетской партии Тесленко занимал очень видный пост — был товарищем председателя центрального комитета партии.

[128]) *Достоевский, Ф. М.*—один из величайших русских писателей. Первое его крупное произведение «Бедные люди» встретило восторжен-

ный отзыв Белинского. В 1849 г. Достоевский был арестован за участие в кружке Петрашэвского и приговорен к смертной казни, которая была заменена каторгой. По отбытии срока каторги Достоевский отдается на три года в солдаты. К концу жизни Достоевский впадает в мистицизм и богоискательство и в политическом отношении разделяет реакционные славянофильские взгляды. Его главнейшие произведения: «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот».

Ссылка на рассказ здесь сделана ошибочно. Цитируемый отрывок взят из романа «Бесы».

[129]) *Всероссийский Крестьянский Союз*—возник в мае 1905 года из ряда местных крестьянских обществ, имевших частью политические, частью профессиональные задачи. Учреждение Союза произошло на нелегальном учредительном съезде (31 августа 1905 года, в Москве), на котором участвовало свыше 100 делегатов от 22 губерний, большей частью интеллигентов-эсеров, освобожденцев, несколько социал-демократов и др. Выработанная на съезде программа Союза имела расплывчато-народнический характер, сильно напоминая программу эсеров, при ближайшем участии которых Союз и возник. Резолюция съезда требовала Учредительного Собрания, конфискации частных, церковных и государственных земель и всеобщего бесплатного обучения. Следующий очередной съезд Крестьянского Союза происходил 6—10 ноября в Москве уже легально. Принятое им постановление было более конкретно, чем резолюция предыдущего съезда. На этот раз было постановлено:

1) не представлять земских и городских приговоров на утверждение земских начальников и приводить их в исполнение по постановлению схода;

2) ни в какие дела с земскими начальниками не входить;

3) не оказывать никаких услуг и помощи чиновникам;

4) сменить все местные крестьянские власти;

5) не платить податей и налогов;

6) отказываться от показаний при допросах;

7) считать недействительными все долги царского правительства, заключенные после 10 ноября 1905 года до созыва Учредительного Собрания.

Решено было также бойкотировать Думу. Несмотря на столь радикальные решения, как будто бы действительно соответствующие настроениям крестьян, Союз с крестьянскими массами связан был слабо. К концу 1905 года начались преследования отдельных членов Союза, а в 1906 году репрессии против самого Союза. В этом году были арестованы организаторы Союза — Аникин, профессор Аничков, Мазуренко и другие. После этих арестов фактически осталось только бюро Союза, деятельность которого постепенно замирала и к концу 1908 года прекратилась окончательно. Союз успел, однако, принять участие в выборах во Вторую Думу и провел туда некоторых своих членов, присоединившихся в Думе к трудовой группе. Так закончилась деятельность К. Союза, за принадлежность к которому еще в 1914 году производились аресты.

[130]) 8 и 9 мая 1905 г. в Москве происходил съезд представителей 14 различных союзов, съехавшихся для разработки вопроса об организации

такого учреждения, которое объединило бы все существующие союзы «демократического направления» в общий «Союз Союзов». Было избрано бюро: по два представителя от каждого союза. Созыв этого бюро был поручен петербургскому союзу инженеров всех специальностей.

[131]) *Герцен, А. И.* (1812—1870)—известный русский писатель и революционер. Начал свою революционную деятельность под влиянием великих социалистов-утопистов. В 1834 г. вместе с Огаревым и др. сослан в Пермь, а затем в Вятку. По возвращении в Москву Герцен становится одним из вождей «западников» и ведет борьбу с славянофилами. Несмотря на разногласия с славянофилами, Герцен, тем не менее, и сам считал, что социализм в России вырастет из крестьянской общины. Эта ошибка в значительной степени объяснялась его разочарованием в политическом строе Западной Европы. В 1851 г. Сенат постановил лишить его всех прав состояния и считать вечным изгнанником. С 1857 г. Герцен издает в Лондоне знаменитый сборник «Полярная Звезда» и журнал «Колокол», где требовал — освобождения крестьян, отмены цензуры, гласного суда и других реформ. Произведения Герцена имели огромное влияние на воспитание молодого поколения революционеров.

[132]) *Бакунин, М. А.* (1814—1876)—знаменитый русский революционер, один из основоположников и теоретиков анархизма. Своей революционной деятельностью, протекавшей не только в России, но и в главнейших странах Европы, получил мировую известность. Изгнанный из России, Бакунин принимает активнейшее участие в революции 1848 года во Франции, затем участвует в Пражском восстании; в 1849 году подготавливает восстание в Дрездене.

Будучи выдан русскому правительству, он осуждается на 20 лет заключения в Шлиссельбурге, которое Александром II было заменено вечной ссылкой в Сибирь. Бежав оттуда за границу, Бакунин продолжает свою бунтарскую деятельность. В 1869 году Бакунин вступает в I Интернационал, но становится во враждебное отношение к господствующему марксистскому направлению. В 1872 году за явно раскольническую политику исключается из «Международной Ассоциации Рабочих». Тогда он организует анархический «Федеративный Союз», куда входили, главным образом, французы, итальянцы и испанцы, пытаясь противопоставить его Интернационалу, руководимому Марксом. Вскоре, однако, как и I Интернационал, «Союз» Бакунина распался.

[133]) Эта статья была помещена под названием «Крах». См. «Право» № 21 за 1905 г., статья Трубецкого.

[134]) Ст. 126 Уголовного Уложения 22 марта 1903 г.: «Виновный в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинение тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов, наказывается:

каторгою на срок не свыше 8 лет или ссылкой на поселение.

Если такое сообщество заведомо имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия, то виновный в участии в таком сообществе наказывается:

бессрочною каторгою».

[135]) На всероссийский организационный съезд педагогов и деятелей по народному образованию съехались представители от 30 губерний.

Подавляющим числом голосов съезд признал, что «союз учителей должен иметь не только профессиональные, но и политические задачи». Съезд принял постановление о коренной реорганизации дела народного образования, о введении бесплатного и обязательного обучения, об исключении религиозного элемента из преподавания, о преподавании на родном языке и т. д. Съезд обратился к учительству с призывом принять посильное участие, наравне с другими союзами, в разрешении обще-политических задач, стоящих перед страной.

[136]) Ст. 129., «Виновный в произнесении или чтении публично речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения, или изображения, возбуждающих:

1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния;

2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя;

3) к неповиновению или к противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению;

4) к учинению тяжкого, кроме указанных выше, преступления,

наказывается:

за возбуждение, пунктами первым или вторым сей статьи предусмотренное, — ссылкою на поселение;

за возбуждение, пунктами третьим или четвертым сей статьи предусмотренное, — заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет.

Если:

1) виновный возбуждал действовать способом, опасным для жизни многих лиц;

2) последствием возбуждения было учинение тяжкого преступления,

то виновный, если не подлежит более строгому наказанию, как соучастник учиненного преступного деяния, — наказывается:

за возбуждение, пунктами первым или вторым первой части сей статьи предусмотренное,—каторгою на срок не свыше восьми лет; за возбуждение пунктами третьим или четвертым первой части сей статьи предусмотренное — заключением в исправительном доме».

[137]) *Пергамент, О. Я.* (1868 — 1909) — конституционалист-демократ. Выдающийся юрист. В 1905 г. был выбран председателем совета присяжных Одесского округа и в том же году сослан в Пермскую губернию. На выборгском процессе 1906 г. Пергамент был одним из видных защитников. Был депутатом III Государственной Думы от Одесского округа. Пергамент подвергался ожесточенной травле со стороны черносотенных элементов Думы.

[138]) *Бердяев, Н. А.* — русский философ-идеалист. Был в первой половине 90-х годов почти марксистом, но затем скатился к «мистическому неохристианству» (перешел, по его собственным словам, «от марксистской лжесоборности, от декадентско-романтического индивидуализма к соборности мистического неохристианства»). Сейчас Бердяев находится за границей среди прочих белогвардейских профессоров.

[139]) *Евреинов* (1855 г.) — камергер царского двора. Был одним из ярких представителей дворянско-помещичьей России.

[140]) *Суворин, А. С.*—см. выше прим. 67.

[141]) *Болотников* — вождь крестьянского движения в Смутное Время. Был холопом, затем попал в плен и долгое время пробыл за границей. Вернувшись в Россию, начал призывать крестьян, холопов и казаков к восстанию против московского царя Шуйского. Последний двинул против Болотникова отряд кн. Трубецкого, который был разбит восставшими крестьянами. Эта победа еще более возбудила массы, и отряды Болотникова стали быстро увеличиваться. Город за городом сдавался Болотникову. Соединившись с другим отрядами, он огромной армией победоносно двинулся на Москву. Войска Шуйского отступали без боя. В каждом городе Болотников распространял свои грамоты, призывая весь бедный люд восстать против богатых, жечь и грабить дворянские усадьбы. Около Москвы в армии Болотникова произошел раскол. Дворяне, боярские дети и богачи пошли на соглашение с Шуйским; холопы, казаки, крестьяне остались у Болотникова. Этот раскол значительно укрепил Шуйского и он решил перейти в наступление. Мятежники отступили к Туле. Туда же направился со 100.000 войск сам Шуйский. После долгой осады мятежники сдались. Болотников был заключен в тюрьму, где ему сначала выкололи глаза, а затем утопили.

[142]) Созыв булыгинской Думы вызвал тактические разногласия между большевистской и меньшевистской частями РСДРП. Разногласия наметились также и в среде либеральной буржуазии. Левое крыло буржуазии, в лице «Союза Союзов», высказалось за бойкот этой Думы, за то, чтобы в выборах не участвовать и использовать момент для усиленной агитации в пользу демократической конституции на основе всеобщего избирательного права. Правое крыло ее высказалось против бойкота, настаивая на выборах в булыгинскую Думу.

Меньшевики в первый момент высказались решительно против бойкота, явно тяготея к тактике правого крыла буржуазии. «Редакция «Искры» (меньшевистской.—*Ред.)*,—пишет Мартов в своей истории РСДРП, — выступила решительно против бойкота, доказывая, что пролетариат одинаково критически должен отнестись к обеим тактикам, наметившимся в рядах либерально-демократического блока, охватывающего разнородные элементы от земцев-конституционалистов до «Союза Союзов» и партии соц.-революционеров» («Ист. РСДРП», стр. 126).

Одновременно с этим меньшевики выкинули «архи-революционный лозунг» самочинного выбора рабочих депутатов в Думу вне законных рамок булыгинского проекта. Для этой цели должны быть созданы рабочие агитационные комитеты. По поводу этой тактики, Мартов в своей истории РСДРП пишет: «Созыв законосовещательной Думы и предвыборный период «мень-

шевики» стремились «использовать» для широкой организации демократических сил и развития того, что на газетном жаргоне в то время называлось «революционным самоуправлением» и «захватным правом» — самочинного расширения гражданских вольностей и систематического парализования органов власти. С этой точки зрения «бойкот» выборов отвергался: бойкот пассивный, в смысле воздержания,— как сохраняющий распыленное состояние масс; бойкот активный, — как отводящий движение демократических элементов от непосредственной борьбы с реакцией в русло борьбы с обывательской массой, ищущей выхода из кризиса в использовании первой уступки правительства» (стр. 125—126).

Однако, на сентябрьской конференции с.-д. организации представители меньшевистского ОК, считаясь с настроением рабочих масс, вынуждены были голосовать за бойкот.

В статье «Бойкот булыгинской Думы и восстание», появившейся в августе 1905 г., В. И. Ленин кратко формулировал основы тактической линии большевиков следующим образом: «Итак: самая энергичная поддержка идеи бойкота; изобличение правого крыла буржуазной демократии, отвергающего ее, в предательстве; превращение этого бойкота в активный, т.-е. развитие самой широкой агитации; проповедь вооруженного восстания, призыв к немедленной организации дружин и отрядов революционной армии для свержения самодержавия и учреждения Временного Революционного Правительства; распространение и разъяснение основной и безусловно обязательной программы этого Временного Революционного Правительства, которая должна быть знаменем восстания» (том VI, собр. соч., стр. 412).

Тактику меньшевиков Ленин подверг беспощадной критике: «Организация революционного самоуправления, — писал Ленин, — выборы народом своих уполномоченных есть не *пролог*, а *эпилог* восстания (курсив Ленина.—*Ред.*). Ставить себе цель осуществить эту организацию теперь, до восстания, помимо восстания, значит ставить себе нелепую цель и вносить путаницу в сознание революционного пролетариата» (там же, стр. 412—413).

Как видно из серии статей Л. Д. Троцкого, объединенных в отделе «Вокруг Булыгинской Думы», — тов. Троцкий решительно высказался за активный бойкот.

Объясняя позже свою позицию по вопросу о булыгинской Думе, Л. Д. писал:

> «Булыгинская избирательная система совершенно исключала рабочих; лозунг бойкота для них не имел практического значения; это был просто крик протеста против системы, которая осмеливалась игнорировать пролетариат. Что касается крестьянства, то рабочие так же мало могли в то время удержать его от участия в выборах, как и оказать на него влияние во время избирательной кампании. О землевладельцах и домовладельцах нечего и говорить. Остается небольшая группа более обеспеченной демократической интеллигенции, которая, в качестве квартиронанимателей, пользовалась кое-какими избирательными правами. О самостоятельном представительстве она не могла и думать. Булыгинский ценз в том историческом положении, в каком он ее

застиг, ставил ее перед дилеммой: либо поддержать своими немногочисленными голосами земскую оппозицию, либо оставаться на улице вместе с пролетариатом. В «Союзе Союзов», объединявшем эти элементы демократии, происходила борьба между либеральными оппортунистами, вроде профессора Милюкова, которые стремились, как стремятся и теперь, превратить демократическую интеллигенцию в охвостье цензового либерализма, и между радикалами, которые настаивали — правда, довольно беспредметно — на революционной тактике. Своим лозунгом бойкота рабочие поддерживали радикалов против либеральных оппортунистов и, таким образом, толкали вперед политическую дифференциацию. Так или иначе тактика бойкота булыгинской Думы оказалась исторически оправданной»

Предисловие Л. Д. Троцкого к его книге «Наша революция».

[143]) 17 июня 1789 г. Генеральные Штаты провозгласили себя Национальным Собранием Франции, а 9 июня (за несколько дней до взятия Бастилии) Национальное Собрание приняло название Учредительного. Первым делом Учредительного Собрания было составление «Декларации прав человека и гражданина». В знаменитом ночном заседании 4 августа была провозглашена отмена всех сословных привилегий и феодальных прав. Эти первые действия Учредительного Собрания привлекли к нему симпатии самых широких слоев народа. Однако, выработанная им конституция (т. наз. конституция 1791 г.) не могла удовлетворить народ. В Учредительном Собрании главную роль играла буржуазия, и поэтому созданный им новый государственный строй служил, главным образом, интересам буржуазии. Разделение граждан на активных и пассивных, т.-е. таких, которые имели право выбирать в Законодательное Собрание, и таких, которые были этого права лишены, отстраняло от участия в политической жизни беднейших граждан, т.-е. около трети взрослых французов. Установленные Учредительным Собранием тяжелые условия выкупа феодальных прав возбуждали недовольство среди крестьян. Декларация прав человека и гражданина оставалась пустым звуком, пока большинство народа продолжало находиться в самом неудовлетворительном экономическом состоянии.

Выработав конституцию, Учредительное Собрание прекратило свою деятельность и уступило место Законодательному Собранию, выбранному уже на основах новой конституции. Это собрание было недолговечно. Страшное возбуждение, овладевшее Парижем летом 1792 г., ввиду вооруженной интервенции иностранных правительств и вылившееся в ряде восстаний, создало обстановку, в которой Законодательное Собрание постановило отрешить от власти короля и созвать чрезвычайное собрание — Национальный Конвент — для нового переустройства Франции. Так пала конституция 1791 г.

[144]) Впервые Генеральные Штаты были созваны Филиппом IV Красивым в 1302 г. Штаты были сословным учреждением, собранием мэров, феодалов и епископов. В Генеральных Штатах 1302 года было только несколько представителей парижской буржуазии. Крестьяне в первый раз попадают в Генеральные Штаты только в 1484 г. (через 180 лет). Лишь значительно позже

Генеральные Штаты становятся представительством выборных от сословий, а не начальников муниципалитетов и феодалов.

В течение XV и XVI в.в. Генеральные Штаты были опорой королевской власти. Первое крупное столкновение между ними и ею произошло в начале XVII в., когда Штаты, отражая интересы растущей буржуазии, потребовали ряда социально-политических уступок со стороны короля. С тех пор Генеральные Штаты не созывались вплоть до революции 1789 г.

[145]) *Национальный Конвент,*—вызванный к жизни парижским восстанием в августе 1792 г., собрался 21 сентября 1792 г. В первые месяцы своего существования работал под руководством жирондистов (представителей либеральной буржуазии). Умеренная политика этой группы и ее нерешительность в борьбе с контр-революцией толкали левое крыло Конвента, якобинцев, на путь свержения жирондистов. Восстаниями парижской бедноты 31 мая и 2 июня 1793 г. жирондистское правительство было низложено, и власть передана в руки якобинцев. Якобинский Конвент провозгласил республику и объявил отмену всех феодальных повинностей без всякого выкупа и настоял на предании короля суду по обвинению в государственной измене. Эпоха господства якобинцев была апогеем революционного подъема. Но господство это не могло быть длительным, потому что крайний революционный радикализм якобинцев не соответствовал объективному экономическому состоянию Франции, которая тогда еще только вступала в период буржуазного развития. К тому же, среди самих якобинцев вскоре обнаружились противоречия между более крайними и более умеренными элементами. При таких условиях диктатура якобинцев не могла быть прочной и быстро разложилась; 27 июля 1794 г. (9 термидора) главный руководитель конвента—Робеспьер был низложен самим Конвентом и с сотней своих приверженцев казнен на эшафоте (отсюда выражение «9 термидора» для обозначения начала крушения революционной власти). см. том XII, прим. 81.

[146]) *Лобко* — генерал от инфантерии. В 1898 г. назначен членом Государственного Совета; в 1899 — 1905 г.г. состоял государственным контролером. Умер в 1905 г.

[147]) *Тюрго* — знаменитый государственный деятель предреволюционной Франции; был призван на пост государственного контролера финансов Людовиком XVI в 1774 г., в момент тяжелого финансового кризиса. Теоретик физиократов, Тюрго считал, что только сельское хозяйство представляет неисчерпаемый базис народного богатства, поэтому со стороны центральной власти должно быть сделано все для представления полной свободы труда сельского производителя. Признавая в принципе капиталистическое фермерство, ему на практике пришлось принимать меры к облегчению положения мелких крестьянских производителей. Его попытка произвести отмену феодальных прав, несмотря на то, что он устанавливал выкуп за них— не удалась, ввиду сильного противодействия дворянства и духовенства. Ограничения свободы торговли хлебом больно били по крестьянам, но это было на-руку крупной буржуазии, пользовавшейся монополией на торговлю хлебом. Несмотря на ее противодействие, Тюрго удалось в сентябре 1774 г. провести эдикт, восстанавливающий свободу торговли хлебом. В 1776 г. он пытался осуществить идею физиократов о свободе труда: провел отмену цехов, но с запрещением рабочим устраивать объединения. Тюрго имел

обширный план реформ, но, восстановив против себя всю финансовую олигархию откупщиков, парижский парламент и двор, в 1876 г. получил отставку. Его попытка перед Великой Французской Революцией упрочить старый режим, приспособив его к буржуазному обществу, не увенчалась успехом. Крах его политики означал невозможность разрешить противоречия между экономическим развитием страны и ее общественным строем методами мирных реформ.

[148]) *Токвиль* (1805—1859 г.г.) — выдающийся французский историк и публицист консервативного направления. В своем главном труде «Старый порядок» он, вопреки господствовавшему в то время мнению, доказал, что революция не была внезапным разрывом с прошлым, что объяснения ее надо искать в старом порядке, из которого она естественно вытекает.

[149]) *Николай I* (1796—1855) — русский император, отличавшийся особенной жестокостью и получивший в народе имя Николая Палкина. Восшествие на престол в 1825 г. было им ознаменовано кровавым подавлением декабристского восстания — первого революционного выступления прогрессивных слоев русского дворянства. Царствование Николая I характеризуется развитием военщины и доведением до абсурда военной дисциплины. Конец царствования Николая I (50-е годы) явился в русской истории периодом самой мрачной реакции. Николай I окончил свою жизнь, приняв яд, не желая подписать самолично мир с союзниками (Англией, Францией, Италией и Турцией), после взятия ими Севастополя.

[150]) По закону 1864 г. было выработано положение о земских учреждениях, по которому земства сделались органами поместного дворянства. По кругу предоставленной им деятельности земства являлись специально-хозяйственными учреждениями и были поставлены под строгий контроль администрации. Лишенные всякой административной власти, они не имели возможности проводить свои постановления в жизнь. Положение 1890 г. о выборах в земские учреждения усилило в них дворянский элемент. В то же время это положение не только не дало больших прав земствам, но еще сильнее стеснило их деятельность. Если старое положение 1864 г. предусматривало только государственный контроль над земствами, то новое положение уже прямо подчиняет деятельность земств целям и задачам правительства.

[151]) *Вильгельм II* — последний германский император; быстро утратил приобретенную им на первых порах популярность в широких буржуазных и мелкобуржуазных кругах общества отставкой Бисмарка, отменой исключительного закона против социал-демократов и созывом международной конференции для разрешения вопроса «об охране труда рабочих» путем международных соглашений. Вильгельм II являлся сторонником укрепления и распространения военной и промышленной мощи Германии. В 1918 г. в ноябре м-це под давлением революционного народа отрекся от престола и бежал в Голландию.

[152]) *Бюлов* — германский канцлер (премьер-министр) в 1900—1908 г.г. Был выдающимся политиком немецкого империализма; много сделал для создания коалиции центральных держав. Будучи сам помещиком-юнкером, Бюлов как бы персонифицировал гегемонию помещичьей Пруссии над промышленной Германией.

[153]) Упомянутые выборы в германский рейхстаг происходили 16 июня 1903 г. Несмотря на помощь, оказанную правительством партиям крупных землевладельцев и аристократии, эти партии потерпели поражение. Зато социал-демократы на этих выборах завоевали около 3 миллионов голосов, т.-е. получили увеличение, по сравнению с прошлыми выборами в 1898 г., на 1 миллион голосов. Число социал-демократических депутатов в рейхстаге увеличилось с 58 до 83.

[154]) *Дайси* — английский юрист, автор известной книги «Основы государственного права Англии».

[155]) *Кромвель* (1599—1658) — лорд-протектор Англии. Выдающийся политический деятель в эпоху Великой Английской Революции (1640—1659 гг.). Будучи непримиримым врагом монархии Стюартов, Кромвель выдвинулся, как один из руководителей революционной партии индепендентов. В наступившей гражданской войне Кромвель проявил себя талантливым полководцем. Будучи главным руководителем революционной армии, он подавляет все монархические выступления. После казни короля Карла I Кромвель распускает так называемый «долгий» парламент и провозглашается лордом-протектором. Созвав новый парламент, он, однако, вскоре распускает его за слишком радикальные требования. Став фактическим диктатором Англии, Кромвель возбуждает против себя как сторонников монархии Стюартов, так и крайних левых, неудовлетворявшихся единоличной политикой Кромвеля. С теми и с другими Кромвель вел ожесточенную борьбу. За период его господства Англия выдвигается в первый ряд европейских держав. Со смертью Кромвеля заканчивается период Великой Английской Революции. После его смерти королевская династия Стюартов была восстановлена.

[156]) Письмо тов. Троцкого было сопровождено следующим примечанием Петербургской группы РСДРП:

> «Петербургская Группа РСДРП, предлагая вниманию товарищей настоящее письмо, написанное до опубликования манифеста 6 августа, считает нужным оговорить, что, будучи вполне солидарной с автором письма в вопросе о необходимости выставления нами лозунга бойкота при агитации по поводу созыва Государственной Думы, Группа расходится с автором во взглядах по вопросу о том, каким путем могут быть созданы те органы революционного самоуправления, которые были бы способны привести нас к полной победе. Петербургская Группа постарается в ближайшем будущем высказать подробный свой взгляд по этому поводу.
>
> *Петербургская Группа РСДРП*».

Разногласия касались, главным образом, вопроса о вооруженном восстании, как необходимом пути к «революционному самоуправлению».

[157]) *Граф Шереметьев* — вдохновитель дворянской дворцовой камарильи, один из тайных руководителей черносотенцев и член Государственного Совета. Граф Шереметьев участвовал в сельско-хозяйственном совещании перед 17 октября 1905 г. Был одно время предводителем московского дворянства.

[158]) 6 июня 1905 г. делегация съезда земских и городских деятелей в составе гр. Гейдена, кн. Е. и Н. Львовых, И. Петрункевича, Головина, Долгорукова, Ковалевского, Новосильцева, Родичева, Шаховского, кн. С. Трубецкого, Корфа, Никитина и Федорова торжественно представлялась в Петергофе Николаю II. Большую речь произнес кн. С. Н. Трубецкой. Начав с заверения, что делегацию привело к Николаю чувство любви к отечеству и сознание долга перед императором, Трубецкой далее говорил о грозной опасности для престола. Перечисляя недостатки государственного организма и растущее возмущение масс, Трубецкой заявил: «Единственный выход из всех этих внутренних бедствий — это путь, указанный вами, Государь: созыв избранников народа». Трубецкой высказывался против введения сословного представительства: «Как русский царь, — говорил он, — не царь дворян, не царь крестьян или купцов, не царь сословий, а царь всея Руси, так и выборные люди от всего населения, призываемые, чтобы делать совместно с вами, ваше государево дело, должны служить не сословным, а общегосударственным интересам». Заканчивая свою речь требованием полной свободы собраний и печати, Трубецкой заявил: «Необходимо открыть самую широкую возможность обсуждения государственного преобразования». После кн. С. Н. Трубецкого говорил гласный петербургской городской думы Федоров. Последний целиком присоединился к основным требованиям, выдвинутым кн. Трубецким. В своем ответном слове Николай заявил: «Я вместе с вами и со всем народом моим всею душою скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война». Соглашаясь с необходимостью созыва народных представителей, Николай сказал: «Моя воля, воля царская, непреклонна, и привлечение выборных людей к работе государственной будет выполнено правильно». Закончил свою речь Николай призывом к единению между царем и земскими людьми. «После сего, — сообщает с.-петербургское телеграфное агентство, — государь император удостоил всех представлявшихся милостивыми разговорами»...

Событие 6 июня было встречено либерально-демократическими кругами, как начало новой эры в развитии русской государственности. Либеральная печать приветствовала «соглашение царя с народом». «Отныне историю русского народного представительства нужно считать с 6 июня». «Этим днем заложена прочная основа дружбы престола и народа. С величайшими надеждами и радостью мы встречаем историческое событие 6 июня». Даже консервативная печать сочувственно отзывалась о событии 6 июня. Совершенно иначе отнеслась к этому событию русская социал-демократия. Она не ожидала и не могла ожидать реальных результатов от соглашения царя с дворянской верхушкой. Дальнейшие события целиком подтвердили правильность этого взгляда. Иллюзии, навеянные «милостивыми» разговорами царя с либералами, были очень скоро жестоко разрушены реальной практикой самодержавия.

[159]) *«Социал-демократ»* — рабочая газета, популярное издание редакции «Искры», бывшей в то время меньшевистской. Выходила с 1 октября 1904 г. по 14 октября 1905 г. Всего вышло 16 номеров.

[160]) Это письмо является ответом на статью Милюкова, помещенную в «Сыне Отечества» от 7/20 августа под названием: *«О Государственной Думе»*.

[161]) *Победоносцев* — в течение нескольких десятилетий был главным вдохновителем реакции и по существу правителем России. С 1880 г. занимал должность обер-прокурора Синода. Был учителем царской семьи и имел большое влияние на Александра III и Николая II. На протяжении всей своей деятельности был решительным противником веротерпимости; по своему ведомству особенно преследовал сектантов и старообрядцев. Травля инородцев, руссификация окраин, угнетение национальных меньшинств — все это при Победоносцеве проводилось решительно и систематически. Ярый сторонник неограниченного самодержавия, он боролся против каких бы то ни было уступок революционному движению 1905 г. Лишь октябрьская стачка окончательно вырвала почву из-под его ног: конституционный манифест 17 октября означал решительный крах политики Победоносцева. В октябре он покидает пост обер-прокурора Синода, но не прекращает свою черносотенную деятельность. Широко используя свое влияние в церковных и политических кругах, он до самой смерти (в 1907 г.) продолжает упорную борьбу за полное безоговорочное сохранение всех устоев самодержавного порядка.

[162]) 8 августа 1788 г. французским королем Людовиком XVI был подписан манифест о созыве Генеральных Штатов. Созыв этого сословного собрания стал неизбежным вследствие того тяжелого состояния Франции, к которому привело господство привилегированных сословий. Особенно остро отразился кризис феодально-бюрократической системы на состоянии финансов страны. Под влиянием растущей оппозиции третьего сословия король был вынужден подписать этот манифест. Однако Генеральные Штаты не оправдали надежд короля и привилегированных сословий (дворянства и духовенства), хотевших этим путем успокоить возраставшее возбуждение масс. Рост классовых противоречий сделал Генеральные Штаты исходным пунктом развития революции.

[163]) Восстание парижской бедноты 10 августа 1792 года было вызвано, главным образом, тайными сношениями короля Людовика XVI с иностранными правительствами в целях подавления революции. Толчком к восстанию послужил манифест командующего австро-прусской армией герцога Брауншвейгского, в котором последний грозил французам казнями, сожжением домов, разрушением Парижа. Одним из организаторов восстания был Дантон. В ночь с 9 на 10 августа была организована Революционная Коммуна, руководившая восстанием. По призыву Коммуны 10 августа вооруженное население рабочих кварталов двинулось на штурм королевского дворца. С большими потерями дворец был взят, король с семьей бежал под охрану Законодательного Собрания, которое, однако, в его же присутствии постановило отрешить его от престола и взять под стражу.

[164]) Оппозиционное движение в Германии 40-х годов захватило и умеренную буржуазию. Недовольство этой последней, наряду с финансовым кризисом, заставило Фридриха Вильгельма IV издать 3 февраля 1847 г. манифест о периодическом созыве Соединенного Ландтага (из 8 существовавших ранее провинциальных ландтагов). Ландтаг, на словах, был созван для того, чтобы дать стране обещанную конституцию, а на деле, чтобы получить возможность высасывать из нее больше налогов. Права Ландтага ограничивались разрешением займов и введением новых или повышением старых

налогов; кроме того, он должен был давать заключения о законопроектах правительства. Конфликты по поводу финансового вопроса и гарантий конституционных прав привели к тому, что собравшийся Ландтаг вскоре был распущен. Крах этой попытки соглашения между королем и буржуазией был наиболее ярким показателем невозможности мирным путем преодолеть политический феодализм тогдашней Пруссии.

[165]) Ряд неурожаев и торговый кризис 1847 г. вызвали революционный взрыв во всей Европе. Февральская революция 1848 г. во Франции немедленно нашла отклик в Германии, где все условия для буржуазной революции — крестьянские волнения, оппозиционное настроение либералов, активная оппозиция интеллигенции и мелкой буржуазии и т. д.—были уже налицо. В первых числах марта 1848 г., во второстепенных государствах Германии — Бадене, Вюртемберге, Баварии, Гессен-Дармштадте, Саксонии и др.—начались волнения в городах. Собрания граждан подавали своим монархам или палатам петиции с требованиями свободы печати, суда присяжных и созыва общегерманского парламента. Революционное брожение проникает и в Берлин, который до того безмолвствовал. 18 марта, в 12 часов дня перед королевским дворцом была устроена массовая мирная демонстрация; демонстранты требовали удаления войск из Берлина, организации вооруженной гражданской гвардии, дарования безусловной свободы печати и скорейшего созыва Соединенного Ландтага. Попытки короля успокоить толпу с балкона вызвали только еще большее раздражение. Тогда из манежа появился эскадрон драгун, а из самого дворца рота пехотных солдат, чтобы очистить площадь. Два выстрела, раздавшиеся из рядов пехоты, послужили сигналом к уличной борьбе. Завязавшаяся битва продолжалась всю ночь; в ней принимали участие рабочие различных фабрик и заводов, а также студенты; среди сражавшихся были даже женщины и дети. Молодежь и взрослые сражались на баррикадах с замечательной стойкостью. Несмотря на плохое вооружение, они сумели в течение ночи дать такой решительный отпор отборному отряду правительственных войск в 14.000 чел. при 36 пушках, что около 5 часов утра военное начальство приказало совершенно измученным солдатам приостановить борьбу. Утром 19 марта король был вынужден удалить войска из города. Вместе с войсками оставил столицу и ненавистный всем принц Прусский. Главную тяжесть борьбы вынес, конечно, на своих плечах пролетариат. Среди 183 убитых, торжественно преданных земле 22 марта, было несколько студентов, остальная масса убитых состояла из ремесленников, рабочих и приказчиков.

Кровавое столкновение 18 марта явилось началом революции 1848 г. в Германии.

[166]) *Сыромятников, С. Н.* (род. в 1860 г.) — журналист, по политическим убеждениям крайний реакционер. Деятельность журналиста начал в 1888 г. в «Неделе», где с 1891 по 1893 г. вел обозрение иностранной жизни. В 1893 г. перешел в суворинское «Новое Время» и стал помещать в этой газете рассказы и фельетоны ультра-патриотического свойства. (Сначала под псевдонимом «Сергея Норланского», позднее «Сигмы».)

Помещал статьи в «Историческом Вестнике», «Ниве», «СПБ. Ведомостях» и других.

[167]) *«Слово»* — ежедневная газета, выходившая в Петербурге с 1 декабря 1904 г. по 1 июля 1906 г. Редактором подписывался Быков, издателем Перцов. Газета объявила себя органом партии конституционного центра. В смысле политического направления отличалась крайней неустойчивостью: одни статьи противоречили другим. Газета имела незначительный успех, тираж быстро начал падать. С конца 1906 года возобновляется, как орган конституционного центра.

[168]) Прусский конституционный конфликт возник в 1862 г. на почве противоречий между либерально-буржуазным парламентом и реакционным министерством. Непосредственным поводом к нему явилось скромное требование парламента о более детальном составлении бюджета. Ранее бюджет расписывался по некоторым крупным статьям, что давало возможность министрам всячески обходить волю парламента. Министерство, возмущенное «вотумом недоверия», распустило парламент, но через несколько дней уступило место еще более реакционному министерству из бюрократических элементов во главе с Бисмарком. Последний продолжал борьбу с оппозиционным парламентом до мая 1863 г., когда парламент был распущен.

[169]) *Лассаль, Фердинанд* (1825—1864) — знаменитый немецкий социалист, один из основателей немецкой социал-демократии. Историческая заслуга Лассаля и главный итог его политической деятельности заключается в том, что он сумел пробудить рабочие массы Германии от спячки, в которую они погрузились после революции 1848 г. Лассаль, ведя отчаянную борьбу с либералами, державшими под своим влиянием рабочих, толкнул своей энергичной агитацией последних к организации самостоятельного Всегерманского Рабочего Союза. Таковой и был создан в 1863 году под пожизненным председательством Лассаля. В области теории социализма и программы политической деятельности Лассаль, хотя и считал себя учеником Маркса и Энгельса, однако значительно отклонялся от их мировоззрения. Так, исходя из неправильного понимания законов, которыми регулируется заработная плата рабочего, считая ее минимум постоянной и неизменяемой величиной, он выдвигал, как панацею от зол капиталистического общества, производительные рабочие товарищества, субсидируемые государством. С другой стороны, Лассаль придавал преувеличенное значение всеобщему избирательному праву, для проведения которого он пускался в не всегда безупречное политиканство с Бисмарком. Лассаль оставил после себя целый ряд крупных научных трудов и печатных речей. Назовем его «Гераклита», исследование в области греческой философии, «Систему приобретенных прав», философско-правовое исследование, «Бастиа-Шульце», экономическое исследование, наконец, его речи — «Сущность конституции», «Программа работников», до сих пор не потерявшие своего научного и литературного достоинства. После смерти Лассаля, его приверженцы, лассальянцы, слились с эйзенахцами-марксистами на съезде в Готе в 1875 году, образовав единую германскую социал-демократическую партию.

[170]) Буржуазные представительные собрания в Берлине, Вене и Франкфурте возникли в результате революции 1848 г. Основным недостатком этих собраний было неумение разрешить прямую задачу буржуазного парламента — освобождение крестьян. В Берлине буржуазное министерство

пало, как только собрание отважилось на слабое сопротивление военщине. Разогнанное в ноябре 48 г., оно не решилось даже призвать народ к оружию, чего требовали рабочие. Вместо этого оно провозгласило пресловутое пассивное сопротивление, фактически означавшее подчинение реакции. Приблизительно то же самое происходило в Вене, где 23 марта 1848 г. буржуазия устроила кровавую баню. Ведя позорную политику соглашений по отношению к абсолютизму, буржуазия скоро попала в зависимое от него положение. Эта политика продолжалась до тех пор, пока окрепнувший абсолютизм не разогнал представительное собрание венских буржуа. После государственных переворотов в Берлине и Вене германское национальное собрание в Франкфурте осталось последним представительным органом буржуазной революции. Но и это последнее собрание оказалось не на высоте выпавших на его долю задач. Избрав австрийского эрцгерцога Иоганна правителем империи, оно с самого начала отдало национальное движение в руки монарха. В то время, когда прусское правительство вооружалось, национальное собрание расточало время в дебатах, в составлении воззваний, принятии решений, не имевших никакой силы. Под давлением прусской армии оно бежало из Франкфурта в Штуттгарт, где было разогнано вооруженной силой.

[171]) *Палата Людовика-Филиппа Орлеанского* — возникла в результате буржуазной июльской революции в 1830 г. К власти пришла крупная финансовая буржуазия. Хотя избирательный ценз и был несколько понижен, тем не менее огромная часть мелкой буржуазии, рабочего класса и крестьянства была совершенно отстранена от участия в выборах. Палата предприняла целый ряд реакционных мероприятий, сводившихся к реставрации монархии. Естественно, что эти мероприятия вызвали сильное противодействие со стороны мелкой буржуазии и рабочего класса. Уже в 1832 г. была сделана попытка революционного восстания. Затем в 1839 г. произошло революционное восстание, руководимое Бланки, быстро и жестоко подавленное. Однако, рост и влияние революционных партий все усиливается. Революция 1848 г. разбила июльскую монархию.

[172]) *Партия конституционалистов-демократов* или «партия народной свободы», как она себя называла, сложилась из двух ранее существовавших групп: «Союза Освобождения» и «Союза земских конституционалистов». Основные принципы программы партии были уже намечены на ноябрьском съезде земских и городских деятелей в 1904 году. Учредительный съезд партии, на котором была выработана программа и избран Центральный Комитет, происходил 12—18 октября 1905 г. в Москве. В своей программе партия кадетов ставила главной целью создание в России конституционной монархии. Для достижения этой цели партия считала необходимым созыв Учредительного Собрания для составления конституции, которая должна была быть утверждена царем. В свою программу партия включала требование всеобщего избирательного права и гражданских свобод. В области аграрного законодательства стояла за увеличение площади землепользования за счет государственных, удельных, кабинетских и монастырских земель. В состав Центрального Комитета I съезд избрал: Вернадского, Винавера, Долгорукова, Милюкова, Петрункевича и др., всего 30 человек. Накануне выборов в I Государственную Думу партия напрягла все свои усилия для

получения возможно большего числа голосов. Довольно быстро партия раскинула сеть своих организаций по провинции. К концу 1905 года она уже насчитывала около 100.000 членов. Результаты предвыборной кампании оказались чрезвычайно благоприятными для кадетов; количество членов ее фракции достигло 184 человек (38%). На II партийном съезде кадеты значительно изменили свою тактику: напуганные революционными событиями 1905 года, они решительно отвергли методы вооруженного восстания и центр тяжести своей работы перенесли в легальную думскую деятельность. Этими решениями кадеты определенно отмежевывались от революционных партий. Кадетская фракция в I Думе выдвинула ряд вопросов: об отмене смертной казни, неприкосновенности личности, всеобщей амнистии и т. д. Лидерами кадетской фракции в Думе были Муромцев, Набоков и др. Во II Думе кадеты получили уже значительно меньшее число голосов. Тактика кадетской фракции во II Думе резко отличалась от той, которую они проводили в первой. Они окончательно прекращают свою оппозиционную деятельность и становятся по существу правительственной партией. Все предложения социал-демократической фракции подвергаются яростным нападкам кадетов. В III Думе кадетская фракция уже совершенно отказалась от внесения собственных законопроектов. Роль ее ограничивалась внесением поправок в правительственные законопроекты. С наступлением войны кадеты немедленно заняли ультра-патриотическую позицию. Центральный Комитет обратился ко всем членам партии с требованием «исполнить долг российских граждан в предстоящей борьбе».

> «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, — говорилось в воззвании, — наш первый долг сохранить нашу страну единой и нераздельной»...
>
> «Отложим же наши внутренние споры и будем твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша поддержать борцов верой в правоту нашего дела, спокойной бодростью и надеждой на успех нашего оружия».

Февральская революция привела кадетскую партию к власти. Став правящей партией, она быстро пополняет свои ряды контр-революционными элементами, требует продолжения войны до победного конца, подготовляет заговор Корнилова и всякими мерами стремится удержать натиск революции. После Октября кадеты начинают ожесточенную вооруженную борьбу против Советской власти. В этой борьбе они безоговорочно блокируются с контр-революционными монархическими организациями. В эмиграции после краха вооруженной контр-революции в среде кадетов произошел раскол. Часть из них, возглавлявшаяся Набоковым, окончательно связала себя с монархистами, другая часть, во главе с Милюковым, пошла на коалицию с правыми эсерами. И те и другие не отказались от мысли о вооруженном ниспровержении Советской власти.

[173]) Вопрос о земле ставится в этих обращениях к крестьянам недостаточно определенно. Объясняется это тем, что в тот период еще в силе была старая партийная программа, ограничивавшаяся в земельном вопросе требованием возвращения земельных отрезков. Весною 1905 года недостаточность этой программы была слишком очевидна. Этим и объясняется то обсто-

ятельство, что в воззваниях, обращенных к крестьянам, земельный вопрос ставится в очень общем виде. В дальнейшем земельный вопрос постепенно выдвигается на первое место. Народническая формула *«земля и воля»* получает исключительную популярность. Большевистская «Новая Жизнь» усыновляет эту формулу: это было выражением той же дальновидной революционной политики, которая в 1917 году привела к победоносному усыновлению эсеровской земельной программы (о лозунге «земля и воля» см. в статье «Наша тактика в борьбе за Учредительное Собрание» в этом же томе).

[174]) Эта книжка называлась: «Записка по крестьянскому делу». («Общ. Польза» 1905 г.) «Записка» Витте подробно разбирала вопросы и решения местных сельскохозяйственных комитетов. Основные выводы «Записки» следующие: конечной целью крестьянского законодательства должно явиться устранение обособленности крестьян «от прочих сословий»; но это устранение сословных отличий не должно в то же время затронуть «тех особенностей сословного строя, которые необходимы для пользы самого крестьянства и всего государства».

[175]) 9 января правительство двинуло против рабочих крупные военные силы; на Васильевском острове был расположен полностью весь Финляндский полк, 2 эскадрона улан, 2 эскадрона казаков и рота Беломорского полка. Частями командовали ген. Самгин и полковник Орлов. У Полицейского моста расположился Семеновский полк, у Зимнего дворца —Преображенский. 9 января войскам не разрешалось подпускать к себе толпу ближе, чем на 50 шагов, 10 января — ближе, чем на 300. Стреляли из ружей. Точное число залпов неизвестно. Пушечных залпов не было; в прокламации о пушечном залпе говорится по ошибке, которая объясняется ложными сведениями, усердно распространявшимися в то время заграничной печатью о событиях в России.

[176]) Эта прокламация найдена в архивах киевского губернского жандармского управления. Прокламация была издана типографией Бюро Центрального Комитета, во главе которого стоял тов. Красин. Точную дату ее издания установить нельзя, но ряд обстоятельств заставляет думать, что прокламация была издана в марте 1905 г.

[177]) Высочайшим рескриптом 30 марта 1905 года на имя члена Государственного Совета Горемыкина последний был назначен председателем Особого Совещания для обсуждения вопросов землевладения и «удовлетворения всех нужд крестьянского сословия, ибо предпринятые ранее по этому предмету труды показали, что в некоторых внутренних губерниях империи хозяйственное положение сего сословия в значительной степени поколеблено». Главной задачей Особого Совещания должно было явиться «упрочение земельного строя крестьян». Особое Совещание должно было практически разрешить этот вопрос «при непременном условии охранения частного землевладения от всяких на него посягательств». Для этого необходимо предоставить крестьянам способы пользования отведенными им надельными землями, а нуждающимся в земле облегчить переселение при содействии крестьянского банка.

[178]) *«Свет»* — ультра-реакционная националистическая газетка, тесно связанная с охранкой. Выходила с 1882 г. и имела большое распространение благодаря своей дешевизне.

[179]) *«Дружеские Речи»* — газета крайне реакционного направления, выходившая в Петербурге с 1903 года, сначала еженедельно, а затем, с 1904 г., два раза в неделю. Издателем-редактором был известный реакционер и монархист, князь В. П. Мещерский.

[180]) *Горемыкин* — один из виднейших деятелей царского правительства, неоднократно бывал генерал-губернатором. В 90-х годах в качестве министра внутренних дел прославился своей борьбой с пробуждавшимся рабочим движением. В 1905 г. Горемыкин был назначен премьер-министром. В последующие годы, вследствие своей старости, активного участия в политической жизни не принимал.

[181]) *Воронцов-Дашков* — граф, бывший министр двора еще при Александре III. Один из виновников Ходынской катастрофы во время коронации Николая II. В мае 1897 г. Воронцов-Дашков получил отставку, и его пост занял барон Фредерикс. Воронцов-Дашков, являясь членом Государственного Совета, оставался не у дел до назначения его наместником на Кавказе в 1901 г., где отличился как усмиритель восстаний в революционный период 1905—1906 г.г.

[182]) *Дурново, П. Н.* — один из виднейших деятелей царского режима. Заняв в 1905 г. пост министра внутренних дел в кабинете Витте, прибегал к самым крайним мерам для подавления революции вплоть до попустительства погромной деятельности разных черносотенных организаций. Перед самым открытием I Думы, вместе с остальными членами министерства Витте, вышел в отставку, уступив место Столыпину.

Вот что о нем говорит гр. Витте в своих «Воспоминаниях» (стр. 452): «Дурново совершенно неспособный к какому-либо серьезному делу человек. Он совсем в Москве запутался, ничего не знал, что там делалось, в конце концов так растерялся, что выходил в генерал-адъютантском мундире на площадь для переговоров с революционной толпой с красными флагами и снимал при этом военную шапку».

[183]) *Александр III* (1845 — 1894) — вступил на престол после убийства Александра II в 1881 г. Царствование Александра III ознаменовалось решительным переходом на путь самой беспросветной реакции. Тупой, ограниченный, малообразованный, Александр III окружил себя отъявленными реакционерами. Совершенно не разбираясь в вопросах политики, Александр III был прекрасным знатоком и специалистом по сыску и жандармским делам. Он сам лично принимал деятельное участие в работе III (Охранного) Отделения. За годы царствования Александра III в России развивается революционное движение пролетариата.

Александр III умер от запоя в 1894 г.

[184]) *Институт земских начальников*—был учрежден законом 12 июля 1889 г. Согласно этому закону земские начальники утверждались в должности министром внутренних дел. Административно-карательная власть земских начальников была поставлена в сравнительно тесные пределы. По словам закона, должность земских начальников учреждалась с целью создания «близкой к народу твердой правительственной власти, которая соединила бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела, по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и прав частных лиц». В действительности этот

институт был отражением феодальной реакции, под знаком которой прошло почти все царствование Александра III.

[185]) 30 апреля был издан высочайший именной указ правительствующему сенату «о беспорядках, возникающих в некоторых сельских местностях, сопровождающихся разгромом и грабежом, преступными скопищами крестьян владельческих усадеб. Такое злонамеренное нарушение не может быть терпимо, всякая частная собственность неприкосновенна».

«Для этого необходимо, — гласит указ, — создать по мере надобности в уездах временные комиссии под председательством предводителей дворянства, которые занялись бы выяснением лиц, участвующих в преступных скопищах крестьян и исчислением имущественных убытков, для привлечения к платежу с взысканием движимого или недвижимого имущества». Министерству внутренних дел предлагалось представить этим комиссиям определенных лиц, следящих за действиями этих комиссий.

[186]) *Партия эсеров* — возникла в 1901 г. путем объединения нескольких сохранившихся народовольческих групп. С первых же шагов своей деятельности она, в отличие от с.-д. партии, назвала себя партией не рабочей, а трудящихся вообще. В это расплывчатое понятие она включала и рабочих, и крестьян, и интеллигенцию. Считая себя преемницей идей революционного народничества 70—80-х годов эсеровская партия отрицала жизнеспособность промышленного и финансового капитализма в русских условиях. Ближайшая революция в России,—говорили эсеры,—будет не буржуазная, а «трудовая». Однако, несмотря на пышный покров революционных фраз, социалдемократы с самого же начала деятельности партии эсеров усмотрели в ней выразительницу мелко-буржуазной идеологии. Плеханов при самом появлении эсеровской партии окрестил ее партией «социалистов-реакционеров». Констатируя, что эсеровская партия затушевывает самостоятельную политическую роль пролетариата, II съезд РСДРП определенно квалифицирует партию эсеров, как «буржуазно-демократическую фракцию»; принципиальное отношение социал-демократии к этой партии должно быть такое же, как и к либералам. Деятельность эсеров, — гласит далее постановление съезда, — вредна не только для политического развития пролетариата, но и для общедемократической борьбы с абсолютизмом. Поэтому II съезд РСДРП осудил всякую попытку сближения с партией социалистов-революционеров.

Партия эсеров никогда не имела твердой классовой опоры. Она шла на объединение с либералами и кадетами. В то же время она считала себя призванной защитницей интересов крестьянства. В своей аграрной программе (социализация земли, уравнительное землепользование и т. п.) партия эсеров отражала мелкобуржуазные иллюзии широких слоев крестьянства. Часть революционно настроенной интеллигенции и рабочего класса шла за эсерами, прельщенная методами индивидуального террора. Вскоре, однако, руководившая террором боевая организация эсеров была сильно скомпрометирована царившей в ней провокацией. Во время I Государственной Думы эсеры организовали фракцию трудовиков, по существу мало чем отличавшуюся от кадетов. В эпоху реакции началось разложение эсеровской партии. В ней возникло ликвидаторское крыло, руководимое Бунаковым, Авксентьевым и др. Эта группа, издававшая газету «Почин», поставила под вопросы все основы партийной тактики. Она тщательным

образом пересматривала все, что напоминало о революции. Исходя из взгляда, что революционный период миновал и едва ли возобновится в ближайшем будущем, она считала необходимым изменить все методы политической борьбы сообразно новым условиям. Руководители этого ликвидаторского крыла (нынешние лидеры правого крыла эсеровской партии за границей) категорически требовали перехода партии к легальным формам политической деятельности, соглашения с либеральной буржуазией, полного отказа от вооруженной борьбы с царизмом. Во время войны большинство эсеровской партии заняло оборонческую, социал-патриотическую позицию. После февральской революции расплывчатая программа эсеров привлекла к партии огромные массы интеллигенции, чиновничества, офицерства и крестьян. Перегруженная до краев правыми элементами, партия эсеров блокировалась с буржуазными партиями. Эсеры отнеслись враждебно к лозунгу «Вся власть Советам», хотя вместе с меньшевиками составляли большинство в тогдашних Советах. Особенно ярко обнаружилась подлинная политическая сущность эсеров в их отношении к войне. Приведенные февральской революцией к власти, они настаивали на продолжении империалистической войны до победного конца. В то же время они не только ничего не сделали для осуществления основного пункта своей программы, социализации земли, но всячески противодействовали экспроприации помещичьих земель. Во время октябрьских боев партия эсеров с оружием в руках боролась против восставшего рабочего класса. После Октября она продолжает вооруженную борьбу против пролетарской диктатуры. Блокируясь с реакционерами в «Союзе Возрождения», она проводит политику интервенций. В своей борьбе против Советской власти она не останавливается и перед методами индивидуального террора. Ее членами были убиты Урицкий и Володарский, произведено покушение на Ленина и велась подготовка покушения на Троцкого. IX съезд партии эсеров, происходивший в 1919 г., формально отказался от вооруженной борьбы с Советской властью. Однако, Черновский ЦК не подчинился этому решению. Его политика интервенции, вооруженных выступлений, террора продолжалась и после съезда. Процесс эсеров, происходивший в 1922 году в Москве, ярко вскрыл всю контр-революционную сущность этой мелкобуржуазной партии.

Незадолго до Октябрьского переворота от партии эсеров откололась группа так называемых «левых эсеров», возглавляемая Камковым, Спиридоновой и др. Левые эсеры на выборах в Петербургскую Думу поддерживали большевистский список. На всероссийском съезде крестьянских советов левые эсеры во главе с Спиридоновой руководили борьбой против правого эсера Авксентьева, члена ЦК с.-р. партии и Временного Правительства. Октябрьская революция еще более усилила разногласия в партии эсеров, и левые образовали самостоятельную партию, члены которой вошли в состав Совнаркома. Тем не менее левые эсеры никогда не могли вполне преодолеть свою мелкобуржуазную сущность, и их разногласия с политикой советского правительства все больше углублялись. Летом 1918 г. ими был убит германский посол Мирбах. После этого партия левых эсеров начинает разлагаться и распадается на три группы: «левых», «народных коммунистов» и «революционных коммунистов».

В 1923 г. съезд части членов партии эсеров постановил считать партию распущенной.

[187]) Оба письма, особенно второе, представляют собою полемику против соответственных статей «Искры», которая, хотя и признавала в большей или меньшей степени неизбежность вооруженного восстания, но склонна была рассматривать его, как объективный этап революции, а не как задачу нашей партии. «Искра» надеялась на то, что практические задачи вооруженного восстания будут разрешаться революционными радикалами, военными «Гапонами» и пр. «Политические же письма» развивают ту мысль, что вооруженное восстание может быть подготовлено и победоносно проведено только социал-демократией. В этом смысле в статье говорится, что кроме нас на революционном поле никого нет, т.-е., что нет исторических претендентов на *руководство* вооруженным восстанием.

[188]) *Погром в Баку* (6—9 февраля 1905 г.) — подготовлялся местной властью во главе с новым бакинским губернатором Накашидзе. В полицейских прокламациях все рабочие волнения объяснялись происками армян, которые хотят-де свергнуть русского царя и поставить своего — армянского. Переведенные на татарский язык, эти прокламации возбуждали татар против армян. Поводом к армянской резне послужило убийство татарина Бабаева группой возмущенных армян за попытку Бабаева убить одного армянина. Татары, вооруженные полицией, 3 дня грабили и убивали армян. За три дня было убито 750 человек и ранено 830.

Погром в Феодосии произошел 8 февраля 1905 года. В течение целого дня черносотенные банды избивали евреев при полном безучастии полиции.

[189]) *Комиссия Кобеко* — после указа 12 декабря 1904 года, разъяснявшего, что надо «отстранить из действующих о печати постановлений излишнее стеснение», была назначена комиссия для выработки законопроекта о печати. Председателем комиссии был назначен член Государственного Совета и директор Императорской Публичной библиотеки Д. Л. Кобеко. Комиссией были выработаны временные правила о печати, изданные 24 ноября 1905 года и действовавшие вплоть до революции. «Правила», предоставлявшие несколько большую «свободу» печати, явились большой уступкой со стороны самодержавия.

[190]) Передовая статья в № 87 «Искры» «Врозь итти — вместе бить» была написана Плехановым и посвящена вопросу о вооруженном восстании рабочего класса.

«Вопрос о вооруженном столкновении нашего пролетариата с царским правительством, — говорилось в статье, — ставится на очередь неотвратимой логикой истории. Мы со своей стороны можем сделать только одно: постараться разрешить его в пользу пролетариата». Статья утверждала, главным образом, ту мысль, что в своей борьбе против самодержавия русский рабочий класс не одинок. «Общественное мнение всей незакупленной царским золотом России открыто заклеймило бойню 9 января и тем показало, что в названной борьбе пролетариат может рассчитывать на более или менее деятельную поддержку со стороны других слоев населения. А это очень значительно увеличивает шансы вооруженного восстания в России».

«Необходимо,— говорится далее,— обеспечить поддержку революционной части либерального общества освободительной борьбе пролетариата». Далее статья говорила о необходимости вести постоянную агитацию в среде самой царской армии, в частности среди офицерства. «Уже теперь есть все основания предполагать, что общественное негодование, вызванное расстрелами 9 января, заставило многих офицеров крепко задуматься о том, как следует относиться им ко внутреннему врагу. И само собой разумеется, что чем громче и чаще будет осуждать офицеров-палачей общественное мнение России, тем меньше будет у нас военных, желающих принимать на себя эту позорную роль. А чем меньше будет таких военных, тем безнадежнее станет дело царизма, и тем больше повысятся шансы восстания»...

Далее автор говорит о том, какое большое значение имеет дезорганизация правительственной власти во время восстания. Пересматривая с этой точки зрения вопрос о терроре, он категорически заявляет, что в эпоху восстания террор является могучим средством борьбы с правительством. «Во время восстания он дезорганизует врагов революции. И не найдется ни одного социал-демократа, который откажется прибегнуть к нему в такое время. Кто борется, тот хочет победить. Кто хочет победить, тот должен соблюдать те условия, от которых зависит победа».

В заключение автор подчеркивает ту мысль, что вооруженное восстание будет победоносным только в том случае, если оно будет народным, массовым, всеобщим восстанием.

В этих и некоторых подобных статьях еще выражалось желание меньшевиков быть революционерами. Понадобилось не особенно много времени после появления этой статьи, чтобы Плеханов, когда восстание (декабрьское) на деле осуществилось, заговорил о том, что «не надо было браться за оружие».

[191]) *Парвус*—был в свое время одной из ярких фигур во II Интернационале. Русский эмигрант, теоретически прекрасно образованный, Парвус выдвинулся в немецкой с.-д. еще в конце 90-х годов своей теоретической борьбой с ревизионизмом Бернштейна, которому он первый дал решительный отпор. В эти же годы Парвус выступил с рядом статей, в которых обосновывал практику революционного марксизма и критиковал немецких оппортунистов: Ауэра, Гейне и др. В другой серии статей он защищал идею всеобщей стачки, как средства революционной борьбы. В это же время им был написан ряд блестящих экономических исследований. Парвус сотрудничал в «Искре» и «Заре», а после раскола поддерживал связь с меньшевиками, стоя на примиренческой позиции. После октябрьского манифеста 1905 г. Парвус приезжает в Петербург и принимает деятельное участие в движении. После поражения революции, Парвус, как один из руководителей Петроградского Совета, был арестован и сослан в Сибирь. Революционная деятельность Парвуса заканчивается самым жалким образом: в начале мировой войны он делается ярым германофилом, а позже — крупным спекулянтом и «советником» Эберта.

Парвус умер в декабре 1924 г.

В своей, подготовляющейся ко 2-му изданию, книге воспоминаний о Ленине Л. Д. Троцкий дает следующую характеристику Парвуса:

«Парвус был, несомненно, выдающейся марксистской фигурой конца прошлого и самого начала нынешнего столетия. Он свободно владел методом Маркса, глядел широко, следил за всем существенным на мировой арене, что при выдающейся смелости мысли и мужественном, мускулистом стиле делало его поистине замечательным писателем. Его статьи и книжки о мировом рынке и аграрном кризисе, о всеобщей стачке, о немецком оппортунизме представляют собой превосходные работы, памфлетная форма которых прекрасно сочетается с научностью содержания. Подлинное дуновение марксовой мысли чувствовалось на писаниях Парвуса того наиболее счастливого периода его жизни. Он первым выступил против Бернштейна в тот период, когда Каутский еще колебался. В 1897 году Парвус поместил в редактировавшейся им, нелегально или полулегально, «Саксонской Рабочей Газете» (в Дрездене) серию статей против бернштейновских откровений насчет постепенного сглаживания классовых противоречий и медленного врастания в социализм. Парвус ребром поставил вопрос о социальной революции и доказал, что объективные предпосылки для этого в Германии налицо. Я изучал эти статьи по старым номерам газеты, и, помню, они произвели на меня не только большое впечатление, но и неизгладимое влияние. Они приблизили меня к вопросам социальной революции гораздо больше, чем какие бы то ни было книги того времени. Завоевание власти пролетариатом перестало быть бесформенной «конечной целью» и стало практической задачей нашего времени. Помню, что я не раз ставил после этого русским товарищам в упор вопрос: когда, по-вашему, произойдет социалистическая революция? Обыкновенно на это отказывались отвечать под предлогом невозможности делать такого рода предсказания, но под дальнейшим нажимом отвечали: через 50 лет, через 100 лет, а некоторые называли и более длительные сроки. Сам Парвус нередко говорил: «Найти русского социалиста страшно трудно, если не невозможно, — это все сплошь революционные демократы». После первых работ Парвуса против Бернштейна и вообще оппортунизма, Плеханов написал ему довольно торжественное письмо, почему-то на французском языке, с выражением благодарности за услугу, оказываемую им делу марксизма. По поводу статей Парвуса о предпосылках и условиях социальной революции Засулич говорила мне: «Очень интересно, да что-то у него уж больно просто выходит». Помню эти слова потому, что на эту тему много мы с Верой Ивановной спорили. В «Заре» напечатан был в переводе с немецкого блестящий памфлет Парвуса «Оппортунисты за работой», а затем не менее блестящая статья его о профессиональных союзах, за подписью Молотова. В редакции «Искры» все считали Парвуса человеком выдающимся, но каким-то особенным, на свой лад; он же считал всех провинциалами, которые дальше борьбы с царизмом ничего не хотят видеть. Замечательно, что Ленин

уже тогда покачивал головой: «Он там, у себя в Мюнхене, затеял нас мирить с экономистами; выдающийся марксист, но чудит».

Парвус был дружен с Розой Люксембург, которая высоко ценила его, но и в ее отношении к нему был оттенок скептицизма. В 1904 (а может быть в 1907?) году, приехав в Берлин, я рассказывал Розе Люксембург о том, что Парвус подготовляет серию статей на какую-то большую тему. «Парвус всегда пишет сериями, — ответила она со своей тонкой улыбкой, — и никогда их не кончает». Та же Роза энергично, однако, защищала Парвуса от партийной бюрократии, которая относилась к нему не иначе, как с великолепной иронией. Пищу этой иронии Парвус подавал еще и тем, что был одержим совершенно неожиданной, казалось бы, мечтой: разбогатеть. И эту мечту он в те годы тоже связывал со своей социально-революционной концепцией. «Партийный аппарат окостенел, — жаловался он, — даже к Бебелю в голову трудно пробраться. Революционная критика отскакивает от них от всех, как горох от стены. Они довольны тем, что есть, ничего не хотят менять. Революция пугает их потому, что пострадают кассы. Вести революционной газеты нельзя, потому что могут пострадать типографии. Нам, революционным марксистам, нужно издательство, независимое от партийных бонз. Нужна большая ежедневная газета, выходящая одновременно на трех европейских языках. К ней нужны приложения: еженедельные, ежемесячные, отдельные исследования, памфлеты и пр. Такое издательство станет могущественным орудием социально-революционной подготовки. Но для этого нужны деньги, много денег... Надо, во что бы то ни стало, разбогатеть!»—Так переплетались в этой тяжелой, мясистой голове бульдога мысли о социальной революции с мыслями о богатстве. Он сделал попытку поставить в Мюнхене собственное издательство, но она закончилась для него довольно печально. Затем последовала поездка Парвуса в Россию, его участие в революции 1905 года. Несмотря на инициативность и изобретательность его мысли и на ряд блестящих статей в «Начале», он совершенно не обнаружил качеств вождя. После поражения революции 1905 года для него начинается период упадка. Выпущенная им в 1907 году немецкая книга, где он доказывает, что Германия идет навстречу катастрофе, хотя и проникнута еще духом революции, но явно уступает по силе анализа и литературной форме более старым его работам. Он начинает и не заканчивает интересную серию брошюр «Для мыслящего рабочего». Из Германии он переселяется в Вену, а оттуда в Константинополь, справедливо предсказывая, что европейская развязка начнется с Балканского полуострова. Там и застигла его мировая война. Она сразу обогащает его на каких-то германо-турецких военно-торговых операциях. Одновременно с этим он выступает публично, как защитник прогрессивной миссии германского милитаризма, рвет окончательно с левыми и становится одним из вдохновителей крайнего

правого фланга немецкой социал-демократии. Это сразу придало его ренегатству характер особого бесстыдства.

Ленин не мог, конечно, не оценить Парвуса годов революционного расцвета. В воспоминаниях т. Шелгунова я наткнулся на указание о том интересе, который Ленин питал к работам Парвуса еще в начале 90-х годов. Осенью 1893 года двадцатитрехлетний Ленин в разговоре с Шелгуновым обратил его внимание на книжку Парвуса «О рынках». «К этой книжке, — говорит Шелгунов, — у Владимира Ильича было совершенно другое отношение (чем к известной книге народника-экономиста Н.—она). Он настойчиво рекомендовал ее прочесть». И позже, т.-е. уже в период «Искры» и «Зари», Ленин отдавал должное Парвусу, как марксисту и писателю. Но в то же время он справедливо не доверял ему политически. Он рано подметил в нем ту черту сумасбродного авантюризма, которая, в конце концов, погубила этого исключительно одаренного человека.

После Октября Парвус сделал было попытку сблизиться с нами; он даже стал издавать для этой цели где-то в Скандинавии газетку на русском языке, кажется, под заглавием «Извне». Тон его был покровительственно-наставительный. Помню, как весело мы смеялись по поводу неуклюжей попытки «бывшего» человека взять русскую революцию под свою высокую руку. «Надо поручить «Правде» его отхлестать...» — такими примерно словами откликнулся Ленин на парвусовскую попытку, — Ильич теребил газетку справо налево и слева направо брезгливыми движениями рук. «Что это за название «Извне», совершенно даже как-то не по-русски. Надо так его отхлестать, чтобы он и думать позабыл соваться!..»

[192]) В передовой статье № 85 «Искры» от 27 января 1905 года, под названием «9 января», редакция, давая общую оценку событиям 9 января, считала основной задачей социал-демократической партии «дальнейшее сплочение рабочих масс вокруг социал-демократической партии». «Пользуясь высоко поднявшейся волной революционного возмущения народа и поднимая ее все выше, выше, — мы будем крепко сплачивать и спаивать в одно великое целое — в действительную рабочую партию — все политически-мыслящие элементы рабочего класса». Такого рода работа социал-демократической партии приведет к тому, что ей будет «обеспечено *политическое руководство* неминуемым и быстро приближающимся к осуществлению всенародным восстанием против царизма».

В том же номере была помещена статья Парвуса «Итоги и перспективы», в которой он значительно расширял текущие задачи соц.-демократической партии, подчеркивая основное значение, которое имеет для данного момента *организационно-техническая подготовка* вооруженного восстания. «Мы должны — организовать революцию», — вот основной тезис статьи Парвуса. «Мы до сих пор — писал он в этой статье — организовали рабочих в интересах их классовой борьбы. Теперь у нас специальная задача, разумеется, не расходящаяся с первой, а вытекающая из нее: организовать

революционные кадры рабочих. Должны быть организованы рабочие кружки с ясно очерченной задачей: подготовлять массы к восстанию, собирать их вокруг себя во время восстания, поднять восстание по данному лозунгу».

Против этих мыслей Парвуса о первоочередной важности в данный момент перейти от *пропаганды* идеи вооруженного восстания к *организационной* его подготовке и было направлено следующее примечание редакции: «Как видит читатель из статьи «Девятое января», не все мысли, выраженные тов. Парвусом, разделяются редакцией «Искры».

[193]) *Французские революционеры 40-х годов*. Здесь идет речь о бланкистах. Подробное примечание о Бланки и бланкизме см. в XII томе прим. 69

[194]) Статья Волонтера (Павловича) «Военные заметки», помещенная в номере 87 «Искры», конкретно ставила вопрос о вооруженном восстании и о том, какое практическое значение может иметь баррикада в уличной борьбе пролетариата.

[195]) *Народная Воля*—партия революционного народничества, выделилась в 1879 г. (после Липецкого съезда) из организации «Земля и Воля». Главным организатором и одним из самых выдающихся деятелей партии был Желябов, а ее теоретиком — Лавров. К числу виднейших деятелей партии принадлежали С. Перовская, В. Фигнер, Г. Лопатин, Н. Морозов и Л. Тихомиров.

Партия «Н. В.» поставила своей целью ниспровергнуть самодержавие путем террористической борьбы с царем и главнейшими его чиновниками.

Исполнительный Комитет Народной Воли, строго законспирированный революционный центр, подготовлял террористические акты, вел пропаганду среди рабочих, учащейся молодежи и в войсках. По приговору Исполнительного Комитета, 1 марта 1881 г. был убит Александр II. Вслед затем Исполнительный Комитет обратился с письмом к Александру III, требуя амнистии, политических свобод и Учредительного Собрания. За убийство Александра II вожди партии «Народной Воли» поплатились своей жизнью. В 1886 г. возникла новая народовольческая группа (с А. И. Ульяновым и Шевыревым во главе), задумавшая покушение на жизнь Александра III, но царское правительство сумело предупредить покушение и разгромило народовольцев.

Партия «Народная Воля» нелегально издавала в Петербурге и провинции газету «Народная Воля» (всего вышло 11 №№, с 1879 по 1888 г.). Кроме того, за-границей издавался журнал «Вестник Народной Воли» под редакцией Лаврова (пять томов его вышли в 1883—1886 г.г.).

[196]) В одном из архивных документов Л. Д. Троцкого мы нашли следующие строки, рисующие условия, в которых писались и издавались в то время прокламации тов. Троцкого.

> «Прокламации мои через посредство тов. Красина печатались в знаменитой бакинской типографии большевиков. С другой стороны, печатала их питерская меньшевистская группа, твердо вставшая в тот момент на точку зрения вооруженного восстания и захвата власти Временным Правительством. Группа эта была летом арестована (предательство Николая Доброскока), и меньшевистский штаб из Швейцарии сформировал новую группу

с наказом решительной борьбы против моих ересей. Через посредство, кажется, Красина же я связался с Б. Н. Смирновым, в распоряжении которого была небольшая нелегальная типография, не связанная ни с одной из фракций. Там тоже печатались мои воззвания. Предательство Доброскока заставило меня временно укрыться в Финляндию».

[197]) На 9 января ставропольские рабочие ответили стачечным движением (бастовали рабочие в местной типографии и на свечном заводе). Местные власти с провокационными целями устроили 7 июня 1905 года религиозный диспут в церкви между православным духовенством и староверами. Слушатели, наэлектризованные черносотенными попами, хотели избить староверов. Их с трудом удалили из церкви, но вскоре перед церковью собралась большая толпа, требовавшая выдачи староверов. Срочно были вызваны войска, открывшие стрельбу. Полиция распространяла слухи, что из толпы стреляли студенты и евреи.

В Иваново-Вознесенске после 9 января начались рабочие волнения на почве как обще-политического состояния страны, так и чисто местных экономических нужд.

9 мая, в лесу близ Иваново-Вознесенска на сходке 50-ти представителей от всех фабрик и заводов было решено придать назревающей стачке организованный характер. Был выработан ряд требований: о 8-часовом рабочем дне, об уничтожении ночных работ, фабричной полиции, тюрем при фабриках, о минимуме зарплаты и др.

Вечером того же дня за городом, на реке Талке, состоялось массовое собрание рабочих. С 9 до 12 мая на каждой фабрике обсуждались требования, выработанные на сходке, и раздавались листки с этими требованиями, изданные иваново-вознесенской группой Северного Союза РСДРП.

12 мая забастовал весь Иваново-Вознесенск. На одном из массовых собраний бастующих было выбрано 150 депутатов для ведения переговоров с администрацией фабрик и заводов.

14 и 15 мая в городе, на площади, состоялись два массовых собрания рабочих и ремесленников, на которых присутствовало до 50.000 человек. Собравшиеся постановили требовать созыва Учредительного Собрания. К этому времени в город прибыл владимирский губернатор, и в Иваново-Вознесенск начали стягиваться войска. 16 мая рабочие выбрали стачечный комитет. 17 мая предприниматели ответили рабочим, что они не сделают ни одной уступки до издания соответствующих законов. Забастовка иваново-вознесенских рабочих, к которым присоединились рабочие ближайших уездов, тянулась уже больше трех недель, но в городе царил образцовый порядок, поддерживаемый самими рабочими. 2 июня был объявлен приказ, запрещающий всякие собрания как в городе, так и в окрестностях. В приказе эта мера мотивировалась тем, что собрания рабочих приняли «политический характер». 3 июня, когда рабочие пошли на обычное собрание, их встретили казаки, драгуны и пехотинцы, открывшие стрельбу. Рабочим пришлось бежать. Солдаты стреляли по бегущим. Много рабочих было ранено, 28 человек убито. В тот же день произошло еще одно избиение рабочих.

На 50-й день забастовки изголодавшиеся иваново-вознесенские рабочие стали на работу.

[198]) Восстание 14 июня 1905 года на лучшем в то время броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин-Таврический» не было фактом случайным и неожиданным: это был частичный и преждевременный взрыв обширного, смело задуманного плана всеобщего восстания, которое должно было охватить весь русский флот Черного моря и весь юг России. Формальным поводом для восстания «Потемкина» послужил инцидент с «гнилым мясом», но его истинные причины коренились гораздо глубже. После позорного исхода русско-японской войны среди матросов флота началось сильное революционное брожение, находившее себе благоприятную почву в невыносимых условиях казарменного режима того времени. Ненависть к офицерам была особенно сильна во флоте, где малейшие дисциплинарные проступки наказывались очень жестоко; здесь ярче, чем в армии, проявлялся классовый антагонизм солдат и офицеров. Матрос — промышленный рабочий противопоставлялся офицеру — дворянину и помещику. Подготовку к восстанию Черноморского флота тщательно вел Крымский социал-демократический союз; восстание должно было вспыхнуть в июле месяце, во время больших морских маневров, и охватить весь Черноморский флот. Восстание же во флоте должно было послужить началом всеобщего военного восстания. Хотя благодаря преждевременной вспышке на «Потемкине» общее восстание Черноморского флота не состоялось, но примеру «Потемкина» последовал «Георгий-Победоносец», а позже разразились большие волнения на судах Черноморского и Балтийского флотов. Восстание на «Потемкине» явилось преддверием к кровавым событиям в Севастополе 15 ноября 1905 года.

Самое восстание произошло следующим образом: 12 июня 1905 года «Потемкин», взяв с собой 2.000 учебных и боевых снарядов, ушел из Севастополя к острову Тендер для испытания (в то время это был совершенно новый броненосец) и 13 июня, вместе с приданным миноносцем № 267, прибыл к месту назначения. Миноносец затем был командирован в Одессу за провизией, которую должен был закупить офицер с «Потемкина». Вечером миноносец вернулся, привезя гнилое мясо, которое на другой день было дано в пищу матросам. Матросы, узнав об этом, решили не есть супа. Командир броненосца, капитан Голиков, особенно нелюбимый матросами за его грубое обращение и совершенно непонимавший и неучитывавший начавшегося в Севастополе революционного движения среди матросов, вместо того, чтобы выслушать основательную жалобу матросов, попытался силой заставить их съесть суп, угрожая применением оружия и виселицей. Возмущенная команда выбросила его за борт, а затем убила и 7 других офицеров. Овладевши всем броненосцем, восставшие арестовали остальных офицеров и выбрали командиром броненосца прапорщика Алексеева. Революционный броненосец решил итти в Одессу, где в это время происходили кровавые события в порту и на Пересыпи, вызванные забастовкой и восстанием рабочих. В Одессу «Потемкин» и миноносец прибыли 14-го вечером; здесь к нему был присоединен военный пароход «Веха». Прибывши в Одессу, команда броненосца решила оставшихся живых офицеров отправить на берег, а также похоронить убитого во время восстания старшим офицером

матроса Вакулинчука, для чего была отправлена особая делегация к командующему войсками. Растерявшееся военное начальство разрешило похороны. Похоронную процессию сопровождали толпы народа. Эскорты войск пытались несколько раз стрелять в нее. Желая поддержать восставших в Одессе рабочих, революционная команда броненосца решила перейти в наступление и открыть огонь по городу. Бомбардировка Одессы была произведена на другой день после похорон, но никакого существенного вреда городу не принесла. Вскоре под Одессой появилась севастопольская эскадра, посланная для усмирения «Потемкина». «Потемкин» пошел ей навстречу. Произошел известный «молчаливый бой», результатом которого явилось присоединение к «Потемкину» «Георгия-Победоносца». Так как и на остальных судах эскадры адмирала Кригера наблюдалось большое сочувствие к восставшим, то адмирал повернул эскадру в Севастополь. «Георгий-Победоносец», команда которого не обладала достаточной организованностью и революционной выдержкой, испугался военных приготовлений в Одессе и вскоре ушел обратно в Севастополь. После измены «Георгия» на «Потемкине» началось брожение, в результате которого броненосец ушел в Констанцу, из Констанцы в Феодосию, из Феодосии опять в Констанцу, где, под влиянием ряда неудач и благодаря отсутствию единого руководства, малосознательная часть команды взяла верх. В итоге «Потемкин» сдался румынским властям. Вскоре после этого он вместе с миноносцем № 267 вернулся в Россию и был переименован в «Пантелеймона». Только небольшая часть его команды осталась в Румынии, остальные вернулись в Россию.

[199]) Флот адмирала Рождественского к моменту русско-японской войны состоял из так называемой «второй эскадры», куда входило несколько вновь построенных миноносцев. Экипаж, офицеры и матросы, привыкшие к старым судам, плохо освоились с новым образцом техники. Артиллерийская команда была крайне неподготовлена. На всех броненосцах находились деревянные части, что было совершенно недопустимо ввиду опасности пожара. Правительство разрешило усилить флот Рождественского подкреплениями из России. Оно послало под командой Небогатова «3-ю эскадру», состоявшую из никуда негодных старых судов. 14 мая 1905 г. соединенная эскадра, под командой Рождественского, столкнулась близ острова Цусимы с эскадрой японского адмирала Того. Количеством флот адмирала Того уступал русскому, но по качеству был несравненно выше. Японская эскадра состояла из превосходно оборудованных новых судов, экипаж был хорошо подготовлен и обучен. Бой продолжался всего лишь несколько часов. В результате русские корабли почти целиком сгорели от японских снарядов. Другая часть потонула. Остальные суда, во главе с Рожденственским и Небогатовым, сдались в плен. Общее число погибших достигало 7 тысяч человек, в плен попало около 6 тысяч человек. Денежная стоимость погибших судов исчислялась в 150—200 миллионов рублей. Японцы потеряли убитыми всего 200 человек. Поражение под Цусимой превзошло все остальные русские потери. Правительство в течение нескольких дней не сообщало правды о катастрофе. На всю Россию Цусимское поражение произвело ошеломляющее действие. Катастрофа явилась могучим толчком к развитию революции.

[200]) *Линевич* (1838—1908 г.)—генерал. До русско-японской войны командовал 1-м Сибирским корпусом, который штурмовал Пекин во время подавления боксерского восстания. В японскую войну, после поражения на реке Шахе, принял командование 1-й армией. Во время бесконечных дебатов о плане действий Линевич энергично настаивал на том, чтобы все армии были брошены в бой одновременно. Тем не менее, когда 12 января 1905 года 2-я армия начала наступление на Сандепу, главнокомандующий Куропаткин приказал 1-й и 3-й армиям оставаться на месте, выжидая, «пока разовьются события». После неудачного окончания атаки на Сандепу, начался новый период выжидания благоприятной обстановки. На всех военных совещаниях Линевич упорно настаивал на необходимости активного наступления, но никаких решительных шагов в этом направлении не предпринимал. Поражение под Мукденом сделало невозможным дальнейшее пребывание Куропаткина на посту главнокомандующего, и 3 марта главнокомандующим армией был назначен Линевич. Однако, никаких наступательных действий Линевич не предпринял и теперь. Он требовал немедленной присылки новых солдат, так как считал необходимым во что бы то ни стало увеличить количество русских войск в $1^1/_2$ раза против японских. Когда началась подготовка к миру, Линевич решительно протестовал против его заключения. Он писал Николаю: «Несмотря на многочисленные затруднения, по моему глубокому убеждению, Россия в настоящее время ни под каким предлогом не должна просить мира у Японии». После долгих пререканий с Куропаткиным, Линевич утвердил, наконец, 16 августа план наступательных действий. Однако 19 августа был уже заключен Портсмутский мир. Во время эвакуации войск, когда вся Россия была объята революционным движением, проникавшим и в ряды армии, Линевич был привлечен к ответственности за «бездействие власти», за недостаточно активное противодействие революционным солдатам. 6 февраля 1906 года он был снят с поста главнокомандующего. Дело о «бездействии власти» было прекращено. Спустя два года Линевич умер.

В своих воспоминаниях Витте дает такую характеристику Линевича:

> «Был сменен Куропаткин и на его место назначен старый полуобразованный генерал Линевич. Может быть, недурной полковой командир, вероятно, лично храбрый (Куропаткин был тоже вполне храбрый человек), но известный только тем, что когда взял вместе с союзными войсками Пекин, то произвел громадный грабеж, в коем и лично не остался в стороне. Взятие Пекина никакой военной славы никому дать не может, а потому слава Линевича если и была, то более основана на факте грабежа Пекинских дворцов».

[201]) 24 мая состоялся под впечатлением цусимского разгрома коалиционный съезд земцев с участием городских деятелей и правого меньшинства ноябрьского съезда (шиповцев, см. примеч. 3). Съезд закончился составлением конституционного адреса царю. Правительство, оказавшееся в очень трудном положении, было вынуждено согласиться на прием депутации от съезда, хотя в него и входили такие «неблагонадежные» элементы, как Родичев и Петрункевич. Лидеры ликовали, надеясь, что теперь нач-

нется новая эра единения державного царя с либеральными общественными деятелями. Действительность очень скоро рассеяла эти наивные иллюзии.

[202]) *Всероссийская политическая стачка* (7—21 октября 1905 г.)—вырастает, как следующий этап, после летних экономических стачек. Восстание черноморских моряков, кампания по выборам в булыгинскую Думу, университетская автономия, превратившая здания высших учебных заведений в места массовых революционных митингов пролетариата, вместе с общим ростом рабочего движения, пробуждают политическую активность масс и повышают их революционную сознательность. Начавшись с частичной забастовки наборщиков типографии Сытина в Москве (19 сентября), стачка захватывает к 25-му всю промышленность Москвы и с лозунгами демократической республики и гражданских свобод выходит на улицы. Присоединением к забастовке рабочих Московско-Казанской железной дороги, а вслед за ней и всего московского узла, подается сигнал к всеобщей политической забастовке. 9 октября съезд железнодорожников, происходящий в Петербурге, декретирует общие требования железнодорожной забастовки: «8-часовой рабочий день, гражданские свободы, амнистия, Учредительное Собрание». Паралич железнодорожного и телеграфного аппарата в связи с полным прекращением работы на заводах и фабриках грозит приостановкой всякой жизни в стране. (Подробное описание хода октябрьской стачки см. в главе «Октябрьская стачка и первые шаги Совета».) Постановлением Совета Рабочих Депутатов стачка была прекращена 21 октября.

[203]) *Генерал Глазов* — в 1904 г. стал министром народного просвещения. До того был начальником штаба Кронштадтской крепости и начальником академии генерального штаба. В июле 1905 г. Глазов обратился к попечителям учебных округов с циркуляром, направленным против революционного движения среди учительства.

[204]) С начала августа среди рабочих типо-литографии Сытина (400 типографов, 350 литографов и 360 переплетчиков — всего 1.110 чел.) началось брожение исключительно на экономической почве. 11 августа рабочие всех означенных производств, в числе 400 человек, собрались в помещении литографии и, пригласив к себе заведующего фабрикой А. В. Васильева, предъявили ему ряд требований, из которых главнейшими были: сокращение рабочего времени до 9, а в предпраздничные дни до 8 часов и повышение заработной платы (для получающих от 9 до 20 рублей на 30, от 20 до 30 на 20% и т. д.).

13 сентября администрацией было вывешено в типографии объявление, которым доводилось до сведения рабочих, что с 1 октября с. г. в мастерских товарищества будет установлен рабочий день в 9 часов, не исключая предпраздничных дней, но что касается повышения заработной платы, то таковая повышена быть не может, потому что по заведенному порядку плата повышается постепенно, по заслугам, в зависимости, главным образом, от заслуг и только на пасхе (!). Кроме того, указывалось, что недавно ежемесячное жалование работающим в мастерских товарищества было повышено на 3 000 рублей.

В ответ на это объявление некоторая часть наборщиков типографии, недовольная сделанными уступками, предъявила администрации новые требования, в центре которых стояло требование об уплате сдельной платы

с 1000 букв, не исключая и знаков препинания, по новой расценке, значительно повышенной против прежней.

19 сентября, в 11 часов утра, рабочие означенных производств потребовали от управляющего типографией категорического ответа на предъявленные ими требования и, получив отказ, прекратили работу, а за ними оставили работу и остальные рабочие, всего числом до 1.100 человек.

Забастовка в Сытинской типографии, как известно, явилась началом серии забастовок осенью 1905 г.

[205]) *Мау* — генерал-лейтенант (генерального штаба), был начальником 31 дивизии, входившей в состав 10-го армейского корпуса, который в октябре 1905 года стоял в гор. Харькове. Как военному, ему и была поручена борьба с «крамолою».

[206]) *Гюго, В.* (1802—1885 г.) — знаменитый французский поэт, главнейший представитель романтической школы во Франции. До революции 1848 г. был роялистом и в 1845 г. даже получил от Луи-Филиппа звание пэра Франции. В 1848 г. Гюго сделался крайним республиканцем, ярым противником Наполеона III. В 1851 г. сражался на баррикадах, а после переворота вынужден был бежать сперва в Бельгию, а затем в Англию. Возвратился во Францию лишь в 1870 г. после низвержения Наполеона.

[207]) *Плеханов, Г. В.*—родоначальник русского марксизма, крупнейший теоретик диалектического материализма. Плеханов начал свою революционную деятельность еще в 70-х годах в качестве народника. В 1883 году он создает вместе с Аксельродом, Засулич и др. первую социал-демократическую группу «Освобождение Труда». В течение 80-х и первой половины 90-х годов. Плеханов проводит блестящую идейную кампанию против народников, закончившуюся полным разгромом последних. Наиболее крупными работами за эту эпоху были: «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «Обоснование народничества в трудах В. В.», «К развитию монистического взгляда на историю» и т. д. Во второй половине 90-х и начале 900-х годов Плеханов развертывает кампанию против оппортунизма «экономистов» и теоретической критики марксизма со стороны Бернштейна и Струве. Вместе с Лениным и др. он руководит «Искрой», а на II съезде поддерживает Ленина против Мартова и Аксельрода. Но вскоре после съезда Плеханов отходит к своим старым друзьям, а после московского декабрьского восстания 1905 г. провозглашает своё знаменитое суждение: «не нужно было браться за оружие». В эпоху реакции в Плеханове снова просыпается до известной степени революционер, и в 1909 — 1911 г.г. он становится «певцом подполья», одновременно ведя идейную борьбу с антимарксистской философией Богданова. В довоенные годы Плеханов активно участвует также в Международном Социалистическом Бюро, выступая иногда с докладами на международных конгрессах. Война ликвидировала Плеханова, как политического вождя. Он сразу примыкает к крайнему шовинистическому течению в социал-демократии, проповедует защиту отечества, борьбу до победного конца, фальсифицируя в этих целях учение Маркса. После Февраля Плеханов возглавляет наиправейшую социал-демократическую группу «Единство», не гнушаясь близостью с такими политическими негодяями, как Алексинский. После Октября Плеханов остался

противником большевизма, правда, не примыкая к активной борьбе с Советской властью. В 1918 г. Плеханов скончался.

[208]) *Мартов Л.* — самый выдающийся и талантливый политик и публицист меньшевизма. До раскола сыграл крупную роль в развитии социал-демократической партии, создав вместе с Лениным «Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса», а позже знаменитую «Искру». На II съезде Мартов впервые отошел от Ленина и вместе с Аксельродом защищал такую формулировку членства в партии, которая, по существу, означала отказ от создания боевой партии профессиональных революционеров. С 1903 г. Мартов становится лидером меньшевиков, все время, правда, пытаясь стоять левее своих последователей. Так, в эпоху контр-революции Мартов первое время отмежевывается от открытых ликвидаторов. В годы войны сначала примыкает к интернационалистам, расходясь с основными кадрами меньшевиков. В эпоху керенщины Мартов стоит в оппозиции к официальному меньшевизму, поддерживая группу «Новая Жизнь», но и не порывая с меньшевизмом. После Октября он также не раз проявлял колебания влево, правда, всегда кончающиеся примирением с правыми. В 1923 г. Мартов скончался. В его лице меньшевизм потерял единственного выдающегося вождя.

[209]) *Дан, Ф.* — крупнейший политический вождь меньшевиков. На протяжении 20 лет, со дня основания меньшевизма до наших дней, Дан последовательно проводил и проводит реформистские идеи. В рядах меньшевиков Дан всегда был самым «твердокаменным» оппортунистом. Не в пример Мартову, Дан никогда не делал резких уклонов влево и на всех крупных поворотах неизменно отстаивал против Мартова реформистские принципы. Уже в годы ликвидаторства Дан проявил себя, как последовательный политик, став во главе открытых ликвидаторов. В годы войны Дан, хотя формально и не числился оборонцем, но по существу был таковым, что подтвердилось позже его идейной солидарностью с так называемым «революционным» оборончеством. Возвратившись в 1917 г. из сибирской ссылки, Дан становится во главе партии меньшевиков и ЦИК'а. Вся политика коалиции вдохновлялась прежде всего Даном. Недаром она получила название либер-дановской. В борьбе против Мартова и даже Аксельрода, в борьбе против левых меньшевиков, Дан ведет меньшевистскую партию к коалиции и — тем самым — к политической смерти. После Октября Дан, формально не присоединяясь к сторонникам вооруженной борьбы с Советской властью, по существу поддерживал их. В последние годы Дан вместе с Мартовым возглавлял заграничный центр меньшевиков. После смерти Мартова Дан остался единственным крупным политиком разложившейся партии меньшевиков.

[201]) *Прокопович* — один из вождей либеральной интеллигенции. В 90-х годах Прокопович был легальным марксистом, в конце десятилетия выступил, как наиболее крайний представитель «экономистов». Вместе со своей женой, Кусковой, он является автором знаменитого «Credo», в котором русскому пролетариату рекомендовался путь английского тред-юнионизма. Одновременно Прокопович пишет книги о европейском рабочем движении, долженствующие подкрепить эту основную его идею. В начале 900-х годов Прокопович входит в либеральную группу «Союза Освобождения», позже

даже выбирается членом ЦК партии кадетов, но через некоторое время опять отходит влево и с тех пор занимает позицию кадетствующего почти-социал-демократа. В 1917 году Прокопович, как «деловая» фигура и почти-с.-д., входит в правительство Керенского первых составов, в качестве министра торговли и промышленности, а затем как министр продовольствия, но уходит с поста незадолго до Октября, ввиду хаоса в правительственном аппарате. В годы гражданской войны Прокопович платонически сочувствует контр-революции. Свое лицо демократического контр-революционера Прокопович показывает в 1921 г., когда, войдя в ЦК Помгола (не советского, а так называемого «общественного»), вместе с Кусковой и Кишкиным (отсюда знаменитое прозвище «Прокукиш»), начинает заниматься организацией антисоветских сил вместо помощи Советской власти в борьбе с голодом. Высланный за-границу, Прокопович проповедует демократию в бело-эсеровских «Днях».

Статья Прокоповича, о которой речь идет в тексте, была помещена в № 41 «Право» под названием «Эволюция революции».

[211]) *Петербургская группа ЦК* — объединяла петербургских меньшевиков. Одновременно в Петербурге существовала большевистская организация, возглавляемая Петербургским Комитетом. Петербургская группа весной 1905 г. обладала довольно крупными литературными силами и выпустила большое количество прокламаций. В числе их была издана и данная. Летом 1905 г. группа была провалена провокатором Николаем-Золотые Очки.

[212]) *«Известия Совета Рабочих Депутатов»* — печатный орган Петербургского Обще-Городского Совета РД, выходивший в революционные дни октября — декабря 1905 года под редакцией Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов. Всего вышло 10 номеров: первый номер вышел 17 октября 1905 г., а последний — 14 декабря того же года.

«Известия СРД» отражали всю работу Совета в его постановлениях, заседаниях и резолюциях.

«Известия» печатались путем «ночных набегов», под непосредственным руководством А. Симановского, в типографиях буржуазных газет: «Сына Отечества», «Нашей Жизни», «Руси», «Биржевых Ведомостей», «Нового Времени» и др. газет.

[213]) Резолюция Федеративного Совета Петербургского Комитета и Петербургской группы РСДРП была принята Петербургским Советом 17 октября, как протест против приказа Трепова о том, что устройство митингов и собраний разрешается только в трех определенных местах.

[214]) *Петербургский Совет Рабочих Депутатов в 1905 г.*—возник в разгаре событий октябрьской стачки. На первом заседании, 13 октября, присутствовали лишь делегаты Невского района, но уже на втором, 14 октября, были представлены все крупные районы. 17 октября в четвертом своем заседании Совет избрал Исполнительный Комитет, в который вошли с совещательным голосом представители партий: три — от большевиков, три — от меньшевиков и три — от социалистов-революционеров. Деятельность Совета заключалась в руководстве революционной борьбой не только петербургского, но и всероссийского пролетариата. Октябрьская всероссийская стачка прекращается организованным путем по декрету Совета, ноябрьская—

целиком проходит под его руководством. Совет поддерживает также связь с Советами и революционными организациями, возникающими в других городах России. Петербургским Советом были выдвинуты следующие лозунги: Демократическая Республика; Учредительное Собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права; свобода печати, собраний, союзов и стачек; 8-часовой рабочий день.

Петербургский Совет Рабочих Депутатов в продолжение почти двух месяцев был, до известной степени, правительством революционной России: по его декретам останавливалась вся жизнь, его требованиям подчинялись не только капиталисты, но — в некоторых случаях — и растерявшееся царское правительство. Совет издавал свой орган, «Известия Совета Рабочих Депутатов» (всего вышло 10 номеров).

После ареста Исполнительного Комитета, 3 декабря, Совет был пополнен новыми делегатами. На 8 декабря им была объявлена третья политическая стачка — декабрьская, но восстановить свою деятельность в прежнем объеме он уже не мог. После подавления декабрьской стачки правительством Совет окончательно прекращает свое существование.

[215]) Делегация Петербургского Совета Рабочих Депутатов в городскую думу, посланная 14 октября 1905 г. для предъявления целого ряда требований, была принята городской думой только 16 октября. (К делегации присоединились представители студенчества и профессуры Технологического И-та и делегация от Союза Союзов.) «Рабочие не требуют от Думы принятия их политической веры», — говорил председатель делегации Совета, — «рабочий класс будет вести борьбу и когда буржуазия успокоится. Но в настоящий момент перед всеми слоями населения стоит одна задача: свержение самодержавия». «Если Дума не поддержит пролетариата в его непримиримой борьбе против самодержавия, — закончил свою речь оратор, — то пролетариат будет вынужден свалить ее (гор. Думу) в ту пропасть, в какую он скоро свалит самодержавие».

[216]) *Манифест 17 октября 1905 г.*, составленный Витте, был подписан в дни первой всеобщей политической стачки, которая парализовала правительственный аппарат и грозила превратиться в вооруженное восстание. Манифест заключал в себе обещания: гражданских свобод; всеобщего избирательного права, в том числе и для тех классов, кои были лишены их указом об учреждении Думы (6 августа 1905 г.); предоставления Думе прав законодательного органа. Несмотря на то, что манифест фактически давал одни лишь обещания (в самый день его опубликования, 18 октября, был издан и приказ Трепова «патронов не жалеть»), он все же имел большое значение, как первая уступка царского правительства революции. Издание манифеста было переломным пунктом в отношении к самодержавию различных общественных групп. До 17 октября против абсолютизма, за конституцию стояли более или менее решительно все группировки: «почти не было правых или если они были, то втихомолку, в скрытом состоянии. 17 октября заставило многих опомниться, образовало партии, заговорил патриотизм, чувство собственности, и русская телега начала волочить оглобли направо» — пишет Витте в своих «Воспоминаниях». Лишь виновник появления манифеста — революционный пролетариат — правильно оценил царское обещание. Решение продолжить забастовку было ответом Совета Ра-

бочих Депутатов на предательский манифест. Текст высочайшего манифеста см. в Приложениях.

[217]) Здесь имеется в виду заключение Россией невыгодного мирного договора с Японией. 26 мая 1905 года президент Соединенных Штатов Рузвельт обратился к России и Японии с нотой, в которой предлагал воюющим приступить к мирным переговорам, на что обе стороны согласились. Япония хотела мира, потому что, захватив Порт-Артур и Корею, чувствовала себя вполне удовлетворенной. Россия же, разбитая японцами и ослабленная развивавшейся революцией (9-е января, восстание на «Потемкине» и т. д.), торопилась заключить мир во что бы то ни стало. Мир был заключен на конференции в Портсмуте 23 августа 1905 года и со стороны России подписан графом Витте. Условия мира были очень тяжелые для России: Россия должна была признать японский протекторат над Кореей, уступить Японии Порт-Артур и Дальний вместе с Ляодунским полуостровом, а также южную половину Сахалина, 1200 километров построенной на русские деньги Восточно-Азиатской железной дороги, отказаться от Маньчжурии и от своих видов на Тихий океан.

[218]) На 23 октября Советом были назначены торжественные похороны жертв октябрьских «дней свобод». Но решение Трепова начать избиение мирного шествия и полученные сведения о готовящемся в этот день погроме заставили Совет на экстренном заседании 22 октября поставить на обсуждение вопрос о демонстрации.

Тов. Троцким было внесено предложение об отмене демонстрации. После продолжительных прений значительным большинством голосов была принята предложенная тов. Троцким резолюция.

[219]) В этом обращении заявлялось следующее:

«От С.-Петербургского генерал-губернатора.

В сегодняшних Петербургских газетах появилось извещение, доставленное в редакцию газет от отдельных групп, принадлежащих к рабочим организациям и социал-революционной партии. В нем указывается, что в воскресенье, 23 октября с. г., имеют быть похороны жертв волнений, имевших место 18 сего месяца, намечается путь и порядок похоронного шествия, распределяются места для значков разных групп и, наконец, приглашаются граждане Петербурга, в знак траура, закрыть магазины.

С.-Петербургский генерал-губернатор считает долгом довести до сведения жителей города С.-Петербурга, что в настоящее тревожное время, когда одна часть населения готова с оружием в руках восставать против действий другой части, никакие демонстрации на политической почве, в интересах самих же манифестантов, допущены быть не могут. Полиция не имеет в виду препятствовать похоронам лиц, погибших во время беспорядков (еще не погребенных), в подобающей религиозной обстановке и при непременном условии заблаговременного соглашения с полицией. Но она не может допустить нарушений интересов огромного большинства жителей, желающего спокойствия, порядка и свободы движения на улице. В интересах этого большинства, равно как и в интересах самих манифестантов, С.-Петербургский генерал-губернатор приглашает устроителей манифестации отказаться от своего замысла, а мирное население — воздержаться от всякого участия

в манифестации и от скопления на улицах, ввиду могущих произойти весьма тяжких последствий от тех решительных мер, к которым может быть вынуждена прибегнуть полицейская власть».

«Новое Время», № 10639, 23 октября (5 ноября) 1905 г.

[220]) 19 октября 1905 г. состоялось четвертое заседание Совета Рабочих Депутатов. Во время обсуждения вопроса о забастовке было заслушано заявление от представителя федеративного комитета РСДРП тов. Троцкого о необходимости согласования действий Рабочего Совета с действиями РСДРП. В газетном отчете по этому поводу говорится: «Представитель федеративного комитета указал, что разлад между Рабочим Советом и РСДРП пагубен, подчеркнув, что решение федеративного комитета РСДРП прекратить забастовку зависит не от лживой конституции, а от собственных расчетов, основанных на завоеваниях, которые колоссальны, как признак силы, и предложил следующую резолюцию от имени вышеназванного комитета: всеобщая политическая стачка заставила царское правительство пойти на уступки. Революционный пролетариат должен превратить новые лицемерные уступки царского правительства в действительные завоевания, дабы, опираясь на них, добиться демократической республики, как средства борьбы за социализм.

Принимая во внимание, что в этих целях необходима дальнейшая работа боевого объединения рабочих масс под знаменем РСДРП, федеративный комитет предлагает рабочим Петербурга прекратить всеобщую стачку не сегодня, дабы доказать свое недоверие к новой «конституции», а 21 октября с 12 часов дня дружно, единодушно, как она началась, и готовить боевые кадры в целях еще более внушительной и величественной атаки на шатающуюся монархию, которая окончательно может быть сметена лишь победоносным народным восстанием».

Резолюция была единогласно принята собранием.

[221]) Эта резолюция была принята в связи с полученными Советом сведениями о готовящемся в Петербурге черной сотней избиении интеллигенции и евреев.

Для проведения постановления Совета на практике были приняты следующие меры: в каждом районе Петербурга организованы отряды, в штабах которых установлены постоянные дежурства (для сведения граждан были объявлены № телефонов дежурных); на оружейных заводах заготовляли холодное оружие; при Совете была создана боевая дружина, вооруженная револьверами; все члены Совета были также вооружены.

Впоследствии, во время процесса Исполнительного Комитета, директор департамента полиции Лопухин в секретном докладе графу Витте просил вызвать его свидетелем для подтверждения того, что только меры, принятые Советом в октябре, спасли Петербург от черносотенного погрома (см. книгу Сверчкова «На заре революции». 1922 г., стр. 200).

[222]) По вопросу о введении 8-часового рабочего дня на заседании Совета Рабочих Депутатов 29 октября были заслушаны сообщения от ряда депутатов: «Почти на всех заводах Невского района с 27 октября рабочие установили у себя 8 часов работы. В Московском районе рабочие готовы ввести 8-часовой рабочий день, несмотря на то, что при поштучной работе

это вызовет понижение заработной платы. Александровский механический завод работает 8 часов с 28 октября, также несмотря на понижение заработной платы (интересно, что вопрос, по настоянию администрации, был решен закрытой баллотировкой при 1.668 голосах за и 14 против). На «Невской Бумагопрядильне» работают 8 часов, на зав. «Сименс и Гальске» 8-часовой рабочий день вводится с 4 ноября, на заводе «Атлас» уже введен, на заводе «Айваз» — так же, на центральной электрической станции — то же самое. На многих других заводах решено вводить 8-часовой рабочий день с 31 октября или с 1 ноября».

Все эти сообщения были встречены бурными аплодисментами, после чего, почти без прений, Совет решил призвать все заводы Петербурга к самочинному введению 8-часового рабочего дня.

[223]) На экстренном заседании Совета Рабочих Депутатов, 1 ноября, с приветствиями выступили представители польского пролетариата. Подчеркнув полное единство польских рабочих с рабочими России во время октябрьской политической стачки, первый представитель обрисовал особенности борьбы в Польше: «В Польше положение в тысячу раз хуже: к гнету капитала там присоединяется гнет политический, усиленный обрусительными тенденциями русского правительства, манифест 17 октября ничего не дал полякам, и польский пролетариат не хочет, не может прекращать борьбу».

Второй представитель опровергал ложные обвинения поляков в сепаратизме, при помощи которых правительство стремится расправиться с революционным пролетариатом Польши. В конце своей речи он также подчеркнул общность требований польского и русского пролетариата.

Обмен приветствиями имел большое политическое значение, показав, что в среде революционного пролетариата нет места национальной вражде, которую всячески старались разжечь правящие группы, чтобы затем воспользоваться ею для разгрома революционных окраин.

[224]) Принятию этой резолюции на заседании Совета предшествовала большая кампания массовых заводских митингов.

В порядке дня заседания Совета стояли: 1) сообщение делегатов Царства Польского, 2) как рабочие реагируют на расстрел Кронштадтских матросов.

При обсуждении второго вопроса были заслушаны сообщения о кронштадтских событиях от очевидцев, после чего председателем было предложено заслушать сообщения заводских депутатов о митингах и принятых резолюциях.

Затем в прениях по вопросу о форме протеста высказывались представители крупных заводов и профсоюзов. Подавляющее большинство заявило, что единственной формой протеста, выявляющей всю силу пролетариата, будет всеобщая политическая забастовка.

После долгого и подробного обсуждения, предложенная Исполнительным Комитетом резолюция была принята, с добавлением, что забастовка распространяется и на газеты — за исключением «Известий Совета Рабочих Депутатов».

На этом же собрании было принято обращение к солдатам петербургского гарнизона с призывом поддержать протест рабочих. Это обращение помещено в приложениях к настоящему тому (см. стр. 496).

[225]) На второй день ноябрьской забастовки 3 ноября председатель совета министров граф Витте, желая успокоить петроградских рабочих, обратился к ним со следующей телеграммой:

«Предлагаю объявить рабочим следующее: Братцы-рабочие! Станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей. Не слушайте дурных советов. Государь приказал нам обратить особое внимание на рабочий вопрос. Для этого его императорское величество образовал министерство торговли и промышленности, которое должно установить справедливые отношения между рабочими и предпринимателями. Дайте время — все возможное будет для вас сделано. Послушайте совета человека, к вам расположенного и желающего вам добра.

Граф *Витте*».

Исполнительным Комитетом Совета было поручено т. Сверчкову составить, к вечернему заседанию Пленума Совета, проект ответа. По рассказу т. Сверчкова (см. его книгу «На заре революции», ст. 128, 1 изд.), ему никак не удавалось составить достойный ответ Витте, о чем он сообщил т. Троцкому. Последний уже во время заседания набросал резолюцию, которая была с большим энтузиазмом принята Советом.

[226]) «*Новая Жизнь*» — ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся большевиками в Петербурге, была первой социал-демократической газетой в России, выходящей легально. В газете принимали участие: Н. Ленин, А. Луначарский, А. Богданов, Н. Рожков, М. Горький и др., а также радикально-настроенные беспартийные беллетристы (привлеченные в качестве прикрытия от цензуры): Бальмонт, Теффи, Гумилев, Е. Чириков и друг. Официальным издателем газеты была артистка М. Андреева, ответственным редактором — поэт И. М. Минский. Первый номер газеты вышел 27 октября 1905 г. 2 декабря 1905 года газета была закрыта за напечатание финансового манифеста Совета Рабочих Депутатов. См. прилож. стр. 497.

[227]) «*Начало*» — социал-демократическая газета, выходившая в 1905 г. в Петербурге. После выхода 16 номеров (первый номер вышел 13 ноября) газета закрыта (2 декабря). Главными сотрудниками «Начала» были видные меньшевистские деятели того времени: Мартов, Потресов, Дан, Мартынов, Иорданский и стоявшие вне фракций Парвус, Троцкий и др.

Об истории возникновения газеты «Начало» тов. Троцкий рассказывает следующее:

«Редакция организована была на «коалиционных» началах. Мы с Парвусом вошли в редакцию «Начала» на том условии, что каждая наша статья за подписью должна быть напечатана; в меньшевистскую организацию мы не вошли; одновременно мы поставили совершенно самостоятельно, без меньшевиков, массовую «Русскую Газету». Мартов и Дан прислали туда под конец две-три статьи на правах обычных сотрудников».

[228]) На заседании Совета Рабочих Депутатов 5 ноября были заслушаны сообщения: об освобождении из тюрьмы 15 товарищей (Немцова и др.); о запросе типографии морского ведомства; об учете Северным Банком просро-

ченного чека фабрики Айваз на 1.000 р.; телеграмма от рабочих Рыбинска о присоединении к стачке и ответ на нее Исполкома; информация представителя крестьян Сумского уезда. После этого заседание перешло к порядку дня.

По первому вопросу порядка дня, о сроке забастовки, большинство ораторов, считаясь с настроением на заводах, высказалось за прекращение забастовки 7 ноября. Отдельные депутаты настаивали на ее продолжении вплоть до удовлетворения выставленных требований.

Постановление железнодорожников приступить к работам в понедельник 7 ноября, в 12 часов дня, и речь тов. Троцкого, как представителя Исполнительного Комитета, оказали решающее влияние, и Совет, прекратив прения, подавляющим большинством решил призвать пролетариат к прекращению стачки 7 ноября в 12 часов дня.

Принятая резолюция, написанная т. Троцким, и помещена в тексте настоящего тома.

[229]) Ввиду того, что не удалось найти текста правительственной телеграммы, приводим сообщение Петербургского Телеграфного Агентства по этому поводу:

> «Ввиду распространяющихся в провинции слухов о применении военно-полевого суда и смертной казни нижним чинам, участвовавшим в беспорядках в Кронштадте, мы уполномочены заявить, что все подобные слухи преждевременны и лишены основания. В настоящее время по делу о буйствах и грабежах в Кронштадте производится лишь тщательное расследование. Расследование это потребует довольно продолжительного времени, и только тогда можно будет с достаточной основательностью судить о том, какие обвинения должны быть предъявлены участникам беспорядков, и каким карам могут они подвергнуться. В крепости, состоящей на военном положении, дело это будет и может разбираться только военным судом, но полевым судом участники Кронштадтских событий судимы не были и не будут. Поэтому всякие толки о смертных приговорах, вынесенных уже будто бы полевым судом, лишены почвы, и распространение их является, повидимому, маневром известной партии, решившей во что бы то ни стало волновать общество и не стесняющейся в выборе средств для достижения своих целей. Общество может с полным доверием ожидать результатов производящегося ныне на общем основании следствия, которое одно только выяснит истинный смысл и характер беспорядков в Кронштадте и впервые даст должный материал как для судебного, так и для беспристрастного общественного приговора над виновниками этих печальных событий».

«Правительственный Вестник» 6 (19) ноября 1905 г., № 240.

[230]) *Скалон* — один из наиболее реакционных и жестоких сатрапов царского правительства. Будучи варшавским генерал-губернатором, во время революции 1905 г. Скалон проявил себя кровавым усмирителем революционного движения в Варшаве. Среди всех его «подвигов» особенно выделяется казнь без суда 16 польских революционеров,

[231]) Резолюция о прекращении политической стачки рабочих Петербурга в понедельник 7 ноября была принята Петербургским Советом Рабочих Депутатов 5 ноября 1905 года по докладу представителя Исполнительного Комитета, Л. Д. Троцкого.

[232]) Резолюцию о введении революционным путем 8-часового рабочего дня Петербургский Совет Рабочих Депутатов принял 29 октября 1905 г. по предложению Л. Д. Троцкого.

[233]) Тотчас же после манифеста 17 октября по всей России прокатилась волна правительственных репрессий. В ответ на вызов реакции снова зашевелился флот. Волнения начались в Кронштадте (восстание 26—27 октября 1905 г., быстро подавленное), затем перебросились в Севастополь. В Севастополе во время беспорядков, связанных с октябрьской забастовкой, было убито и ранено несколько десятков человек; похороны погибших превратились в грандиозную демонстрацию, в которой приняло участие до двадцати тысяч человек. Среди матросов начались волнения. 11 ноября состоялся митинг, на котором участвовало несколько тысяч матросов. Для разгона митинга была прислана рота Брестского полка, и приехал контр-адмирал Писаревский. При попытке разогнать митинг, Писаревский был ранен, а подполковник Брестского полка Штейн убит. После этих событий матросы, разоружив офицеров, заперлись в казармах. 12 ноября матросами был выставлен ряд требований: об освобождении всех политических заключенных матросов и солдат и предании их гласному суду, о вежливом обращении с нижними чинами, об улучшении экономических условий, о созыве Учредительного Собрания, 8-мичасовом рабочем дне и т. д. В тот же день состоялся еще один митинг, на котором к матросам присоединились рабочие порта. Участники митинга двинулись к казармам Брестского полка, который вышел на улицу и присоединился к манифестации. Оттуда манифестация направилась к Белостоцким казармам. Часть белостокцев также примкнула к манифестации, окончившейся поздно вечером. Ввиду сложившейся обстановки командующий гарнизоном адмирал Чухнин дал согласие на общее собрание всех частей севастопольских войск. Матросы назначили комиссию (под председательством соц.-демократа), которая руководила разоружением офицеров и собирала запасы боевого снаряжения. 13—14 восстание продолжало разрастаться; к восставшим присоединилось еще несколько воинских частей. Тем временем в Севастополь начали прибывать войска для усмирения восстания. Революционные матросы пригласили к себе в руководители популярного среди моряков отставного лейтенанта Шмидта, незадолго до того освобожденного из-под ареста. Утром 15 ноября на крейсере «Очакове», где находился Шмидт, были подняты красный и адмиральский флаги и дан сигнал: «Командую флотом. Шмидт». Царю была послана телеграмма: «Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и перестает повиноваться вашим министрам. Командующий флотом гражданин Шмидт».

Крепость Севастополь была объявлена на военном положении, а город на осадном. Под красным флагом было 11 судов. Войска все прибывали, и командующим гарнизоном, вместо нерешительного Чухнина, был назначен опытный усмиритель, корпусной командир Меллер-Закомельский.

15-го, в 3 часа дня, между восставшими судами и эскадрой завязался бой, окончившийся через несколько часов полной победой эскадры. Дольше всего держались в казармах восставшие части гарнизона, но и они были разбиты. Всего, как сообщают газеты, было убито больше двухсот человек, а арестовано не менее двух тысяч. Пытавшийся бежать лейтенант Шмидт был арестован. 6 марта 1906 года, по приговору военно-морского суда, Шмидт и его главные помощники — Частник, Гладков и Антоненко — были расстреляны на острове Березань. Остальные участники восстания двумя судами (гражданским и военным) были приговорены к различным срокам каторги и тюрьмы.

[234]) *Меллер-Закомельский* — генерал. В конце 1905 г. командовал карательной экспедицией против бастующих рабочих Сибирской железной дороги, причем проявил необыкновенную жестокость. В октябре 1906 г. был назначен генералом-губернатором в Прибалтийский край, нуждавшийся, по мнению правительства, в «успокоении». Он же был начальником карательной экспедиции, отправленной Николаем II в ноябре 1905 г. для подавления восстания Черноморского флота.

[235]) Заседание Совета Рабочих Депутатов 12 ноября было целиком посвящено вопросу о 8-часовом рабочем дне. Прения продолжались 4 часа. Семяниковский и Александровский заводы, первые осуществившие у себя 8-часовой рабочий день революционным путем, настаивали на продолжении борьбы. Их поддержали экономически отсталые производства: текстильное, стеклянное, табачное. С горячим боевым призывом бороться до конца выступила депутатка от фабрики Максвеля.

Однако, большинство ораторов, и в том числе депутаты-путиловцы, правильно указывало, что Петербургский пролетариат не в силах вести один борьбу на два фронта: против самодержавия и против капитала. Принимая во внимание участившиеся локауты, выбрасывающие на улицу десятки тысяч рабочих, Совет решает временно приостановить повсеместное введение 8-часового рабочего дня.

[236]) На заседании Исполнительного Комитета 14 ноября, после заслушания сообщений о текущих делах, было принято предложение федеративного совета РСДРП о совместной организации комиссии для оказания помощи безработным (в комиссию было избрано 3 представителя от Совета и по стольку же от социалистических партий). В план работ комиссии было включено установление обязательных регулярных дежурств по районам. Затем, по поручению пленума Совета, Исполнительный Комитет перешел к рассмотрению проекта резолюции. Ниже мы помещаем принятый текст этой резолюции.

[237]) Во время ноябрьской стачки революционное брожение началось и среди солдат, на что правительство немедленно реагировало рядом репрессий. Тогда солдаты стали обращаться к Совету за помощью и поддержкой. Ответом на эти запросы и явился «Манифест к солдатам», выпущенный Советом в последние дни стачки.

[238]) «*Русская Газета*» была вначале, под редакцией Дучинского, политически совершенно бесцветной. В 1905 г. газета начинает быстро леветь и к 15 ноября 1905 г. переходит в руки социал-демократии. Ближайшее

участие Троцкого и Парвуса дает «Русской Газете» уже ярко выраженную революционную окраску.

В дни революционного подъема тираж газеты превышал 100 тысяч экземпляров.

[239]) 26 ноября, по приказу министра внутренних дел, в помещении Исполнительного Комитета на Торговой улице был арестован председатель Совета Рабочих Депутатов Хрусталев-Носарь. Арестованный вместе с ним Чернов, случайно находившийся тут же, был через несколько часов освобожден. Вечером того же дня на заседании Исполнительного Комитета, состоявшемся в квартире присяжного поверенного Н. Д. Соколова под председательством т. Сверчкова, рассматривался вопрос о происшедшем аресте, о дальнейшей тактике Совета и о кандидатуре в председатели.

После долгих прений была единогласно отвергнута мысль об объявлении в знак протеста всеобщей забастовки и принята резолюция, предложенная т. Троцким.

Тогда же было решено организовать на следующий день рабочие митинги, на которых предложить рабочим самим выдвинуть кандидатуры на место председателя Совета.

[240]) *Хрусталев-Носарь* (подробную характеристику см. в приложении)— юрист по образованию, некоторое время работал адвокатом на юге России. В июле 1905 года образовал рабочую группу «Союза Освобождения» (из которого впоследствии развилась партия к.-д.); 14 октября 1905 года, па втором заседании Петербургского Совета, был, по предложению социал-демократов, избран председателем Совета, как беспартийный. Однако, в первые же дни работы Совета, оставаясь формально председателем, был фактически отстранен социал-демократией от политического руководства делами. Ввиду роста влияния социал-демократии в Совете и рабочих массах Хрусталев присоединился к социал-демократам (меньшевикам). Полиция, переоценивая роль Хрусталева-Носаря, как руководителя петербургского рабочего движения, решила арестовать его еще в начале деятельности Совета, но отложила свое намерение по просьбе директора одного металлургического общества, Белова, который указывал на то, что Хрусталев-Носарь сдерживает страсти. Лишь 26 ноября полиция осуществляет свое намерение и арестовывает Хрусталева-Носаря.

На дознании Хрусталев-Носарь, между прочим, показывал (стр. 51 обвинительного акта), что «Совет стоял за ограждение интересов рабочего населения и твердо *стоял на правовой почве, проведенной в жизнь манифестом 17 октября*».

В июне 1906 года он уже называет свои показания «нервной развинченностью». Приговоренный к ссылке, он вскоре бежит за-границу. В 1907 г. его приглашают на Лондонский съезд, где он пытается играть видную роль, но терпит неудачу и отправляется в Париж. В Париже, после провалившейся попытки организовать синдикалистскую группу, Хрусталев увлекается богоискательством и читает рефераты на темы о религиозном характере русского народа. Потерпев и на этом новом поприще неудачу, он бросается в спекуляцию: получает деньги по фальшивым векселям, заключает займы под несуществующие ценности и т. д. Вначале это проходит для него безнаказанно, так как многие лица, знавшие о его проделках, считали необходимым, из

сочувствия к русской революции, оградить его имя от скандала. Однако, в 1913 г. Хрусталев-Носарь привлекается к суду собственным товарищем по обвинению в краже. С этого момента Хрусталев опускается все ниже и ниже.

С началом войны Хрусталев-Носарь становится ура-патриотом. При содействии французских министров он получает 2 сентября 1915 г. паспорт, в котором значится: «направляется в Петроград на предмет представления судебным властям». Однако, жандармский офицер не допустил Хрусталева представиться властям в Петрограде, арестовав его на станции Торнео и под конвоем отправив в тюрьму. Через год петроградский окружной суд приговорил его за побег из ссылки к 3 годам каторжных работ. Революция 1917 года освободила его из дома предварительного заключения. Он приезжает в Петроград и принимает участие в организации выборов в Петроградский Совет, надеясь, что рабочие Петрограда, вспомнив его работу в 1905 г., поставят его на видное место. Встреченный холодно рабочими он уезжает на родину, в Переяславль. Летом 1917 года он пытается организовать «переяславскую республику Хрусталева-Носаря». В 1918 году, под крылышком скоропадчины, Хрусталев выпускает книгу, в которой он обливает грязью деятелей революции и, прежде всего, большевиков. Но он не удовлетворяется одной литературной деятельностью: он становится начальником гайдамацкой полиции и посылает провокаторов и шпионов в местную организацию (большевиков). Узнав о сроке восстания, он вызывает гайдамацкую конницу для его подавления. После прихода Советской власти в Переяславль Хрусталев делает безуспешную попытку проникнуть в советские органы. В то же время он завязывает сношения с петлюровцами и оставшимися гетмановцами, снова принимается за спекуляцию, пьянствует и т. д. В 1918 г. он был расстрелян, как спекулянт и контр-революционер.

[241]) Здесь имеется в виду «Ответ» Совета Рабочих Депутатов на обращение графа Витте к «братцам рабочим» от 3 ноября 1905 г. (См. прим. 270).

[242]) *Ходский, Л. В.* — петербургский профессор, экономист, либеральный публицист; был редактором газет «Наша Жизнь» и «Народное Хозяйство»; основал также газеты «Товарищ» и «Столичная Почта». За напечатание в «Нашей Жизни» манифеста Совета Рабочих Депутатов в 1906 г. привлекался к судебной ответственности. С 1908 г. был издателем «Нашей Газеты».

[243]) *Виноградов, П. Г.* (род. в 1854 г.) — профессор всеобщей истории в Московском Университете, выдающийся знаток социальной истории Англии. Автор многочисленных научных трудов, а также известных учебников по истории Западной Европы. По своим политическим взглядам Виноградов примыкал к кадетам.

[244]) *Союз 17 октября* (октябристы) — возник в конце 1905 г. на почве сближения дворянских и крупно-буржуазных консервативных элементов для борьбы с революцией. Программа партии исчерпывалась четырьмя пунктами: 1) «полное содействие правительству по проведению в жизнь новых начал, возвещенных манифестом 17 октября 1905 г. и по ограждению закономерного правопорядка»; 2) «сохранение целости России»; 3) «регулирование дарованных манифестом 17 октября населению прав... законами, гарантирующими целость государства и ограждающими как личность отдельных граждан, так и вообще население»; 4) «сознательная деятельность Госу-

дарственной Думы», которая рисовалась основателям «Союза» как деятельность, направленная исключительно на вопросы просвещения, местного самоуправления, покровительства промышленности и т. д. В «Союз» вошло несколько консервативных партий «порядка», возникших в ту эпоху для борьбы с революционным движением. Таковы, например, «партия правового порядка», «Союз конституционалистов» и т. д. На первом съезде «Союза» (8—12 февраля 1906 г.), при обсуждении вопроса о выступлении партии на выборах в первую Думу, съезд Союза, считаясь с настроением масс, вынужден был осудить «напрасную жестокость» карательных мер правительства. По той же причине в первой Думе октябристы заняли несколько более умеренную позицию. Для характеристики партии достаточно указать, что в ней самую крупную роль играли такие известные реакционеры, как Д. Шипов, А. И. Гучков, М. А. Стахович, М. В. Родзянко, И. А. Хомяков, А. А. Столыпин и др. Деятельность партии сводилась исключительно к поддержке правительства и к защите интересов крупных помещиков и буржуазии. После разгона второй Думы в начале 1907 г. и установления режима Столыпина октябристы поддерживали последнего. Во время мировой войны октябристы возглавляли всю националистическую кампанию. После Октябрьской революции из рядов октябристов вербовались министры различных белогвардейских правительств.

[245]) *Ковалевский, М. М.*— русский историк, социолог и политический деятель. В 1888 г. был выслан за границу, где читал лекции в Стокгольме и Оксфорде. В 1901 г. основал в Париже высшую русскую школу общественных наук, в которой преподавали многие русские эмигранты-ученые (Кареев, Гамбаров, Мечников, Милюков и др.), а также эмигранты-революционеры — Ленин, Плеханов, Чернов и др. В 1905 г. Ковалевский вернулся в Россию и принял деятельное участие в политической жизни страны, будучи умеренным либералом. В 1906 г. он член I Государственной Думы от Харьковской губ. После разгона Думы основал малозначительную партию «демократических реформ» и редактировал центральный орган этой партии «Страна» (1906—1907). Позднее был членом верхней палаты Государственного Совета, где был лидером левой «академической группы». В 1909 г. становится редактором-издателем «Вестника Европы».

[246]) *Немирович-Данченко, Вас. Ив.*, — писатель, автор огромного числа корреспонденций.

[247]) *Де-Роберти, Е. В.* — много лет состоял гласным тверского губернского земства, принимал активное участие в земских съездах. Роберти был одним из видных кандидатов в Государственную Думу от Тверской губернии.

[248]) *Липецкий съезд революционеров* — был созван 17 июня 1879 г. в Липецке (Тамбовской губ.) меньшинством народнической организации «Земля и Воля». Этот съезд был поворотным пунктом в истории народнической идеологии, приведший к расколу партии «Земля и Воля» на две фракции: «Черный Передел» и «Народная Воля». Сторонники «Черного Передела» состояли из прежних ортодоксальных «землевольцев», считавших попрежнему основными задачами партии «хождение в народ» в целях мирной социалистической агитации. Приверженцы «Народной Воли», наоборот, считали старую тактику недостаточной и предлагали перейти к боевой поли-

тической борьбе с самодержавием путем организации индивидуального террора против царя и наиболее ответственных его чиновников.

Из среды «народовольцев» вышли инициаторы и участники убийства Александра II в 1881 году — Желябов, Перовская, Кибальчич и др. Из среды же «чернопередельцев» вышли первые основатели русской социал-демократии Г. В. Плеханов, Аксельрод, В. Засулич и др.

[249]) Статья В. И. Ленина была напечатана в «Новой Жизни», № 13, от 15 ноября, под заглавием «Неудавшаяся провокация».

[250]) *Пешехонов* (родился в 1867 г.) — видный политический деятель. Был исключен из Тверской духовной семинарии, как политически неблагонадежный. Несколько раз арестовывался и ссылался по этапу. В 1908 г., будучи заведующим полтавской земской статистикой, был сослан по распоряжению министра внутренних дел Горемыкина. С 1909 г. начал активно сотрудничать в «Русском Богатстве», где вел отдел внутреннего обозрения. В 1903 г. после образования «Союза Освобождения» Пешехонов входит в его состав и становится лидером его левого крыла. Когда осенью 1905 г. из «Союза Освобождения» выделилась партия кадетов, Пешехонов отказался в нее войти. Накануне бойни 9 января Пешехонов был в числе депутации от интеллигенции, шедшей к Витте и Святополк-Мирскому с требованием избежать кровопролития. С 1906 г. Пешехонов является одним из основателей и главных руководителей партии «Народных Социалистов», занявшей среднюю позицию между кадетами и эсерами. После февральской революции 1917 г. Пешехонов входит в состав коалиционного министерства, заняв пост министра продовольствия.

[251]) *Мартынов* — старый работник российской социал-демократии. Начал свою политическую деятельность народовольцем. В конце 90-х годов Мартынов возглавлял вместе с Кричевским заграничный союз русской социал-демократии и орган последнего «Рабочее Дело», защищавший «экономистов». После раскола в социал-демократии в 1903 г. Мартынов становится одним из видных вождей меньшевистского крыла партии. Вместе с Мартовым и Аксельродом Мартынов в течение полутора десятилетий был теоретиком меньшевизма. В годы войны и после-февральские дни Мартынов вместе с Мартовым защищает «централистскую» позицию. В последние годы Мартынов эволюционировал влево и XII съездом РКП был принят в ряды нашей партии.

[252]) Статья Мартынова «Крестьянский вопрос и революция» была помещена в «Начале», № 7, от 20/3 ноября 1905 г.

[253]) *Рачковский* — заведующий русской тайной полицией в Париже; был назначен на этот пост Александром III. После назначения Плеве министром внутренних дел Рачковский был уволен, но затем снова был назначен при Трепове начальником департамента полиции. Рачковский был одним из активнейших организаторов еврейских погромов. После издания манифеста 17 октября 1905 г. он выпускал погромные воззвания, которые перепечатывались жандармскими офицерами на станке, отобранном у одного революционного кружка.

[254]) *Меньшиков* — литератор и публицист, писавший реакционные и шовинистические статьи в газете «Новое Время», которую он издавал вместе

с Сувориным. Противник заключения мира с японцами, он втечение всей войны считал невозможной победу японцев.

[255]) 6 ноября в Москве был открыт 6-й съезд земских и городских деятелей. На съезде были представлены 34 земских города. В центре вопросов, обсуждавшихся съездом, стоял вопрос о том, оказывать или не оказывать поддержку правительству Витте. Страх перед революцией, грозящей перейти в «анархию», особенно пред растущими крестьянскими беспорядками, которые выражались в массовом истреблении помещичьих усадеб, сказался в настроении съезда чрезвычайно рельефно. Требование Учредительного Собрания, являвшееся всеобщим лозунгом в период октябрьского движения, было отвергнуто большинством съезда, который ограничился требованием народного представительства с учредительными функциями «для выработки», с утверждения государя, конституции российской империи.

Несмотря на такое умеренное настроение, большинство съезда не решилось безоговорочно связать себя с окончательно скомпрометированным правительством Витте. Была принята условная резолюция, в которой говорилось, что «министерство может рассчитывать на содействие и поддержку широких слоев земских и городских деятелей, поскольку оно будет проводить конституционные начала манифеста правильно и последовательно».

[256]) *Наполеон Бонапарт* — знаменитый французский генерал в эпоху Великой Революции, ставший в 1799 году первым консулом Республики и в 1804 г. неограниченным и полновластным монархом. Бонапарт и бонапартизм стали синонимами захватной, диктаторской власти, сосредоточенной в одном лице и возникающей обыкновенно в эпохи крушения революции.

[257]) *«Россия»* — газета, издавалась с ноября 1905 года под редакцией Животовского. В 1906 г. Столыпиным была превращена в официозный орган министерства внутренних дел.

[258]) Плеханов полемизировал с «фельетонистом» Искры по вопросу о вооруженном восстании в «Дневнике Социал-демократа», № 2, в статье «Выбранные места из переписки с друзьями».

[259]) *Гучков* — виднейший вождь крупной русской буржуазии. Начав свою деятельность в Москве, Гучков выдвигается как организатор партии октябристов. В лице его крупная буржуазия оказывает полную поддержку столыпинскому режиму. В годы империалистской войны Гучков организует военно-промышленные комитеты, ставившие себе целью поддержать боевую способность армии. В созданное после февраля буржуазное правительство Гучков входит как военный министр, являясь в правительстве, вместе с Милюковым, наиболее ненавистной фигурой для революционных масс. Стремление удержать режим палки вызывает против него такой взрыв ненависти, что он вынужден вскоре (30 апреля) выйти в отставку. Ныне Гучков живет за границей.

[260]) Эта брошюра впервые вышла в Петрограде в 1906 г., в издательстве «Новый Мир» за подписью Л. Тахоцкий.

[261]) *Мальтузианство* — теория английского экономиста Р. Мальтуса (1766—1834), согласно которой человечество размножается гораздо быстрее, чем растут средства существования, и поэтому единственным средством спасения от грозящей большинству нищеты является ограничение браков среди

неимущих слоев населения. Его нашумевшая книга «О законе народонаселения» появилась в 1798 г. Мальтус является убежденным апологетом капитализма.

[262]) Имеется в виду кантианство. О Канте и его учении см. т. XII пр. 211.

[263]) *Кассандра* — мифическая прорицательница, предвещавшая гибель своего родного города Трои.

[264]) *«Полярная Звезда»* — еженедельник, центральный орган кадетской партии, выходивший под редакцией Струве с 15 декабря 1905 г. по 19 марта 1906 г. Всего успело выйти 14 номеров. В журнале принимали участие все видные деятели кадетской партии — Родичев, Петрункевич, Котляревский, Набоков и др. Журнал был закрыт в марте 1906 г.

[265]) *Шекспир* — величайший английский драматург. Его произведения имеют общечеловеческое значение и переведены на языки всех цивилизованных народов. Наиболее знамениты его трагедии: «Гамлет», «Король Лир», «Макбет», «Юлий Цезарь», «Венецианский купец» и «Ромео и Джульета».

[266]) Книга Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», вышедшая в 1894 г., была первой легальной марксистской книгой в России. В этой книге Струве пытался дать принципиальную критику народничества с точки зрения исторического материализма. Но борьба Струве с народниками была с самого начала борьбой «буржуазного демократа, для которого разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму». «Критические заметки» вызвали резкую отповедь со стороны Ленина, который в своей известной брошюре «Экономическое обоснование народничества и его критика в книге господина Струве» противопоставил фальсифицированному марксизму будущего идеолога «Великой России» точку зрения подлинно революционного марксизма.

[267]) *Группа «Освобождение Труда»* — первая русская революционная организация, ставшая на почву научного социализма, возникла в 1883 г. в Женеве, по инициативе бывших активных народников-чернопередельцев— Плеханова, Дейча, Засулич, Аксельрода и Игнатова. Группа вела идейную борьбу с народничеством. Решающее значение в этой борьбе имели произведения Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», а позже «Обоснование народничества в трудах В. В.» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Группа издавала «библиотеку современного социализма», куда вошли важнейшие произведения Маркса и Энгельса. В 1884 г. группа выпускает «Проект программы русских социал-демократов», в котором впервые были заложены основы русской революционно-марксистской партии. В начале 1895 г. группа основывает «Союз русских с.-д.», но уже в ноябре 1898 г. расходится с большинством членов «Союза» (Кричевский, Прокопович, Акимов, Кускова и др.), вставших на путь «экономизма». Группа ведет решительную борьбу с оппортунизмом, строго выдерживая линию революционного научного социализма. В конце 1901 г. «Освобождение Труда» слилось с «Зарей» и «Искрой» в «Заграничную лигу русской социал-демократии». Группа вела активную работу по подготовке II съезда РСДРП, на котором и заявила о прекращении своего самостоятельного существования.

[268]) *«Новое Слово»* — ежемесячный научно-литературный и политический журнал, был основан в 1894 году И. А. Баталиным. В 1895 году во главе редакции встал Кривенко, и журнал сделался главным органом народничества. Наиболее деятельное участие в нем принимали: Абрамов, Мамин-Сибиряк, Немирович-Данченко, Оболенский, Тимирязев, Яроцкий и др.

С весны 1897 года журнал становится марксистским и вследствие жестоких цензурных гонений через 8 месяцев закрывается. Сотрудниками его за этот период были: Плеханов, В. Засулич, Н. Ленин, Потресов, Мартов, Струве, Булгаков и др.

[269]) *I съезд РСДРП*—открылся 1 марта 1898 г. в Минске. К этому времени «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса» уже успели широко развернуть свою революционную деятельность. Естественно, что как эти «союзы», так и другие марксистские группы остро ощущали потребность в единой руководящей партийной организации. Создание классовой, пролетарской социал-демократической партии становилось важнейшей задачей в освободительной борьбе рабочего класса. Непосредственными инициаторами I съезда РСДРП явились «Бунд» и группа «Рабочей Газеты». Кроме представителей этих двух организаций, на съезде присутствовали делегаты четырех важнейших «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса» — Петербургского, Московского, Киевского и Екатеринославского. Всего членов съезда было 9 человек. Председательствовал на съезде представитель группы «Рабочей Газеты» т. Эйдельман (ныне большевик). I съезд РСДРП разбирал вопросы, главным образом, организационного характера. I пунктом стоял вопрос о названии партии. По этому вопросу было решено объединить «Союзы борьбы», группу «Рабочей Газеты» и «Бунд» в единую «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», при чем «Бунд» получал автономию в вопросах, касающихся еврейского пролетариата. «Союзы борьбы» были объявлены местными комитетами партии. «Союз русских социал-демократов» за границей постановлением съезда был объявлен частью партии и ее заграничным представителем. Руководящим органом партии был объявлен партийный съезд, его исполнительным органом — Центральный Комитет. В задачи последнего входило: а) забота о планомерной деятельности партии — распределение сил и средств и т. д., б) создание и доставка местным комитетам литературы, в) организация всероссийских политических выступлений — как-то: празднование 1 мая, помощь стачечникам и пр. В своей деятельности Центральный Комитет должен был руководствоваться решениями партийных съездов. I съезд РСДРП вынес решение о допустимости для партии вступать в сношения с другими революционными организациями, поскольку они не нарушают принципов ее программы и тактики. По национальному вопросу съезд вынес решение, согласно которому за каждой национальностью признавалось право самоопределения. Официальным центральным органом партии съезд объявил «Рабочую Газету». 1 съезд избрал Центральный Комитет и редакцию центрального органа. Съездом был выпущен известный «манифест Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», написанный, как известно, П. Б. Струве, ныне одним из непримиримейших врагов Советской России. В этом манифесте Струве были написаны следующие, в своем роде, «пророческие» слова:

«...чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия и тем большие культурные и политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы».

Работы I съезда продолжались в течение трех дней. Значение I съезда РСДРП состояло в том, что он заложил основы будущей социал-демократической рабочей партии. Крупного организационного влияния этот съезд не смог оказать уже потому одному, что все его деятели во главе с Центральным Комитетом на другой же день по окончании съезда были арестованы.

[270]) После смерти Александра III в земских кругах долгое время носились слухи о гуманности и либеральности нового царя, Николая. За первые два месяца его царствования почти все земские собрания посылали Николаю адреса, в которых говорилось о необходимости коренных реформ, выражались пожелания о привлечении земских деятелей к участию в государственной власти. Эти выступления возбудили сильную тревогу в правительственных кругах. 17 января 1895 г. 26-летний Николай встретил в Аничковском дворце депутацию дворянств, земств и городов. Как сообщает «Правительственный Вестник», «приветствуя собравшихся и выйдя на середину зала, Его Величество произнес следующие слова»:

«Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподаннических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все Свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный, покойный родитель».

В оппозиционной среде русского общества говорили, что текст этой речи, предварительно написанный кем-либо из приближенных, был положен в шапку, которую Николай во время произнесения речи держал в руках. Глядя на текст речи, Николай от волнения перепутал слова. Уверяли, что вместо слов «бессмысленные мечтания» было написано «несбыточные мечтания».

Как бы то ни было, эта речь окончательно разрушила веру в либеральные настроения нового царя и явилась сильным толчком растущему оппозиционному движению.

[271]) Статьи Струве в «Искре», под названием «Самодержавие и земство», были напечатаны во 2 номере за февраль 1901 года и в 4 номере за май 1901 года.

[272]) Эта статья называлась «Самодержавие и земство» и была помещена в № 4 «Искры», за май 1901 года. Выдержка, приводимая тов. Троцким из этой статьи, не вполне точна. Подлинный текст гласит:

«Тогда, господа земцы, бросьте и вы «мягкие» речи и скажите приличествующее случаю резкое и твердое слово. Оно пригодится, а за нами уже дело не станет. Долой самодержавную бюрократию».

[273]) *Стахович, М. А.* (род. в 1861 г.) — либерал, скатившийся к крайним правым в 1905 году. С 1892 г. по 1895 г. елецкий предводитель дворянства, с 1895 г. орловский губернский предводитель. В тот наиболее реакционный период самодержавного строя Стахович являлся в глазах Сипягина, Плеве и т. п. — революционером. Его речь на миссионерском съезде в 1900 году чуть не повлекла за собой его разжалование из предводителей дворянства. За участие в земском съезде в 1902 г. он получил «высочайший» выговор. В 1904 г. напечатал в № 2 «Права», 1904 г., резкую статью по поводу избиения в Орле полицией и жандармами ни в чем неповинного мусульманина-сарта. № 2 «Права» из-за этой статьи был конфискован, и статья появилась в № 44 заграничного «Освобождения». Нараставшая волна общественного движения заставила Стаховича открыть свое настоящее лицо: прежний либерал оказался по своим воззрениям архи-консервативным дворянином. На губернских земских собраниях Стахович был в числе тех, которые отстаивали за Государственной Думой только совещательное право. На губернских собраниях он высказывался против уравнения женщин с мужчинами в политических правах. Стахович был одним из организаторов «Союза 17 октября». Выбранный в I Государственную Думу от Орловской губ., он занял видное место в немногочисленном правом крыле I Думы. 14 июня 1906 г. Стахович с Гейденом и Львовым основал думскую фракцию «мирного обновления», одновременно оставаясь в «Союзе 17 октября». С ними же 10 июля того же года выпустил воззвание от партии «мирного обновления», в котором заявлялось о полном подчинении воле царя (в противовес выборгскому воззванию). В начале 1907 г. Стахович был избран от орловской губернии во II Государственную Думу. После Февральской революции 1917 года был финляндским ген.-губернатором; Октябрьская революция нашла в нем, конечно, непримиримого врага.

[274]) *Мещерский, В. П.* (1839—1914) — известный реакционер-черносотенец. В молодости был полицейским стряпчим, позднее уездным судьей в Петербурге. В 60-х годах написал несколько романов и сотрудничал в «Московских Ведомостях», «Русском Вестнике» и других реакционных изданиях. В 1872 г. начал издавать газету «Гражданин» — крайне монархического направления. Позднее основал газету «Дружеские Речи». В своих газетах он систематически, в течение 40 лет, проводил идею «самодержавия, народности, православия» и бешено нападал на всякое проявление революционного образа мыслей. Имел огромное влияние на Николая и играл значительную роль в политической жизни страны. В своих воспоминаниях Витте дает следующую характеристику Мещерского:

«Князь Мещерский — редактор-издатель «Гражданина», десятки лет живущий на правительственные крупные субсидии и считающий своим неотъемлемым правом получать таковые, человек безнравственный, низкопоклонный там, где нужно или можно что-либо схватить, и надменный с лицами, которые ему не нужны.

Князь был очень сумрачен и высказал свое «убеждение», что ныне нет другого исхода, как дать конституцию. Затем, после 17 октября, когда гроза революции прошла, он начал громить новые законы, и теперь опять затянул старую песню. Благо ему за это платят». «Воспоминания». Стр. 459.

[275]) *Финляндская партия активного сопротивления*—возникла в конце 1904 года. Проводимая в то время царским правительством политика обрусения Финляндии вызвала решительное противодействие со стороны демократических кругов финляндского населения. Видя бесплодность так называемого пассивного сопротивления, выражавшегося в агитации против обрусения, в подаче петиций, в обращениях за границу и пр., группа активистов выступила с программой террора и подготовки вооруженного восстания. Первым террористическим актом явилось убийство Евг. Шауманом финляндского генерал-губернатора, ярого обрусителя, Бобрикова.

11 января 1905 г. студентом Гогенталем был убит прокурор сената руссофил Ионсон, в марте того же года было совершено покушение рабочим Рейнником на выборгского губернатора Мясоедова. Вскоре затем убит был рабочим Прокопе жандармский полковник Крамаренко. Был произведен ряд покушений на полицейских и жандармов, вызвавших особенную ненависть масс.

Кроме этих актов индивидуального террора, группа ничем себя не проявила. Она не имела глубоких корней ни в рабочем классе, ни в крестьянстве, опираясь почти исключительно на революционно-настроенную интеллигенцию. Партия просуществовала недолго.

[276]) *Польская социалистическая партия (ППС)*—возникла в 1892 г. В это время в Польше уже существовало массовое рабочее движение, но ППС объединяла преимущественно интелллигентские мелко-буржуазные группы. Главной целью и основным стержнем программы ППС была борьба за национальную независимость Польши; достижение этой независимости партия объявила ближайшей целью польского рабочего движения. Против этого лозунга, как лозунга социал-патриотического, самым решительным образом выступила Роза Люксембург, доказывая, что независимость территории не является практически необходимым условием для успешности революционной борьбы. В 1906 г. от ППС отделилось левое крыло, «левица», которое в 1918 г., слившись с с.-д. партией Польши, образовало польскую ком. партию.

После раскола основное ядро ППС постепенно перерождается в шовинистическую буржуазную партию. В настоящее время ППС является главной опорой буржуазной диктатуры в Польше и ведет бешеную борьбу с коммунистическим движением польского пролетариата.

[277]) Этот отрывок взят из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

[278]) *Набоков* — видный политический деятель, юрист, принимал активное участие в редактировании юридических журналов «Вестник Права», «Право» и др. Со дня основания журнала «Освобождение» состоял его постоянным сотрудником. В 1902 г. Набоков был избран гласным петербургской думы. Был одним из активных участников земских съездов 1904—1905 г.г., а позже явился одним из учредителей кадетской партии. Долгое

время занимал пост товарища-председателя кадетского центрального комитета и редактора партийного органа «Вестник партии Народной Свободы». Был членом I Государственной Думы. После февральской революции Набоков занимал во Временном правительстве пост Управляющего делами. Правительством Керенского был назначен послом в Англию. После Октября Набоков возглавлял в эмиграции реакционное крыло кадетской партии, шедшее на коалицию с монархистами. Вместе с Гессеном издавал в Берлине газету «Руль». В 1922 г., во время лекции Милюкова, Набоков был случайно убит монархистом, который покушался на Милюкова.

[279]) *Кауфман* — известный профессор, экономист, статистик. Был одним из видных деятелей кадетской партии. Выработал аграрную программу этой партии.

[280]) *Дедюлин* — генерал-майор, командовал отдельным корпусом жандармов в Петербурге во время революции 1905 — 1906 г.

[281]) Работа т. Троцкого «Конституция освобожденцев» помещена в настоящем томе, в отделе «Первая Государственная Дума и революция».

[282]) *Парижская Коммуна 18 марта—28 мая 1871 г.*—Основными моментами, благоприятствовавшими провозглашению Коммуны, были небывалое поражение Франции во франко-прусской войне, обнаружившееся предательство и бессилие реакционного правительства Тьера и тяжелое продовольственное положение трудящихся масс Парижа, тщетно ожидавших от правительства учета и реквизиции съестных припасов и других социальных мероприятий.

Коммуна замечательна своим радикальным законодательством, нашедшим свое выражение в актах об уничтожении постоянной армии, отделении церкви от государства и т. д.

Социальный характер носят декреты о переписи оставленных фабрикантами фабрик и плане их эксплоатации, об уравнении окладов всех государственных служащих с заработной платой рабочих и др.

Однако капитализм еще не изжил себя в период Коммуны, а таил в себе мощную силу развития. С другой стороны, и рабочий класс не был еще достаточно сознателен и организован. После восьмидневного геройского сопротивления Парижская Коммуна пала. Победившая буржуазия зверски расправилась с восставшими рабочими.

Парижская Коммуна сыграла всемирно-историческую роль. В несовершенной форме она была воплощением диктатуры пролетариата. Парижская Коммуна рассеяла иллюзии о возможности мирного перехода власти к пролетариату. Коммунары недооценили бешеное сопротивление, которое окажут господствующие классы, нежелающие добровольно уступить выгоды своего господства. Вместе с тем Коммуна подчеркнула необходимость централизованного руководства политической партии, без чего самое мощное стихийное движение может быть легко разбито. В этом и заключаются основные уроки Коммуны. См. подробную характеристику, данную К. Марксом в его брошюре «Гражданская война во Франции», а также в книге Н. Ленина «Государство и революция».

[283]) *Декабрьское вооруженное восстание.*—Между тем как ноябрьская стачка в Питере обнаружила уже признаки упадка революционной энергии петроградского пролетариата, который начал уставать от многомесячной

борьбы, рабочий класс Москвы, реагировавший менее активно на события второй половины 1905 г., к декабрю сохранил еще свои силы. Политическое руководство революцией в Москве находилось в более твердых руках, чем в Питере, и было более централизовано. Москва была цитаделью большевиков. Тогда как движение в революционном Питере достигло своего апогея в октябре, рабочая Москва к этому времени еще начинала только раскачиваться; к тому же московский гарнизон, по своему составу более рабоче-крестьянский, чем питерский, легче поддавался с.-д. агитации. В конце ноября среди московского гарнизона началось сильное брожение. Это брожение совпало с движением рабочих, вызванным известиями об аресте Петроградского Совета. Московский Совет решил объявить забастовку, предварительно опросив крупнейшие фабрики и заводы. На историческом заседании 4 декабря, посвященном этому вопросу, присутствовало 950 представителей от рабочих организаций. Районные комитеты высказались за немедленное объявление всероссийской забастовки и за призыв населения к вооруженному восстанию.

На следующем заседании (6 декабря) было постановлено выпустить воззвание к рабочим, солдатам и гражданам (№ 1 «Известий») с призывом к забастовке и вооруженному восстанию. Всероссийская забастовка была объявлена в 12 час. дня 7 декабря. Забастовка охватила большинство промышленных предприятий, телеграф, почту и железные дороги, за исключением Николаевской, которой правительство придавало особенное значение. Она была занята железнодорожным батальоном. Уже во время вооруженного восстания рабочие дружины осаждали Николаевскую ж. д., но были отбиты.

С начала декабря в Москве происходили волнения в гарнизоне. 4 декабря был образован Совет Солдатских Депутатов, пославший своих представителей в Совет Рабочих Депутатов. Но к началу баррикадной борьбы московским властям удается разными способами нейтрализовать революционно настроенные части гарнизона. Восстание проходит, таким образом, без поддержки гарнизона и подавляется прибывшими извне воинскими частями.

Первая баррикада была построена к вечеру 7 декабря на Страстной площади. Московский градоначальник генерал Дубасов вызвал для подавления восстания два отряда, из которых один был помещен в манеже, другой в Красных казармах Александровского гренадерского полка. Отряды были смешанного характера: рота пехоты, казаки 34-го Донполка и драгуны-сумцы. Эти части пускались в ход городской администрацией без всякого плана для рассеяния толпы. Пресня была организована лучше других районов и держалась дольше всех. Революционные дружины были очень малочисленные; в большинстве случаев велась партизанская борьба. Баррикадная борьба боевых дружин длилась с 9 по 18 декабря. 18-го Пресня была очищена от последней баррикады. Подавление восстания было произведено привезенными из Петербурга гвардейцами Семеновского полка и Ладожским пехотным полком, прибывшим из Варшавского округа. Обстрелы вела привезенная из Твери артиллерийская бригада. Всем этим сводным отрядом командовал полковник Мин.

Московское восстание, несмотря на свой печальный исход, имело огромное историческое значение; влияние его уроков сказалось не только на русской, но и на европейской социал-демократической мысли. Опыт московского восстания неоднократно отмечался в произведениях Ленина. В своем новом издании «Социальной революции» (после 1905 г.) Каутский открыто признал, что московское восстание опровергло старые представления о невозможности уличных боев и непригодности баррикад в эпоху развитого капитализма.

[284]) *Дубасов* — адмирал, в 1905 г. был назначен московским генерал-губернатором. Прославился беспощадным подавлением декабрьского вооруженного восстания. Своими действиями Дубасов вызвал исключительную ненависть широких масс. На его жизнь дважды было произведено покушение.

[285]) Здесь имеется в виду либеральная газета «Наша Жизнь», ответом которой явилась статья «Не приветствуйте нас», помещенная в отделе «Либералы после 17 октября».

[286]) *Стачка в Ростове-на-Дону* — началась 2 ноября 1902 г., с забастовки главных железнодорожных мастерских. 4 ноября рабочие выставили требования о сокращении рабочего дня до 9 часов, о повышении заработной платы на 20%, об отмене штрафов за неявку на работу, вежливом обращении со стороны мастеров и т. д. Начиная с 5 ноября, начались грандиозные сходки бастующих. Стачка быстро разрасталась, главным образом, по линии железной дороги. Забастовали рабочие Тихорецкой и Новороссийска. С 8 ноября сходки были перенесены в балку за поселением Темерник, около Ростова. Движение охватывает весь город и окрестности. На собраниях участвует колоссальное количество народу. Торговля почти прекращается. 11 ноября балка, где ежедневно происходили собрания, была занята казаками; между прибывшими на сходку рабочими и казаками произошла кровавая стычка. После этого события стачка разрастается еще больше. Начиная с 15-го, движение встречает жестокий отпор со стороны властей. Темерник был наводнен войсками и отрезан от города. Стачка была сломлена. 25-го принялись за работу рабочие железнодорожных мастерских, не добившись никаких уступок. Несмотря на незначительные практические результаты, стачка имела огромное политическое значение. «Таких демонстраций никогда не бывало, и вот почему ростовские события составляют эпоху в истории нашего рабочего движения», — говорил Плеханов об этой забастовке в «Искре».

[287]) *Манин* — итальянский революционер эпохи борьбы Италии за национальную независимость. В декабре 1847 г. он внес в центральное венецианское представительное собрание записку, в которой требовал расширения представительства, соблюдения законов о печати, о взимании податей и пр. Несмотря на легальный характер записки, Манин был арестован. Освобожденный восстанием 17 марта 1848 г., Манин становится во главе революционного движения. Убедившись в безрезультатности легальных форм борьбы с правительством, он призывает массы к активной вооруженной борьбе. 22 марта он руководил движением масс, взявших приступом австрийский арсенал, и торжественно провозгласил республику. Руководил войной с Австрией за национальную независимость Венеции.

До самого последнего дня сдачи Венеции австрийцам (24 августа 1849 г.) был президентом и фактическим диктатором республики. После сдачи Венеции поселился в Париже и отошел от активной революционной борьбы.

[288]) *Мин, Г. А.* — генерал, командир гвардейского Семеновского полка. Приобрел печальную известность, как жестокий усмиритель вооруженного восстания в декабре 1905 года в Москве. Особенно отличился расстрелами и артиллерийским погромом Пресни. Выделенный им, уже после подавления восстания, карательный отряд, под начальством полковника Римана, получил приказ «арестованных не иметь и действовать беспощадно». Карательный отряд полковника Римана, действуя по линии Московско-Казанской ж. д. на участке Москва—Голутвино, расстрелял 150 человек. Осенью 1906 года генерал Мин был убит эсеркой Коноплянниковой.

[289]) Приведенный отрывок взят из драмы Алексея Толстого «Смерть Иоанна Грозного».

[290]) Эта фраза взята, как известно, из романа Тургенева «Отцы и дети».

[291]) Тяжкий финансовый кризис, в котором оказалась Франция после отставки Тюрго (см. прим. 147), заставил короля уступить общественному мнению страны и настояниям своего министра финансов Неккера и созвать *Генеральные Штаты* (états généraux), т.-е. собрание представителей духовенства, дворянства и третьего сословия. Был издан указ об открытии Генеральных Штатов в Версале 5 мая 1789 г. Право участия в выборах предоставлялось всем французам, достигшим 25 лет, имеющим постоянное местожительство и занесенным в списки плательщиков налогов. Выборы были двустепенные: избиратели выбирали уполномоченных, а те уже представителей в Генеральные Штаты. Этим избирательным законом устранялась от участия в народном представительстве беднейшая часть 3-го сословия, пролетариат. Естественно, что буржуазия в *наказах* своим депутатам игнорировала нужды пролетариата и заботилась только о собственных нуждах; она требовала отмены привилегий высших сословий и ограничения королевской власти постоянно действующим представительным учреждением.

В Генеральные Штаты было избрано несколько меньше предполагавшихся 1.200 человек. Неккер добился того, что 3-му сословию, как самому многочисленному, было представлено такое же число голосов (600), как и первым двум вместе (по 300), но правительство колебалось удовлетворить требование 3-го сословия об установлении поголовного голосования. Вокруг этого вопроса шли пререкания между сословиями в первые недели заседания Генеральных Штатов. Король был на стороне дворянства и духовенства. Эта борьба закончилась тем, что третье сословие, к которому присоединились низшее духовенство и часть дворянства, 17 июня объявило себя Национальным Собранием Франции.

[292]) О Национальном Собрании см. прим. 143.

[293]) *Олар* — французский историк, буржуазный республиканец-демократ, автор многочисленных трудов по истории великой французской революции.

[294]) *Неккер* (1732—1804) — французский государственный деятель. Будучи сам банкиром, он становится известным в высших финансовых сферах и в 1776 году назначается директором финансов. Заняв этот пост, он

пытался улучшить французские финансы путем получения большого количества займов. Однако, видя безрезультатность этих мер, он в 1771 году открыто опубликовывает бюджет, желая изобличить безграничную расточительность королевского двора, как главную причину дефицита. Опубликование бюджета навлекло на Неккера негодование со стороны привилегированного дворянства и духовенства, и в мае 1771 года он должен был выйти в отставку. В 1788 г. финансовая нужда снова заставила правительство пригласить Неккера на пост управляющего финансами. Неккер согласился только под тем условием, чтобы в следующем году были созваны Генеральные Штаты с предоставлением третьему сословию большего количества мест. Вскоре после открытия Генеральных Штатов правительство решительно поворачивает вправо и созывает министерство из непримиримых реакционеров. 11 июля Неккер получил отставку с приказанием немедленно покинуть Париж. Однако, восстание 12—14 июля, закончившееся взятием Бастилии, снова заставило короля призвать его в министерство. Постоянно колеблясь между интересами министерства и требованиями революционного третьего сословия, Неккер вскоре потерял популярность и в 1790 г. подал в отставку.

[295]) *Седан* — французский город в Арденском Департаменте на реке Маас, в 10 клм. от бельгийской границы. 2 сентября 1870 года, во время франко-прусской войны, при Седане произошла сдача пруссакам 80.000-ной армии маршала Мак-Магона, при чем сам Наполеон III был взят в плен. Это небывалое, по своим размерам, поражение решило исход войны.

[296]) *Кампгаузен и Ганземан* — либеральные вожди рейнской буржуазии. В 1849 г. издавали радикальную «Новую Рейнскую Газету», редактором которой одно время был Маркс. Кампгаузен и Ганземан, как председатели торговых камер в Кельне и Ахене, были приглашены во вновь образовавшееся либеральное министерство Пруссии 29 марта 1848 г., Кампгаузен — министром-президентом, Ганземан — министром финансов. Оба находили, что победа народа, приведшая их к власти, должна быть использована в интересах буржуазии. Они отказались поэтому созвать новое народное представительство, предпочитая встать на почву «права», желая сохранить «непрерывность правопорядка». Чем больше выяснялось, что дальнейшее развитие революции угрожает «порядку», тем более правели эти либералы. Ганземан пришел к тому взгляду, что отныне, вместо пассивного сопротивления революции, требуется активная борьба с нею, что буржуазия должна превратиться из «щита для короны» (выражение Кампгаузена) в меч против народа, что министерство «посредничества», каким являлось министерство Кампгаузена, должно уступить место министерству дела. 20 июня 1848 г. министерство Кампгаузена получило от принца Прусского прикрытое, а от народного представительства совершенно открытое предложение удалиться. Его место заняло новое министерство Ганземана, план которого сводился к следующему: буржуазия приносит народ в жертву короне, за что корона отдает дворянство в жертву буржуазии. Но хитроумный либерал просчитался, ибо будущее показало, что корона и дворянство сами расправились с буржуазным правительством, как только это последнее разделалось с народными массами. На первых порах реакция охотно предоставила «мини-

стерству дела» полную свободу. Но тем сильнее воспротивилась она, когда Ганземан, лишив пролетариат его прав, захотел в интересах буржуазии наложить руку и на дворянство. Ганземан внес законопроекты о повышении акциза на спирт и сахар и об уничтожении феодальных изъятий из поземельного и других налогов. Этим «министерство дела» подрубило единственный сук, на котором оно могло еще сидеть, и самодержавно-феодальная реакция поспешила дать ему отставку в ноябре 1848 г. На место Ганземана пришло министерство Пфуля, первое министерство надвигавшейся контрреволюции.

[297]) *Пфуль* — либеральствующий прусский генерал. В мартовские дни 1848 года, будучи генерал-губернатором Берлина, призывал войска воздерживаться от лишних жестокостей, за что был уволен 18 марта (в день восстания) от занимаемой должности. 11 сентября 1848 г. был назначен премьером и военным министром Пруссии. Министерство Пфуля старалось быть демократичным, и сам Пфуль высказывался, как сторонник конституции.

2 ноября Пфуль подал в отставку, уступив место реакционному министерству Бранденбурга, готовившему государственный переворот.

[298]) *Граф Бранденбург* — офицер прусской армии, дядя прусского короля Фридриха-Вильгельма, был известен, как тупой и ограниченный аристократ. Будучи ярым реакционером, принимал активное участие в подготовке государственного переворота в 1848 г. 2 ноября 1848 г. после отставки министерства Пфуля ему было поручено составление нового кабинета. 10 ноября Бранденбургу удалось сформировать министерство, которое уничтожило все свободы, завоеванные победоносным восстанием 18 марта 1848 г.

[299]) *Флобер* (1821 — 1880) — знаменитый французский романист, глава реалистической школы во Франции. На-ряду с ярко-реалистическими произведениями Флобер писал и фантастические романы, как, например, цитируемый в тексте роман «Саламбо». Первоклассный мастер стиля, Флобер создал классические образцы французской прозы. Наиболее знаменит его роман «Мадам Бовари», изображающий нравы провинциальной жизни.

[300]) *Карфаген* — торговая республика, основанная в VIII веке до нашей эры финикиянами на северном берегу Африки близ нынешнего Туниса. Карфаген играл огромную хозяйственную и политическую роль на всем побережьи Средиземного моря вплоть до конца III века до нашей эры. Сделавшись с течением времени огромной морской державой и могучим торговым центром, Карфаген столкнулся с Римом, который, начиная со II века до нашей эры, стал завоевывать гегемонию на всем побережьи Средиземного моря. Между Карфагеном и Римом в 264 г. началась война (так называемая 1-я пуническая) за торговую монополию на Средиземном море. 3-я пуническая война окончилась тяжелым поражением карфагенских армий, разрушением города Карфагена и почти полным подчинением его Риму. С этих пор значение Карфагена падает, и он превращается в одну из провинций Римской империи.

[301]) *Фейльяны* — члены умеренно-демократического клуба, получившего свое название от Фейльянтинского монастыря, в котором он помещался. Клуб этот образовался в 1791 году в результате расслоения прежде единого

третьего сословия на демократию и буржуазию. Фейльяны поддерживались умеренной либеральной буржуазией и высшим чиновничеством, интересы которых они защищали. В Законодательном Собрании, открывшемся 1 октября 1791 г., фейльяны пользовались большим влиянием. Вся деятельность этой партии была направлена на сохранение конституционной королевской власти. После восстания 10 августа часть фейльянов бежала, часть голосовала по указке жирондистов. Впоследствии из некоторых членов этого клуба образовался клуб Клиши, состоявший уже из элементов чисто роялистских, т.-е. монархических.

[302]) *Партия Мирабо* — партия «центра» или «конституционалистов», составлявшая большинство в Национальном Собрании. Мирабо играл в ней выдающуюся роль, издавая периодический орган партии «Провансальский курьер». Эта партия опиралась на либерально-настроенную, большей частью среднюю (непривилегированную) буржуазию. Ее политическим идеалом была цензовая конституция, с сильно урезанной королевской властью. «Центр» хотел закрепить господство буржуазии, как оно сложилось после июльских дней 1789 года, и ревниво оберегал завоеванные позиции как против правых, так и против левых.

[303]) *Жан Поль Марат* (1743—1793) — французский революционер. По профессии врач и журналист. До революции написал несколько книг и брошюр по общественным и естественно-научным вопросам. С 12 сентября 1789 г. по самый день смерти Марат издавал газету «Друг народа». «Друг народа» был чутким выразителем стремлений и чаяний парижской бедноты. В этой газете Марат беспощадно разоблачал все дела французской буржуазии и отдельных ее представителей. За это он неоднократно подвергался преследованиям. Его несколько раз привлекали к суду, газету закрывали, типографии, в которых она печаталась, громили. Но Марат неутомимо продолжал свое дело. В течение почти двух лет ему приходилось вести конспиративный образ жизни и один раз даже уехать в Англию. После революции 10 августа Марат стоял во главе борьбы якобинцев с жирондистами и пользовался большим влиянием на дела Коммуны (парижского муниципалитета), всюду отстаивая интересы бедноты. Но Марат был человеком своего времени. Несмотря на то, что он с поразительной проницательностью видел, что «третье сословие» не есть нечто единое, а состоит из различных классов с различными интересами, он все же не понимал до конца природу классовой борьбы. То же самое следует сказать о его взглядах на экономический вопрос. У Марата были только первые проблески понимания самостоятельных интересов пролетариата на-ряду с другими неимущими слоями. Деятельность Марата, как члена Наблюдательного Совета Коммуны, руководителя монтаньяров в Конвенте и издателя «Друга Народа», навлекла на него яростные нападки имущих классов. 14 апреля 1793 г. он по настоянию жирондистов был привлечен к суду, якобы за агитацию, призывающую к роспуску собрания и к грабежам и убийствам. Революционный трибунал 24 апреля единогласно оправдал его, и Марат с триумфом был приведен обратно в Конвент. Это оправдание привело буржуазию в еще большую ярость. Под влиянием травли, поднятой против Марата жирондистами, экзальтированная Шарлотта Кордэ 13 июля 1793 г. убила Марата, думая, что этим спасает Францию от злейшего врага.

[304]) Предисловие т. Троцкого к книге Маркса «Гражданская война во Франции» (изд. «Молот») войдет в I том (Характер русской революции) настоящего собрания сочинений.

[305]) Роспуск первой Государственной Думы 8/VII 1906 г. побудил кадетское большинство Думы собраться на совещание в Выборге 9—10 июля, где им было выпущено воззвание к гражданам России, вошедшее в историю под именем «Выборгского воззвания». В этом воззвании представители разогнанной Государственной Думы предлагают населению не платить налогов и не давать солдат для армии впредь до созыва народных представителей (Думы). Так как кадеты не приняли никаких мер для поднятия народных масс против самодержавия, то выборгское воззвание, естественно, осталось без всяких реальных последствий.

[306]) Здесь имеется в виду его «Речь перед судом присяжных». См. Сочинения Фердинанда Лассаля, т. II, стр. 369.

[307]) *Первая Государственная Дума.*—Революционное движение 1905 г. естественно вызывало серьезные опасения со стороны правительства. Требование всеобщего избирательного права и народного представительства охватило не только рабочий класс и интеллигенцию, но даже либеральные буржуазные круги. Создавшаяся обстановка заставила правительство пойти на уступки. Этой уступкой и явился созыв I Государственной Думы.

Существование Думы длилось 72 дня, — открылась Дума 27 апреля тронной речью Николая. Первым оратором выступил тверской депутат Петрункевич, посвятивший свою речь требованию широкой амнистии. 29 апреля был избран президиум Думы в составе председателя Муромцева, товарищей председателя Долгорукова и Гредескула. (Все трое кадеты.) Ответный адрес был принят Думой в редакции кадетов. Обсуждение этого адреса продолжалось в течение 5 заседаний. В адресе говорилось о царящем в России произволе, о необходимости ответственности министров перед Думой, об амнистии и т. д. Одним из основных решений Думы была отмена смертной казни и замена ее бессрочными каторжными работами. Этот законопроект был принят 19 июня. Другим решением Думы был отказ дать правительству 50 миллионов для помощи голодающему населению; вместо 50 миллионов было ассигновано только 15. Этот акт явился выражением недоверия правительству. Запросы министрам по поводу казней, арестов, притеснений и погромов производились чрезвычайно часто, особенно серьезное значение имел запрос о белостокском погроме. Дума командировала комиссию для детального обследования событий. Комиссия пришла к выводу, что погром был организован при участии местной администрации. Последний день заседаний Думы был 7 июня. Резкий тон, взятый Думой, вызвал отпор у правительства. 8-го был издан указ о роспуске I Думы и о созыве II на 20 февраля 1907 г. Всего заседаний Думы было 39. Численный состав Думы — 493 человека. Партийный состав был следующий: кадетов — 160, близко к ним стояли партия демократических реформ — 14 человек, и союз автономистов — 70 человек. Направо от кадетов стояла группа прогрессистов — 14 чел., налево от кадетов стояла большая группа трудовиков, в значительной мере состоящая из крестьян, всего 100 человек. Социал-демократы, попавшие в Думу вопреки директивам партии, выделились

в самостоятельную фракцию. Таким образом наиболее сильными группами в Думе были кадеты и трудовики.

Под впечатлением удачно проведенного бойкота булыгинской Думы, соц.-дем. большевики решили бойкотировать и I Государственную Думу, используя в то же время выборы для широкой революционной агитации.

Меньшевики решили принять участие в первой стадии избирательной кампании, бойкотируя лишь выборы на второй и последующих стадиях.

Между тем ослабление революционного подъема широких масс трудящихся — рабочих и крестьян — и усиление контр-революции показывали, что тактика бойкота была ошибочной, поскольку она была основана на перспективе дальнейшего нарастания революционных событий, конечным результатом которого явилось бы свержение самодержавного правительства и созыв Учредительного Собрания.

Ошибочность тактики бойкота I Государственной Думы тов. Ленин признал в своей брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», вышедшей в 1920 г. Вот что пишет там тов. Ленин по этому поводу:

> «Большевистский бойкот «парламента» в 1905 г. (имеется в виду булыгинская Дума. *Ред.*) обогатил революционный пролетариат чрезвычайно ценным политическим опытом, показав, что при сочетании легальных и нелегальных парламентских и внепарламентских форм борьбы иногда полезно и даже обязательно уметь отказаться от парламентских. Но слепое, подражательное, некритическое перенесение этого опыта на *иные* условия, в *иную* обстановку (курсив Ленина. *Ред.*) является величайшей ошибкой. *Ошибкой, хотя и небольшой, легко поправимой* был уже бойкот большевиками «Думы» в 1906 г.» (курсив наш. *Ред.*) *Т. XVII собр. соч., стр. 128).*

Объяснение своей точки зрения по вопросу о выборах в Виттевскую Думу Л. Д. Троцкий дал в своем предисловии к книге «Наша Революция». В этом предисловии он пишет:

> «Написанное в августе прошлого года «письмо» к профессору Милюкову (письмо это помещено в настоящем томе) решительно высказывается за бойкот булыгинской Думы. Правильно ли поставлен вопрос в этом «письме»? Мы думаем, что правильно. Но ответ, который мы давали, никоим образом не имел общего характера, т.-е. не мог быть непосредственно применен ко всякому представительному собранию, неполновластному или неоснованному на всеобщем избирательном праве. Только безнадежный политический формализм мог бы подсказать такое решение. Оставаясь на точке зрения «письма» к г. Милюкову, мы полагаем, что революционные партии не должны были бойкотировать выборы на началах системы 11 декабря. Что же отличает в наших глазах Думу Витте от Думы Булыгина? Избирательное право, которое получил значительный слой пролетариата. Перед этим фактом отступает на задний план вопрос о размере прав или о степени бесправия народного представительства.

Конечно, для народа вовсе не безразлично, насколько властен парламент, явившийся в *итоге* революционного соразмерения социальных сил. Но когда революция идет еще в гору, когда она еще не раскрыла всей своей энергии, тогда народное представительство может получить значение, совершенно независимое от предопределенных ему прав, смотря потому, в какие классы оно вносит организацию и на какие силы может опереться в предстоящей борьбе со старой властью. Мы здесь снова и снова сталкиваемся с вопросом *силы и права*, — и для того, чтобы не ссылаться на Лассаля, мы приведем любопытное свидетельство Радищева. «Может ли существовать право, — говорит он, размышляя над судьбой древнего Новгорода, — когда нет силы на приведение его в действительность... Примеры всех времен свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом». Но сила без права все же остается силой. Бойкотировать выборы в национальное собрание только потому, что ему заранее отказано во власти, значило бы, подобно либерализму, ставить право выше силы. Учреждение может быть архаическим, бесправным, каким угодно; но если его берет в руки революционная сила, оно может превратиться в могучий рычаг для завоевания права.

Наша революция дает несколько очень выразительных примеров того, насколько различны результаты применения одних и тех же методов, смотря потому, какая общественная группа пользуется ими. Рабочие ходили к Зимнему Дворцу (9 января), земцы — в Петергоф (6 июня). Метод один и тот же, но как различен результат! Представители либеральной оппозиции не раз входили в правительственные комиссии, например, в комиссию Кобеко; в феврале прошлого года рабочие послали своих представителей в комиссию Шидловского; учреждения сходны, но как не сходны результаты! То же самое и с Государственной Думой».

[308]) Эта брошюра впервые вышла в Петрограде в 1906 г. в издательстве «Новый Мир» за подписью Л. Тахоцкий.

[309]) Здесь имеется в виду программа, опубликованная в 1-м номере «Освобождения» под названием «От русских конституционалистов».

[310]) *Столыпин, П. А.*—был одно время саратовским губернатором, затем руководителем царской контр-революции, наступившей после поражения революции 1905—1906 г.г. (О деятельности министерства Столыпина см. примечание 326.) Решающим актом его контр-революционной политики был разгон II Думы и составление нового избирательного закона (3 июня), положившего начало новому лжеконституционному этапу монархии («июньской монархии»). Политическая линия Столыпина заключалась в том, чтобы на основе союза крупного капитала и помещиков, при поддержке «крепкого» мужика, задушить революционное движение. В целях расширения социального фундамента царского правительства Столыпин провел ряд реформ, которые должны были способствовать росту кулацкого хозяйства за счет хозяйства остальной крестьянской массы. Крах этой политики совпал

со смертью самого Столыпина, последовавшей в 1912 году в результате покушения полу-эсера, полу-охранника Багрова.

[311]) *Торгово-промышленная партия* — организовалась в Москве 12 ноября 1905 г. В противовес существовавшим либеральным группам торговопромышленников она с самого начала выступила как крайне-правое крыло крупной промышленной буржуазии. В своей политической части ее программа сводилась к требованию единства России, для сохранения которого необходимо полное содействие правительству. Экономическая часть программы заключала в себе требование всемерной защиты интересов торговцев и промышленников. Особенно резко торгово-промышленная партия протестовала против введения 8-часового рабочего дня. Партия вела борьбу не только с социалистическими партиями, но даже с кадетами и другими группировками радикальной и либеральной буржуазии. К концу 1905 г. имела несколько провинциальных комитетов. Во время декабрьского восстания партия требовала решительных мер против рабочих, приветствовала дубасовщину и блокировалась с реакционными монархическими группами. Во время выборов в I Государственную Думу партия ведет энергичную агитацию, выпускает множество брошюр и воззваний, но, несмотря на все усилия, терпит решительное поражение. После этого в партии начинается процесс разложения; большинство ее членов переходит в «Союз 17 октября». Виднейшими деятелями торгово-промышленной партии были крупные фабриканты и заводчики: Крестовников, Рябушинский, Коншины, Морозов, Прохоров и др.

[312]) *Партия правового порядка* — возникла 15 октября 1905 г. В ее организации принимали участие крупные промышленники-капиталисты — Виссендорф и др. Главным пунктом ее программы было требование сильной государственной власти. Вопрос о народном представительстве не затрагивался вовсе. Во время декабрьского восстания партия соперничает с «Союзом русского народа» в организации черных сотен: из партии «умеренных» сторонников конституции она, под напором событий, превратилась в партию откровенных реакционеров. На выборах в I Думу партия получила незначительное количество мест. В 1906 г. она распалась, и почти все ее члены перешли в ряды монархистов.

[313]) Здесь имеется в виду винная монополия, которая впервые была введена 8 июля 1893 года в виде опыта в трех губерниях, а затем постепенно распространена на всю Россию. Ее установление правительство мотивировало необходимостью борьбы с пьянством, заботой о народном здравии и т. п. Истинной же целью винной монополии было получение прибыли и разделение ее между казной и крупными помещиками. Более выгодная, чем прежний акциз на спиртные напитки, монополия давала правительству колоссальный доход, например, в 1914 году — 689,9 миллиона.

[314]) *Салтыков-Щедрин* (1826—1889) — знаменитый писатель. В своих произведениях зло высмеивал чиновничество и бюрократию своего времени. Талантливый сатирик, Щедрин особенно ярко изображал быт русской провинции. Главнейшие произведения Салтыкова-Щедрина: «Пошехонская старина», «Господа Головлевы», «Помпадуры и помпадурши», «Больное место» и многие другие.

[315]) Избирательный закон 11 декабря 1905 года был издан в министерство Витте еще в тот момент, когда революция внешне еще не исчерпала всех своих возможностей. По сравнению с избирательным законом (булыгинским) 6 августа 1905 г. — закон 11 декабря предоставлял гораздо более избирательных прав рабочим, интеллигенции и мелкому торгово-промышленному населению. Однако, закон 11 декабря, идя на мелкие уступки революционному народу, по существу оставался глубоко реакционным. Имущественные и сословные перегородки и куриальная система были в нем сохранены. Новый закон прибавил лишь к существовавшим ранее куриям новую — рабочую, расширил состав избирателей городской курии и широко раздвинул рамки землевладельческой курии. В выборах по рабочей курии получали право участия только рабочие предприятия, насчитывающие не менее 50 рабочих-мужчин. Уполномоченными от предприятий могли быть только те рабочие, которым исполнилось 25 лет и которые проработали не менее 6 месяцев на данном предприятии. Количество выборщиков по отдельным куриям было следующее: землевладельческая курия — 1 выборщик на 2.000 ч., городская — 1 выборщик на 7.000, крестьянская — 1 выборщик на 30.000, рабочая курия—1 выборщик на 9.000. Из этих цифр вполне выясняется социальный характер нового избирательного закона. Тем не менее по сравнению с указом 6 августа он явился крупным завоеванием революционного народа.

[316]) *Монархические партии в России* — возникли в 1905 г. и состояли из наиболее оголтелых реакционеров-дворян, части крупной буржуазии, связанной экономически с царской казной, и высшего духовенства. Несмотря на различные наименования монархических организаций, как «Русская Монархическая Партия», «Союз Русского Народа», «Отечественный Союз» и мн. др., все они в общем и целом сходились на одном — решительной борьбе с революцией. Считая, что русское самодержавие вовсе не отменено манифестом 17 октября, все монархические партии стремились во что бы то ни стало, не гнушаясь никакими мерами, укрепить поколебленный царский трон. В программе монархической партии по вопросу о форме государства говорится:

> «Монархическая партия стоит за сохранение единства и целости великой российской империи, над которою должна царить единая, неограниченная самодержавная власть русского монарха и свободно и достойно живущая русская православная церковь, при едином русском государственном языке, едином русском законе и единой русской государственной школе».

Наиболее важными органами монархической партии были «Московские Ведомости», «Русское Знамя», «Русский Вестник» и мн. др. Очень быстро стали возникать монархические организации по провинции, которые начали создавать из деклассированных элементов черносотенные дружины для устройства погромов, подавления революционных волнений, для всяческой борьбы с «крамолой». Главнейшими деятелями монархических партий всех оттенков были Пуришкевич, Дубровин, Марков, Булацель, Грингмут, гр. Шереметьев, Бобринский и др. Во всех четырех Думах депутаты-монархисты изо дня в день вели систематическую ожесточенную борьбу

против каких бы то ни было уступок со стороны царского правительства.

После Февральской и, в особенности, Октябрьской революций монархические организации распались, и только за границей, в эмиграции, они еще влачили жалкое существование, образуя многочисленные грызущиеся между собой группки. Главнейшие из них объединяются вокруг двух «кандидатов» на российский престол — великих князей Кирилла и Николая Николаевича.

[317]) *Кудрин* — литературный псевдоним Н. А. Русанова, видного эсеровского деятеля. До 1882 г. занимался журналистикой, сотрудничая во многих крупных журналах. Принимал участие в деятельности студенческих и рабочих подпольных кружков, примыкая к бунтарскому крылу революционного народничества; с 1882 г. поселился за границей, где сблизился с русскими революционерами-эмигрантами, главным образом, с Лавровым и Тихомировым, и стал принимать деятельное участие в революционной журналистике. Долгое время был одним из редакторов «Вестника Народной Воли». Вел идейную борьбу с зарождающимся марксизмом в России. Был одним из организаторов «Группы старых народовольцев». Вместе с Гоцом и Рубановичем принимал участие в основанном эсерами «Вестнике Русской Революции», состоя в течение 2-х лет его главным редактором. По приезде в Россию в ноябре 1905 г. принимал активное участие в редактировании многих эсеровских легальных и нелегальных органов.

В эсеровской партии Русанов примыкал к «центру», возглавляемому Черновым. Среди эсеров Русанов считался «спецом» по международным вопросам и был неоднократно членом эсеровских делегаций на международных конгрессах.

[318]) *Рейснер* — в 90-х годах был умеренным либералом; в начале 900-х годов эволюционировал влево и был вынужден эмигрировать. Долгое время жил за границей, откуда посылал корреспонденции в «Русское Богатство» и другие журналы. В настоящее время Рейснер—член РКП (б.), профессор Московского Университета, где читает лекции по праву. Автор ряда статей и книг по вопросам государственного устройства и конституции РСФСР.

[319]) *Лазаревский* — юрист. С 1898 г. состоял одним из ответственных редакторов журнала «Право». Написал ряд исследований по вопросам государственного устройства. В сборнике «Конституционное государство», о котором здесь говорится, ему принадлежала статья: «Народное представительство и его место в системе других государственных установлений».

[320]) В брошюре «18 брюмера Луи Бонапарта», написанной в начале 1852 г. и посвященной бонапартистскому перевороту 2 декабря 1851 г., Маркс блестяще применил метод исторического материализма к анализу этого события. «18 брюмера» является одной из лучших исторических работ Маркса как по форме, так и по содержанию. Вот что писал Энгельс об этой работе Маркса через 33 года после ее первого издания:

> «Непосредственно после события, которое весь политический мир поразило как гром из ясного неба, которое одни проклинали громкими воплями нравственного негодования, другие приняли как спасение от революции и возмездие за ее смуты, которое всех только поразило и никем не было понято, — непо-

средственно после этого события Маркс выступил с кратким, как эпиграмма, изложением, которое представило весь ход французской истории с февральских дней в его внутренней связи и, разложив удивительное происшествие 2 декабря, показало в нем естественный необходимый результат этой связи; и при всем том не было никакой необходимости трактовать героя государственного переворота иначе, как с вполне заслуженным презрением. Картина была нарисована такой мастерской рукой, что все новые появившиеся с того времени разоблачения лишь давали новые доказательства, как верно отразилась действительность в этой работе. Такое блестящее понимание текущей, незавершившейся истории, такое ясное проникновение в события в то самое время, как они совершаются, действительно беспримерно».

Предисловие Энгельса к изданию «18 брюмера» цитировано по русскому изданию Скирмунта, 1906 г., стр. 137.

[321]) *Кондорсе* (1743 — 1794) — французский ученый и политический деятель конца XVIII в. В своих работах защищал право каждого человека «свободно» располагать своим трудом, т.-е. основную идею буржуазного общества. Одновременно проповедовал свободу торговли хлебом, стоял за уничтожение крепостного права. Вместе с другими идеологами буржуазии сделался после 1789 г. крупным деятелем буржуазной революции.

После бегства короля в Варенн Кондорсе основал первую республиканскую газету «Республиканец». В то же время он принимал активное участие в Национальном Конвенте, где часто выступал от жирондистов (между прочим Кондорсе был против казни Людовика XVI). Как квалифицированный юрист, был назначен конвентом в председатели Комиссии по выработке новой конституции. Его проект был, конечно, отвергнут якобинским большинством. Тогда Кондорсе выпустил воззвание к народу, где указал на недостатки принятой конституции (конвент принял конституцию, на-скоро составленную Геро-де-Сешеллем). Обвиненный в заговоре против «единства и нераздельности» французской республики, он был объявлен вне закона. 26 марта 1794 г. его заключили в тюрьму, где через три дня он был найден мертвым.

[322]) В своих воспоминаниях о Ленине (в готовящемся 2-ом издании) Л. Д. Троцкий сообщает некоторые интересные данные, рисующие внутрипартийную обстановку тогдашнего времени, в которой писалась и была издана брошюра «Наша тактика в борьбе за Учредительное Собрание»:

«В июле я написал из тюрьмы две статьи на тактические темы и переслал на волю. Несмотря на формальное единство партии, газеты появлялись то объединенные, то раздельные. Статьи мои вышли на волю в тот момент, когда меньшевистские и большевистские издательства вели раздельное существование. Меньшевики отказались печатать статьи. Я потребовал передачи их большевистской редакции. Социал-демократических газет тогда (после роспуска Думы) уже не было, но через Кнуньянца я получил сообщение, что статьи встретили полное сочувствие (речь шла о Ленине) и будут непременно опубликованы в том или другом виде. Они действительно появились очень скоро. в виде брошюры,

в большевистском издательстве «Новая Волна». Только недавно мне удалось разыскать эту брошюрку в печатный лист (*Л. Т-кий*, «Наша тактика в борьбе за Учредительное Собрание»).

[323]) Резолюция по этому поводу помещена в тексте настоящего тома. См. стр. 283.

[324]) *Муромцев, С. А.* (род. в 1850 г.) — профессор римского права в Московском университете, долголетний земский деятель, член умеренного крыла к.-д. партии. В первую Государственную Думу вошел в качестве депутата от г. Москвы и единогласно был избран председателем Государственной Думы. Сыграл видную роль в организации думских работ; был посредником в переговорах между старой властью и к.-д. относительно образования думского министерства. После разгрома Думы он вместе с другими депутатами уехал в Выборг, где продолжал председательствовать на собраниях членов Думы и первый подписал «Выборгское воззвание». За это воззвание он был приговорен к трехмесячному тюремному заключению, которое отбывал в Москве с мая 1908 г. На этом и закончилась его политическая деятельность.

[325]) Здесь проводится аналогия с периодом вторичного царствования Наполеона I, известного в истории под названием «ста дней». Живя в изгнании на острове Эльбе, Наполеон зорко следил за политической жизнью Франции. Зная об общем недовольстве реакционной деятельностью Бурбонов, Наполеон решает прибегнуть к попытке свержения бурбонской династии. 26 февраля 1815 г. он во главе маленькой армии (1.600 чел. с 80 лошадьми и несколькими пушками) направился во Францию и 1 марта высадился на берегу Жуанвильского залива.

Свою политическую программу Наполеон формулировал так: избавление Франции от оскорблений со стороны дворянства, закрепление добытых революцией социальных прав, полный отказ от завоевательных планов и конституционное правление.

Эта программа привлекла на его сторону огромные массы приверженцев. Армия его стала быстро увеличиваться. 10 марта Наполеон был уже в Лионе, где принял титул императора, а 20 марта в Тюльери. Король бежал в Гент. Возвращение Наполеона объединило против него всю Европу. В марте представители всех европейских держав объявляют его вне закона, его курьеры нигде не принимаются. Союзники собирают крупные военные силы для действий против Наполеона.

В своей дальнейшей политике Наполеон пытался опереться на либералов. Еще в марте в Лионе им был издан декрет о созыве департаментских избирательных коллегий. Однако, широко развернуть свою деятельность ему не удалось: 18 июня его армия была разбита при Ватерлоо (в Бельгии) соединенными силами англичан и пруссаков, после чего Наполеон был вторично низложен и сослан, на этот раз уже навсегда, на остров св. Елены.

[326]) *Министерство Столыпина* — образовалось после разгрома I Государственной Думы (8 июля 1906 г.).

В программу этого министерства входило создание богатого слоя крестьянства, на которое царское правительство могло бы опереться в своей защите дворянского землевладения. Эта попытка выделения кулацких

хозяйств на отруба и хутора и получило потом название «столыпинской реформы».

Более подробно о характере столыпинского министерства см. XII т., прим. 48.

[327]) *Трудовая группа* — была второй по численности после кадетов в I Государственной Думе (107 ч.). Несмотря на пестроту и расплывчатость своего состава и программы, в общем проводила оппозиционную линию. В начале своей работы в Государственной Думе трудовики подчинялись руководству кадетов, но позже, разочаровавшись в слишком умеренной кадетской позиции, выступали по большей части совместно с организовавшейся социал-демократической фракцией. С трибуны Думы они выставляли требования широкой политической свободы и немедленного разрешения аграрного вопроса. Ими был внесен радикальный аграрный проект 104-х в противовес умеренному кадетскому проекту 42-х.

[328]) Непосредственным поводом к Свеаборгскому вооруженному восстанию послужил арест комендантом крепости минной роты. В середине июля, в части Балтийской эскадры, стоявшей в Ревеле, началось сильное брожение. В целях предупреждения десанта матросов эскадры на острова Свеаборгской крепости комендант отдал приказ поставить мины у входа в Свеаборгский рейд. За неподчинение приказу минеры были окружены пехотой, обезоружены и посажены под арест. Солдаты и матросы гарнизона крепости решили во что бы то ни стало освободить своих товарищей. В 12 часов ночи на 18 июля на Лагерном острове прогремел условный сигнальный выстрел пушки, и все артиллеристы (3 роты), расположенные на Лагерном острове, бросились освобождать минеров. Последовавшая кровавая схватка артиллеристов с двумя ротами первого Свеаборгского крепостного батальона послужила началом этого знаменитого восстания.

В момент восстания гарнизон крепости Свеаборг состоял из крепостного пехотного полка, крепостной артиллерии (9 рот), минной роты и др. частей. Кроме того, в восстании приняли участие и матросы Свеаборгской флотской роты, расположенной в казармах полуострова Скатудден.

Революционная пропаганда в частях гарнизона крепости, ведшаяся социал-демократами и социал-революционерами, пала на благоприятную почву, подготовленную действиями начальства, в особенности интендантского, снабжавшего части гарнизона негодным обмундированием и сапогами. Наиболее революционно настроены были артиллеристы, явившиеся главными застрельщиками восстания. За ними шли минеры и матросы. Наименее подготовленным оказался Свеаборгский крепостной пехотный полк, который после некоторых колебаний остался на стороне правительства и, вместе с вызванными частями 2-го Финляндского полка и частью эскадры Балтфлота, подавил восставший гарнизон.

В Свеаборге более 6 месяцев до восстания уже существовал революционный комитет, который вел пропаганду в гарнизоне. Комитет поддерживал связь с социал-демократической и социал-революционной организациями Финляндии. Обе партии, незадолго до восстания, развили энергичную деятельность по подготовке последнего. 2 июля 1906 года, при получении известий о том, что в Кронштадте готово вспыхнуть восстание, в Гельсинг-

форсе было устроено заседание военных организаций обеих партий, на котором было решено немедленно же приступить к оповещению всех военных судов о готовящемся восстании и постараться добиться сосредоточения их под Свеаборгом. Но революционная энергия свеаборгских артиллеристов предупредила дело. Восстание вспыхнуло внезапно, стихийно, гораздо раньше, чем парторганизации успели сделать что-либо для обеспечения его успеха. Массы не были, да и не могли быть подготовлены к нему. В это время революционное движение в России переживало временный упадок. Только еще начинался период нового собирания сил. Этот факт и явился главной и основной причиной поражения. Рабочие и крестьянские массы России не могли поддержать восстания, и оно было подавлено. Решающую роль при подавлении восстания сыграла часть эскадры Балтфлота, открывшая неожиданно для восставших огонь из дальнобойных тяжелых орудий.

Несмотря на поражение, Свеаборгское восстание и вслед за ним и в связи с ним вспыхнувшие восстания в Кронштадте и на крейсере «Память Азова» имели огромное моральное значение. Ярко выраженный политический характер восстания такой крупной крепости, как Свеаборг, заставил царское правительство сильно трепетать за свою судьбу. Оно еще раз напомнило самодержавию об обоюдоостром характере армейских штыков, на которые оно опиралось. С другой стороны, оно явилось могучим боевым откликом на призыв социал-демократической фракции и трудовой группы Государственной Думы к армии и флоту.

[329]) *Щегловитов, И. Г.* — юрист, профессор училища правоведения. Ярый реакционер, товарищ министра юстиции в первом конституционном кабинете Витте, а в кабинете Горемыкина — министр юстиции. Сохранил этот пост и в министерстве Столыпина. В I и II Думе Щегловитов нередко выступал в защиту правительственных действий.

[330]) *Гракхи* — два брата, знаменитые римские политические деятели. Прославились в истории попыткой возродить могущество Рима путем укрепления основного производительного класса населения, мелких землевладельцев, за счет крупного землевладения аристократии. В борьбе с господствующим классом патрициев за осуществление своих аграрных законов оба брата погибли: Тиберий Гракх был убит в 133 г. до Р. Х., а Кай Гракх — в 121 г.

[331]) Здесь игра слов. Прусские помещики-дворяне, как известно, называются «юнкерами».

[332]) *Успенский, Г. И.* — известный писатель (род. в 1840 г.). С 1860 г. Глеб Успенский начал сотрудничать в «Русском Слове», «Зрителе» и др. газетах. Литературная известность Успенского начинается с 1866 г., когда появились в «Современнике» его очерки «Нравы Растеряевой улицы», продолжение которых печаталось за границей в «Женевском Вестнике» (1867 г.). С 1868 г. он помещает свои произведения в «Отечественных Записках». Литературную деятельность Г. У. можно разделить на два периода. В первом (до 70-х годов) Успенский являлся преимущественно бытописателем мелкого городского люда: мастеровых, маленьких чиновников и т. п. «обывателей». Сюда же примыкают картинки из жизни провинциального и столичного «мыслящего пролетариата» с его идеальными стремлениями, надеждами и тяжелыми разочарованиями.

Во втором периоде своей литературной деятельности Успенский обращается к изображению крестьянского быта: предметом его очерков и рассказов являются теперь почти исключительно различные стороны деревенской жизни. Большое значение этих «народнических» писаний У. заключается в том, что в них ярко изображен процесс разложения деревни под влиянием развития денежного хозяйства.

В своей статье о «Глебе Успенском» («Восточное Обозрение», № 88, 1902 г.) Л. Троцкий говорит: «Общественная сфера художнических интересов Успенского крайне широка. Он начал с низов дореформенного города («Нравы Растеряевой улицы»), дал широкую картину «разорения» старых форм жизни («Разорение»), наметил «ищущие» и «жаждущие» типы разночинной интеллигенции («Наблюдения одного лентяя», «Тише воды»), затем перешел к мужику, ставшему основным стержнем его мыслей, чувств и писаний».

[333]) *Июльская стачка 1906 г.* — была новой попыткой всеобщей забастовки в Москве и Петербурге в ответ на разгон I Государственной Думы. Забастовка ставила себе целью поддержку разгоревшегося в то время восстания в Свеаборге и Кронштадте.

Неудача июльской забастовки объясняется уже наметившимся в это время упадком революционного движения.

[334]) *Мирное обновление* — союз крупных землевладельцев и капиталистов, образовавшийся в 1905 году. Главными организаторами союза были лидеры правого крыла в I Государственной Думе: граф Гейден, Н. Н. Львов и Стахович. Союз имел в I Государственной Думе 26 депутатов. «Мирнообновленцы» стояли на платформе манифеста 17 октября; они считали необходимым переход России к конституционному режиму и утверждали, что этот переход должен и может осуществиться мирными путями. «Обновление России, — говорится в воззвании союза, — возможно лишь путем преобразования государственного строя страны, а не действиями насилия и грабежа. Сильная монархическая власть, народное представительство, свобода, основанная на праве и равенстве всех перед законом, — таковы условия для возрождения России».

[335]) *«Наше Слово»* — орган «Бунда». Журнал ставил себе целью «защиту интересов еврейского пролетариата». Выходил в г. Вильно. Первый номер вышел 22 июня 1906 г. и был конфискован. Всего успело выйти 9 номеров. Журнал выходил при участии виднейших руководителей «Бунда»: Абрамовича, Либера, Медема и др.

[336]) *Бунд* — еврейский рабочий союз в Польше, Литве и России, образовался в октябре 1897 г. на съезде в Вильне. В 1898 г., на первом съезде РСДРП в Минске, Бунд вошел в ее ряды, «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата». В 1903 г., на втором съезде РСДРП, который отверг требования Бунда признать его единственным представителем еврейского пролетариата и принять построение партии на федеративных началах и принял постановление об единстве и организационном централизме (единое руководство ЦК) в рядах партии, — Бунд вышел из партии. На своем VI съезде в 1906 г. Бунд выдвигает требование «национально-культурной автономии», что означало изъятие всех вопросов, относящихся к культуре, из ведения государства и органов местного самоуправления и передачу их националь-

ным меньшинствам в лице особых учреждений, избираемых данной нацией на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Вторично вошел Бунд в состав РСДРП на «объединительном съезде» в Стокгольме в 1906 г. Во внутрипартийной борьбе Бунд почти всегда поддерживал меньшевиков. После окончательного раскола в партии в годы реакции Бунд снова отделился от партии и с 1912 г. вступил в тесные организационные отношения с меньшевиками-ликвидаторами. Во время империалистической войны большинство бундовцев заняло оборонческую позицию, а после Февральской революции они поддерживали коалиционное правительство и его военную политику и заодно с меньшевиками вели борьбу против большевизма. После Октябрьской революции, под напором еврейских рабочих масс и усилением влияния интернационалистических элементов в рядах самого Бунда, многие бундовские организации вошли в состав РКП. В 1920 г., на своей XII конференции, Бунд официально отказался от своего главного националистического требования, заявив, что «требование национально-культурной автономии, выставленное в рамках капиталистического строя, теряет свой смысл в условиях социалистической революции». В марте 1921 г. на конференции в Минске Бунд постановил войти в РКП.

[337]) *Иорданский, Н.* (псевдоним Негорев) — в то время меньшевик, редактор журнала «Мир Божий», а впоследствии «Современного Мира». Во время войны был сторонником Плеханова. После Октябрьской революции эволюционирует влево и издает в Гельсингфорсе русскую газету, стоящую на платформе Советской власти. С 1922 года член РКП (б.).

[338]) По поводу этого письма, запрошенный нами Л. Д. Троцкий сообщил следующее:

> «По вопросам нашего поведения на суде мы, подсудимые, сносились одновременно с большевистским и меньшевистским центрами. Меньшевики переживали величайшее похмелье, и Мартов посылал в тюрьму увещевательные послания, на которые мы отвечали протестами. Одно из таких писем моих было взято полицией у Мартова при его аресте на Финляндском вокзале и фигурировало затем на суде. Наоборот, большевистский центр вполне одобрил наш план поведения на суде, изложенный мною в письме (или в тезисах). Не знаю, сохранились ли эти документы. (Письмо нами было отыскано в архиве Л. Д. и публикуется здесь впервые. *Ред.*) И в этом случае меньшевики-подсудимые оказались в оппозиции к своему центру, хотя по основным вопросам революционной политики они после разгона Думы стали склоняться вправо».

[339]) Указанные в тексте документы, к сожалению, редакцией не найдены.

[340]) Согласившись на участие в суде с единственной целью дать правильное освещение деятельности Совета, обвиняемые решили защитительных речей не произносить, а говорить только о работах и о значении Совета. Темы были распределены так: об истории Совета до ареста Хрусталева (26 ноября) должен был говорить Хрусталев, о последних днях Совета и его общем значении — т. Сверчков, об отношении Совета к вооруженному восстанию — т. Троцкий, о Совете и РСДРП — Кнуньянц, о Совете и партии социалистов-революционеров — Авксентьев.

[341]) К этому письму членом Исполкома Петербургского Совета Зборовским-Никитиным было сделано следующее заявление:

> «Тов. Троцкий в общем передал верно отношение привлекаемых к суду к интересующему нас вопросу. По вопросу о целях, поставленных Советом, и средствах к достижению их между нами разногласия нет, и в этом смысле мы согласны с вами всеми без исключения. Разногласия между нами только в области вопроса, в какой степени Совет был исполнителем воли масс. Этот вопрос вами почти не затронут; я и несколько других товарищей больше, чем остальные, оттеняем роль Совета, как исполнителя воли своего выборщика, пролетариата, но радикальных разногласий между нами и в этом вопросе не имеется. Центр тяжести процесса — в целях и средствах деятельности Совета; кроме них, мы все — одни сильнее, другие слабее — будем оттенять неразрывную тесную связь Совета с пролетарской массой в сфере его деятельности. — Зборовский-Никитин».

Зборовский (Никитин, Кузьма, Костич) — один из организаторов Петербургского Совета Рабочих Депутатов в 1905 г. и первый его председатель. Участвовал на II съезде РСДРП от Одесского комитета (под псевдонимом Костич), на котором примкнул к меньшевикам. Вскоре после образования Совета отказался от председательствования. Петербургский Совет посылал его в провинциальные города для работы по подготовке к Всероссийскому Съезду Советов. В 1906 г. осужден по делу Совета на поселение в Сибирь Из Сибири бежал и в 1907 и 1908 г.г. работал по изданию меньшевистских журналов (в 1908 г. работал в организационной комиссии «Голос социал демократа»).

[342]) *Кнуньянц-Радин* (он же Рубен-Петров, Николай Саркисянц, Б. Радин, Петров) — один из видных искровцев в 1902—1903 г.г. Участвовал от бакинского комитета на II съезде РСДРП (под псевдонимом Русов). В 1904 г. вместе с Джапаридзе вел борьбу в бакинском комитете против меньшевистской тактики по вопросу о праздновании 1 мая. В 1905 г. Кнуньянц — видный деятель Петербургского Совета Рабочих Депутатов и один из руководителей Петроградского Комитета партии. По делу Петербургского Совета был приговорен к ссылке, оттуда бежал. В 1908—1910 г.г. жил в Баку. В эпоху контр-революции Кнуньянц колебнулся в сторону ликвидаторства. В 1911 г. он был снова арестован и тогда же умер в тюрьме от тифа.

[343]) *Сверчков-Введенский, Д. Ф.* — один из виднейших деятелей Совета Рабочих Депутатов 1905 г., член его Исполнительного Комитета и член президиума Совета.

По делу Петербургского Совета был сослан в Сибирь; после побега с поселения жил в 1907—1910 г.г. в эмиграции. В 1910 г. поехал в Россию делегатом от «голосовцев», сторонников меньшевистского «Голоса соц.-дем.», но вскоре был арестован в Москве на собрании в редакции меньшевистского «Возрождения» и сослан в каторгу; по ходатайству родных и вследствие болезни 3-летний срок каторги был заменен ему поселением внутри Рос-

сии. 3 марта 1917 г. они был амнистирован Временным Правительством, после чего вновь стал принимать участие в политической жизни России.

В 1922 г. напечатал воспоминания о революционном движении («На заре революции»). В настоящее время работает в НКПС, член РКП (б.).

[344]) *Вайнштейн, С. Л.* (Звездич) — депутат от союза конторщиков, член Совета и Исполнительного Комитета. Арестованный на заседании Совета, Вайнштейн обратился с речью к солдатам, призывая их перейти на сторону народа. По делу Совета был предан суду и ввиду отказа от судебного процесса вместе с другими членами Совета был сослан в Обдорск, откуда бежал и был арестован в Баку. В 1910 (или в 1911) году был привлечен к суду за побег и снова сослан в Сибирь. Сотрудничал в газетах с.-д. направления «Молодая Сибирь» и «Иркутское Слово», которые вскоре были закрыты. После Февральской революции играл видную роль в соглашательском Цике. Умер в Берлине в 1923 г.

[345]) *Злыднев, П. А.*, — рабочий, депутат Обуховского завода, член президиума Совета Рабочих Депутатов 1905 года и один из его основателей. Принадлежал к меньшевистской фракции. Активно участвовал в создании профессионального движения, работая все время в гуще рабочей массы.

Умер в ссылке в Чите в 1913 г.

[346]) *История Совета Рабочих Депутатов* — сборник статей, написанных летом 1906 года в тюрьме членами Исполнительного Комитета Петербургского Совета Рабочих Депутатов 1905 года.

Рукописи статей прочитывались совместно и по утверждении общей редакцией передавались через защитников для набора в печать. Много хлопот доставила редакции статья Хрусталева, грешившая откровенным самовосхвалением. Некоторые статьи Л. Д. Троцкого, напечатанные в этом сборнике, включены в настоящую книгу.

В сборник вошли статьи: Троцкого, Хрусталева-Носаря, В. Звездина, С. Введенского (Сверчкова), А Симановского, Петрова-Радина (Кнуньянца), П. Злыднева, Н. Немцова, М. Киселевича и др.

[347]) Письмо гр. Витте в редакцию «Нового Времени» от 2 ноября 1906 г. было написано по поводу процесса Петербургского Совета Рабочих Депутатов. В этом письме Витте заявлял, во-первых, о своей непричастности к организации Совета и других союзов, которые были образованы до 18 октября 1905 года, т.-е. до вступления Витте на пост министра внутренних дел; во-вторых, о том, что председателя Совета, Носаря-Хрусталева, он никогда не знал и ни в каких отношениях с ним не находился; в-третьих, что точно также ни в каких сношениях, ни официальных, ни частных, он не состоял с Советом Рабочих Депутатов, и, наконец, что Совет Рабочих Депутатов был арестован и передан в руки правосудия в тот момент, когда он, Витте, был председателем совета министров.

[348]) Перед началом заседания суда, 13 октября 1906 г., защитник Грузенберг сообщил подсудимым о получении им двух писем от бывшего директора департамента полиции Лопухина, в которых последний прислал копию секретного доклада Столыпину о провокаторской деятельности департамента полиции, о чем он, Лопухин, вел специальное расследование, и просил вызвать его свидетелем для доказательства того, что только меры, пред-

принятые Советом Рабочих Депутатов в конце октября 1905 г., спасли Петербург от погромов.

После открытия заседания суда защитник Грузенберг возбудил ходатайство о приобщении к делу и оглашении доклада Лопухина, а также о вызове его как свидетеля для подтверждения фактов погромной деятельности высших правительственных лиц и учреждений.

Суд удалился на совещание и по возвращении в залу суда объявил, что в ходатайстве защиты постановлено отказать.

По просьбе защиты, от имени подсудимых, заседание было прервано до следующего дня. Подсудимым и защите было разрешено остаться для совещания в зале заседания суда. На совещании было решено отказаться от дальнейшего участия в суде.

[349]) *Киселевич, Михаил,* — один из активных работников Петербургского Совета Рабочих Депутатов в 1905 г., делегат союза печатного дела, по профессии наборщик. По делу Совета Рабочих Депутатов был приговорен к ссылке на поселение в Сибирь.

[350]) *Немцов, Николай* (Макар) — рабочий металлического завода, видный большевик и делегат Выборгского района в Петербургский Совет Рабочих Депутатов 1905 г.; был членом Исполнительного Комитета. Одно время был арестован за попытку прекратить работу на фабрике Гот. По делу Совета Рабочих Депутатов был приговорен к ссылке в Сибирь. В настоящее время работает на Волге.

[351]) *Авксентьев* — один из вождей партии эсеров. На широкую политическую арену Авксентьев выдвинулся в 1905 г., будучи членом Исполкома Петербургского Совета. После поражения революции, Авксентьев вместе с Л. Д. Троцким и др. был сослан в Тобольскую губернию. С 1911 года Авксентьев возглавляет правое крыло партии эсеров, которое свое либеральное лицо явно обнаружило уже тогда, требуя отказа от нелегальной организации во имя творческой работы в рамках самодержавного строя. Обострившиеся разногласия по вопросу об участии в выборах в IV Думу привели к тому, что Авксентьев, Воронов и др. создали свой журнал «Почин». Вполне естественно, что в империалистической войне Авксентьев и его группа заняли ультра-шовинистическую позицию. Эта группа заключила блок с плехановцами и стала издавать позорный журнал «Призыв», политически пресмыкавшийся перед царской Россией. По возвращении в революционную Россию, Авксентьев снова встал во главе правого крыла эсеров, стоявшего за широкую коалицию с буржуазией и покорно поддерживавшего политику Керенского. После июльских дней Авксентьев входит в новое министерство в качестве министра внутренних дел, одновременно будучи председателем кулацкого исполкома Совета Крестьянских Депутатов. Как деятеля, близкого к демократии и цензовой буржуазии, его выдвигают на пост председателя Предпарламента, разогнанного в дни Октября. С первых же дней Октябрьской революции Авксентьев уходит в активную контр-революционную деятельность. Вначале он руководит деятельностью «Комитета Спасения Родины и Революции», позже — «Союза Возрождения России», явно белогвардейской организации. После самарского переворота Авксентьев перебирается в Самару, а на сентябрьском, уфимском совещании бело-эсеров его включают в состав Всероссийской Директории. В качестве председателя

последней Авксентьев, вместе с остальными ее членами, едет в Омск для «обволакивания» (словечко, пущенное самим Авксентьевым) сибирского черносотенного правительства. История эта кончилась, как известно, тем, что Авксентьев и К° получили адмиральский пинок в известное место. Уехав на пожертвованные Колчаком деньги за границу, Авксентьев там и до сих пор (1924 г.) занимается борьбой (печатной и устной) против Советской России.

Авксентьев является типичнейшей фигурой партии эс-эров. На нем явственнее всего оправдывается знаменитая фраза Маркса, что политическая этикетка отличается от обыкновенной только тем, что она обманывает не только других, но и самого владельца. Этот вождь «социалистов-революционеров» не был никогда ни социалистом, ни революционером, хотя и мнил себя тем и другим. «По своим убеждениям, — справедливо замечает Суханов, — направлению и складу, это — начитавшийся книг, размагниченный, тяготеющий к «народу», патриотически настроенный обыватель. По своим государственным и политическим способностям, это — круглый нуль, без сучка и задоринки» («Записки о революции», 3 книга, 153 стр.).

352) *Голынский, Исаак* — работник союза печатного дела. В ночь на 4 ноября 1905 г. захватил, сорганизовавши для этого группу рабочих, типографию «Нового Времени» для печатания «Известий Совета Рабочих Депутатов». Для поддержания почтово-телеграфной забастовки организовал патруль в 300 человек. По делу Петербургского Совета был сослан в Сибирь на поселение.

353) *Комар, Э. С.* — депутат Петербургского Совета Рабочих Депутатов в 1905 г. от завода военно-врачебных заготовок. По делу Петербургского Совета был сослан в Сибирь, откуда бежал. Умер эмигрантом в Америке.

354) *Симановский, А. А.* — корректор типографии А. Ф. Маркса, депутат от союза рабочих печатного дела, член Исполнительного Комитета.

А. Симановский стоял во главе комиссии, которой Исполнительным Комитетом было поручено практическое осуществление издания «Известия Совета Рабочих Депутатов». Энергичная деятельность этой комиссии и т. Симановского в частности описана в тексте настоящей книги в главе «Штурм цензурных бастилий». В настоящее время работает в Наркоминделе, член РКП (б.).

355) *Стогов Е.* — столяр вагоностроительного завода, член Исполнительного Комитета до 20 ноября 1905 г.

356) *Доктор Фейт* — член Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов (1905 г.), в котором был представителем Центрального Комитета партии социалистов-революционеров.

357) *Шанявский* — депутат от почтовотелеграфного союза, член Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов 1905 г. Как члену бюро почтово-телеграфного союза, ему были поручены сношения с Советом Рабочих Депутатов для получения помощи бастовавшим почтово-телеграфным служащим.

358) *«Товарищ»* — ежедневная газета, выходившая в 1906 г. с 15 марта. Газетой руководила группа «левых кадетов» (Прокопович, Кускова, Хижня-

ков, Богучарский и др.). Занимала крайне неуверенную, половинчатую, лево-либеральную позицию.

[359]) *Камышанский* — был прокурором петербургской судебной палаты в дни процесса Совета Рабочих Депутатов и во время столыпинской реакции.

[360]) *Приговор палаты по делу Петербургского Совета Рабочих Депутатов* — был вынесен 19 октября 1906 года в отсутствии подсудимых, так как последние отказались от дальнейшего присутствия на суде (после отказа суда в вызове Витте и Лопухина и приобщении к делу письма последнего).

Приговором палаты присуждены:

I. *К ссылке на поселение с лишением прав:*

1) Хрусталев, 2) Троцкий, 3) Злыднев, 4) Сверчков, 5) Зборовский, 6) Кнуньянц, 7) Авксентьев, 8) Немцов, 9) Киселевич, 10) Фейт, 11) Вайнштейн, 12) Голынский, 13) Комар, 14) Шанявский, 15) Симановский.

II. *К заключению в крепости:*

1) Стогов на 1 год 6 мес. с зачетом 10 мес. и 16 дней, проведенных в заключении; 2) Шевченко на 8 мес., с зачетом 3 мес. и 19 дней.

III. *Оправданы:*

1) Коссовский, 2) Мосолов, 3) Бабин, 4) Полетаев, 5) Расторгуев, 6) Сильверстов, 7) Бобров, 8) Петров, 9) Красин, 10) Луканин, 11) Филиппов, 12) Клейнц.

[361]) Разоблачения князя Урусова в I Думе доказали, что департаментом полиции содержится в помещении тайная типография, печатающая в огромных количествах черносотенные прокламации, открыто призывающие к погромам. В деле провокации погромов листовки охранки сыграли огромную роль. Когда лицо, открывшее типографию, обратилось к ее руководителю, офицеру жандармского корпуса Комиссарову, с вопросом о том, как идут «дела», Комиссаров ответил: «Погром устроить можно какой угодно, хотите на 10 человек, а хотите на 10 тыс.».

[362]) *Жандармский генерал Иванов* был вызван в суд для свидетельских показаний о методах, применявшихся при производстве дознания по делу Совета Рабочих Депутатов. Попав под перекрестный огонь вопросов со стороны защиты и подсудимых, Иванов был вынужден сделать целый ряд компрометирующих охранку разоблачений. Выяснилось, между прочим, что показания многих подсудимых, отказавшихся отвечать на вопросы следователя, были сфабрикованы самими жандармами и подписывались «понятыми» — швейцарами и дворниками того же жандармского управления. На вопрос т. Троцкого о его портфеле Иванов ответил, что портфель пропал в охранном отделении, и что это неизбежно так бывает со всякой вещью, попадающей туда.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ф

Х

Ч

Ш

Щ

Э

ОПЕЧАТКИ

Страница.	*Строчка.*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
XII	1 сверху	Советов	Совета
10	12 сверху	котора	которая
21	3 снизу	«единым	единым
21	2 снизу	Кака ялпростота»	Какая «простота».
23	14 сверху	вместе	вместо
60	2 снизу	выстрелила холостым	выстрелила не холостым
88	10 снизу	нечто	не что
92	6 снизу	нечто	не что
171	21 сверху	Имуще ственный	Имущественный
196	15 сверху	аждане	граждане
196	16 сверху	ных	ясных
196	17 сверху	тем	мы тем
228	8 сверху	анконец,	наконец,
288	1—2 снизу	«Начало» 227/№ 3, 16(28) ноября 1905 г.	«Известия СРД» № 6, 5 ноября 1905 г.
289	1 снизу	16(26)	16(29)
300	6 снизу	Петербургскии	Петербургский
301	17 сверху	Защищаите	Защищайте
331	18 сверху	безмолствующий	безмолвствующий
349	15 снизу	четвертых сеимилирует	четвертые ассимилирует
349	12 снизу	политическая	политических
349	11 снизу	выступленис, они зоставили	выступления, они заставили
349	10 снизу	сваим	своим
349	8 снизу	Девятогоиянваря	Девятого января
354	15 сверху	массе	массы
369	13 снизу	généraux	Généraux
426	18 сверху	объек. тивном	объек-тивном
430	15 сверху	партии	партия
450	6 снизу	предостережения	предостережении
471	20 сверху	кровавореакционных	кроваво реакционных
498	7 снизу	засталвяет	заставляет
498	8 снизу	свем	всем
515	2 снизу	петербугских	петербургских
521	1 сверху	До 1 января	До 9 января
524	13 снизу	*свой курс*	свой курс
574	14 сверху	дулыгинской	булыгинской
597	9 снизу	Рожденственским	Рождественским
619	22 сверху	нз	из
643	7 снизу	почтовотелеграфного	почтово-телеграфного

5p.

